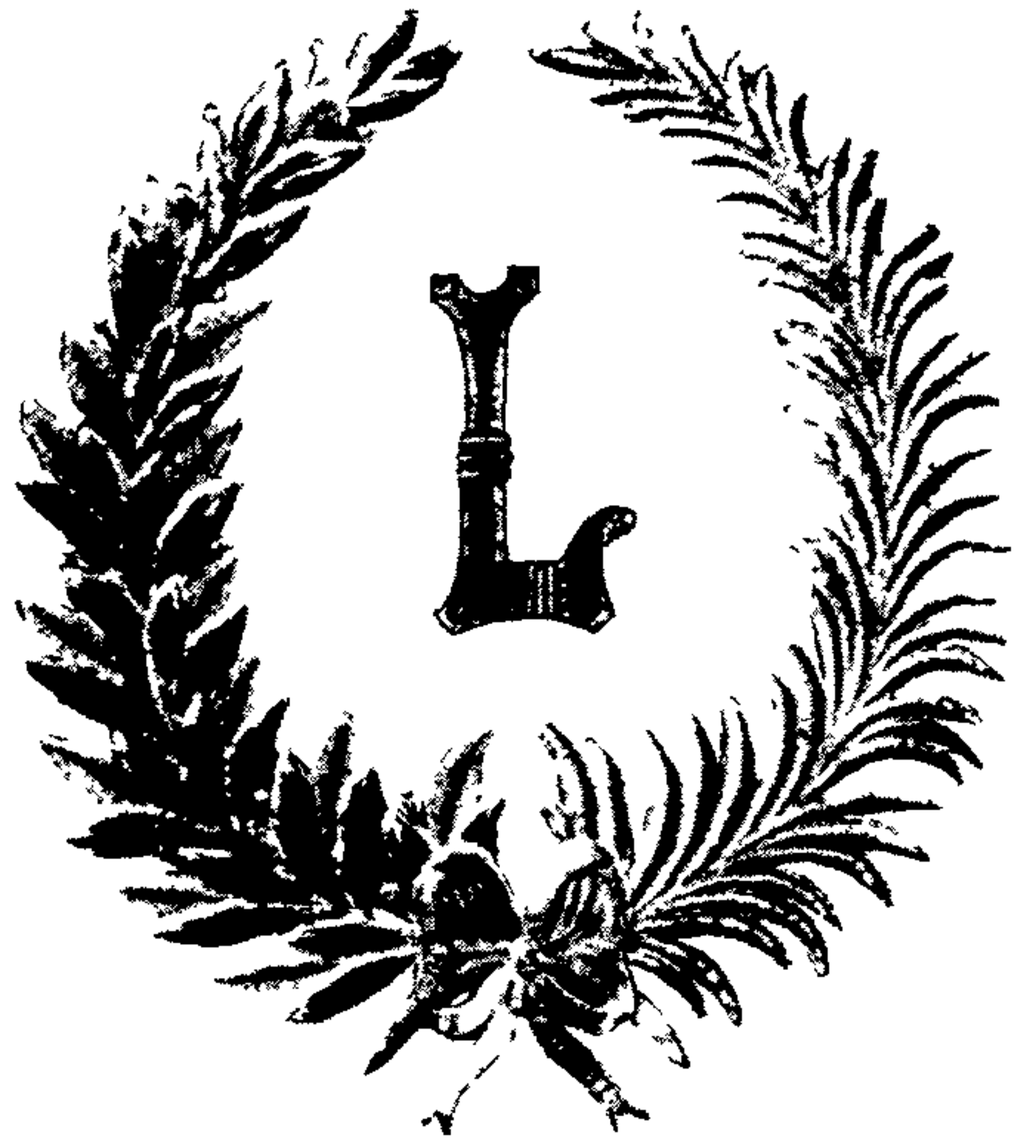

Г. А. ДЖАНШІЕВЪ.

КЪ ЮБИЛЕЮ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864—1914.

Г. А. ДЖАНШІЕВЪ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ.

Подъ редакціей ***В. П. ОБНИНСКАГО.***

Со вступительной статьей

акад. А. Ѳ. КОНИ

и перепиской **Г. А. Джаншіева** съ **А. Ѳ. Кони.**

Съ приложеніемъ портрета Г. А. Джаншіева.

ЗАДРУГА.

МОСКВА.
Типографія Т-ва Рябушинскихъ, Страстной бульваръ, собств. д.
1914.

Отъ редакціи.

Пѣвецъ эпохи великихъ реформъ Г. А. Джаншіевъ относится къ тому счастливому разряду писателей, чьи творенія не увядаютъ съ годами. Новыя поколѣнія черпаютъ въ нихъ бодрость и вѣру въ конечное торжество идеаловъ того времени, а уходящіе въ сторону отъ потока общественной жизни—воспоминанія о собственной своей дѣятельности. Но и независимо отъ чисто литературнаго интереса, работы Г. А. Джаншіева остаются доселѣ единственными въ своемъ родѣ историческими изслѣдованіями, въ особенности въ области судебной реформы. Нынѣ, въ полувѣковой юбилей этой реформы, мы естественно обратились къ имени и трудамъ того, кто живописалъ ея исторію и какъ ученый изслѣдователь, и какъ очевидецъ. Основы судебной реформы и духовные облики ея истинныхъ творцовъ, Д. Н. Замятнина и С. И. Зарудnаго, встаютъ предъ нами съ листовъ предлагаемаго сборника статей въ той именно кристальной ясности, которой были проникнуты, какъ сами Уставы 1864 г., такъ и люди, претворявшіе ихъ въ жизнь.

Вспоминая теперь годъ, когда началась постройка правового государства на развалинахъ безправнаго, нельзя обойти вниманіемъ зодчихъ, возведшихъ въ короткое время величественное зданіе, въ которомъ народъ впервые за тысячелѣтіе своей жизни нашелъ судъ скорый, правый и милостивый.

Въ наши дни, когда поколебались, лишь временно конечно, основы этого зданія, когда въ судъ широкой волной прихлы-

нули разрушительныя идеи и силы, особенно поучительно вернуться мыслью къ прошедшему.

Намъ хотѣлось, наконецъ, почтить память и самого автора этой книги, у котораго мы взяли только небольшую часть творенія его жизни. Перечитывая статьи Г. А. Джаншіева и въ особенности переписку его съ А. Ѳ. Кони, невольно вспоминаешь его живую, образную рѣчь и проницательный взоръ, какимъ онъ смотрѣлъ и на друзей, и на враговъ, и на совершавшуюся ломку строя, воспѣвать который онъ не переставалъ до конца своихъ дней.

Памяти Григорія Аветовича Джаншіева.

Судебные уставы 20 ноября 1864 г. явились однимъ изъ лучшихъ звеньевъ въ послѣдовательномъ ряду преобразованій Императора Александра II. Ими былъ рѣшительно и безповоротно упраздненъ старый судъ, снискавшій себѣ всеобщее неуваженіе. Просыпавшееся общественное правосознаніе не мирилось съ организованнымъ и замкнутымъ въ обветшавшія формы безсудьемъ, вооруженнымъ канцелярскимъ крючкотворствомъ, безгласностью, корыстной волокитой и шедшими въ разрѣзъ со здравымъ смысломъ и справедливостью пріемами и способами отысканія болѣе, чѣмъ сомнительной, истины. Поэтому обнародованіе Судебныхъ Уставовъ было встрѣчено единодушнымъ сочувствіемъ. Но „медовой мѣсяцъ“ обновленнаго суда продолжался недолго. По мѣрѣ того, какъ гласность, устность, непосредственность въ оцѣнкѣ доказательствъ и правовыхъ доводовъ и состязательное начало становились обычнымъ явленіемъ и входили въ плоть и кровь судопроизводства, живой общественный интересъ къ этимъ новшествамъ остывалъ, понемногу замѣняясь нездоровымъ любопытствомъ толпы къ сенсаціоннымъ подробностямъ процессовъ. Рядомъ съ этимъ стали поднимать голову тѣ, которыхъ можно назвать „потерпѣвшими отъ новаго суда“,—недовольные равноправіемъ предъ судомъ и примѣненіемъ новаго закона „не взирая на лица“. А затѣмъ противъ новыхъ учрежденій и ихъ дѣятелей, обобщая ихъ извинительныя во всякомъ дѣлѣ человѣческомъ единичныя ошибки и промахи въ общее печальное и тревожное органическое явленіе, начался походъ во вліятельной части печати. Людямъ, хранившимъ въ душѣ завѣты Судебныхъ Уставовъ и отдавшимъ всѣ свои силы судебной реформѣ, пришлось во многихъ отношеніяхъ стать въ тяжелое и нерѣдко совершенно беззащитное положеніе противъ инсинуацій и печатныхъ выпадовъ, въ которыхъ злобная

односторонность нерѣдко опиралась на невѣжественную неосвѣдомленность. Можно было бы, однако, несмотря на это, спокойно итти своей дорогой, если бы нападенія на судебное вѣдомство не находили для себя благопріятную почву въ области управленія и законодательства, постепенно расходившагося съ коренными началами, вложенными въ реформы шестидесятыхъ годовъ. Изъ этой области стали по временамъ грозить, а иногда и осуществляться различныя увѣчья по отношенію къ Судебнымъ Уставамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ силу нашего печальнаго свойства быстро нагрѣваться и скоро остывать, самый образъ служителя первыхъ годовъ обновленнаго суда сталъ подчасъ тускнѣть, расплываться и растрачивать прежнія черты. Такое положеніе вещей не могло не тревожить тѣхъ, кому были дороги Судебные Уставы и проникающая ихъ человѣчность и кто не могъ смотрѣть на этотъ величавый и стройный памятникъ законодательства, какъ на обыкновенный, обыденный законъ, выработанный въ бюрократической средѣ и измѣняемый подъ вліяніемъ „злобы дня". Для нихъ поэтому настоятельно возникала нравственная задача развивать и осуществлять основныя начала Уставовъ въ ихъ примѣненіи къ жизни—и словомъ, дѣломъ и собственнымъ примѣромъ оберегать ихъ отъ извращенія въ текущей судебной практикѣ. Предстояло въ ячейки огромнаго трудового улья, воздвигнутаго этими Уставами, вложить соотвѣтствующее содержаніе. Чѣмъ дальше шло время отъ составленія и обнародованія Судебныхъ Уставовъ, тѣмъ больше сходили со сцены ихъ создатели и живые истолкователи намѣреній въ нихъ вложенныхъ. Въ ихъ рѣдѣющіе ряды проникали то тутъ, то тамъ практики, въ глазахъ которыхъ временныя условія, случайныя явленія и превратно понимаемыя потребности жизни пріобрѣтали господство надъ „отживающими свой вѣкъ" идеалами составителей Судебныхъ Уставовъ. Поэтому на ряду съ личнымъ служеніемъ этимъ идеаламъ нужно было непрестанно и настойчиво напоминать о нихъ устнымъ и печатнымъ словомъ. Какъ бы ни были, однако, горячи, вдумчивы и житейски обоснованы эти напоминанія, ихъ однихъ было недостаточно. Люди не любятъ и избѣгаютъ думать логическими посылками; отъ продуманныхъ соображеній ихъ въ большинствѣ случаевъ удерживаетъ „лѣнь ума" и трудность отрѣшить-

ся отъ привходящихъ впечатлѣній дѣловой или бездѣльной суеты. Отсюда господство картинъ и образовъ, составляющихъ для большинства отправную точку мышленія. Они освѣщаютъ и направляютъ шаги человѣка или настойчиво рисуютъ, что грозитъ или привлекаетъ въ будущемъ. Такимъ образомъ явилась необходимость не только разсуждать и поучать о томъ, что вложено въ Судебные Уставы, но и описывать трудовой путь и благотворную дѣятельность ихъ составителей. Это особенно нужно у насъ, гдѣ забвеніе составляетъ такое быстро наступающее и обычное явленіе. Къ словамъ великаго поэта: „мы лѣнивы и не любопытны“ можно съ неменьшимъ основаніемъ прибавить: „и неблагодарны“. Необходимо напоминать живущихъ объ усопшихъ, вызывая симпатію и уваженіе къ дѣятелямъ правды и справедливости, оживляя ихъ нравственно привлекательные образы. Въ особенности это важно по отношенію къ молодому поколѣнію. Для него не можетъ быть безполезно или безплодно повѣствованіе о почтенной жизни и „непостыдной кончинѣ“ тѣхъ, чье служеніе родинѣ было безкорыстно, полно труда и терпѣнія, любви и чувства долга. Въ нашей общественной жизни бываютъ періоды, когда, при быстро наступающей и подолгу господствующей въ ней апатіи, смѣло поднимаются голоса, отрицающіе плодотворное дѣло прошлаго и взывающіе къ давно отжившимъ порядкамъ и ихъ сошедшимъ со сцены представителямъ.

Наступило полвѣка существованія Судебныхъ Уставовъ и невольно приходятъ на память имена людей, послужившихъ Уставамъ своимъ трудомъ и дарованіями каждый въ своей сферѣ дѣятельности и многое сдѣлавшимъ для уясненія ихъ происхожденія и условій дальнѣйшаго ихъ практическаго развитія. Въ этотъ свой трудъ они вложили свое духовное я и до конца жизни стояли на своемъ посту, несмотря на физическіе недуги и чрезвычайныя испытанія.

Одному изъ такихъ—къ сожалѣнію немногихъ—людей посвящена настоящая книга.

Григорій Аветовичъ Джаншіевъ отличался отъ единомышленныхъ съ нимъ по убѣжденіямъ и идеаламъ свойствами своей природы и характеромъ своей дѣятельности. Это былъ человѣкъ горячаго темперамента, страстный и впечатлительный. Тамъ, гдѣ другіе спокойно развивали свои взгляды, отмѣчая

холоднымъ сарказмомъ то, что имъ грубо противорѣчило или ихъ оскорбляло, Джаншіевъ пылалъ трудно сдерживаемымъ негодованіемъ и спѣшилъ высказаться горячимъ словомъ, подкрѣпляемымъ цитатами, сравненіями и поэтическими образами. Человѣкъ разносторонне и глубоко образованный, онъ черпалъ изъ богатаго запаса своей выдающейся памяти историческіе и философскіе аргументы, примѣры и сравненія, украшавшіе его основную мысль и переплетавшіеся съ нею. Въ его отношеніи къ реформамъ Александра II, обновившимъ и преобразившимъ общественный бытъ Россіи, неумолчно слышались восхищеніе и ревнивая тревога любящаго сердца. Посвятивъ почти всю свою дѣятельность исторіи этихъ преобразованій, онъ не сдѣлался историкомъ-лѣтописцемъ, который „спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ“, а поставилъ себѣ задачей закрѣпить по свѣжимъ слѣдамъ живое преданіе объ эпохѣ и ея дѣятеляхъ. Для этого онъ былъ неутомимъ не только въ разборѣ и разработкѣ архивныхъ матеріаловъ, но и въ отысканіи, выражаясь словами „Русской Правды“, видоковъ и послуховъ и въ разспросѣ ихъ. Это, если можно такъ выразиться, производство слѣдствія придало особую жизненность его печатнымъ трудамъ, обогатило ихъ интересными подробностями и дало ему возможность повѣдать читателямъ о душевномъ складѣ и житейскихъ испытаніяхъ описываемыхъ имъ дѣятелей. Онъ искалъ знакомства и личныхъ свиданій съ ними, или съ тѣми, кто ихъ близко зналъ, оставляя въ первыхъ, какъ, напримѣръ, въ Арцимовичѣ, Зарудномъ, Ровинскомъ и Стояновскомъ, впечатлѣніе человѣка. умѣвшаго въ мягкой и деликатной формѣ вызвать ихъ на воспоминанія о свѣтлыхъ годахъ лучшей поры ихъ дѣятельности и „о битвахъ, гдѣ вмѣстѣ рубились они“. Такъ составился рядъ монографій, проникнутыхъ исключительною теплотою и свободою мысли и слова, въ которыхъ яркими красками была обрисована трудовая жизнь выдающихся сотрудниковъ Царя-Освободителя въ рядѣ его послѣдовательныхъ реформъ. Этими монографіями въ общественномъ сознаніи закрѣплялась память о добрыхъ радѣтеляхъ на житейской нивѣ и оставлялся прочный, образный слѣдъ въ душѣ тѣхъ, кто былъ способенъ прислушаться къ голосу автора. Его нельзя было обвинить въ невѣрномъ изложеніи фактовъ, но иногда его упрекали въ томъ, что онъ говорилъ

объ излюбленныхъ имъ дѣятеляхъ и ихъ общественныхъ заслугахъ въ возвышенномъ и хвалебномъ тонѣ. Но тонъ этотъ былъ, однако, вполнѣ искренній. И въ частной бесѣдѣ съ Джаншіевымъ и въ голосѣ его во время публичныхъ чтеній чувствовался тотъ внутренній огонь, который невольно для автора вырывался на бумагу и согрѣвалъ его отзывы. Притомъ Джаншіевъ былъ способенъ и на суровыя характеристики. Достаточно припомнить хотя бы его отзывы о графахъ Пининѣ, Д. А. Толстомъ и Валуевѣ въ статьяхъ объ освобожденіи крестьянъ, отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, цензурной и судебной реформахъ. Наконецъ, такъ ли у насъ часты и заурядны сочувственные и при томъ заслуженные отзывы объ общественныхъ дѣятеляхъ? Не преобладаютъ ли даже и въ благосклонныхъ оцѣнкахъ разрушающія ихъ добавки, начинающіяся словами „но“ и „хотя“? По своему темпераменту Джаншіевъ не былъ способенъ на неопредѣленность, оговорки и недомолвки, и къ нему нельзя было примѣнить словъ Апокалипсиса: „знаю дѣла твои: ты не холоденъ и не горячъ, ты только тепелъ“.

Самымъ выдающимся трудомъ Джаншіева безспорно слѣдуетъ признать его книгу: „Эпоха великихъ реформъ“. Трудно указать среди работъ по исторіи нашего законодательства болѣе живую, доступную по изложенію и проникнутую глубокой гуманностью и здоровой терпимостью книгу, чѣмъ эта. Не даромъ она въ первые четыре года съ своего появленія выдержала шесть изданій изъ семи въ общемъ количествѣ около двѣнадцати тысячъ экземпляровъ. Каковъ бы ни былъ кругозоръ и объемъ задачи будущаго историка Россіи въ періодъ преобразованій шестидесятыхъ и первой половины семидесятыхъ годовъ, онъ не обойдется безъ справокъ съ этой замѣчательной книгой, въ которой тщательное изложеніе хода законодательныхъ работъ переплетается съ яркими образами работниковъ и съ отголосками литературныхъ мнѣній. Предъ читателемъ проходитъ дѣйствительно вся эпоха великихъ реформъ съ вызвавшими ихъ причинами и побужденіями, съ упорной борьбой противъ нихъ за старое и отживающее и со стремленіями свести ихъ „на нѣтъ“, когда онѣ свершились. И въ заключеніе звучитъ тризна по тѣмъ изъ ушедшихъ, чья жизнь была связана съ ихъ осуществленіемъ, и привѣтъ остаю-

щимся въ живыхъ. Въ общемъ она производитъ бодрящее впечатлѣніе и будитъ вѣру въ то, что такая эпоха не только можетъ, но и должна повториться. Книга посвящена Грановскому и Бѣлинскому, къ памяти которыхъ Джаншіевъ относился съ благоговѣніемъ. „Есть имена, — говоритъ Джаншіевъ по поводу Бѣлинскаго,—при произнесеніи которыхъ невольно обнажается голова! Есть писатели, жизнь и творенія которыхъ такъ чисты и возвышенны, что чѣмъ больше съ ними знакомишься, тѣмъ больше проникаешься къ нимъ уваженіемъ, удивленіемъ, почти благоговѣніемъ. Такія имена какъ бы очищаютъ человѣка, нейтрализуютъ все, что есть въ немъ мелкаго, низменнаго, мутнаго и, наполняя сознательнымъ умиленіемъ сердца почитателей, вырываютъ дань невольнаго уваженія даже у враговъ". Старинный пріемъ помѣщенія предъ каждой главой умѣло подобранныхъ эпиграфовъ придаетъ этой книгѣ нѣсколько необычный, милый видъ, напоминающій тридцатые и сороковые годы. Половина дохода съ послѣднихъ изданій „Эпохи великихъ реформъ" предназначена была на благотворительныя цѣли. Такимъ образомъ, описывая жизнь и трудъ созидателей этихъ реформъ, онъ пріобщалъ ихъ къ доброму дѣлу и послѣ ихъ смерти. Особенною любовью Джаншіева между ними пользовался такъ много сдѣлавшій для судебной реформы Сергѣй Ивановичъ Зарудный. Съ особымъ уваженіемъ останавливался Джаншіевъ на его плодотворной законодательной дѣятельности въ подготовленіи крестьянской и судебной реформъ и съ особымъ участіемъ на его трагической судьбѣ, лишившей его возможности работать въ новомъ судѣ и замкнувшей его въ обветшалыя стѣны стараго суда, въ которыхъ онъ бился какъ рыба объ ледъ. Джаншіевъ сталъ какъ бы „сторожевою тѣнью" у безвременной могилы этого замѣчательнаго человѣка, неоцѣненнаго при жизни, и энергично отражалъ въ печати придирчивую критику узкихъ буквоѣдовъ и невѣжественныя нападенія „Дневниковъ" князя Мещерскаго на юридическіе труды и изданія Заруднаго.

Неприкосновенность главныхъ положеній „Судебныхъ Уставовъ" была предметомъ душевной заботы Джаншіева, но онъ могъ ратовать за нее только въ печати. „Помогите мнѣ Вашимъ богатымъ опытомъ,—писалъ онъ оберъ-прокурору кассаціоннаго суда — вѣдь я почти одинъ въ неравной борьбѣ съ

врагами новаго суда". — Судьба, дальнѣйшее существованіе и развитіе двухъ институтовъ, подвергшихся наибольшимъ нападеніямъ и особенно ему дорогихъ, заставляла его чутко прислушиваться и приглядываться ко всему, что ихъ касалось.

Въ судѣ присяжныхъ онъ видѣлъ одно изъ лучшихъ созданій составителей Судебныхъ Уставовъ, стоившее имъ не малой и трудной борьбы. И, дѣйствительно, судъ присяжныхъ въ своемъ живомъ осуществленіи соединялъ въ себѣ, какъ въ фокусѣ, всѣ общія начала, внесенныя Судебными Уставами въ отправленіе уголовнаго правосудія, а именно—независимость и самостоятельность судьи,—внутреннее убѣжденіе при рѣшеніи дѣла, свободное отъ предустановленной оцѣнки доказательствъ,—рѣшительный выводъ о винѣ или невиновности, не подлежащій отмѣнѣ или пересмотру, если только онъ сдѣланъ при соблюденіи формъ и обрядовъ процесса,—господство живого слова взамѣнъ безцвѣтнаго однообразія письменнаго изложенія и связанная съ этимъ непосредственность воспріятія впечатлѣній, вліяющихъ на слагающееся заключеніе относительно подсудимаго, и наконецъ, участіе самого общества въ отправленіи правосудія. Какъ вдумчивый изслѣдователь подготовительныхъ работъ къ изданію Судебныхъ Уставовъ, Джаншіевъ зналъ, что судъ присяжныхъ въ Россіи имѣлъ очень слабые и сомнительные корни въ дореформенномъ прошломъ Россіи и что всѣ эти цѣловальники, судные мужи и засѣдатели нашихъ старыхъ судовъ по характеру и объему своей дѣятельности имѣли очень мало общаго съ присяжнымъ засѣдателемъ, созданнымъ Судебными Уставами: онъ зналъ также, какъ разносторонне и, говоря словами поэта, „горестно и трудно" разрабатывался этотъ институтъ при составленіи основныхъ положеній судебнаго преобразованія. Ему были извѣстны въ подробности отрицательные взгляды на судъ присяжныхъ такого вліятельнаго законодательнаго дѣятеля, какъ гр. Блудовъ, такого опытнаго законовѣда-практика, какъ Корніолинъ-Пинскій, и такого ученаго юриста, какъ Спасовичъ, исходившіе изъ предположенія о неспособности русскаго человѣка отличать законъ отъ распоряженія начальства, преступника отъ несчастнаго, справедливость отъ милосердія и служеніе потребностямъ государства отъ личныхъ чувствъ и настроеній. Извѣстна ему была и точка зрѣнія на судъ присяжныхъ, какъ на учрежденіе

политическое, несовмѣстимое со строго монархическимъ строемъ Россіи и заимствованное съ „тлетворнаго Запада“, на континентѣ котораго этотъ судъ составилъ одно изъ наслѣдій мятежныхъ переворотовъ. Съ глубокимъ сочувствіемъ прослѣдилъ онъ, какъ видно изъ его ссылокъ въ „Эпохѣ реформъ“, за походомъ, предпринятымъ Ровинскимъ, Буцковскимъ и Зарудным, противъ позицій, занятыхъ противниками присяжныхъ, походомъ въ защиту нравственнаго достоинства русскаго народа, его способности принять и усвоить себѣ учрежденіе, проникнутое довѣріемъ къ нему, а также необходимости въ дѣлѣ суда разумнаго раздѣленія вопросовъ факта и права. Поэтому онъ не могъ не предвидѣть, что учрежденію, не связанному съ прошлымъ, не имѣющему за собой предшествовавшаго опыта и построенному исключительно на довѣріи къ духовнымъ силамъ народа, предстоитъ тернистый путь. Такъ оно и случилось.

Встрѣченный сначала общимъ сочувствіемъ даже со стороны будущихъ настойчивыхъ и ожесточенныхъ враговъ, судъ присяжныхъ недолго могъ похвалиться тѣмъ, что по отношенію къ нему существуетъ „миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе“. Когда прошелъ интересъ новизны и состоялось нѣсколько рѣшеній, не оправдавшихъ начальственной увѣренности или не удовлетворявшихъ предвзятому общественному взгляду, а также казавшихся лишенными основанія читателямъ поверхностныхъ и односторонних печатныхъ отчетовъ, начались сначала единичныя, а потомъ систематическія нападки на судъ присяжныхъ. Люди, не присутствовавшіе въ самомъ засѣданіи, гдѣ развертывался процессъ съ его неуловимыми для читателя, но важными для слушателя подробностями и впечатлѣніями, стали считать себя въ правѣ обрушиваться на представителей общественной совѣсти, называя ихъ—подчасъ выстраданныя на пути сомнѣній и сознанія своей нравственной отвѣтственности—рѣшенія возмутительными, а самый судъ присяжныхъ—„судомъ улицы“. Все это создало вокругъ этого суда атмосферу недоброжелательства и даже, въ лучшемъ случаѣ, равнодушія и крайней медленности въ устраненіи недостатковъ въ организаціи и правилахъ дѣятельности этого института. Въ теченіе многихъ и многихъ лѣтъ не было сдѣлано ничего для улучшенія дѣятельности коммиссій, составлявшихъ списки присяжныхъ, для

прекращенія своеобразной „игры въ прятки“ въ видѣ запрещенія говорить присяжнымъ о карательныхъ результатахъ ихъ обвинительнаго приговора, для устраненія излишнихъ и вслѣдствіе этого потерявшихъ свое значеніе обрядностей и т. п. Однимъ словомъ этотъ судъ почти до послѣдняго времени не былъ, „любящей рукой ни охраненъ, ни обезпеченъ“. Мало этого: эта же рука повліяла чрезъ посредство Сената на то, что недостаточные присяжные засѣдатели изъ сельскихъ обывателей были лишены необходимаго матеріальнаго пособія, которое охотно принимали на себя многія земства. Дѣятели судебнаго вѣдомства, сознававшіе эти недостатки, не принимали долгое время участія въ нападеніяхъ на судъ присяжныхъ. Они понимали, какое подспорье для правосудія онъ составляетъ, и видѣли на личномъ опытѣ, сколько безкорыстнаго труда и сознанія своей служебной повинности и нравственной отвѣтственности предъ обществомъ вносили присяжные ежедневно по массѣ дѣлъ. Среди этой массы лишь рѣдко выдавались рѣшенія, съ которыми можно было не соглашаться со строго юридической точки зрѣнія, но которыя становились понятными съ точки зрѣнія житейской правды и безпристрастнаго отношенія къ судебному матеріалу, развернутому свидѣтелями, сторонами и экспертами предъ судьями общественной совѣсти, для которыхъ „сдѣлалъ“ и „виновенъ“ не могли быть синонимами. Не такъ однако относилось къ русскому суду присяжныхъ центральное вѣдомство—министерство юстиціи. Въ его нѣдрахъ постоянно возникали совѣщанія о необходимости подъ давленіемъ вліятельнаго недовольства причинить этому суду то или другое увѣчье, при чемъ это намѣреніе прикрывалось обыкновенно лицемѣрнымъ или близорукимъ желаніемъ спасти эту форму суда въ Россіи въ забвеніи, что ему въ концѣ-концовъ придется propter vitam vivendi perdere causas... Эти попытки вылились, наконецъ, въ проектѣ устраненія присяжныхъ отъ участія въ дѣлахъ о преступленіяхъ должности и противъ порядка управленія, получившемъ свое осуществленіе въ законѣ 1878 года, послѣдовавшемъ послѣ громкаго процесса, въ приговорѣ, по которому вмѣсто поучительнаго урока усмотрѣнъ былъ лишь поводъ къ сокращенію подсудности суду присяжныхъ.

Все это видѣлъ и предчувствовалъ Джаншіевъ. Его благородная тревога за судьбу суда присяжныхъ отражалась въ его

письмахъ, личныхъ бесѣдахъ и статьяхъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“. Онъ былъ особенно взволнованъ заключеніемъ оберъ-прокурора Неклюдова при кассаціонномъ разсмотрѣніи извѣстныхъ дѣлъ Мельницкаго и Свиридова. Оно могло дать сильное оружіе въ руки противниковъ суда присяжныхъ, тѣмъ болѣе острое, что было произнесено съ необычнымъ въ подобнаго рода заключеніяхъ паѳосомъ и исходило отъ авторитетнаго и виднаго представителя судебнаго вѣдомства. Не даромъ противъ этого заключенія выступилъ со всей силой своего таланта и аргументаціи знаменитый Спасовичъ, признавъ тѣмъ самымъ ошибочность своего стараго взгляда на этотъ судъ и удостовѣривъ его высокое бытовое и правовое значеніе. Послѣдующія десять лѣтъ прошли для этого суда сравнительно благополучно. Кассаціонный Сенатъ въ значительной степени раздѣлилъ взглядъ тогдашней оберъ-прокуратуры на присяжныхъ, какъ на сложную, тонкую и воспріимчивую организацію, для правильной работы которой необходимо тщательное соблюденіе условій и формъ, связанныхъ съ ея существомъ. Нельзя ожидать удовлетворительнаго вердикта тамъ, гдѣ къ несовершенству уголовнаго закона присоединяется необдуманная или неправильная постановка вопросовъ, гдѣ въ руководящемъ напутствіи не разъясняется важность и сущность преступленія, а преподаются превратныя понятія о его значеніи, гдѣ страстность и личныя пререканія сторонъ замѣняютъ спокойное достоинство совмѣстной работы, гдѣ въ дѣло наносится масса ненужнаго матеріала, утомляющаго и отвлекающаго вниманіе отъ сущности дѣла, и гдѣ, благодаря этому, извращается уголовная перспектива, и подсудимый съ потерпѣвшимъ мѣняются ролями. Данное въ этомъ смыслѣ заключеніе по дѣлу Палемъ, обвинявшейся въ убійствѣ студента Довнара, привело Джаншіева въ трогательное восхищеніе. Видя въ немъ не безъ основанія стремленіе перенести центръ тяжести обвиненія присяжныхъ въ постановленіи рѣшенія, несогласнаго со справедливостью, на дѣйствительно виновныхъ въ неправильномъ веденіи дѣла, начиная съ предварительнаго слѣдствія, онъ называлъ это заключеніе въ письмѣ къ тогдашнему оберъ-прокурору и въ статьѣ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ начинающимъ эпоху въ дѣятельности кассаціоннаго суда (Epochenmachendes). Образованная затѣмъ коммиссія о пересмотрѣ Судебныхъ Уставовъ

подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Муравьева, возбудила въ Джаншіевѣ большія упованія. Онъ надѣялся, что она закрѣпитъ окончательно въ русской жизни любимую имъ форму суда и въ обширной статьѣ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ восторженно привѣтствовалъ отчетъ о совѣщаніи старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ Судебныхъ Палатъ о достоинствахъ и недостаткахъ суда присяжныхъ и суда съ сословными представителями, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ пишущаго эти строки въ декабрѣ 1894 года. И, дѣйствительно, не могло не оказаться, что вопросъ о прочности суда присяжныхъ долженъ быть разрѣшенъ утвердительно и безповоротно послѣ того, какъ совѣщаніе, послѣ трехдневнаго обмѣна мнѣній, признало, что „этотъ жизненный судъ, имѣющій облагораживающее вліяніе на народную нравственность, служащій проводникомъ народнаго правосознанія, не только не долженъ отойти въ область преданій, но, напротивъ, укрѣпиться въ нашей жизни. Русскій присяжный засѣдатель, въ особенности изъ крестьянъ, относящійся къ своему дѣлу, какъ къ дѣлу служенія совѣсти, кладущій нерѣдко призывную повѣстку, сулящую ему тяжелый трудъ и матеріальныя лишенія, за образа, честно и стойко выноситъ тотъ опытъ, которому его подвергъ законодатель. Ознакомясь съ отчетомъ о совѣщаніи, Джаншіевъ писалъ: „Давно уже ничего не приходилось читать съ такимъ отраднымъ чувствомъ; стосковавшаяся, близкая къ отчаянію душа начинаетъ окрыляться надеждами“...

Но радость Джаншіева была однако преждевременна. Не прошло и года, какъ настроеніе чуткаго къ вѣяніямъ времени руководителя Коммиссіи измѣнилось кореннымъ образомъ, и точно по сигналу начался въ юридической печати рѣшительный походъ противъ суда присяжныхъ, атакованнаго съ разныхъ сторонъ судебными дѣятелями, занимавшими видное служебное положеніе, придававшее ихъ голосу особый вѣсъ. Эти нападенія были гораздо опаснѣе, несмотря на свою сравнительно сдержанную у нѣкоторыхъ авторовъ форму, и могли имѣть гораздо большее вліяніе, чѣмъ заключенія Неклюдова по единичнымъ дѣламъ, данныя притомъ при исполненіи служебныхъ обязанностей своего званія. Здѣсь одновременно мобилизовались судебные дѣятели, выступавшіе съ цѣлыми трактатами, обнимавшими вопросъ о пригодности суда присяжныхъ и на основаніи

своего личнаго практическаго опыта, котораго у Неклюдова,—бывшаго мирового судьи и старшаго юрисконсульта министерства юстиціи—быть не могло. приходили къ заключенію о его непригодности. Двое изъ этихъ авторовъ—В. Ф. Дейтрихъ и Кичинъ—были видными дѣятелями въ прокурорскомъ надзорѣ и въ петербургскомъ Окружномъ Судѣ, занимая въ томъ и другомъ выдающееся положеніе. Они впервые высказывали печатно свой взглядъ на судъ присяжныхъ. Можно было не соглашаться съ ними и полемизировать спокойно, сожалѣя лишь о томъ, что у суда присяжныхъ въ то время, когда онъ казался упроченнымъ, явились страстные противники, отрицавшіе за нимъ въ значительной степени самое право существованія въ томъ видѣ, какъ оно начертано составителями Судебныхъ Уставовъ. Въ другой окраскѣ представился третій авторъ И. П. Закревскій, прошедшій большую практическую службу въ петербургскомъ Окружномъ Судѣ и въ качествѣ прокурора Казанской и Харьковской Судебныхъ Палатахъ и отдыхавшій на курульномъ креслѣ послѣ довольно неудачнаго исполненія обязанности оберъ-прокурора I департамента. Онъ, когда-то напи-савшій нѣсколько весьма основательныхъ статей, въ которыхъ сопоставляя присяжныхъ съ сословными представителями и шеффенами отдавалъ первымъ блестящее преимущество и предостерегалъ противъ всякихъ поспѣшныхъ преобразованій въ этомъ безупречномъ въ своей цѣлесообразности институтѣ, выступилъ совершенно неожиданно для всѣхъ знавшихъ и раздѣлявшихъ его прежніе взгляды, съ рядомъ статей и запальчивыхъ фельетоновъ, въ которыхъ рекомендовалъ преобразованія такого рода, что они сводились къ уничтоженію суда присяжныхъ „во имя чувства законности“.—Глумясь надъ присяжными и ихъ защитниками, перемѣшивая анекдоты съ инсинуаціями, негодуя на людей, стремящихся сберечь эту форму суда, онъ заявлялъ себя рѣшительнымъ его противникомъ. Такое поведеніе Закревскаго до крайности взволновало Джаншіева. Его письма по этому поводу полны рѣзкихъ характеристикъ „элукубрацій Закревскаго“. Но онъ не ограничился высказываніемъ своего возмущенія въ кругу друзей и знакомыхъ. Онъ немедленно выступилъ противъ него съ выдержавшей два изданія брошюрой „Судъ надъ судомъ присяжныхъ“, въ которой шагъ за шагомъ, разбирая выпады и выходки

Закревскаго показалъ всю ихъ несостоятельность и натянутость, а также легкомысліе и явную тенденціозность автора. Подкопы Закревскаго подъ судъ присяжныхъ были оцѣнены по достоинству въ появившихся затѣмъ статьяхъ Случевскаго и Арсеньева и въ рядѣ рѣчей, произнесенныхъ въ нарочито устроенномъ засѣданіи петербургскаго юридическаго общества. Но брошюра Джаншіева не утратила отъ этого своего возвышеннаго характера. Здѣсь не мѣсто приводить изъ нея отдѣльныя изреченія. Достаточно сказать, что изъ каждой ея главы звучитъ не только полный эрудиціи, остроумія и сдерживаемаго негодованія голосъ истиннаго юриста, но и „святая ревность гражданина“. Брошюра Джаншіева, отмѣченная почти всѣми серьезными періодическими изданіями дала нравственное удовлетвореніе всѣмъ, кому были дороги завѣты составителей Судебныхъ Уставовъ. Быть можетъ, *она осталась и не безъ вліянія* на Закревскаго, потому что въ спеціально созданномъ статсъ-секретаремъ Муравьевымъ засѣданіи коммиссіи для рѣшенія вопроса, слѣдуетъ ли сохранить на будущее время судъ присяжныхъ, онъ въ разрѣзъ съ Кичинымъ и Дейтрихомъ, прямодушно заявившими, что остаются при высказанныхъ ими въ печати мнѣніяхъ, внезапно отказался отъ своего новаго взгляда и заявилъ, что его критика суда присяжныхъ была лишь теоретическаго свойства и что онъ подаетъ голосъ за сохраненіе этой формы суда въ Россіи.

Едва ли нынѣ можно думать, что суду присяжныхъ предстоятъ новыя испытанія, заставляющія опасаться за его прочность. Въ этой мысли между прочимъ укрѣпляетъ рѣчь настоящаго министра юстиціи И. Г. Щегловитова въ Государственномъ Совѣтѣ по законопроекту о порядкѣ преслѣдованія за преступленія по должности, въ которой онъ рядомъ всесторонникъ доводовъ отстаивалъ принятое Государственной Думой возвращеніе къ старому порядку Судебныхъ Уставовъ, состоявшему въ томъ, что судьями по всѣмъ важнымъ преступленіямъ должности являлись присяжные засѣдатели. Еще въ началѣ девятисотыхъ годовъ въ юридическихъ кругахъ вызвало особое вниманіе и сочувствіе его оберъ-прокурорское заключеніе по дѣлу Семенова, окончательно разъяснившее широкое и глубокое значеніе слова „виновенъ“ и „не виновенъ“ въ вердиктѣ присяжныхъ. Недавняя статья его въ журналѣ Мини-

стерства Юстиціи о новыхъ попыткахъ измѣнить постановку присяжнаго суда въ Западной Европѣ, разбираетъ со строгой критикой современныя фальсификаціи суда присяжныхъ и замѣны его сомнительнымъ суррогатомъ, въ которомъ отъ истиннаго суда представителей общественной совѣсти остается лишь формальная скорлупа, облекающая чуждое ей зерно. Все это значительно успокоиваетъ за будущность суда присяжныхъ, но нельзя не признать большой заслуги Джаншіева въ томъ, что онъ неустанно, словомъ и своимъ талантливымъ перомъ, служилъ тому виду суда, въ который онъ увѣровалъ въ его свѣтлые дни и которому оставался вѣренъ, когда этотъ судъ „обрѣтался не въ авантажѣ“ и ему наносились предательскіе удары, такими „перегибательными духомъ“ судебными дѣятелями, какъ Закревскій.

Поклонникъ и строгій догматикъ Судебныхъ Уставовъ, Джаншіевъ не могъ, однако, ограничиться однимъ разборомъ ихъ внѣшней конструкціи и горячей защитой ея отъ всякихъ посягательствъ подъ вліяніемъ той или другой злобы дня. Присущая ему вдумчивость заставляла его заглядывать, такъ сказать, внутрь Судебныхъ Уставовъ и читать между строкъ тѣ статьи, которыми устанавливался порядокъ дѣйствій различныхъ органовъ правосудія. Судебные Уставы походили на обширную постройку, величественную въ цѣломъ, выдержанную въ своихъ отдѣльныхъ частяхъ, говорившую всей своей совокупностью о возвышенныхъ и широкихъ замыслахъ строителя. Но внутри ея должны были пребывать и дѣйствовать люди, присущія которымъ вообще свойства могли подчасъ итти въ разрѣзъ не только съ замысломъ, но и съ довѣріемъ строителя. Въ задачу послѣдняго, однако не входило и не могло входить начертаніе подробностей поведенія этихъ людей. Онъ могъ лишь ограничиться самыми общими указаніями на образъ ихъ дѣйствія. Между тѣмъ необходимо было гармоническое соотвѣтствіе величавости зданія съ той жизнью, которая происходитъ внутри его. Отсюда возникла необходимость тщательнаго изученія коренныхъ основъ поведенія лицъ, призванныхъ содѣйствовать отправленію правосудія. Это поведеніе не есть простая совокупность поступковъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ въ порядкѣ, начертанномъ Судебными Уставами,—это систематическій и послѣдовательный рядъ дѣяній,

связанныхъ между собою однимъ и тѣмъ же нравственнымъ побужденіемъ и одною и тою же цѣлью. Иными словами, это есть сознательный образъ дѣйствій, одинаково примѣнимый ко всѣмъ разнообразнымъ случаямъ судебно-бытовой жизни. Не предписанія положительнаго закона, а нравственныя требованія должны играть здѣсь главную роль. На первомъ планѣ тутъ не догма, но этика. Указанія на отступленія тѣхъ или другихъ судебныхъ дѣятелей отъ этическихъ требованій, вытекающихъ изъ внутренняго смысла ихъ правильно понимаемыхъ задачъ, разсыпаны во многихъ статьяхъ и замѣткахъ Джаншіева, помѣщенныхъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“. Но съ особенною чуткостью въ этомъ смыслѣ относился онъ къ этическимъ условіямъ дѣятельности адвокатуры. Эта дѣятельность въ виду сложныхъ и многоразличныхъ отношеній защитника и повѣреннаго къ своему кліенту, довѣрителю и къ обществу представляетъ много поводовъ для предъявленія требованій, почерпнутыхъ изъ области нравственной. Цѣлый рядъ общихъ и частныхъ вопросовъ вызывается разнообразіемъ взглядовъ на дѣятельность адвоката. По мнѣнію однихъ „эта дѣятельность есть общественное служеніе; адвокатъ долженъ быть vir bonus, dicendi peritus, вооруженный знаніемъ и непоколебимой честностью, умѣренный въ пріемахъ, чуждый корысти, независимый въ убѣжденіяхъ, стойкій въ исполненіи своихъ обязанностей. Онъ правозаступникъ, но не слуга своего кліента и не пособникъ ему въ стремленіи къ неправому прибытку или къ уходу отъ заслуженной кары правосудія. Будучи другомъ и совѣтникомъ человѣка, помощь которому онъ принялъ на себя, онъ въ то же время въ своемъ трудѣ является слугою государства и не долженъ дѣйствовать во вредъ его нравственнымъ интересамъ. Адвокатъ, по мнѣнію другихъ, есть производитель труда, составляющаго извѣстную цѣнность, оплачиваемую эквивалентомъ въ зависимости отъ тяжести труда и способности работника. Какъ для врача въ его практической дѣятельности не можетъ быть дурныхъ и хорошихъ людей. заслуженныхъ и незаслуженныхъ болѣзней, а есть лишь больные, нуждающіеся въ помощи, — такъ и для защитника нѣтъ чистыхъ и грязныхъ, правыхъ и неправыхъ дѣлъ, а есть лишь случаи развить силу своихъ знаній и тонкость своей діалектики, служа ближайшимъ интересамъ кліента и не заглядывая на далекій горизонтъ общественнаго блага.

Для Джаншіева. конечно не было выбора между этими двумя взглядами и. вполнѣ раздѣляя первый, онъ не могъ не сознавать, какую опасность должно представить широкое внѣдреніе второго изъ нихъ въ пріемы и нравы адвокатуры. Присяжный повѣренный по Судебнымъ Уставамъ, пришедшій на смѣну старыхъ ходатаевъ и дѣльцовъ съ задняго крыльца, былъ встрѣченъ общимъ сочувствіемъ и въ обществѣ и въ печати. Но годы такого сочувствія вскорѣ миновали. Общество стало смѣшивать присяжныхъ повѣренныхъ съ частными ходатаями, созданными послѣдующимъ законодательствомъ, не имѣющими корпоративнаго устройства и вносившими въ судебную практику нерѣдко образъ дѣйствій, не соотвѣтствовавшій тѣмъ нравственнымъ требованіямъ, которыя можно предъявлять къ адвокату. А сатирическая литература, въ несправедливомъ обобщеніи, выработала нѣсколько типовъ и создала нѣсколько типическихъ названій, примѣняя ихъ „для краснаго словца“ огульно ко всей адвокатурѣ. Это обобщеніе было уже потому несправедливо, что не слѣдовало забывать про многолѣтнюю безкорыстную дѣятельность присяжныхъ повѣренныхъ во множествѣ дѣлъ, ведомыхъ по порученію суда. Вотъ почему Джаншіевъ съ особой тревогой относился къ возникавшимъ на практикѣ вопросамъ адвокатской дисциплины, между которыми, на первомъ мѣстѣ, съ особой остротой возникалъ вопросъ о веденіи такъ-называемыхъ неправыхъ дѣлъ. Являясь въ своихъ трудахъ защитникомъ правъ адвокатскаго сословія и отстаивая ихъ въ горячо написанныхъ статьяхъ и особыхъ изслѣдованіяхъ, богатыхъ справками изъ исторіи законодательства, онъ въ то же время настойчиво предостерегалъ адвокатуру отъ ложнаго толкованія и примѣненія понятія о свободѣ въ выборѣ дѣлъ и пріемовъ для ихъ успѣшнаго веденія. Онъ ставилъ присяжнымъ повѣреннымъ въ непремѣнную обязанность придерживаться нравственныхъ основъ въ своей дѣятельности, опасаясь, что замѣна этихъ основъ одними практическими соображеніями о юридической возможности неминуемо должна приводить къ внутреннему и внѣшнему паденію въ обществѣ уваженія къ адвокатурѣ. Въ этомъ предусмотрительномъ опасеніи сказывался настоящій другъ необходимаго для гарантіи правосудія учрежденія въ современномъ судѣ, построенномъ на состязательномъ началѣ.

Онъ ясно сознавалъ, что нужно итти къ приведенію нравственнаго чувства лучшей части общества въ гармонію съ задачами и пріемами повѣренныхъ и защитниковъ. Эта гармонія нарушается и можетъ обратиться въ справедливую тревогу при видѣ того, какъ защита обвиняемаго обращается въ защиту преступленія, въ которомъ онъ обвиняется, или какъ широко оплаченная ораторская помощь отдается въ пользованіе эксплуататору чужой нужды, притѣснителю слабыхъ, развратителю невинныхъ, алчному искателю „неправеднаго прибытка“ или, наконецъ, расхитителю чужихъ трудовыхъ сбереженій. Несмотря на это, въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, въ судебно-дисциплинарной практикѣ былъ высказанъ взглядъ, что присяжный повѣренный, которому Совѣтомъ поручено веденіе дѣла лица, пользующагося правомъ бѣдности, ни въ коемъ случаѣ не можетъ отказаться отъ предъявленія иска, хотя бы онъ находилъ основанія для него грязными и возмутительными. Незадолго передъ этимъ прошло по всѣмъ инстанціямъ дѣло присяжнаго повѣреннаго, присужденнаго Совѣтомъ къ исключенію изъ сословія именно за веденіе неправаго дѣла. Этотъ талантливый и ученый, но не разборчивый въ оцѣнкѣ нравственной стороны дѣла и неопрятный въ своихъ циническихъ пріемахъ адвокатъ, доказывалъ на судѣ, что въ поступкѣ студента, прикинувшагося женихомъ старой богатой женщины и выманившаго у нея деньги и домъ, изъ котораго онъ ее затѣмъ выгналъ, нѣтъ признаковъ преступленія, несмотря на его „безнравственность и возмутительность“. Затѣмъ, однако, онъ выступилъ противникомъ этой женщины въ гражданскомъ отдѣленіи этого же суда, защищая право молодого, но предпріимчиваго альфонса на законное владѣніе ея домомъ. Судебная Палата утвердила это постановленіе, но Сенатъ отмѣнилъ его значительнымъ большинствомъ голосовъ, по соображеніямъ формальнаго свойства. Такимъ образомъ, веденіе неправыхъ дѣлъ, повидимому, могло считаться допустимымъ. Противъ этого съ особой настойчивостью возсталъ Джаншіевъ въ исполненныхъ ироніи и справедливаго протеста двухъ брошюрахъ, получившихъ широкое распространеніе. Доказывая, что составители Судебныхъ Уставовъ никогда не имѣли въ виду стѣснять совѣсть присяжнаго повѣреннаго, возлагая на него безусловную обязанность вести всякое дѣло лица, поль-

зующагося правомъ бѣдности, *а* предоставили Совѣту присяжныхъ повѣренныхъ право окончательнаго рѣшенія вопроса о томъ, насколько вѣски доводы, приводимые повѣреннымъ въ оправданіе своего отказа отъ предъявленія иска,—онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, горячо возражалъ противъ „свободы отъ постоя какихъ-либо этическихъ началъ“ въ принятіи веденія дѣла по соглашенію. „Едва ли нужно доказывать,—писалъ онъ,—что если укоренится обратный взглядъ на адвокатскія профессіональныя обязанности, онъ создастъ невыносимое положеніе для человѣка, мало-мальски дорожащаго своимъ личнымъ достоинствомъ. Самая загрубѣлая натура не можетъ не признать несогласною съ своимъ нравственнымъ достоинствомъ — обязанность дѣлаться сознательнымъ и дѣятельнымъ пособникомъ и, такъ сказать, юридическимъ завершителемъ разныхъ плутней и обмановъ, ловкихъ, но грязныхъ махинацій, совершаемыхъ in fraudem legis et honestatis. Грабить ближняго во имя закона и получать изъ награбленнаго пай по соглашенію или по таксѣ присяжныхъ повѣренныхъ—вотъ та ужасная услуга или, скорѣе, безчеловѣчная жертва, которую хотятъ требовать отъ присяжнаго повѣреннаго во имя профессіональнаго долга!“... Не соглашаясь по существу вопроса съ рѣшеніемъ Сената по дѣлу двуликаго Януса московской адвокатуры, Джаншіевъ, тѣмъ не менѣе, считалъ разсмотрѣніе высшимъ судомъ Имперіи кассаціонныхъ жалобъ присяжныхъ повѣренныхъ, присужденныхъ къ исключенію изъ сословія или къ запрещенію практики—необходимою гарантіей ихъ правъ. Возражая вполнѣ убѣдительно противъ отказа Сената, вопреки его прежней практикѣ, въ принятіи подобныхъ жалобъ, какъ относящихся къ дисциплинарнымъ, а не судебнымъ дѣламъ, онъ говорилъ: „Неужели мы за двадцать лѣтъ настолько утратили способность понимать истинный духъ Судебныхъ Уставовъ, что можно спорить о томъ, что лицу, подвергшемуся пожизненному лишенію права и положенія, пріобрѣтеннаго четырехлѣтнимъ университетскимъ курсомъ ученія, пятилѣтнимъ стажемъ и многолѣтнимъ упорнымъ трудомъ, можетъ быть отказано въ такой бездѣлицѣ, въ такой элементарной гарантіи, какъ возможность обращенія къ высшему кассаціонному суду. Уличный буянъ, приговоренный къ кратковременному аресту или штрафу, кабатчикъ, закладчикъ, лишенные права заниматься своимъ промысломъ, могутъ искать защиты и провѣрки поразившаго ихъ приго-

вора у высшаго кассаціоннаго суда, и только присяжные повѣренные очутились въ такомъ безправномъ положеніи, при которомъ они не имѣютъ даже права жаловаться Сенату!“.

Такъ и при томъ по ряду другихъ вопросовъ, касавшихся корпораціи присяжныхъ повѣренныхъ, высказывался онъ за широту правъ ея члѣновъ, за необходимость нравственнаго элемента въ ихъ дѣйствіяхъ и за дѣйствительную ихъ свободу, требующую, прежде всего, повиновенія голосу совѣсти, не заглушаемому соблазномъ возможности успѣха.

Воспріимчивая и отзывчивая душа Джаншіева, склонная къ нѣжному пониманію природы, сказалась и въ его путевыхъ очеркахъ „Среди баловней и пасынковъ природы“. „По Европѣ“ и „Перлъ Кавказа“. Въ этихъ впечатлѣніяхъ и мысляхъ туриста разсыпано много интересныхъ бытовыхъ и историческихъ замѣчаній, оригинальныхъ взглядовъ на искусство и политическихъ соображеній. Въ ряду послѣднихъ не малое мѣсто занимаютъ указанія на угрожающій ростъ германскаго милитаризма, вѣющаго духомъ ожесточенной вражды, военнаго задора и неумѣреннаго хвастовства, — указанія, нашедшія себѣ черезъ 26 лѣтъ полное подтвержденіе въ переживаемыхъ нами нынѣ событіяхъ. Послѣдніе годы жизни Джаншіевъ посвятилъ лихорадочной работѣ въ пользу своихъ несчастныхъ соплеменниковъ, сдѣлавшихся жертвою турецкихъ насилій и гоненій, вызвавшихъ вопіющую нищету. Онъ предпринялъ изданіе и редактированіе обширнаго сборника „Братская помощь армянамъ“. Достаточно взглянуть на богатое и разнообразное его содержаніе, на превосходные портреты и факсимиле, на пестрое собраніе извѣстныхъ въ литературѣ и наукѣ именъ авторовъ статей, чтобы понять, какихъ трудовъ, хлопотъ, личныхъ объясненій и разъѣздовъ стоило все это слабому здоровьемъ Джаншіеву. Сборникъ вышелъ двумя изданіями и принесъ шестьдесять тысячъ рублей въ пользу пострадавшихъ. Этой широкой помощью несчастнымъ почти заключилась общественная дѣятельность Джаншіева. Его сердце устало тревожно биться за дорогія ему учрежденія и болѣзненно сжиматься за страждущихъ: отдыхъ въ прелестномъ „Джаншіевомъ уголкѣ“ близъ Георгіевскаго монастыря, на южномъ берегу Крыма, уже не возстановлялъ его силъ, и онъ скончался въ 1900 году, черезъ два года послѣ второго изданія „Братской помощи“.

А. Ѳ. Кони.

Г. А. Джаншіевъ.

ОСНОВЫ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ.

(Къ 25-ти лѣтію новаго суда).

Судебные Уставы истекаютъ не отъ произвола, а отъ началъ истины и справедливости, въ той степени, въ какой они выработаны наукою и опытомъ.

Предисл. къ Суд Уст.

Посвящается памяти.

С. И. Зарудnаго, Н. А. Буцковскаго, Д. Н. Замятнина.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Глава I. Что такое новый судъ 3
Глава II. Когда и почему судебная реформа получила „радикальный характеръ“ 25
Глава III. Историческій очеркъ составленія Судебныхъ Уставовъ. 34
Глава IV. Отдѣленіе власти судебной отъ административной . . 53
Глава V. Выборное начало въ новомъ судѣ 65
Глава VI. Записка Д. А. Ровинскаго объ учрежденіи суда присяжныхъ 79
Глава VII. Первая новелла 89
Глава VIII. Вторая новелла 119
Глава IX. Новелла 12-го февраля 1887 г. объ ограниченіи гласности 131
Глава X. Новелла 7-го іюля 1889 года 153
Глава XI. О возникновеніи суда сословныхъ представителей . . 179
Глава XII. Законы 7-го іюля 1889 года и судъ сословныхъ представителей 190
Глава XIII. Нашъ судъ присяжныхъ и его враги 210

ГЛАВА I.

Что такое новый судъ.

Пока Россія будетъ процвѣтать, пока дѣла ея будутъ идти къ лучшему, а не къ худшему, начала, вводимыя къ намъ новыми Судебными Уставами, будутъ въ силѣ, и съ основанными на нихъ учрежденіями будетъ на вѣки вѣковъ свя́зано имя преобразователя Россіи.

М. Н. Катковъ.

I.

Минуло уже двадцать пять лѣтъ со дня введенія въ дѣйствіе знаменитыхъ Судебныхъ Уставовъ 20-го ноября 1864 г., впослѣдствіи названныхъ Уставами Императора Александра II, „дабы они служили, какъ гласитъ указъ 17-го апрѣля 1884 года, законодательнымъ памятникомъ прошлаго царствованія“, и составляющихъ, по выраженію другого оффиціальнаго документа, „гордость нашу и славу минувшаго царствованія“ [1]).

Четверть вѣка, казалось бы, достаточно продолжительный періодъ времени для того, чтобы вполнѣ выяснился для общества и основной смыслъ новаго суда, и направленіе дополненій, необходимыхъ для дальнѣйшаго его усовершенствованія. Не то мы видимъ на дѣлѣ. Немногія изъ реформъ прошлаго царствованія сдѣлались предметомъ такихъ систематическихъ, ожесточенныхъ и тенденціозныхъ нападковъ, какъ „новыя“ судебныя учрежденія, съ первыхъ же шаговъ своихъ дѣйствій. Поэтому едва ли будетъ излишне напомнить лишній разъ о сущности судебной реформы и о томъ направленіи, которое должны имѣть дальнѣйшія дополненія, или новеллы, чтобы сохранился неприкосновеннымъ духъ „новаго“ суда.

---

[1]) См. Высочайшій рескриптъ 1881 г. на имя кн. А. М. Горчакова.

Любопытное явленіе: вотъ уже минуло 25 лѣтъ, а все еще учрежденія, изданныя законоположеніемъ 20-го ноября 1864 г., продолжаютъ преимущественно предъ всѣми другими преобразованными учрежденіями носить эпитетъ „новыхъ“. Это не случайность. „Новый“ судъ и по пространству интересовъ и явленій, захваченныхъ имъ, и по глубинѣ лежащихъ въ основѣ его „новыхъ“ идей безспорно занимаетъ особое мѣсто въ ряду реформъ прошлаго царствованія (само собою разумѣется, великая крестьянская реформа, стоящая, такъ сказать, внѣ конкурса, въ этотъ счетъ не идетъ).

Такъ и была понята судебная реформа съ перваго момента своего появленія. Въ ней усматривали на ряду съ другими реформами школу гражданскаго воспитанія и общественнаго назиданія. „Въ публичныхъ судахъ, читаемъ въ одномъ изъ выдающихся журналовъ того времени, общество начало читать новые безыскусственные романы; передъ его глазами развивалась драма и высокая комедія, написанная самою жизнью, и общество не ограничивалось при этомъ ролью зрителя: его призвали къ строгой критикѣ, въ основѣ которой должна лежать совѣсть, а надъ всѣмъ этимъ раздался голосъ судьи, который требовалъ: правды, одной правды“ [1]). „Немногое изъ того, что совершилось прежде,— писалъ другой изъ извѣстныхъ публицистовъ того времени,— и немногое изъ того, что можетъ обѣщать намъ впереди самый широкій прогрессъ, можетъ сравниться по важности и значенію съ судебною реформою, съ этимъ великимъ преобразованіемъ, долженствующимъ принести Россіи гражданское обновленіе и провести ясную черту между проходящимъ и грядущимъ“ [2]).

Все казалось новымъ въ этихъ новыхъ учрежденіяхъ, начиная отъ внѣшней обстановки (гласность, устное судоговореніе, равенство всѣхъ предъ судомъ, скорость судопроизводства и вѣжливое, гуманное обращеніе съ подсудимыми) и кончая, такъ сказать, закулисными пружинами, органическими силами, невидимыми для большой публики, но имѣющими первостепенное значеніе для той или другой постановки судебныхъ учрежденій и правосудія. Въ этомъ отношеніи пере-

---

[1]) См. «Вѣстникъ Европы», 1867, № 12.

[2]) См. «Моск. Вѣд». 1866 г. №№ 86, 156, 1867 г. № 69.

мѣна, произведенная судебною реформою 1864 г., была еще болѣе разительна, хотя и не столь очевидна для массъ, какъ внѣшнія перемѣны. Сущность этой внутренней перемѣны, составляющей сущность и самой судебной реформы, прекрасно была резюмирована въ извѣстномъ пояснительномъ указѣ сената 20-го ноября, сопровождавшемъ Судебные Уставы. Въ немъ указывалось, какъ цѣль судебной реформы— дать народу правый и равный для всѣхъ судъ, и какъ средства для этого—„возвышеніе судебной власти и утвержденіе уваженія къ закону".

Комментируя эти немногія, но многозначительныя слова Указа, тогдашняя публицистика старалась разъяснить значеніе и смыслъ, скрытно лежащія въ нихъ *implicite*, хотя не высказанныя прямо, по понятнымъ соображеніямъ, въ оффиціальномъ актѣ.

Названный выше публицистъ, М. Н. Катковъ, не обинуясь, прямо высказывалъ, что наша судебная реформа „есть не столько реформа, сколько созданіе судебной власти", что раньше судебная бюрократическая администрація была „все во всемъ", а суды были лишь придаткомъ администраціи, и что у насъ съ установленіемъ суда независимаго и самостоятельнаго впервые водворяется въ нашей политической жизни начало законности и права и сама администрація должна усвоить себѣ это новое начало" [1]).

При поверхностномъ взглядѣ на вещи, можетъ показаться страннымъ и даже утрированнымъ такое воззрѣніе на судебную реформу. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не была задолго еще до нея провозглашена 1-ю же ст. I тома, изданнаго въ царствованіе Николая I Свода Законовъ, что имперія россійская управляется на твердомъ основаніи законовъ? Въ такомъ случаѣ, что же означали слова указа 20-го ноября 1864 г. объ „утвержденіи уваженія къ закону"? Чтобы понять ихъ смыслъ, нужно имѣть въ виду, что указанная 1-я ст. Основ. Закон. была однимъ изъ тѣхъ прекрасныхъ теоретическихъ положеній или благихъ пожеланій, которыми такъ изобилуетъ, можно сказать, кишмя-кишитъ Сводъ Законовъ. Что это было именно такъ, это выяснилось до очевидности

---

[1]) Въ такомъ же духѣ высказывались «С.-Петербургскія Вѣдомости», «Голосъ» и др.

тогда, когда на предложеніе, сдѣланное въ концѣ 50-хъ годовъ предъ составленіемъ Судебныхъ Уставовъ, указать на главнѣйшія причины нашей судебной неурядицы, со всѣхъ сторонъ правительственные агенты стали указывать въ числѣ причинъ ея—„на первомъ мѣстѣ повсемѣстное неуваженіе къ закону и повседневное его нарушеніе“ [1]).

Гдѣ же лежала причина такого прискорбнаго явленія? Въ игнорированіи тѣхъ элементарныхъ истинъ цивилизованнаго общежитія, которыя составляютъ, можно сказать, азбуку раціональнаго судопроизводства. Она учитъ, что безъ несмѣняемыхъ судей и суда присяжныхъ немыслимъ независимый судъ, а безъ независимаго суда немыслимо торжество законности и уваженія къ закону. У насъ же во все продолженіе тридцатилѣтняго (1825—1855) будированія противъ Европы и погони за мнимою самобытностью, предполагали возможнымъ сочетать твердую законность съ зависимостью суда отъ администраціи и съ господствомъ безпредѣльнаго и повсемѣстнаго административнаго благоусмотрѣнія или, что то же, произвола.

Намъ теперь нельзя и представить себѣ, до какой степени самообольщенія доходила эта вѣра въ систему болѣе или менѣе благонамѣреннаго, если не просвѣщеннаго произвола, призваннаго, при помощи административнаго всевѣдѣнія, контролировать судебныя и другія учрежденія, общество, и даже семью и при посредствѣ чрезвычайныхъ агентовъ власти—споспѣшествовать торжеству правды и благоденствію на Руси. Въ этомъ отношеніи любопытный ретроспективный свѣтъ бросаетъ на весь режимъ николаевской эпохи опубликованная недавно инструкція перваго начальника, упраздненнаго въ 1880 году III отдѣленія графа Бенкендорфа.

Разъясняя главную цѣль этого учрежденія, гр. Бенкендорфъ внушаетъ своимъ агентамъ, что они должны обратить вниманіе на безпорядки и закону противные поступки во всѣхъ частяхъ управленія; наблюдать, чтобы спокойствіе и право гражданъ не были нарушены людьми властными, сильными, внимать гласу страждущаго человѣчества и защищать беззащитнаго и безглас-

---

[1]) См. т. XII Дѣла о преобр. суд. части, Сводъ общихъ замѣч., стр. 9.

наго гражданина. Все это достигается при посредствѣ, съ одной стороны, внушенія и увѣщанія заблудшихся стремиться къ добру, а съ другой—донесеніемъ своему начальству [1]). Такова была цѣль этого вполнѣ „самобытнаго“ полурыцарскаго, полу-миссіонерскаго учрежденія, при возникновеніи его въ 1826 г.

Фіаско III отдѣленія, въ качествѣ учрежденія невидимо, но дѣятельно контролирующаго à la Гарунъ-аль-Рашидъ все и вся, начиная отъ судебныхъ рѣшеній и кончая семейными и супружескими несогласіями, было неизбѣжно. Среди самой администраціи [2]) поднялись голоса противъ этого учрежденія, поставленнаго внѣ закона и призваннаго, на основаніи безконтрольныхъ донесеній, перевершать всѣ судебныя рѣшенія [3]). Нечего и говорить, что законъ и судебныя рѣшенія, и безъ того не имѣвшіе у насъ большаго значенія, потеряли, благодаря всемогуществу агентовъ III отдѣленія, всякій авторитетъ. Значеніе суда и судейскаго званія такъ упало, что не только въ патріархальныя времена генерала Дубельта [4]), не стѣснявшагося въ возстановленіи, по указаніямъ сердцевѣдѣнія, „нарушенныхъ судомъ правъ“, но даже и въ либеральное время, предшествовавшее судебной реформѣ 1864 г., администрація свободно хозяйничала въ судахъ. Благодушнѣйшій изъ администраторовъ, с.-петербургскій генералъ-губернаторъ князь А. А. Суворовъ, не постѣснился арестовать въ 1860 г. члена суда вслѣдствіе навѣта проигравшаго дѣло высокопоставленнаго лица [5]).

---

[1]) См «Русскій Архивъ» 1889 г., № 7.

[2]) Къ этому мнѣнію относится извѣстное мнѣніе адмирала Мордвинова, который въ 1827 г. писалъ между прочимъ слѣдующее: «всегда и вездѣ признаваемо было за непреложную истину, что раздѣленіе властей составляетъ совершенство правительства: законодательная, судебная и исполнительная власти должны въ упражненіяхъ и дѣяніяхъ своихъ быть раздѣлены». Въ видѣ примѣра, Мордвиновъ указывалъ на современное состояніе Турціи.

[3]) Объ отношеніи московскаго генералъ-губернатора Д. В. Голицына къ агентамъ III отдѣленія см. «Русск. Стар.». 1889 г., № 7; о враждебномъ отношеніи къ этому учрежденію будущаго его шефа гр. Орлова см. «Русскій Архивъ», 1889 г., № 7.

[4]) Любопытныя данныя приведены въ статьѣ Колмакова «Старый судъ», «Русская Старина», 1889 г., № 12.

[5]) Ibidem, ст. Колмакова.

Съ воцареніемъ Александра II рядомъ съ задачею упраздненія крѣпостнаго права выступилъ и вопросъ объ уничтоженіи находившагося въ связи съ нимъ всемогущества администраціи [1]) и „неуваженія къ закону“.

Послѣ неудачнаго опыта съ самобытнымъ анахронизмомъ, въ видѣ учрежденія полновластныхъ агентовъ сердцевѣдѣнія, пришлось волею-неволею обратиться къ „гнилому Западу“, къ его многовѣковому опыту и наукѣ. „Первое и необходимое для насъ условіе успѣха,—говоритъ В. С. Соловьевъ, это—отречься отъ пустой претензіи внѣевропейской или противоевропейской самобытности“ [2]). Замѣчаніе это оправдалось и въ данномъ случаѣ. Чѣмъ болѣе стало проясняться у насъ общественное сознаніе, тѣмъ болѣе укоренялось убѣжденіе, что для возстановленія уваженія къ законности и водворенія на мѣсто усмотрѣнія—законности и правоваго порядка, прежде всего нужно обратиться къ испытанному Европою институту—къ отдѣленію судебной власти отъ административной и учрежденію независимыхъ отъ администраціи судебныхъ установленій. Это убѣжденіе, постепенно проникавшее со второй половины 50-хъ годовъ даже въ работы умѣреннѣйшаго изъ „постепеновцевъ“ гр. Д. Н. Блудова (см. ниже), окончательно укрѣпилось въ началѣ 60 хъ годовъ и привело къ созданію Судебныхъ Уставовъ 1864 г. Вотъ въ чемъ заключается ихъ основной смыслъ и вотъ почему указъ 20-го ноября съ удареніемъ упоминалъ объ утвержденіи „уваженія къ закону и объ возвышеніи судебной власти и дачѣ ей надлежащей самостоятельности“.

Но нетрудно было предвидѣть, что новымъ учрежденіямъ, призваннымъ водворить уваженіе къ закону, придется вступить въ упорную и продолжительную борьбу съ старыми крѣпостными порядками, навыками и предразсудками. Борьба эта, начавшаяся, можно сказать, на другой же день послѣ открытія новаго суда, продолжается до нашихъ дней. Борьба этихъ двухъ противоположныхъ началъ мѣняла лишь формы

---

[1]) «Смѣшеніе властей, разсуждалъ въ 1862 г. Государственный Совѣтъ, было отчасти неизбѣжнымъ послѣдствіемъ крѣпостнаго права». См. стр. 54, т. XVII. «Дѣла о преобр. суд. части».

[2]) Націон. вопросъ въ Россіи, стр. VI.

и оттѣнки, но въ существѣ оставалась одною и тою же. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ въ современныхъ нападкахъ реакціонной печати на новый судъ мы не слышимъ отголоска тѣхъ же обвиненій въ революціонно-демократическихъ тенденціяхъ, которыя впервые раздались въ 1866 г. со столбцовъ крѣпостнической В ѣ с т и изъ лагеря „революціонныхъ консерваторовъ“, какъ назвалъ его Ю. Ѳ. Самаринъ, и истинный смыслъ которыхъ такъ прекрасно былъ разоблаченъ тогдашнею печатью и во главѣ ея органомъ М. Н. Каткова? „Думаютъ ли безстрастные рыцари В ѣ с т и, писалъ этотъ публицистъ, до того отуманить своихъ читателей, чтобы убѣдить ихъ въ преимуществѣ стараго порядка судопроизводства предъ новымъ? Est modus in rebus. Почитая своихъ читателей за стадо Панургово, нельзя все-таки увѣрять, что въ старыхъ судахъ упущенія не были возможны потому, что все тамъ происходило келейно, подъ сильнымъ вліяніемъ администраціи“ [1]).

Безъ сомнѣнія, истекшее 25-лѣтіе прошло не безслѣдно, и теперь развѣ самые отчаянные поклонники дореформенныхъ крѣпостныхъ порядковъ рѣшаются публично защищать мысли, считавшіяся оффиціальною догмою права до судебной реформы. Впрочемъ, даже и бойкіе прожектеры „реформы судебной реформы“ [2]) не рѣшаются нынѣ доказывать вредъ гласнаго суда и состязательнаго судоговоренія и адвокатуры, какъ это дѣлалось еще такъ недавно съ университетскихъ и оберъ-прокурорскихъ каѳедръ [3]). Противъ раздѣленія властей на высшихъ ступеняхъ не рѣшаются высказаться съ прежнею откровенностью и только для уѣздовъ признается польза „властной руки“, т.-е. смѣшеніе власти. Даже противъ суда присяжныхъ въ придачу голословной брани только и могли привести мертворожденное положеніе о т е о р е т и ч е с к о й несовмѣстимости его съ существующею у насъ формою правленія. Но затѣмъ, если вглядѣться во всѣ детали проектированной „реформы судебной реформы“, то не трудно усмотрѣть какъ въ проэктахъ объ упраздненіи „судебной респуб-

---

[1]) См. «Моск. Вѣд.», 1866, № 263.

[2]) См. «Судъ и полиція», В. Фукса, стр. 136 и слѣд.

[3]) См. Я. Баршева — «Основ. угол. судопроизв.», стр. 65, и отзывъ оберъ-прокурора Н. П. Семенова о вредности и безчестности адвокатуры въ принципѣ. Т. LIX. «Дѣла о преобраз. суд. части».

лики“ и искорененіи „политическихъ доктринъ à la Руссо“, такъ и въ болѣе скромномъ предложеніи „вдвинуть суды въ общегосударственный механизмъ“, воскресаетъ старое недовольство независимостью суда и старое вожделѣніе умалить его значеніе и расширить и возвысить въ ущербъ ему власть административную.

Но неужели, скажутъ иные, все въ Судебныхъ Уставахъ такъ совершенно, что ни одна статья, ни одна буква не подлежитъ въ нихъ измѣненію? Никогда ничего подобнаго ни мы, ни другіе защитники основъ судебной реформы, вопреки увѣренію ея враговъ, не утверждали и не утверждаемъ. И возможность, и законность, и даже необходимость послѣдующихъ измѣненій и постановленій Судебныхъ Уставовъ никогда и никѣмъ не оспаривались. Весь вопросъ только сводился и сводится къ тому, въ какомъ направленіи должны быть производимы эти дополненія, чтобы новый судъ могъ плодотворно функціонировать.

„Если,—писалъ государственный секретарь В. П. Бутковъ въ 1863 г.,—при необходимомъ по указаніямъ опыта исправленіи Судебныхъ Уставовъ будутъ тщательно сохраняемы основныя положенія ихъ, и если притомъ судебная власть будетъ поставлена въ полную и совершенную независимость отъ власти административной, то успѣхъ судебной реформы едва ли можетъ подлежать какому-либо сомнѣнію“ [1]). Противъ подобныхъ перемѣнъ, конечно, никто бы не сталъ возражать изъ защитниковъ судебной реформы.

Къ сожалѣнію, уже съ 1866 года, т.-е. съ первыхъ же дней дѣйствія новаго суда, дѣлались уже попытки косвенно или прямо внести въ судебную реформу измѣненія, несогласныя съ ея духомъ, и поколебать ея основы. Противъ такихъ-то искаженій единодушно всегда возражали всѣ убѣжденные сторонники новаго суда. „Всякое измѣненіе, именно по этому поводу писалъ одинъ изъ самыхъ талантливыхъ защитниковъ его М. Н. Катковъ, направленное не къ худшему, а къ лучшему, можетъ клониться лишь къ тому, чтобы судебное дѣло не менѣе, а болѣе соотвѣтствовало своему назначенію, чтобы судебная власть была не менѣе, а болѣе

---

[1]) См. т. XXXIX. «Дѣло преобр. суд. части».

независима... Не было ли бы грустно, чтобы изъ начинающагося новаго дѣла была вынута душа его и оставлена шелуха, которая бы давала только сильнѣе чувствовать тщету начинанія? Мы считаемъ себя въ правѣ сказать, заключалъ онъ, одно: лучшее пожеланіе русскаго патріота состоитъ въ томъ, чтобы изъ судебной реформы, изъ этого великаго зданія не было вынимаемо камней и чтобы измѣненія Судебныхъ Уставовъ допускались лишь въ случаѣ очевидной необходимости и притомъ согласовались съ общимъ духомъ новой системы" [1]). Эти прекрасныя слова, эту своего рода „магическую формулу" а=а не мѣшаетъ иногда вспомнить нынѣшнимъ „консерваторамъ", многое позабывшимъ изъ недавняго прошлаго и ничему не научившимся.

II.

Чтобы нагляднѣе была, a contrario, неизмѣримая пропасть, отдѣляющая нашъ новый судъ отъ его предшественника, не лишнее напомнить о нѣкоторыхъ чертахъ нашего дореформеннаго суда.

Поразительно коротка память у русскаго общества,— писалъ И. С. Аксаковъ въ 1884 году по поводу ожесточенныхъ нападковъ, сыпавшихся въ то время съ особенною силою на новый судъ. И въ самомъ дѣлѣ, кто же могъ подумать, что не пройдетъ и полныхъ 20 лѣтъ, какъ будутъ забыты всѣ язвы и безобразія нашего стараго, продажнаго и прогнившаго насквозь инквизиціоннаго суда и будетъ онъ рисоваться въ воображеніи современниковъ нашихъ, какъ одинъ изъ дорогихъ, симпатичныхъ институтовъ „добраго стараго времени", принесенныхъ въ жертву, въ минуту слабости, безсмысленному увлеченію иноземными доктринами? Кто бы могъ подумать, что ко дню гражданскаго совершеннолѣтія новаго суда настолько ослабнетъ историческая память, что найдутся смѣльчаки, которые безъ краски на лицѣ будутъ увѣрять, что старые суды оклеветаны неблагонамѣренными либералами? А такое невѣроятное издѣвательство надъ

[1]) «Моск. Вѣд.», 1866 г., №№ 198 и 263.

исторіею, такое очевидное искаженіе смысла и значенія судебной реформы совершилось и совершается на нашихъ глазахъ. Еще недавно въ одномъ изъ консервативныхъ журналовъ „правосудіе по закону“, олицетворяемое старымъ судомъ, противополагалось правосудію „по изволенію улицы“, т.-е. суду общественной совѣсти. Чтобы утаить всѣ безобразія стараго суда, на это не хватило смѣлости у автора, вообще болѣе чѣмъ смѣлаго въ обращеніи съ историческими фактами и законодательными актами [1]). Онъ признаетъ, что стадый судъ „оправдывалъ не мало злодѣевъ“, что отъ него „пострадали и невиноватые“, но все это не мѣшаетъ панегиристу стараго суда выдать ему похвальный аттестатъ на томъ основаніи, что „если не всегда, то очень часто неправильность приговора низшаго суда исправлялась высшимъ“. Вотъ въ какомъ розовомъ свѣтѣ рисуется въ воображеніи завзятыхъ поклонниковъ дореформенныхъ порядковъ образъ того суда, при которомъ Русь была,—по мѣткому выраженію поэта,—„полна неправды черной“!..

Случаевъ проявленія этой черной неправды было такъ много, что если бы кто вздумалъ исчислить ихъ, то, говоря евангельскимъ языкомъ, „самому міру не вмѣстить бы написанныхъ книгъ“. Но въ виду дѣлаемыхъ нынѣ попытокъ, въ расчетѣ на запамятованіе публики, возвысить старый судъ на счетъ новаго, не мѣшаетъ напомнить хоть нѣсколько *типичныхъ случаевъ изъ печальной хроники стараго суда, взятыхъ* изъ о д н о й записки.

Судебныя ошибки всегда возможны, но ошибки ошибкамъ рознь. Есть грубыя ошибки, которыя при хорошихъ законахъ невозможны, а при дурныхъ неизбѣжны. Вотъ, напримѣръ, возмутительный случай ошибки, легко объяснимый при существованіи негласнаго, бумажнаго судопроизводства. Въ 1853 году въ орловской уголовной палатѣ разсматривалось дѣло государственнаго крестьянина, обвиняемаго въ убійствѣ жены. По дѣлу выяснилось слѣдующее. Мужъ часто наказывалъ жену свою за развратное поведеніе. Послѣ одного изъ

---

[1]) Такъ, авторъ увѣряетъ, что министръ юстиціи не можетъ въ законодательномъ порядкѣ вносить потребные для улучшенія судебной части проекты,—почему бы вы думали?—потому, что онъ «связанъ» (*sic*) Судебными Уставами.

такихъ наказаній жена скрылась и не могла быть разыскана. На мужа пало подозрѣніе въ убійствѣ. Въ виду того, что трупъ убитой не былъ разысканъ, орловская палата полагала оставить крестьянина только въ подозрѣніи и не рѣшилась обвинить, несмотря на то, что при дѣлѣ имѣлся протоколъ за подписью 7-ми должностныхъ лицъ о признаніи, будто бы сдѣланномъ обвиняемымъ. Губернаторъ не согласился съ мнѣніемъ орловской палаты, а потому дѣло поступило въ сенатъ. Здѣсь состоялось слѣдующее рѣшеніе: крестьянина за убійство жены лишить всѣхъ правъ состоянія, на эшафотѣ чрезъ палача наказать 100 ударами плетей и, по наложеніи позорнаго клейма, отправить его на каторжную работу въ Восточную Сибирь. Этотъ сенатскій приговоръ былъ приведенъ въ точности въ исполненіе. Правосудіе сдѣлало свое дѣло и... дѣло было сдано въ архивъ... Прошло послѣ того нѣсколько лѣтъ—и что же? Оказалось, что мнимо-убитая жена все время жила съ своимъ любовникомъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ той деревни, гдѣ жилъ ея мужъ, а протоколъ съ сознаніемъ подсудимаго оказался ложнымъ отъ перваго до послѣдняго слова. Мыслимо ли что-нибудь подобное въ современномъ гласномъ судѣ? Думаемъ, что не станутъ этого утверждать самые ожесточенные враги его. Пойдемъ дальше. Разоренный, потерявшій здоровье, опозоренный клеймомъ крестьянинъ вернулся домой, но ему отказано было въ вознагражденіи за причиненные вредъ и убытки на томъ основаніи, что гг. сенаторы признали, что они неотвѣтственны за свои ошибки. Что бы сказали современные Катоны, если бы новый судъ или, какъ они называютъ „судебная республика“,—провозгласила такой принципъ собственной непогрѣшимости и безотвѣтственности?

Замѣчательно, что нашъ старый процессъ, при которомъ возможны были случаи, подобные описанному, всячески затруднялъ подсудимымъ доступъ въ высшія инстанціи. Массу барьеровъ ставилъ законъ, сенатъ же, съ своей стороны, при помощи самаго безсердечнаго буквоѣдства старался задѣлать послѣднія щели, черезъ которыя еще могли проникать мольбы страждущихъ подсудимыхъ. Приведу нѣсколько примѣровъ. 21-го января 1858 г. крестьянинъ Калошинъ жаловался сенату, что онъ за отступленіе отъ православія въ

духовные христіане въ 1852 г. былъ преданъ суду и несмотря на то, что онъ освобожденъ въ силу коронаціоннаго манифеста отъ суда, въ теченіе пяти лѣтъ содержался подъ стражею, и что жена его, за то же „преступленіе“ лишена всѣхъ особенныхъ правъ и сослана на житье на Кавказъ, а ребенокъ отъ нея отобранъ. Сенатъ на отрѣзъ отказался разсмотрѣть это прошеніе на томъ основаніи, что прошеніе написано было на гербовой бумагѣ 60-коп. достоинства, вмѣсто рублеваго. Одинъ изъ сенаторовъ внесъ собственный рубль, и тогда сенатъ отказалъ по существу, ссылаясь на то, что мужъ не можетъ просить за осужденную жену, хотя по общему смыслу законовъ нельзя было не признать за нимъ такого права [1]).

Желая уменьшить число подаваемыхъ жалобъ, законъ почти лишалъ подсудимыхъ, непривиллегированныхъ сословій, права обжалованія. Люди „подлаго званія“, т.-е., не изъятыя отъ тѣлесныхъ наказаній, могли приносить жалобу сенату лишь послѣ того, какъ надъ ними наказаніе уже исполнено, т.-е., когда они понесли тѣлесное наказаніе и очутились въ Сибири. Но и эта мѣра признана была недостаточною для огражденія спокойствія судей, и законъ грозилъ подсудимому, все еще не потерявшему вѣру въ правосудіе послѣ произведенной надъ нимъ экзекуціи, новымъ наказаніемъ, если принесенная имъ жалоба будетъ признана—неосновательною. „Можно ли требовать, писалъ по этому поводу сенаторъ Ховенъ, знакомый близко со старыми судебными порядами,—отъ несчастнаго безграмотнаго и необразованнаго ссыльнаго, чтобы онъ изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ Сибири могъ уличить по всѣмъ правиламъ правовѣдѣнія своихъ судей въ неправильныхъ дѣйствіяхъ. Таковой несчастный жалобщикъ, кажется, уже довольно страдаетъ, если жалоба его оставляется безъ уваженія, и онъ долженъ часто невинно страдать въ ужасной каторгѣ; за что же подъ предлогомъ клеветника усугубить его страданія тюремнымъ заключеніемъ или 60-ю ударами розогъ, отъ каковаго наказанія сенатъ никогда никого не избавляетъ, считая это непремѣнною своею обязанностью? Сколько невинно осужденныхъ, опасаясь нака-

---

[1]) См. записку сенатора Фонъ-деръ-Ховена.

занія за неправильную будто бы жалобу ихъ, молчатъ и какъ мученики переносятъ жестокую судьбу свою?!“

Хорошъ былъ законъ, но еще лучше были мудрые его истолкователи! Невѣжественнымъ подьячимъ стараго суда ставится теперь въ заслугу, что они рабски слѣдовали „буквѣ“ закона, какъ бы она ни была жестока и безсмысленна. Но и эта сомнительнаго достоинства похвала не вполнѣ ими заслужена. Бывали случаи, а именно, когда нужно было стѣснить и безъ того урѣзанныя до крайности средства защиты,—что сенатскіе юристы рѣшались „предположительно“ лишать подсудимыхъ права обжалованія. Такъ, сенатъ, даже безъ прямого предписанія закона, призналъ, что приговоренные къ рабочему дому *не могутъ „ни апеллировать, ни обжаловать“*. Это замѣчательное изреченіе сенатъ высказалъ по слѣдующему поводу. Къ якутскому мѣщанину предъявлено было иркутскимъ купцомъ не явленное нигдѣ заемное письмо въ 5,000 рублей. Когда якуту удалось доказать, что онъ въ качествѣ безграмотнаго *не могъ подписать документа*, купецъ прибѣгъ къ такому подвоху: онъ склонилъ полицію „подъ предлогомъ розыска какихъ-то счетовъ“ сдѣлать у якута обыскъ. Якутъ, боясь, какъ бы не подбросили ему чего-нибудь опаснаго, потребовалъ присутствія понятыхъ. Обыскъ произведенъ не былъ, но началось особое дѣло о „сопротивленіи властямъ“. Якутъ былъ осужденъ, лишенъ правъ и преимуществъ и приговоренъ къ заключенію въ рабочій домъ, а по неимѣнію рабочаго дома, наказанъ на городской площади розгами 60-ю ударами. Въ 1860 г. якутъ жаловался сенату на неправильное осужденіе за мнимое сопротивленіе властямъ и неправильную замѣну для него, какъ мѣщанина, вопреки ст. 86 и 89 Улож., тѣлеснымъ наказаніемъ заключенія въ рабочій домъ. Но сенатъ, ссылаясь на свою практику о непринятіи жалобъ отъ осужденныхъ къ заключенію въ рабочій домъ, жалобу оставилъ безъ разсмотрѣнія. Якутъ подалъ жалобу на имя Государя. Дѣло поступило въ общее собраніе сената, которое осталось при своемъ заключеніи и полагало возбудить въ законодательномъ порядкѣ вопросъ о подобныхъ жалобахъ. Гр. Блудовъ счелъ излишнимъ возбужденіе вопроса, и тѣмъ кончилось это вопіющее дѣло.

Одно изъ драгоцѣннѣйшихъ преимуществъ новаго суда—

это внесенный имъ впервые принципъ дѣйствительнаго равенства передъ закономъ. И за это-то его свойство, благодаря которому баринъ и мужикъ поставлены на одну доску, онъ сталъ особенно ненавистенъ въ извѣстныхъ кругахъ. Старый судъ былъ свободенъ отъ такого „возмутительнаго“ недостатка. Барину, человѣку со средствами, съ связями,—словомъ, привиллегированному преступнику нечего было бояться суда. Всею тяжестью своего жестокаго ослѣпленія и безсердечнаго скудоумія онъ обрушивался на низшіе классы и на людей безъ средствъ, безъ общественнаго положенія. Недаромъ народъ сравнивалъ судъ съ паутиною, чрезъ которую шмель проскакиваетъ, а муха вязнетъ. Засудить крестьянина за мнимое убійство жены, якута за мнимое сопротивленіе властямъ ничего не значило, но осудить закоренѣлаго преступника, если въ немъ принимало участіе вліятельное лицо, не въ состояніи былъ старый судъ съ его рабскими инстинктами. Въ теоріи-то и онъ былъ равный для всѣхъ. Равенство даже доведено было до того, что у насъ выходила пародія на „судъ перовъ“. Но участіе перовъ для мужиковъ было, какъ видно изъ приведенныхъ выше дѣлъ, плохою гарантіею. И не мудрено. Что это были за перы—можно видѣть изъ слѣдующаго случая, разсказаннаго въ Русской Старинѣ 1886 года Колмаковымъ. Министръ юстиціи гр. Паninъ зашелъ какъ-то въ петербургскій уѣздный судъ, гдѣ встрѣтилъ одного человѣка въ исподнемъ платьѣ, съ метлою въ рукахъ. На вопросъ министра, „гдѣ судья“, онъ отвѣчалъ, что судьи нѣтъ, а на вопросъ, гдѣ засѣдатель, отвѣчалъ: я засѣдатель. Графъ, взглянувъ на него, произнесъ: „вы... ты...“ и ушелъ, не желая далѣе любоваться сценой судебной буколики...

Хорошія связи обезпечивали преступнику безнаказанность. Вотъ случай, имѣвшій мѣсто въ Рязанской губерніи наканунѣ открытія новыхъ судовъ. Мѣстный исправникъ такъ неслыханно-гадко надругался надъ крестьянскими дѣвушками, что тогдашнія газеты не рѣшались даже намеками охарактеризовать гнусное преступленіе его. Но въ исправникѣ принимала живое участіе мѣстная высшая администрація. Этого было достаточно. Исправникъ былъ приговоренъ къ домашнему аресту на нѣсколько дней. По поводу

этого приговора Московск. Вѣд. съ справедливымъ негодованіемъ восклицали: „Какая оскорбительная насмѣшка надъ тѣмъ, что люди зовутъ справедливостью и чтутъ какъ общественную нравственность! Одинъ другого стоитъ: и поступки уѣзднаго блюстителя благочинія, и приговоръ надъ нимъ губернской юстиціи... Но что такое губернская юстиція, что такое эти судьи,—вопрошала газета,—долженствующіе уступить мѣсто другому судоустройству, ничего общаго съ нимъ не имѣющему? Они лишены всякой самостоятельности, когда ихъ приговорамъ подлежатъ административныя лица и когда, стало быть, губернскія власти чувствуютъ себя особенно заинтересованными“.

Такъ вотъ гдѣ лежитъ загадка той навсегда исчезнувшей дореформенной идилліи, когда ни о какомъ антагонизмѣ между судомъ и администраціею не было и не могло быть рѣчи. Теперь стоитъ суду покарать то или другое лицо, пользующееся связями, какъ поднимаются крики о самодержавіи судей, о вмѣшательствѣ суда улицы въ сферы, подлежащія вѣдѣнію высшихъ административныхъ соображеній. Прежде подобной дисгармоніи, конечно, не могло быть. Стоило представителямъ администраціи намекнуть кому слѣдовало, и протеже ея, вѣдомый преступникъ, выходилъ сухъ изъ воды.

Въ 1850-мъ году бухгалтеръ гродненскаго приказа общественнаго призрѣнія учинилъ вмѣстѣ съ секретаремъ подлогъ, благодаря которому приказъ лишился 7,000 руб. „Дабы не огорчать,—пишетъ въ своей запискѣ сенаторъ Ховенъ,—блаженныя памяти Императора Николая Павловича, уже безъ того весьма растревоженнаго обнаруженнымъ въ той эпохѣ множествомъ значительныхъ похищеній государственныхъ суммъ (какъ видите, еще до „суда улицы“ аппетитъ къ казенному пирогу былъ довольно сильно распространенъ), члены приказа возмѣстили его убытки, а проворовавшійся бухгалтеръ, вмѣстѣ съ соучастникомъ своимъ, секретаремъ, были преданы суду. Но у секретаря была „сильная рука“ въ канцеляріи генералъ-губернатора И. Г. Бибикова. Изъ канцеляріи дали понять, что самъ Бибиковъ „интересуется“ судьбою секретаря. Этого было достаточно. Гродненская уголовная палата оставила только въ подозрѣніи. Генералъ-губернаторъ утвердилъ приговоръ палаты.

Такъ велика была приниженность суда предъ администраціею, что судъ безпрекословно подчинялся не только давленію со стороны высшихъ губернскихъ властей, но даже внушенію со стороны инвалиднаго начальства. Въ 1855 году въ городѣ Медыни инвалидные солдаты убили въ банѣ трехъ проститутокъ. Настоящій убійца былъ пойманъ, но инвалидное начальство, желая выгородить участниковъ преступленія, т.-е. унтеръ-офицеровъ медынской инвалидной команды, склонило убійцу указать соучастникомъ своимъ 18-лѣтняго юношу, Дмитрія Аверьянова. Хотя кучеръ и хозяинъ его доказывали, что онъ не былъ въ Медыни во время совершенія преступленія, но слѣдователь, квартальный надзиратель, самыми жестокими пытками, „истязаніями“ заставлялъ Аверьянова сознаться. Несчастный Аверьяновъ продолжалъ отрицать свою виновность. Тогда рѣшились составить отъ имени Аверьянова подложное сознаніе. Настоящій преступникъ, терзаемый совѣстью, объявилъ въ острогѣ священнику, начальнику губерніи и губернскому жандармскому офицеру, что оговорилъ Аверьянова ложно. Солдата-убійцу судилъ военный судъ, который сослалъ его въ каторжныя работы и освободилъ въ силу коронаціоннаго манифеста 1856 г. отъ тѣлеснаго наказанія; Аверьянова же судила калужская уголовная палата и тоже приговорила къ каторжнымъ работамъ. Мало этого,— вопреки прямого смысла закона, несовершеннолѣтній Аверьяновъ былъ наказанъ на эшафотѣ 80-ю ударами плетей и обезображенъ позорнымъ клеймомъ. Въ ужасной судьбѣ Аверьянова приняло участіе одно высокопоставленное лицо. Было исходатайствовано Высочайшее повелѣніе о пересмотрѣ дѣла. Дознаніе обнаружило полную невинность Аверьянова, но когда дѣло поступило въ сенатъ, то Аверьяновъ былъ оставленъ въ подозрѣніи, несмотря на доказанную его невинность. И знаете, чѣмъ объясняется этотъ возмутительный приговоръ? Желаніемъ оградить членовъ калужской палаты отъ гражданской отвѣтственности предъ невинно осужденнымъ Аверьяновымъ. А онъ, послѣ семилѣтняго мученія, въ 1862 г. возвратился къ своей престарѣлой матери, потерявъ совершенно здоровье. Позорное клеймо, на него наложенное, лишило его возможности наняться на какую-нибудь работу, и онъ долженъ былъ питаться Христовымъ именемъ. Такъ была загуб-

лена жизнь этого 18-лѣтняго невиннаго страдальца и благодаря чему же? Благодаря тому, что начальникъ инвалидной команды, изъ глупаго самолюбія, припуталъ невиннаго человѣка, а калужская палата, въ интересахъ сохраненія „добраго согласія“ между представителями разныхъ вѣдомствъ, не могла отказать въ такой бездѣлицѣ, какъ осужденіе невиннаго. Что за важность, въ самомъ дѣлѣ, что разбита жизнь какого-то Аверьянова!

Не бѣда, что потерпитъ мужикъ

Если таково было вліяніе низшихъ агентовъ администраціи, то не мудрено, что вліяніе высшей администраціи было безгранично. Она вмѣшивалась какъ въ гражданскія, такъ и уголовныя дѣла. Покойный министръ внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланской съ рѣдкимъ добродушіемъ опредѣлялъ свои отношенія къ министру юстиціи Панину. „Онъ у васъ все судитъ да рядитъ,—говорилъ онъ одному чиновнику министерства юстиціи,—а мы все-таки будемъ ѣздить по-своему... на вашей юстиціи“. И дѣйствительно, только лѣнивый на ней не ѣздилъ.

Самымъ главнымъ, такъ сказать, органическимъ порокомъ стараго суда было то, что даже приговоры его, не вызванные подкупомъ или давленіемъ свыше, поражали или круглымъ невѣжествомъ, или такимъ чудовищнымъ формализмомъ, который показываетъ, что за № дѣла забывалась живая личность подсудимаго, за внѣшнею законностью упускалась изъ виду внутренняя правда, словомъ, подъ видомъ правосудія творилась вопіющая неправда.

Насъ не удивитъ такой порядокъ вещей, если вспомнимъ составъ стараго суда. Главная пружина стараго суда—секретарь-крючокъ, продавшій свою душу, если не всегда деньгамъ, то безсмысленнымъ формамъ, ради которыхъ не могъ и не хотѣлъ онъ видѣть дѣйствительность.

А судьи кто? Мы уже видѣли выше—судью съ метлою въ рукахъ! Бывали и не такіе: для ускоренія рѣшенія дѣлъ иногда командировался въ палаты *ultima ratio* стараго режима—жандармскій офицеръ, которому предписывалось не выѣзжать изъ города, пока не будутъ рѣшены всѣ дѣла. Являлся онъ въ палату, и въ его присутствіи предсѣдатель,—пишетъ г. Колмаковъ,—поднося дѣло къ глазамъ, или, лучше сказать, къ носу, произносилъ резолюцію: утвердить, отмѣ-

нить. Жандармъ послѣ доносилъ о счастливомъ выполненіи возложенной миссіи.

Случалось и такъ, что предсѣдатель принималъ особыя экстренныя мѣры для ускоренія движенія дѣлъ: приглашалъ юристовъ... мѣстнаго губернскаго острога (фактъ!) и раздавалъ имъ дѣла для составленія приговоровъ.

Легко представить себѣ, каковы были рѣшенія острожныхъ юристовъ!

Выше мы приводили несчастнаго якута, который былъ осужденъ за требованіе понятыхъ при обыскѣ, какъ за сопротивленіе властямъ. Но мы не досказали всей исторіи этого дѣла. По слѣдствію оказалось, что предъявленные на якута векселя *дѣйствительно подложны и что подлогъ совершилъ* мѣщанинъ Поповъ. Что же дѣлаетъ судъ? Общее присутствіе якутской ратуши и окружнаго суда относительно Попова постановляетъ такой приговоръ: „сдѣлать Попову строгое внушеніе, чтобы онъ впредь не смѣлъ составлять отъ чужого имени векселей безъ законной на то довѣренности“. Можно было счесть это за вымыселъ, если бы слова эти не стояли въ документѣ, не подлежащемъ сомнѣнію.

Да что якутскій судъ,—изъ практики сената можно привести безчисленное множество перловъ старой юриспруденціи. Въ 1855 году бугульминской полиціи было заявлено конторою откупа, что сидѣлецъ, крестьянинъ Баталовъ, не доставилъ 33 руб. и не уплатилъ за убытки штрафа, всего 68 р. Это чисто гражданское дѣло объ отчетности получило слѣдующій оборотъ. Бугульминскій судъ оправдалъ Баталова, но самарская палата за мнимый захватъ, приговоривъ его къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ, ссылкѣ въ Сибирь и 70 ударамъ розогъ, заключила его въ острогъ. Баталовъ пробовалъ принесть жалобу въ сенатъ, въ которой указывалъ, что о кражѣ не могло быть рѣчи, потому что касса повѣрялась ежедневно. Но сенатъ возвратилъ жалобу безъ разсмотрѣнія, указавъ, что она не можетъ быть принята до приведенія приговора въ исполненіе. Баталовъ былъ наказанъ розгами, сосланъ въ Сибирь и изъ Сибири снова обратился съ жалобою въ сенатъ, въ которой онъ объяснилъ, что, имѣя отъ роду около 60-ти лѣтъ, въ острогѣ все время находился въ болѣзненномъ состояніи, что жена и 7 человѣкъ дѣтей

лишились средствъ къ пропитанію. Въ сенатѣ поднялся въ его защиту только одинъ голосъ, который требовалъ возвращенія изъ ссылки и взысканія въ пользу его вознагражденія съ членовъ самарской палаты; остальные же сенаторы подали за оставленіе жалобы безъ послѣдствій. Дѣло поступило по Высочайшему повелѣнію въ общее собраніе сената, но и оно отказало въ жалобѣ Баталову и сверхъ того приговорило его за неправую жалобу къ наказанію розгами 50-ю ударами. И это называлось правосудіемъ всего 20—30 лѣтъ тому назадъ!

Въ 1855 году былъ заключенъ въ московскій острогъ индѣецъ Михаилъ Войкатріо, вслѣдствіе возведеннаго на него братомъ его (огнепоклонникомъ) богачомъ Гемраджи Войкатріо обвиненія въ кражѣ. На самомъ дѣлѣ деньги были подарены Михаилу, а обвиненіе взведено Гемраджи изъ мести за переходъ въ христіанство. Однако, слѣдствіе „повернули“ (не трудно догадаться какими путями) противъ обвиняемаго. Московская уголовная палата осудила Войкатріо. Дѣло по протесту прокурора перешло въ сенатъ, при чемъ обнаружился рядъ злоупотребленій со стороны судей и слѣдователя. Оказалось, что допросы были отбираемы отъ Войкатріо безъ переводчика, тогда какъ онъ не понималъ русскаго языка, а сами слѣдователи за него подложно подписали, какъ-будто Войкатріо сознался въ кражѣ. Сенатъ по обыкновенію (чтобы оградить судей палаты отъ отвѣтственности) вмѣсто полнаго оправданія оставилъ Войкатріо въ подозрѣніи. Но вы думаете чрезъ это кончились его страданія? Еще въ 1862 г. молилъ онъ сенатъ освободить его изъ острога и отдать на вѣрное поручительство, указывая на то, что въ теченіе семилѣтняго тюремнаго заключенія онъ разстроилъ здоровье. Но сенатъ оставлялъ долго жалобу безъ послѣдствій, въ виду того, что оберъ-прокуроръ велъ переписку съ министерствомъ юстиціи о томъ, пропустить или опротестовать опредѣленіе сената. А невинный страдалецъ томился въ тюрьмѣ.—И это было не въ Якутской области, а въ Москвѣ!

Послѣ этого мы поймемъ смыслъ заклинаній или заговоровъ, въ которыхъ народъ молилъ, чтобы „не довелось имѣть дѣло съ судомъ ни правому, ни виноватому“.

Говорятъ, новый судъ „милостивъ“. Что же тутъ дур-

ного? Вѣдь милость или гуманность едва ли противорѣчитъ идеѣ правосудія. Не даромъ французскій поэтъ сказалъ:

Nul n'est juste s'il n'est doux.

Нѣтъ, говорятъ, судъ долженъ помнить одну только закономѣрность, т.-е. мертвящее буквоѣдство. Старый судъ давалъ въ изобиліи образчики такого жестокаго буквоѣдства, которые въ наше время кажутся чѣмъ-то неправдоподобнымъ.

Сирота, 14-лѣтній мальчикъ, жившій подаяніями, обвинялся въ поддѣлкѣ серебряной монеты въ 20 коп. Поддѣлка была самая грубая, и мальчикъ былъ пойманъ въ булочной, когда онъ покупалъ хлѣбъ. Началось дѣло. Уголовная палата приговорила мальчика къ лишенію всѣхъ правъ состоянія, къ ссылкѣ въ каторжную работу и къ тѣлесному наказанію, по несовершеннолѣтію, вмѣсто 100 ударовъ черезъ палача плетью, 100 ударамъ розогъ. Сенатъ полагалъ ходатайствовать передъ верховной властью о замѣнѣ мальчику этого наказанія 50 ударами розогъ и отдачею въ баталіонъ военныхъ кантонистовъ. Но министръ юстиціи гр. Панинъ отказался дать ходъ этому ходатайству. Онъ разсудилъ, что мальчику и безъ того оказано достаточно милости вслѣдствіе замѣны 100 ударовъ плетью 100 ударами розогъ и что нѣтъ основанія не отправлять 14-лѣтняго мальчика въ каторгу.

И это говорилъ не членъ какого-нибудь якутскаго окружнаго суда, а глава и высшій руководитель и охранитель интересовъ юстиціи въ Россіи. Для удовлетворенія этой воистину слѣпой и безчеловѣчной Ѳемиды, нужна была непремѣнно очистительная жертва въ видѣ 100 ударовъ розогъ, никакъ не меньше—даже 50 ударовъ являлось бы, по толкованію ея верховнаго жреца, оскорбленіемъ идеи правосудія.

Едва ли нужно приводить еще доказательство тупаго формализма и безсердечной жестокости стараго суда. Вы чувствуете осязательно, что у этихъ судей стараго закона не дрогнула бы рука, чтобы именемъ закона отрѣзать фунтъ мяса и „непремѣнно ближе къ сердцу“. Эти ветхозавѣтные жрецы стараго мстительнаго правосудія неспособны видѣть за обложкою дѣла живаго человѣка съ его горемъ и страданіемъ, за безжизненною юридическою формулою жизненную правду. Безнадежный, неизлѣчимый порокъ стараго суда въ томъ и заключался, что представители его не могли даже и

представить себѣ, чтобы мыслимо было творить судъ и въ то же время не засѣкать, не замучить, не засудить.

Достойными просвѣтителями и руководителями старой юриспруденціи были извѣстные представители тогдашней юридической науки, братья криминалисты, учившіе, что плеть есть „одна изъ формъ, въ которыхъ идея правды и справедливости находитъ себѣ наиболѣе приличное осуществленіе, что злая воля преступника требуетъ воздаянія въ видѣ трехвостной плети съ достодолжнымъ угожденіемъ“. Онъ говорилъ, и его не тошнило, а мы слушали, и насъ тоже не тошнило,—замѣчаетъ по этому поводу нашъ маститый сатирикъ...

И всего только 20 съ чѣмъ-то лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ времени, когда подобные юристы, проповѣдники жестокой буквы и бездушной формы, творили судъ и „обрабатывали науку“! *Современному поколѣнію нужно напрягать всю силу* своего воображенія, чтобы представить себѣ образы дѣятелей этого *saevi et infesti virtutibus temporis*, этого жестокаго и безславнаго времени...

25 лѣтъ тому назадъ старый инквизиціонный процессъ прекратилъ свое существованіе, и только какъ тяжелый кошмаръ иногда выступаетъ воспоминаніе о немъ. Благовѣстъ новаго суда: „правда и милость да царствуютъ въ судахъ“ радостно, но чуть слышно прозвучавшій въ памятномъ коронаціонномъ манифестѣ 26-го августа 1856 г., сталъ въ незабвенный день 20-го ноября 1864 г. словомъ закона, обработаннымъ по указаніямъ науки и опыта цивилизованныхъ народовъ. Ровно 25 лѣтъ тому назадъ это животворящее слово воплотилось въ великое дѣло „новаго суда“. Едва вѣрили современники своимъ глазамъ, когда, словно по манію волшебнаго жезла, на мѣсто продажнаго жестокаго суда, водворился гласный судъ, судъ общественной совѣсти, на мѣсто суда по бумагамъ, на мѣсто расправы звѣря со звѣремъ, установился разумный, гуманный судъ человѣка надъ человѣкомъ, стремящійся проникнуть въ душу подсудимаго и разсудить дѣло по сущей правдѣ. „По истинѣ едва вѣрится,—замѣчала газета Каткова,—чтобы въ столь короткое время такъ крѣпко и такъ успѣшно принялось дѣло столь великое и столь мало похожее на прежніе наши порядки, начиная отъ основной идеи и до мельчайшихъ

подробностей. То, о чемъ года два назадъ можно было только мечтать, что возбуждало столько, повидимому, справедливыхъ сомнѣній, теперь находится въ полномъ дѣйствіи... Судъ присяжныхъ, *лучшая гарантія гражданской свободы*, совершается у насъ воочію, и успѣхъ превосходитъ самыя смѣлыя ожиданія“ (Моск. Вѣдом. 1867 г. № 69). Такъ совершалось насажденіе суда праваго и милостиваго на мѣсто суда продажнаго и жестокаго.

Но, если намъ теперь трудно понять и представить себѣ, какъ совершился столь быстро, почти чудесно, великій актъ перехода отъ мрака къ свѣту, то еще труднѣе понять, какъ могла впослѣдствіи явиться тоска по этомъ мракѣ. Трудно понять, какъ у этихъ Гертрудъ, у которыхъ еще не износились башмаки, въ которыхъ они шли за тріумфальною колесницею новаго суда, какъ у этихъ легкомысленныхъ Гертрудъ настолько затуманился разсудокъ, что онѣ стали унижать новый судъ передъ старымъ, унижать „Гиперіона предъ этимъ сатиромъ козлоногимъ“...

Здѣсь не мѣсто входить въ подробный анализъ причинъ этого печальнаго явленія. Ограничусь только замѣчаніемъ, что оно было предсказано людьми дальновидными. „Новые (судебные) порядки по необходимости должны,—писали Моск. Вѣд.—сталкиваться со старыми порядками, которые существуютъ издавна и господствовали до сихъ поръ исключительно. До сихъ поръ бюрократическая администрація была у насъ *все во всемъ*; прежнія судебныя учрежденія были только придаткомъ къ администраціи. Теперь возникло *новое* начало, которое, не ограничиваясь судебными учрежденіями, должно оказать свое дѣйствіе *повсюду* и видоизмѣнить *весь строй* нашего гражданскаго быта... Вступающій въ жизнь порядокъ,—съ грустью продолжала газета,—встрѣчается со старыми понятіями и навыками, и весьма естественно возникаетъ опасеніе, что будутъ дѣлаться разнаго рода покушенія подорвать его силу; такъ всегда (?) и вездѣ (?) бываетъ; такъ, по всему вѣроятію, будетъ и съ тѣми порядками, которые возникаютъ въ Россіи вслѣдствіе великихъ и всеобъемлющихъ реформъ, долженствующихъ положить *ясную черту* между прошедшимъ и грядущимъ“.

Пророчество, увы! исполнилось вполнѣ.

ГЛАВА II.

Когда и почему судебная реформа получила „радикальный характеръ“.

> Вы не будете вынуждены прибѣгать, идя ощупью, не освѣщаемые наукою, къ полумѣрамъ, къ средствамъ палліативнымъ, къ разнымъ кунст-штюкамъ, перебиваясь ими со-дня-на-день, лишь **бы на короткій срокъ** вашего служенія, а затѣмъ après moi le dèluge. Нѣтъ, съ твердою помощью началъ науки вы съумѣете радикально лѣчить всякую общественную болѣзнь, ясно сознавая настоящее, прозрѣвши будущее, какъ пророкъ, и своею раціональною дѣятельностью **приготовите** благосостояніе вашему отечеству, а **себѣ вѣчную память людей**, приготовлявшихъ благодатную почву и сѣявшихъ сѣмена добра.
>
> Изъ лекцій *П. Г. Рѣдкина*.

Странная вещь! Вотъ уже прошло болѣе четверти вѣка со дня изданія Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II, а между тѣмъ до сихъ поръ основные пункты исторіи этого замѣчательнаго законодательнаго памятника недостаточно еще разъяснены и установлены.

Ходячее мнѣніе привыкло представлять дѣло въ такомъ видѣ, что до 1861 года, т.-е. пока дѣло судебнаго преобразованія находилось въ рукахъ стараго юриста николаевской эпохи, Д. Н. Блудова, все шло прекрасно. Предполагалось безъ „радикальной“ ломки, безъ теоретическихъ увлеченій произвести преобразованіе, которое должно было внести нѣкоторое усовершенствованіе въ наше старое судопроизводство. Съ передачею же главнаго руководства судебной реформою государственному секретарю В. П. Буткову и его главному помощнику С. И. Зарудному происходитъ разительная перемѣна:

являются новые люди (въ томъ числѣ Н. А. Буцковскій, Д. А. Ровинскій, К. П. Побѣдоносцевъ), приглашенные, по Высочайшему повелѣнію, въ государственную канцелярію, и сразу все мѣняется. Всѣ старыя работы гр. Блудова отбрасываются въ сторону, и новые реформаторы, не заботясь ни о „традиціяхъ“ прошлаго, ни объ условіяхъ среды, съ изумительнымъ легкомыслiемъ сочиняютъ проекты изъ своей головы или, того хуже, „списываютъ“ съ иностранныхъ кодексовъ или учебниковъ законы, идущіе въ разрѣзъ съ кореннымъ строемъ русской жизни.

Словомъ, выходитъ такъ, что Судебные Уставы какъ бы въ одно мгновеніе вышли изъ головы молодыхъ юристовъ государственной канцеляріи, какъ Минерва изъ головы Юпитера, но не во всеоружіи зрѣлой мудрости, какъ этотъ дивный продуктъ творчества великаго олимпійца, а какъ недоношенный плодъ ребяческаго недомыслія и политическаго легкомыслія. Такова ходячая версія возникновенія Судебныхъ Уставовъ, настойчиво повторяемая въ послѣднее время не только въ летучихъ газетныхъ замѣткахъ, но и въ болѣе обстоятельныхъ журнальныхъ статьяхъ и даже въ спеціальныхъ монографіяхъ.

Такого взгляда держался и покойный Викторъ Фуксъ, напечатавшій въ теченіе послѣднихъ лѣтъ цѣлый рядъ статей о судебной реформѣ сначала въ Русскомъ Вѣстникѣ, потомъ издавшій ихъ, въ переработанномъ видѣ, отдѣльною книгою подъ заглавіемъ „Судъ и полиція“.

По изложенію автора выходитъ, что до 1862—1864 гг. дѣло судебной реформы совершало свое покойное и стройное теченіе, направляемое такимъ опытнымъ и свѣдущимъ кормчимъ, какъ бывшій начальникъ II-го отдѣленія Е. И. В. канцеляріи гр. Д. Н. Блудовъ. На межѣ 1861—1862 года появились невѣсть откуда вандалы-либералы и наступилъ конецъ „историко-органическому“ направленію.

Словно изступленные, набросились они на прекрасное созданіе гр. Блудова, проекты II-го отдѣленія, и только переломавъ и исковеркавъ ихъ, во имя радикальной доктрины, они успокоились. „Эти осторожные и практическіе проекты II-го отдѣленія,—сѣтуетъ г. Фуксъ,—были сданы въ архивъ и были замѣнены въ 1862—1864 гг., по ини-

ціативѣ теоретиковъ судебной реформы, комбинаціею, которая по своей политической тенденціозности, а еще болѣе по своему сантиментальному оптимизму, не представляла никакихъ задатковъ для правильнаго органическаго развитія. Не коренясь въ исторической почвѣ, не соотвѣтствуя практическимъ условіямъ современной дѣйствительности,—продолжаетъ авторъ,—эта комбинація представляла собою не усовершенствованіе нашихъ прежнихъ формъ и органовъ, но нѣчто совершенно новое и извращавшее въ конецъ законы нашего историческаго развитія".

Итакъ, главная вина авторовъ судебнаго законодательства 1864 года заключается въ томъ, что они, вопреки практическимъ, т.-е. мудрымъ предначертаніямъ гр. Блудова, вмѣсто „усовершенствованія старыхъ формъ" и сохраненія старой „исторической почвы", увлекшись радикальною доктриною, легкомысленно внесли въ нашу жизнь нѣчто совершенно новое и чуждое ей.

Это тяжкое, по нынѣшнему времени, обвиненіе отличается однако болѣе страстностью, чѣмъ точностью, болѣе предубѣжденностью, чѣмъ основательностью. Источникъ такого ходячаго воззрѣнія лежитъ въ одномъ почти невѣроятно крупномъ недоразумѣніи, а именно: въ незнакомствѣ съ подлинными документами судебной реформы. Это недоразумѣніе, которое даетъ почву для нападковъ систематическимъ недоброжелателямъ судебной реформы и даже вводитъ въ заблужденіе людей, повидимому, стремящихся отнестись къ ней безпристрастно, заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться.

Вотъ гдѣ кроется—если не источникъ, то поводъ къ упомянутому недоразумѣнію. Трудами одного изъ виднѣйшихъ дѣятелей судебной реформы, покойнаго С. И. Зарудnаго, бывшаго, можно сказать, усерднѣйшимъ и преданнѣйшимъ ея дѣятелемъ съ самаго дня ея зарожденія, давно уже собраны и разсортированы обширные подлинные матеріалы, легшіе въ основу великаго законодательнаго акта 1864 года. Эти любопытные матеріалы, составляющіе 74 тома (большинство *in folio*) „Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи",

даютъ самый надежный ключъ къ уразумѣнію хода и исхода дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи. Обширность и малодоступность (для лицъ, не живущихъ въ Петербургѣ) этихъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ служатъ причиною тому, что до сихъ поръ они никѣмъ еще и не обработаны должнымъ образомъ.

Но, какъ извѣстно, существуетъ прекрасное и очень популярное изданіе, въ 4-хъ томахъ, „Судебныхъ Уставовъ съ изложеніемъ разсужденій, на коихъ они основаны", заключающее массу драгоцѣннаго матеріала и появившееся въ свѣтъ благодаря трудамъ того же С. И. Заруднаго. Но само собою разумѣется, что этотъ драгоцѣнный компендіумъ, эта, такъ сказать, судебная *vulgata*, не можетъ замѣнить знакомства съ подлинными 74-мя томами „Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи". Для ежедневнаго практическаго обихода это популярное изданіе, извѣстное подъ названіемъ „Судебныхъ Уставовъ съ комментаріями", представляетъ весьма удобное и незамѣнимое пособіе, но для полнаго ознакомленія и правильнаго сужденія о всѣхъ фазахъ судебной реформы, этого громаднаго предпріятія, растянувшагося на протяженіи шестнадцати лѣтъ, необходимо ознакомиться съ подлинными документами, а не болѣе или менѣе подробными извлеченіями изъ нихъ, приведенными въ изданіи государственной канцеляріи.

Только при знакомствѣ съ подлинымъ дѣломъ уясняется настоящій [1]) генезисъ дѣла, выясняется движеніе и развитіе идей, теченій и правовыхъ системъ, вліявшихъ на ходъ работъ по судебной реформѣ. А иначе легко впасть въ односторонность и ошибку, въ которую впалъ и г. Викторъ Фуксъ. Въ своей новой книгѣ г. Фуксъ повторяетъ свое прежнее мнѣніе о томъ, что проекты Блудова 1857—1861 гг. отличались благоразумною постепенностью (?), „которая не колебала (?) установившагося порядка внезапными и всеобъемлющими перемѣнами". Словомъ, выходитъ опять варіація на старую тему, что до 1861 г. все шло благополучно, тихо и покойно; являются въ 1861 г. либералы-теоретики, ко-

[1]) Считаю долгомъ принести тутъ повинную: не будучи до 1884 г. знакомъ съ означеннымъ «Дѣломъ», и самъ я не разъ впадалъ въ ошибку въ своихъ работахъ по судебной реформѣ.

торые не то съ дѣтскою рѣзвостью, не то съ вандальскою жестокостью ломаютъ проекты гр. Блудова, носившіе „историко-органическій“ характеръ, и, заплативъ дань неумѣстному радикализму, открываютъ доступъ въ русское законодательство вреднымъ чужестраннымъ доктринамъ.

Такую сказку о „радикализмѣ“ судебной реформы, будто бы впервые появившемуся съ 1861 г., можетъ сочинить только тотъ, кто не видалъ ни одного тома подлиннаго „Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи“ и довольствовался бѣглымъ чтеніемъ извлеченій, напечатанныхъ въ вышеупомянутомъ изданіи Судебныхъ Уставовъ [1]). Тотъ же, кто пожелаетъ sine ira et studio познакомиться съ подлинными матеріалами судебной реформы, неминуемо придетъ къ заключенію, что еще за четыре года до 1861 г., т.-е. съ началомъ новаго царствованія происходитъ радикальный переворотъ въ направленіи судебной реформы.

Говоря такъ, мы нисколько не умаляемъ громадныхъ заслугъ дѣятелей судебной реформы 61—64 годовъ и безспорнаго вліянія на дальнѣйшее направленіе судебной реформы вѣчно памятнаго освободительнаго акта 19-го февраля. Великій актъ 1861 г., прямо или косвенно отразившійся на всѣхъ сферахъ законодательства и общественной жизни, конечно, оказалъ огромное вліяніе и на постановку судебной реформы [2]). Мы не противъ той мысли возражаемъ, что съ 1861 г. судебная реформа вступила въ новый либерально-научный фазисъ, и что были институты (напримѣръ судъ при-

---

[1]) И дѣйствительно г. Фуксъ и не подозрѣваетъ существованія означеннаго «Дѣла», этого главнаго источника исторіи судебной реформы. Укажемъ на одинъ разительный примѣръ. Г. Фуксъ такъ далекъ отъ мысли о необходимости или, лучше сказать, возможности справляться съ подлинными документами, что долженъ оперировать болѣе или менѣе тонкими логическими соображеніями для того, чтобы опредѣлить содержаніе и составъ проекта уголов. суд., составленнаго Блудовымъ (стр. 36), тогда какъ стоило только взять въ руки т. VI и VII «Дѣла о преобр. суд. части въ Россіи», чтобы найти въ немъ проектъ полнаго устава судопроизводства по преступ. и проступк., заключающій въ себѣ семь раздѣловъ и объяснительныя къ нему записки.

[2]) Интересующіеся этимъ вопросомъ, къ сожалѣнію, очень мало разработаннымъ въ нашей литературѣ, найдутъ нѣкоторыя подробности въ нашей книгѣ «*С. И. Зарудный и судебная реформа*»

сяжныхъ), о которыхъ до „воли" нельзя было и думать, мы оспариваемъ лишь увѣреніе, что только съ этихъ поръ судебная реформа, въ отличіе отъ проектовъ гр. Блудова, будто желавшаго „постепеннаго преобразованія", получила радикальный характеръ. Нѣтъ, не теоретики 60-хъ годовъ, а не кто иной, какъ практикъ гр. Блудовъ, принимавшій участіе въ судѣ надъ декабристами и съ этихъ поръ весьма мало наклонный къ радикализму, этотъ *sui generis* „дьякъ въ приказахъ посѣдѣлый", вникнувъ „въ сущность дѣла", первый оффиціально выкинулъ знамя радикализма и доказалъ необходимость полнаго измѣненія стараго судебнаго строя.

Какъ ни парадоксально, на первый взглядъ, высказанное нами положеніе, но безстрастные подлинные документы съ очевидностью убѣждаютъ, что не кто иной, какъ именно гр. Д. Н. Блудовъ, осторожнѣйшій изъ осторожныхъ реформаторовъ, всегда державшійся девиза:

Immer langsam voran!

былъ родоначальникомъ радикальнаго направленія судебной реформы. Въ этомъ отношеніи особенно поучительна большая объяснительная записка (149 печатныхъ страницъ) графа Блудова отъ 1857 г. [1]), съ которою не мѣшаетъ познакомиться тѣмъ, которые привыкли неумѣренно восторгаться работами его и клясться ими *in verba magistri*.

Въ этой любопытной запискѣ мы находимъ обстоятельныя свѣдѣнія о томъ, какъ этотъ завзятый поклонникъ „частичныхъ улучшеній" (припомнимъ его Уложеніе 1845 г., которое онъ не безъ авторской гордости называлъ „усовершествованнымъ сводомъ") долженъ былъ отступить отъ своего любимаго образа дѣйствія. Гр. Блудовъ съ большою искренностью сознается и какъ бы кается въ томъ, что „ближайшее знакомство съ сущностью порученнаго ему дѣла" заставило его совершить актъ грѣхопаденія и выступить на путь радикальной реформы. Во избѣжаніе обвиненія въ неправильномъ истолкованіи словъ гр. Блудова, считаемъ нелишнимъ привести *in extenso* нѣкоторыя мѣста изъ этой замѣчательной и по формѣ, и по содержанію записки.

---

[1]) См. II томъ «Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи», Общ. объясн. записка къ пр. уст. гр. суд.

„Съ перваго взгляда можетъ показаться,—говоритъ онъ,—что было бы достаточно ограничиться *лишь нѣкоторыми* частными исправленіями нынѣшняго порядка производства дѣлъ гражданскихъ, напримѣръ, лучшимъ, надежнѣйшимъ доставленіемъ вызововъ суда, точнѣйшимъ назначеніемъ сроковъ для разныхъ дѣйствій какъ тяжущихся, такъ и судебныхъ мѣстъ и Канцелярій ихъ (NB. прописная буква въ подлинникѣ), установленіемъ яснѣйшей, удовлетворительнѣйшей формы для докладныхъ записокъ, сокращеніемъ сроковъ апелляціонныхъ, *уменьшеніемъ числа бумагъ, принимаемыхъ отъ* тяжущихся, и т. п. Сей образъ дѣйствій при исправленіи узаконеній о производствѣ имѣетъ и долженъ имѣть многихъ защитниковъ, ибо оному удобнѣе и легче слѣдовать на практикѣ. Сверхъ того, какъ обыкновенно, а въ большей части случаевъ и справедливо замѣчаютъ, успѣхъ вводимыхъ постепенно и медленно преобразованій вѣроятнѣе и надежнѣе. Мнѣ также казалось, при началѣ моего труда, что можно бы *было улучшить наше судопроизводство* гражданское посредствомъ исправленія лишь нѣкоторыхъ отдѣльныхъ онаго постановленій. Но чѣмъ тщательнѣе я вникалъ въ сущность порученнаго мнѣ Высочайшимъ довѣріемъ дѣла, разсматривая съ разныхъ сторонъ всѣ неудобства нынѣшняго порядка судопроизводства гражданскаго, а съ тѣмъ вмѣстѣ причины и, буде смѣю употребить сіе слово, самое происхожденіе (курсивъ въ подлинникѣ) сихъ неудобствъ, имѣя притомъ въ виду, что между всѣми постановленіями существуетъ естественная, неразрывная связь—тѣмъ очевиднѣе и сильнѣе мнѣ представлялась истина, уже признанная многими свѣдущими и опытными по сей части людьми, что чрезъ частныя измѣненія мы не только не достигнемъ желаемой, указанной намъ цѣли, но едва ли даже въ нѣкоторомъ отношеніи не удалимся отъ нея. Дабы исправить надлежащимъ, удовлетворительнымъ образомъ наши узаконенія о производствѣ дѣлъ гражданскихъ, не довольно усовершенствованія той или другой изъ сторонъ онаго, надобно стараться устранить причины зла, т.-е. безпорядковъ въ самомъ ихъ корнѣ; а для сего необходимо принять другую, совершенно отличную отъ настоящей систему, основанную на тѣхъ общихъ, непреложныхъ началахъ, безъ коихъ не можетъ

быть правильнаго судопроизводства гражданскаго въ строгомъ смыслѣ слова...

„Намъ въ особенности,—говоритъ дальше гр. Блудовъ,—нельзя и думать о какомъ-либо усовершенствованіи сей части нашего законодательства, безъ измѣненія самой основной мысли ея, безъ принятія, не только отличныхъ, но до нѣкоторой степени противныхъ ей началъ“ [1]).

Приведенная выписка, кажется, достаточно ясно показываетъ, какими причинами обусловливался радикализмъ судебной реформы, который ставится нынѣ въ вину „легкомысленнымъ либераламъ 60-хъ годовъ“, и кто былъ его родоначальникомъ. Источникъ радикализма лежалъ не въ томъ, что эти послѣдніе питали „влеченіе, родъ недуга“ къ либерализму и доктринѣ, а въ самомъ свойствѣ предмета. *Если ужъ такой „фабій кунктаторъ“, какъ гр. Блудовъ, считалъ* необходимою ломку всего зданія, то это доказываетъ, что оно прогнило насквозь.

Вотъ къ какому заключенію приводитъ безпристрастное изслѣдованіе подлинныхъ источниковъ судебной реформы. Радикализмъ судебной реформы вызывался сознаніемъ негодности всего стараго суда, съ очевидностью для всѣхъ обнаружившейся ко второй половинѣ 50-хъ годовъ, къ началу новаго царствованія, когда обнаружилось и много другихъ язвъ дореформеннаго строя жизни. Въ эту „Эпоху всеобщаго просвѣтлѣнія умовъ“, которое доктринеры застоя называютъ теперь „эпохою умопомраченія“, настолько для всѣхъ выяснилась необходимость коренной реформы всей судебной системы, что самъ безстрастный представитель ортодоксальнаго консерватизма, гр. Блудовъ, выступилъ поборникомъ „коренного“ измѣненія процесса.

Послѣ сказаннаго ясно, насколько справедливо увѣреніе г. Виктора Фукса, что проекты гр. Блудова 1854—61 годовъ отличались „благоразумною постепенностью, которая не колебала (?!) установившагося порядка внезапными и всеобъемлющими реформами“, тогда какъ на самомъ дѣлѣ изъ ipsissima verba гр. Блудова явствуетъ, что онъ вынужденъ былъ отказаться отъ мысли о „частичныхъ улучше-

---

[1]) См. «Дѣло о преобр. суд. части», т. II. Общ. объясн. записка къ уст. граж. судопр., стр. 4, 5, 8.

ніяхъ“ и рекомендовать принятіе „совершенно отличной отъ настоящей системы судопроизводства“, основанной на общихъ, т.-е. теоретическихъ „непрелożныхъ началахъ“. И послѣ этого г. Фуксъ еще рѣшается утверждать, что гр. Блудовъ былъ далекъ отъ „теоретическихъ экспериментовъ“!

Такъ идеализируетъ г. Фуксъ все вышедшее изъ-подъ пера гр. Блудова.

Скажемъ два слова объ идеализаціи, допускаемой г. Фуксомъ. Ну, идеализація проектовъ гр. Блудова еще куда ни шла! Но мы не можемъ постичь, какъ можно упрекать дѣятелей 60-хъ годовъ въ „сантиментальномъ оптимизмѣ“ и въ то же время самому идеализировать нашъ столь печальной памяти „старый судъ“, какъ это дѣлаетъ г. Фуксъ, увѣряя, что „не во всемъ объемѣ и не во всѣхъ традиціяхъ (sic) старый судъ долженъ былъ быть замѣненъ новымъ“.

Безъ сердечной, горячей, коли угодно—наивной вѣры въ силу добра и разума или, что то же, безъ „сантиментальнаго оптимизма“ не совершалось ничего великаго, благодѣтельнаго въ исторіи.

Не ты ль одно все совершило
Святое горячее сердце?—

говоритъ Гёте.

Такимъ образомъ, противъ идеализаціи или оптимизма нельзя возставать. Весь вопросъ только въ томъ, каковъ о б ъ е к т ъ этой идеализаціи.

Но едва ли въ этомъ отношеніи дѣятели 60-хъ годовъ впали въ ошибку, избравъ объектомъ идеализаціи или „сантиментальнаго оптимизма“,—какъ выражается г. Фуксъ,—тѣ великія идеи, учрежденія и традиціи, которыми дорожитъ и гордится все цивилизованное человѣчество, а не тѣ „традиціи стараго суда“, которыя идеализируетъ самъ г. Фуксъ,—того самаго суда, при одномъ воспоминаніи о которомъ по справедливому замѣчанію знатока старыхъ судебныхъ порядковъ И. С. Аксакова, „волосъ встаетъ дыбомъ, морозъ деретъ по кожѣ“ (Р у с ь, 15-го февраля 1884 г.). Идеализація стараго суда—это такое же патологическое явленіе, какъ апологія кнута и крѣпостного права.

ГЛАВА III.

Историческій очеркъ составленія судебныхъ уставовъ.

Нашъ нормальный путь не подраженіе, а разумное примѣненіе общихъ началъ, выработанныхъ юридическою наукою.

Н. А. Буцковскій.

I.

Первые зачатки судебной реформы относятся къ началу сороковыхъ годовъ. Въ 1832 г. окончена была предпринятая гр. Сперанскимъ работа по приведенію въ извѣстность и по систематизаціи всего стараго и дѣйствующаго русскаго законодательства. Результатомъ этой работы было изданіе Полнаго Собранія Законовъ и Свода Законовъ. Вслѣдъ за этимъ возникла мысль объ улучшеніи уголовнаго процесса, но она тотчасъ же была оставлена, такъ какъ убѣдились, что необходимо прежде всего пересмотрѣть дѣйствовавшіе въ то время уголовные законы, показавшіеся черезчуръ жестокими даже въ это жестокое время. Въ 1845 году появилось Уложеніе о наказаніяхъ, составленное подъ главнымъ руководствомъ привилегированнаго короннаго юриста графа Д. Н. Блудова, главнымъ образомъ изъ старыхъ, но нѣсколько смягченныхъ уголовныхъ законовъ. Самъ гр. Блудовъ назвалъ свою кодификацію усовершенствованнымъ сводомъ.

Одновременно съ составленіемъ проекта Уголовнаго Уложенія, начаты были подготовительныя работы и по улучшенію гражданскаго процесса. Въ 1843 г. гр. Блудовъ затребовалъ отъ членовъ судебнаго вѣдомства замѣчаній о доказанныхъ практикою недостаткахъ дѣйствующаго судебнаго законодательства и, на основаніи полученныхъ свѣдѣній, составилъ „предположеніе“ о нѣкоторыхъ необходимыхъ улучшеніяхъ.

Не трудно догадаться о характерѣ ихъ. Въ это время всеобщаго умственнаго и законодательнаго застоя, время боязни предъ рѣшительными преобразованіями и пристрастія къ полумѣрамъ, заплатамъ на старомъ рубищѣ,—предложенное гр. Блудовымъ мѣропріятіе также носило чисто палліативный характеръ. О необходимости полнаго переустройства и дезинфекціи прогнившаго насквозь зданія стараго суда, извѣстнаго всѣмъ своею чудовищною продажностью и безконечною волокитою, никто и не думалъ [1]).

Гр. Блудовъ ограничивался проектированіемъ второстепенныхъ техническихъ улучшеній въ родѣ отмѣны рукоприкладства, указанія секретаремъ „приличныхъ дѣлу“ законовъ, сокращенія числа инстанцій и т. п. Онъ входилъ по этимъ предметамъ въ безконечную переписку съ тогдашнимъ министромъ юстиціи гр. В. Н. Панинымъ, который, находя „новшества“ слишкомъ смѣлыми „теоретическими“ (sic) увлеченіями, съ неустанною энергіею отстаивалъ каждую мелочь дѣйствовавшаго процесса, какъ драгоцѣнное наслѣдіе „столѣтняго творчества“!

Гр. Блудовъ, догадавшись, что изъ этой безплодной переписки, что изъ этого „труда тяжкаго, по безконечности“, не можетъ выйти ничего путнаго, рѣшилъ дѣло судебнаго преобразованія сосредоточить при состоящемъ подъ его главнымъ управленіемъ II отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Съ этою цѣлью онъ исходатайствовалъ въ 1850 и 1852 годахъ Высочайшія повелѣнія объ

---

[1]) О всѣмъ извѣстной продажности стараго суда распространяться не будемъ. Что же касается «волокиты», ограничимся двумя примѣрами. Въ 1836 г. возникло дѣло Шидловскихъ. До 1856 г. оно двѣнадцать разъ восходило до сената, гдѣ состоялось 12 противорѣчивыхъ указовъ, и все-таки въ теченіе двадцати лѣтъ оно не было рѣшено по существу, а разрѣшенъ былъ только вопросъ о «предоставленіи хода сему дѣлу». Е. П. Старицкій (нынѣ членъ Государственнаго Совѣта) въ запискѣ своей, напечатанной въ т. IX Дѣла о преобр. суд. части, исчисляетъ рядъ дѣлъ, по коимъ въ теченіе 10—15 лѣтъ еще въ первой инстанціи шла переписка о дополненіяхъ и справкахъ. По одному дѣлу не поступало затребованной справки въ теченіе 6 лѣтъ, несмотря на множество подтвержденій и 46 (сорокъ шесть не опечатка!) представленій губернскому правленію о понужденіи уѣзднаго начальника (стр. 1—2 Записки). Такихъ примѣровъ можно бы привесть тысячи.

учрежденіи при II отдѣленіи комитетовъ для составленія проектовъ уставовъ уголовнаго и гражданскаго судопроизводствъ. Въ составъ гражданскаго комитета вошли—товарищъ министра юстиціи Илличевскій, сенаторы Веймарнъ, Губе (нынѣ членъ государственнаго совѣта) Карніолинъ-Пинскій, членъ консультаціи министерства юстиціи Карцевъ, замѣненный впослѣдствіи оберъ-прокуроромъ I-го департамента сената Любощинскимъ [1]). Дѣлопроизводителемъ былъ назначенъ астрономъ по образованію и юристъ-самоучка, впослѣдствіи знаменитый цивилистъ, С. И. Зарудный, вложившій всю свою душу въ дѣло судебной реформы и такъ много сдѣлавшій въ послѣдній фазисъ ея развитія [2]).

Не трудно сказать, чѣмъ бы окончились труды этого комитета, если бы они были доведены до конца. По всей вѣроятности мы бы получили опять новый образчикъ „усовершенствованнаго Свода“ наподобіе Уложенія 1845 г., т.-е. компромиссъ и компиляцію стараго и новаго, лишенную цѣльности и послѣдовательности. Но до окончанія работъ комитета произошло событіе, сообщившее имъ новую силу и окраску и вообще вдвинувшее дѣло судебной реформы въ новый фазисъ.

Наступившій въ обществѣ, вслѣдъ за воцареніемъ Императора Александра II-го нравственный и умственный подъемъ, такъ сильно сказавшійся на всей нашей политической и умственной жизни, сказался и на работахъ блудовскаго комитета. Встрепенулся и воспрянулъ духомъ и старый либералъ и бывшій „арзамасецъ“ Д. Н. Блудовъ, восторженно рукоплескавшій нѣкогда словамъ Александра I-го, что „либеральныя начала одни могутъ служить основою счастія народовъ“. Казалось, свыше тридцатилѣтній реакціонный режимъ (1820—1855), подъ которымъ прошла вся почти государственная дѣятельность гр. Блудова, долженъ былъ до конца высушить въ немъ всѣ зачатки либерализма; однако вышло иначе, и при первыхъ же благопріятныхъ для нихъ вѣяніяхъ, они воспрянули къ новой жизни. Въ 1855—1860 гг. гр. Блудовъ далъ сильный толчокъ работамъ по судебной реформѣ и внесъ въ государственный совѣтъ Уставъ гражданскаго судопроиз-

---

[1]) Личный составъ уголовнаго комитета, къ сожалѣнію, не поименованъ въ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи документахъ.

[2]) См. книгу мою: «С. И. Зарудный и судебная реформа». М. 1888 г.

водства, Положеніе о присяжныхъ повѣренныхъ, Уставъ уголовнаго судопроизводства и, наконецъ, Уставъ судоустройства. Сравнительно съ палліативными предположеніями 40-хъ годовъ гр. Блудова, проекты его 1857—1860 годовъ составляли громадный, почти разительный шагъ впередъ. Даже въ области наиболѣе консервативной, въ гражданскомъ процессѣ, намѣчены были довольно радикально измѣненія сообразно требованіямъ непреложныхъ началъ „юридической науки“ [1]).

Въ числѣ этихъ „непреложныхъ началъ“, принятыхъ въ руководство гр. Блудовымъ, были: отдѣленіе власти судебной отъ административной, уничтоженіе канцелярской тайны и введеніе гласности и устности, введеніе состязательнаго процесса и учрежденіе сословія присяжныхъ повѣренныхъ, рѣшеніе дѣлъ по существу только въ двухъ инстанціяхъ и пр. Въ уголовномъ процессѣ предлагалось: устраненіе полиціи отъ производства слѣдствія, введеніе устности, состязательности, упраздненіе слѣдственнаго начала, введеніе обвинительной системы и института защиты, значительное ослабленіе теоріи законныхъ доказательствъ и предоставленіе нѣкотораго простора судейскому убѣжденію, уничтоженіе сословныхъ судовъ и пр. Таковы были тѣ новыя и противныя дѣйствовавшему тогда законодательству „непреложныя общія начала“, введеніе которыхъ сдѣлало для графа Блудова возможнымъ не одно „тщательное вниканіе въ дѣло“ (объ нихъ онъ не смѣлъ бы и мечтать при режимѣ 40-хъ годовъ). Примѣненіе нѣкоторыхъ „непреложныхъ началъ“ стало возможнымъ для графа Блудова только благодаря тому прогрессивному направленію мысли, которое охватило наши правительственные и общественные круги во второй половинѣ 50-хъ годовъ,—послѣ паденія Севастополя, кровавая и геройско-мучительная эпопея коего бросила столь печальный и поучительный отблескъ на господствовавшую у насъ дотолѣ систему управленія.

II.

Въ 1861—1862 годахъ судебная реформа дѣлаетъ новую эволюцію по пути развитія „непреложныхъ общихъ началъ“.

---

[1]) См. т. II, Дѣло о преобр. судебн. части, Общ. Объясн. Зап., стр. 3—6.

Великій актъ освобожденія крестьянъ оказалъ частью прямое и частью косвенное, но въ общемъ громадное воздѣйствіе на дальнѣйшее движеніе и ускореніе этого преобразованія. Но воздѣйствіе заключало въ себѣ весьма опредѣленное содержаніе, а не имѣло того утрированнаго не то метафизическаго, не то мистическаго значенія, по смыслу котораго, какъ увѣряютъ „самобытники“, Положеніе 19-го февраля имѣло и должно имѣть вліяніе на в с ѣ будущія времена и на в с ѣ наши преобразованія [1]). Вотъ въ чемъ выразилось прямое вліяніе 19-го февраля. Для многомилліоннаго населенія „вчерашнихъ рабовъ“, впервые возвратившихъ себѣ, благодаря освободительному акту 19-го февраля, гражданскія права, необходимо было взамѣнъ уничтоженнаго п о м ѣ щ и ч ь я г о с у д а, если только возможно назвать его судомъ, учредить государственный судъ. Косвенное же воздѣйствіе „дѣла 19-го февраля“ было то доброе воодушевленіе и гуманное увлеченіе, которое вызвало благополучное окончаніе этого громаднаго предпріятія и которое влило новыя силы въ дѣятелей этого времени. „Если бы въ 1861 году не состоялось, по волѣ Самодержца Всероссійскаго [2]),—пишетъ въ своихъ автобіографическихъ замѣткахъ важнѣйшій авторитетъ по исторіи судебной реформы, С. И. Зарудный,—освобожденіе крестьянъ с ъ з е м л е ю, то н и в ъ к а к о м ъ с л у ч а ѣ не были бы утверждены 20 ноября 1864 г. Судебные Уставы. При крѣпостномъ правѣ,—продолжаетъ онъ,—въ сущности не было надобности въ справедливомъ судѣ. Настоящими судьями были тогда только помѣщики, надъ ними господствовалъ высшій своевольный судъ. Помѣщики не могли ему не покориться; но въ ихъ рукахъ сосредоточилась власть надъ большинствомъ народонаселенія. Крестьяне расправлялись съ помѣщиками судомъ Линча. Послѣ 19-го февраля и высшіе наши сановники сознали, что появилась безотлагательная необходимость въ судѣ скоромъ и справедливомъ“ [3]).

---

[1]) См. «Освобожденіе крестьянъ» Н. П. Семенова, стр. 1—3, XII.

[2]) Фактъ вліянія и личнаго энергическаго руководства этимъ «святымъ» дѣломъ освобожденія Императора Александра II все болѣе и болѣе подтверждается непосредственными свидѣтельствами. См. письмо А. В. Головнина къ кн. Барятинскому о засѣданіи Государственнаго Совѣта 28-го января 1861 г. (См. «Русскій Архивъ», 1869 г., № 6).

[3]) См. «Русскую Старину», 1888 г., № 9.

Мы можемъ наглядно прослѣдить вліяніе „19-го февраля" на судебную реформу еще на одномъ частномъ примѣрѣ, на вопросѣ объ отдѣленіи власти судебной отъ административной. Вопросъ этотъ ставился и гр. Блудовымъ, но съ паденіемъ крѣпостного права онъ получаетъ болѣе твердую и рѣшительную постановку.

„Смѣшеніе властей, разсуждалъ въ 1862 г. государственный совѣтъ, было отчасти неизбѣжнымъ послѣдствіемъ крѣпостнаго состоянія. Помѣщичьи крестьяне, составлявшіе около половины всего нашего народонаселенія и лишенные гражданскихъ правъ, имѣли въ лицѣ своего владѣльца хозяина, судью и исполнителя своихъ рѣшеній... Такое же смѣшеніе властей наблюдалось и на учрежденіяхъ крестьянъ другихъ вѣдомствъ, гдѣ хозяйственныя и полицейскія власти сдѣлались вмѣстѣ съ тѣмъ и судебными. При такомъ смѣшеніи властей въ отдѣльныхъ управленіяхъ, оно должно было проникнуть и въ общее управленіе Имперіи, и такъ всѣ административныя власти, начиная отъ становаго пристава до губернатора и даже до министровъ, вмѣшиваясь въ силу самаго закона, въ ходъ судебныхъ дѣлъ и тѣмъ самымъ ослабляя истинное значеніе суда, останавливаютъ правильное отправленіе правосудія". Указавъ далѣе на смѣшеніе властей, сословность суда и многочисленность инстанцій, истекавшія изъ прежняго (крѣпостнаго) устройства нашего общества, государственный совѣтъ замѣчаетъ, что всѣ эти недостатки „должны быть устранены съ уничтоженіемъ причины, оправдывавшей прежній порядокъ" [1]).

Отмѣтивъ общій характеръ вліянія освобожденія крестьянъ, перейдемъ теперь къ подробностямъ.

События развивались въ такомъ порядкѣ. Осенью 1861 года вернулся въ Петербургъ изъ Крыма Императоръ Александръ II—бодрый, веселый, довольный, удовлетворенный, счастливый,—счастливый тѣмъ особымъ и великимъ счастьемъ, которое даетъ лицамъ, располагающимъ судьбами народовъ, сознаніе исполненнаго долга и твердаго выполненія завѣщанной исторіей, трудной, но благородной миссіи [2]). Ге-

---

[1]) См. т. XVII, Дѣла о преобр. суд. ч., стр. 55—57.

[2]) Какъ извѣстно, алармисты пугали призракомъ народныхъ волненій по поводу объявленія воли. Покойный Государь замѣтилъ: «Надѣюсь, этого не будетъ», и эта надежда оправдалась.

ній свободы и гуманности виталъ въ то время надъ Россіею. Благородное воодушевленіе, чувство, внезапно, но—увы!—не на долго, вспыхнувшаго жгучаго стыда предъ исторіею, сознаніе нравственнаго долга предъ „низшею братіею“ создавали въ обществѣ неудержимое стремленіе обновить старый крѣпостной строй жизни, державшійся только на насиліи, произволѣ и беззаконіи. Чего-чего только нельзя предпринять и быстро и удачно выполнить при такомъ бодромъ и гуманномъ настроеніи, которое только очерствѣлому рабовладѣльческому сердцу можетъ казаться временемъ „бѣлой горячки“!..[1]).

Тотчасъ по возвращеніи въ Петербургъ, Государь пожелалъ узнать, въ какомъ положеніи находится дѣло о судебномъ преобразованіи. Государственный секретарь В. П. Бутковъ во всеподданнѣйшей запискѣ указывалъ на встрѣченныя государственною канцеляріею затрудненія при докладѣ составленныхъ гр. Блудовымъ въ разное время и несогласованныхъ между собою проектовъ Уставовъ гражд. и угол. судопроизводства и судоустройства, и высказалъ, что детальному разсмотрѣнію означенныхъ проектовъ должно предшествовать „опредѣленіе и утвержденіе основныхъ началъ“ предполагаемаго судопроизводства. Докладъ В. П. Буткова былъ Высочайше одобренъ и, въ исполненіе состоявшагося на основаніи онаго Высочайшаго повелѣнія, былъ составленъ 19-го октября 1861 г. В. П. Бутковымъ, по соглашенію съ предсѣдавшимъ въ государственномъ совѣтѣ гр. Д. Н. Блудовымъ, новый и болѣе подробный докладъ о порядкѣ разсмотрѣнія въ государственномъ совѣтѣ проектовъ судебнаго преобразованія.—23-го октября 1861 г. уже состоялось Высочайшее утвержденіе этого доклада, выдвинувшее дѣло судебнаго преобразованія въ третій и послѣдній фазисъ его развитія.

Вслѣдствіе наступившихъ послѣ 19-го февраля болѣе прогрессивныхъ вѣяній, признано было неудобнымъ поручить, въ этой новой стадіи дѣла, руководство старому, даже очень старому, кормчему его, гр. Блудову (ему минуло въ 1862 году 77 лѣтъ). Новое вино опасно было вливать въ старые мѣхи. По всему видно, что это чувствовалось всѣми, не исключая и

---

[1]) См. статью г. Григорова «Кое-что о мировомъ судѣ». «Моск. Вѣд.», 1889 г, № 35.

самого графа Блудова, котораго съ этихъ поръ почтительно. но послѣдовательно удаляютъ съ поста, болѣе не соотвѣтствовавшаго его положенію и силамъ. Эту цѣль и преслѣдовалъ, между прочимъ, означенный докладъ, принадлежавшій перу вышеупомянутаго С. И. Заруднаго, состоявшаго съ 1857 г. статсъ-секретаремъ департамента законовъ государственнаго совѣта.

Сущность названнаго доклада сводилась къ тому, что поручалось государственной канцеляріи сообща съ „прикомандированными къ ней юристами“ извлечь изъ блудовскихъ проектовъ, составленныхъ при II отдѣленіи Его Императорскаго Величества канцеляріи, „главныя основныя начала“. Съ оффиціальной точки зрѣнія перемѣна была небольшая. Въ работахъ государственной канцеляріи должны были принимать участіе также и чиновники того же II-го отдѣленія и министерства юстиціи, и даже номинальное „высшее наблюденіе“ оставалось за гр. Блудовымъ. Но въ дѣйствительности дѣло судебной реформы явственно выступало на новый, болѣе рѣшительный путь. Иниціатива и главное руководство имъ замѣтно переходило къ В. П. Буткову и его главному сотруднику С. И. Зарудному, при дѣятельномъ участіи новыхъ, свѣжихъ силъ „прикомандированныхъ юристовъ“: Н. А. Буцковскаго, Н. И. Стояновскаго, Д. А. Ровинскаго, К. П. Побѣдоносцева, А. М. Плавскаго и чиновъ государственной канцеляріи: П. Н. Даневскаго, С. П. Шубина и А. П. Вилинбахова. Одно уже привлеченіе къ дѣлу „юристовъ“ какъ таковыхъ, т.-е. какъ представителей „права“, а не просто чиновниковъ „законовѣдовъ“ [1]), свидѣтельствовало о томъ, что въ оффиціальныхъ сферахъ „новое начало“, юридическая наука, „право“, сдѣлало довольно серьезное завоеваніе на счетъ и въ ущербъ традиціонной табели о рангахъ и „законовѣдѣнія“. Оставалось закрѣпить это цѣнное завоеваніе и обезпечить „прикомандированнымъ юристамъ“, изъ коихъ большинство было воодушевлено гуманными и либеральными стремленіями,

---

[1]) Нашъ маститый юристъ П. Г. Рѣдкинъ въ недавно вышедшей книгѣ своей напоминаетъ, что до Устава 1863 года профессорамъ строжайше предписано было замѣнить слово «правовѣдѣніе»—«законовѣдѣніемъ». См. «Изъ лекцій проф. П. Г. Рѣдкина», стр. 5—6.—Свѣжо преданіе, но вѣрится съ трудомъ.

возможность широкаго общенія съ юридическою наукою. Этотъ шагъ не заставилъ себя долго ждать.

Уже къ концу 1861 года „юристы" живо разобрали блудовскіе проекты и нашли въ нихъ то, что и слѣдовало ожидать. Извлеченныя „основныя начала" показали, что проекты не согласованы между собою и что необходимъ пересмотръ и полная переработка ихъ на основаніяхъ научныхъ или на основаніи тѣхъ „общихъ непреложныхъ началъ", о которыхъ писалъ гр. Блудовъ еще въ 1857 г., но провести которыя пришлось другимъ.

Съ начала 1862 года гр. Блудова смѣняетъ, по должности предсѣдательствующаго въ государственномъ совѣтѣ, кн. П. П. Гагаринъ, и съ этихъ поръ гр. Блудовъ сходитъ со сцены. Но, къ чести его нужно замѣтить, онъ не счелъ умѣстнымъ держать *quand même* оппозицію тѣмъ „новшествамъ", которыя проникли послѣ него въ судебную реформу, и, считая ихъ появленіе естественнымъ развитіемъ начатаго имъ дѣла, принялъ ихъ просто и *sans phrases*.

Первымъ дѣломъ кн. Гагарина было исходатайствовать „юристамъ" оффиціальное разрѣшеніе на полную свободу дѣйствій и возможность свободнаго пользованія вышеупомянутыми „непреложными началами", т.-е. указаніями науки и практики цивилизованныхъ народовъ. Разрѣшеніе это было дано знаменитымъ Высочайшимъ повелѣніемъ отъ января (число, къ сожалѣнію, неизвѣстно) 1862 года, гдѣ впервые вещи названы ихъ собственными именами. Вотъ что гласилъ этотъ первостепенный для исторіи русскаго процесса и прогресса документъ: „изложить въ общихъ чертахъ соображенія государственной канцеляріи и прикомандированныхъ къ ней юристовъ о тѣхъ главныхъ началахъ, несомнѣнное достоинство коихъ признано въ настоящее время наукою и опытомъ европейскихъ государствъ и по коимъ должны быть преобразованы судебныя части въ Россіи".

Рубиконъ былъ перейденъ! Китайская стѣна, отдѣлявшая въ теченіе сорока пяти лѣтъ наши законодательныя сферы отъ непосредственнаго воздѣйствія европейской науки и передовой мысли, пала. Начала европейскаго публичнаго права и науки, проникавшія къ намъ дотолѣ контрабандным пу-

гемъ или въ видѣ замаскированныхъ анонимовъ (какъ, напр., „общія непреложныя начала" у гр. Блудова), получили, наконецъ, открытый доступъ и къ нашему законодательному обиходу. Благодаря этому крупному событію, а также господствовавшему въ то время въ русскомъ обществѣ либеральному настроенію, сдѣланъ былъ тотъ послѣдній, логическій шагъ, безъ котораго предпринятое гр. Блудовымъ 20 лѣтъ передъ тѣмъ дѣло судебной реформы осталось бы на полпути и недодѣланнымъ.

„Юристы" 1862 г. возымѣли благородную рѣшимость сдѣлать этотъ окончательный шагъ, который инымъ казался черезчуръ рискованнымъ. Вѣря въ здравый смыслъ русскаго народа, крѣпость русской культуры и воспитательную силу „хорошихъ учрежденій", „Могучая кучка" юристовъ рѣшилась, напр., предложить судъ присяжныхъ, который, такъ сказать, навертывался на языкѣ у гр. Блудова, но который онъ не имѣлъ рѣшимости открыто выставить.

Въ составленныхъ юристами „главныхъ началахъ" мы видимъ не скачки и не бредъ буйной теоретической мысли, какъ иные думаютъ, а только логическое развитіе институтовъ, раньше намѣченныхъ. Это лучше всего можно показать на примѣрѣ самаго важнаго нововведенія, на судѣ присяжныхъ, предложенномъ Зарудниною „могучею рукою".

Враги судебной реформы привыкли твердить, что судъ присяжныхъ былъ введенъ у насъ изъ слѣпого подражанія иностраннымъ образцамъ и по мотивамъ чисто политическимъ. Мнѣніе это лишено всякаго основанія. Что касается подражательности, то вотъ какъ смотрѣли „юристы" 60-хъ годовъ на вопросъ о заимствованіи: „нашъ нормальный путь, говорятъ они, не подражаніе, а разумное примѣненіе общихъ началъ, выработанныхъ юридическою наукою" [1]). Что же касается политической стороны этого института, то ее тщательно устраняютъ они изъ нашего суда присяжныхъ, настаивая на мотивахъ исключительно юридическихъ [2]).

---

[1]) См. т. IX. Дѣло о преобраз. суд. части, Записка Н. Л. Буцковскаго, стр. 7.

[2]) См. назв. томъ Дѣла, стр. 40, Записки Буцковскаго и стр. 5 Записки Зарудnаго.

Въ чемъ же они состояли? [1]) Вотъ путь того разсужднія, который побудилъ „юристовъ" государственной канцеляріи сдѣлать изъ посылокъ гр. Блудова логическіе ихъ выводы. Гр. Блудовъ, признавая теорію „законныхъ доказательствъ" несостоятельною, не рѣшился однако вполнѣ отказаться отъ нея и остановился на компромиссѣ. „Юристы", основываясь на трудахъ германскихъ юристовъ Кестлина, Генна, Пухты, Гагена, Буштеля, Бринкмана, Молинара, Миттермейера и др., пришли къ заключенію, что тутъ нѣтъ средины, tertium non datur, что или должна быть строгая легальная регламентація силы доказательствъ, обязательная для судей, или имъ долженъ быть предоставленъ путь оцѣнки доказательствъ по внутреннему убѣжденію. Отвергнувъ теорію „законныхъ доказательствъ" на основаніи указаній науки и нашей собственной практики (эта сторона дѣла особенно тщательно разработана въ запискѣ Д. А. Ровинскаго, прекрасно знакомаго съ практикою по должности московскаго губернскаго прокурора) и признавъ необходимость рѣшенія вопроса о виновности по убѣжденію судей, юристы переходятъ къ вопросу о судоустройствѣ. Они указываютъ на то, что наши старые судебные засѣдатели не приносили никакой пользы и были простыми ширмами или пѣшками въ рукахъ секретарей, такъ какъ должны были рѣшать не только вопросъ о виновности на основаніи теоріи доказательствъ, но и примѣнять законы о наказаніяхъ. Вслѣдствіе этого „юристы" признаютъ нужнымъ предоставить засѣдателямъ рѣшеніе только вопроса о виновности, который они, въ качествѣ людей знакомыхъ съ дѣйствительною жизнью, рѣшатъ лучше коронныхъ судей, людей кабинетныхъ. Вопросъ же о наказаніи предоставляется рѣшенію судей-юристовъ. Отсюда переходъ, чрезъ нашихъ „судебныхъ засѣдателей", къ европейскимъ присяжнымъ засѣдателямъ былъ такъ естественъ, что онъ подсказывался самъ собою. Придумывать непремѣнно что-то „свое", отличное отъ хорошо извѣстнаго и испробованнаго европейскаго суда присяжныхъ—значило бы входить въ оригинальничанье, значило бы стучаться въ открытую дверь. Дѣятели 60-хъ го-

---

[1]) Ниже мы приводимъ подробныя извлеченія изъ записокъ о судѣ присяжныхъ.

довъ были слишкомъ серьезные люди, чтобы носиться съ такою „пустою" претензіею, къ которой, по замѣчанію В. С. Соловьева, сводится наша внѣ-европейская и противо-европейская самобытность [1]).

Главный аргументъ противъ суда присяжныхъ была неразвитость „вчерашняго раба", неразвитость народа, „котораго, по выраженію Я. И. Ростовцева, до освобожденія крестьянъ не существовало" [2]). Вотъ какъ возражаютъ на это „Соображенія" государственной канцеляріи: „конечно, развитость народа имѣетъ не малое вліяніе на достоинство его учрежденій, но не подлежитъ также сомнѣнію, что хорошія учрежденія развиваютъ и совершенствуютъ общество. Въ этомъ отношеніи правильный судъ едва ли не желательнѣе всякаго инаго учрежденія, ибо онъ распространяетъ въ народѣ понятіе о справедливости и законѣ, безъ чего не можетъ быть ни благосостоянія, ни порядка въ обществѣ. Неразвитость нашего народа представляетъ основаніе для скорѣйшаго введенія суда присяжныхъ, потому что такой именно народъ и нуждается въ особыхъ огражденіяхъ въ судѣ, нуждается въ судьяхъ, которые бы вполнѣ его понимали: нигдѣ можетъ быть историческая жизнь народа не положила такихъ глубокихъ разграниченій между различными слоями общества, какъ у насъ, отчего между понятіями, обычаями и образомъ жизни нашихъ постоянныхъ судей, принадлежащихъ вообще къ высшему сословію, и подсудимыхъ изъ низшихъ сословій, замѣчаются чрезвычайно рѣзкія различія" [3]).

Весьма подробно разобрали „юристы" государственной канцеляріи и то возраженіе, что судъ присяжныхъ имѣетъ политическій характеръ. Судъ присяжныхъ, какъ одна изъ лучшихъ гарантій правосудія вообще, конечно имѣетъ и крупное политическое значеніе. „При отсутствіи правосудія,—говоритъ Лероа-Болье,—нѣтъ болѣе и просвѣщенной свободы, а при наличности правосудія, я полагаю, нѣтъ болѣе деспотизма, или по крайней мѣрѣ тиранніи".

---

[1]) Націон. вопросъ въ Россіи, стр. VI.

[2]) См. письмо Ростовцева къ Александру II; см. стр. 49 «Освобожденія крестьянъ» Семенова.

[3]) См. т. XVIII «Дѣла о пр. суд. части», стр. 39.

Съ такой точки зрѣнія носитъ политическій характеръ не только судъ присяжныхъ, но и предположенныя гр. Блудовымъ усовершенствованія правосудія въ родѣ сокращенія инстанцій, введенія состязательнаго процесса, не говоря уже о введеніи гласности, которая, по опредѣленію Н. А. Буцковскаго, „служитъ самымъ надежнымъ контролемъ для всякой общественной дѣятельности и единственно прочною уздою для удержанія общественныхъ дѣятелей въ предѣлахъ законности". Но не въ такомъ общемъ, а еще въ особомъ специфическомъ смыслѣ возражали и, смѣшно сказать, даже въ наши дни возражаютъ противъ суда присяжныхъ, ссылаясь на то, что это учрежденіе якобы революціонно-демократическое, несовмѣстное съ самодержавіемъ. Противъ такого-то фальшиваго освѣщенія предмета выдвинули „юристы" длинный рядъ соображеній, заимствованныхъ частью изъ исторіи суда присяжныхъ въ Англіи и въ другихъ странахъ Европы, частью изъ исторіи русскихъ судебныхъ учрежденій [1]).

III.

Въ апрѣлѣ—іюлѣ 1862 г. „Главныя начала", выработанныя государственною канцеляріею, были разсмотрѣны соединенными департаментами государственнаго совѣта. Общее собраніе совѣта разсмотрѣло ихъ 27-го августа, 3-го и 4-го сентября 1862 г. Въ общемъ собраніи совѣта присутствовали: предсѣдатель кн. П. П. Гагаринъ и члены: Великій Князь Николай Николаевичъ, гр. В. Ѳ. Адлербергъ, гр. С. Г. Строгановъ, гр. В. В. Панинъ (министръ юстиціи), кн. В. А. Долгоруковъ (шефъ жандармовъ), К. В. Чевкинъ, кн. А. М. Горчаковъ, Брокъ-Тымовскій, П. А. Мухановъ, Краббе, Донауровъ, Тройницкій, гр. П. А. Шуваловъ, Танѣевъ, Гасфортъ,

[1]) См. записку Буцковскаго стр. 44—53; записку Заруднаго стр. 5—24, т. IX «Дѣла о преобраз. суд. части».

Подобными же чисто юридико-бытовыми и научными соображеніями были мотивированы: несмѣняемость судей, независимость адвокатуры, упраздненіе сословности въ судахъ и установленіе равенства предъ закономъ, устности, состязательности, широкой гласности и другихъ основъ судебной реформы.

баронъ М. А. Корфъ, Н. И. Бахтинъ, А. С. Норовъ, Н. Ѳ. Мѣтлинъ, А. М. Княжевичъ, свѣтл. кн. А. А. Суворовъ, И. М. Толстой, Д. А. Милютинъ, А. В. Головинъ, М. Х. Рейтернъ, П. Л. Валуевъ, Гернгросъ, Хомутовъ, Анненковъ и А. С. Зеленый. Докладывалъ дѣло государственный секретарь В. П. Бутковъ. Судъ присяжныхъ и важнѣшіе институты нашего новаго судебнаго права прошли единогласно. Въ защиту суда присяжныхъ сказалъ рѣчь самъ гр. Панинъ, заявившій, что „дѣйствительно независимымъ можетъ быть только судъ присяжныхъ".

29-го сентября 1862 г. послѣдовало Высочайшее утвержденіе „основныхъ началъ". По мысли С. И. Зарудnаго, бывшаго, въ этой послѣдней стадіи реформы, настоящею душою дѣла судебной реформы, была принята чрезвычайная и неслыханная дотолѣ мѣра. Основныя начала или положенія были распубликованы въ Собраніи узаконеній и распоряженій правительства для того, чтобы вызвать всестороннее обсужденіе предстоящей судебной реформы.

Нечего и говорить, какое сильное и радостное впечатлѣніе произвели „основныя положенія" и самый фактъ опубликованія ихъ, свидѣтельствовавшій о признаніи если не совершеннолѣтія, то нѣкоторой зрѣлости русскаго общества и русской неоффиціальной юриспруденціи. Чтобы дать понятіе о степени оживленія, вызваннаго распубликованіемъ „Основныхъ положеній", достаточно сказать, что при всей бѣдности Россіи юридическими силами, поступило 446 разныхъ замѣчаній со всѣхъ концовъ Россіи, не исключая и самыхъ глухихъ закоулковъ Сибири и Закавказья. По мысли того же Зарудnаго, который давно уже неуклонно преслѣдовалъ плодотворную идею о наибольшей огласкѣ матеріаловъ судебной реформы, всѣ поступившія „замѣчанія были отпечатаны и составили 6 большихъ томовъ *in folio*". Эти „Замѣчанія" судебныхъ практиковъ, профессоровъ и вообще приватныхъ юристовъ до нѣкоторой степени составляли суррогатъ участія мѣстныхъ силъ, наподобіе губернскихъ комитетовъ крестьянской реформы, въ судебной реформѣ. О болѣе дѣятельномъ участіи ихъ, на которое намекалъ И. С. Аксаковъ въ „Днѣ", пока нельзя было и думать, потому что даже земскія учрежденія еще только подготовлялись.

Съ распубликованіемъ „Основныхъ положеній судебнаго преобразованія" можно было считать дѣло судебной реформы почти уже выиграннымъ. Заложены были основы его и притомъ такъ послѣдовательно, твердо и умѣло, что вызвали и вызываютъ до сихъ поръ справедливое одобреніе со стороны не только русскихъ, но и лучшихъ иностранныхъ юристовъ и публицистовъ [1]).

Оставалась еще трудная и сложная работа составленія новыхъ проектовъ Уставовъ, согласно Высочайше утвержденнымъ „Основнымъ положеніямъ", но это была трудность чисто юридическая, техническая. Бодро и радостно взялись за дѣло лица, коимъ выпала счастливая доля послужить въ этомъ дѣлѣ родинѣ.

Для составленія проектовъ Судебныхъ Уставовъ образована была при государственной канцеляріи коммиссія, къ которой привлечены были лучшія юридическія силы, начиная отъ сенаторовъ и профессоровъ и кончая присяжными стряпчими и слѣдственными приставами. Оффиціальнымъ предсѣдателемъ былъ назначенъ В. П. Бутковъ, но въ дѣйствительности всѣмъ дѣломъ руководилъ С. И. Зарудный. Коммиссія раздѣлилась на три секціи. Въ составъ гражданской секціи входили: предсѣдатель С. И. Зарудный, члены: К. П. Побѣдоносцевъ, Н. В. Калачовъ, А. Ѳ. Бычковъ, С. П. Шубинъ, предсѣдатель курской гражданской палаты Шечковъ, товарищъ предсѣдателя екатеринославской палаты Гуринъ, А. П. Вилинбаховъ, А. А. Книримъ, Г. К. Рѣпинскій, кн. И. С. Волконскій, О. О. Квистъ и Баршевскій [2]).

Уголовная секція состояла изъ предсѣдателя Н. А. Буцковскаго и членовъ: П. А. Зубова, М. Е. Ковалевскаго, Я. Г. Есиповича, Любимова, Е. А. Перетца, губернскихъ прокуро-

---

[1]) См. весьма сочувственный отзывъ извѣстнаго криминалиста Миттермейера въ журн. «Министерства Юстиціи, 1864 г., № 10, а также книгу Лероа-Больe: «L'empire des Tzars», tome II, page 291.

[2]) Желая представить по возможности полный списокъ лицъ, принимавшихъ участіе въ великомъ дѣлѣ судебной реформы, приводимъ и имена приглашенныхъ экспертовъ. Таковыми были: гг. Эссенъ, Тюринъ, Фришъ, Мотовиловъ, Іонинъ, фонъ-Дервизъ, Самарскій-Быховецъ, проф. Вицынъ, Крейтеръ, гр. Комаровскій, Шульцъ, Безсоновъ, Мадьяновъ, Заблоцкій-Десятовскій, Семеновъ, Куломзинъ, Гирсъ.

ровъ Попова и Принтца, проф. Н. И. Утина и А. М. Плавскаго [1]).

Отдѣленіе судопроизводства было подъ предсѣдательствомъ А. М. Плавскаго въ составѣ членовъ: бар. Врангеля, П. В. Даневскаго, Я. Г. Есиповича, Д. А. Ровинскаго и г. Принтца [2]).

Закипѣла дружная работа! Съ неслыханною быстротою и образцовою обстоятельностью составлены были въ теченіе 11 мѣсяцевъ проекты Учрежденія Судебныхъ Установленій и Уставы Гражданскаго и Уголовнаго судопроизводствъ. Проекты сопровождались превосходными и обширными (1758 печатныхъ страницъ *in folio*!) объяснительными записками, составляющими доселѣ непревзойденные *chef d'oeuvre*'ы законодательнаго творчества.

Осенью 1863 г. коммиссія окончила свою задачу и проекты поступили на заключеніе II отдѣленія и министра юстиціи Д. Н. Замятнина. Послѣдній не только самъ доставилъ весьма цѣнныя замѣчанія, составляющія солидный томъ въ 500 страницъ *in folio*, но, вполнѣ сочувствуя либеральнымъ основамъ судебной реформы потребовалъ еще замѣчаній на проекты отъ сенаторовъ и оберъ-прокуроровъ [3]).

Въ декабрѣ 1863 г. проекты Судебныхъ Уставовъ, вмѣстѣ съ поступившими на нихъ многочисленными замѣчаніями, переданы были на обсужденіе государственнаго совѣта. Докладомъ дѣла руководилъ образцовый докладчикъ В. П. Бутковъ, пользуясь содѣйствіемъ С. И. Заруднаго, Н. А. Буцковскаго и А. М. Плавскаго. Обсужденіе проектовъ, въ которомъ, по ходатайству министра юстиціи Д. Н. Замятнина, принималъ участіе и товарищъ его Н. И. Стояновскій (нынѣ предсѣдатель гражданскаго департамента государственнаго совѣта), шло весьма скоро и успѣшно. Объясняется это, во-первыхъ, тѣмъ бодрымъ настроеніемъ, которое все

---

[1]) Экспертами были: гг. Гольтгоеръ, Чемадуровъ, Романовскій, Философовъ, Глѣбовъ, Розингъ, Петерсъ, Тизенгаузенъ, Яневичъ-Яневскій, проф. Спасовичъ, Александровъ, Макалинскій, Купріяновъ и Христіановичъ.

[2]) Экспертами приглашались: гг. Буцковскій, Поповъ, Утинъ, Кнримъ, Ѳ. М. Жуковскій, Я. А. Соловьевъ, М. М. Зарудный, М. Н. Любощинскій, Матюнинъ, Фришъ, Эссенъ, Розовъ, Зефтигенъ, Лыжинъ, Петровъ.

[3]) См. мою: «Страницу изъ исторіи судебной реформы». М. 1883, глава IV.

еще господствовало въ то время въ обществѣ, хотя уже замѣчалось нѣкоторое разочарованіе послѣ событій 1863 года; во-вторыхъ, тѣмъ, что вопросы были такъ тщательно разработаны и всесторонне освѣщены, что оставалось сдѣлать лишь немногое... Впрочемъ, у руководителей судебной реформы, быть-можетъ, была и особенная причина торопить дѣло. Они знали, какъ быстротечны у насъ либеральныя вѣянія и какъ быстро послѣ непродолжительнаго подъема силъ наступаетъ у насъ упадокъ энергіи. Но пока еще дулъ попутный вѣтеръ и проекты, съ небольшими поправками и частичными измѣненіями, благополучно прошли какъ въ соединенныхъ департаментахъ, такъ и въ общемъ собраніи государственнаго совѣта; въ соединенныхъ департаментахъ присутствовали князь Гагаринъ, принцъ П. Г. Ольденбургскій, Кочубей, Хомутовъ, Литке, Игнатьевъ, Бахинъ, Замятнинъ, Мухановъ и Норовъ [1]). Въ общемъ собраніи присутствовали кн. Гагаринъ, П. Г. Ольденбургскій, кн. А. Н. Горчаковъ, гр. Клейнмихель, гр. Адлербергъ, бар. Корфъ, 1-й Танѣевъ, Гасфортъ, Княжевичъ, Игнатьевъ, Тымовскій, Толстой, Зеленой, Стояновскій, Кочубей, Литке, гр. Панинъ, Бахтинъ, Норовъ, кн. Суворовъ, Мельниковъ, Татариновъ, Мухановъ, Тройницкій, Мальцовъ, кн. Урусовъ, Краббе, Плаутинъ, Брокъ, Мѣтлинъ, Геремежитъ, Тройницкій и Рейтернъ при государственномъ секретарѣ В. П. Бутковѣ [2]). 2-го октября было окончено разсмотрѣніе Судебныхъ Уставовъ, въ общемъ собраніи 2-го ноября были разсмотрѣны штаты и оклады судебныхъ чиновъ и уже 20-го ноября того же года послѣдовала въ Царскомъ Селѣ Высочайшая санкція и знаменитый указъ правительствующему сенату отъ того же числа, повелѣвшій распубликовать Судебные Уставы во всеобщее свѣдѣніе.

„По вступленіи на прародительскій престолъ, такъ начинается указъ, однимъ изъ первыхъ Нашихъ желаній, всенародно возвѣщенныхъ въ манифестѣ 19-го марта 1856 г., было: „правда и милость да царствуютъ въ судахъ“. Съ того времени, среди другихъ преобразованій народной жизни, Мы не переставали заботиться о достиженіи упомянутой цѣли“.

---

[1]) См. т. LI Дѣла о преобр. губ. земст.

[2]) См. т. LXIX «Дѣла о преоб. суд. ч. въ Россіи».

Сославшись затѣмъ на тѣ многостороннія предварительныя работы, которыя предшествовали составленію проектовъ Судебныхъ Уставовъ, Указъ въ слѣдующихъ краткихъ, но сильныхъ выраженіяхъ очерчиваетъ ихъ сущность: „разсмотрѣвъ сіи проекты, Мы, говоритъ Императоръ Александръ II, находимъ, что они вполнѣ соотвѣтствуютъ желанію Нашему водворить въ Россіи судъ скорый, правый, милостивый, равный для всѣхъ подданныхъ Нашихъ, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить въ народѣ то уваженіе къ закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе и которое должно быть постояннымъ руководителемъ всѣхъ и каждаго, отъ высшаго до низшаго".

Памятныя слова, заслуживающія того, чтобы ихъ заучивала молодежь наизусть, подобно тому, какъ въ Римѣ заучивались *carmina* XII таблицъ!!

Указъ заканчивается въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Призывая благословеніе Всевышняго на успѣхъ этого великаго дѣла, Мы радостно выражаемъ надежду, что намѣренія Наши осуществятся при ревностномъ содѣйствіи Нашихъ вѣрноподданныхъ, какъ каждаго отдѣльно въ кругу личной его дѣятельности, такъ и въ совокупномъ составѣ обществъ, сословій и земства, нынѣ, по волѣ Нашей, на новыхъ основаніяхъ образуемаго"...

Осуществилась ли надежда на успѣхъ этого „великаго дѣла", долженствовавшаго, по выраженію одного публициста, положить ясную черту между проходящимъ и грядущимъ, обновить наше отечество и установить въ немъ огражденіе личности, законную свободу и ввести его въ кругъ цивилизованныхъ странъ [1]).

— И да, и нѣтъ!..

Здѣсь не мѣсто касаться тѣхъ неблагопріятныхъ условій, которыя съ самаго введенія въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ 20-го ноября 1864 г. препятствовали ихъ правильному дѣйствію, согласованному съ ихъ духомъ и основными началами.

Infandum, regina, jubes renovare dolorem.

---

[1]) «Моск. Вѣд.», 1866 №№ 156, 198

Какъ бы то ни было, помянемъ добромъ тѣхъ честныхъ и добросовѣстныхъ тружениковъ, которые ревностно потрудились надъ созиданіемъ этого великаго законодательнаго акта, „истекающаго, какъ вѣрно замѣчено, не отъ произвола, а отъ началъ истины и справедливости въ той степени, въ какой они выработаны наукою и опытомъ“ [1]), акта, который, по мѣткому замѣчанію В. П. Безобразова, „есть законодательный и вмѣстѣ съ тѣмъ у м с т в е н н ы й памятникъ, долженствующій служить въ отдаленномъ потомствѣ величайшею честью нашего времени [2]).

---

[1]) См. предисловіе къ Суд. Устав., изд. государ. канцеляріи, 1866 г., стр. III.

[2]) «Русск. Вѣстн.», 1866 г., № 10.

ГЛАВА IV.

Отдѣленіе власти судебной отъ административной.

Смѣшеніе властей было отчасти неизбѣжнымъ послѣдствіемъ крѣпостнаго состоянія.

Журн. Госуд. Сов. 1862 г.

I.

Въ школѣ преподается много хорошихъ правилъ. Школьниковъ заставляютъ читать и даже заучивать наизусть предисловіе Карамзина къ его „Исторіи Государства Россійскаго", гдѣ онъ между прочимъ говоритъ: „Исторія въ нѣкоторомъ смыслѣ есть священная книга народовъ, главная, необходимая; зерцало ихъ бытія и дѣятельности; скрижаль откровеній и правилъ; завѣтъ предковъ къ потомству; дополненіе, изъясненіе настоящаго и примѣръ будущаго; правители, законодатели дѣйствуютъ по указаніямъ исторіи и смотрятъ на ея листы, какъ мореплаватели на чертежи морей".

Преподавая эти и другія столь же мудрыя правила, школа вмѣстѣ съ тѣмъ присовокупляетъ, что *non scholae, sed vitae discimus*, т.-е. что все преподавамое въ школѣ нужно помнить и за порогомъ ея, съ тѣмъ, чтобы примѣнять заученное въ жизни,—на практикѣ.

Но такъ ли это бываетъ на дѣлѣ?

Возьмемъ вопросъ, не сходившій въ послѣднее время со столбцовъ ежедневныхъ и ежемѣсячныхъ изданій, вопросъ объ отдѣленіи власти судебной отъ административной. Противники этого начала, сдѣлавшагося краеугольнымъ камнемъ современнаго цивилизованнаго строя жизни, категорически утверждаютъ, что начало это было насильно навязано либералами 60-хъ годовъ русской жизни и что съ усло-

віями ея это чужеземное ученіе, заимствованное изъ плохенькихъ иностранныхъ книжекъ и кодексовъ, не имѣетъ ничего общаго.

По увѣренію одного изъ почтенныхъ критиковъ основъ судебной реформы 1864 года, пищущаго въ Моск. Вѣд., она возникла „въ самый разгаръ бѣлой горячки (*sic*), которою были одержимы люди, взявшіе на себя обязанность „обновить“ (ковычки въ подлинникѣ) Россію“ [1]).

Вотъ какимъ тономъ нынѣче пишется модная „исторія“. Но оставимъ въ сторонѣ этотъ несовмѣстный съ безпристрастіемъ тонъ слѣпаго ожесточенія и непримиримой вражды, столь непонятной и неизвинительной четверть вѣка спустя послѣ изданія Судебныхъ Уставовъ, и посмотримъ, много ли правды въ такой „ожесточенной“ исторіи, и не есть ли она сама продуктъ больнаго воображенія или благонамѣренной реакціонной фальсификаціи?

Замѣтимъ прежде всего, что польза и необходимость раздѣленія властей живо и отчетливо сознавалась образованными русскими людьми задолго до судебной реформы. Достаточно указать на одинъ примѣръ, на замѣчательное мнѣніе, поданное извѣстнымъ адмираломъ, членомъ государственнаго совѣта Мордвиновымъ въ 1827 г. графу Кочубею.

„Всегда и вездѣ признаваемо было,—писалъ Мордвиновъ,—что раздѣленіе властей составляетъ совершенство правительствъ: законодательная, судебная и исполнительная власти должны въ упражненіяхъ и дѣяніяхъ своихъ быть раздѣлены. Одна не должна входить въ предѣлы обязанностей

---

[1]) Не лишено назидательности то обстоятельство, что, благодаря чрезмѣрному ожесточенію «Московскихъ Вѣдомостей» противъ судебной реформы, въ столь непривлекательно обрисованной компаніи изступленныхъ «обновителей Россіи» очутился и патронъ газеты, покойный М. Н. Катковъ. Вотъ что, между прочимъ, онъ писалъ о судебной реформѣ: «Исторія не забудетъ ни одного изъ именъ, связанныхъ съ этимъ великимъ дѣломъ гражданскаго обновленія Россіи» («М. Вѣд.», 1867 г. № 69); «все, что есть живаго, мыслящаго, разумѣющаго, не можетъ не быть глубоко затронуто судьбою возникающаго новаго порядка вещей на Руси, долженствующаго положить ясную черту между проходящимъ и грядущимъ, открыть Россіи новые пути; новое начало какъ тонкая стихія разольется повсюду и всему дастъ новый видъ, новую силу, новое значеніе» («Моск. Вѣд.», 1866 г., №№ 156, 198, 86).

другой. Степень и раздѣленіе сихъ трехъ главныхъ государственныхъ властей опредѣляютъ достоинство правительствъ. Изъ нихъ благоустроеннѣйшимъ можетъ почесться то, гдѣ лица и мѣста, въ предѣлахъ ихъ должностей и занятій, не имѣютъ между собою никакого смѣшенія. Между европейскими державами,—продолжаетъ Мордвиновъ,—почитается самымъ худшимъ правленіе турецкое, потому что тамъ не судья судитъ, но паша. Онъ рѣшаетъ дѣла не по закону, а по собственному произволу. Такое нераздѣленіе власти въ турецкомъ правительствѣ сдѣлало то, что на поляхъ древней Греціи исчезло изобиліе урожаевъ и померкла красота земли. Въ великолѣпныхъ ея городахъ не осталось и слѣдовъ прежнихъ наукъ и искусствъ; повсемѣстно же водворились дикость, уныніе, нищета. Нынѣ тамъ живутъ пастухи, и гдѣ поучали Платоны и Сократы—тамъ кружатся съ крикомъ дервиши и бѣснуются юродивые, но ихъ почитаютъ святыми... Столь пагубно есть смѣшеніе властей, предпоставленныхъ для созиданія общественнаго и частнаго благоденствія и для удержанія въ здравіи и силѣ царствъ земныхъ“.

Если же обратимся къ источникамъ исторіи русскаго законодательства, то и они дадутъ указаніе, ничего общаго съ выводами модныхъ историковъ неимѣющее.

Въ самомъ дѣлѣ, справка не съ исторіею, написанною *ad usum delphini*, съ задними мыслями, а съ тою подлинною, которая есть „дополненіе и изъясненіе настоящаго и примѣръ будущаго“, показываетъ, что начало раздѣленія властей было положено въ нашемъ законодательствѣ не „одержимыми бѣлою горячкою людьми 60-хъ годовъ“, а много раньше, а именно: великимъ „обновителемъ“ земли Русской Петромъ Великимъ, и съ тѣхъ поръ и до самой судебной реформы 1864 года начало это постоянно имѣлось въ виду и проводилось въ нашемъ законодательствѣ. Иностранныя доктрины тутъ не причемъ: необходимость раздѣленія властей, начиная отъ высшихъ до низшихъ, подсказывалась практическими нуждами и „навязывалась“ самыми элементарными соображеніями о правильной организаціи государственнаго управленія. Правда, главный апостолъ доктрины о дѣленіи властей, Монтескьё, жилъ въ одно время съ Петромъ Великимъ, но для успокоенія пуристовъ-самобытниковъ мо-

жемъ прибавить, что Петръ I-й ничего не заимствовалъ и не могъ заимствовать изъ зловредной книги Монтескье *Esprit des lois*, потому что она появилась въ свѣтъ 15 лѣтъ спустя послѣ смерти великаго преобразователя.

Итакъ, мы утверждаемъ, что совершенно независимо отъ иностранныхъ и теоретическихъ явленій исключительно подъ дѣйствіемъ практическихъ и домашнихъ нуждъ постепенно зрѣла, крѣпла и развивалась у насъ мысль о необходимости полнаго отдѣленія судебной власти отъ исполнительной. На это имѣются ясныя и непререкаемыя свидѣтельства исторіи, которыя не безынтересно будетъ теперь вспомнить въ виду усилившейся пропаганды о выгодахъ „смѣшенія властей“ (въ одномъ ученомъ рефератѣ, посвященномъ памяти Монтескьё, для оправданія этого моднаго ученія всуе было пристегнуто даже имя знаменитаго автора *Esprit des lois*).

Чтобы устранить заранѣе всякое сомнѣніе насчетъ правильности и точности приводимыхъ ниже историческихъ данныхъ, считаемъ нужнымъ оговориться, что мы беремъ ихъ изъ источника, на который привыкли смотрѣть противники судебной реформы съ благоговѣйною почтительностью, а именно изъ трудовъ правовѣрнѣйшаго и солиднѣйшаго изъ юристовъ николаевскаго времени, графа Д. Н. Блудова, завѣдывавшаго дѣломъ судебной реформы вплоть до „разгара бѣлой горячки“, т.-е. до января 1862 г. Въ одной изъ своихъ объяснительныхъ записокъ, написанныхъ съ обычнымъ этому замѣчательному государственному человѣку знаніемъ дѣла и изяществомъ, а именно въ запискѣ, при коей онъ представлялъ въ 1860 году въ государственный совѣтъ проектъ устава новаго судопроизводства, онъ подробно обозрѣваетъ исторію русскаго и иностраннаго судебныхъ законодательствъ и вновь у насъ проектированнаго судебнаго устройства, и тутъ-то онъ подробно излагаетъ, когда и какъ проникало и укрѣпилось въ нашемъ законодательствѣ начало раздѣленія властей [1]).

Исторія учрежденій и вообще устройства властей во всѣхъ почти государствахъ европейскихъ,—говоритъ гр. Блу-

---

[1]) Эта обширная записка, къ сожалѣнію, неизвѣстная даже спеціалистамъ, занимаетъ болѣе 60-ти печатныхъ страницъ и находится въ отд второмъ тома IV «Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи».

довъ въ началѣ записки,—представляетъ намъ цѣлый рядъ разнородныхъ, но постоянныхъ усилій законодательства раздѣлить систематически учрежденія и власти на нѣсколько главныхъ составныхъ частей, которыя можно назвать орудіями центральнаго верховнаго управленія. Обращаясь затѣмъ къ русскому законодательству, гр. Блудовъ указываетъ, что въ Россіи, благодаря съ одной стороны разобщенности его съ древнею, т.-е. западно-европейскою культурою, а съ другой—общенію (?) и борьбѣ съ монгольскими завоевателями [1]), до Петра Великаго замѣчается совершенное отсутствіе строгой и даже какой-либо системы въ раздѣленіи учрежденій по предметамъ вѣдомства. Дѣла раздѣлялись по приказамъ, но въ нихъ смѣшивались нерѣдко и почти всегда разные роды дѣлъ. Но въ столицѣ близость верховной власти еще нѣсколько удерживала приказы отъ своеволія и злоупотребленій. Не то было въ провинціи, куда посылались воеводы, власть коихъ простиралась на всѣ дѣла мѣстнаго управленія, справиться съ которыми было не подъ силу даже благонамѣреннымъ изъ нихъ, такъ какъ они не успѣвали съ надлежащимъ вниманіемъ разсматривать споры и дѣла частные. Обозрѣвъ дѣятельность воеводъ-судей, графъ Блудовъ приходитъ къ любопытному заключенію, которое не лишено назидательнаго интереса и для нашего времени. „Такое смѣшеніе судебной власти съ административною,—говоритъ онъ,—было и тѣмъ болѣе неудобно, что въ случаѣ упущеній и неправильностей въ дѣлахъ судебныхъ оно поставляло и верховную власть въ особое затрудненіе: ибо хорошій во всѣхъ отношеніяхъ администраторъ могъ иногда оказываться несвѣдущимъ, а потому и дурнымъ судьею“ (стр. 9 записки).

Затѣмъ гр. Блудовъ переходитъ къ эпохѣ Петра Великаго, получившаго отъ прежняго времени въ наслѣдство сильную, но лишенную правильной организаціи власть и положившаго у насъ основаніе „болѣе раціональному

---

[1]) В. С. Соловьевъ въ статьѣ своей «Очерки изъ исторіи русскаго самосознанія» доказываетъ, что отсутствіе въ допетровской Руси элементовъ права и законности слѣдуетъ приписать вліянію не монголовъ, а Византіи («Вѣстн. Европы», 1889 г., № 5-й).

устройству государственныхъ учрежденій вообще, между прочимъ и судныхъ дѣлъ". Раціональность новаго устройства сводилась между прочимъ къ отдѣленію суда отъ другихъ частей управленія и учрежденію судебныхъ инстанцій на коллегіальномъ началѣ.

Законодатель,—говоритъ авторъ „Записки",—обнималъ однимъ взглядомъ не только внутренній порядокъ дѣлъ въ присутствіяхъ, но и всѣ части огромнаго зданія, которое онъ воздвигалъ во имя правды.

Но на судебной реформѣ Петра Великаго до извѣстной степени повторилось то же явленіе, что и на судебной реформѣ 1864 г. Александра II: ни та, ни другая не были оцѣнены по достоинству. Первую не поняли народныя массы, вторую возненавидѣли почитатели бюрократическаго всемогущества. „Разумѣется,—говоритъ Блудовъ,—народъ не могъ успѣвать за быстротою мысли законодателя, не чувствовалъ всей пользы „раціональнаго" устройства судебной части и признанія ея, такъ сказать, „совершеннолѣтнею", способною управлять ввѣренными ей дѣлами безъ стѣснительной опеки властей правительственныхъ" (можно ли этому удивляться, когда въ наши дни, т.-е. 175 лѣтъ спустя послѣ судебной реформы Петра Великаго, инымъ образованнымъ публицистамъ основанія ея кажутся черезчуръ смѣлыми, чуть не революціонными новшествами (!)). „Массы,—продолжаетъ авторъ,—попрежнему понимали одну только власть и одного судью—государя; онѣ къ нему обращались съ жалобами, минуя всѣ установленныя инстанціи. Посему законодатель призналъ нужнымъ обнародовать объясненіе своей мысли въ указѣ отъ 22-го декабря 1718 г., свидѣтельствующемъ, что законодатель дѣйствовалъ на народъ не одною силою державной власти, но и увѣщаніемъ и убѣжденіемъ". Весьма интересна вступительная часть Указа. „Понеже,—говоритъ Петръ Великій,—челобитчики непрестанно Его Царскому Величеству докучаютъ, вездѣ, во всякихъ мѣстахъ, не для покою; и хотя съ ихъ стороны легко разсудить можно, что всякому своя обида горька есть и несносна, но притомъ каждому разсудить же надлежитъ, что какое ихъ множество, а кому бьютъ челомъ одна персона есть, и та коликими воинскими и прочими несносными тру-

дами объята, что всѣмъ извѣстно; и хотя бы и такихъ трудовъ не было, то возможно ли одному человѣку за такъ многими усмотрѣть? Во-истину не точію человѣку, ниже Ангелу: понеже и оные мѣстамъ описаны суть; ибо гдѣ присутствуетъ, индѣ его нѣтъ". Затѣмъ Петръ поясняетъ сущность установленной имъ судебной организаціи.

Стремясь къ послѣдовательному проведенію начала строгаго раздѣленія власти судебной и административной, Петръ же воспретилъ воеводамъ вмѣшиваться въ судебныя дѣла.

Дѣятельность ближайшихъ преемниковъ Петра Великаго гр. Блудовъ характеризуетъ такъ: „Тайный совѣтъ, который не въ силахъ былъ идти по указанному Петромъ Великимъ пути, нашелъ, что удобнѣе, т.-е. легче, разрушить все имъ созданное; уцѣлѣли только коллегіи и магистраты; но право суда во всемъ государствѣ ввѣрено было воеводамъ и губернаторамъ".

Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ любопытное совпаденіе мотивовъ, по которымъ какъ хулители реформъ Петра Великаго, такъ и враги судебной реформы прошлаго царствованія возстаютъ противъ раздѣленія властей. Указъ 24-го февраля 1727 года, возстановляя смѣшеніе властей, ссылается на то, что „люди при новомъ устройствѣ (т.-е. установленномъ Петромъ Великимъ) не знаютъ, куда обращаться по дѣламъ своимъ"...

„Но идеи и дѣйствія людей великихъ,—продолжаетъ графъ Блудовъ,—имѣютъ то свойство, что производятъ вліяніе даже и на тѣхъ, которые не умѣютъ или почему-либо не хотятъ понять ихъ значенія и пользы (замѣчаніе также вполнѣ примѣнимое и къ врагамъ новаго суда). Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Послѣ измѣненія новаго (петровскаго) устройства судовъ, вскорѣ оказалось, что понятіе о существующемъ между судебною и чисто-правительственною властью различіи пустило глубокіе корни (къ сожалѣнію, въ наше время замѣчается затемненіе даже и относительно такого элементарнаго понятія), въ общественномъ мнѣніи или по крайней мѣрѣ въ мнѣніи людей болѣе образованныхъ... и началось какъ бы невольное обращеніе

къ мыслямъ Петра Великаго. Идея Петра стала проникать во всѣ части народа...“

Торжественное выраженіе этого направленія гр. Блудовъ видитъ въ учрежденіи о губерніяхъ 7-го ноября 1775 года, которое отдѣлило судебныя мѣста отъ губернскихъ правленій. Главное достоинство этого учрежденія авторъ находитъ въ осуществленіи стремленія Петра Великаго положить конецъ „малолѣтству судебной власти“. Недостатокъ же этого памятника онъ видитъ въ томъ, что онъ „касательно отдѣленія судебной части отъ административной, къ сожалѣнію автора, остановился на отвлеченномъ понятіи о значеніи суда и на основаніи сего понятія судьи по необходимости должны были подчиняться неограниченному вліянію властей правительственныхъ“ (стр. 25). Подчиненіе выражалось въ томъ, что администраціи представлены были: вызовъ сторонъ, исполненіе рѣшеній, утвержденіе судей въ ихъ званіи намѣстникомъ, который имѣлъ право понуждать ихъ (курсивъ въ подлинникѣ) и даже подвергать наказанію и останавливать исполненіе рѣшеній.

Слѣдя затѣмъ далѣе за высвобожденіемъ судебной власти изъ-подъ административной опеки, гр. Блудовъ отмѣчаетъ въ числѣ таковыхъ мѣръ учрежденіе министровъ, попытку, сдѣланную въ 1837 г., къ освобожденію губернаторовъ отъ просмотра приговоровъ по уголовнымъ дѣламъ [1]).

---

[1]) Небезынтересно припомнить тутъ относящійся сюда характерный эпизодъ изъ дѣятельности бывшаго московскаго генералъ-губернатора свѣтл. князя Д. В. Голицына. Князь отказался утверждать приговоры о наказаніи плетьми на площади. Дѣло дошло до свѣдѣнія Императора Николая, и онъ во время представленія потребовалъ отъ кн. Голицына объясненія. — Онъ оправдывался тѣмъ, что лишенъ возможности обсудить правильность приговора.

— У тебя есть прокуроры и стряпчіе, — возразилъ Государь, — чтобы судить о правильности рѣшенія.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ князь, — прокуроры и стряпчіе — не защитники; тутъ нужны адвокаты.

Государь при словѣ «адвокаты» видимо нахмурился и сказалъ: «Да ты, я вижу, долго жилъ во Франціи и, кажется, еще во время революціи, а потому не удивительно, что ты усвоилъ себѣ тамошніе порядки. А кто,— продолжалъ Государь говорить громко, — кто погубилъ Францію, какъ не адвокаты; вспомни хорошенько! Кто были Мирабо, Маратъ, Робеспьеръ и другіе?! Нѣтъ, князь, — заключилъ Государь, — пока я буду царствовать,

„Сего мы достигли,—говоритъ Блудовъ,—вслѣдствіе усилій, длившихся почти цѣлое столѣтіе“, и, принявъ во вниманіе предшествовавшее хаотическое положеніе и смѣшеніе всѣхъ властей, онъ находитъ, что и въ мнѣніяхъ и въ самыхъ дѣствіяхъ сдѣланы успѣхи (но, къ сожалѣнію, послѣдующія событія опровергли черезчуръ оптимистическій взглядъ гр. Блудова).

Кончая свой историческій очеркъ русскаго судебнаго законодательства до 1860 г., гр. Блудовъ приходитъ къ заключенію, что, „не взирая на случайныя уклоненія, иногда вынуждаемыя обстоятельствами времени, законодательство наше постоянно стремилось между прочимъ къ освобожденію судовъ отъ „всякаго“ вмѣшательства властей административныхъ“ (стр. 25).

II.

Въ той части Записки, которая касается впервые предложеннаго гр. Блудовымъ мирового института, онъ снова возвращается къ вопросу объ отдѣленіи судебной власти отъ административной.

„Основаніемъ учрежденія мировыхъ судей,—пишетъ онъ,—были два важныя обстоятельства: уничтоженіе крѣпостного состоянія и рѣшительное отдѣленіе власти судебной отъ административной. Доселѣ крестьяне помѣщичьи, составляющіе почти половину всего народонаселенія, можно сказать, не имѣли никакихъ дѣлъ гражданскихъ и не было повода учреждать гражданскіе суды для разбирательства споровъ по имуществамъ движимымъ незначительной цѣны, какъ сіе установлено относительно маловажныхъ проступковъ, кои предоставлены вѣдѣнію полиціи. Но когда въ одно время предполагается не только освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, но и устраненіе полиціи отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла судебныя, то власть и дѣятельность стано-

---

Россіи не нужны адвокаты, — безъ нихъ проживемъ. Дѣлай то, что отъ тебя требуетъ законъ, болѣе я ничего не желаю» («Русская Старина», 1886 г., № 12, стр. 535).

выхъ приставовъ необходимо замѣнить судебнымъ установленіемъ, которое будетъ гораздо полезнѣе, ибо оному можно ввѣрить и вѣдѣніе маловажныхъ гражданскихъ дѣлъ. Во всѣхъ хорошо устроенныхъ государствахъ существуютъ такія судебныя лица или мѣста". (См. стр. 40—41 Общ. Объясн. Запис., т. IV Дѣла о преобраз. судебн. части).

Отмѣчая принципъ отдѣленія власти административной отъ судебной, какъ рельефную черту, проходящую въ теченіе полутораста лѣтъ чрезъ исторію нашего законодательства, самъ гр. Блудовъ лично придаетъ этому принципу такое важное значеніе, что старается обезпечить ему подобающее внѣшнее недвусмысленное выраженіе. „По принятой нынѣ системѣ изложенія законовъ,—говоритъ онъ,—всѣ сіи предметы (т.-е. законы о судоустройствѣ и судопроизводствѣ) не составляютъ отдѣльнаго устава. Они помѣщаются въ разныхъ частяхъ общаго свода законовъ, всегда въ связи съ устройствомъ правительственныхъ мѣстъ, только какъ видоизмѣненіе оныхъ и на послѣднемъ мѣстѣ. Но сія система есть прямое послѣдствіе мысли о зависимости судовъ отъ администраціи, и потому не должно ли будетъ при новомъ пересмотрѣ составныхъ частей Свода Законовъ указать другое мѣсто?" Желаніе гр. Блудова исполнилось, и Судебные Уставы вышли въ 1864 году отдѣльною книгою.

Но вотъ любопытная историческая подробность, рельефно характеризующая послѣдующія времена и показывающая, какъ глубоко вѣрно было вышеприведенное кодификаціонное соображеніе гр. Блудова. Какъ только окрѣпла въ 70-хъ гг. первая реакція противъ новаго суда, признано было нужнымъ уничтожить „сепаратизмъ" его. При изданіи Свода Законовъ въ 1876 г. была произведена невѣроятная, по своей безцѣльности кодификаціонная вивисекція, а именно: прекрасно систематизированные Судебные Уставы 1864 года были насильно разорваны на части, чтобы съ грѣхомъ пополамъ разбросать и разсѣять, какъ бы для нейтрализаціи, опасное либеральное судебное законодательство 1864 г. по отдѣльнымъ благонамѣреннымъ томамъ Свода Законовъ. Замѣчательно, что при этой неслыханной дотолѣ кодификаціонной операціи особенно старательно ампутировались и разсѣкались части

Учрежденія Судебныхъ Уставовъ по разнымъ отдѣламъ II тома Общаго учрежденія о губерн., какъ бы затѣмъ, чтобы тѣмъ наглядно доказать, что суды не болѣе какъ одна изъ частей мѣстнаго управленія.

Но такъ какъ при всемъ стараніи новыя судебныя учрежденія не укладывались на Прокрустово ложе старыхъ губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій, то пришлось нѣкоторыя статьи вовсе выкинуть (такъ напр. 1 ст. учр. Суд. Уст.), а другія раздробить на нѣсколько частей. Какъ извѣстно, этотъ ни съ чѣмъ несообразный кодификаціонный курьезъ длился до 1884 г., когда вслѣдствіе ходатайства судебнаго вѣдомства (иниціатива этого ходатайства принадлежала покойному юристу А. В. Лохвицкому) Судебные Уставы были „возсоединены“ въ одну книгу и названы Уставами Императора Александра II, дабы, какъ гласитъ указъ отъ 17-го апрѣля (день рожденія покойнаго Государя) 1884 г., изданіе сіе служило законодательнымъ памятникомъ прошлаго царствованія.

Указанныя подлинныя выдержки изъ Записки графа Блудова слишкомъ ясны сами по себѣ, чтобы нужно было дѣлать къ нимъ комментаріи. Приведенныя справки сами говорятъ за себя. Мы намѣренно ограничили область ихъ трудами графа Блудова, такъ какъ труды эти, какъ и вся роль графа въ судебной реформѣ, пользуются большою симпатіею и непререкаемымъ авторитетомъ въ реакціонной печати [1]). По поводу всякой другой выдержки, взятой хотя бы изъ журналовъ государственнаго совѣта, возможно было сомнѣніе относительно источника ихъ происхожденія (какъ извѣстно, враги судебной реформы договорились до того, что стараются выставить ее дѣломъ кучки молодыхъ либеральныхъ чиновниковъ, чуть не обманомъ или насиліемъ увлекшихъ за собою высшія государственныя учрежденія). Даже для такой ни съ чѣмъ несообразной придирки и недобросовѣстнаго сомнѣнія не остается мѣста при чтеніи выдержекъ изъ Записки графа Блудова. Она вся написана самимъ графомъ Блудовымъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, для этого не нужно видѣть подлинную рукопись Записки. Достаточно прочесть первыя двѣ страницы ея, чтобы сразу видѣть особенности сжатаго и своеобразнаго

---

[1]) См. «Судъ и полиція», В. Фукса, стр. 1—70.

образно изящнаго слога, которымъ всегда отличался и гордился графъ, строгую логичность и богатство историческихъ данныхъ, свойственныя языку и аргументаціи графа Блудова.

Всѣ эти черты явственно обнаруживаются и въ приведенной Запискѣ, въ которой онъ съ неотразимою силою выступаетъ за „рѣшительное отдѣленіе судебной власти отъ административной", считая такое отдѣленіе необходимымъ—и какъ естественный результатъ тенденцій русскаго законодательства за послѣднія 150 лѣтъ, и какъ требованіе раціональнаго судопроизводства.

Такимъ образомъ, очевидно, что никто иной, какъ самъ привилегированный и излюбленный юристъ реакціонныхъ круговъ, гр. Блудовъ виною отдѣленія судебной власти отъ административной на всѣхъ ступеняхъ судебной организаціи, и не менѣе очевидно, сколько правды въ увѣреніяхъ реакціонной печати, когда она утверждаетъ, будто раздѣленіе властей было дѣломъ вѣтреннаго увлеченія иностранными доктринами, порожденнаго „бѣлою горячкою" 60-хъ годовъ.

Вотъ какъ нынче пишется исторія о событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто всего 25—30 лѣтъ тому назадъ! Невольно вспомнишь слова графа Уварова, что съ умноженіемъ „источниковъ" исторіи далеко не увеличивается ея достовѣрность.

ГЛАВА V.

Выборное начало въ новомъ судѣ.

I.

Неправые и немилостивые судьи творцовъ суда праваго и милостиваго усвоили своеобразную тактику, благодаря которой они обезпечили себѣ возможность неустанно громить и топтать въ грязь судъ и судебные порядки, созданные Уставами 20 ноября 1864 г.

Вотъ въ чемъ заключается сущность этой немудрой, но не лишенной примитивной хитрости—тактики. Если составители Уставовъ въ иныхъ случаяхъ заимствовали институты изъ иностранныхъ законодательствъ въ виду того, что отечественное никакихъ данныхъ въ этомъ отношеніи не заключало (такъ, напр., при учрежденіи адвокатуры), то критики тотчасъ поднимаютъ вопль и начинаютъ обвинять ихъ за безсмысленное подражаніе иностраннымъ образцамъ; если же составители Судебныхъ Уставовъ о т с т у п а л и отъ иностранныхъ образцовъ по тѣмъ или другимъ мѣстнымъ соображеніямъ, то (такова изумительная логика враговъ судебной реформы!) и подобное о т с т у п л е н і е ставится имъ въ вину, и тотчасъ выводится на справку, что, молъ, вотъ въ такой-то либеральной странѣ не могла быть осуществлена такая-то реформа, а наши реформаторы рѣшились на такой рискованный, почти дерзкій шагъ. Такимъ образомъ, выходитъ, по пословицѣ, что перевернулся—бьютъ, не довернулся—тоже бьютъ.

Явленіе это повторилось съ особенною силою на вопросѣ „о выборномъ“ началѣ въ мировомъ судѣ, которое давно уже служитъ мишенью для застрѣльщиковъ реакціоннаго лагеря. Еще три года тому назадъ Р у с с к і й В ѣ с т н и к ъ ополчился противъ „выборныхъ“ судей, ссылаясь на то, что д а ж е для

парижскихъ радикаловъ и „коммунаровъ“ (слышите ли?) „выборный судъ“ представляется *pium desiderium*, которое они съ крайнею осторожностью выставляютъ въ своихъ программахъ, между тѣмъ какъ „въ самодержавной Россіи оказались выборные мировые судьи, могущіе приговаривать къ трехмѣсячному тюремному заключенію и рѣшать значительные денежные процессы—и все это безапелляціонно (см. статью г. Ціона въ Русск. Вѣстн. 1886 г., № 7, стр. 278). Замѣтимъ прежде всего, что критикамъ, третирующимъ редакторовъ Судебныхъ Уставовъ, какъ мальчишекъ, неразумно увлекшихся лакомствами иноземнаго либерализма, стыдно не знать того, что обязательно знать не то что публицисту, а просто грамотному русскому человѣку, а именно, что мировой судья можетъ приговаривать безапелляціонно только къ трехдневному аресту, а не къ трехмѣсячному заключенію въ тюрьмѣ (ст. 124 Уст. уг. суд.) и рѣшать безапелляціонно гражданскія дѣла всего только на сумму 30 рублей (134 ст. Уст. гр. суд.). Это разъ. Но дѣло не въ этой грубой ошибкѣ (хотя и она не лишена значенія, въ смыслѣ характеристики компетентности критиковъ новаго суда), а въ томъ, что существованіе „выборныхъ мировыхъ судей“, какъ свидѣтельствуетъ подлинная документальная исторія судебной реформы, не имѣетъ ничего общаго съ радикализмомъ, а тѣмъ паче съ коммунизмомъ.

А между тѣмъ Московскія Вѣдомости вотъ уже три года твердятъ съ голоса г. Ціона и другихъ такихъ же авторитетовъ, что „выборные мировые судьи были созданы „народолюбивою теоріей à la Жанъ Жакъ Руссо“ (см., напр., № 31-го января 1889 г.) и въ „самый разгаръ бѣлой горячки“ 60-хъ годовъ (см. статьи г. Григорова въ № 35). Замѣчательно, что это ходячее мнѣніе, сдѣлавшееся общимъ мѣстомъ въ невѣжественныхъ листкахъ реакціонной печати, серьезно повторяется и въ монографіи консервативнаго „критика“ г. Фукса, обѣщающаго въ своей книгѣ „Судъ и полиція“ провѣрить „безпристрастно всѣ факты судебной реформы“.

Что же мы находимъ у этого критика? Въ главѣ второй „Выборъ и назначеніе“ мы читаемъ на 27-ми страницахъ (70—97) сплошной памфлетъ, который стремится доказать,

что злокозненные дѣятели 1862—1864 годовъ „искажали“ проекты гр. Блудова и что, вводя выборную систему, они держались „абсолютной теоріи довѣрія, напоминающей превратные взгляды Ж. Ж. Руссо на общественный договоръ“ (Contrat social) (стр. 73), „декларацію принциповъ à la Ж. Ж. Руссо“ (стр. 74), которую они превращали „въ декларацію правъ“ (75) и т. д. Словомъ „жупеламъ и металламъ“ нѣтъ числа!! И вся эта грозная родомонтада и шумиха фразъ приплетена по поводу установленія выборныхъ мировыхъ судей. Рѣдко приходится встрѣчаться съ такимъ курьезнымъ и необъяснимымъ недомысліемъ!

Можно подумать, что выборный судъ, который на Западѣ пугаетъ даже радикаловъ (съ этой точки зрѣнія и избраніе московскаго и петербургскаго городскихъ головъ городскими обществами должно казаться верхомъ радикализма такъ какъ до сихъ поръ Парижъ не можетъ добиться этого права), есть дѣйствительно нѣчто поразительно радикальное, нѣчто неслыханное и невиданное на Руси и впервые введенное съ открытіемъ новыхъ судовъ! Между тѣмъ „выборное“ начало на судѣ—исконное начало въ русскомъ государствѣ. Это такая избитая истина, хоть по наслышкѣ извѣстная всѣмъ интересующимся исторіею русскаго законодательства, что даже совѣстно о ней напоминать.

А между тѣмъ необходимо это сдѣлать въ виду черезчуръ смѣлаго намѣренія реакціонной печати убѣдить кого-то, что выборное начало въ русскомъ судоустройствѣ есть результатъ опасныхъ и „необрѣтающихся нынѣ въ авантажѣ“ либеральныхъ вѣяній 60-хъ годовъ.

Для того, чтобы судить, какъ глубоко въ стародавнюю эпоху русскаго законодательства уходитъ выборное начало, достаточно ознакомиться хотя бы съ тѣми матеріалами, кои находимъ въ не разъ уже цитированномъ нами Дѣлѣ о преобразованіи судебной части въ Россіи, этомъ, можно сказать, неисчерпаемомъ источникѣ исторіи русскаго процесса.

Въ одной изъ записокъ, а именно въ запискѣ, принадлежащей мастерскому перу (см. ниже) извѣстнаго криминалиста и крупнаго дѣятеля судебной реформы Н. А. Буцковскаго (бывшаго оберъ-прокурора общаго собранія московскихъ де-

партаментовъ сената, впослѣдствіи сенатора уголовнаго кассаціоннаго департамента), мы находимъ краткій обзоръ [1]) выборнаго начала въ исторіи русскаго судоустройства.

Что же даетъ этотъ обзоръ? Еще во время дѣйствія „Русской Правды“ въ удѣльныхъ княжествахъ судья судилъ въ присутствіи выборныхъ судныхъ мужей. При дѣйствіи Судебниковъ Іоанна III и Іоанна IV при судѣ намѣстниковъ и волостей были всегда выборные отъ общинъ, носившіе названіе старостъ и цѣловальниковъ. Разборъ важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ при Іоаннѣ Грозномъ былъ предоставленъ исключительно выборнымъ людямъ, губнымъ старостамъ и цѣловальникамъ. Еще въ 1684 г. города выбирали губныхъ старостъ, которые упразднены были только въ 1702 г. Въ этомъ году указомъ Петра I повелѣно было выбирать, вмѣсто губныхъ старостъ, городовыхъ дворянъ, которые творили судъ вмѣстѣ съ воеводами. Еще раньше, въ 1699 г. предоставлено было посадскимъ людямъ выбирать бурмистровъ въ земскія избы, между прочимъ, для суда, а впослѣдствіи учреждены ратуши съ 12 выборными бурмистрами. Въ 1720 г. возникли магистраты, состоявшіе также изъ бурмистровъ и рат-мановъ. Въ 1761 г. однодворцамъ предоставлено было разбираться на мірскомъ сходѣ, состоявшемъ изъ выборныхъ старостъ и лучшихъ людей [2]).

Въ такомъ видѣ застаютъ выборную систему знаменитыя екатерининскія жалованныя грамоты дворянскому и городскому сословіямъ, провозгласившія—*horribile dictu*,—одно изъ началъ „декларація правъ“ установленіемъ въ видѣ общаго правила, что дворяне и городскіе обыватели судятся одними „равными себѣ“, изъ среды ихъ избранными. Державная ученица Монтескьё и Беккаріи провела эту мысль въ извѣстномъ положеніи о губерніяхъ 1775 г., которое, съ нѣкоторыми измѣненіями, дѣйствовало вплоть до судебной реформы, а отчасти и до сихъ поръ дѣйствуетъ въ губерніяхъ, лишенныхъ новыхъ судебныхъ учрежденій.

Въ царствованіе Павла I наступила необузданная, взбал-

---

[1]) Обзоръ составленъ на основаніи изслѣдованій проф. Ѳ. И. Дмитріева и др.

[2]) Записка Н. А. Буцковскаго, стр. 44—45, т. IX «Дѣло о преобразованіи судебной части», прилож. № 11.

мошная, но непродолжительная реакція противъ всѣхъ екатерининскихъ реформъ, какъ заподозрѣнныхъ въ вольтеріанствѣ и революціонныхъ тенденціяхъ. Но при внукѣ ея, Александрѣ I, выборная система окончательно окрѣпла. Однимъ изъ первыхъ актовъ молодого Императора были манифесты отъ 2-го апрѣля 1801 года, коими онъ торжественно подтверждалъ дарованныя дворянскому и городскому сословію права и привилегіи. „Блаженной вѣчной памяти достойная вселюбезная бабка наша Императрица Екатерина II,—писалъ Императоръ въ манифестѣ дворянству[1]), движимая толико свойственною ей мудростью, опредѣливъ преимущества дворянству грамотою, дарованною въ 1785 г., торжественно предъ лицемъ свѣта на вѣчныя времена ихъ утвердила“ (курсивъ подлинника). Затѣмъ Александръ I также подтверждаетъ и отъ себя привилегіи дворянства, а въ томъ числѣ и право избранія судей.

Въ другомъ манифестѣ отъ того же дня, на имя городовъ, Александръ I, также сославшись на примѣръ Екатерины II и на ту истину, что „безъ правъ неколебимыхъ[2]) и всею силою закона охраняемыхъ (курсивъ въ подлинникѣ) не могутъ промыслы и рукодѣлія достигнуть цвѣтущаго состоянія, „признаетъ за благо утвердить и возстановить городское положеніе и грамоту, городамъ данную, повелѣвая признавать“ положеніе сіе однимъ изъ главныхъ, непреложныхъ и неприкосновенныхъ постановленій“. Этимъ актомъ возстановляется право городовъ на избраніе судей.

Хотя, какъ выше было замѣчено, реформы Екатерины II и Александра I были заподозрѣны послѣдующею реакціей въ либеральныхъ и даже революціонныхъ тенденціяхъ, но это было совершенно невѣрно. Ошибочно было бы думать, что читательница и почитательница энциклопедистовъ, Екатерина II, и державный ученикъ республиканца Лагарпа, Александръ I, вводя и укрѣпляя выборную систему, слѣдовали указаніямъ иностранныхъ доктринъ или законодательствъ. Правда, оба они заплатили дань, хотя и не надолго, европей-

---

[1]) Первое полное собраніе законовъ № 19810.
[2]) Полн. собр. законовъ, № 19811.

скимъ либеральнымъ вѣяніямъ, но въ данномъ случаѣ либеральныя доктрины были рѣшительно не причемъ, и выборная система была продиктована мѣстными бытовыми условіями. Она была подсказана или навязана чисто мѣстными особенностями русской общественной среды, значеніе которыхъ сказывалось сильно еще наканунѣ судебной реформы 1864 г., да и до сихъ еще продолжаетъ сказываться. Чтобы на этотъ счетъ не оставалось никакого сомнѣнія, приведемъ комментаріи въ нашей выборной системѣ опять-таки изъ источника, пользующагося особеннымъ уваженіемъ и довѣріемъ со стороны г. Фукса и его единомышленниковъ. Вотъ что писалъ привилегированный юристъ гр. Блудовъ о выборной системѣ въ запискѣ, при коей онъ вносилъ въ 1860 г. проектъ новаго судоустройства.

„Правительство не могло и думать (въ 1775 г.) о пріисканіи для назначенія во всѣ инстанціи достаточнаго количества членовъ, имѣющихъ, если не спеціальное, то хотя бы общее образованіе. Потому, между прочимъ, принято было за правило допускать назначеніе членовъ по выборамъ, учреждая суды, отдѣльные для каждаго сословія. Законодатель, можетъ быть, признавалъ сіе установленіе лишь временнымъ и, какъ кажется, въ сихъ выборныхъ отъ разныхъ состояній и сословій видѣлъ болѣе присяжныхъ, нежели судей въ настоящемъ, обширнѣйшемъ смыслѣ слова (23—24 стр. Зап. Блудовъ). Надлежало,—продолжаетъ гр. Блудовъ,—по необходимости (за недостаткомъ юристовъ) довольствоваться людьми, коихъ нравственныя качества вознаграждали до нѣкоторой степени отсутствіе юридическихъ познаній, а потому допускать опредѣленіе судей по выборамъ“.

„Съ развитіемъ гражданственности и усложненіемъ торговыхъ оборотовъ,—продолжаетъ авторъ,—возникаютъ дѣла, для рѣшенія которыхъ нужны спеціалисты. Между тѣмъ, какъ будто въ противность сему, устройство нашихъ судовъ не только продолжало опираться на выборы, но кругъ оныхъ еще распространялся. По утвержденію 1775 г. палаты гражданскія и уголовныя состояли каждая изъ предсѣдателя, двухъ совѣтниковъ и двухъ асессоровъ, и всѣ эти лица назначались отъ короны; выборы допускались только въ инстанціяхъ средней и низшей, но и въ мѣстахъ средней инстанціи

предсѣдатели назначались отъ короны. При уничтоженіи средней инстанціи въ 1801 г. допущены въ составѣ палатъ весьма важныя измѣненія. Сіи суды составлены изъ предсѣдателя и одного совѣтника, назначаемыхъ правительствомъ, и засѣдателей отъ дворянства и купечества, опредѣляемыхъ по выбору. Но *въ 1831 г.* положено и предсѣдателей палатъ назначать по выборамъ. Какъ составъ уѣздныхъ судовъ остался въ прежнемъ видѣ и всѣ онаго члены назначаются по выборамъ, то *съ 1831 г.* всѣ дѣла судебныя разсматриваются лицами, отъ коихъ прежде требовалось только удостовѣреніе, что они пользуются правами сословія и признаны въ кругу его добросовѣстными безукоризненнаго поведенія людьми“ (29—30) [1]).

Къ очерку, сдѣланному гр. Блудовымъ, слѣдуетъ прибавить, что въ 1832 г. было объявлено учрежденіе коммерческихъ судовъ, по коему весь судейскій персоналъ, начиная отъ предсѣдателя и товарища предсѣдателя и кончая членами его, выбирался купеческимъ сословіемъ, и коммерческіе суды получали такую обширную власть, что могли рѣшать безапелляціонно иски суммою до 3,000 р.

Такимъ образомъ, изъ сказаннаго видно, что выборное начало апогея своего достигло въ началѣ 30-хъ годовъ, т.-е. въ такое время, гдѣ и днемъ съ огнемъ нельзя было сыскать слѣдовъ тлетворнаго либерализма, а тѣмъ болѣе субверсивнаго ученія *Contrat social.*

II.

Если мы обратимся ко времени, непосредственно предшествовавшему судебной реформѣ и которое такъ неестественно испарилось у живыхъ его свидѣтелей и дѣятелей, то мы застаемъ въ старыхъ судебныхъ учрежденіяхъ слѣдующія должности, назначаемыя по выбору:

Уѣздный судъ: всѣ пять членовъ, засѣдавшихъ въ немъ: судья, два засѣдателя отъ дворянъ, два засѣдателя отъ крестьянъ—опредѣлялись по выбору. Магистратъ:

---

[1]) См. т. IV, «Дѣло о преобр. суд. части».

всѣ шесть членовъ его—два бургомистра и четыре ратмана по выбору купечества. Уголовная палата (составлявшая окончательную инстанцію почти для всѣхъ уголовныхъ дѣлъ): предсѣдатель и два засѣдателя по выбору отъ дворянскаго сословія и два засѣдателя отъ купечества. По назначенію отъ правительства только одинъ товарищъ предсѣдателя палаты [1]).

Въ такомъ видѣ застаетъ гр. Блудовъ нашу выборную систему. Что же предлагаетъ онъ въ своемъ проектѣ? Онъ цѣликомъ удерживаетъ и даже отчасти расширяетъ существовавшее выборное начало, нѣсколько совершенствуя его. Въ уѣздныхъ судахъ (ратуши и магистраты предполагалось упразднить) предсѣдатели избирались дворянствомъ и засѣдатели избирались отъ трехъ сословій—дворянскаго, городского и сельскаго (ст. 14 Проекта суд. гр. Блудова).

Судебная палата, которая учреждалась взамѣнъ палатъ гражданскаго и уголовнаго суда, образуется изъ выборныхъ: предсѣдателя (департамента) и сословныхъ засѣдателей отъ дворянскаго, городского и сельскаго обществъ (ст. 12 Проекта Блудова). Отъ правительства назначается главный губернскій или областной судья (ст. 11 Проекта гр. Блудова).

Гр. Блудовъ предлагаетъ только слѣдующее измѣненіе въ порядкѣ выборовъ: установленіе образовательнаго ценза (среднее образованіе) [2]), возможность избранія засѣдателей не только изъ своего, но и изъ другихъ сословій, и предоставленіе избирательнаго права не по одному только поземельному цензу, но и по служебному и образовательному цензу.

Затѣмъ гр. Блудовъ предложилъ одно значительное расширеніе избирательнаго права. По его иниціативѣ вводилась

---

[1]) Для дополненія картины выборной системы не лишнее прибавить, что и по администраціи опредѣлялись по выборамъ: исправникъ, голова, депутаты, смотрители хлѣбныхъ магазиновъ, составъ дворянскихъ опекунскихъ учрежденій и проч. (см. Записку Д. А. Ровинскаго «О должн. лицахъ суд. вѣдом.», стр. 34).

[2]) Примѣчательно, что министръ юстиціи гр. В. Н. Панинъ возсталъ даже противъ этихъ скромныхъ измѣненій и, отстаивая quand même дворянскія сословныя привилегіи, не соглашался на установленіе образовательнаго ценза для засѣдателей въ видѣ средняго образованія. См. т. IV «Дѣла о преобразованіи суд. части». Собр. мин. юст., стр. 6, 7, 28, 29.

новая судебная должность мирового судьи. Замѣчательно, что этотъ „благонадежнѣйшій“ юристъ ни одну минуту не колебался при рѣшеніи вопроса—сдѣлать ли ее выборною или назначать мировыхъ судей отъ короны. Онъ, гр. Блудовъ, съ самаго начала рѣшилъ, по соображеніямъ, которыя были приведены выше, сдѣлать эту должность выборною съ тою только разницею, что первоначально онъ предполагалъ предоставить избраніе мировыхъ судей одному дворянскому сословію (ст. 268 Проекта), а вскорѣ послѣ того (по освобожденіи крестьянъ) согласился на предоставленіе избранія выбору всѣхъ, т.-е. трехъ сословій (Журн. госуд. сов., 1861, № 48, стр. 7—8).

Подведемъ итоги. Итакъ, по проекту гр. Блудова, по выборамъ сословій предполагалось назначать: предсѣдателей и засѣдателей палатъ, предсѣдателей и засѣдателей уѣздныхъ судовъ и мировыхъ судей, итого пять судебныхъ должностей.

Вотъ въ какомъ видѣ поступилъ, въ концѣ 1861 г. и въ началѣ 1862 г., вопросъ о выборномъ началѣ вмѣстѣ съ поступившими на проекты гр. Блудова замѣчаніями практиковъ и со всѣмъ дѣломъ о судебной реформѣ—на обсужденіе тѣхъ прикомандированныхъ по Высочайшему повелѣнію къ государственной канцеляріи, юристовъ, которые довели дѣло до естественнаго конца. Они-то, по мнѣнію почитателей дореформенныхъ порядковъ, „исказили“ проекты гр. Блудова, увлекшись избирательными демократическими тенденціями à la Руссо.

Въ чемъ же заключались эти искаженія?

Обратимся опять-таки къ подлиннымъ документамъ, и на этотъ разъ къ знаменитымъ „Соображеніямъ“ государственной канцеляріи 1862 года, впервые точно формулировавшимъ главныя основанія будущихъ Судебныхъ Уставовъ 20-го ноября 1864 г. [1]).

Согласно Высочайшему повелѣнію отъ января 1862 года, существованія котораго вышеупомянутый „безпристрастный критикъ“ г. Фуксъ и не подозрѣваетъ, государственная канцелярія изложила свои соображенія, между прочимъ, и о порядкѣ назначенія судей на должности, согласно началамъ, „не-

---

[1]) См. т. XVIII «Дѣла о преобр. суд. части».

сомнѣнное достоинство коихъ, какъ буквально гласило означенное Высочайшее повелѣніе, признано наукою и опытомъ европейскихъ государствъ". Въ исполненіе этого повелѣнія государственная канцелярія и ея юристы обязаны были изложить свои соображенія о томъ, какія преимущества представляетъ опредѣленіе судей по назначенію отъ правительства и по избранію гражданами. И вотъ тщательное, добросовѣстное выполненіе этого-то оффиціальнаго порученія ставить въ вину г. Фуксъ названнымъ юристамъ, осуждая ихъ за излишне подробную, а потому неумѣстную теоретико-историческую разработку принципіальнаго вопроса о сравнительныхъ достоинствахъ опредѣленія судей по назначенію отъ правительства или по избранію мѣстныхъ обществъ [1]).

Мы здѣсь не будемъ входить въ подробный анализъ замѣчательно искусно сгрупированныхъ въ „Соображеніяхъ" доводовъ *pro* и *contra* по этому вопросу, тѣмъ болѣе, что значительная часть ихъ приведена въ извѣстномъ изданіи Суд. Уст. государственной канцеляріи (см. предисл. къ Учр. суд. уст., стр. XIII—XXV). Но считаемъ нужнымъ напомнить главные пункты разсужденія. Наши „коронные юристы" разсматриваютъ доводы *pro* и *contra* выборнаго начала съ теоретической, практической и исторической точекъ зрѣнія.

Защитники выборной системы, предлагавшіе замѣщать по выборамъ сословій не только мировыхъ судей, но и всѣхъ совѣтниковъ какъ окружныхъ судовъ, такъ и областныхъ судебныхъ палатъ, указывали на то, что довѣріе къ суду, которое составляетъ главное условіе общаго въ государствѣ спокойствія, достигается только въ томъ случаѣ, если судьи назначаются не исключительно по усмотрѣнію администраціи, но при участіи общества. Недостатки могутъ быть у тѣхъ и другихъ судей, но недостатки должностныхъ лицъ, назначаемыхъ правительствомъ, общество очень часто относитъ къ самому правительству.

Съ практической точки зрѣнія указывалось на то неудобство, что уполномоченное правительствомъ по назна-

---

[1]) В. Фуксъ, «Судъ и полиція», стр. 75, 82.

ченію судей лицо, не будучи само знакомо съ дѣятельностью судей, бываетъ вынуждено полагаться на рекомендаціи второ- и третье-степенныхъ чиновниковъ, которые и не должны пользоваться такимъ правомъ, и не могутъ, при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ, пользоваться имъ разумно. Если же предоставить назначеніе судей предсѣдателямъ палатъ и окружныхъ судовъ, то чрезъ это роняется значеніе судьи и открывается возможность для произвола; между тѣмъ какъ участіе въ выборѣ мѣстныхъ жителей даетъ имъ возможность избирать на должность судей лицъ, имъ извѣстныхъ.

Съ исторической точки зрѣнія ссылались на вышеизложенные манифесты Императоровъ Александра I и Николая I, даровавшіе право избранія судей, долженствующее остаться неприкосновеннымъ.

Но юристы государственной канцеляріи отвергли (замѣтьте, отвергли, а не одобрили!) эти доводы по слѣдующимъ соображеніямъ, которыя скорѣе страдаютъ излишкомъ осторожности, нежели радикализма. Вотъ сущность ихъ возраженій (замѣтьте опять-таки возраженій, а не защиты) противъ выборной системы.

Общество, говорятъ они, можетъ принимать полезное участіе въ рѣшеніи такихъ (?) дѣлъ, которыя непосредственно его интересуютъ, и въ особенности дѣлъ, относящихся къ мѣстнымъ хозяйственнымъ потребностямъ. Здѣсь результаты выборовъ избиратели ощущаютъ непосредственно каждый на себѣ, и нѣтъ мѣста пристрастію, такъ какъ дѣло касается не отдѣльныхъ лицъ, а интересовъ, общихъ всѣмъ (?) членамъ собранія. Не то при выборѣ судей, неудачный выборъ коихъ непосредственно отражается лишь на подсудимыхъ и тяжущихся и не нарушаетъ непосредственно интересовъ судей и ихъ выбирателей. Для судьи нужно юридическое образованіе, а такихъ лицъ, извѣстныхъ мѣстнымъ обывателямъ, не окажется. Для гарантіи беэпристрастія выборовъ приходится отмѣнить срочность, а это обстоятельство въ свою очередь уничтожаетъ одно изъ непремѣнныхъ условій выборной системы.

Что касается довода практическаго, то противъ него юристы государственной канцеляріи возражали тѣмъ, что предполагаемое соединеніе нѣсколькихъ уѣздовъ подъ вѣдѣніе одного окружнаго суда и нѣсколькихъ губерній подъ вѣдѣ-

ніе одной судебной палаты внесетъ въ выборы новыя затрудненія. При выборѣ пришлось бы имѣть и кандидатовъ для замѣщенія должностей, дѣлающихся вакантными между двумя избирательными періодами. Что касается знакомства избирателей съ избираемыми, то оно, по мнѣнію юристовъ, большею частью (?) ограничивается знаніемъ „только (?) одной свѣтской стороны жизни“ кандидата, но такія свѣдѣнія вовсе не опредѣляютъ качествъ достойнаго судьи и даже далеки отъ тѣхъ, кои могутъ доставить тщательное развѣдываніе о прежней жизни или службѣ ищущаго мѣста и строгое испытаніе его (кѣмъ?) въ познаніяхъ и въ судебномъ дѣлопроизводствѣ. Кромѣ того, при выборной системѣ, отвѣтственность такъ дробится, что дѣлается ничтожной.

Что касается историческаго довода, то противъ него юристами приводилось, что никакія учрежденія не могутъ быть устанавливаемы на вѣчныя времена, потому что въ самомъ назначеніи ихъ—удовлетворять современнымъ потребностямъ государства. Нельзя считать права нарушенными, коль скоро новое учрежденіе, созданное на раціональныхъ основаніяхъ, доставляетъ болѣе огражденія всѣмъ сословіямъ. Учрежденіе суда присяжныхъ, по существу своему обязательно выборнаго, и право избранія мировыхъ судей съ избыткомъ вознаграждали, по мнѣнію юристовъ, сословія за потерю права избранія сословныхъ засѣдателей, рѣшавшихъ дѣла подъ вліяніемъ коронныхъ судей и секретарей.

Касательно допущеннаго относительно мировыхъ судей изъятія, юристы замѣчаютъ: мировыхъ судей предполагается назначать изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ всѣмъ избирателямъ, и достоинство сихъ судей не обусловливается такими способностями и познаніями, о которыхъ трудно было бы судить избирателямъ.

Общее заключеніе юристовъ государственной канцеляріи таково: „выборная система представляетъ не болѣе (курсивъ въ подлинникѣ), но несравненно менѣе (курсивъ подлинника) средствъ къ выбору лицъ, достойныхъ званія судьи“.

„Таковы разсужденія дѣятелей 1861—64 годовъ“, за которыя противъ нихъ воздвигается обвиненіе чуть не въ революціонной пропагандѣ. Кому, кромѣ людей, одержимыхъ маніею наикрѣпчайшаго сыска „съ пристрастіемъ“, придетъ въ

голову усмотрѣть въ этихъ спокойныхъ и обстоятельныхъ, скорѣе излишне строгихъ, чѣмъ снисходительныхъ для выборнаго начала разсужденіяхъ, вызванныхъ желаніемъ добросовѣстно выполнить возложенное на нихъ порученіе и обсудить дѣло всесторонне, „декларацію принциповъ à la Руссо?“

Г. Фуксъ съ негодованіемъ отмѣчаетъ тѣ мѣста изъ разсужденій государственной канцеляріи, гдѣ „защитники выборной системы“ говорятъ о томъ, что „всякій имѣетъ право самъ избрать себѣ мѣстнаго начальника, что человѣкъ, присланный издалека, весьма часто не знающій ни мѣстныхъ условій, ни обычаевъ, не всегда будетъ хорошимъ администраторомъ и справедливымъ судьею“, и въ примѣчаніи спѣшитъ пояснить, что это соображеніе напоминаетъ взгляды *Contrat social*.

Вотъ ужъ именно: съ больной головы на здоровую! Въ своемъ стремительномъ усердіи разыскать крѣпко-на-крѣпко въ судебной реформѣ неблагонадежные „политическіе“ элементы онъ и не замѣчаетъ траги-комическаго положенія, въ которое онъ попалъ. Г. Фуксъ зарапортовался до того, что онъ бьетъ по своимъ, упуская изъ виду, что „защитниками выборной системы“ были не злокозненные либералы 60-хъ годовъ, а консервативные сторонники тѣхъ блудовскихъ проектовъ, за „искаженіе“ которыхъ онъ накидывается на „дѣятелей 1861—1864 гг.“. Да, въ этомъ отношеніи „либералы 60-хъ годовъ“ произвели существенныя измѣненія или „искаженія“ въ нихъ. Эти опасные либералы не только не послѣдовали вслѣдъ за гр. Блудовымъ, проектировавшимъ весьма значительное усиленіе, сравнительно съ дѣйствовавшимъ законодательствомъ, числа выборныхъ судебныхъ должностей (кромѣ мировыхъ судей, онъ предлагалъ, какъ выше было указано, назначать по выборамъ большинство состава окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ), но даже сравнительно съ системою Свода Законовъ сдѣлали значительныя сокращенія. И такихъ-то убѣжденныхъ сторонниковъ централизаціи, открыто высказавшихъ, что „система назначенія правительствомъ судей несравненно выше выборной системы“, выставляютъ „упразднителями правительства!“ Можно не соглашаться съ доводами юристовъ государственной канцеляріи, такъ горячо возставшихъ противъ старинной русской выборной системы, но какое нужно невѣ-

жество и недобросовѣстность, чтобы этихъ самыхъ „противниковъ“ допущенія въ судахъ выборной системы вообще выставлять „защитниками“ радикальной выборной системы *à outrance?!*

Дальше этого не можетъ итти самое развязное искусство *nigra in candida vertere*, это отмѣченное еще сатирою Ювенала софистическое искусство превращать черное въ бѣлое и бѣлое въ черное.

ГЛАВА VI.

Записка Д. А. Ровинскаго объ учрежденіи суда присяжныхъ.

I.

Честь перваго оффиціальнаго предложенія суда присяжныхъ въ Государственной Канцеляріи въ февралѣ 1862 г. принадлежитъ прикомандированному къ ней юристу Дмитрію Александровичу Ровинскому, бывшему тогда московскимъ губернскимъ прокуроромъ, нынѣ сенатору уголовнаго кассаціоннаго департамента.

Записка [1]) Д. А. Ровинскаго особенно интересна въ томъ отношеніи, что онъ, въ качествѣ юриста-практика, превосходно зналъ истинное положеніе правосудія на Руси до 1864 г. и хорошо понималъ, въ какихъ измѣненіяхъ оно наиболѣе нуждается. Въ работахъ его всегда болѣе обращаетъ на себя вниманіе та жизненная, исключительно практическая точка зрѣнія (въ другихъ запискахъ не мало мѣста отводится и теоретическимъ соображеніямъ), которой онъ держится. Это, такъ сказать, живой пульсъ, viva vox дѣйствительности. Познакомимся съ содержаніемъ Записки г. Ровинскаго.

Въ началѣ Записки г. Ровинскій, въ отличіе отъ своихъ предшественниковъ, имѣвшихъ въ виду, главнымъ образомъ, реформу гражданскаго процесса, высказываетъ мысль, что общій успѣхъ судебной реформы обусловливается, прежде всего, хорошимъ устройствомъ уголовнаго суда, такъ какъ, благодаря гласности, общество, прежде всего, пойдетъ въ уголовный, а не гражданскій судъ, и, на основаніи видѣннаго тамъ, составитъ оно свое мнѣніе вообще о судебной ре-

---

[1]) Въ «комментаріяхъ» къ *Судебнымъ Уставамъ* въ извѣстномъ изд. Государственной Канцеляріи изъ *Записки* г. Ровинскаго не приведено ничего.

формѣ. Затѣмъ г. Ровинскій переходитъ къ соображеніямъ о необходимыхъ улучшеніяхъ въ устройствѣ суда уголовнаго, при чемъ точкой отправленія беретъ проектъ уст. уг. суд., составленный гр. Блудовымъ. Сначала онъ обращается къ слѣдственной части и высказываетъ о современной ему практикѣ слудующее замѣчаніе, особенно важное въ устахъ московскаго губернскаго прокурора, имѣвшаго райономъ наблюденія обширную и наиболѣе культурную полосу Россіи. „Слѣдователи наши,—говоритъ онъ,—постоянно имѣя предъ собою теорію уликъ и совершенныхъ доказательствъ, занимаются не „раскрытіемъ истины“ (курсивъ и ковычки подлинника), а подборкой совершенныхъ доказательствъ. Нѣтъ совершенныхъ доказательствъ, нѣтъ и обвиненія (рекомендуемъ эти слова вниманію почитателей дореформеннаго суда, сѣтующихъ на ослабленіе репрессіи при новомъ судѣ), и лучшимъ слѣдователемъ до сихъ поръ считается тотъ, который чаще другихъ добивается (!) собственнаго признанія подсудимаго, если успѣваетъ подобрать къ слѣдствію двухъ свидѣтелей подъ присягою“.

„Многіе видятъ,—продолжаетъ авторъ,—въ такомъ порядкѣ обвиненія болѣе гарантіи для подсудимаго и правосудія, нежели при другомъ, основанномъ на внутреннемъ убѣжденіи судей. Практика далеко не подтверждаетъ такого предположенія. Она доказываетъ, напротивъ того, что при теоріи доказательствъ возможенъ самый полный произволъ (avis для враговъ суда присяжныхъ, обвиняющихъ его вердикты въ „лотерейности“) со стороны судей, не говоря уже о слѣдователѣ, отъ котораго зависитъ все направленіе дѣла. Одинъ судья, руководствуясь правиломъ: лучше освободить десять виновныхъ, нежели приговорить невиннаго (311 ст. т. XV), постоянно освобождаетъ преступниковъ или оставляетъ въ подозрѣніи. Другой въ каждомъ преступникѣ видитъ человѣка, опаснаго для общества, считаетъ своею обязанностью стараться всѣми силами объ удаленіи его изъ общества, и каждое дѣло въ его рукахъ кончается или обвиненіемъ, или оставленіемъ въ подозрѣніи, оканчивающемся ссылкой въ административномъ порядкѣ“.

„Не говоря о другихъ качествахъ судей и руководящихъ **ими секретарей** (не трудно догадаться, на какія „качества“ на-

мекаетъ тутъ авторъ Записки), отъ которыхъ, въ большинствѣ случаевъ, зависятъ рѣшенія дѣла и участи подсудимаго, какое огромное количество дѣлъ можетъ назвать каждый изъ служащихъ по уголовной части,—замѣчаетъ г. Ровинскій,—по которымъ въ разныхъ инстанціяхъ состоялись подъ вліяніемъ личнаго настроенія судей самыя разнообразныя рѣшенія. Наприм., всѣмъ извѣстное дѣло Диманшъ и другое не менѣе извѣстное дѣло объ изнасилованіи, производившееся въ московскихъ судебныхъ установленіяхъ въ недавнее время. Какое смутное понятіе о справедливости судебныхъ рѣшеній нашихъ должно получить общество, когда по одному и тому же дѣлу и на основаніи одной и той же теоріи уликъ и совершенныхъ доказательствъ, а не на личномъ убѣжденіи судей, въ трехъ разныхъ инстанціяхъ одинъ и тотъ же преступникъ сперва оставленъ въ подозрѣніи, потомъ обвиненъ и, наконецъ, освобожденъ отъ суда и слѣдствія!“

Затѣмъ г. Ровинскій входитъ in medias res своего предмета, т.-е. обращается къ вопросу о судѣ присяжныхъ. Гр. Блудовъ, признавая недостатки легальной теоріи доказательствъ, не рѣшался, однако, предложить введеніе суда присяжныхъ, являющееся естественнымъ послѣдствіемъ отмѣны ихъ. Вотъ какія соображенія приводилъ гр. Блудовъ противъ своевременности введенія этого института:

„Въ настоящее время,—писалъ гр. Блудовъ въ своей объяснительной запискѣ,—едва ли полезно установлять судъ чрезъ присяжныхъ. Легко представить себѣ дѣйствіе такого суда, когда большая часть нашего народа не имѣетъ еще не только юридическаго, но самаго первоначальнаго образованія, когда понятія о правѣ, обязанностяхъ и законѣ до того не развиты и не ясны, что нарушеніе чужихъ правъ, особливо посягательство на чужую собственность, признается многими самымъ обыкновеннымъ дѣломъ, иныя преступленія только удальствомъ, а преступники только несчастными. Допущеніе такихъ людей къ рѣшенію важнаго, иногда чрезвычайно труднаго вопроса о винѣ или невинности подсудимаго угрожаетъ не одними неудобствами, но едва ли не прямымъ беззаконіемъ. Конечно, могутъ сказать, что для полученія убѣжденія о винѣ или невинности подсудимаго не нужно особаго образованія и

достаточно одного здраваго смысла. Дѣйствительно, здравый смыслъ иногда вѣрнѣе учености; но здравый смыслъ обыкновеннаго человѣка ограничивается тѣснымъ кругомъ его общественной жизни и ежедневнаго положенія; онъ рѣдко и съ трудомъ достигаетъ предметовъ, выходящихъ изъ его круга. Нетрудно заключить о винѣ и невинности подсудимаго, когда для него есть въ виду положительныя, такъ сказать, осязаемыя доказательства и данныя; но въ большей части случаевъ къ сему заключенію можетъ довести только внимательное соображеніе многихъ обстоятельствъ и высшая способность къ тонкому анализу и логическимъ выводамъ: для сего уже одного здраваго смысла далеко не достаточно. Неоспаривая выгодъ суда чрезъ присяжныхъ, особливо въ дѣлахъ уголовныхъ, мы, однакожъ, убѣждены, что у насъ рѣшеніе дѣлъ о преступленіяхъ и проступкахъ должно пока остаться на обязанности самихъ судей" (изъ общей объясн. зап. изъ уст. уг. суд. гр. Блудова, стр. 132).

Детальному разбору этихъ доводовъ противъ своевременности (гр. Блудовъ спорилъ противъ суда присяжныхъ лишь съ точки зрѣнія своевременности, но не принципіальной) введенія у насъ суда присяжныхъ посвящаетъ авторъ первую часть своей дѣльной и богатой аргументами Записки.

Предположеніе, что народъ нашъ смотритъ на преступленіе снисходительно и признаетъ преступника „только несчастнымъ",—замѣчаетъ г. Ровинскій,—противорѣчитъ всѣмъ извѣстному факту, что преступники, пойманные народомъ на самомъ мѣстѣ преступленія, поступаютъ въ руки полиціи не иначе, какъ избитые и изувѣченные. На этомъ основаніи можно бы обвинить народъ скорѣе въ противоположномъ, но и это будетъ несправедливо,—народъ бьетъ пойманнаго преступника просто въ видѣ наказанія и потому единственно, что не имѣетъ никакого довѣрія ни къ добросовѣстности полиціи, которая можетъ замять дѣло, ни къ правосудію судей, которые на точномъ основаніи теоріи уликъ и совершенныхъ доказательствъ могутъ освободить гласнаго преступника отъ всякаго взысканія.

Что народъ смотритъ съ состраданіемъ на преступника, уже наказаннаго плетьми и осужденнаго на каторгу и ссылку, и, забывая все сдѣланное имъ зло, несетъ ему щедрыя подаянія вещами и деньгами—это правда. Что народъ жалѣетъ

подсудимыхъ, просиживающихъ на основаніи теоріи уликъ и доказательствъ годы и десятилѣтія, въ явное разореніе своего семейства и государственной казны—и это правда.

За это состраданіе слѣдовало бы скорѣе признать за народомъ глубокое нравственное достоинство, нежели обвинять его въ недостаткѣ юридическаго развитія".

Гораздо важнѣе и справедливѣе,—говоритъ авторъ, —обвиненіе народа въ томъ, что понятіе о правѣ, обязанностяхъ и законѣ въ немъ до того не развиты и не ясны, что нарушеніе чужихъ правъ, особливо посягательство на чужую собственность, признается многими самымъ обыкновеннымъ дѣломъ. И дѣйствительно, кража всѣхъ родовъ и всѣхъ видовъ, начиная отъ ежедневной порубки въ казенныхъ лѣсахъ и мелкой экономіи казенныхъ дровъ и провіанта и кончая колоссальными подрядами на строительныя работы и всякія поставки, кража составляетъ въ общественной жизни нашей самое обыкновенное явленіе. Многіе виды освящены обычаями, другіе даже узаконились отъ давности.

Но такой странный порядокъ вовсе не зависитъ отъ неразвитости народныхъ массъ, которыя ни въ одномъ государствѣ не могутъ еще похвалиться ни юридическимъ образованіемъ, ни высшею способностью къ тонкому анализу и логическимъ выводамъ. Да если юридическое образованіе и высшая способность къ тонкому анализу и дѣйствительно составляютъ удѣлъ однихъ иностранцевъ, то почему эти господа, перебравшись на нашу почву, такъ скоро осваиваются съ нашими порядками, смѣтами, доходными статьями и экономіями и такъ быстро теряютъ и юридическое образованіе, и высшую способность къ тонкому анализу? Причина этой грязи коренится гораздо глубже; въ *большинствѣ случаевъ человѣкъ* остороженъ тогда, когда за поступками его слѣдитъ общество, у котораго есть возможность законнымъ путемъ порицать и наказывать его. Какой же осторожности можно ожидать отъ человѣка тамъ, гдѣ общественное мнѣніе еще не совсѣмъ сложилось и гдѣ попытка надзора со стороны общества еще такъ недавно преслѣдовалась наравнѣ со скопомъ и заговоромъ? Правительство должно дать закон-

ный исходъ общественному мнѣнію, имъ самимъ затронутому и возбужденному. Оно должно заставить общество разбирать и осуждать поступки собственныхъ членовъ, оно должно посредствомъ такого суда слить свои интересы съ нуждами общества. Говорятъ, что введеніе такого суда у насъ преждевременно, что народу и обществу предстоитъ, прежде всего, юридическое развитіе и т. д. Мы же, напротивъ, убѣждены, что такой судъ, строгій, гласный и всѣми уважаемый, долженъ предшествовать всякому юридическому развитію и общества, и самихъ судей, что только въ немъ народъ научится правдѣ и перестанетъ открыто признавать кражу за самое обыкновенное дѣло.

Опасаются допустить въ настоящую минуту неразвитый и необразованный народъ къ участію въ судѣ и считаютъ, что это участіе поведетъ не только къ неудобствамъ, но и къ беззаконію. Разумныя правила для составленія списка присяжнымъ засѣдателямъ значительно ослабятъ эти опасенія, и можно надѣяться, что на дѣлѣ новый судъ, который будетъ обвинять на основаніи одного убѣжденія въ виновности преступника, ни въ какомъ случаѣ не будетъ беззаконнѣе [1]) и неудобнѣе того суда, который на основаніи одной и той же теоріи уликъ и совершенныхъ доказательствъ оставляетъ въ подозрѣніи, обвиняетъ и, наконецъ, вовсе освобождаетъ одного и того же преступника; а въ томъ, что такой судъ одинъ и можетъ удовлетворить теперешнимъ требованіямъ нашего общества и что только такой судъ можетъ ожидать полнаго сочувствія и уваженія со стороны его, то въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія.

II.

Во второй части своей Записки г. Ровинскій подробно останавливается на вопросѣ, вполнѣ ли чужда нашему старому законодательству идея общественнаго суда, или, наоборотъ, оно признаетъ его, хотя и въ несовершенной формѣ, и онъ рѣшаетъ это въ смыслѣ утвердительномъ.

---

[1]) Этого не осмѣливаются утверждать вполнѣ даже самые завзятые зоилы новаго суда.

По лѣстницѣ наказаній улож. 1845 г.,—говоритъ онъ,—преступникъ, проходя медленнымъ шагомъ чрезъ посредство 188 ступенекъ, съ математическою точностью получаетъ отъ 3 розогъ до 100 плетей и слѣдуетъ послѣ наказанія въ каторжныя работы, въ солдаты, въ арестантскія роты и т. п. съ лишеніемъ правъ разныхъ степеней и съ удаленіемъ изъ общества и переселеніемъ въ Сибирь. На основаніи общихъ законовъ наказаніе это назначается преступнику только по опредѣленію суда.

Но такъ какъ,—продолжаетъ г. Ровинскій—уголовный судъ, руководствуясь въ этомъ назначеніи теоріею уликъ и совершенныхъ доказательствъ и придерживаясь весьма удобнаго, для скораго обсужденія уголовнаго дѣла и для освобожденія судьи отъ всякой отвѣтственности, правила императрицы Екатерины II, что лучше освободить отъ наказанія десять виновныхъ, нежели приговорить одного невиннаго, постоянно освобождалъ не только по десяти, но цѣлыми сотнями (avis для нынѣшнихъ критиковъ суда присяжныхъ) и оставлялъ, за недостаткомъ совершенныхъ доказательствъ, явныхъ воровъ и грабителей въ подозрѣніи, то правительство, считая полезнымъ избавить общество отъ проживанія посреди него воровъ и преступниковъ, устроило рядомъ съ судомъ коронным судъ общественный,—другими словами, предоставило обществу судить въ другой разъ преступника, не попавшаго по суду на поселеніе. Такъ, общество могло ссылать въ Сибирь или отдавать въ солдаты, въ случаѣ оставленія въ подозрѣніи лицъ, судившихся за важныя преступленія и опороченныхъ въ поведеніи на повальномъ обыскѣ, въ случаѣ рецидива маловажныхъ преступленій, въ случаѣ продолжительнаго пьянства и неплатежа податей и пр. (ст. 567 т. IX, изд. 1857 г.).

Не есть ли этотъ судъ,—замѣчаетъ г. Ровинскій,—послѣ суда и безъ суда тотъ же судъ присяжныхъ, но въ самой безобразной формѣ его? Правительство въ лицѣ уголовнаго суда освобождаетъ преступника отъ наказанія, а общество обвиняетъ и ссылаетъ его въ Сибирь!

Кромѣ того, правительство постоянно прибѣгаетъ къ общественному суду, основанному на одномъ убѣжденіи, когда коронный судъ, обвиняющій на основаніи теоріи уликъ и совершенныхъ доказательствъ, оказывается несостоятельнымъ и

несогласнымъ съ его цѣлями. Таковъ случай членовредительства, для вмѣненія коего достаточно присяжнаго показанія 12 человѣкъ (IV т., ст. 775 Св. Зак.). Это какъ бы судъ присяжныхъ, на основаніи котораго судъ обязанъ безпрекословно назначить членовредителю наказаніе (отдача въ солдаты или арестантскія роты на 12 лѣтъ и ссылка въ Сибирь).

Подобіе суда присяжныхъ г. Ровинскій видитъ еще въ сельскихъ расправахъ и разныхъ цеховыхъ и сословныхъ инстанціяхъ, рѣшающихъ дѣло втайнѣ на основаніи одного убѣжденія, которое, впрочемъ, склоняется,—говоритъ онъ,—по большей части къ явной выгодѣ болѣе сильной изъ заинтересованныхъ сторонъ. Подобіе суда присяжныхъ въ болѣе опредѣленныхъ формахъ видитъ онъ и въ волостномъ судѣ, состоящемъ,—замѣчаетъ онъ,—*изъ людей, не имѣющихъ не только юридическаго, но даже самаго первоначальнаго образованія* (курсивъ въ подлинникѣ).

Отъ безчисленныхъ видовъ общественнаго суда, представляющихъ безобразное подобіе суда присяжныхъ безъ всякаго руководства со стороны опытнаго въ дѣлѣ и законахъ судьи и, въ большинствѣ случаевъ, безъ гарантій для подсудимаго, г. Ровинскій переходитъ къ коронным судамъ. Онъ отмѣчаетъ, что въ составѣ ихъ общественное начало не только преобладаетъ, но, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже вовсе обходится безъ чиновниковъ со стороны правительства.

Уѣздный судъ: всѣ пять членовъ его—судья, два засѣдателя отъ дворянъ, два отъ поселянъ—назначаются самимъ обществомъ.

Магистратъ состоитъ изъ однихъ выборныхъ отъ купеческаго званія: двухъ бургомистровъ и двухъ ратмановъ.

Въ уѣздномъ судѣ большинство членовъ, а въ магистратѣ весь составъ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о теоріи уликъ и совершенныхъ доказательствъ. Присутствіе служитъ только ширмами для секретаря, во власти котораго находятся судъ и расправа надъ преступниками.

Далѣе, въ уголовной палатѣ, составляющей окончательную инстанцію почти для всѣхъ уголовныхъ дѣлъ, предсѣдатель, по выбору дворянскаго сословія, иногда подготовленный къ своему мѣсту, а чаще и безъ всякой подготовки,

засѣдатели же, по два отъ дворянства и купечества—вовсе не подготовленные къ своимъ должностямъ и всѣ на шестилѣтній срокъ. Товарищъ предсѣдателя—отъ правительства. Опять большинство, неспособное къ тонкому анализу и логическимъ выводамъ, и опять рѣшеніе дѣла въ *рукахъ предсѣдателя или его товарища, если они* соблаговолятъ заняться дѣломъ, или чаще всего въ рукахъ тѣхъ же секретарей.

Бываетъ иногда,—пишетъ г. Ровинскій,—что и засѣдатели по чувству человѣколюбія подымаютъ голосъ въ дѣлахъ важныхъ объ уменьшеніи числа плетей и срока каторги,—это случается съ ними въ началѣ ихъ службы, а потомъ привычка беретъ свое, и они, не оглядываясь, прописываютъ плети и каторгу подъ руководствомъ опытнаго секретаря.

А между тѣмъ всѣ эти лица, составляющія нынѣ ширму для произвольныхъ дѣйствій секретаря, при другомъ порядкѣ могли бы приносить существенную пользу. Таковы чисто-практическія *соображенія знатока старой судебной практики* г. Ровинскаго, приводящія его къ мысли о судѣ присяжныхъ.

Если бы для разсмотрѣнія уголовнаго дѣла,—разсуждаетъ онъ,—назначался одинъ коронный чиновникъ, хорошо знакомый съ системою наказаній и теоріею доказательствъ и примѣненіемъ ихъ къ дѣлу; если бы общество назначало для того же въ судъ своихъ засѣдателей на болѣе короткіе сроки, такъ, чтобы привычка назначать человѣку плети и каторгу не успѣвала въ нихъ брать верхъ надъ долгомъ и совѣстью; если бы эти засѣдатели, не вдаваясь въ теорію совершенныхъ доказательствъ, обязаны были сказать отъ лица всего общества, виновенъ ли подсудимый по крайнему ихъ убѣжденію, или нѣтъ, и если коронному судьѣ оставалось бы примѣнить наказаніе по закону и если бы все это дѣлалось гласно, то трудно вообразить, чтобы такой судъ угрожалъ большимъ неудобствомъ и большимъ беззаконіемъ, нежели теперешній.

Этимъ заканчиваетъ авторъ свою полемику съ Запискою гр. Блудова и затѣмъ набрасываетъ, въ общихъ чертахъ проектъ организаціи суда присяжныхъ, который мы здѣсь приводить не будемъ.

Въ скорости такого суда можно, по его мнѣнію, пору-

читься заранѣе; что же касается правильности его рѣшеній, то нѣтъ никакого повода полагать, что эти рѣшенія будутъ хуже и незаконнѣе рѣшеній теперешнихъ уголовныхъ инстанцій; присяжные всегда подчинятся вліянію дѣльнаго и добросовѣстнаго предсѣдателя, и только недостатокъ этихъ качествъ можетъ вызвать со стороны ихъ полезное противодѣйствіе. (Замѣчаніе глубоко-вѣрное, вполнѣ оправданное нашею новою судебною практикой!).

Правительство не рѣшится, можетъ-быть,—говоритъ г. Ровинскій,—отдать на судъ присяжныхъ засѣдателей дѣла о такъ называемыхъ государственныхъ преступленіяхъ, о преступленіяхъ противъ цензуры и т. п. Что же?—на первое время они могутъ оставаться въ завѣдываніи нынѣшнихъ спеціальныхъ судей. Но если бы и эти преступленія были отданы на судъ общества, то нѣтъ сомнѣнія, что оно и тогда выставило бы въ лицѣ своихъ присяжныхъ засѣдателей людей порядка, которые бы гласно осудили всякое безсвязное волненіе и назвали бы настоящимъ именемъ то, что еще такъ недавно возводилось на степень государственнаго преступленія.

Конечно, такой судъ, представляя законную поддержку законной власти, разоблачилъ бы и всѣ злоупотребленія, и всѣ причины безсвязныхъ волненій, но тѣмъ легче было бы правительству предупреждать ихъ, знакомиться съ нуждами общества, итти во главѣ его и предлагать постоянно необходимыя преобразованія.

Этими прекрасными словами заканчивается замѣчательная Записка Д. А. Ровинскаго.

Мы считаемъ излишнимъ комментировать этотъ замѣчательный документъ. Онъ слишкомъ громко говоритъ самъ за себя и слишкомъ хорошо опровергаетъ нынѣшнихъ суровыхъ критиковъ судебной реформы, чтобы нужно было еще останавливаться долѣе на этомъ предметѣ. Документъ этотъ до осязательности показываетъ, сколько правды въ словахъ тѣхъ „безпристрастныхъ“ историковъ, которые морочатъ своихъ довѣрчивыхъ читателей, увѣряя ихъ, что только четыре странички съ чѣмъ-то посвятили „легкомысленные“ авторы суда присяжныхъ на обсужденіе его основнаго смысла и условій существованія.

ГЛАВА VII.

Первая новелла.

(Законы о присяжныхъ 12 іюня 1884 г. 28 апрѣля 1887 г.).

Второе десятилѣтіе, приходящее къ концу со времени изданія Судебныхъ Уставовъ, одного изъ самыхъ цѣнныхъ украшеній великаго освободительнаго царствованія, провожаетъ его съ тѣми же любовью и уваженіемъ, *которыми оно было встрѣчено 20 лѣтъ тому* назадъ. Святая обязанность каждаго русскаго юриста отнынѣ ясна: состоитъ она въ томъ, чтобы оберегать *начала* Судебныхъ Уставовъ, *въ ихъ первоначальной чистотѣ*, ограждать животворящій ихъ духъ, внутренній ихъ смыслъ, отъ всякихъ искаженій и передѣлокъ, составляющихъ ясный или прикрытый поворотъ къ старому порядку вещей.

Фойницкій.

I.

При недобрыхъ ауспиціяхъ произошло въ 1884 г. наименованіе возсоединенныхъ Судебныхъ Уставовъ 20-го ноября Судебными Уставами Императора Александра II. Почти наканунѣ ихъ изданія русское общество было свидѣтелемъ одного изъ самыхъ ожесточенныхъ нападеній, какимъ когда-либо подверглась судебная реформа. Огонь былъ открытъ по всей линіи реакціонной печати. Немногочисленные друзья хранили вынужденное молчаніе или очень слабо отстрѣливались. Враги же съ удвоенною смѣлостью шли въ аттаку. Въ отличіе отъ *предшествовавшаго времени предметомъ злостныхъ* нападокъ были уже не учрежднія только, но и лица. Присяжные, принимавшіе участіе въ процессахъ Свиридова и Мельницкихъ, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль были выставляемы къ позорному столбу и сдѣлались объектомъ жестокой травли. Нѣкоторые изъ нихъ, а именно находившіеся на службѣ, какъ го-

ворили, потерпѣли довольно чувствительно. Но на этомъ дѣло не остановилось. Ожесточеніе и страстность распространялись далѣе и далѣе, проникли даже въ область, дотолѣ для нихъ недоступную—за порогъ кассаціоннаго суда. Оберъ-прокуроръ его произнесъ 13 марта 1884 г. заключеніе, безпримѣрное по рѣзкости въ судебныхъ лѣтописяхъ. „Оберъ-прокурорскій столъ" изъ мирной каѳедры научной юриспруденціи превратился въ грозную трибуну, откуда лился потокъ витіеватой іереміады на главу судебныхъ учрежденій. Прокуроръ взывалъ къ сенату объ установленіи „неумолимаго контроля", для прекращенія „судебнаго потопа", надъ дѣйствіями предсѣдателей суда и защиты. Нужно удивляться, какъ могъ прокуроръ кассаціоннаго суда произнести слова, столь несогласныя съ принципами новаго суда, въ которомъ даже лихихъ злодѣевъ велѣно судить судомъ милостивымъ. Это обстоятельство только и можно объяснить чрезвычайною приверженностью оратора къ разрушительнымъ инстинктамъ, господствующимъ въ ветхомъ завѣтѣ. Приводя цитаты изъ него со словами: „истреблю", „прокляну" и т. п. ораторъ черезуръ проникся ветхозавѣтнымъ духомъ мстительности, не имѣющимъ ничего общаго съ тенденціями нашего новаго судебнаго законодательства, согласными съ гуманными и любвеобильными началами „благой вѣсти" новаго завѣта. Г. оберъ-прокуроръ до такой степени увлекся судьбами израильскаго народа, что забылъ объ одномъ изъ важнѣйшихъ постановленій Судебныхъ Уставовъ. Чѣмъ же инымъ можно объяснить, что онъ смѣло увѣрялъ, что присяжные призваны не для разрѣшенія юридическаго момента о „виновности", а чисто фактическаго—о совершеніи подсудимымъ преступнаго дѣянія. И это утверждалось при существованіи ст. 7 учр. суд. уст., гласящей, что присяжные приглашаются „для опредѣленія вины или невиновности подсудимыхъ". Ораторъ увѣрялъ, что если сенатъ внемлетъ его гласу и пойдетъ за нимъ, то мы, перевернувъ мрачную страницу книги Бытія, услышимъ, подобно Ною, благовѣстъ новой, лучшей жизни.

Достигли ли мы этой новой лучшей жизни? Мы тутъ не станемъ входить въ разборъ этого вопроса. Замѣтимъ только, что стремленіе къ такому ограниченію роли присяжныхъ чисто механическою функціею можетъ служить лучшимъ симпто-

момъ пережитаго кризиса, такъ какъ, по вѣрному замѣчанію проф. Фойницкаго, „такое стремленіе отражается всегда вредными послѣдствіями“ [1])...

23-го апрѣля 1884 г., какъ разъ въ день освященія памятника Императору Александру II, воздвигнутаго судебными чинами въ Москвѣ, въ Екатерининской залѣ судебныхъ установленій, Московскія Вѣдомости усмотрѣли на бѣломъ мраморѣ воздвигнутаго памятника кровавыя пятна и имѣли жестокую смѣлость поставить эти пятна на счетъ новому суду!..

Вотъ какое настроеніе предшествовало обнародованію распространенія о наименованіи Судебныхъ Уставовъ Уставами Александра II!

Мы сочли нужнымъ напомнить изложенныя выше обстоятельства, чтобы показать, подъ какими вліяніями вырабатывалась и та „первая“ новелла о присяжныхъ засѣдателяхъ, о которой рѣчь впереди. Но отчего же „первая?“ Вѣдь, если считать новеллы, изданныя послѣ обнародованія Судебныхъ Уставовъ 20-го ноября, то это будетъ далеко не первая. Такъ. Но если считать отъ наименованія ихъ Уставами Александра II, то это будетъ первая. Не прошло и трехъ дней со дня подписанія повелѣнія объ изданіи Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II, какъ министерство юстиціи 20-го апрѣля внесло уже въ Государственный Совѣтъ проектъ первой новеллы „о присяжныхъ засѣдателяхъ“. Замѣчательно, что несмотря на всѣ яростныя нападенія реакціи на судебную реформу, она доселѣ какъ-то стѣснялась прямо аттаковать судъ присяжныхъ. Какъ варвары предъ стѣнами Рима, они ощущали нѣкоторый почтительный страхъ предъ этимъ институтомъ. Этимъ только и можно объяснить, что постановленія о судѣ присяжныхъ остались неприкосновенными, даже во время министерства графа Палена. Правда, онъ проектировалъ въ 1878 г. упраздненіе суда присяжныхъ, но это было лебединою пѣснью, послѣ которой не стало и самаго министерства. Итакъ, первая новелла коснулась суда присяжныхъ.

Чѣмъ она вызвана?

Давно уже слышались жалобы отъ извѣстныхъ сферъ на

---

[1]) Курсъ уголов. судопроизводства, стр. 149.

то, что защита пользуется правомъ отвода, во-1-хъ, для подбора присяжныхъ, и во-2-хъ, для отсрочки засѣданія. Но что значитъ подборъ? Есть ли это нѣчто противозаконное, предосудительное, или вполнѣ законный и приличный актъ? Neminem laedit qui suo jure utitur, говоритъ древнее юридическое сознаніе. И дѣйствительно, если подсудимый пользуется въ предѣлахъ закона своимъ правомъ отводить присяжныхъ, то кто же смѣетъ его за это упрекать? Рыба ищетъ, гдѣ глубже, человѣкъ—гдѣ лучше! Что же мудренаго въ томъ, что подсудимый по возможности выбираетъ себѣ такихъ судей, отъ которыхъ ожидаетъ наибольшей для себя справедливости или снисхожденія? Если бы даже подсудимый старался подобрать своихъ пріятелей, то и за это его нельзя осуждать—онъ руководствуется только личнымъ интересомъ. Вѣдь противъ него, въ качествѣ представителя общественныхъ интересовъ, стоитъ прокуроръ, отъ него зависитъ парализовать это стремленіе подсудимаго и помѣшать подбору. Но разъ прокуроръ воспользовался своимъ правомъ отвода или отказался отъ него, о какомъ подборѣ можетъ быть рѣчь? За границею, гдѣ стороны имѣютъ право отвести всѣхъ присяжныхъ, кромѣ 12-ти, и гдѣ, стало быть, стороны сами производятъ выборъ состава суда присяжныхъ, не жалуются на подборъ. У насъ же, гдѣ минимумъ лицъ, изъ коихъ по жребію производится выборъ, не можетъ быть ниже 18-ти, опасаются подбора. Какъ же это объяснить?

Если коммиссія, составляющая списки присяжныхъ, дѣлаетъ свое дѣло надлежащимъ образомъ, т.-е. вноситъ въ списокъ людей добропорядочныхъ, то подобрать дурной для интересовъ правосудія составъ—невозможно. Подборъ тутъ можетъ ограничиться развѣ вычеркиваніемъ того или другого разряда лицъ на основаніи ходячихъ, подчасъ совершенно произвольныхъ соображеній. Такъ, въ судебныхъ сферахъ существуетъ мнѣніе, что къ имущественнымъ преступленіямъ дворяне и вообще интеллигентный классъ относится снисходительнѣе, къ преступленіямъ противъ личности—строже. Существуетъ еще мнѣніе, что интеллигенція относится къ доводамъ сторонъ независимѣе, чѣмъ неразвитые классы (въ глухой провинціи—присяжные иногда вставали, какъ только обращался къ нимъ съ рѣчью прокуроръ). Исходя изъ этихъ

и подобныхъ соображеній, стороны и дѣлаютъ отводы. Упрекали не разъ защитниковъ за отводъ интеллигентныхъ присяжныхъ, но кто же изъ знакомыхъ съ судебными порядками не знаетъ, что къ такому отводу не разъ прибѣгали и прокуроры.—Предупредить подобныя нежелательныя явленія въ рукахъ *все той же избирательной комиссіи*. Стоитъ для этого вносить въ списокъ большее число лицъ съ образовательнымъ цензомъ.

Что касается отвода такого числа лицъ, чтобы засѣданіе не состоялось, то къ этому средству, и то довольно рѣдко, прибѣгаютъ подсудимые, находящіеся на свободѣ, съ цѣлью предоставить времени оказать на общество свое охлаждающее дѣйствіе. Такіе случаи вообще, какъ замѣчено выше, довольно рѣдки. Но если хотѣли ихъ сдѣлать еще болѣе рѣдкими, то стоило только аккуратнѣе составлять списки присяжныхъ, не вносить туда умершихъ, не подлежащихъ, въ силу закона, судебной повинности, и строже относиться къ уклоненію попавшихъ въ списокъ отъ этой повинности.

Такъ и смотрѣли на вопросъ объ отводѣ до весны 1884 г. Въ апрѣлѣ, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, о которыхъ упоминалось вначалѣ, радикальнымъ образомъ, но безъ достаточныхъ основаній, измѣнился взглядъ на дѣло. Результатомъ этой перемѣны была первая новелла къ Судебнымъ Уставамъ Александра II, т.-е. законъ 12-го іюня 1884 г.

II.

Предсѣдатель коммиссіи, составлявшей проекты Судебныхъ Уставовъ, государственный секретарь В. П. Бутковъ, внося проекты въ Государственный Совѣтъ, напутствовалъ ихъ слѣдующими замѣчательными словами: „если при дальнѣйшемъ направленіи настоящаго дѣла, писалъ Бутковъ, и въ особенности при введеніи въ дѣйствіе новыхъ Уставовъ и при необходимомъ, по указаніямъ опыта, исправленіи ихъ, современемъ, будутъ тщательно сохраняемы начала, преподанныя Основными Положеніями, и если притомъ судебная власть будетъ поставлена въ полную и совершенную независимость отъ власти административной, то успѣхъ предпринятой у насъ

судебной реформы едва ли можетъ подлежать какому-либо сомнѣнію".

Слова Буткова будутъ вполнѣ понятны, если принять во вниманіе, что, по справедливому убѣжденію авторовъ Основныхъ Положеній, „они истекаютъ не отъ произвола, а отъ началъ истины и справедливости въ той степени, въ какой они выработаны наукой и опытомъ".

Но быть-можетъ это—горделивое сознаніе авторовъ, чрезчуръ пристрастныхъ къ своему дѣтищу? Посмотримъ! Вотъ какое значеніе придавалъ основнымъ началамъ судебной реформы одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ публицистовъ. „Уже и теперь, писалъ г. Катковъ въ 1866 году, великая реформа (судебная) вполнѣ оправдала тѣ горячія надежды, которыя на нее возлагались, и лучшее желаніе русскаго патріота состоитъ въ томъ, чтобы изъ этого зданія не было вынимаемо камней... чтобы измѣненія Судебныхъ Уставовъ допускались лишь въ случаѣ очевидной необходимости и притомъ согласившись съ общимъ духомъ новой системы" [1]). Возьмемъ отзывъ новѣйшій и еще болѣе компетентный. Проф. Фойницкій въ своемъ извѣстномъ сочиненіи дѣлаетъ тотъ восторженный отзывъ о судебной реформѣ, который мы взяли эпиграфомъ къ настоящей главѣ.

Какой изъ всего сказаннаго выводъ? А вотъ какой: лучшимъ критеріемъ для оцѣнки всѣхъ позднѣйшихъ „новеллъ", издаваемыхъ въ дополненіе къ Судебнымъ Уставамъ, служатъ Основныя Положенія судебной реформы; въ нихъ однихъ заключается реактивъ для вѣрнѣйшаго распознаванія годности или негодности того или другого новаго мѣропріятія.

Воспользуемся этимъ реактивомъ по отношенію къ новеллѣ 12-го іюня о присяжныхъ засѣдателяхъ.—Она касается права отвода и порядка составленія списка присяжныхъ засѣдателей.

Вотъ что мы находимъ въ Мотивахъ къ Основнымъ Положеніямъ относительно этого вопроса: „соединенные департаменты единогласно (курсивъ въ подлинникѣ) признали, что если рѣшеніе о винѣ или невинности подсудимаго будетъ постановляемо по внутреннему убѣжденію судей, то необхо-

---

[1]) «Москов. Вѣдом.», № 263.

димо, чтобы составъ присутствія суда и способъ постановленія рѣшенія внушали къ себѣ довѣріе и представляли надлежащія ручательства въ томъ, что судьи не употребятъ во зло власть, имъ ввѣренную; условіемъ, внушающимъ общее довѣріе къ уголовному суду, обыкновенно почитается, между прочимъ, и широкое право отвода“ [1]). Въ силу этихъ соображеній составлены были слѣдующія основныя положенія: „прокуроръ можетъ отвести не болѣе 6 засѣдателей; подсудимому, а если подсудимыхъ нѣсколько, то всѣмъ вмѣстѣ, предоставлятся отвести столько засѣдателей, чтобы изъ общаго числа 30-ти осталось не менѣе 18-ти“. Постановленія эти съ буквальной точностью перешли въ ст. 656 уст. угол. судопр. и, оставаясь неприкосновенными въ теченіе 20 лѣтъ, благополучно пережили даже времена самыя опасныя для новаго суда.

Первый и весьма чувствительный ударъ этой важной гарантіи правосудія нанесъ законъ 12-го іюня, сведшій право отвода обвиняемаго съ максимальныхъ 12 до 3.

Что же, однако, ближе къ наукѣ и законодательствамъ просвѣщенныхъ націй—старый ли законъ или новый? Возьмемъ отзывъ новѣйшаго ученаго изслѣдованія объ отводѣ. „Расширеніе права отвода ведетъ къ тому, что каждой сторонѣ обезпечивается участіе въ судѣ присяжныхъ тѣхъ именно лицъ, которымъ она наиболѣе довѣряетъ; представляя собою общественную совѣсть, судъ присяжныхъ въ то же время, является по этой причинѣ, и представителемъ каждой стороны; избранникъ общества, онъ долженъ быть и *избранникомъ сторонъ*. Это сообщаетъ ему высокій нравственный авторитетъ, и понятно, что чѣмъ глубже корни, пущенные институтомъ присяжныхъ, чѣмъ важнѣе дѣла, къ участію въ которыхъ они приглашаются, тѣмъ тверже и шире право отвода, сторонамъ предоставленное“ [2]).

Слѣдуя этимъ разумнымъ соображеніямъ, всѣ европейскія и американскія законодательства предоставляютъ сторонамъ обширное право отвода. Въ Англіи (и Америкѣ) кромѣ мотивированнаго отвода *всего* списка присяжныхъ законода-

---

[1]) Журн. Госуд. Совѣта, 1862 г, № 65, стр 181.

[2]) Стр. 434 н. с. пр. Фойницкаго.

телей предоставлено подсудимому безъ указанія мотивовъ отводить до 35 присяжныхъ по политическимъ и до 20 по обыкновеннымъ дѣламъ. Законъ не предоставляетъ такого права обвинителю, но судебная практика уравняла его съ обвиняемымъ. Въ Америкѣ подсудимый отводитъ, смотря по важности дѣлъ, отъ 10 до 20, обвинитель только 5. Во Франціи право отвода въ равной мѣрѣ предоставляется сторонамъ и колеблется между минимумомъ 6 и максимумомъ 12, смотря по числу явившихся присяжныхъ. Въ Италіи стороны отводятъ по 8; въ Германіи отъ 6 до 9.

Такимъ образомъ русское судебное законодательство, доселѣ стоявшее въ уровень съ современными европейскими законодательствами, сдѣлало, благодаря закону 12 іюня, большой шагъ назадъ.

III.

Дѣло законодательства у насъ до сихъ поръ еще недостаточно секуляризовано. Законы, правда, публикуются и не составляютъ тайны какой-либо жреческой касты, но мотивы ихъ, большею частью, остаются невѣдомыми для публики, пребывая въ тайникахъ департаментовъ до тѣхъ поръ, пока счастливая случайность не сниметъ съ нихъ таинственнаго покрова. Благодаря такой случайности, публика узнала и о мотивахъ закона 12 іюня—изъ изданія уст. угол. суд. г. Щегловитаго. Подъ ст. 656 уст. угол. суд. мы находимъ извлеченіе изъ представленія министра юстиціи въ Государственный Совѣтъ, отъ 20-го апрѣля 1884 г., за № 10479, объ измѣненіи закона объ отводѣ присяжныхъ. Не знаемъ, тѣ ли именно соображенія, кои заключаются въ министерскомъ заявленіи, руководили Государственнымъ Совѣтомъ, но соображенія эти представляются крайне слабыми. Представленіе прежде всего затрогиваетъ вопросъ о толкованіи существующаго закона. „При обсужденіи вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ надлежало бы ограничить (sic) право подсудимаго на отводъ, сказано въ представленіи, признано было прежде всего необходимымъ отмѣнить признанное кассаціонною практикою (??) право обвиняемаго на отводъ, при добровольномъ ограниченіи или при полномъ отказѣ отъ него прокурора,

всѣхъ неустраненныхъ имъ засѣдателей. Такое право подсудимаго не только не соотвѣтствуетъ началу равноправности сторонъ на судѣ, но представляется несправедливымъ относительно самихъ подсудимыхъ, изъ коихъ нѣкоторые пользуются этимъ правомъ въ большихъ, а другіе въ меньшихъ размѣрахъ, въ зависимости лишь отъ числа лицъ, устраненныхъ прокуроромъ по тому или иному дѣлу. Такой порядокъ, нерѣдко вынуждая обвинительную власть прибѣгать во что бы то ни стало къ предоставленному ей праву отвода, даже при отсутствіи уважительныхъ причинъ, для того только, чтобы воспрепятствовать защитѣ подобрать составъ присяжныхъ по своему усмотрѣнію, лишаетъ представителя обвиненія того спокойнаго отношенія къ дѣлу, полная обезпеченность и неизмѣнность коего имѣетъ несомнѣнное и особенно важное значеніе; и вообще, какъ основанный на случайности, въ силу одного этого обстоятельства, не можетъ быть сохраняемъ".

Въ этихъ соображеніяхъ прежде всего усматривается пробѣлъ относительно капитальнѣйшаго вопроса, какъ и когда могъ возникнуть вопросъ о необходимости „ограничить" право отвода? Отвѣтъ на этотъ вопросъ послужилъ бы наилучшимъ ключомъ къ уразумѣнію смысла нововведенія. Изъ приведенныхъ выше данныхъ видно, что и духъ судебной реформы, и наука, и правильное пониманіе практики могли потребовать не ограниченія, а развѣ расширенія права отвода. Вѣдь нельзя же вѣрить, чтобы истинный motto этого закона дѣйствительно подсказанъ тѣми безсмысленными, завѣдомо лживыми нападками на судъ присяжныхъ со стороны вчерашнихъ друзей, видѣвшихъ въ немъ „живую общественную силу", „лучшую гарантію личной свободы", и сегодняшнихъ его враговъ, топчущихъ въ грязь судъ присяжныхъ, какъ судъ улицы, судъ людей безъ совѣсти и пр. Если хотѣли прислушаться къ этимъ голосамъ, то слѣдовало поднимать вопросъ не объ ограниченіи права отвода, а объ уничтоженіи суда „пиѳіи", т.-е. суда присяжныхъ,—мало того—объ отмѣнѣ несмѣняемости судей и всѣхъ вообще коренныхъ основъ Судебныхъ Уставовъ... Но можетъ-быть этою уступкою, этою curée, хотѣли прекратить на время яростныя нападки на судебную реформу. Тщетныя надежды, недальновидная политика, какъ и показали послѣдующія событія!

Переходя къ обсужденію приведенныхъ мотивовъ представленія, прежде всего нельзя не обратить вниманія на важное упущеніе, вкравшееся въ него. Оно заявляетъ, что право подсудимаго на отводъ не отведенныхъ прокуроромъ присяжныхъ признано кассаціонною практикою. Весьма прискорбно, если это упущеніе, быть-можетъ, имѣвшее немаловажное значеніе при обсужденіи новеллы, не было своевременно замѣчено. Дѣло въ томъ, что не сенатъ, а законъ и даже основныя положенія категорически устанавливаютъ это право, говоря, что „подсудимому предоставляется отвести столько засѣдателей, чтобы изъ общаго числа 30 осталось не менѣе 18 не отведенныхъ“. Таковы буквальныя выраженія ст. 656 уст. угол. суд. и § 84 основн. полож. 1862 г. При чемъ же тутъ кассаціонная практика, и какъ же она могла, при столь недвусмысленныхъ указаніяхъ, поступать иначе?

Необходимость устраненія существующаго порядка мотивируется пятью самыми разнообразными соображеніями: a) равноправностью сторонъ; b) справедливостью относительно подсудимыхъ; c) предупрежденіемъ подбора; d) сохраненіемъ достоинства обвинительной власти; e) устраненіемъ случайности.

ad a) Неравноправность въ пользу обвиненія и на предварительномъ слѣдствіи, и на судебномъ (хотя бы по вопросу о вызовѣ свидѣтелей), все еще такъ велика, что нѣкоторая неравноправность, впрочемъ почти мнимая, относительно отвода не должна бы никого смущать, а тѣмъ болѣе возмущать. Мы называемъ эту неравноправность мнимою, и вотъ почему: прокуроръ, отказываясь отъ права отвода, этимъ самымъ признаетъ, что всѣхъ присяжныхъ онъ считаетъ годными для даннаго дѣла; стало-быть, въ чемъ же заключается нарушеніе его правъ, какъ стороны? Если онъ сдѣлалъ это по нерадѣнію, то пусть пеняетъ на себя и помнитъ, что jura vigilantibus sunt scripta. Но пусть будетъ такъ, какъ утверждаетъ представленіе, пусть будетъ нѣкоторая неравноправность, какая тутъ бѣда? Вѣдь одни меньше, другіе больше, но всѣ безъ исключенія законодательства мирятся съ этою неравноправностью и не видятъ въ ней никакой бѣды. Въ Англіи только судебная практика предоставила обвинителю право отвода, законъ же его не предоставлялъ; въ Америкѣ обвинитель отводитъ только 5.

обвиняемый 20; въ континентальныхъ законодательствахъ при нечетномъ числѣ присяжныхъ подсудимый отводитъ однимъ болѣе [1]). Интересы правосудія тамъ цѣнятъ, нужно думать, не менѣе нашего, только средства для достиженія его видятъ они не въ ограниченіи, а въ возможно большемъ расширеніи правъ подсудимаго.

ad b) Утверждать, что существующій порядокъ отвода былъ несправедливъ относительно самихъ подсудимыхъ, можно либо по недоразумѣнію, либо для краснаго словца.—Въ самомъ дѣлѣ, какой подсудимый можетъ претендовать на то, что прокуроръ по его дѣлу, въ силу закона, отвелъ такое-то число присяжныхъ, а по другому иное, или вовсе не отвелъ? Кто слышалъ про такія претензіи? А если бы онѣ даже и существовали, то кто же на нихъ обратилъ бы вниманіе? Это все равно, что подсудимый претендовалъ бы на отводъ отъ присяги, сдѣланный прокуроромъ по одному дѣлу и не сдѣланный по другому. Съ несравненно большимъ основаніемъ подсудимые, когда ихъ нѣсколько, могли бы жаловаться на то, что право каждаго изъ нихъ сильно стѣсняется. Этотъ порядокъ дѣйствительно представляется несправедливымъ, но несправедливость его не только не уменьшается, но и усугубляется новымъ закономъ.

ad c) Страхъ за возможность „подбора“ защитою присяжныхъ принуждаетъ прокурора отводить присяжныхъ. Тутъ что-то не досказано. Во-первыхъ, прокуроръ не можетъ заранѣе знать, сколькихъ присяжныхъ намѣревается отвести защита; во-вторыхъ, если онъ всѣхъ присяжныхъ считаетъ безукоризненно честными гражданами, то о какомъ подборѣ можетъ быть рѣчь? Если же онъ не довѣряетъ нѣкоторымъ изъ присяжныхъ, то кто ему мѣшаетъ воспользоваться своимъ правомъ, безъ всякаго соображенія о томъ, какъ будетъ дѣйствовать защита. Но какъ бы то ни было, если ужъ у страха предъ подборомъ глаза такъ велики, то, вмѣсто отмѣны нынѣшняго закона, проще бы всего предписывать принимать заблаговременно эту спасительную предохранительную мѣру

---

[1]) И у насъ при составленіи уст. угол. суд. было высказано мнѣніе, что прокуроръ не долженъ отводить безъ указанія мотивовъ (см. стр. 310 объясн. записки).

противъ защиты. Но это мѣропріятіе было признано неудобнымъ.

ad d) Вслѣдствіе того, что онъ лишаетъ прокурора душевнаго равновѣсія. Что спокойное отношеніе къ дѣлу со стороны прокуроровъ желательно, объ этомъ и толковать нечего. Но въ силу чего душевное состояніе ихъ находится въ такомъ неустойчивомъ равновѣсіи, что отъ одного отвода присяжныхъ оно уже возмущается? Если прокуроръ теряетъ самообладаніе уже въ началѣ судоговоренія, когда еще онъ только подозрѣваетъ защиту въ разныхъ козняхъ, то что же съ нимъ будетъ дальше, когда противная сторона выступитъ во всеоружіи для честнаго, а иногда не совсѣмъ честнаго боя? Мы знаемъ, что существуютъ такіе прокуроры съ холерическимъ темпераментомъ (одинъ былъ особенно извѣстенъ въ Москвѣ). Но нѣсколько странно лишать подсудимаго важнаго права вслѣдствіе несоотвѣтственнаго темперамента судебныхъ дѣятелей.

ad e) Противъ существующаго порядка говорится еще, что онъ основанъ на случайности и потому одному не можетъ быть терпимъ. Что это значитъ, о какой случайности тутъ говорится?—по правдѣ сказать мы не совсѣмъ хорошо понимаемъ. Право отвода всегда будетъ сопряжено съ случайностью, а именно съ случайнымъ составомъ даннаго списка присяжныхъ и болѣе или менѣе гадательными соображеніями о личности и характерѣ присяжныхъ—и это обстоятельство неустранимо. Французскій и германскій кодексы самый объемъ отвода ставятъ въ зависимость отъ такой случайности, какъ наличное число явившихся присяжныхъ. Да и мало ли какіе моменты процесса зависятъ отъ случайности—явка присяжныхъ и свидѣтелей, персоналъ экспертовъ, силы защиты и прокуратуры,—и нѣтъ вообще возможности изгнать изъ процесса элементъ случайности.

Приведенные доводы имѣли цѣлью оправдать необходимость лишенія подсудимаго права отводить присяжныхъ, не отведенныхъ прокуроромъ. Но новый законъ этимъ не ограничился. Онъ вообще понизилъ право отвода.

IV.

Тутъ мы входимъ in medias res закона 12 іюня. Вотъ какія соображенія приводятся для оправданія уменьшенія права сторонъ на отводъ съ 6 на 3. „Вообще,—говорится въ томъ же представленіи министра юстиціи отъ 20 апрѣля,—несмотря на разнообразіе условій обстановки многочисленныхъ дѣлъ разсматриваемыхъ съ участіемъ присяжныхъ, поводы устраненія ихъ могутъ быть сведены, по наблюденіямъ чиновъ судебнаго вѣдомства, къ нижеслѣдующимъ четыремъ категоріямъ: 1) причины (?) личнаго свойства присяжныхъ, проистекающія отъ такихъ отношеній присяжныхъ къ сторонамъ, которыя, какъ выражено въ мотивахъ къ ст. 655 уст. угол. судопр. (издан. Госуд. Канц. 1867), не подходя подъ общіе законные поводы отвода судей, тѣмъ не менѣе могутъ и должны служить основаніемъ къ устраненію такихъ лицъ отъ участія въ постановленіи приговора, рѣшающаго вопросъ о чести и дальнѣйшей судьбѣ подсудимаго; 2) причины, выведенныя сторонами изъ наблюденій состава присяжныхъ въ теченіе сессіи, смотря по склонности его обнаруживать извѣстныя воззрѣнія на опредѣленные роды преступленій; 3) общія соображенія, касающіяся характеристическихъ особенностей того или другого изъ присяжныхъ или цѣлой группы лицъ, проявляющихъ болѣе или менѣе однородные взгляды по дѣламъ, рѣшаемымъ присяжными, и 4) просьбы самихъ присяжныхъ, обращенныя къ сторонамъ въ виду особеннаго желанія уклониться отъ исполненія обязанностей присяжнаго. Изъ числа изъясненныхъ поводовъ только причины первой категоріи могутъ быть почитаемы соотвѣтствующими цѣли закона о немотивированныхъ отводахъ, остальные же или являются злоупотребленіемъ (категорія 4) или прямо направлены къ произвольному подбору присяжныхъ (катег. 2 и 3). Такимъ образомъ лишь относительно случаевъ первой категоріи отводъ безъ объясненія причинъ (ст. 655) представляется важнымъ въ видахъ огражденія дѣйствительныхъ интересовъ сторонъ и достиженія наибольшаго безпристрастія въ приговорахъ присяжныхъ. Но подобные случаи составляютъ на практикѣ явленіе исключительное, ибо подсудимый весьма рѣдко встрѣчаетъ въ составѣ присяжныхъ хорошо извѣстныхъ ему лицъ, которымъ онъ въ правѣ

не довѣрять, вслѣдствіе бывшихъ съ ними столкновеній и установившихся непріязненныхъ отношеній. По симъ соображеніямъ представлялось бы цѣлесообразнымъ понизить опредѣленный въ законѣ minimum отводимыхъ сторонами присяжныхъ на половину, т.-е. съ 6 до 3 (пред. минист. юст. 20 апрѣля 1884 г., за № 10.473)".

Всякій мало-мальски знакомый съ мотивами Судебныхъ Уставовъ долженъ почувствовать смущеніе при чтеніи приведенныхъ строкъ. Кто бы въ самомъ дѣлѣ могъ ожидать, что эти мотивы могутъ дать точку опоры для реакціонной мѣры, направленной къ уменьшенію объема права отвода? Ближайшее изслѣдованіе показываетъ, что эта ссылка сдѣлана всуе и есть въ лучшемъ случаѣ lapsus calami. Вотъ, что мы читаемъ подъ ст. 655 уг. уст.: „одно изъ самыхъ важныхъ условій хорошаго суда присяжныхъ состоитъ въ предоставленіи сторонамъ в о з м о ж н о ш и р о к а г о права отвода ихъ. Хотя присяжные и назначаются жребіемъ, но для полнаго довѣрія къ правильности ихъ приговора этого еще недостаточно: необходимо, чтобы и о б в и н е н і е м ъ, и з а щ и т о ю они признаны были за судей б е з п р и с т р а с т н ы х ъ. Иначе, произносимое ими рѣшеніе н е м о ж е т ъ с ч и т а т ь с я в п о л н ѣ с п р а в е д л и в ы м ъ и окончательнымъ. Почему въ отношеніи присяжныхъ засѣдателей общія законныя причины къ отводу судей были бы далеко неполны. Есть множество поводовъ, коихъ ни о п р е д ѣ л и т ь, ни даже предвидѣть заранѣе было бы н е в о з м о ж н о, а они между тѣмъ должны служить основаніемъ къ устраненію многихъ лицъ отъ участія въ постановленіи уголовнаго приговора, рѣшающаго вопросъ о чести и дальнѣйшей судьбѣ подсудимаго". Достаточно сравнить эти подлинныя слова объяснительной записки къ Уставу угол. суд. съ тѣмъ извлеченіемъ, приноровленнымъ ad usum delphini, которое приведено выше въ представленіи министерства, чтобы убѣдиться, что ссылка на мотивы судебныхъ уставовъ совершенно неудачна. Въ самомъ дѣлѣ, они говорятъ о возможномъ р а с ш и р е н і и права отвода, а представленіе—о п о н и ж е н і и; они говорятъ, что невозможно даже п р е д в и д ѣ т ь всѣхъ поводовъ отвода, а представленіе не только всѣ заранѣе предусмотрѣло, но и классифицировало по категоріямъ, опредѣливъ абсолютный и удѣльный вѣсъ каждаго изъ нихъ.—Разберемъ эти категоріи.

О четвертой категоріи, какъ не имѣющей серьезнаго значенія, и первой, какъ принятой во вниманіе, говорить не будемъ. Разсмотримъ тѣ двѣ категоріи отвода, которыя, по словамъ представленія, не соотвѣтствуютъ цѣли закона о немотивированныхъ отводахъ. Цѣль закона, какъ мы только-что видѣли,—образованіе такого состава коллегіи присяжныхъ, который заслуживалъ бы довѣріе сторонъ. Если это такъ, то почему отводы 2 и 3 категорій не заслуживаютъ уваженія? Почему предположительныя соображенія о пристрастіи къ такому-то подсудимому по личнымъ къ нему отношеніямъ должны служить поводомъ для отвода, а общія наблюденія о пристрастномъ отношеніи къ тому или другому роду преступленій или группѣ лицъ не заслуживаютъ уваженія? Иной разъ личное столкновеніе можетъ меньше внушать подозрѣнія въ пристрастіи, чѣмъ принадлежность къ той или другой категоріи лицъ. Что же дурного сдѣлаетъ, напр., тотъ защитникъ, который по дѣлу о незначительной растратѣ молодымъ сидѣльцемъ отведетъ кабатчиковъ, которые, какъ извѣстно, относятся съ безпощадною строгостью, граничащею съ жестокостью, къ подобнымъ дѣламъ и не только не признаютъ наличности легкомыслія, но даже снисхожденія не даютъ. Разъ существуетъ такое наблюденіе, то почему ему должно придавать меньшее значеніе, чѣмъ личнымъ столкновеніямъ. Порядочный человѣкъ и изъ-за личнаго столкновенія не станетъ мстить подсудимому, а не совсѣмъ порядочный человѣкъ способенъ впасть въ пристрастіе изъ-за общественныхъ отношеній.

Сошлемся и на такіе случаи, когда интересы обвиненія могутъ пострадать отъ игнорированія отводовъ, перечисленныхъ во 2-й и 3-й категоріяхъ. Въ наше время эти примѣры покажутся, быть-можетъ, болѣе убѣдительными. Въ Америкѣ поводомъ для мотивированнаго отвода служатъ предвзятые взгляды присяжнаго относительно даннаго дѣла, или безнравственности смертной казни. Отчего бы аналогичные случаи и у насъ не могли служить поводомъ для отвода? Допустимъ, что такая-то газета до суда еще утверждала, что Булюбашей слѣдуетъ оправдывать, ради своеобразно понятыхъ интересовъ общаго блага. Развѣ прокуроръ не долженъ бы отвесть редактора такой газеты и развѣ такой отводъ былъ бы неуважителенъ, хотя и не подходитъ подъ категорію личныхъ

отношеній? Возьмемъ еще примѣръ. Графъ Л. Толстой (и люди его образа мыслей) находятъ несправедливою не только смертную казнь, но и вообще наказаніе. Развѣ прокуроръ не долженъ отвести такихъ присяжныхъ?—а между тѣмъ и эта категорія тоже не подходитъ подъ личныя отношенія. Допустимъ, наконецъ, что прокуроръ такъ или иначе дознался, что такіе-то присяжные относятся съ непозволительною слабостью къ грѣшкамъ кассировъ. Почему онъ не долженъ воспользоваться правомъ отвода по отношенію къ такимъ присяжнымъ?

Конечно, такія догадки могутъ подчасъ быть неосновательны, какъ и догадки, основанныя на личныхъ отношеніяхъ. Это не важно. Важно только то, чтобы разъ у той или другой стороны закралось серьезное подозрѣніе въ пристрастіи присяжнаго, она нашла возможность устранить его. „Иначе, по справедливому замѣчанію составителя уст. уг. суд., приговоръ присяжныхъ не можетъ считаться вполнѣ справедливымъ".

Не даромъ говорятъ: у страха глаза велики! Страхъ изъ-за возможности подбора побудилъ нарушить одно изъ основныхъ началъ судебной реформы. Между тѣмъ, при равноправности сторонъ относительно отвода и при системѣ жребія, ни о какомъ подборѣ не могло быть серьезной рѣчи, такъ какъ ни разу не было достаточно точно констатированъ фактъ такого злоупотребленія. Удивительно въ самомъ дѣдѣ, что за-границею, гдѣ дѣйствительно происходитъ подборъ или избраніе сторонами [1]), не боятся такого подбора, а у насъ, гдѣ и послѣ отвода происходятъ избранія присутствія присяжныхъ посредствомъ жребія, обуялъ паническій страхъ отъ возможности подбора. Если бы даже у насъ и существовала возможность подбора, то это былъ бы не подборъ со стороны одной только защиты, котораго опасались, а подборъ, произведенный совмѣстно обѣими сторонами, а въ такомъ подборѣ не только не было бы ничего опаснаго; но онъ даже былъ бы желателенъ. Онъ только соотвѣтствовалъ бы требованіямъ, заявляемымъ наукою, а именно—такой составъ былъ бы, по выраженію проф. Фойницкаго, „избранникомъ сторонъ". Вотъ ужъ поистинѣ фальшивая тревога!

---

[1]) Тамъ отводъ предъявляется по мѣрѣ того, какъ предсѣдатель вынимаетъ изъ урны имена присяжныхъ. и въ ней такимъ образомъ остаются лица, одобренныя сторонами.

V.

Въ законѣ 12-го іюня мы находимъ еще одно нововведеніе, и притомъ по вопросу очень щекотливому, а именно: по вопросу о составленіи списка присяжныхъ. И здѣсь вѣрнѣйшимъ реактивомъ для распознанія годности или негодности нововведенія (предположеннаго, было, впрочемъ всего на одинъ годъ) могутъ служить Основныя Положенія 62 г. Существовавшій донынѣ порядокъ, при которомъ администрація не принимала прямого участія въ составленіи списка присяжныхъ засѣдателей, былъ не случайностью, а исходилъ изъ весьма серьезно обдуманнаго плана. Составители Основныхъ Положеній исходили изъ того соображенія, что присяжные, какъ и жена Цезаря, должны стоять выше всякаго подозрѣнія, а потому устранили администрацію отъ положительнаго воздѣйствія на составъ присяжныхъ. Въ засѣданіи Государственнаго Совѣта 4 сентября 1862 г. былъ обсуждаемъ этотъ вопросъ и подавляющимъ большинствомъ (24 противъ 2) [1]) былъ принятъ дѣйствующій порядокъ. Весьма поучительны мотивы, руководившіе Государственнымъ Совѣтомъ. Вотъ они: „сущность учрежденія присяжныхъ состоитъ въ томъ, чтобы судебнымъ приговорамъ, посредствомъ внушенія довѣрія къ судьямъ, дать надлежащую нравственную силу. Если изъ всѣхъ юридическихъ началъ самое простое и очевидное есть положеніе о томъ, что никто не можетъ быть въ одномъ и томъ же дѣлѣ и стороною и судьею, то понятно, что изъ всѣхъ причинъ, по которымъ *присяжные судьи пользуются въ общественномъ мнѣніи* особеннымъ довѣріемъ, главнѣйшая состоитъ въ независимости ихъ отъ того правительственнаго начальства, одна изъ существенныхъ обязанностей котораго есть обнаруженіе преступленій и преслѣдованіе виновныхъ: губернаторы потому именно, что они суть первые въ губерніяхъ блюстители пользы государства и общественнаго порядка, должны принимать сколь возможно менѣе участія въ избраніи присяжныхъ, дабы не подать никакого повода къ подозрѣнію, что судъ присяжныхъ составленъ въ одностороннихъ видахъ обвиненія изъ агентовъ административной

[1]) Въ меньшинствѣ были графъ Панинъ и Валуевъ.

власти, и не подорвать тѣмъ. довѣрія къ этому учрежденію. Конечно, начальниковъ губерній не слѣдуетъ вовсе устранять отъ наблюденія за порядкомъ избранія присяжныхъ. Но участіе губернаторовъ въ избраніи присяжныхъ должно быть блюстительное, т.-е. они могутъ лишь исключать изъ общихъ списковъ присяжныхъ тѣхъ лицъ, которыя не соотвѣтствуютъ предписаннымъ въ законахъ условіямъ. Предоставленіе же непосредственнаго избранія изъ общихъ списковъ опредѣленнаго комплекта присяжныхъ для періодическихъ засѣданій неминуемо обратило бы присяжныхъ въ губернаторскихъ комиссаровъ, которые пользовались бы не большимъ, но несравненно меньшимъ довѣріемъ, чѣмъ постоянные судьи, поставляемые новыми началами судоустройства въ самостоятельное, относительно мѣстной губернской власти, положеніе. Учрежденіе присяжныхъ при такомъ порядкѣ избранія не достигло бы своего назначенія, потому что не доставляло бы ни тѣхъ ограждений, которыя даетъ постоянный судъ, составленный изъ опытныхъ юристовъ, ни тѣхъ, которыя представляетъ судъ присяжныхъ, избранныхъ независимо отъ слѣдственной власти, какъ представителей общества, въ видахъ его огражденія и охраненія безопасности и спокойствія. Нельзя при семъ не замѣтить, съ одной стороны, что губернаторъ не можетъ знать всѣхъ включенныхъ въ общіе списки присяжныхъ, а потому, отдавая предпочтеніе однимъ предъ другими, онъ по необходимости долженъ будетъ останавливаться на удостовѣреніяхъ мѣстныхъ полицейскихъ чиновниковъ, а съ другой,—что если бы въ составѣ вызваннаго на опредѣленный періодъ засѣданія комплекта и оказались какія-либо неблагонадежныя лица, то прокуроръ всегда будетъ имѣть возможность устранить ихъ, на основаніи предоставленнаго ему права отводить по каждому дѣлу, безъ означенія причинъ подозрѣнія, до 6 лицъ“. Вотъ тѣ основательныя соображенія, коими былъ вызванъ дѣйствовавшій до послѣдняго времени порядокъ.

Что же дѣлаетъ законъ 12-го іюня? Если о „губернаторскихъ комиссарахъ“, къ счастью, пока еще не могло быть рѣчи, то все же сдѣланное имъ нововведеніе отнюдь не способно было увеличить довѣрія къ суду присяжныхъ и увели-

чить степень даваемыхъ имъ ограждений. Администрація получила доступъ въ коммиссію, составляющую списки очередныхъ присяжныхъ. Тѣ самые „мѣстные полицейскіе чиновники", коимъ, какъ видно изъ только-что приведенной цитаты, не слишкомъ долженъ былъ довѣряться и губернаторъ,— въ лицѣ уѣзднаго исправника и полицеймейстера, являются полноправными членами временныхъ комиссій для составленія списка присяжныхъ. Такимъ же членомъ является и другой представитель администраціи, мѣстный товарищъ прокурора окружнаго суда, элементъ едва ли способный также возвысить довѣріе къ составу присяжныхъ. Мотивы этой части закона неизвѣстны, но если нужно было въ составъ временныхъ коммиссій ввести лицо, знакомое практически съ потребностями суда присяжныхъ, то проще всего было возложить такія обязанности на людей, независимыхъ отъ администраціи, на одного изъ членовъ суда. То обстоятельство, что иногда имъ приходилось бы выѣзжать внѣ мѣста нахожденія суда, не представляло бы особенныхъ затрудненій, такъ какъ выѣзжаютъ же они на сессіи или для осмотровъ и дознаній на мѣстѣ—по гражданскимъ дѣламъ, и иногда на довольно продолжительное время...

И замѣчательно, что всѣ эти прискорбныя нововведенія, могущія внушить недовѣріе относительно достаточной независимости состава присяжныхъ, производятся одновременно съ ограниченіемъ права защиты отводить отъ 6 до 12, до максимума трехъ!

Все изложенное выше подтверждаетъ высказанное въ самомъ началѣ статьи мнѣніе, что неудачная первая новелла зародилась подъ вліяніемъ крайне прискорбнаго и недоброкачественнаго увлеченія. Безусловно правъ профессоръ Фойницкій, когда онъ въ своемъ прекрасномъ курсѣ говоритъ, что на новый законъ объ отводѣ присяжныхъ „слѣдуетъ смотрѣть какъ на временную уступку передъ обстоятельствами, ничего общаго съ интересами правосудія не имѣющими". Если ужъ такъ велика была сила этихъ обстоятельствъ, то поневолѣ приходилось имъ уступить!

VI.

Временный законъ 12-го іюня сталъ постояннымъ съ изданіемъ закона 28-го апрѣля 1887 г., повторившаго съ небольшими измѣненіями постановленія перваго. Такимъ образомъ, составъ коммиссіи для избранія присяжныхъ мѣняется коренным образомъ. На ряду съ существовавшими элементами земскаго и городского самоуправленія вводятся элементы: судебный, въ лицѣ мировыхъ судей, судебной администраціи, въ лицѣ товарища прокурора и общей администраціи, въ лицѣ исправника или полицеймейстера. О неудобствахъ участія администраціи въ этомъ дѣлѣ было упомянуто выше, а потому возвращаться къ этому вопросу не будемъ.

Введеніе судебнаго элемента, въ лицѣ мировыхъ судей, можетъ принесть весьма существенную пользу. Это нововведеніе нисколько не противорѣчитъ духу Судебныхъ Уставовъ. Участіе мировыхъ судей проектировалось и при составленіи Уставовъ. Если же оно не было принято при окончательномъ обсужденіи вопросовъ, то исключительно изъ опасенія до чрезвычайности обременить и безъ того обремененныхъ занятіями мировыхъ судей. Какъ извѣстно, со дня открытія новаго суда, кругъ подсудности мирового института не только не суживался, но все болѣе и болѣе расширялся, а дѣлопроизводство, книговодство и отчетность все болѣе и болѣе усложнялись, такъ что въ настоящее время мировые судьи гораздо больше обременены, чѣмъ это было лѣтъ 25 тому назадъ. Это—единственное возраженіе, которое можно привести противъ участія мировыхъ судей въ избраніи присяжныхъ. У земствъ есть, впрочемъ, хорошее средство помочь этому злу—увеличить число участковъ въ особенно обремененныхъ дѣлами мировыхъ округахъ.

Въ составъ коммиссіи, избирающей присяжныхъ, вводится и представитель прокурорскаго надзора. Можно бы еще примириться съ такимъ нововведеніемъ, если бы участіе товарища прокурора опредѣлялось и ограничивалось видами и предѣлами надзора, какъ это установлено относительно участія его въ судебныхъ засѣданіяхъ. Не таково положеніе, создаваемое закономъ 28-го апрѣля. Онъ дѣлаетъ прокурора полноправнымъ членомъ присутствія. Мало того: онъ создаетъ для него

даже привилегированное положеніе непремѣннаго члена. Въ случаѣ раздѣленія коммиссіи по составленію очередныхъ списковъ, гласитъ новая ст. 97[1] учр. суд. уст.,—предводитель дворянства предсѣдательствуетъ, а товарищъ прокурора присутствуетъ въ каждомъ изъ отдѣленій. Такимъ образомъ онъ приравнивается къ предсѣдателю.

Сомнительно, чтобы такая преобладающая роль представителя обвинительной власти могла принесть пользу. Если, какъ видно изъ вышеприведенной цитаты, Государственный Совѣтъ отклонилъ предложеніе объ участіи общей администраціи въ избраніи присяжныхъ, изъ опасенія возбудить подозрѣніе въ составленіи списка „въ односторонних видахъ обвиненія“, то столь широкое участіе въ этомъ дѣлѣ спеціальнаго представителя обвинительной власти едва ли не представляетъ еще больше неудобствъ и опасности. Частію силою закона, главнымъ же образомъ въ виду сложившихся бытовыхъ условій, прокуратура является на судѣ присяжныхъ по преимуществу представительницею односторонних цѣлей обвиненія. Въ качествѣ борющейся, а потому легко увлекающейся, стороны, прокурору нерѣдко приходится встать въ рѣзкую коллизію съ судомъ присяжныхъ. Болѣзненно развитое самолюбіе—въ худшемъ случаѣ, дурно понятый общественный интересъ, въ лучшемъ—служатъ нерѣдко поводомъ для раздраженія или даже ожесточенія противъ отдѣльныхъ присяжныхъ или цѣлой группы, или разряда присяжныхъ. Эти условія дѣятельности создаютъ предубѣжденіе у представителей прокурорскаго надзора противъ той или другой группы, того или другого класса лицъ. Сознательнымъ или безсознательныхъ органомъ этихъ предубѣжденій въ составѣ коммиссіи, избирающей присяжныхъ, явится товарищъ прокурора. Ошибочно было бы думать, что голосъ его не можетъ оказать большаго вліянія, въ виду многочисленности состава присутствія. Дѣло въ томъ, что односторонніе выборы прокурора, не встрѣчая должнаго отпора, тѣмъ болѣе могутъ оказать вліяніе на другихъ членовъ присутствія, что выводы эти какъ бы носятъ на себѣ печать оффиціальнаго авторитета и видимаго безпристрастія. Весьма возможно, что благодаря такой преобладающей роли представителя обвинительной власти, будутъ устранены или крайне ограничены въ составѣ суда при-

сяжныхъ элементы, способные вполнѣ независимо и критически отнестись къ доводамъ обвиненія и защиты.

Новый законъ измѣнилъ порядокъ составленія и общихъ списковъ. Они составляются не коммиссіями, а единичными представителями сословнаго, общественнаго или общаго полицейскаго управленія. Такъ, списокъ землевладѣльцевъ составляетъ предсѣдатель уѣздной земской управы, списокъ домовладѣльцевъ и купцовъ—городской голова и т. д.

Въ виду замѣченнаго уклоненія присяжныхъ отъ исполненія ими своихъ обязанностей (что отчасти, быть можетъ, вызвано той недостойною травлею, которой нерѣдко подвергались присяжные въ послѣднее время за тотъ или другой вердиктъ) принята одна мѣра, способная сократить случаи „счастливыхъ“ заболѣваній или командировокъ, при помощи которыхъ иные систематически уклонялись отъ обязанностей присяжнаго. Мѣра эта слѣдующая: неявившійся по законной причинѣ присяжный включается въ списокъ засѣдателей на одинъ изъ послѣдующихъ періодовъ. Благодаря этой мѣрѣ, эпидеміи горловыхъ и желудочныхъ болѣзней, періодически появляющіяся предъ открытіемъ сессій окружныхъ судовъ, вѣроятно, значительно сократятся.

Самое важное измѣненіе касается ценза для званія присяжнаго засѣдателя. Всѣ согласны въ томъ, что удачная постановка и разрѣшеніе этого вопроса играетъ существенную роль въ дѣлѣ правильнаго функціонированія суда присяжныхъ. Основной вопросъ организаціи суда присяжныхъ заключается въ томъ, есть ли званіе присяжнаго засѣдателя публичное право гражданина или общественная повинность, требуемая отъ тѣхъ, кои могутъ отправлять ее удовлетворительно? Взглядъ на этотъ предметъ нашего законодательства выраженъ весьма опредѣлительно. Оно всегда рѣшительно отвергало въ судѣ присяжныхъ политическій характеръ и смотритъ на него исключительно, какъ на институтъ юридическій. Исходя изъ этого взгляда, оно совершенно устранило при организаціи сословную точку зрѣнія. „Внесеніе или невнесеніе,—читаемъ въ журналѣ госуд. совѣта 1862 г., № 65,—кого-либо въ списокъ присяжныхъ не можетъ быть обусловливаемо принадлежностью или непринадлежностью его къ извѣстному сословію, потому что удовлетворительное испол-

неніе обязанности присяжнаго зависитъ отъ личныхъ качествъ человѣка, отъ его способностей, нравственности, самостоятельности характера, а не внѣшнихъ его преимуществъ или отличій". Словомъ, Судебные Уставы стремились къ тому, чтобы въ составъ присяжныхъ попадали излюбленные лучшіе представители народа, или, выражаясь древнимъ юридическимъ языкомъ, добрые, а не лихіе люди. Но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не изобрѣтенъ приборъ для безошибочнаго распознаванія добрыхъ и лихихъ гражданъ, а потому законодательству приходится въ этомъ случаѣ дѣйствовать ощупью, принимая за отличный признакъ добропорядочности болѣе или менѣе гадательный масштабъ, или ценз ъ, иногда даже совершенно произвольный и ошибочный.

Вопросъ о ценз ѣ обращалъ на себя серьезное вниманіе редакторовъ Судебныхъ Уставовъ. Имъ приходилось разрѣшать прежде всего вопросъ объ образовательномъ или умственномъ цензѣ. Изъ всѣхъ цензовъ это едва ли не самый вѣрный и безобидный, если только пути къ образованію болѣе или менѣе для всѣхъ доступны. Въ самомъ дѣлѣ, что бы ни говорили обскуранты стараго и новаго времени, образованіе, *caeteris paribus*, въ общемъ возвышаетъ и облагораживаетъ человѣка. Съ замѣчательнымъ тактомъ и дальновидностью разрѣшали составители Уставовъ 20-го ноября этотъ щекотливый вопросъ. Эти люди, которыхъ враги судебной реформы привыкли обвинять въ безсмысленномъ увлеченіи теоретическими формулами, въ рабскомъ подражаніи иностраннымъ образцамъ и пренебрежительномъ отношеніи къ народу, отнеслись къ нему съ необыкновеннымъ довѣріемъ. Ничего не могло быть легче, какъ при насажденіи такого новаго дѣла, какъ судъ присяжныхъ, впасть въ ригоризмъ и прекратить доступъ къ нему лицамъ, не получившимъ образованія. Но къ счастью въ такую односторонность не впали просвѣщенные дѣятели судебной реформы. Нѣтъ сомнѣнія, — разсуждали они,—образованіе вообще и юридическое въ особенности, болѣе всего способствуетъ правильному опредѣленію какъ силы уликъ, такъ и степени виновности подсудимаго; но къ этой же цѣли могутъ привести и другія средства: проницательный и наблюдательный умъ, естественная здравая логика сужденій и знаніе мѣстныхъ нравовъ, обычаевъ и распорядковъ

жизни; поэтому поставлять образованіе единственнымъ мѣриломъ способности къ исполненію обязанности присяжнаго засѣдателя значило бы безъ нужды стѣснять средства къ учрежденію суда присяжныхъ, значило бы идти узкимъ путемъ туда, куда открыта широкая дорога.

Новый законъ 28-го апрѣля исключилъ изъ состава присяжныхъ всѣхъ неграмотныхъ, что должно особенно сильно отразиться на крестьянскомъ элементѣ суда присяжныхъ, въ виду малаго распространенія среди крестьянъ грамотности. Если принять во вниманіе, что кругъ лицъ сельскаго званія, могущихъ быть избранными въ присяжные, и безъ того довольно узокъ (волостные судьи, старшины и сельскіе старосты), и что по новому закону изъ этого круга нынѣ могутъ быть избраны только умѣющіе читать, то весьма легко можетъ быть, что изъ состава суда присяжныхъ вовсе исчезнетъ элементъ крестьянскій. А это едва ли желательно въ интересахъ правосудія. Для каждаго подсудимаго,—читаемъ въ журналѣ государственнаго совѣта,—долженъ служить важнымъ огражденіемъ такой составъ суда присяжныхъ, въ которомъ находились бы люди, не слишкомъ самонадѣянные, не легко поддающіеся впечатлѣніямъ, производимымъ доводами обвинителей, наконецъ, люди, произносящіе сужденіе, не отрѣшаясь отъ круга понятій подсудимаго; такой судъ присяжныхъ можетъ быть составленъ лишь тогда, когда къ исправленію обязанностей присяжныхъ будутъ допущены лица разныхъ оттѣнковъ образованія, всѣхъ слоевъ общества или всѣхъ сословій, не исключая ни мѣщанскаго, ни крестьянскаго, которые должны внести въ судъ присяжныхъ многіе элементы, необходимые для правильности его дѣйствій, какъ-то: знанія въ отношеніи большей части подсудимыхъ нравовъ, обычаевъ и образа жизни той общественной среды, къ которой подсудимый принадлежитъ, проницательность смѣтливаго русскаго ума, простоту здравыхъ сужденій и болѣе вѣрнаго взвѣшиванія соотношенія виновности подсудимаго, принадлежащаго къ ихъ сословію, съ кругомъ его понятій". Если къ этимъ соображеніямъ прибавить еще свидѣтельство статистики, которая показываетъ, что въ составѣ подсудимыхъ почти половина принадлежитъ крестьянскому сословію, то легко понять, какой важный для правосу-

дія ущербъ можетъ причинить отсутствіе или недостаточное представительство этого элемента въ судѣ присяжныхъ.

Конечно, бываютъ дѣла, для правильнаго разрѣшенія коихъ грамотность необходима—таковы дѣла о подлогахъ—и для такихъ дѣлъ слѣдовало бы образовать спеціальныя скамьи присяжныхъ, что, къ сожалѣнію, вовсе неизвѣстно нашему законодательству. Но очевидно не такого рода дѣла имѣлись въ виду при составленіи проекта закона 28-го апрѣля. По этому закону отъ присяжныхъ требуется умѣнье читать, но не писать, такъ что такіе присяжные будутъ, какъ и вовсе безграмотные, судить о подлогахъ почти какъ слѣпые о цвѣтахъ.

Законъ 28-го апрѣля смотритъ на грамотность съ точки зрѣнія образовательнаго ценза. Но въ этомъ смыслѣ, едва ли простая грамотность, или, точнѣе, полуграмотность (одно умѣнье читать) заслуживаетъ такого чрезвычайнаго вниманія. Умѣнье съ грѣхомъ пополамъ разбирать псалтирь не только не даетъ ручательства бо́льшаго нравственнаго развитія, но даже не создаетъ презумпціи какого-нибудь умственнаго превосходства грамотнаго крестьянина надъ безграмотнымъ. Не мы, конечно, будемъ вооружаться противъ проявленія уваженія къ образованію и противъ подъема умственнаго уровня суда присяжныхъ. Но если бы такова была цѣль закона 28-го апрѣля, то къ ней вели другіе, болѣе соотвѣтственные пути. Для этого стоило заимствовать изъ проекта Судебныхъ Уставовъ тотъ пунктъ, который, къ сожалѣнію, былъ вычеркнутъ въ 1864 году государственнымъ совѣтомъ. По этому пункту лица съ среднимъ и высшимъ образованіемъ и при отсутствіи имущественнаго ценза вносились въ списки (стр. 44 объясн. записки Учр. суд. смѣтъ). Но въ этомъ отношеніи, т.-е. въ отношеніи увеличенія льготъ по образованію, новый законъ не только не сдѣлалъ шага впередъ, но сдѣлалъ шагъ назадъ; онъ уравнялъ лицъ, находящихся на государственной службѣ, относительно размѣра имущественнаго ценза, съ лицами, получающими доходъ отъ капитала или ремесла.

VII.

Вообще вопросъ о цензѣ имѣетъ довольно неопредѣленную постановку въ новомъ законѣ. Всякій законодательный актъ тогда только разрѣшаетъ удачно поставленную себѣ задачу, когда онъ отправляется отъ ясно сознанныхъ и строго проведенныхъ принциповъ. Если наши Судебные Уставы вызвали справедливое одобреніе не только русскаго общества, но и всего цивилизованнаго міра, то они этимъ обязаны, главнымъ образомъ, послѣдовательному проведенію однажды одобренныхъ гуманныхъ и либеральныхъ принциповъ. Такая выдержанность законодательнаго стиля соблюдалась какъ при начертаніи главныхъ, основныхъ положеній того или другого института, такъ и при обработкѣ деталей его. Но строго держась разъ начертанныхъ принциповъ, редакторы Уставовъ Александра II, счастливо избѣгли и доктринерской односторонности. Если представлялись неодолимыя препятствія для проведенія принципа, они въ этомъ, и только въ этомъ, случаѣ отступали отъ принципа. Всѣ эти черты образцовой законодательной архитектоники видны и на постановленіяхъ о судѣ присяжныхъ. Вотъ почему требуется особая осторожность и обдуманность при начертаніи „поправокъ“ къ суду присяжныхъ.

Въ предыдущемъ параграфѣ мы показали, что, вводя у насъ судъ присяжныхъ, составители Уставовъ 20-го ноября натолкнулись на весьма щекотливый вопросъ о цензѣ для присяжнаго засѣдателя. Будучи сами обязаны своимъ положеніемъ своему высокому образовательному цензу (извѣстно, что къ государственному совѣту для работъ по судебной реформѣ были командированы образованные „юристы“ не во вниманіе къ ихъ чинамъ, а къ юридическимъ познаніямъ), они не могли не ставить высоко образовательнаго ценза. Но принявъ во вниманіе почти повальное невѣжество массы русскаго народа, они должны были отказаться даже отъ такого умѣреннаго ценза, какъ грамотность. Иначе пришлось бы народныя массы вовсе исключить изъ суда присяжныхъ, что представлялось крайне нежелательнымъ въ интересахъ правосудія. Новый законъ 28-го апрѣля, какъ извѣстно, пошелъ дальше, и грамотность поставилъ conditio sine qua non для

присяжнаго. Правда, послѣ освобожденія крестьянъ грамотность увеличилась, но, во-первыхъ, она еще далеко не достигла желательнаго размѣра, а во-вторыхъ, въ данномъ случаѣ она не можетъ, по крайней мѣрѣ для ближайшаго будущаго, играть особой роли, такъ какъ для присяжнаго требуется 25-тилѣтній возрастъ.

Какъ бы то ни было, новелла 28-го апрѣля, повидимому, даетъ образовательному цензу бо́льшее развитіе, чѣмъ прежній законъ,—таково первое ея впечатлѣніе. Но при ближайшемъ анализѣ предположеніе это не оправдывается, что видно изъ отношенія этой новеллы къ „служебному“ цензу. До сихъ поръ уже одно состояніе на государственной или общественной службѣ составляло достаточный цензъ для внесеніе въ списокъ присяжныхъ. Теперь же на основаніи закона 28-го апрѣля, значеніе служебнаго ценза совершенно *упраздняется*. Служебный цензъ, какъ таковой, никакихъ правъ не даетъ, а право занесенія въ списокъ присяжныхъ обусловлено размѣромъ получаемаго содержанія, и въ этомъ отношеніи служащіе уравнены съ промышленниками и ремесленниками. До настоящаго времени находившійся на государственной и общественной службѣ eo ipso былъ кандидатомъ въ присяжные, какъ бы ни было незначительно его содержаніе; теперь же для полученія права быть присяжнымъ требуется полученіе въ годъ въ столицахъ—1,000 руб., а въ прочихъ городахъ—600—400 руб. Такое уравненіе чиновниковъ съ ремесленниками представляется въ данномъ случаѣ совершенно неудачнымъ. Какъ бы ни думать о достоинствахъ бюрократической школы, нельзя не признать, что государственная служба больше расширяетъ кругъ понятій человѣка, чѣмъ постоянное обращеніе съ иглою и ножницами или дратвою и шиломъ. Мы уже не говоримъ о такихъ родахъ государственной службы, какъ, напр., педагогическая, медицинская и пр., на которыхъ обязательно прохожденіе высшей школы. А между тѣмъ и эти интеллигентныя лица подведены подъ одну линію съ сапожниками, портными и пр., такъ что учитель, врачъ, получающіе въ Москвѣ менѣе 1,000 руб., не могутъ быть присяжными. Пойдемъ далѣе. Посмотримъ, какія неожиданныя положенія создаетъ новый законъ для лицъ, получающихъ пенсію, напр., по судебному вѣдомству. Не

только члены столичныхъ окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ, но и предсѣдатели этихъ мѣстъ н е м о г у т ъ попасть въ присяжные, такъ какъ пенсія за 35-тилѣтнюю службу ихъ не превышаетъ 500—800 руб. И только одни сенаторы кассаціонныхъ департаментовъ, полная пенсія коихъ достигаетъ 1,143 р. 60 к., удостоились бы внесенія въ списокъ присяжныхъ. Несообразность и ненормальность этого порядка такъ очевидны, что едва ли нужно объ нихъ распространяться!

Такое пожертвованіе въ пользу денежнаго ценза—служебнымъ, тѣмъ болѣе непонятно, что законодатель, повидимому, и самъ не былъ высокаго мнѣнія о денежномъ цензѣ. Въ самомъ дѣлѣ, Судебные Уставы установляли такой денежный цензъ: для столицъ—500 р., въ прочихъ мѣстахъ—200 р., при чемъ предполагалось, что т о л ь к о н а п е р в о е в р е м я долженъ быть установленъ такой в ы с о к і й цензъ. И вотъ черезъ 20 слишкомъ лѣтъ денежный цензъ не только не понижается, а возвышается вдвое противъ прежняго. Не доказываетъ ли это, что гарантія, представляемая этимъ денежнымъ цензомъ, въ глазахъ законодателя потеряла свое прежнее значеніе. А при такихъ обстоятельствахъ упраздненіе служебнаго ценза или, лучше сказать, поглощеніе его денежнымъ представляется совсѣмъ непонятнымъ.

Единственнымъ объясненіемъ можетъ служить развѣ только недовѣріе къ благонадежности интеллигентнаго и чиновничьяго элементовъ, которое не разъ высказывалось извѣстною частью печати. Нельзя не согласиться, что гакая точки зрѣнія представляется довольно оригинальною. Во всѣхъ европейскихъ государствахъ чиновники, находящіеся на государственной службѣ, въ виду ихъ зависимости отъ правительства, признаются довольно неудобнымъ элементомъ для суда присяжныхъ. Процессы послѣднихъ лѣтъ (укажемъ, напримѣръ, дѣло Свиридова) показали, что участіе чиновниковъ въ составѣ присяжныхъ можетъ иногда влечь за собою весьма тяжкія для нихъ послѣдствія. Германскій кодексъ до такой степени опасается участія чиновниковъ, что онъ вовсе исключаетъ изъ списка присяжныхъ всѣхъ чиновниковъ, могущихъ быть уволенными безъ прошеній, т.-е. по усмотрѣнію начальства. На этомъ основаніи и у насъ, если чего можно было опасаться, такъ н е и з б ы т к а, а н е д о с т а т к а не-

зависимости присяжныхъ чиновниковъ. Но если, за всѣмъ тѣмъ, Уставы 20-го ноября признали возможнымъ допустить ихъ въ среду присяжныхъ, то это было допущено во вниманіе къ относительно большей образованности и умственному развитію чиовниковъ. Нынѣ эта точка зрѣнія оставлена, и относительно чиновниковъ взятъ тотъ же масштабъ, какой существуетъ для ремесленниковъ, т.-е., размѣръ годового дохода. Но едва ли эта точка зрѣнія правильна. Въ смыслѣ зависимости можно скорѣе признать, что зависимость чиновника отъ правительства прямо пропорціональна получаемому содержанію, т.-е. чѣмъ выше содержаніе, тѣмъ больше зависимость.

Слѣдуетъ отмѣтить еще одно постановленіе новаго закона, устанавливающее сословную привилегію относительно внесенія въ списокъ присяжныхъ. Купцы 1-й и 2-й гильдій, хотя бы не производили никакой торговли и не имѣли никакого имущества, по званію своему имѣютъ право быть присяжными. Основаніемъ для такой аномаліи вѣроятно послужило то соображеніе, что взносъ довольно значительной гильдейской пошлины служитъ презумпціею имущественной состоятельности. Презумпція эта однако на дѣлѣ не всегда оправдывается. Бываютъ случаи, когда исключительно въ видахъ сообщенія номинальнаго званія купца богатые мѣщане вносятъ гильдію за своихъ родственниковъ. Если денежный цензъ и самъ-по-себѣ не можетъ служить надежнымъ ручательствомъ нравственной порядочности и умственнаго развитія, безъ каковыхъ качествъ невозможенъ хорошій судъ присяжныхъ, то такой фиктивный цензъ и подавно не можетъ имѣть серьезнаго значенія, въ смыслѣ гарантіи правосудія.

Въ видѣ компенсаціи за привилегію купцамъ, законъ 28-го апрѣля сдѣлалъ уступку землевладѣльческому классу. Въ этомъ отношеніи сдѣланъ большой шагъ въ смыслѣ наибольшей демократизаціи ценза. Онъ понижент почти въ 5 разъ. До сихъ поръ требовалось владѣніе не менѣе 100 десятинами для включенія въ списокъ присяжныхъ. Нынѣ же считается достаточнымъ владѣніе тѣмъ количествомъ земли, которое, согласно п. 4 ст. 23 Полож. о земск. учр. изд. 1886 года, даетъ право сообща съ другими участвовать въ выборѣ земскихъ гласныхъ, т.-е. не менѣе $^1/_{10}$ земскаго поземельнаго избиратель-

наго ценза. А такъ какъ избирательный цензъ въ большинствѣ губерній достигаетъ 200 десятинъ, то стало быть обладаніе 20 десятинами даетъ право быть занесеннымъ въ списки присяжныхъ.

Изъ сказаннаго явствуетъ, что опредѣленіе принципа, которому слѣдовалъ новый законъ при установленіи ценза для присяжнаго засѣдателя, довольно затруднительно. Но въ общемъ можно отмѣтить такую тенденцію: образовательному цензу, въ прямомъ и непрямомъ значеніи слова, предпочтенъ денежный цензъ, а сему послѣднему—поземельный, который такимъ образомъ является излюбленнымъ цензомъ для новаго закона.

ГЛАВА VIII.

Вторая новелла.

(Законъ 20-го мая 1885 г. объ ограниченіи несмѣняемости судей).

I.

Новелла 20-го мая наноситъ ударъ, если не смертельный, то все-таки очень чувствительный одной изъ коренныхъ основъ судебной реформы—несмѣняемости судей. Если требованіе враговъ судебной реформы о полной отмѣнѣ этой важнѣйшей гарантіи судейской независимости осталось не исполненнымъ, то все же новелла 20-го мая имѣетъ весьма серьезное значеніе, и по поводу ея невольно вспоминаются замѣчательныя слова М. Н. Каткова, превосходно разъясняющія значеніе независимости суда.

„Независимость суда отъ администраціи, говорилъ онъ, есть самое существенное условіе правильнаго суда. Безъ полной независимости отъ администраціи, наше новое судопроизводство не могло бы имѣть силы, какъ бы ни было оно обставлено и въ какія бы формы ни облекалось. Оно было бы учрежденіемъ безъ всякой будущности, учрежденіемъ мертворожденнымъ. Независимость столько же должна относиться къ дѣйствіямъ судебнымъ, сколько къ судейскому званію. И то и другое равно важно, и новое судоустройство потеряло бы все свое значеніе, если бы судебная власть въ какомъ бы то ни было отношеніи была поставлена въ подчиненное къ административнымъ властямъ отношеніе.

„Стоитъ только вникнуть въ основной смыслъ нашего новаго судебнаго устава, говорилъ онъ же, для того, чтобы уяснить себѣ то важное значеніе, которое онъ придаетъ независимости судебнаго званія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и то напра-

вленіе, которое должно быть принято и законодательствомъ и администраціей по отношенію къ этому новому учрежденію. Все, что можетъ причинить ущербъ достоинству судейскаго званія, ослабить его самостоятельность, стѣснить его независимость или въ какомъ бы то ни было отношеніи унизить его передъ административными властями, было бы покушеніемъ противъ сущности этого великаго преобразованія, было бы ненавистной попыткой парализовать его силу. Вотъ почему оскорбителенъ всякій намекъ, клонящійся къ тому, чтобы затемнить сущность новаго порядка вещей и лишить его силы, дающей ему всю его цѣнность, чтобы изъ важнаго начинающагося дѣла вынуть его душу и оставить шелуху, которая давала бы только сильнѣе чувствовать тщету начинанія". (М. В. 1866, № 156 и 198)....

При разсмотрѣніи новаго закона 20-го мая о дисциплинарной отвѣтственности прежде всего бросаются въ глаза его необычайные размѣры. Какъ извѣстно, послѣ изданія Судебныхъ Уставовъ послѣдовало не мало къ нимъ дополненій, измѣнявшихъ или вовсе отмѣнявшихъ тѣ или другія постановленія. Но это были частичныя измѣненія, робкія поправки. Не то мы видимъ въ только-что появившемся законѣ. Онъ сразу отмѣняетъ и измѣняетъ болѣе 30-ти статей важнѣйшей части Судебныхъ Уставовъ — Учрежденія Судебныхъ Установленій. Таковъ внѣшній видъ закона. Если же вникнуть въ содержаніе его, то увидимъ, что онъ касается самыхъ щекотливыхъ и самыхъ существенныхъ сторонъ судебной организаціи, такъ, напр., отношеній судей къ администраціи, предсѣдателямъ и несмѣняемости судей.

Вѣковой опытъ нашъ и европейскій свидѣтельствуетъ о безусловной необходимости отдѣленія судебной власти отъ административной. Хорошо понимая значеніе этого великаго принципа, просвѣщенные составители Судебныхъ Уставовъ положили его въ видѣ краеугольнаго камня новаго судебнаго строя. Строгое проведеніе его считали они вѣрнѣйшимъ залогомъ успѣха судебной реформы. Судью контролируетъ и судитъ только судъ,—таково постановленіе Судебныхъ Уставовъ. Нынѣ приходится отмѣтить, что это безспорное для передовыхъ законодательствъ и процессуалистовъ начало

терпитъ довольно значительный ущербъ вслѣдствіе новой редакціи ст. 254 и 255 Учр. Суд. Уст. Новая редакція расширяетъ права министра юстиціи какъ относительно предѣловъ надзора, такъ и относительно послѣдствій его. Доселѣ министръ юстиціи имѣлъ надзоръ за внѣшнимъ теченіемъ дѣлъ и если усматривалъ „накопленіе дѣлъ, медленность или остановку въ ихъ движеніи, предлагалъ предсѣдателю судебнаго установленія принять мѣры къ отвращенію сего и представить объясненія о причинахъ". Таковы были предѣлы надзора. Теперь министръ юстиціи наблюдаетъ вообще „за отступленіемъ отъ законнаго порядка",—другими словами, вся дѣятельность судебныхъ установленій, всѣ приговоры и рѣшенія отданы подъ контроль министра юстиціи. Хотя и до изданія новаго закона практика допускала такой надзоръ, хотя новый судъ никакихъ надзоровъ не боится, но тутъ важна именно та тенденція къ расширенію власти судебной администраціи, которая такъ ясно сквозитъ въ каждомъ словѣ новаго закона.

Только этимъ и можно объяснить такія маловажныя на видъ, но весьма характерныя, какъ симптомъ, редакціонныя поправки. Прежде ст. 253-я Учр. Суд. Уст. говорила о „правѣ прокурорскаго надзора наблюдать за охраненіемъ законовъ". Теперь слово „право" замѣнено словомъ „обязанность". По той же статьѣ прокуроръ доселѣ могъ о замѣченныхъ упущеніяхъ сообщать предсѣдателямъ судовъ, теперь же онъ можетъ „предложить на обсужденіе суда".

Все это не имѣло бы особеннаго значенія, если бы дѣло ограничивалось такими стилистическими поправками; но имѣются поправки гораздо болѣе серьезныя. Такъ, новый законъ предоставляетъ министру весьма существенное и доселѣ не имѣвшееся у него право, отъ всѣхъ безъ изъятія чиновъ судебнаго вѣдомства, требовать „объясненій письменныхъ", что уже само-по-себѣ предполагаетъ извѣстную степень власти. Но этого мало. Министру предоставлено требовать къ себѣ даже л и ч н о й явки всѣхъ чиновъ судебнаго вѣдомства для личныхъ объясненій. Допустимъ лучшее. Допустимъ, что судей не будутъ „распекать" или вообще прибѣгать къ обычнымъ способамъ подтягиванія, практикуемымъ начальствами относительно подчиненныхъ, тѣмъ не менѣе это новое постановленіе вноситъ въ отношенія суда къ админи-

страціи элементъ „личнаго" воздѣйствія, отнюдь не способный усилить независимость перваго отъ послѣдней.

Но и этимъ еще дисциплинарная власть министра не исчерпывается. По новой редакціи ст. 255, министръ, когда признаетъ нужнымъ, можетъ сдѣлать лицамъ судебнаго вѣдомства, допустившимъ, по его мнѣнію, какіе-либо безпорядки, соотвѣтственныя „напоминанія и указанія", т.-е., другими словами, не только контролировать уже совершившіеся судебные акты и факты, а также дѣлать „указанія насчетъ будущаго". До сихъ поръ единственнымъ руководителемъ судовъ относительно истиннаго смысла закона была независимая и компетентная коллегія юристовъ—кассаціонные департаменты сената. Теперь рядомъ съ ними создается новое единоличное административное руководство судами, „указанія" коего далеко не всегда могутъ совпадать съ „указами" самого сената. Какими бы добрыми побужденіями ни руководствовался министръ юстиціи, онъ силою вещей поставленъ въ необходимость внимательно прислушиваться къ настроеніямъ минуты. Не мудрено поэтому, что указанія его будутъ подчиняться ихъ вліянію, и такимъ образомъ на мѣсто твердаго начала законности и принциповъ права мало-по-малу будутъ проскальзывать въ суды, быть можетъ, благонамѣренныя по цѣли, но опасныя по существу, указанія о смягченіи и модификаціи закона, глядя по случайнымъ соображеніямъ т. н. цѣлесообразности. Опытъ послѣдняго времени не только не ослабляетъ, но даже усиливаетъ подобныя опасенія. Такимъ образомъ расшатывается одинъ изъ важнѣйшихъ устоевъ новаго суда, принципъ отдѣленія суда отъ администраціи, наносится ущербъ ясному намѣренію творца Судебныхъ Уставовъ „возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность".

Насколько всѣ эти нововведенія могутъ быть опасны для интересовъ правосудія,—ясно для всякаго. На эту тему распространяться не будемъ; приведемъ лишь свидѣтельство изъ источника, не лишеннаго авторитетности. Когда въ 60-хъ годахъ возникло было предположеніе о предоставленіи администраціи права требовать къ себѣ только предсѣдателей для объясненій (а ужъ никакъ не для „напоминаній и указаній"), М. Н. Катковъ былъ возмущенъ этимъ предположеніемъ. „Для вида ли только,—вопрошалъ онъ,—судебная власть признана

независимою и самостоятельною или она дѣйствительно поставлена такъ, что для нея обязательны только законъ и правда? Правительство и общество должны соревновать въ заботахъ о томъ, чтобы въ новое судебное устройство не прокралось чего-либо въ ущербъ его достоинству и самостоятельности. Не было ли бы ущербомъ ихъ независимости и достоинству, если бы, напр., министру или губернатору предоставлено было право приглашать къ себѣ предсѣдателей судовъ для объясненій? Не значило ли бы это—вовлекать новыя учрежденія въ старую колею? Въ подобныхъ случаяхъ имѣетъ важность и то, что обыкновенно считается не больше какъ этикетомъ. Что знаменовалъ бы подобный этикетъ? Не то ли, что административная власть первенствуетъ передъ судебной?“

Кажется, не будетъ неумѣстнымъ и нынѣ задаться этими вопросами.

II.

Самая существенная часть новаго закона о дисциплинарномъ судѣ, это—отмѣна дѣйствовавшаго донынѣ дисциплинарнаго кодекса, помѣщеннаго въ Уложеніи о наказаніяхъ. Главный недостатокъ его былъ тотъ, что онъ чрезвычайно устарѣлъ. Правда, есть у насъ еще Уст. о службѣ гражд., устанавливающій нѣсколько добрыхъ правилъ поведенія, но они не имѣютъ никакого практическаго значенія. Такъ, напр., существуетъ ст. 723, запрещающая безбожное житье, пьянство, ложь и обманы и предписывающая добродѣтели и похвальное любочестіе. Но это законодательное pium desideratum имѣетъ не больше значенія, чѣмъ постановленіе ст. 185 Уст. о пред. и пресѣч. прест., коею „запрещается всѣмъ и каждому пьянство“. Другой недостатокъ дѣйствовавшаго дисциплинарнаго устава была неполнота. Онъ вовсе не предусматриваетъ нѣкоторыхъ служебныхъ проступковъ, такъ, напр., замаскированнаго участія судей въ направленіи или даже веденіи дѣлъ, прямого или косвеннаго давленія на судей-товарищей и прочихъ проявленій кумовства. Затѣмъ и частная жизнь судьи вовсе была изъята изъ-подъ контроля дисциплинарнаго суда. Судья-пьяница, судья-развратникъ,

судья, состоящій должникомъ во всѣхъ магазинахъ или у адвокатовъ (случаи, къ сожалѣнію, не только возможные, но и дѣйствительные), едва ли можетъ внушить населенію должное уваженіе и безъ сомнѣнія роняетъ носимое имъ званіе.

Но какъ бы ни былъ подробенъ дисциплинарный кодексъ, онъ не можетъ предусмотрѣть всѣхъ дѣйствій и упущеній судей, компрометирующихъ достоинство судьи. На что ужъ подробенъ австрійскій кодексъ, предусматривающій даже то обстоятельство, что судья долженъ называть лицъ, обращающихся къ нему, не иначе, какъ съ присоединеніемъ словъ: господинъ и госпожа,—и онъ однако не исчерпываетъ предметъ. Такимъ образомъ волею-неволею приходится предоставить дисциплинарному суду нѣкоторый просторъ въ опредѣленіи состава проступковъ, совершеніе коихъ роняетъ достоинство судьи. Тутъ однако кроется и весьма важная опасность для интересовъ правосудія. Если судъ, облеченный такою обширною властью надъ судьями, не совсѣмъ правильно будетъ дѣйствовать, тогда независимость и несмѣняемость судей сведется къ нулю. Вотъ почему гарантіи, представляемыя такимъ полу-судебнымъ, полу-административнымъ учрежденіямъ, должны быть не ослаблены, а у в е л и ч е н ы противъ обыкновенныхъ судебныхъ гарантій. У насъ едва ли не больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, настоитъ необходимость въ увеличеніи такихъ гарантій, въ виду того, что наши нравы и условія общественной жизни не только не восполняютъ недостатокъ судебныхъ гарантій, но даже и ослабляютъ таковыя.

Теперь посмотримъ, насколько новый законъ удовлетворяетъ этимъ условіямъ. Что касается круга дѣйствій судей, подлежащихъ вѣдѣнію дисциплинарнаго суда, то новый законъ такъ расширилъ предѣлы его, что дальше итти некуда. Если министромъ юстиціи будетъ усмотрѣно, — гласитъ § 3 ст. XX,—а) что судья совершилъ такія служебныя упущенія, которыя, по своему значенію и многократности, свидѣтельствуютъ о несоотвѣтствіи судьи занимаемому имъ положенію или о явномъ съ его стороны пренебреженіи къ своимъ обязанностямъ, или б) что судья дозволилъ себѣ, внѣ службы такіе противные нравственности или предосудительные поступки, которые хотя и не имѣли послѣдствіемъ привлеченіе

его къ уголовной отвѣтственности, но, будучи несовмѣстны съ достоинствомъ судейскаго званія и получивъ огласку, лишаютъ совершившаго ихъ судью необходимыхъ для сего званія довѣрія и уваженія, то передаетъ эти поступки на обсужденіе дисциплинарнаго суда. Во всѣхъ этихъ случаяхъ высшій дисциплинарный судъ можетъ уволить судью безъ прошенія. Какъ видите, высшій дисциплинарный судъ облекается такими чрезвычайными полномочіями, которыхъ до сихъ поръ ни одно мѣсто, ни одно лицо, не имѣло по отношенію къ судьямъ. Въ окончательномъ выводѣ судъ этотъ получаетъ то же право, какое предоставлено начальникамъ на основаніи извѣстнаго 3 пункта, т.-е. увольнять отъ должности по личному усмотрѣнію.

Разберемъ теперь, соотвѣтствуютъ ли этимъ чрезвычайнымъ полномочіямъ и чрезвычайныя гарантіи для обезпеченія правильнаго пользованія ими? Относительно состава этого высшаго дисциплинрнаао суда или присутствія, какъ его называетъ законъ, мы ничего сказать не можемъ; онъ образованъ изъ сенаторовъ и первоприсутствующихъ 1-го и кассаціонныхъ департаментовъ и такимъ образомъ напоминаетъ нынѣшнее соединенное присутствіе только въ усиленномъ видѣ. Но что составъ самъ по себѣ не служитъ абсолютною гарантіею, тому доказательствомъ служитъ то же самое соединенное присутствіе, въ практикѣ котораго бывали случаи неумѣреннаго подчиненія давленію судебной администраціи. Сошлемся хотя бы на дѣла москов. миров. судьи В—а.

Что же касается до другихъ гарантій, то мы должны замѣтить, что въ этомъ отношеніи сдѣланъ крайне опасный шагъ назадъ, сравнительно съ Уставами Александра II. На основаніи этихъ Уставовъ судьи могли за дѣйствія, прямо предусмотрѣнныя закономъ, подвергаться только предостереженіямъ, но и то подобныя дѣла разсматривались въ нѣсколькихъ инстанціяхъ, по желанію обвиняемаго участвовалъ защитникъ, допускалась гласность. Теперь же, когда самый составъ преступленія устанавливается по усмотрѣнію самого дисциплинарнаго суда и судебной администраціи, когда дѣло можетъ окончиться такимъ тяжкимъ наказаніемъ, какъ удаленіе судьи отъ должности, дѣла будутъ разсматриваться только въ одной инстанціи, защита не допускается абсолютно и

гласность изгнана вполнѣ. Другими словами, гарантіи правосудія дисциплинарнаго суда уменьшились обратно пропорціонально предоставленнымъ ему обширнымъ, почти ничѣмъ неограниченнымъ полномочіямъ. Безъ дальнѣйшихъ комментаріевъ понятно, къ чему сводится при такомъ порядкѣ дисциплинарнаго процесса несмѣняемость судей. Даже независимость присяжныхъ повѣренныхъ поставлена у насъ въ болѣе благопріятныя условія, чѣмъ отнынѣ будетъ стоять судейская независимость и несмѣняемость, этотъ краеугольный камень новаго судебнаго строя. Въ самомъ дѣлѣ по масштабу ничѣмъ и никѣмъ не контролируемыхъ судей, быть можетъ, впервые устанавливается составъ преступленія, а затѣмъ слѣдуетъ увольненіе судьи. Разъ увольненіе производится келейно, безъ свѣта гласности, гдѣ же гарантія для правильнаго примѣненія этой мѣры, гдѣ же гарантія, что она не превратится въ орудіе партіи и минутныхъ увлеченій?

III.

Основное motto новаго закона 20-го мая о дисциплинарномъ судопроизводствѣ, это—усиленіе отвѣтственности судей. Достигается эта цѣль двумя путями: во-первыхъ, расширеніемъ круга дѣйствій, подлежащихъ вѣдѣнію дисциплинарнаго суда, а во-вторыхъ, учрежденіемъ новыхъ органовъ дисциплины и увеличеніемъ власти существующихъ. Усилена власть прокуратуры по надзору; впервые предоставлено министру юстиціи право непосредственнаго проявленія дисциплинарной власти надъ судьями всѣхъ степеней и ранговъ; учреждена новая полу-административная коллегія съ неограниченнымъ правомъ перевода судей изъ одного округа въ другой и даже удаленія отъ должности. Мы уже указывали, какой тяжелый ударъ наносятъ всѣ эти нововведенія кореннымъ основамъ Судебныхъ Уставовъ.

Но нововведенія этимъ не ограничились. Какъ извѣстно, бывшій министръ юстиціи гр. Панинъ проектировалъ учрежденіе должности „главнаго судьи области“, который долженъ былъ полновластно хозяйничать въ мѣстныхъ судахъ. Но этотъ проектъ, какъ вытекавшій изъ смѣшенія властей су-

дебной и административной, былъ совершенно отвергнутъ государственнымъ совѣтомъ при обсужденіи Уставовъ 1864 г., и учрежденной должности старшаго предсѣдателя судебной палаты сообщенъ исключительно судебный характеръ. Доселѣ онъ былъ просто предсѣдатель судебнаго мѣста и имѣлъ свойственныя этой должности права. Нынѣ же въ лицѣ старшаго предсѣдателя создается одинъ изъ многихъ дисциплинарныхъ органовъ. Онъ уже лично, а не какъ предсѣдатель судебной палаты, имѣетъ обязанность наблюдать за всѣми чинами судебнаго округа и получаетъ соотвѣтственныя права. Освѣдомившись о какихъ-либо упущеніяхъ или отступленіяхъ отъ законнаго порядка со стороны окружнаго суда или должностныхъ лицъ, при немъ стоящихъ, онъ производитъ свой единоличный судъ надъ судебною коллегіею и, признавши ее виновною, дѣлаетъ ей соотвѣтственныя напоминанія и указанія. Другими словами, рѣшенія суда могутъ опорочиваться единоличнымъ усмотрѣніемъ старшаго предсѣдателя. До сихъ поръ рѣшенія окружнаго суда подлежали контролю другой коллегіи, судебной палаты, которая отмѣняла рѣшенія, и только. А теперь по самымъ спорнымъ вопросамъ старшій предсѣдатель кладетъ свою начальническую резолюцію и даже дѣлаетъ судьямъ внушеніе. До сихъ поръ судьи думали о томъ, чтобы рѣшенія ихъ были согласны съ закономъ и развѣ еще съ рѣшеніями кассаціонныхъ департаментовъ, а теперь имъ необходимо имѣть въ виду, въ силу ст. XIII, § 3, ст. XIV закона 20-го мая, еще личныя воззрѣнія старшаго предсѣдателя и министра юстиціи.

Недовѣріе къ коллегіальному началу и предпочтеніе личной власти такъ явно сквозитъ въ новомъ законѣ, что онъ допускаетъ личное вмѣшательство старшаго предсѣдателя даже во внутренній распорядокъ дѣлъ, производящихся въ окружныхъ судахъ. На разсмотрѣніе старшаго предсѣдателя представляется проектъ росписанія сессіи окружныхъ судовъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Отъ него зависитъ окончательно утвержденіе росписаній, равно какъ назначеніе членовъ суда для предсѣдательствованія. Такимъ образомъ, старшій предсѣдатель, напримѣръ, московской судебной палаты признается болѣе компетентнымъ въ разрѣшеніи вопроса, когда слѣдуетъ устроить сессію въ округѣ вятскаго.

костромского, ржевскаго, елецкаго окружныхъ судовъ, чѣмъ сами члены этихъ судовъ. Мало того, старшій предсѣдатель признается настолько близко знакомымъ съ личнымъ составомъ окружныхъ судовъ, что ему предоставляется право избранія предсѣдателей сессій.

Не можемъ не указать въ заключеніе еще на одно нововведеніе, весьма характерное для опредѣленія направленія новаго закона,—его воззрѣнія на свойства судебной службы. До судебной реформы у насъ не было судей-юристовъ, въ настоящемъ смыслѣ слова: это были агенты министерства юстиціи, обязанные по первому его приказанію дѣлаться то криминалистами, то цивилистами. Судебная реформа, отведя должное мѣсто юридической наукѣ, поставила дѣло такъ, что для правильнаго отправленія правосудія нужны были спеціалисты по гражданскому или уголовному праву и процессу. Съ большимъ трудомъ, но стали наконецъ формироваться у насъ такіе спеціалисты. Теперь снова водворяется у насъ міровоззрѣніе временъ Панина. Спеціалисты признаются излишними и предъявляется запросъ на всезнающихъ людей. По § 5 ст. I члены окружныхъ судовъ могутъ быть перемѣщаемы изъ одного отдѣленія въ другое. Подобное „обновленіе“ перемѣщеніемъ части членовъ изъ гражданскихъ отдѣленій въ уголовныя и обратно даже особенно „рекомендуется“ новымъ закономъ. Читая его, можно подумать, что рѣчь идетъ о студентахъ, кандидатахъ на судебныя должности, или о помощникахъ присяжныхъ повѣренныхъ, которымъ не безполезно ознакомиться съ гражданскимъ и уголовнымъ процессомъ, а не о сформировавшихся спеціалистахъ, членахъ окружнаго суда. Кто мало-мальски знакомъ съ современнымъ состояніемъ юридической науки, тому извѣстно, что юристу необходимо, въ интересахъ плодотворности своихъ занятій, сосредоточиться, специализироваться. Мы увѣрены, что многіе спеціалисты, стяжавшіе почетную извѣстность своими солидными познаніями въ области гражданскаго или уголовнаго права, будутъ поставлены въ очень затруднительное положеніе, когда по волѣ случая и помимо ихъ желанія придется перемѣнить родъ спеціальности. Положимъ, есть такіе судьи, которые по окончаніи курса не заглядывали ни въ одну юридическую книгу и которые всю глубину своей юридической

премудрости черпаютъ изъ такъ-называемыхъ „анисимовокъ", т.-е. текста закона, начиненнаго извлеченіями изъ кассаціонныхъ рѣшеній. Для такихъ судей даже знакомство съ подлинными кассаціонными рѣшеніями представляетъ трудъ непреодолимый. Судьи съ такимъ легкимъ юридическимъ багажемъ, безъ сомнѣнія, не будутъ жаловаться на неудобства новаго закона и будутъ считать себя одинаково годными какъ для гражданскаго, такъ и для уголовнаго отдѣленій. Едва ли правосудіе много выиграетъ, если министерству юстиціи придется пользоваться по преимуществу услугами судей съ такимъ уровнемъ юридическаго развитія.

По поводу настоящей новеллы, не можемъ не вспомнить одно изъ фальшивыхъ ходячихъ мнѣній о дѣятеляхъ судебной реформы. Такъ образовалось и циркулируетъ безпрепятственно мнѣніе, что наши Судебные Уставы суть не что иное, какъ рабское подражаніе французскому законодательству (какой-то шутникъ утверждалъ даже—сардинскому). Ничего не можетъ быть неправильнѣе этого ходячаго мнѣнія, порожденнаго частью недобросовѣстностью, главнымъ же образомъ — невѣжествомъ. Какой бы ни взять отдѣлъ судоустройства—мировой институтъ, судъ присяжныхъ, судебную несмѣняемость, гласность—вездѣ замѣтно участіе умѣлой и смѣлой руки, искусно и самостоятельно обрабатывающей сырой иностранный законодательный матеріалъ, сообразно *требованіямъ русской жизни.*

Заимствуя изъ европейскихъ кодексовъ разные институты, составители Судебныхъ Уставовъ принимали въ самое серьезное *вниманіе* бытовыя условія нашей среды и соотвѣтственно имъ видоизмѣняли, т.-е. смягчали или усиливали оттѣнки заимствуемыхъ институтовъ. Они очень хорошо знали и никогда не забывали, что теоретическія постановленія, буква закона, проходя черезъ среду, черезъ руки исполнителей, неизбѣжно *претерпѣваютъ п р е л о м л е н і е въ ту или другую сторону,* смотря по составу среды. Вотъ почему они, перенося къ намъ извѣстный институтъ европейскаго процесса, не довольствовались переводомъ соотвѣтственныхъ постановленій европейскихъ кодексовъ, а придумывали комбинаціи, которыя *могли бы обезпечить непреложное и неискаженное исполненіе.*

Такъ было, напр., съ вопросомъ о несмѣняемости. Ре-

дакторы Учрежд. Суд. Уст. очень хорошо понимали, что вводимый къ намъ институтъ не согласуется съ нашими нравами, и не только не встрѣтитъ поддержки въ существующемъ „умоначертаніи“, но скорѣе глухое противодѣйствіе. Вотъ почему они старались обставить этотъ институтъ такъ, чтобы не оставалось никакой лазейки для вторженія и укрѣпленія тенденцій, враждебныхъ и несовмѣстныхъ съ несмѣняемостью и съ независимостью судейскою. Они очень хорошо знали, что стоило предоставить хоть небольшую личную власть предсѣдателю суда или кому-нибудь другому, въ видѣ права требовать „личныхъ объясненій“, дѣлать „указаніе и напоминаніе“ (какъ это сдѣлалъ законъ 25-го мая), изъ этой власти развилась бы цѣлая система начальственнаго воздѣйствія со всѣми обычными спутниками его въ видѣ: „головомойки“, „нахлобучки“ и другихъ способовъ „внушенія“, которыми такъ богатъ нашъ административный языкъ. Во избѣжаніе этого неудобства, составители Учр. Суд. Уст. не послѣдовали слѣпо за иностранными образцами и, отступивъ отъ нихъ, упразднили воздѣйствіе единоличной дисциплинарной власти на судей. Исторія не упрекнетъ ихъ за такую оригинальность, за такую разумно-самобытную обработку института иностранныхъ законодательствъ примѣнительно къ нашимъ нравамъ! Они хорошо понимали, что дѣлали; они хорошо знали наши оффиціальные „свычаи и обычаи“.

ГЛАВА IX.

Новелла 12-го февраля 1887 г. объ организаціи гласности.

L'arbitraire en institutions politiques est la perte de toute institution politique; car, les institutions politiques étant l'assemblage des règles, sur leqsuelles doivent pouvoir compter dans leurs relations comme citoyens, il n'y a d'institutions politiques là où ces règles n'existent pas.

Benjamin Constan.

Гласность служитъ самымъ надежнымъ контролемъ всякой общественной дѣятельности и *единственною* прочною уздою для удержанія общественныхъ дѣятелей въ предѣлахъ законности.

Н. А. Буцковскій.

I.

Было время и оно не Богъ знаетъ какъ далеко отъ насъ, когда гласность (какъ въ смыслѣ публичности, такъ и устности судоговоренія) наравнѣ съ адвокатурою, съ судомъ общественной совѣсти и другими институтами новаго европейскаго процесса были „страшными словами“, пугавшими воображеніе не только мнительныхъ бюрократовъ, но даже и людей науки. Опасность устнаго судопроизводства заключается, по увѣренію старыхъ криминалистовъ, въ томъ, что оно служитъ обыкновенно источникомъ незрѣлаго и „необсудливаго“ рѣшенія уголовныхъ дѣлъ, вызываетъ ораторство и пр. Что касается гласности, публичности, то не трудно догадаться, какъ должны были относиться къ ней наши заматерѣлые книжники. „Народъ, стекающійся на мѣсто суда,—учили они,—можетъ быть только худымъ контролеромъ судебныхъ дѣйствій, потому что онъ имѣетъ самую малую часть

тѣхъ свѣдѣній, которыя необходимы для того, чтобы правильно судить о полнотѣ и формальности слѣдствія и о правильности приговора; притомъ, хотя въ началѣ преступленія раздраженное имъ чувство требуетъ немедленнаго наказанія, но самый опытъ свидѣтельствуетъ (sic), что это печальное требованіе тотчасъ уступаетъ мѣсто чувству состраданія къ преступнику, который кажется несчастною жертвою общественнаго правосудія... Возможно ли послѣ этого ожидать отъ народа справедливаго (очевидно, справедливость несовмѣстима съ состраданіемъ, по ученью нашихъ кровожадныхъ криминалистовъ!) отношенія къ преступникамъ?“ [1]).

Какою затхлою атмосферою средневѣковаго застѣнка вѣетъ отъ этихъ жестокихъ сентенцій. Правосудіе и состраданіе—непримиримыя стихіи, какъ огонь и вода. Хранителемъ священной идеи правосудія являются безсловесные судьи, эти machines à sentence, которые, на основаніи мертваго бумажнаго производства, доложеннаго секретаремъ, осуждали среди мрака канцелярской тайны, сами не зная хорошенько за что, къ каторжнымъ работамъ и достодолжному числу ударовъ плетьми. А подлый народъ, т.-е. не принадлежащій къ кастѣ священнодѣйствующихъ подъячихъ, такъ глупъ и неразвитъ, что онъ не можетъ и не долженъ смѣть даже поинтересоваться узнать, согласно ли съ закономъ подвергаютъ истязаніямъ лицъ, имѣвшихъ несчастье попасть на судъ этихъ страшныхъ инквизиторовъ. Вотъ та „здравая“ научная доктрина, которая проповѣдывалась всего какихъ-нибудь 30—40 лѣтъ тому назадъ съ высоты столичной университетской каѳедры именемъ передовой европейской науки.

Нужно было, чтобы въ средѣ, гдѣ свѣточъ науки издавалъ такой удушливый чадъ, могла возникнуть и привиться „идея суда милостиваго, праваго и равнаго для всѣхъ“, суда по Уставамъ 20-го ноября. И такое чудо дѣйствительно совершилось, хотя и не сразу. Имѣло оно мѣсто во второй половинѣ 50-хъ гг., когда занялась надъ Россіею заря новой, лучшей жизни. Какъ только были нѣсколько ослаблены оковы, давившія русскую мысль и слово, произошло общее просвѣтлѣніе, сказавшееся на значительной и лучшей части

---

[1]) См. Основаніе уголовнаго судопр. Я. Баршева, стран. 68.

общества. Даже сферы, наименѣе доступныя воздѣйствію общественныхъ теченій, высшія юридическія сферы, поддались вліянію неожиданно сказавшагося просвѣтлѣнія.

Тотъ самый гр. Д. Н. Блудовъ, типичный представитель робкой, нерѣшительной юриспруденціи дореформенной эпохи, который въ 40 годахъ думалъ, что частичными поправками можно вполнѣ исправить прогнившую насковозъ храмину стараго суда, теперь словно впервые прозрѣлъ и заговорилъ всѣмъ инымъ языкомъ. Въ Объяснительной Запискѣ своей къ Уставу гражд. судопр. гр. Блудовъ, этотъ умѣреннѣйшій изъ умѣренныхъ бюрократовъ, писалъ въ 1857 г. слѣдующее: „намъ въ особенности нельзя и думать о какомъ-либо усовершенствованіи сей части нашего законодательства, безъ измѣненія самой основной мысли его, безъ принятія другихъ не только отличныхъ, но до нѣкоторой степени ей противныхъ началъ“. Въ числѣ этихъ новыхъ началъ была и гласность (стр. 8 Объясн. Зап.). Только подъ покровительствомъ благонамѣреннаго флага гр. Блудова, испытанная благонадежность котораго стояла внѣ всякаго подозрѣнія, гласность легко и быстро завоевала себѣ почву въ нашихъ оффиціальныхъ сферахъ. Въ 1859 г. въ Объяснительной Запискѣ своей къ Уст. угол. суд. гр. Блудовъ писалъ: „При гласности силою самой торжественности подсудимые и свидѣтели побуждаются къ открытію правды... кромѣ того въ виду такой гласности и возбуждаемаго ею общественнаго мнѣнія, судьи чувствуютъ всю важность и, такъ сказать, всю святость своего призванія“ (стр. 147 Объяснительной Записки).

Идея гласности все болѣе и болѣе входила въ общее сознаніе, а послѣ открытія новыхъ гласныхъ судовъ польза и даже необходимость гласности сдѣлалась очевидною для всѣхъ истиною.

Вотъ почему толки, возникшіе въ концѣ 1886 г. о предстоящемъ ограниченіи гласности, произвели сильное впечатлѣніе на общество, которое съ большимъ интересомъ слѣдило за перипетіями законопроекта по этому предмету.

При разсмотрѣніи въ департаментѣ законовъ Государственнаго Совѣта проекта министра юстиціи о предоставленіи ему права закрывать по собственному усмотрѣнію для публики

двери судебныхъ засѣданій, голоса раздѣлились пополамъ, но предполагалось дать проекту дальнѣйшій ходъ и внести вопросъ на обсужденіе общаго собранія Государственнаго Совѣта. Передавшая это извѣстіе газета—нужно ли называть ее по имени?—бросала укоръ сторонникамъ Судебныхъ Уставовъ *за „настойчивость“, проявленную ими въ отстаиваніи* ихъ. Заслуженъ ли этотъ упрекъ?

Не касаясь пока существа вопроса, замѣтимъ, что въ проектѣ рѣчь шла не о временной мѣрѣ, оправдываемой политическими соображеніями минуты, а объ коренной и безповоротной реформѣ, разсчитанной на болѣе или менѣе продолжительное время. Что законопроектъ имѣлъ въ виду не настоятельныя потребности минуты, это видно изъ того, что для настоящаго времени онъ является совершенно безполезнымъ. Дѣло въ томъ, что общая администрація въ мѣстностяхъ, объявленныхъ въ положеніи усиленной охраны, имѣетъ уже то право, которое предполагалось по проекту предоставить министру юстиціи. Параграфъ 17-й отдѣла II Положенія 1881 г. прямо предоставляетъ генералъ-губернаторамъ право требовать разсмотрѣнія при закрытыхъ дверяхъ всѣхъ тѣхъ судебныхъ дѣлъ, публичное разсмотрѣніе коихъ можетъ послужить къ возбужденію умовъ и нарушенію порядка. Такимъ образомъ потребностямъ настоящей минуты совершенно удовлетворялъ этотъ законъ и стало быть новый проектъ *имѣлъ по преимуществу значеніе принципіальное.*

А если это такъ, то „настойчивость“ сторонниковъ Судебныхъ Уставовъ заслуживаетъ не порицанія, а похвалы. Извѣстно, какая большая разница существуетъ между основными принципами, лежащими въ основѣ законодательныхъ памятниковъ, и болѣе или менѣе переходящими административными соображеніями, вызываемыми интересами минуты. Если во имя ихъ и можно разрѣшить иногда отступленіе отъ основныхъ принциповъ, то лишь въ случаяхъ доказанной крайней необходимости, и въ видѣ временной, экстренной мѣры. Тогда какъ такъ-называемыя административныя соображенія бываютъ иногда плодомъ увлеченія, преувеличенія, подсказаннаго страстью и мнительностью, принципы законодательства вытекаютъ изъ многовѣковаго опыта національнаго и общечеловѣческаго, потому особенно и поучительнаго, что онъ

является результатомъ наблюденій безконечнаго ряда поколѣній, видѣвшихъ всякіе виды. Другими словами, принципы эти носятъ на себѣ признаки такого соотвѣтствія разумнымъ потребностямъ общежитія, какое только доступно въ человѣческихъ дѣлахъ.

Къ числу такихъ принциповъ, признанныхъ всѣмъ образованнымъ человѣчествомъ, принадлежитъ необходимость отдѣленія, въ интересахъ правосудія, власти административной отъ судебной, публичность судоговоренія и пр. Противъ обоихъ этихъ началъ и былъ направленъ помянутый выше законопроектъ. Поэтому если и приходится чему удивляться, то не избытку, а недостатку „настойчивости“ со стороны лицъ, обсуждавшихъ проектъ. Много прошло времени съ той извѣстной сессіи 1862 года, когда департаменты Государственнаго Совѣта обсуждали основныя начала судебной реформы,—и какая перемѣна? Въ то время весь Государственный Совѣтъ единогласно признавалъ необходимымъ введеніе гласности въ судебныхъ учрежденіяхъ и считалъ даже излишнимъ приводить подробныя доказательства въ виду того, „что неоспоримыя преимущества гласнаго суда предъ закрытымъ въ настоящее время сознаны всѣми“ (Журн. Госуд. Сов. № 65, стр. 59). „Гласность въ уголовномъ судопроизводствѣ“, читаемъ далѣе на стр. 179 того же журнала, „въ такой мѣрѣ и въ такой степени содѣйствуетъ къ открытію истины, къ огражденію подсудимыхъ и къ побужденію самихъ судей къ тщательному разсмотрѣнію дѣлъ и правосудному ихъ рѣшенію, что въ пользѣ ея не можетъ быть никакого сомнѣнія“. Вотъ какъ смотрѣлъ Государственный Совѣтъ на гласность, составляющую, по справедливому замѣчанію проф. Фойницкаго, одну изъ общепризнанныхъ аксіомъ уголовнаго процесса. Хотя преобразовательная эпоха 60-хъ годовъ нынѣ взята въ крѣпкое подозрѣніе, но не слѣдуетъ упускать изъ вида, что въ пользу гласности подавали голоса и такіе члены Государственнаго Совѣта, которые считались столпами консерватизма, какъ, напр., бывшій министръ юстиціи, графъ В. Н. Панинъ и бывшій главноуправляющій III отдѣленіемъ, кн. В. А. Долгоруковъ. Это было время, когда такъ была для всѣхъ очевидна польза гласности, что ее такъ же совѣстно было доказывать, какъ совѣстно доказывать, что „день есть день и

ночь есть ночь", выражаясь словами Шекспира. Итакъ, въ эпоху всеобщаго просвѣтленія, необходимость гласности была принята единогласно въ Государственномъ Совѣтѣ, который призналъ начало гласности столь „важнымъ и необходимымъ, что безъ него и самое понятіе о судѣ утрачиваетъ свое значеніе" (стр. 59 ibidem).

Если такъ смотрѣли на гласность оффиціальныя сферы, то не трудно представить, съ какимъ энтузіазмомъ должны были привѣтствовать ее общество и печать. Чтобы дать объ немъ понятіе, ограничимся приведеніемъ одного отзыва, принадлежащаго лицу, мнѣнія котораго пользовались недавно, если не пользуются нынѣ, особеннымъ авторитетомъ. Какъ извѣстно, чуть ли не на другой день по открытіи новыхъ судовъ раздались изъ реакціоннаго лагеря требованія о сокращеніи гласности. Возмущенныя этимъ требованіемъ, „Московскія Вѣдомости" въ одной изъ своихъ „громовыхъ" статей вопрошали съ негодованіемъ: „Правда ли, что это всеоживляющее, всевозбуждающее начало публичности, дающее всему свѣтъ и призывающее всѣхъ къ сознательному участію въ интересахъ своего отечества и къ содѣйствію его государственной пользѣ, начало, безъ котораго ничто не можетъ правильно и плодотворно развиваться, ничто не можетъ уберечься отъ порчи и гніенія, ничто не можетъ быть обезпечено отъ злоупотребленій и обмановъ; правда ли, что это начало вошло въ нашу жизнь или это только мерцаніе, лишенное сущности, призракъ, готовый исчезнуть?" Публика читала и восхищалась этими краснорѣчивыми строками: ихъ тонъ подкупалъ и неподдѣльностью паѳоса и искренностью убѣжденія. Впослѣдствіи же читающая публика съ тяжелымъ разочарованіемъ должна была еще разъ убѣдиться, что перо, способное написать ихъ, способно было также выразить нѣчто совершенно имъ противоположное. Ровно черезъ 20 лѣтъ „Московскія Вѣдомости" отреклись отъ своего взгляда на гласность. По ихъ послѣднему „исправленному" мнѣнію, въ гласности слѣдуетъ видѣть „одну изъ причинъ нашихъ экономическихъ недуговъ", и всякій защитникъ гласности желаетъ „обратить судъ въ орудіе адвокатовъ и ихъ друзей".—Чему же должна вѣрить публика?

II.

Ошибочно было бы думать, что составители судебныхъ уставовъ, сознавая неоцѣнимыя услуги гласности вообще, упустили изъ виду неудобства ея въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ, исключительныхъ случаяхъ. Они допустили необходимыя ограниченія. Въ ст. 620 Уст. угол. суд. они исчислили дѣла, по которымъ могутъ быть закрыты двери судебныхъ засѣданій. Собственно къ этой статьѣ и долженъ былъ служить „поправкою“ помянутый выше законопроектъ.

Поправка вносила два нововведенія. Во-первыхъ, на мѣсто суда ставилась судебная администрація, отъ усмотрѣнія которой и предполагалось поставить въ зависимость разрѣшеніе вопроса о закрытіи дверей судебнаго засѣданія. Принятіе такого правила было бы ничѣмъ неоправдываемымъ, но весьма важнымъ шагомъ назадъ въ исторіи нашего процесса. Чтобы убѣдиться въ этомъ, не нужно даже обращаться къ европейскимъ кодексамъ, изъ коихъ ни одинъ не допускаетъ подобнаго вмѣшательства администраціи въ разсмотрѣніе судебныхъ дѣлъ. Достаточно обратиться къ исторіи нашего законодательства за послѣднія два столѣтія, которая стремилась къ освобожденію суда отъ административной опеки и признанію его, какъ выразился гр. Блудовъ, „совершеннолѣтнимъ“. Отсюда не трудно видѣть, что предположенная министерствомъ юстиціи мѣра не только противорѣчила основнымъ положеніямъ Уставовъ 20-го ноября, „этому либеральному хламу“, какъ выразился недавно одинъ изъ публицистовъ, а основной тенденціи нашего судебнаго законодательства, настойчиво проводимой имъ за послѣднія два столѣтія. Такимъ образомъ эта первая поправка не только не способна была улучшить наше судебное дѣло, но и составляетъ значительный шагъ назадъ.

Но и независимо отъ этого новая мѣра и въ практическомъ отношеніи представлялась крайне неудобною. Разъ закрытіе судебнаго засѣданія будетъ зависѣть отъ келейнаго и безконтрольнаго усмотрѣнія администраціи, безъ всякаго сомнѣнія, къ ней будутъ прибѣгать всѣ лица, располагающія связями и заинтересованныя въ сокрытіи своихъ плутней отъ нескромныхъ взоровъ публики и печати. Если бы такое право

существовало доселѣ, то, безъ всякаго сомнѣнія, подъ его защиту стали бы и Овсянниковъ, и игуменья Митрофанія, и генералъ Гартунгъ, и, можетъ быть, даже хищники таганрогской таможни. Много ли отъ этого выиграли бы интересы правосудія—не трудно догадаться. Съ другой стороны, не трудно предвидѣть, какія послѣдовали бы затяжки для дѣла, если бы изъ Баку, Ставрополя и Ташкента пересылались дѣла въ министерство юстиціи для разрѣшенія вопроса о закрытіи дверей.

Другая „поправка“ законопроекта имѣла въ виду расширить случаи закрытія дверей. Ст. 620 исчисляетъ тѣ случаи, когда судъ имѣетъ право закрыть двери: случаи эти—преступленія противъ религіи, правъ семейственныхъ, женской чести и т. п. Сравнивая наши постановленія о закрытіи дверей съ иностранными, нельзя не замѣтить одного существеннаго различія между ними, наглядно доказывающаго, какъ далеки были составители Уставовъ Александра II отъ рабскаго подражанія иностраннымъ образцамъ. Французскій, германскій и австрійскій кодексы не исчисляютъ случаевъ, когда двери закрываются, а предоставляютъ,—суду конечно, а не администраціи,—по соображеніямъ нравственнаго или общественнаго порядка удалять изъ залы публику.

Редакторы же нашего Устава угол. суд. сочли необходимымъ ограничить точными предѣлами случаи устраненія гласности. И на то были очень вѣскія основанія, прямо вытекающія изъ условій нашей жизни. Они очень хорошо понимали, что гласность у насъ дѣло совершенно новое, не имѣющее корня въ нашихъ нравахъ и прошломъ. Они знали, что тамъ, гдѣ ни одинъ европейскій судья не нашелъ бы умѣстнымъ закрытіе дверей, у насъ добросовѣстный, но безхарактерный судья счелъ бы необходимымъ удалить публику. Наши нравы не только не противорѣчили бы такому поведенію судьи, но вполнѣ съ нимъ согласовались бы. Только благодаря этой мудрой предусмотрительности судебная гласность начинаетъ входить въ наши нравы, но вошла еще не вполнѣ. Вотъ почему мы думаемъ, что даже теперь, черезъ двадцать шесть лѣтъ послѣ изданія Судебныхъ Уставовъ, нежелательно предоставленіе суду права закрывать, по его усмотрѣнію, двери для публики.

Мы готовы согласиться, что подъ старую редакцію ст. 620 иногда могли не подойти нѣкоторыя дѣла, которыя желательно было бы не оглашать, но тѣмъ не менѣе эта редакція была предпочтительнѣе. Пусть лучше одно, два скандальныхъ дѣла огласятся въ силу 620 ст., чѣмъ десятки, сотни дѣлъ будутъ лишены свѣта гласности, въ силу усмотрѣнія, не всегда разумнаго и не рѣдко слѣдующаго сторонннимъ мотивамъ. Если, такимъ образомъ, даже и суду мы считаемъ опаснымъ довѣрить дискреціонное право устраненія одной изъ важнѣйшихъ гарантій правосудія—гласности, то нечего и говорить, что предоставленіе судебной администраціи права по своему усмотрѣнію, т.-е. по произволу, закрывать двери суда считаемъ сопряженнымъ съ еще большими опасностями.

Въ предыдущихъ строкахъ мы коснулись значенія гласности и вреда стѣсненія ея, но мы далеко не исчерпали предмета. Да и легко ли исчерпать его? Вѣдь можно написать цѣлые томы о пользѣ свѣта, чистаго воздуха, свѣжей воды—и все-таки предметъ не будетъ исчерпанъ. То же нужно сказать о гласности. Польза и необходимость ея такъ осязательны, очевидны, что дѣлается какъ-то неловко, когда приходится доказывать эти азбучныя истины. Но, памятуя слова Гёте, что истину нужно безпрестанно повторять, такъ какъ заблужденіе никогда не бездѣйствуетъ, не лишнее будетъ сказать еще нѣсколько словъ по поводу вопроса объ ограниченіи гласности.

Упускаютъ изъ виду, какъ велико воспитательное значеніе гласности. Оно проявляется двояко: во-первыхъ, въ видѣ вліянія формы и содержанія судоговоренія на непосредственную аудиторію и, чрезъ посредство печати, на отсутствующую публику, и, во-вторыхъ, въ видѣ воздѣйствія аудиторіи на судей и ничѣмъ незамѣнимаго контроля печати надъ судебными дѣйствіями.

Польза такого взаимодѣйствія, казалось бы, послѣ продолжительнаго существованія гласнаго суда должна бы стоять внѣ всякаго сомнѣнія. Стоитъ только сравнить два судебныхъ засѣданія, изъ коихъ въ одномъ присутствуетъ, а въ другомъ отсутствуетъ публика, чтобы убѣдиться наглядно въ оживляющемъ и возбуждающемъ дѣйствіи публичности. Возьмите, напр., засѣданіе, въ которомъ судятся бродяги или дѣла

„безъ участія“ присяжныхъ. Уныло, тоскливо, безучастно, почти машинально продѣлываетъ каждый изъ судебныхъ чиновъ свою опостылѣвшую обязанность. Единственный живой факторъ этой мертвящей процедуры, самъ подсудимый, дѣлаетъ иногда попытку внести свѣжую струю, но и у него замираетъ слово на устахъ при видѣ окружающей безжизненной обстановки. Посмотрите теперь на тотъ же залъ, когда разсматривается какое-нибудь дѣло при биткомъ набитой публикѣ, съ массою репортеровъ. Тѣ же лица, но другія на нихъ лица. Всѣ высмотрятъ почти по-праздничному—бодрѣе, свѣжѣе. Предсѣдательствующій старается подтянуться, сдержать себя и другихъ. Онъ знаетъ, что его слушаетъ многочисленная аудиторія, а за стѣнами суда еще болѣе многочисленная аудиторія—вся грамотная публика.

Но все хорошо въ мѣру. Нельзя не замѣтить, что эта желательная мѣра была нарушена, но виновата въ этомъ не публика, или, по крайней мѣрѣ, не одна публика. Ея вину по всей справедливости должны раздѣлить судъ и судебная администрація. Если въ послѣдне время и въ столицахъ, и въ провинціальныхъ городахъ напряженіе вниманія публики къ судебнымъ дѣламъ доходило до nec plus ultra, то развѣ не судьи отчасти въ томъ виноваты? Въ провинціальныхъ судахъ происходило иногда нѣчто въ родѣ „зазыванія“ публики. За нѣсколько дней, а иногда и недѣль до судебнаго засѣданія предсѣдатель суда помѣщалъ въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ—ни дать, ни взять, какъ пріѣзжій содержатель цирка,—предварительный анонсъ, смыслъ котораго былъ тотъ, что почтеннѣйшая публика приглашается заблаговременно запастись билетомъ на предстоящій сенсаціонный процессъ.

Для всѣхъ внимательно слѣдившихъ за нашими процессами памятно, что лѣтъ 15 тому назадъ у насъ возникла какая-то манія на грандіозныя causes célèbres съ массою подсудимыхъ, съ грандіозною обстановкою. Можно было подумать, что министерство графа Палена, замѣтивъ ослабленіе вниманія публики къ судебнымъ засѣданіямъ, старалось искусственно возбудить потухавшій интересъ публики. Какъ разъ къ этой эпохѣ относится небывалое дѣло о крахѣ Московскаго Коммерческаго ссуднаго банка, для котораго потребовалось спеціальное приспособленіе ad hoc монументальной Екатеринин-

ской залы въ три свѣта, съ толпою потерпѣвшихъ и проч. Вмѣсто того, чтобы исходатйствовать какую-нибудь спеціальную мѣру въ видахъ уменьшенія размѣровъ этого процесса-монстра, хотя бы въ видѣ отмѣны для потерпѣвшаго обязательной явки въ судъ,—какъ будто плѣнялись самими грандіозными, небывалыми размѣрами процесса, долженствовавшаго увѣковѣчить навсегда имена лицъ, прямо или косвенно въ немъ участвовавшихъ. Къ той же категоріи принадлежитъ и извѣстное дѣло Клуба Червонныхъ Валетовъ, въ которомъ толпа мелкихъ, заурядныхъ, случайно сошедшихся мошенниковъ фигурировала въ качествѣ членовъ хитро организованной шайки съ обширными развѣтвленіями.

Благодаря этой тенденціи, публика привыкла смотрѣть на судебныя засѣданія, какъ на театральныя здѣлища. Привилегированныя расфранченныя судебныя дамы, взявшія билеты на первое мѣсто, являлись только на-время, когда ожидались effets d'audience, во время преній. Въ остальное время скамейки пустовали, несмотря на то, что безбилетная непривилегированная и нерѣдко болѣе заинтересованная и способная къ сознательному отношенію къ слушавшемуся процессу публика напрасно стучалась въ двери (помощники присяжныхъ повѣренныхъ, кандидаты на судебныя должности).

Никто не сомнѣвался, что это извращеніе гласности желательно было устранить. Оно представляло если не опасность, то неудобство для правосудія, внося въ отправленіе его неумѣстный, почти тривіальный элементъ.

Совсѣмъ иначе взглянулъ на дѣло вышеупомянутый законопроектъ, предоставлявшій министру юстиціи право закрывать двери засѣданія, если онъ найдетъ, что гласное разбирательство можетъ повлечь „возбужденіе умовъ и помѣшать постановкѣ безпристрастнаго приговора“. Изъ мотивовъ къ этому пункту узнаемъ, что имѣлось въ виду оградить судъ и участвующихъ въ дѣлѣ лицъ отъ критики присутствующей публики, которая „если не во время разбирательства, то во время п е р е р ы в о в ъ онаго“ порицаетъ или одобряетъ показанія свидѣтелей, экспертовъ и пр. и этимъ оказываетъ „такое н е п о с р е д с т в е н н о е (?) и въ то же время вредное вліяніе на ходъ разбирательства и представляетъ столь существенное стѣсненіе свободной дѣятельности лицъ, участ-

вующихъ въ процессѣ, что правильность судебнаго слѣдствія не будетъ обезпечена, а затѣмъ и самое безпристрастіе приговора будетъ сомнительнымъ".

Изъ этихъ мотивовъ мы видимъ, что они имѣли въ виду тѣ крайне рѣдкіе случаи, когда публика держала себя неблагопристойно. Но замѣтимъ прежде всего, что на эти случаи предсѣдатель суда вооруженъ достаточно обширными полномочіями для возстановленія порядка и огражденія свободы и безопасности суда, для чего онъ можетъ требовать содѣйствія даже военной команды (ст. 154, 155, 156, 159 учр. суд. уст.). Но проектъ шелъ дальше, онъ хотѣлъ предупредить возможность самыхъ безпорядковъ. Но какія же существуютъ средства или инструменты для предугадыванія заранѣе поведенія или настроенія публики? Если брать критеріемъ большій или меньшій интересъ, съ которымъ относится публика къ данному дѣлу, то пришлось бы закрыть двери по самымъ важнымъ дѣламъ. Такими бываютъ дѣла, въ которыхъ замѣшаны крупные денежные и личные интересы, а также сложныя или загадочныя дѣла. Но развѣ по такимъ именно дѣламъ, въ интересахъ правосудія, не особенно желательна самая широкая гласность? И можно ли изъ опасенія толковъ публики „во время перерывовъ" отказываться отъ важнѣйшей гарантіи правосудія?

И откуда этотъ страхъ передъ терроризаціею или интимидаціею публикою участвующихъ въ дѣлѣ лицъ? Гдѣ данныя, свидѣтельствующія о томъ, что не только приговоръ суда, но даже и образъ дѣйствій прокурора или защитника былъ измѣненъ подъ „непосредственнымъ" давленіемъ публики? Мы очень хорошо знаемъ, что требовалось иногда не мало мужества не только для защитника, но и для обвинителя, чтобы возбудить обвиненіе или участвовать въ нѣкоторыхъ дѣлахъ. Укажемъ хотя бы на дѣла бывшаго губернатора Болдырева, князя Оболенскаго (Кронштадтскаго банка), генерала Гартунга, игуменьи Митрофаніи, а также и дѣла о люторичскихъ крестьянахъ, о рабочихъ Морозовской фабрики и пр. Но всякому хорошо извѣстно, что запугиваніе участвующихъ въ дѣлѣ лицъ и самаго суда, могущее оказать давленіе на ходъ и исходъ дѣлъ, шло не изъ публики и не „во время перерывовъ", а отъ вліяній болѣе властныхъ, хотя

и не столь „непосредственныхъ“, какъ болтовня во время перерывовъ.

Въ мотивахъ указывается еще на случаи, когда подсудимые приводятъ „свою“ публику, которая посредствомъ выстрѣловъ и т. п. эффектовъ вліяетъ на присяжныхъ и судей. Одинъ или нѣсколько такихъ случаевъ дѣйствительно было за все время существованія гласнаго суда. Но, во-первыхъ, такіе маневры могутъ скорѣе повредить самому подсудимому (укажемъ на дѣло Дубецкаго) и, во-вторыхъ, изъ такихъ рѣдкостныхъ случаевъ нельзя же колебать одинъ изъ важнѣйшихъ устоевъ новаго суда. Ничего не можетъ быть опаснѣе, какъ на основаніи единичныхъ исключеній издавать общія мѣропріятія. Не странно ли было бы, если бы, напр., послѣ единственнаго въ лѣтописяхъ новаго суда выстрѣла, коимъ генералъ Гартунгъ покончилъ съ собою въ зданіи суда, вводили туда подсудимыхъ не иначе, какъ съ связанными руками?..

Впослѣдствіи проектъ объ организаціи гласности вступилъ въ новый фазисъ. Извѣстія газетныя не отличались желательною точностью, но общій смыслъ сводился къ тому, что предложено было министру юстиціи исправить пунктъ, касающійся права его закрывать засѣданіе. Если, гласилъ этотъ пунктъ, министръ юстиціи изъ „представленія предсѣдателя судебнаго мѣста, донесенія прокурорскаго надзора или иныхъ дошедшихъ до него свѣдѣній“ усмотритъ необходимость закрытія дверей, то дѣлаетъ о томъ распоряженіе.

Этотъ пунктъ дѣйствительно требовалъ исправленія и очень существеннаго. Это коротенькое постановленіе, казавшееся инымъ „ничтожнымъ“ нововведеніемъ, производило настоящую ломку въ учрежденіяхъ, созданныхъ уставами 20-го ноября.

Начать съ того, что судъ совершенно устранялся отъ участія въ разсмотрѣніи такого важнаго вопроса, какъ отмѣна для даннаго дѣла судебной гласности. Судъ какъ бы признавался недостаточно компетентнымъ для разрѣшенія подобнаго щекотливаго вопроса. Такимъ образомъ устанавливалась какая-то супрематія предсѣдательской власти, которой ввѣрялась функція, оказавшаяся не подъ силу судебной коллегіи. Предсѣдатель изъ судьи primus inter pares превращался во властнаго

администратора, довѣреннаго представителя и непосредственный органъ центральной судебной администраціи, отъ котораго она получаетъ путемъ „представленій“ всѣ нужныя свѣдѣнія и заключенія и чрезъ который ею сообщаются суду, безъ выслушанія даже его мнѣнія, предписанія о закрытіи дверей. До сихъ поръ предсѣдатель былъ исполнителемъ постановленій судебной коллегіи, теперь коллегія должна сдѣлаться исполнительницей сообщеній, получаемыхъ отъ предсѣдателя и основанныхъ на его личныхъ представленіяхъ. Казалось бы, въ видахъ большей зрѣлости и безпристрастія этихъ представленій, недурно бы передавать ихъ на предварительное обсужденіе судебной коллегіи. Однако участіе суда признано было почему-то неудобнымъ и нежелательнымъ.

Далѣе, проектъ какъ бы затѣмъ и возвышалъ власть предсѣдателя надъ судомъ, чтобы въ то же время унизить ее предъ лицомъ центральной судебной администраціи. Представленія предсѣдателя судебнаго мѣста поставлены были на одну линію съ донесеніями прокуроровъ и даже „иными свѣдѣніями“, объ источникѣ которыхъ совершенно умалчивалъ законопроектъ, оставляя поле для всевозможныхъ догадокъ, изъ которыхъ не могли быть исключены даже сплетни и сужденія великосвѣтскихъ кумушекъ.

Затѣмъ нельзя не обратить вниманія на самое слово „представленіе“. Напрасно мы стали бы искать въ Судебныхъ Уставахъ возможность появленія въ данномъ случаѣ этого термина. Тамъ даже нѣтъ намека на то, чтобы предсѣдатель суда могъ дѣлать „представленія“ министру юстиціи. Оно и понятно. „Представленіе“, по терминологіи учрежд. судеб. установ.,—есть порядокъ сношенія низшаго мѣста съ высшимъ, подчиненнаго съ начальникомъ. Согласно ст. 194, 197 учр. суд. уст., представленія получаютъ окружные суды отъ подчиненныхъ имъ судебныхъ слѣдователей, прокуроры отъ подчиненныхъ имъ товарищей. Вотъ каковъ легальный смыслъ слова „представленіе“. Положимъ, это не больше, какъ вопросъ этикета. Но мы совершенно согласны съ „Московскими Вѣдомостями“, что въ подобныхъ случаяхъ имѣетъ важность и то, что обыкновенно считается не больше, какъ этикетомъ. „Что ознаменовалъ бы подобный этикетъ, спрашивала почтенная газета въ одной изъ своихъ статей 1886 г. Не то ли,

что административная власть первенствуетъ предъ судебною въ ея собственномъ вѣдомствѣ?“

Все это говорилось по поводу толковъ о предоставленіи министру права приглашать предсѣдателя судебнаго мѣста для объясненій съ нимъ по какимъ-либо подлежащимъ судебному рѣшенію дѣламъ. Въ проектѣ шла рѣчь уже не объ объясненіяхъ министра съ предсѣдателемъ, а о обязательныхъ уже для суда постановленіяхъ министра.—„Что значили бы новыя судебныя учрежденія, самостоятельность и достоинство судебной власти, говорилъ тотъ же органъ печати, если бы судья при исполненіи обязанностей своихъ былъ поставленъ въ необходимость являться за наставленіями и указаніями къ министру, какъ подчиненный ему чиновникъ?“ А какъ разъ такой порядокъ вещей и предлагалъ означенный проектъ.

Нелогичность и непослѣдовательность означеннаго предположенія были очевидны. Судъ отдѣленъ отъ администраціи, судъ безъ вмѣшательства ея рѣшаетъ окончательно всѣ уголовныя и гражданскія дѣла, и въ видахъ правосуднаго ихъ разрѣшенія предоставлены ему независимость и самостоятельность, а въ то же время считалось невозможнымъ довѣрить тому же суду разрѣшеніе частичнаго вопроса о закрытіи или открытіи дверей судебнаго засѣданія.

Казалось бы, кому довѣряется большее. тому можно довѣрить и меньшее. И наоборотъ, кому неудобно предоставить меньшее право, — тому нельзя предоставить и большее. А между тѣмъ, противъ этого правила логики грѣшилъ законопроектъ. Законъ 7-го мая 1885 г. призналъ невозможнымъ предоставить власти министра разрѣшеніе даже такого второстепеннаго вопроса, какъ переносъ разсмотрѣнія дѣла изъ одного округа въ другой, а предоставилъ это право судебному органу—соединенному присутствію 1-го и кассаціоннаго департаментовъ. Вопросъ же объ ограниченіи гласности гораздо серьезнѣе и сложнѣе, и для его правильнаго разрѣшенія особенно желательно участіе независимаго и просвѣщеннаго коллегіальнаго судебнаго учрежденія, а между тѣмъ разрѣшеніе этого вопроса всецѣло предполагалось предоставить, въ ущербъ достоинства судебной власти, администраціи.

Мы тутъ вовсе не желаемъ поднимать схоластическаго

вопроса о значеніи, преимуществахъ и соотношеніи судебной и административной власти, а хотимъ отмѣтить тенденцію проекта, имѣвшаго немаловажное практическое значеніе. Цѣлью изданія Судебныхъ Уставовъ было возвышеніе судебной власти. Эта цѣль проводилась не украдкою. Она признавалась прямо и высказывалась открыто. Въ памятномъ указѣ Александра II, отъ 20-го ноября 1864 г., между прочимъ, сказано: „Мы находимъ, что они (Уставы) вполнѣ соотвѣтствуютъ желанію Нашему... возвысить судебную власть,—дать ей надлежащую самостоятельность“...

Прогрессивная часть общества и печати, привѣтствуя въ судебной реформѣ возвышеніе судебной власти, далека была отъ мысли торжествовать побѣду одной части бюрократіи надъ другою. Возвышеніе судебной власти значило возвышеніе законности, упраздненіе произвола, установленіе гражданственности. „Судебная власть“, какъ вѣрно замѣчали „Московскія Вѣдомости“, не есть собственно власть, даруемая какимъ-либо лицамъ или сословію, это—льгота, предоставленная цѣлому народу, это—право, предоставленное русскому гражданину. Учрежденіемъ независимой и самостоятельной судебной власти возвышается цѣлое общество. Гдѣ есть благоустроенный судъ, тамъ есть и права, гдѣ права, тамъ есть огражденіе личности, тамъ есть законная свобода. Съ упроченіемъ новаго (судебнаго) устройства и съ распространеніемъ его во всѣхъ частяхъ Россіи становится возможнымъ жить въ ней, какъ въ странѣ цивилизованной“ (1866, № 198).

Вотъ что означало возвышеніе или, лучше сказать, созданіе судебной власти, вотъ какіе интересы выигрывали вслѣдствіе ея возвышенія. A contrario не трудно вывести, кто долженъ выиграть, вслѣдствіе ея униженія или умаленія.

V.

Въ окончательномъ своемъ видѣ новелла 12-го февраля избѣгла нѣкоторыхъ, но далеко не всѣхъ, вышеуказанныхъ недостатковъ, имѣвшихся въ первоначальномъ проектѣ. Такъ что и въ своемъ новомъ видѣ она вноситъ существенныя измѣненія въ положенія судебной гласности, которая не только

въ принципіальномъ, но и въ практическомъ отношеніи, имѣла гораздо лучшую постановку въ Судебныхъ Уставахъ. Выше было указано, какой панический страхъ наводило еще наканунѣ *судебной реформы слово „гласность“ не только на правящія* сферы, но даже на представителей университетской науки. Стоило только оставить хоть небольшую лазейку для возможности ограниченія, по чьему-либо усмотрѣнію, гласности, чтобы заранѣе погубить ее. Она осталась бы развѣ только для дѣлъ о кражахъ со взломомъ или о нарушеніяхъ паспортныхъ правилъ, и то только до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь не усмотрѣлъ вреда для достоинства государственной власти, могущаго произойти отъ частыхъ оправданій по такого рода дѣламъ.

Во избѣжаніе такой фактической отмѣны гласности, редакторы Судебныхъ Уставовъ какъ было замѣчено, и въ этомъ отношеніи о т с т у п и л и отъ системы иностранныхъ законодательствъ. Эти послѣднія не исчисляютъ подробно случаевъ, когда двери судебнаго засѣданія могутъ быть закрыты, и предоставляютъ суду закрывать по его усмотрѣнію двери засѣданія въ тѣхъ случаяхъ, когда публичное слушаніе дѣла не согласовалось бы съ требованіями нравственности или грозило бы нарушеніемъ общественнаго порядка. Нашъ Уставъ угол. суд. счелъ болѣе удобнымъ, вмѣсто установленія такого обширнаго права отмѣны гласности, точно исчислить преступленія, при разсмотрѣніи которыхъ судъ можетъ закрыть двери. Преступленія эти слѣдующія: 1) богохуленіе, оскорбленіе святыни и порицаніе вѣры; 2) преступленія противъ правъ семейныхъ; 3) преступленія противъ чести и цѣломудрія женщинъ; 4) развратное поведеніе, противоестественные пороки и сводничество (ст. 620 Уст. уголовн. суд.). Законодатель настолько былъ увѣренъ въ благодѣтельномъ дѣйствіи гласности, что и относительно исчисленныхъ случаевъ онъ, какъ бы боясь быть невѣрно понятымъ исполнителемъ, считалъ нужнымъ въ ст. 621 Уст. уг. суд. напомнить судьямъ, что „закрытіе для публики дверей судебнаго засѣданія, какъ м ѣ р а ч р е з в ы ч а й н а я, должно быть допускаемо только при я в н о й въ томъ н е о б х о д и м о с т и, съ точнымъ указаніемъ: какія именно дѣйствія должны происходить при закрытыхъ дверяхъ и по какимъ причинамъ“.

По теперешней же редакціи ст. 620 и 621 Уст. уг. суд. не только судъ, но и министръ юстиціи получаетъ право закрывать двери по такимъ неопредѣленнымъ соображеніямъ, какъ опасеніе оскорбить религіозное чувство, требованія нравственности, достоинства государственной власти и т. п.

Выше мы привели, почему Судебные Уставы 1864 года сочли неудобнымъ предоставить широкое и неопредѣленное право по закрытію дверей. Правда, со времени введенія у насъ гласнаго суда прошло уже 25 лѣтъ, но сомнительно, чтобы гласность у насъ пустила такіе глубокіе корни, чтобы теперь можно было безъ риска предоставить суду, по собственному усмотрѣнію, признавать то или другое дѣло подлежащимъ негласному разсмотрѣнію. Судьи тоже люди, и потому могутъ быть случаи, что они охотно предпочтутъ по возможности суживать, а не расширять предѣлы гласности. Куда какъ удобнѣе въ домашней, почти халатной обстановкѣ дружескаго неглиже слушать полегоньку „съ прохладцею“, не торопясь дѣла, заранѣе уже разсмотрѣнныя, если не предрѣшенныя, чѣмъ на глазахъ массы постороннихъ зрителей участвовать въ торжественномъ засѣданіи съ его мучительными, напряженными дебатами, стычками, словомъ со всею той обстановкою публичнаго судоговоренія, которую бывшій министръ юстиціи Д. Н. Набоковъ сравнивалъ съ работою подъ стекляннымъ колпакомъ. Что въ нашихъ судахъ безъ особеннаго сожалѣнія удаляютъ публику, тому лучшимъ доказательствомъ служитъ фактическая отмѣна ст. 900 Уст. уг. суд. Несмотря на категорическое предписаніе этой статьи разсматривать частныя жалобы въ публичныхъ засѣданіяхъ, наши судебныя палаты какъ-то ухитрились совершенно игнорировать законъ, и всегда слушаютъ жалобы въ закрытыхъ засѣданіяхъ.

Да и какое трудное положеніе, какое сильное искушеніе создаетъ новый законъ для судей! Какъ легко человѣку поддаться желанію въ болѣе удобной обстановкѣ разсматривать дѣла, если этимъ дается удовлетвореніе требованіямъ нравственности или религіозному чувству. Не обязанъ ли всякій порядочный судья, при возникновеніи сомнѣнія,—не шокируетъ ли данное обстоятельство нравственность,—разрѣшать его въ смыслѣ благопріятномъ для нравственности? Кто же

осмѣлится осудить такого судью, повиннаго развѣ только въ нравственномъ и религіозномъ ригоризмѣ? А какъ легко человѣку грѣшить, когда самое прегрѣщеніе, доставляя извѣстныя удобства, вмѣняется въ заслугу!.. Возьмемъ хоть дѣло игуменьи Митрофаніи. Едва ли заслужили бы порицаніе судьи, если бы они отнесли это дѣло къ числу подлежащихъ негласному разсмотрѣнію. Что бы вышло? Вмѣсто душной залы, многочисленной публики, жадно слѣдившей въ залѣ суда и внѣ его за ходомъ процесса, дѣло слушалось бы въ семейной, келейной обстановкѣ. Можетъ-быть, кое-кто отъ этого и выигралъ бы, но едва ли выиграли бы интересы правосудія.

Особенно щекотливо положеніе суда при разсмотрѣніи преступленій по должности, на преслѣдованіе которыхъ у насъ мѣняются взгляды, смотря по тому, какъ понимаютъ *достоинство или „престижъ“ власти. Иначе смотрѣли на этотъ* вопросъ въ 60-хъ годахъ, иначе смотрятъ теперь.

„Безпристрастное и строгое преслѣдованіе служебныхъ преступленій и проступковъ, — разсуждалъ Государственный Совѣтъ въ 1862 году,—имѣетъ весьма важное значеніе. Когда тѣ самые органы государственной власти, которые установлены для охраненія силы закона и общественнаго порядка подаютъ примѣръ беззаконія и непорядка, тогда возникаетъ неуваженіе къ властямъ и нравственная распущенность, при которыхъ государство колеблется въ самыхъ его основаніяхъ“. (Сообр. гос. канц. 1862 г., стр. 24). Кажется, невозможно было не согласиться съ этою аксіомою хорошаго управленія. Однако традиціи времени, предшествовавшаго судебной реформѣ, были еще такъ сильны, что при первомъ же удобномъ случаѣ (а таковой представился почти наканунѣ осуществленія судебной реформы), сдѣлана была попытка парализовать дѣйствія судебной власти относительно преступленій по должности. Съ самаго открытія новаго суда въ извѣстныхъ кругахъ проводилась мысль, что предоставленіе суду разсмотрѣнія преступленій по должности несогласно съ достоинствомъ государственной власти. Вотъ почему, въ періодъ времени съ 1866 до начала 80-хъ годовъ, были крайне рѣдки случаи преданія суду за преступленія по должности. Можно было подумать, что вездѣ господствуетъ должный порядокъ и примѣрное исполненіе законовъ. Этой радужной иллюзіи однако не долго суждено было продержаться.

Благодаря частью разоблаченіямъ печати, частью сенаторскимъ ревизіямъ, стали всплывать съ разныхъ сторонъ многочисленныя хищенія и злоупотребленія властью. Всѣ части нашего обширнаго отечества имѣли тутъ своихъ представителей. Востокъ фигурировалъ въ видѣ расхищенія цѣлыхъ губерній, западъ—въ видѣ экзекуціи надъ неповинными крестьянами (дѣло тайнаго совѣтника Токарева и др.), югъ—въ видѣ милліонныхъ хищеній въ таганрогской таможнѣ и, наконецъ, сѣверъ—въ видѣ инженерныхъ, интендантскихъ хищеній и пр., и пр. Съ признаніемъ въ извѣстномъ манифестѣ 29-го апрѣля 1881 г., какъ одной изъ задачъ правительственной программы, „истребленія неправды и хищенія“—не могли уже укрыться отъ судебнаго преслѣдованія дѣла о торговлѣ должностями въ военно-медицинскомъ, въ военно-морскомъ вѣдомствахъ и проч.

Враги новаго суда были смущены, но не поражены. Оправившись отъ смущенія, они затянули старую пѣсню, но только съ нѣкоторыми варіаціями. Защищать необходимость прикрытія въ интересахъ государственной власти злоупотребленія ея агентовъ было слишкомъ рисковано. Тогда стали увѣрять, что „престижъ“ власти требуетъ, чтобы публика ничего не знала о злоупотребленіяхъ ея агентовъ. Такой странный взглядъ, устанавливавшій своего рода солидарность между всѣми агентами власти, былъ высказанъ однимъ изъ петербургскихъ органовъ печати по поводу разоблаченія злоупотребленій бывшаго кронштадтскаго полицеймейстера Головачева. Противъ такого взгляда возражалъ публицистъ, котораго трудно было заподозрить въ либеральныхъ и тѣмъ болѣе субверсивныхъ тенденціяхъ. „Процессъ Головачева,—писалъ 16-го ноября 1885 г. И. С. Аксаковъ въ статьѣ по поводу назначенія новаго министра юстиціи,—служилъ не къ пораженію достоинства власти, а, наоборотъ, это было истинное торжество царской судебной власти, к а р а ю щ е й г л а с н о неправду недостойныхъ своего званія чиновниковъ, хотя бы и административныхъ. Странно было бы,—говорилъ въ заключеніе покойный Аксаковъ,—останавливаться на подобныхъ ребяческихъ требованіяхъ, если бы они раздавались только въ печати, а не предъявлялись даже въ такъ называемыхъ высшихъ сферахъ“...

Такимъ образомъ, при составленіи Судебныхъ Уставовъ отправлялись отъ того воззрѣнія, что чѣмъ энергичнѣе государство преслѣдуетъ своихъ нерадивыхъ и преступныхъ чиновниковъ, безъ разбора ихъ ранга, тѣмъ болѣе выигрываетъ престижъ, достоинство власти; теперь же какъ будто получаетъ преобладаніе мнѣніе, что огласка провинностей чиновниковъ какъ бы колеблетъ вѣру ихъ въ непогрѣшимость.

При этомъ забываютъ, что ссли бы даже существовала въ народѣ вѣра въ такую непогрѣшимость власти на всѣхъ ея ступеняхъ, то гласное обличеніе злоупотребленій даже высшихъ агентовъ власти громко свидѣтельствуетъ предъ народомъ, что правительство преслѣдуетъ нарушеніе закона, гдѣ бы оно ни проявлялось. Эта аксіома уголовнаго процесса была такъ хорошо сознана составителями Уст. Угол. Судопр., что даже когда они обсуждали порядокъ судопроизводства верховнаго уголовнаго суда, которому подсудны члены государственнаго совѣта, министры и главноуправляющіе отдѣльными частями, то установили въ ст. 1112 Уст. Уг. Суд. правило, что даже эти высокопоставленныя лица, стоящія на самыхъ высшихъ ступеняхъ власти, должны быть судимы при открытыхъ дверяхъ. Къ счастью, суду этому не приходилось до сихъ поръ функціонировать; но если бы ему и пришлось засѣдать, то уже конечно не публичное разбирательство уронило бы достоинство власти, а негласное,—и по очень понятной причинѣ. „Уклоненіе отъ гласности,—какъ справедливо призналъ государственный совѣтъ при обсужденіи этой статьи,—неминуемо возбуждаетъ недовѣріе къ негласному суду и множество зловредныхъ толковъ" (журн. 1864 г., № 47, стр. 116). А если негласное разбирательство могло поколебать довѣріе даже къ верховному уголовному суду, то, конечно, еще большее недовѣріе должно возбуждать келейное разбирательство низшихъ судовъ.

Бентамъ такъ опредѣлилъ значеніе гласности суда: „Для гражданъ,—говорилъ онъ,—не столько важно имѣть судъ, изрекающій безусловную истину, сколько быть убѣжденными въ томъ, что ихъ судъ правъ и хорошъ. А это общественное убѣжденіе въ достоинствѣ суда возможно подъ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы каждый шагъ судебной дѣя-

тельности былъ извѣстенъ обществу". Да зачѣмъ обращаться къ англичанамъ, когда наша собственная исторія послѣднихъ лѣтъ можетъ служить краснорѣчивѣйшимъ доказательствомъ въ пользу гласности. Правъ былъ Аксаковъ, обвиняя общество въ запамятованіи. Давно ли это было, когда русскій народъ говорилъ: гдѣ судъ, тамъ и неправда; съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не тяжись и т. п. Давно ли это было, что въ заговорахъ отъ всякой напасти изобрѣтались колдовскія слова, оберегавшіе даже и праваго отъ столкновенія съ судомъ? Всего 25 лѣтъ тому назадъ! Кому мы обязаны тѣмъ, что уничтожилось это вѣковое недовѣріе, созданное тайнымъ продажнымъ судомъ? Новому г л а с н о м у суду. Нужны были гласные процессы Кудриныхъ, Мясниковыхъ, Овсянникова, Струсберга, Гартунга, Рыкова и другихъ знатныхъ и богатыхъ героевъ преступленія, чтобы народъ убѣдился, что новый судъ не пустое слово.

Не легко совершался этотъ знаменательный переворотъ въ умѣ народа, не легко образовывалось довѣріе народа къ суду, но не трудно его поколебать и разрушить. Пусть два-три такихъ дѣла, какъ процессы чиновниковъ и купцовъ, расхищавшихъ таганрогскую таможню, будутъ слушаться, въ интересахъ „охраненія достоинства государственной власти", при закрытыхъ дверяхъ,—и только что образовавшееся довѣріе народа къ суду пошатнется очень скоро. Милліонеръ Вальяно, оправданный послѣ гласнаго разбирательства, не представляетъ ничего опаснаго для достоинства суда. Но не трудно догадаться, „какое множество зловредныхъ толковъ" появилось бы, если бы это дѣло слушалось при закрытыхъ дверяхъ. Конечно, составители проекта новеллы 12-го февраля первые пожалѣли бы о возможности появленія этихъ толковъ, „неразлучныхъ,—по справедливому замѣчанію государственнаго совѣта,—съ негласнымъ судомъ".

ГЛАВА X.

Новелла 7-го іюля 1889 г. о сокращеніи юрисдикціи суда присяжныхъ.

Въ той формѣ народнаго участія, которое извѣстно подъ именемъ суда присяжныхъ, судебныя достоинства его получаютъ самое высшее развитіе, до котораго до сихъ поръ достигло человѣчество, такъ что для нашихъ дней судъ присяжныхъ представляется наиболѣе близкимъ къ идеалу.

И. Фойницкій.

I.

„Возсоединеніе" въ 1884 г. Судебныхъ Уставовъ въ одну книгу, какъ уже было замѣчено выше, произошло при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Усматривая въ этой формальной „реставраціи" какъ бы неодобреніе или косвенный отвѣтъ на крикливые призывы объ отмѣнѣ всѣхъ основъ новаго суда, враги его съ удвоенною силою пошли въ атаку противъ него. Среди полнаго „смѣшенія языковъ", въ которомъ едва слышный протестъ защитниковъ судебной реформы заглушался хоромъ враговъ ея, замѣтное впечатлѣніе произвелъ честный и мужественный голосъ публициста, хотя не принадлежавшаго къ рѣшительнымъ сторонникамъ новаго суда, но неспособнаго по партійнымъ соображеніямъ называть бѣлое чернымъ и топтать въ грязь, ради требованій оппортюнизма, всѣ вѣковыя истины. Извѣстная статья въ „Р у с и" И. С. Аксакова, начинавшаяся словами: „коротка память у русскаго общества", живо воспроизводила картины стараго административнаго суда, „при одномъ воспоминаніи о которомъ,—писалъ онъ,—морозъ деретъ по кожѣ и волосъ встаетъ дыбомъ". Указавъ затѣмъ на ту эксплоатацію отдѣльными промахами, которую дозволяли себѣ противники новаго суда вообще и суда присяжныхъ въ частности, Акса-

ковъ съ негодованіемъ отмѣчалъ, что они намѣренно умалчиваютъ „о десяткахъ тысячъ рѣшеній правыхъ". „И изъ всѣхъ этихъ десятковъ тысячъ приговоровъ,—писалъ онъ,—ни одинъ не запятнанъ корыстью. Сладкая, благодатная увѣренность. Россія ли отплатитъ за это неблагодарностью?..

Правдивое, искреннее слово это произвело сильное впечатлѣніе, но не на долго. И вотъ реакціонная печать снова стала нападать на основы новаго суда, не останавливаясь даже предъ тѣмъ, чтобы помѣщать филиппики противъ „политической благонадежности" судей, составленныя адвокатами, проигравшими дѣло. Напомнимъ, напримѣръ, статьи „Московскихъ Вѣдомостей", печатавшихъ явно пристрастныя выходки огорченнаго присяжнаго повѣреннаго, который, проигравъ дѣло во второй инстанціи, сдѣлалъ доносъ на постановившихъ рѣшеніе членовъ кіевской судебной палаты, обвиняя ихъ въ измѣнѣ вѣрноподданнической присягѣ.

Казалось бы, такія явныя и злостныя діатрибы должны бы оставаться безъ результатовъ, но по пословицѣ: капля долбитъ камень, онѣ начали производить впечатлѣніе. Какъ извѣстно, съ 1884 года не проходило года, чтобы та или другая часть Суд. Уст. не подвергалась болѣе или менѣе значительной передѣлкѣ. Въ числѣ этихъ „новеллъ" лишь немногія имѣли въ виду, не касаясь основъ судебной реформы, ввести улучшеніе по указаніямъ практики (таковы: отмѣна заявленія неудовольствія по дѣламъ, подсуднымъ мировому суду, установленіе заочнаго разбирательства въ окружныхъ судахъ по уголовнымъ дѣламъ, измѣненіе порядка постановки вопросовъ присяжнымъ засѣдателямъ и пр.). Большинство же измѣненій, внесенныхъ въ послѣднее время въ Уставы, болѣе или менѣе серьезно касались основъ новаго суда: независимости суда, несмѣняемости судей, отдѣленія судебной власти отъ административной, равенства обвиненія и защиты предъ судомъ, и, наконецъ, гласности.

Нѣкоторые оптимисты думали, что этими „частичными измѣненіями" реакціонная печать будетъ вполнѣ удовлетворена. Но въ основательности такихъ надеждъ не трудно разочароваться, прочитавъ даже одну статью „Моск. Вѣд." отъ 19-го іюня 1889 г. Изъ нея легко видѣть, какъ далеко

простираются ихъ программы уничтоженія и какъ настойчиво требуютъ онѣ полнаго „упраздненія суда присяжныхъ во имя истинной общественной совѣсти“.

Мы не беремся судить, какъ близко время осуществленія *idée fixe* этой представительницы реакціонной печати—отмѣнить ненавистный ей судъ присяжныхъ, въ которомъ она сама видѣла однако „живую общественную силу и лучшую гарантію гражданской свободы“, но не можемъ не указать на новеллу 7 іюля 1889 г. какъ на неблагопріятную для суда присяжныхъ. Новелла эта внесла значительное измѣненіе въ дѣйствующее законодательство о судѣ присяжныхъ. Хотя законъ этотъ и не осуществилъ давнишней мечты его враговъ о полномъ упраздненіи этой формы суда, тѣмъ не менѣе онъ нанесъ ударъ этому институту и въ этомъ смыслѣ имѣетъ большое значеніе. Новый законъ устанавливаетъ широкое ограниченіе въ юрисдикціи суда присяжныхъ. Помимо спеціальнаго изъятія отъ вѣдѣнія его преступленій, предусмотрѣнныхъ въ 37-ми статьяхъ Улож. о нак, отошли отъ суда общественной совѣсти въ видѣ общаго правила: 1) преступленія, за кои назначено ограниченіе правъ состоянія и кои, по первоначальной редакціи 201 ст. Уст. уг. суд., подвѣдомы были присяжнымъ; 2) дѣла объ убійствѣ и насильственныхъ дѣйствіяхъ противъ должностныхъ лицъ, совершонныхъ при исполненіи ими служебныхъ обязанностей, каковыя дѣла доселѣ только временно были изъяты отъ присяжныхъ, и 3) всѣ безъ исключенія дѣла о преступленіяхъ по должности, изъ коихъ доселѣ всѣ важнѣйшія, а именно сопряженныя съ лишеніемъ правъ состоянія на всѣхъ ступеняхъ службы, были подсудны суду присяжныхъ [1]).

Одно это перечисленіе дѣлъ, изъемлемыхъ изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ, который государственный совѣтъ такъ вѣрно называлъ въ 1862 г. „самымъ естественнымъ и справедливымъ судомъ“, показываетъ, какъ велико значеніе новаго закона. Но но еще усиливается тѣмъ, что новое узаконеніе не есть временное административное мѣропріятіе, появляющееся въ силу случайныхъ обстоятельствъ и должен-

---

[1]) Еще въ 1889 г. угол. кассац. департ. сената судилъ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, при закрытыхъ дверяхъ, за преступленіе по должности одно высшее лицо вѣдомства путей сообщенія.

ствующее существовать до ихъ минованія, а мѣра законодательная, постоянная. Извѣстно, что изъятія, допущенныя закономъ 5-го апрѣля 1879 г., изъ общаго порядка подсудности, носили „временный“ характеръ, и даже изданное въ сентябрѣ 1881 г. Общее Положеніе объ охранѣ допускало изъятія (см. примѣч. 2-е къ ст. 1031 Уст. угол. суд.) изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ дѣлъ объ убійствахъ и насиліяхъ противъ должностныхъ лицъ лишь временно (курсивъ въ подлинникѣ). Но самый временный, чрезвычайный характеръ этого законодательнаго акта служилъ ручательствомъ, что дѣйствіе его упразднится съ исчезновеніемъ тѣхъ временныхъ обстоятельствъ, въ связи съ которыми ставилось его изданіе. „Незыблемость основныхъ началъ великихъ преобразованій минувшаго царствованія,—гласилъ памятный указъ правительствующему сенату отъ 4-го сентября 1881 года, сопровождавшій положеніе объ усиленной охранѣ, а равно правильное и спокойное дѣйствіе учрежденій, на твердомъ основаніи общихъ законовъ установленныхъ, составляютъ наиболѣе прочный залогъ благоденствія и преуспѣянія дорогого нашего отечества. Мы не могли однако же не признать, что прискорбныя событія и смута въ государствѣ вызываютъ печальную необходимость допустить на время чрезвычайныя мѣры преходящаго свойства для водворенія полнаго спокойствія и для искорененія крамолы. Наше вниманіе равнымъ образомъ было обращено и на то, чтобы временныя исключительныя мѣры соотвѣтствовали дѣйствительной потребности охраненія порядка и не подвергали излишнему отягощенію законные интересы вѣрнаго престолу населенія, несомнѣнно искренно желающаго содѣйствовать сохраненію спокойствія и порядка“...

Чѣмъ вызвана указанная рѣшительная и неожиданная мѣра? Все, что извѣстно достовѣрнаго объ общемъ характерѣ дѣйствія нашего суда присяжныхъ, не только не способно уронить, а напротивъ должно поднять его кредитъ. Выше мы приводили слова Аксакова о десяткахъ тысячъ правыхъ вердиктовъ. Это не фраза или риторическая фигура. Безстрастныя статистическія данныя показываютъ, какъ регулярно дѣйствуетъ русскій судъ присяжныхъ, въ общемъ мало отличаясь отъ того же суда въ другихъ евро-

пейскихъ государствахъ. Если же иныхъ пугала цифра оправдательныхъ [1]) приговоровъ, то вѣдь теперь сдѣлалось азбучною истиною, что вина за нее отчасти падаетъ на наше одряхлѣвшее Уложеніе, необходимость пересмотра котораго сознана была еще 25 лѣтъ тому назадъ, и на нашу слѣдственную часть, неустройство которой также давнымъ-давно для всѣхъ выяснилось. Извѣстно, что нѣкоторые органы нашей печати, уцѣпившись за отдѣльные промахи (иногда вдобавокъ мнимые) суда присяжныхъ, спѣшатъ, даже до перехода дѣла въ высшую инстанцію, поднять вопль противъ вердикта ихъ и перевершаютъ дѣла по собственному благоусмотрѣнію. Но кто можетъ придавать серьезное значеніе этой пародіи на судъ, противъ которой выступили нѣкогда съ такою достойною отповѣдью тѣ же самыя „Московскія Вѣдомости“? „Когда же, наконецъ,—спрашивали онѣ въ 1868 г.,—прекратятся эти вѣчные пересуды по поводу того или другого приговора присяжныхъ?.. Если нѣтъ указаній на то,—объясняли онѣ,—чтобы на судѣ были какія-нибудь нарушенія существенныхъ условій, которыя наукою права и положительныхъ законовъ признаны необходимыми для того, чтобы судебный процессъ выработалъ достижимую для человѣка правду, то кто можетъ взять на себя рѣшить, что его личное мнѣніе болѣе согласно съ правдою, чѣмъ состоявшійся приговоръ?.. Не Сидоръ, Карпъ и др. судятъ на судѣ присяжныхъ, а „великій анонимъ“ (ковычки въ подлинникѣ), взятый, по указанію жребія, изъ всѣхъ слоевъ общества“ („Моск. Вѣд.“, № 227). Достойныя слова, которыя не мѣшаетъ припоминать нынѣшнимъ врагамъ суда присяжныхъ!..

Что касается „теоретическихъ“ доводовъ этой части нашей печати противъ суда присяжныхъ, то они отличаются такою несостоятельностью, что о нихъ даже не стоитъ и говорить. Современная юридическая наука не только не умалила, но еще болѣе возвысила значеніе суда присяжныхъ, ко-

---

[1]) Чтобы понять, какою несправедливостью пропитаны сѣтованія нашихъ почитателей дореформенныхъ судебныхъ порядковъ объ «ослабленіи» уголовной репрессіи, достаточно принять на видъ, что при старыхъ судахъ подвергались наказанію едва 12%, а нынѣ присяжные осуждаютъ болѣе 60% (см. курсъ професс. Фойницкаго, стр. 323).

торымъ въ послѣдніе годы обзавелись Австрія, отчасти Венгрія, Германская имперія, Норвегія и Испанія. Даже германская юридическая наука, относящаяся весьма сдержанно къ суду присяжныхъ, не можетъ не признавать великаго значенія этого института (Гнейстъ, Глазеръ, Вальбергъ), сдѣлавшагося „всемірнымъ".

Что касается нашей отечественной юридической науки, она, въ лицѣ своихъ лучшихъ и авторитетнѣйшихъ представителей, всегда высоко ставила и ставитъ достоинства суда присяжныхъ. Самый видный изъ современныхъ нашихъ представителей каѳедры уголовнаго процесса, товарищъ оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента сената, И. Я. Фойницкій, изучившій современный процессъ и съ практической, и съ теоретической стороны, говоритъ о судѣ присяжныхъ вообще, что „это наиболѣе близкій къ идеалу судъ, до котораго только достигало человѣчество", что это „палладіумъ личной свободы", залогъ порядка и пр. Въ частности же относительно русскаго суда присяжныхъ проф. Фойницкій замѣчаетъ, что введеніе у насъ суда присяжныхъ тотчасъ послѣ отмѣны рабства было дерзкимъ шагомъ теоретическаго ума (но да будутъ благословенны имена этихъ героевъ, дерзнувшихъ на такой шагъ, во имя вѣры въ силу добра и добрые инстинкты русскаго народа!), почтенный профессоръ прибавляетъ, что успѣхъ увѣнчалъ этотъ смѣлый шагъ. Таково заключеніе научнаго курса, вышедшаго въ 1884 г., основанное на добросовѣстномъ разборѣ всѣхъ свѣдѣній о дѣятельности нашего суда присяжныхъ за все время его дѣйствія. Въ научномъ курсѣ „русскаго уголовнаго судопроизводства", вышедшемъ въ годъ изданія разбираемой новеллы, проф. Д. Г. Тальбергъ, между прочимъ, пишетъ, что „идеи, положенныя въ основаніе Судебныхъ Уставовъ, составляютъ донынѣ безспорное достояніе не только русской, но и обще-европейской культуры". Въ частности же о судѣ присяжныхъ проф. Тальбергъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „изъ всѣхъ существующихъ въ исторіи и дѣйствующемъ правѣ формъ народнаго суда—наиболѣе совершенная—судъ присяжныхъ" [1]).

---

[1]) Ст. Русск. угол. суд., стр. 65.

II.

Теперь обратимся къ содержанію закона 7-го іюля. Онъ состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ каждая можетъ быть разсмотрѣна отдѣльно и самостоятельно. Въ первой части исчисляются тѣ дѣла или категоріи дѣлъ, которыя отходятъ отъ суда присяжныхъ, во второй—излагаются правила объ организаціи учрежденій, которыя являются на смѣну ему. Сначала займемся разсмотрѣніемъ первой части закона и постараемся опредѣлить, имѣется ли какая-нибудь руководящая идея въ основаніи многочисленныхъ и разнородныхъ исключеній, допускаемыхъ закономъ, и какова эта идея.

Въ длинномъ спискѣ изъятій, вводимыхъ новеллою 7-го іюля, мы находимъ, прежде всего, выдѣляемыя изъ компетенціи суда присяжныхъ, въ видѣ общаго правила, всѣ дѣла объ убійствѣ и насильственныхъ дѣйствіяхъ противъ должностныхъ лицъ, совершонныхъ при исполненіи ими служебныхъ обязанностей. Послѣ этого слѣдуетъ постатейный перечень тѣхъ отдѣльныхъ преступленій, которыя по тѣмъ или другимъ спеціальнымъ соображеніямъ признано было нужнымъ изъять отъ суда присяжныхъ. На первомъ мѣстѣ тутъ встрѣчаемъ ст. 263—272, 274 Улож. о наказ., т.-е. всю первую главу раздѣла четвертаго, предусматривающую разнаго рода сопротивленія распоряженіямъ правительства и неповиновенія установленнымъ властямъ. Тутъ мы находимъ тягчайшія преступленія, начиная отъ открытаго вооруженнаго возстанія съ цѣлью воспрепятствованія обнародованію Высочайшихъ указовъ и проч. и кончая пассивнымъ сопротивленіемъ исполненію судебныхъ опредѣленій или возбужденіемъ посредствомъ слова или письма къ сопротивленію власти. Къ этой же группѣ относятся стт. 276, 282, 286 Улож., т.-е. разнаго вида оскорбленія присутственныхъ мѣстъ и чиновниковъ. Затѣмъ слѣдуетъ 304 ст. Улож. о поврежденіи и истребленіи печатей, приложенныхъ по распоряженію властей, статья 315 Улож., предусматривающая противодѣйствіе поимкѣ преступниковъ. Это, такъ сказать, преступленія, въ которыхъ потерпѣвшею стороною является власть государственная, или, по терминологіи нашего уложенія, преступленія противъ порядка управленія. Сюда же должны быть отнесены еще преступленія,

предусмотрѣнныя стт. 633, 755, 756, 823, 824, 830 и отчасти стт. 1143—1444, и, благодаря казуистичности и безсистемности нашего Уложенія, разбросанныя по другимъ его отдѣламъ. Преступленія эти суть: провозъ вооруженными шайками незаконно добытой соли съ насиліемъ противъ поимщиковъ, провозъ контрабанды вооруженными шайками и насильственныя дѣйствія противъ таможенной стражи и поимщиковъ и такія же насильственныя дѣйствія противъ лѣсной стражи казенныхъ и частныхъ лѣсовъ; насильственныя дѣйствія противъ телеграфистовъ съ цѣлью остановить дѣйствіе телеграфа, а также поврежденіе телеграфа съ намѣреніемъ остановить правительственную корреспонденцію. Сюда же примыкаетъ и преступленіе, предусмотрѣнное ст. 618 Улож., въ виду его спеціальнаго постановленія, приравнивающаго неповиновеніе рабочихъ, при частныхъ золотыхъ, серебряныхъ и платиновыхъ промыслахъ на земляхъ казенныхъ и Кабинета, хозяину или приказчику—къ возстанію противъ установленныхъ властей.

Въ особую группу можно выдѣлить изъятыя изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ преступленія, такъ называемыя о б щ е о п а с н ы я, предусмотрѣнныя стт. 1083—1085, 1140, 1144, 1225, 1236, 1241, 1254, 1262. Статьи эти говорятъ о крайне рѣдкихъ вообще, а у насъ тѣмъ болѣе, преступленіяхъ торговаго м о р е п л а в а н і я, какъ-то: объ оставленіи к о р а б е л ь щ и к о м ъ и л и ш т у р м а н о м ъ своего судна в ъ о п а с н о с т и и непринятіи ими мѣръ для предупрежденія побѣга арестанта и оставленіи пассажира на пустынномъ морскомъ берегу, и, наконецъ, о б у н т ѣ корабельныхъ служителей и водоходцевъ купеческаго корабля противъ корабельнаго начальства; затѣмъ слѣдуютъ желѣзнодорожныя преступленія: оставленіе машинистомъ паровоза въ виду угрожающей опасности и вообще неправильныя дѣйствія лицъ желѣзнодорожнаго управленія, повлекшія за собою несчастія съ людьми.

Изъяты также преступленія по должности служащихъ въ общественныхъ и частныхъ банкахъ, приравненныхъ въ этомъ отношеніи къ должностнымъ лицамъ государственной службы (1154—1155 Улож.), и одно преступленіе противъ союза брачнаго—двоеженство (ст. 1554 Улож.).

Таковы преступленія, спеціально признанныя неудобными

для разсмотрѣнія на судѣ присяжныхъ. Разнохарактерность ихъ, какъ въ юридическомъ, такъ и въ бытовомъ отношеніи, такъ велика, что весьма трудно опредѣлить руководящія идеи, легшія въ основаніе этого списка, и тѣ практическія соображенія, которыя вызвали его составленіе.

Прежде всего, конечно, могли вліять жалобы и сѣтованія о массѣ оправдательныхъ вердиктовъ присяжныхъ. Но если бы даже напыщенныя ламентаціи объ упадкѣ репрессіи на новомъ судѣ имѣли фактическое основаніе, т.-е. статистическія данныя, то и тогда слѣдовало бы рекомендовать иныя мѣры, способныя уврачевать корни такого ненормальнаго явленія, не маскировать симптомы его [1]). Но слѣдуетъ имѣть въ виду, что статистическія данныя въ настоящемъ случаѣ не могутъ имѣть рѣшающаго значенія, частью по свойству самыхъ преступленій, предусмотрѣнныхъ вышеуказанными статьями и изъемлемыхъ нынѣ изъ суда присяжныхъ, частью же по разнообразію дѣйствующихъ у насъ процессуальныхъ порядковъ.

Замѣтимъ, прежде всего, относительно первой и важнѣйшей группы изъятій, относительно преступленій, совершенныхъ противъ должностныхъ лицъ, при отправленіи ими служебныхъ обязанностей, что не имѣется сколько-нибудь солидныхъ статистическихъ данныхъ, могущихъ служить опорою для того или другого вывода о репрессіи суда присяжныхъ, во-первыхъ, потому, что правильныя судебно-статистическія данныя у насъ стали собираться всего съ 1873—74 гг., а, во-вторыхъ, дѣла эти за послѣднія одиннадцать слишкомъ лѣтъ временными распоряженіями (Указы 8-го августа 1878 г., 5-го апрѣля 1879 г. и Положеніе объ охранѣ 23-го августа 1881 г., ежегодно возобновляемое) были изъяты изъ вѣдѣнія суда общественной совѣсти и были подвѣдомы либо особому присутствію съ участіемъ сословныхъ представителей, либо военноокружнымъ судамъ; такъ что за послѣднее время, особенно изобиловавшее дѣлами такого характера, данныхъ про-

---

[1]) Мы еще вернемся къ этому важному вопросу, весьма тщательно разработанному въ нашей юридической литературѣ (см., между прочимъ, статьи профессоровъ Фойницкаго и Володимірова въ Журн. Гражд. и Угол. Права, 1879 г., №№ 5 и 6 и въ № 3 Юрид. Вѣстн. статью г. Терновскаго).

тивъ суда присяжныхъ въ этой области преступленій нѣтъ и не могло быть. Оставался одинъ путь умозаключенія, а именно: отъ какого-нибудь громкаго дѣла за время, предшествовавшее 1878 г. (дѣла Засуличъ), что едва ли было правильно (см. стр. 521 Фойницкаго).

То же самое нужно сказать относительно большей части другихъ спеціально перечисленныхъ въ первой группѣ статей, предусматривающихъ вооруженное возстаніе и сопротивленіе властямъ, при чемъ относительно нѣкоторыхъ статей, какъ, напр., относительно ст. 263 Улож., предусматривающей вооруженное противодѣйствіе массъ обнародованію Высочайшихъ указовъ, можно замѣтить, что едва ли со времени существованія суда присяжныхъ ему хоть разъ приходилось разбирать подобное дѣло, какъ равно и преступленіе, предусмотрѣнное ст. 1144 Улож., т.-е. поврежденіе телеграфа съ намѣреніемъ пріостановить правительственную корреспонденцію.

Едва ли часто приходилось разбирать суду присяжныхъ и такія дѣла, какъ насильственное сопротивленіе массъ при провозѣ контрабанды, соли, краденаго лѣса или сопротивленіе поимкѣ преступниковъ.

Въ силу существующихъ у насъ мѣстныхъ отступленій отъ общаго порядка судопроизводства, а также крайней малочисленности нашего торговаго флота, къ числу рѣдчайшихъ должны быть отнесены и преступленія, предусмотрѣнныя ст. 1775, 1236, 1241, 1254, 1262 Улож. Дѣло въ томъ, что большая часть нашей морской береговой линіи (Прибалтійскія губерніи, Черноморскій край, берега Тихаго и Сѣвернаго океановъ) находится въ мѣстностяхъ, неподвѣдомыхъ суду присяжныхъ. Что же касается части Балтійскаго моря, Финскаго залива и сѣвернаго берега Чернаго моря, гдѣ дѣйствуетъ судъ присяжныхъ, то едва ли и здѣсь дѣла о бунтѣ водоходцевъ, о бѣгствѣ корабельщика или оставленіи имъ пассажира на пустынномъ берегу могли такъ часто фигурировать на судѣ присяжныхъ, чтобы оказались налицо положительныя данныя, дающія право признать судъ присяжныхъ, по указанію „опыта“, негоднымъ для дѣлъ такого рода.

Къ числу рѣдкихъ дѣлъ относятся и другія изъятыя преступленія, какъ-то: бѣгство машиниста съ паровика, двоежен-

ство, а одно, а именно: неповиновеніе рабочихъ хозяину при золотыхъ, серебряныхъ и платиновыхъ промыслахъ на земляхъ казенныхъ и Кабинета (ст. 618 Улож.), и не могло дать повода для нареканія на судъ присяжныхъ, въ виду того, что промыслы, эти едва ли не всѣ безъ изъятія, находятся въ Сибири и, стало-быть, подсудны старымъ судамъ.

Такимъ образомъ, этотъ детальный разборъ списка изъятій приводитъ къ заключенію, что трудно бы было свидѣтельствомъ опыта доказать *a posteriori* непригодность суда присяжныхъ по исчисленнымъ выше дѣламъ. Возможно допустить и такое предположеніе, что указанныя изъятія объясняются апріорнымъ соображеніемъ судебной политики, какъ-то: особенною важностью для государства или общества нарушаемаго преступленіемъ интереса, или общеопасностью его, или, наконецъ, особенною сложностью дѣлъ. Но сравнивая дѣла, оставленныя въ вѣдѣніи суда присяжныхъ, съ тѣми, по которымъ онъ признанъ негоднымъ, мы находимъ и эту точку зрѣнія недопустимою, такъ какъ ни одинъ изъ этихъ критеріевъ не выдержанъ и не проведенъ послѣдовательно до конца. Для иллюстраціи этой мысли можно бы было привести массу примѣровъ. Ограничимся немногими.

Истребленіе казенной печати или вещей, опечатанныхъ ею (ст. 304), наказуемое арестантскими ротами, изъемлется изъ суда присяжныхъ, а дѣла гораздо большей, почти первостепенной, государственной важности, напр., подлогъ указовъ сената, поддѣлка большой государственной печати (ст. 292, 295 Улож.) или кредитныхъ билетовъ (ст. 571 и посл. Улож.), наказуемыя каторжными работами, оставлены въ вѣдѣніи присяжныхъ.

Дѣла о противодѣйствіи при поимкѣ арестантовъ (ст. 315 Улож.), двоеженствѣ, наказуемыя, при отсутствіи отягчающихъ обстоятельствъ, арестантскими ротами, исключены изъ юрисдикціи присяжныхъ. Дѣла же несравненно большей общественной важности, напр., о насильственномъ вступленіи въ бракъ (1550 Улож.), о взломѣ тюрьмы и насильственномъ освобожденіи арестантовъ (ст. 308 Улож.), наказуемыя срочною и безсрочною каторгою, оставлены въ вѣдѣніи суда присяжныхъ. Ему же остаются, попрежнему, подсудными важ-

нѣйшія дѣла объ убійствахъ, разбояхъ, поджогахъ и пр.

Возьмемъ третій критерій—„общеопасность“ преступленія,—и здѣсь опять натолкнемся на явныя непослѣдовательности. Дѣло о нерадѣніи служащихъ на желѣзной дорогѣ, повлекшія за собою несчастіе съ людьми (ст. 1085)—преступленіе безъ сомнѣнія общеопасное, но наказаніе за него, смотря по послѣдствіямъ, можетъ иногда ограничиваться заключеніемъ въ тюрьмѣ; а между тѣмъ по всѣмъ этимъ дѣламъ признано нужнымъ устранить судъ присяжныхъ. Дѣла же объ одномъ изъ ужасающихъ преступленій—объ умышленной порчѣ желѣзной дороги съ намѣреніемъ причинить крушеніе поѣзда (ст. 1082 Улож.), наказуемомъ безсрочною каторгою, довѣрены компетенціи суда присяжныхъ.

Что касается критерія большей или меньшей сложности дѣлъ, то и онъ не выдержанъ, да и гдѣ же масштабъ для него? Иногда мелкія мошенничества (вспомнимъ такъ называемое дѣло „клуба червонныхъ валетовъ“) длятся недѣлями, а иной разъ дѣла объ убійствахъ кончаются въ нѣсколько часовъ. Да по сложнымъ дѣламъ особенно и важно участіе присяжныхъ, какъ людей свѣжихъ, не заѣденныхъ служебною рутиною. Достаточно напомнить знаменитое дѣло Таганрогской таможни, изъ котораго съ такою честью вышелъ судъ присяжныхъ. Какъ извѣстно, это колоссальное дѣло длилось 23 дня, вопросы, поставленные присяжнымъ, достигли громадной цифры 1315,—и что же?—все это время, какъ писало „Новое Время“, газета, какъ извѣстно, довольно скептически относящаяся къ суду присяжныхъ, они „съ поразительнымъ спокойствіемъ и терпѣніемъ дослушали все дѣло. Что касается существа рѣшенія присяжныхъ по этому дѣлу, то о немъ мы имѣемъ отзывъ, авторитетность котораго внѣ всякаго спора какъ съ точки зрѣнія оффиціальной, такъ и научной. „Присяжные доказали,—говорилъ въ своей рѣчи въ сенатѣ нашъ извѣстный криминалистъ, оберъ-прокуроръ А. Ѳ. Кони, что подвигъ труда, имъ предлежавшій, былъ исполненъ ими свято“. Ясно стало-быть, что и съ точки зрѣнія большей или меньшей сложности дѣлъ нельзя объяснить длинный перечень разнообразныхъ дѣлъ, отходящихъ отъ суда присяжныхъ.

Остается допустить, что списокъ изъятій составлялся подъ

вліяніемъ апріористическаго недовѣрія, навѣяннаго отдѣльными дѣйствительными или кажущимися промахами суда присяжныхъ, такъ усердно муссируемыхъ реакціонною печатью. А такой путь нераціональнаго обобщенія отдѣльныхъ промаховъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить въ предыдущемъ §, представляется крайне ненадежнымъ.

Съ другой стороны, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что по многимъ изъ дѣлъ, по коимъ новелла 7-го іюля упраздняетъ судъ присяжныхъ, особенно было бы важно, какъ это мы увидимъ впослѣдствіи, ихъ участіе, вслѣдствіе ихъ бытовыхъ или юридическихъ особенностей.

Наконецъ, нельзя не отмѣтить еще одного неблагопріятнаго послѣдствія, могущаго произойти вслѣдствіе случайнаго ограниченія компетенціи присяжныхъ. Какъ всякій актъ недовѣрія, такія мѣропріятія вызываютъ раздраженіе и отражаются крайне неблагопріятно на дѣятельности присяжныхъ (что доказано опытомъ европейскихъ государствъ), вообще на правильномъ функціонированіи суда присяжныхъ и по дѣламъ, оставленнымъ въ ихъ вѣдѣніи [1]).

III.

Изъ всѣхъ разнородныхъ категорій дѣлъ, отошедшихъ въ силу новаго закона 7-го іюля 1889 г. отъ юрисдикціи суда присяжныхъ, едва ли не наибольшее практическое значеніе имѣютъ дѣла о сопротивленіи распоряженіямъ властей (глава I раздѣла IV о преступленіяхъ противъ порядка управленія) и дѣла о двоеженствѣ.

Такія дѣла встрѣчаются на практикѣ чаще другихъ, по которымъ тоже устраненъ судъ присяжныхъ, а поэтому послѣдствіе новаго закона можетъ тутъ сказаться ощутительнѣе. Это разъ. А затѣмъ означенныя дѣла, по своимъ бытовымъ или юридическимъ свойствамъ, большею частью являются въ такой своеобразной, если не исключительной обстановкѣ, что только судъ присяжныхъ, благодаря присущимъ ему, и только ему одному, высокимъ качествамъ, могъ бы притти къ справедливому рѣшенію.

---

[1]) См. Журн. Гражд. и Угол. Права, 1879 г., № 6, стр. 47.

Остановимся прежде всего на дѣлахъ о сопротивленіи властямъ, столь оригинальныхъ по своему содержанію, разъ въ немъ участвуютъ крестьяне (а у насъ, какъ извѣстно, они одни почти всегда фигурируютъ въ такихъ дѣлахъ). Порожденныя, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, частью безысходною нуждою, частью неумѣньемъ или, лучше сказать, невозможностью разобраться въ мудреныхъ постановленіяхъ закона и въ рѣшеніяхъ судебныхъ и административныхъ учрежденій, всѣ почти такъ называемые крестьянскіе безпорядки носятъ характеръ подчасъ простодушнаго. подчасъ грубаго, даже дикаго, но всегда невѣжественнаго и увѣреннаго въ своей правотѣ самоуправства. Хроника народной жизни изобилуетъ подобными фактами, корни которыхъ лежатъ очень глубоко въ міровоззрѣніи и условіяхъ жизни народныхъ массъ. Не такъ давно, въ 1889 г., извѣстный знатокъ народнаго быта Г. И. Успенскій передавалъ въ № 194 „Русск. Вѣд.“ новый фактъ изъ этой области,—столь же печальный, сколько и любопытный фактъ, какъ башкиры, благодаря силѣ обстоятельствъ, своеобразной логикѣ своей и курьезному юридическому міровоззрѣнію, додумались до нелѣпаго плана: „бунтовать, но безъ малѣйшаго сопротивленія“. Кто кромѣ суда присяжныхъ можетъ правильно (т.-е. справедливо, а не формально только) разрѣшать дѣла о такихъ бунтахъ? Мы, конечно, далеки отъ мысли рекомендовать кому бы то ни было „юридическое“ міросозерцаніе башкиръ, не имѣющее не только легальной силы, но и вообще здраваго смысла. Да не въ этомъ и дѣло, а въ томъ, чтобы судьи, рѣшающіе дѣла, вытекающія изъ такого рода „извращеннаго міровоззрѣнія“, могли по крайней мѣрѣ знать, понять его, принять его во вниманіе, если не усвоить его и одобрить.

Одно изъ великихъ достоинствъ суда присяжныхъ, обезпечивающее ему неизмѣримое превосходство надъ судомъ юристовъ-техниковъ, это—его способность понять подсудимаго, вникнуть въ его душу, войти въ его положеніе. Одинъ изъ главныхъ дѣятелей по введенію у насъ суда присяжныхъ, Н. А. Буцковскій, необходимость его, между прочимъ, мотивировалъ слѣдующимъ соображеніемъ: „Между судьями, опредѣляющими виновность подсудимаго по совѣсти,—писалъ

онъ,—должны быть такія лица, кои, не имѣя порочныхъ свойствъ его, принадлежали бы къ одной съ нимъ средѣ, по ихъ понятіямъ, правамъ и обычаямъ для вѣрнѣйшаго обсужденія какъ значенія уликъ, такъ и свойства виновности подсудимаго, опредѣляемой вообще кругомъ его понятій и общимъ уровнемъ нравственности“ [1]). Государственный совѣтъ, съ своей стороны, признавъ въ 1862 г. необходимымъ введеніе у насъ суда присяжныхъ, писалъ въ своемъ журналѣ, между прочимъ, слѣдующее: „Введеніе суда присяжныхъ въ Россіи болѣе необходимо, чѣмъ гдѣ бы то ни было, потому что нигдѣ, можетъ быть, историческая жизнь народа не положила такихъ рѣзкихъ разграниченій между различными слоями общества, какъ у насъ, отчего между понятіями, обычаями и образомъ жизни нашихъ постоянныхъ судей, принадлежащихъ вообще къ высшему сословію, и подсудимыхъ изъ низшихъ сословій большое различіе“ [2]).

Ошибочно было бы думать, какъ это дѣлаютъ неразборчивые въ средствахъ борьбы противники судебной реформы, будто государственный совѣтъ въ приведенныхъ словахъ проводилъ мысль о судѣ пэровъ или опасное демократическое начало о подчиненіи закона воззрѣніямъ народныхъ массъ [3]). Ничуть не бывало. Вся ихъ сущность вытекаетъ и сводится къ основному юридическому требованію, въ силу котораго для справедливаго рѣшенія признается необходимымъ способность суда индивидуализировать каждое отдѣльное дѣло, т.-е. способность вникнуть въ индивидуальныя его особенности. А эта способность сообщается суду только присоединеніемъ къ нему присяжныхъ изъ народа, относящихся къ подсудимому, какъ люди, незаѣденные судебною рутиною, съ живымъ интересомъ, а не какъ къ очередному № для свода статистическихъ свѣдѣній [4]).

[1]) См. выше Записку Н. А. Буцковскаго изъ «Дѣла о преобраз. суд. части», т. XVIII, стр. 44.

[2]) См. т. XX названнаго «Дѣла», журналъ отъ 3-го сентября 1862 г.

[3]) См. В. Фуксъ «Судъ и полиція», стр. 123—124.

[4]) И. С. Аксаковъ оставилъ судебную карьеру, чтобы не сдѣлаться чиновникомъ, который «думаетъ только объ очисткѣ бумагъ и заглушаетъ въ себѣ живаго человѣка, желавшаго нѣкогда только блага и пользы». (См. стр. 152 «И. С. Аксаковъ»—показаніе его въ III отдѣленіи).

Но присоединеніемъ народнаго элемента имѣлось въ виду отнюдь не обезпеченіе на судѣ горжества односторонних взглядовъ неразвитыхъ массъ въ ущербъ прогрессивнымъ элементамъ болѣе развитыхъ классовъ общества. Нѣтъ, участіе присяжныхъ изъ народа должно было вносить лишь одинъ изъ элементовъ для справедливаго рѣшенія, но тотъ элементъ, безъ котораго уже никоимъ образомъ у насъ нельзя было бы вердикта присяжныхъ называть судомъ общенародной или общественной совѣсти.

Иные изъ современныхъ публицистовъ, совершенно эмансипировавшись отъ „старыхъ теоретическихъ бредней доктрины“ и отъ гнета „забытыхъ словъ“, не могутъ безъ улыбки глумленія говорить о судѣ „общественной совѣсти“. А между тѣмъ смыслъ этого выраженія, какъ и многихъ другихъ „забытыхъ словъ“, необыкновенно простъ. Составители Судебныхъ Уставовъ исходили изъ того убѣжденія, что участіе въ судѣ присяжныхъ „лицъ различныхъ оттѣнковъ образованія, всѣхъ слоевъ общества, сглаживая увлеченія или крайности, свойственныя каждому изъ нихъ“ [1]), приводитъ къ болѣе справедливой „благоразумной срединѣ“, которая и можетъ считаться выраженіемъ общественной совѣсти. Устраненіе изъ суда представителей большинства нашего народа лишало бы, по ихъ мнѣнію, судъ права именоваться судомъ общественной совѣсти.

Правда, судъ, къ которому переходятъ дѣла, изъемлемыя изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ, не совсѣмъ лишенъ „народнаго элемента“, но участіе сословныхъ представителей не только въ лицѣ волостного старшины, но и городского головы и предводителя дворянства, какъ мы увидимъ ниже при разборѣ организаціи особаго присутствія палаты съ участіемъ сословныхъ представителей, не можетъ измѣнить преобладающаго характера этого суда, какъ суда профессіональныхъ юристовъ.

А между тѣмъ устраненіе означеннаго элемента, по отношенію къ разбираемой категоріи дѣлъ, влечетъ еще одно неудобство. Во всѣхъ почти уголовныхъ кодексахъ, а въ нашемъ устарѣломъ Уложеніи 1845 г. въ особенности, не мало чисто схоластическихъ, искусственныхъ понятій и подраздѣ-

[1]) См. жур. госуд. сов. отъ 4-го сентября 1862 г.

леній, созданныхъ кабинетною или школьною юриспруденціею и почти искусственно навязанныхъ жизни. Такихъ понятій или „тонкихъ квалификацій“ [1]) не мало и въ раздѣлѣ о преступленіяхъ противъ порядка управленія. Судьи-юристы, привыкшіе постоянно вращаться въ кругу этихъ искусственныхъ понятій, волею-неволею вгоняютъ въ рамки ихъ явленія дѣйствительной жизни, въ ущербъ внутренней правдѣ судебныхъ рѣшеній. Присяжные же, свободные отъ этихъ путъ школьной мудрости, не считаютъ нужнымъ во что бы то ни стало распластывать жизненную правду на Прокустово ложе искусственныхъ понятій неизвѣстныхъ или непонятныхъ большинству населенія. Формалисты и буквоѣды, конечно, поносятъ „уличный судъ“ за такое нарушеніе „формы“, но просвѣщенные юристы всегда видѣли въ немъ одно изъ выдающихся достоинствъ суда присяжныхъ. „Что можетъ быть жесточе,—писалъ еще юристъ XVIII столѣтія Мозеръ,—осужденія человѣка, про котораго мы не знаемъ, могъ ли онъ понимать законъ, за нарушеніе котораго онъ осужденъ; лучшимъ же доказательствомъ возможности пониманія закона является лишь осужденіе со стороны 12 честныхъ и необученныхъ праву лицъ“. „Если присяжные,—писалъ въ 1862 г. одинъ изъ извѣстныхъ знатоковъ нашей уголовной практики, оберъ-прокуроръ Н. Л. Буцковскій,—принадлежащіе обыкновенно къ одному съ подсудимымъ классу, не понимаютъ какой-либо тонкости уголовнаго права, придуманной въ кабинетѣ ученаго криминалиста, то это вѣрный признакъ того, что она не

---

[1]) Вопросъ о томъ, что считать закономѣрнымъ сопротивленіемъ, т.-е. сопротивленіемъ ненаказуемымъ, среди самихъ юристовъ вызываетъ большіе споры и сомнѣнія. Въ іюньской книжкѣ Юридическаго Вѣстника за 1889 г. можно видѣть, какъ велико разногласіе въ этомъ отношеніи между юристами, изъ коихъ одинъ (г. Куплевасскій) считаетъ дозволеннымъ сопротивленіе лишь при очевидной, объективной незаконности дѣйствій должностныхъ лицъ; другіе же (гг. Таганцевъ, Щегловитовъ) считаютъ дозволеннымъ сопротивленіе и въ томъ случаѣ, когда должностное лицо по ошибкѣ допустило противозаконное дѣйствіе. Область эта крайне спорная, и казуистика необъятная. Только близкое знакомство съ бытовыми условіями жизни и съ міросозерцаніемъ подсудимаго можетъ дать вѣрный масштабъ къ справедливому разрѣшенію подобныхъ дѣлъ. Подобная задача совершенно не подъ силу коронnымъ юристамъ вообще, а нашимъ въ особенности, что было признано правительствомъ еще въ 1862 году.

входитъ въ кругъ понятій, вращающихся въ данномъ слоѣ общества, и была бы въ данномъ случаѣ не у мѣста; въ этомъ обнаруживается не слабая. но сильная сторона суда присяжныхъ“ [1]).

Такъ разсуждалъ теоретически Буцковскій, когда еще не было у насъ суда присяжныхъ. Теперь двадцатипятилѣтняя практика его выяснила во очію для всѣхъ добросовѣстныхъ наблюдателей всю важность этой стороны дѣятельности суда общественной совѣсти. Достаточно указать на дѣла о кражахъ со взломомъ, по которымъ почти систематически присяжные отвергали ни съ чѣмъ не сообразное понятіе о взломѣ, существовавшее въ Уложеніи 1845 г. Не мало было вылито грязи на судъ присяжныхъ изъ лагеря усердныхъ клеветниковъ за это мнимое колебаніе закона. Въ предложеніяхъ объ изъятіи этихъ дѣлъ изъ суда присяжныхъ, конечно, не было недостатка. Но когда взглянули на вопросъ глубже, стало ясно, что житейская правда на сторонѣ присяжныхъ, а не закона и неразумныхъ охранителей его буквы, и вотъ 18-го мая 1882 г. былъ изданъ новый законъ, отвергнувшій старое схоластическое ученіе о взломѣ и построившій его на совершенно новыхъ началахъ. Такихъ полезныхъ исправленій уголовнаго закона по указаніямъ „суда присяжныхъ“ не мало знаетъ и иностранная судебная практика; такимъ образомъ этотъ „судъ улицы“ приноситъ правду не только въ судебныя рѣшенія, освобождая ихъ отъ вреднаго преобладанія искусственныхъ понятій, но и способствуетъ совершенствованію законодательства.

Но въ судѣ присяжныхъ есть еще одинъ элементъ, наличность котораго была особенно важна при такихъ почти безспорныхъ дѣлахъ, какъ двоеженство. Тутъ почти все ясно и просто, съ точки зрѣнія формальнаго правосудія: двѣ справки изъ метрическихъ книгъ, и „инструкція“ дѣла готова. Даже и допрашивать нечего подсудимаго,—нужно только взять въ руки Уложеніе, написать приговоръ и дѣло будетъ готово для „архива“. Такъ разсуждало формальное правосудіе, которое провозглашаетъ: *fiat justitia, pereat mundus*, и которое скорѣе согласилось бы запороть мальчика за грубую попытку

---

[1]) См. стр. 50 Записки Буцковскаго.

поддѣлать серебряную монету, нежели уменьшить число ударовъ розгами (см. выше главу I § 2).

Таково было наше дореформенное правосудіе, для котораго дико бы звучали слова: „правда и милость“. Не таковы начала новаго суда. Вѣдь если бы все дѣло сводилось къ примѣненію къ безспорнымъ фактамъ соотвѣтственнаго закона, то къ чему бы служило приглашеніе присяжныхъ по такимъ безспорнымъ дѣламъ, какъ двоеженство? Присяжные для того и приглашаются, чтобы въ качествѣ судей совѣсти вникнуть во внутреннюю сторону дѣла и опредѣлить, имѣетъ ли судъ въ д а н н о м ъ случаѣ предъ собою лихого человѣка, заслуживающаго наказаніе по закону, или, напротивъ, жертву житейской драмы, заслуживающую полнаго состраданія—сочувствія и отпущенія формальной вины. А такихъ-то случаевъ бываетъ особенно много въ дѣлахъ о двоеженствѣ, гдѣ рядомъ съ новою, незаконною, но удачно сложившеюся семьею является представительница первой законной семьи, стремящаяся изъ мести или корыстныхъ побужденій разрушить это ненавистное для нея чужое гнѣздо!..

Что же непонятнаго или ужаснаго въ томъ, что судьи совѣсти, поставленные въ силу нашего дѣйствующаго законодательства передъ альтернативою навлечь на голову такого несчастнаго человѣка или суровое наказаніе закона—данное присяжными снисхожденіе обязательно смягчаетъ наказаніе всего только на о д н у степень (ст. 828 Уст. уг. суд.),—или вовсе освободить его,—останавливаются на послѣднемъ рѣшеніи. Законники-формалисты возмущаются „н е и з в и н и т е л ь н о ю с л а б о с т ь ю“, проявляемою присяжными даже въ такихъ исключительныхъ дѣлахъ, и ставятъ имъ въ примѣръ англійскихъ присяжныхъ. Можно сожалѣть, что къ намъ нельзя перенести ради успокоенія охранителей формализма *quand même* англійскіе судебные порядки, благодаря которымъ въ подобныхъ случаяхъ о с у ж д е н н ы й присяжными приговаривается судьею къ наказанію въ видѣ нѣсколькихъ дней или ч а с о в ъ ареста. Но пока у насъ нѣтъ такого выхода, присяжные заслуживаютъ за подобную почтенную „слабость“ одобренія, а не порицанія, потому что есть „слабости“, которымъ ч е л о в ѣ ч н ѣ е с л ѣ д о в а т ь, н е ж е л и п р о т и в и т ь с я. И до тѣхъ поръ, пока существуетъ судъ совѣсти, онъ будетъ причастенъ такой „слабости“, будетъ видѣть, по

справедливому замѣчанію проф. Фойницкаго, въ исключительно внѣшнемъ примѣненіи закона „одну формальность, вредную и для государства, и для общества“. Вотъ почему и впредь возможно освобожденіе присяжными отъ суда по дѣламъ, оставленнымъ еще въ ихъ вѣдѣніи.

Вотъ это-то обстоятельство и нарушаетъ ликованіе реакціонной печати по поводу нанесеннаго разбираемою новеллою „уличному суду если не рѣшительнаго, то довольно чувствительнаго удара“. „Московскія Вѣдомости“, выступая въ роли защитниковъ „праваго (*sic*) суда и закона“, съ напускнымъ негодованіемъ указываютъ на то, что если закономъ 7-го іюля вполнѣ устранена возможность оправданія двоеженцевъ, то не устранена еще возможность оправданія „женоубійцъ“.

Въ печати нашей была высказана догадка, что законъ 7-го іюля не удовлетворитъ непримиримыхъ враговъ суда присяжныхъ. Догадка эта вполнѣ оправдалась: „Моск. Вѣд.“ высказывали „твердую надежду, что судъ присяжныхъ, признанный несостоятельнымъ въ примѣненіи къ преступленіямъ противъ всѣхъ (??) видовъ публичнаго права, скоро будетъ отмѣненъ для всѣхъ вообще уголовныхъ преступленій“. И дѣйствительно, на этой шаткой и покатой почвѣ „изъятій“, пожалуй, трудно остановиться...

Но къ счастью пока не уничтожена еще для суда присяжныхъ возможность устранять въ этихъ дѣлахъ рѣзкое столкновеніе формальнаго закона съ справедливостью, и возможность оправданія, въ исключительныхъ случаяхъ, женоубійцъ остается въ силѣ! Въ такихъ случаяхъ, когда осужденіе подсудимаго было бы торжествомъ явной неправды, оправданіе, безъ сомнѣнія, предпочтительнѣе осужденія, даже при наличности факта преступленія. „Московскія Вѣдомости“, защищающія законность именно тогда, когда она приводитъ къ неправдѣ (*summum jus summa injuria*), забыли, что когда-то, на ихъ же столбцахъ, именно оправданіе присяжными „женоубійства“ признавалось, въ извѣстныхъ случаяхъ, „явленіемъ нормальнымъ“ и легкомысленнымъ критикамъ такихъ оправданій ставилось на видъ, что „интересы общества всегда достаточно ограждаются его представителями“ („Моск. Вѣдом.“, 1868 г., № 173).

IV.

Въ числѣ изъятыхъ закономъ 7-го іюля изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ дѣлъ одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ занимаютъ дѣла о преступленіяхъ по должности. До сихъ поръ самыя серьезныя изъ нихъ, а именно тѣ, за которыя назначено лишеніе правъ состоянія, за однимъ небольшимъ исключеніемъ, всѣ были подсудны присяжнымъ засѣдателямъ, которые приглашались, смотря по іерархическому положенію подсудимаго, или въ окружный судъ (для чиновъ до девятаго класса), или въ судебную палату (для чиновъ выше девятаго класса), или, наконецъ, въ кассаціонные департаменты сената (для чиновъ выше пятаго класса). Изъятіе, упомянутое выше и легко объяснимое іерархическими соображеніями, касалось членовъ государственнаго совѣта, министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями, которые подвѣдомы были верховному уголовному суду и предавались суду не иначе, какъ Высочайше утвержденными мнѣніями государственнаго совѣта.

Новый порядокъ, вводимый новеллою 7-го іюля коснулся всѣхъ поименованныхъ категорій, кромѣ послѣдней, и въ порядкѣ подсудности суда произвелъ слѣдующія перемѣны. Отнынѣ всѣ чины до пятаго класса включительно, за преступленія, влекущія лишеніе правъ состоянія, будутъ судиться въ судебной палатѣ съ участіемъ трехъ сословныхъ представителей, призываемыхъ въ нѣсколько видоизмѣненномъ, сравнительно съ дѣйствующимъ, порядкѣ. Чины же выше пятаго класса будутъ судиться въ кассаціонномъ департаментѣ съ участіемъ сословныхъ представителей, приглашаемыхъ въ прежнемъ порядкѣ (ст. 1061^3—1061^5 Уст. уг. суд.). Если принять во вниманіе, что существуетъ еще особый порядокъ для призыва сословныхъ представителей для сужденій по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ (примѣч. къ ст. 1061^4 Уст. уг. суд.), то такимъ образомъ этотъ своеобразный нашъ институтъ сословнаго представительства на судѣ будетъ имѣть три различныя организаціи. Къ разбору его съ точки зрѣнія интересовъ раціональнаго судоустройства мы вернемся впослѣдствіи, теперь же остановимся пока на передачѣ въ его вѣдѣніе дѣлъ о преступленіяхъ по должности и на мотивахъ, легшихъ въ основаніе этого мѣропріятія.

Въ одной петербургской газетѣ, какъ на основаніе его, указывалось на то, что присяжные, не будучи проникнуты важностью „служебной дисциплины", относились снисходительно къ преступленіямъ по должности. Другими словами, мы тутъ встрѣчаемся съ варіаціею на избитую тему о слабости репрессіи суда присяжныхъ вообще. Не совсѣмъ понятно, какимъ образомъ не только судъ присяжныхъ, но даже и вообще судебныя учрежденія могутъ нести отвѣтственность за современный невысокій уровень „служебной дисциплины" въ Россіи. Какъ извѣстно, высокій уровень „служебной дисциплины", т.-е. добросовѣстное и усердное исполненіе обязанностей службы „не только за страхъ, но и за совѣсть", зависитъ отъ многихъ разнородныхъ факторовъ, въ числѣ которыхъ едва ли не первое мѣсто принадлежитъ общему тону или нравственному уровню того или другого рода службы, и едва ли не послѣднее мѣсто въ ихъ ряду занимаетъ уголовная репрессія. Общій тонъ, нравственная атмосфера той или другой отрасли службы создаетъ средніе типы и идеалы, создаетъ общественное мнѣніе среды, регулирующее поведеніе большинства ея членовъ и являющееся чуть ли не главнымъ орудіемъ дисциплины. Давно ли считалось у насъ неприличнымъ для уважающаго себя человѣка занятіе адвокатурой [1]), въ виду крайне низкаго нравственнаго уровня ея? Давно ли и въ судебномъ вѣдомствѣ прекратилось полученіе благодарностей, никого не возмущавшихъ? Развѣ не разительна перемѣна, произведенная корпоративною и служебною дисциплиною въ новой адвокатурѣ и въ новомъ судѣ? Но самое явленіе вполнѣ понятно. „Различіе между прежними судами и новыми судами, какъ писалъ М. Н. Катковъ, состоитъ въ этомъ отношеніи въ томъ, что прежніе портили людей, а новые исправляютъ ихъ и воспитываютъ" („Моск. Вѣд." 1866 г., № 263).

Съ другой стороны не слѣдуетъ упускать изъ виду, что всѣ мѣры дисциплинарнаго воздѣйствія, какъ мѣры предупрежденія, всецѣло находятся въ распоряженіи административныхъ властей, которыя и могутъ налагать ихъ, до вычета жалованья и ареста до 7 дней включительно, по своему усмотрѣнію. Что же касается болѣе серьезныхъ дисциплинарныхъ

---

[1]) См. Журн. Мин. Юст. 1861, № 12-й, статья Деппа.

взысканій, налагаемыхъ въ порядкѣ уголовнаго суда, то преданіе таковому тоже зависитъ отъ усмотрѣнія начальства, отъ котораго иной разъ бываетъ труднѣе добиться „выдачи“ его чиновника, чѣмъ экстрадиціи отъ иностраннаго правительства.

Но во всякомъ случаѣ судъ присяжныхъ при наложеніи дисциплинарныхъ взысканій не при чемъ, потому что онъ никогда не судилъ и не судитъ такихъ дѣлъ. Онъ судилъ только тѣ преступленія по должности, которыя имѣютъ уголовный характеръ, и судилъ ихъ и обязанъ былъ судить не по „спеціальному масштабу“ для чиновниковъ, а на основаніи общечеловѣческаго критерія о справедливости, примѣняемаго судомъ совѣсти къ уголовнымъ дѣламъ вообще. Сущность же этого критерія сводится къ тому, чтобы снисходительно относиться къ „маленькому“, слабому человѣку, случайно впавшему въ преступленіе и искренно въ немъ сознающемуся и раскаивающемуся, и строго карать героевъ преступленія, сознательно шедшихъ на него и въ расчетѣ на безнаказанность и упорно въ немъ запирающихся. Старый судъ дѣйствовалъ какъ разъ обратно, и народъ очень остроумно сравнивалъ его съ паутиною, чрезъ которую шмель свободно проскакиваетъ и только муха вязнетъ. Насколько это народное наблюденіе вѣрно, можно судить по тому, что такіе знатоки нашей старой уголовной практики, какъ Д. А. Ровинскій и Н. А. Буцковскій, удостовѣряютъ, что при старыхъ судебныхъ порядкахъ „ловкимъ мошенникамъ и закоренѣлымъ злодѣямъ обезпечена была [1]) безнаказанность“. Такое извращенное состояніе правосудія и послужило однимъ изъ главныхъ основаній для учрежденія суда присяжныхъ, который сталъ слѣдовать въ своихъ рѣшеніяхъ, какъ свидѣтельствуетъ исторія [2]) судебной реформы, какъ разъ обратной сравнительно со старымъ судомъ, политикѣ.

Примѣненіе его въ частности къ преступленіямъ по должности и послужило однимъ изъ поводовъ для нападокъ реакціонной печати. Судъ присяжныхъ никакъ не могъ до сихъ поръ усвоить защищаемой реакціонною печатью благонамѣренной доктрины, требующей, чтобы строгость взысканія

---

[1]) См. т. XVII Дѣла о преобразованіи суд. ч., Записки Ровинскаго (стр. 20) и Буцковскаго (стр. 53).

[2]) Ibidem, стр. 51.

была не прямо, а обратно пропорціональна высотѣ занимаемаго должностнымъ лицомъ поста, и когда присяжнымъ приходилось судить мелкаго чиновника за служебныя провинности, то и относились они къ нему съ полною снисходительностью, разъ обстоятельства дѣла давали къ тому основаніе. Случалось даже, *horribile dictu*, что они оправдывали сознавшихся въ своей винѣ мелкихъ чиновниковъ, и тогда-то открывалась обычная канонада и подымался крикъ о колебаніи служебной дисциплины.

Особенно памятно въ этомъ отношеніи дѣло письмоносца Алексѣева, разбиравшееся въ 1879 г. въ петербургскомъ окружномъ судѣ. 19-ти-лѣтній петербургскій письмоносецъ обвинялся въ растратѣ и недоставленіи порученной ему для разноса въ городѣ корреспонденціи. Присяжные оправдали чистосердечно сознавшагося подсудимаго, ссылавшагося, въ свое оправданіе, между прочимъ, на то, что у него не было физической возможности разносить всѣ находившіяся на рукахъ письма. Поднялся обычный вопль о колебаніи „служебной дисциплины“ „возмутительнымъ приговоромъ присяжныхъ“, въ которомъ реакціонная печать не хотѣла видѣть ничего, кромѣ „дикаго произвола зазнавшагося суда улицы“. Но нашлись люди, которые пожелали взглянуть на дѣло серьезнѣе, и когда въ „Голосѣ“ (№ 270) появились статистическія свѣдѣнія о количествѣ непосильной работы [1]), выпадающей на долю каждаго письмоносца въ Петербургѣ, то всѣ честные люди поняли всю внутреннюю справедливость небезупречнаго съ внѣшней стороны вердикта присяжныхъ, и профессоръ военно-юридической академіи В. М. Володимiровъ съ полнымъ правомъ могъ сказать, что этотъ вердиктъ „заключаетъ въ себѣ не только справедливое рѣшеніе, но и важный общественный урокъ“, вызванный неустройствомъ почтовой части.

Мы здѣсь, конечно, не имѣемъ въ виду входить въ подробности [1]) о смыслѣ этого урока; мы только хотѣли отмѣ-

---

[1]) Съ 1875 г по 1878 г число доставленныхъ письмоносцами предметовъ съ 18.873,543 дошло до 25.037,826, т.-е. увеличилось болѣе чѣмъ на 6 милл., а число письмоносцевъ было увеличено всего только на 66 челов. и дошло всего до 592!!

Ихъ можно найти въ статьѣ проф. Володимірова: «Въ защиту Судеб. Уставовъ», Журн. Гражд. и Угол. Права, 1879 г. № 5-й.

тить, что и въ дѣлахъ о преступленіяхъ по должности, какъ и въ другихъ дѣлахъ, всегда можно найти въ вердиктахъ, на первый взглядъ кажущихся непонятными и „возмутительными", какой-нибудь симпатичный общественный мотивъ и полезный урокъ. Такіе уроки не всегда „пріятно" выслушивать, но, по справедливому замѣчанію Кинэ,—по способности или готовности выслушивать непріятныя истины познается истинное величіе народовъ и правительствъ...

Иные думаютъ, что такіе судебные вердикты, или „уроки", колеблютъ интересы службы, законъ и пр., и что съ переносомъ дѣлъ о преступленіяхъ должности въ суды, гдѣ вліяніе администрцаіи можетъ сказываться сильнѣе, они будутъ рѣшаться правильнѣе. Такое разсужденіе только свидѣтельствуетъ, какъ коротка память у пропагандистовъ „реформы судебной реформы". Обѣщаемый ими *въ будущемъ идеальный* порядокъ суда надъ должностными лицами уже извѣданъ русскимъ обществомъ. Съ этимъ идеаломъ познакомилъ его нашъ старый судъ. Чтобы дать понятіе о направленіи его судебной политики и о силѣ его репрессіи, сошлемся на извѣстное дѣло губернаторскаго протеже, исправника Д. Л—а, разбиравшееся въ 1865 г. въ рязанской уголовной палатѣ. „Мы знаемъ это дѣло,—писали тогдашнія „Московскія Вѣдомости",—съ подробностями такого омерзительнаго свойства, что онѣ не могли бы появиться ни въ какой печати... И дѣло это происходило не въ Хивѣ, не въ Бухарѣ, а въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ Москвы" [1]). Указавъ на то, что палата приговорила „милаго повѣсу къ домашнему аресту на нѣсколько дней", названная газета съ непритворнымъ и

---

[1]) Сущность дѣла названная газета передаетъ такъ: «Нельзя безъ содроганія представить себѣ,—пишетъ она,—даже въ слабомъ и туманномъ очеркѣ тѣ неистовства, которыя творилъ этотъ невѣроятный представитель государственной власти. Отыскивая бѣглыхъ арестантовъ, этотъ исправникъ принялся сѣчь всѣхъ кто ни попадался ему подъ руку, даже изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, и омерзительнѣйшимъ образомъ ругаться надъ женщинами... Онъ дѣйствовалъ такъ достославно, что ему, наконецъ, отказались повиноваться находившіеся подъ его командой люди и вырвали изъ его рукъ несчастную дѣвушку, неподлежавшую, какъ и мать ея, тѣлесному наказанію, надъ которою послѣ истязанія розгами, онъ хотѣлъ надругаться неслыханнымъ образомъ». (Моск. Вѣдом. 1866 г. № 49).

вполнѣ понятнымъ негодованіемъ клеймила наши дорефор-менные порядки по дѣламъ о преступленіяхъ по должности. „Какая оскорбительная насмѣшка надъ тѣмъ, что люди зовутъ справедливостью и чтутъ, какъ общественную нравственность! Одно другого стоитъ: и поступки уѣзднаго блюстителя благочинія, и приговоръ надъ нимъ губернской юстиціи. Но что такое нынѣшняя, отживающая свои дни губернская юстиція? Что такое эти судьи, которые черезъ нѣсколько недѣль должны уступить свое мѣсто другому судоустройству, долженствующему не имѣть съ нимъ почти ничего общаго? Они лишены всякой самостоятельности, особенно, когда приговорамъ ихъ подлежатъ административныя лица и когда, стало-быть, губернскія власти чувствуютъ себя особенно заинтересованными въ судопроизводствѣ“ („Моск. Вѣд.“ 1866 г., № 491).

Вотъ что предшествовало учрежденію суда присяжныхъ. Пусть же враги его, голословно ссылающіеся на „цѣлую массу“ (??) произнесенныхъ ими явно нелѣпыхъ и возмутительно-несправедливыхъ приговоровъ, способныхъ окончательно потрясти въ народѣ вѣру въ судъ и уваженіе къ закону“ („Московск. Вѣд.“ 1889 г., № 207), укажутъ во всей продолжительной практикѣ суда присяжныхъ хоть одинъ вердиктъ, могущій хотя бы отдаленнымъ образомъ итти въ сравненіе съ чудовищнымъ приговоромъ по только что названному дѣлу исправника Л—ва!

ГЛАВА XI.

О возникновеніи суда сословныхъ представителей.

I.

До изданія закона 7-го іюля 1889 г. нормальнымъ судомъ по уголовнымъ дѣламъ признавался у насъ, въ силу Судебныхъ Уставовъ, судъ присяжныхъ, за крайне ограниченными изъятіями, изъ коихъ большинство носило временный характеръ. Законъ же 7-го іюля, рядомъ съ судомъ присяжныхъ и, пожалуй, надъ нимъ, учредилъ судъ особаго присутствія судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей, или, какъ его называютъ, не совсѣмъ удачно [1]), судъ сословныхъ представителей, въ пользу котораго и изъялъ изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ многочисленныя категоріи важнѣйшихъ дѣлъ (въ общемъ—изъяты преступленія, предусмотрѣнныя въ нѣсколькихъ десяткахъ статей уложенія). Въ виду той важности, которую, такимъ образомъ, получило особое присутствіе палаты, не безынтересно познакомиться съ исторіею его происхожденія и мотивами его учрежденія.

По первоначальному плану главныхъ дѣятелей судебной реформы, не предполагалось допускать никакихъ изъятій изъ начала суда присяжнаго. Въ знаменитыхъ „соображеніяхъ“ государственной канцеляріи, составленныхъ въ 1862 г. при участіи Высочайше прикомандированныхъ къ ней юристовъ [2]). весьма подробно указывались неудобства допущенія коренныхъ „изъятій“ изъ общаго порядка.

---

[1]) По существу своему эта форма, какъ увидимъ, ничѣмъ почти не отличается отъ обыкновеннаго кореннаго суда.

[2]) Государственнымъ секретаремъ былъ въ это время В. П. Бутковъ, а статсъ-секретаремъ С. И. Зарудный, бывшій душою всего дѣла. Прикомандированные юристы были: Н. А. Буцковскій, А. М. Плавскій, К. П. Побѣдоносцевъ, Н. И. Стояновскій, Д. А. Ровинскій и др.; см. книгу мою «С. И. Зарудный» М. 1889 г. и статью мою «Н. А. Буцковскій» въ Вѣстникѣ Европы, 1889 г., № 12.

Вотъ что мы находимъ [1]) въ этихъ соображеніяхъ:

Установленіе [2]) особеннаго порядка судопроизводства по какому-либо роду дѣлъ принимается всегда общественнымъ мнѣніемъ съ недовѣрчивостью. Причина тому заключается въ общемъ убѣжденіи, что юридическій порядокъ дѣйствій, необходимыхъ для обнаруженія истины въ уголовномъ дѣлѣ, не зависитъ отъ свойства преступнаго дѣянія, но долженъ представлять, во всякомъ случаѣ, одинаково справедливое соглашеніе мѣръ, вызываемыхъ преслѣдованіемъ преступленія, съ мѣрами, ограждающими возможную невинность обвиняемаго—одинаково основательный способъ вывода заключенія изъ данныхъ, собранныхъ слѣдствіемъ и выясненныхъ судебными преніями. Поэтому, изъятія изъ общаго порядка судопроизводства должны быть допускаемы только при совершенной невозможности распространенія сего порядка на какой-либо родъ дѣлъ. Конечно, нѣкоторыя преступленія требуютъ особенныхъ дѣйствій къ ихъ раскрытію. Но эти особенныя дѣйствія не выходятъ изъ объема общаго устава уголовнаго судопроизводства и не должны нарушать равномѣрности огражденій, на которыя имѣетъ право всякій обвиняемый, въ какомъ бы преступленіи онъ ни обвинялся. Если можно допустить въ этомъ отношеніи какое-либо различіе, то развѣ только въ томъ смыслѣ, чтобы обвиняемые въ тяжкихъ преступленіяхъ пользовались большими огражденіями, потому что исправленіе ошибочныхъ приговоровъ по тяжкимъ преступленіямъ затруднительнѣе, а иногда и совершенно невозможно. На этомъ основаніи всѣ особенности уголовнаго судопроизводства должны бы сводиться къ различію въ подсудности, которая не можетъ быть одинаковою для всѣхъ дѣлъ: одни изъ нихъ, менѣе важныя и чаще всего встрѣчающіяся, требуютъ преимущественно быстраго и близкаго къ мѣсту происшествія разбирательства, а другія, болѣе важныя и, въ особенности, болѣе вліятельныя на благосостояніе государства, требуютъ преимущественно ручательствъ въ зрѣлости сужденій, зависящей отъ познаній, способности и опытности судей, т.-е. отъ такихъ условій, которыя соединять въ себѣ могутъ скорѣе всего судьи высшихъ судовъ.

---

[1]) Эти замѣчательныя «соображенія» были напечатаны нами впервые въ Журналѣ Гражданскаго и Уголовнаго Права за 1890 г. № 8.

[2]) См. т. XVIII Дѣла о преобразов. суд. части въ Россіи.

При разсмотрѣніи съ этой точки зрѣнія тѣхъ изъятій изъ общаго порядка судопроизводства, которыя обусловливаются въ проектѣ гр. Блудова особенными свойствами противозаконныхъ дѣяній, не представляется, по мнѣнію составителей „соображеній“, достаточнаго основанія къ установленію особеннаго порядка судопроизводства, ни для дѣлъ по преступленіямъ противъ вѣры, ни для дѣлъ о бродяжествѣ, укрывательствѣ бѣглыхъ, членовредительствѣ и нарушеніи уставовъ по разнымъ частямъ казеннаго управленія.

II.

Въ частности о судопроизводствѣ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ, въ „соображеніяхъ“ читаемъ: если вообще всякое изъятіе изъ общаго порядка судопроизводства уголовнаго возбуждаетъ недовѣріе къ суду, котораго дѣйствія въ такомъ случаѣ обыкновенно истолковываются превратно, какъ предпринятыя будто бы не въ общихъ видахъ открытія истины, а въ особенныхъ видахъ правительства, то нечего и говорить о томъ, въ какой степени лишенъ былъ бы довѣрія особенный порядокъ судопроизводства по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ, въ которыхъ государство, преслѣдующее преступленіе, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и юридическое лицо, непосредственно имъ оскорбленное или отъ него потерпѣвшее. Не слѣдуетъ, однако, смѣшивать собственно порядка судопроизводства, въ смыслѣ тѣхъ судебныхъ формъ, посредствомъ коихъ устанавливается равновѣсіе между обвиненіемъ и защитою, съ порядкомъ подсудности, въ которомъ всегда и вездѣ допускались различія не только территоріальныя, но также по роду преступленій и проступковъ, и различія эти не возбуждали предубѣжденія противъ правосудія. Во Франціи, какъ извѣстно, всѣ дѣла уголовныя, въ отношеніи къ подсудности ихъ, раздѣляются, по важности противозаконныхъ дѣяній, на три категоріи: полицейскія нарушенія—разсматриваются въ полицейскихъ судахъ мировыми судьями и мэрами, болѣе важные проступки—разсматриваются въ общихъ судахъ первой степени, которые по дѣламъ этого рода носятъ названіе судовъ исправительной полиціи, а собственно

такъ называемыя преступленія—разсматриваются, при участіи присяжныхъ, въ ассизныхъ судахъ, которые составляются изъ трехъ членовъ суда второй степени или, по крайней мѣрѣ, подъ предсѣдательствомъ одного изъ нихъ и двухъ членовъ суда первой степени. Но не это различіе подсудности, по роду преступленій и проступковъ, было ненавистно французамъ и вызвало постановленія о томъ, что никто не можетъ быть лишонъ права быть судимымъ своими естественными судьями, и что образованіе чрезвычайныхъ судовъ или судебныхъ коммиссій, подъ какими бы то ни было названіями, возбраняется. Здѣсь подъ названіемъ естественныхъ судей подразумѣваются судьи, установленные закономъ для разсмотрѣнія преступленій извѣстнаго рода или для суда надъ людьми извѣстнаго вѣдомства.

Понятно, что передача дѣла, возникшаго не въ томъ судѣ, которому оно подсудно по закону, или образованіе для такого дѣла особаго суда, можетъ возбудить мысль о подборѣ судей въ виду какъ совершившагося уже преступленія, такъ и подозрѣваемыхъ въ немъ лицъ. Но ничего общаго съ этой мыслію не имѣетъ общее правило закона, что нѣкоторыя дѣла особенной важности для государства разсматриваются непосредственно, напримѣръ, въ областныхъ (судебныхъ) палатахъ. Если бы члены окружныхъ судовъ назначались по выборамъ сословій, а члены областныхъ палатъ опредѣлялись отъ правительства, то, конечно, отнесеніе какого-либо рода дѣлъ къ непосредственному разсмотрѣнію въ силахъ палатъ, помимо окружныхъ судовъ, могло бы возбудить недовѣріе къ суду палатъ по дѣламъ этого рода. Но если члены всѣхъ судебныхъ мѣстъ, какъ окружныхъ, такъ и областныхъ, называемыхъ палатами, будутъ опредѣляться отъ правительства, то въ такомъ случаѣ не можетъ даже возникнуть какого-либо сомнѣнія въ томъ, что судьи высшихъ судовъ, наиболѣе просвѣщенные и уважаемые, будутъ не менѣе самостоятельны и безпристрастны, чѣмъ судьи нижнихъ судовъ. Судъ по преступленіямъ государственнымъ,—говорится далѣе въ „соображеніяхъ“,—долженъ производиться въ областной палатѣ (по уголовному департаменту), согласно съ общими правилами уголовнаго судопроизводства. Здѣсь возникъ вопросъ: можно ли предоставить по дѣламъ этого рода опредѣленіе вины или невинности подсудимыхъ присяжнымъ засѣдателямъ?

Обсужденіе въ уголовномъ дѣлѣ фактической его стороны не чрезъ постоянныхъ судей, а чрезъ представителей общества, называемыхъ присяжными, сказано въ соображеніяхъ, составляетъ для подсудимыхъ дѣйствительную гарантію, въ чемъ нельзя и сомнѣваться; съ другой стороны тяжкія обвиненія требуютъ наибольшихъ гарантій въ правдивости суда: посему нельзя безъ нарушенія справедливости лишить этой гарантіи подсудимыхъ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ, за которыя исключительно, какъ за преступленія самыя тяжкія, законы наши опредѣляютъ смертную казнь. Гарантія, доставляемая судомъ чрезъ присяжныхъ, получаетъ особенно важное значеніе именно въ дѣлахъ по преступленіямъ государственнымъ, потому что въ сихъ дѣлахъ, какъ замѣчено выше, государство, преслѣдующее преступленіе, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и юридическое лицо, непосредственно оскорбленное или потерпѣвшее отъ преступленія. Поэтому, разсуждаютъ „юристы государственной канцеляріи", сколь бы ни были безпристрастны и самостоятельны судьи, опредѣленные отъ правительства, рѣшенія ихъ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ никогда не будутъ пользоваться довѣріемъ общества. По дѣламъ этого рода, разсматриваемыхъ безъ присяжныхъ, всегда будутъ нареканія въ пристрастіи, преувеличеніи вины и притѣсненіи подсудимыхъ, отчего самые важные преступники не рѣдко представляются въ глазахъ общества несчастными жертвами и разыгрываютъ роль мучениковъ и страдальцевъ за истину. Для восторженныхъ умовъ страхъ наказанія безсиленъ при общественномъ сочувствіи къ наказанному, а лишить государственнаго преступника этого сочувствія можно тогда, когда онъ будетъ осужденъ самимъ обществомъ, въ лицѣ его представителей.

Правда, что преслѣдованіе государственныхъ преступленій судомъ чрезъ присяжныхъ можетъ быть энергическимъ лишь при извѣстной степени согласія между стремленіями правительства и общества. Но въ дѣлахъ сего рода осужденіе присяжными имѣетъ такую нравственную силу, что если бы оно и встрѣчалось рѣже, чѣмъ осужденіе чрезъ правительственныхъ судей, то и въ такомъ случаѣ вліяніе уголовнаго закона на общество было бы дѣйствительнѣе. Притомъ правитель-

ство, не отвергающее никакихъ полезныхъ преобразованій къ усовершенствованію государственнаго управленія и общественнаго порядка, не можетъ не найти поддержки со стороны благомыслящей части общества въ преслѣдованіи злоумышленниковъ, стремящихся къ разрушенію существующаго порядка во имя своихъ вредныхъ ученій и выдающихъ себя за представителей общества, съ тѣмъ, чтобы навязывать ему свою преступную волю. Такіе злоумышленники всегда появлялись во времена переходныя, когда строй общественной жизни пересоздается большею или меньшею частью, вслѣдствіе нѣкоторыхъ коренныхъ преобразованій, и если вліяніе такихъ людей поддерживалось иногда долѣе того времени, которое потребно было для разоблаченія ихъ своекорыстныхъ и вредныхъ ученій, то, конечно, отчасти и отъ того, что правительства преслѣдовали государственныхъ преступниковъ безъ участія и поддержки общества и давали имъ возможность разыгрывать роль угнетенныхъ жертвъ мнимаго прогресса. Необходимо, чтобы само общество осудило такихъ людей, и у насъ оно непремѣнно ихъ осудитъ, если доступъ въ присяжные по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ будетъ открытъ только лицамъ зрѣлыхъ лѣтъ, имѣющимъ обезпеченныя средства къ жизни и способнымъ къ обсужденію какъ важности сихъ преступленій, такъ и точной силы письменныхъ доказательствъ, на которыхъ обыкновенно основывается обвиненіе въ этихъ преступленіяхъ. Само собою разумѣется, что рѣшенія присяжныхъ могутъ имѣть только тогда нравственную силу, когда присяжные будутъ избираемы не правительственными чинами, а представителями сословныхъ управленій общества. Начальнику губерніи въ составленіи списка присяжныхъ можетъ быть предоставлено только отрицательное участіе, т.-е. право исключенія изъ списка людей, въ благонадежности коихъ онъ сомнѣвается. На семъ основаніи „юристы“ проектировали правила:

1) что списокъ лицъ, могущихъ быть присяжными засѣдателями по дѣламъ о государственныхъ и другихъ преступленіяхъ, подсудныхъ непосредственно судебной палатѣ, составляется ежегодно изъ общихъ списковъ присяжныхъ засѣдателей мѣстнаго окружнаго суда;

2) что составленіе сего списка возлагается на особый

комитетъ, состоящій подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя, изъ уѣздныхъ предводителей дворянства, городскихъ головъ и мировыхъ судей судебнаго округа, и передается на разсмотрѣніе мѣстнаго начальника губерніи, который можетъ сократить число избранныхъ лицъ на одну треть и даже на половину, съ тѣмъ, однако, чтобы въ спискѣ оставалось не менѣе двойного комплекта, въ которомъ присяжные призываются къ засѣданіямъ, т.-е. не менѣе 60 лицъ;

3) что присяжные засѣдатели приглашаются въ областную палату къ засѣданію по мѣрѣ открывающейся въ томъ надобности, въ числѣ 30 лицъ, имена коихъ вынимаются по жребію въ присутствіи уголовнаго департамента палаты, и

4) что въ судебной палатѣ отводъ присяжныхъ, избраніе изъ числа неотведенныхъ лицъ присяжныхъ для составленія присутствія, постановленіе ими рѣшенія о винѣ или невинности подсудимаго и, по ихъ рѣшенію, судебнаго приговора, производятся тѣмъ же порядкомъ, какой предначертанъ для дѣлъ, разсматриваемыхъ съ участіемъ присяжныхъ въ окружныхъ судахъ.

Если вообще рѣшенія состоящихъ на службѣ о виновности лицъ, преслѣдуемыхъ за государственныя преступленія, не пользуются довѣріемъ общества, то еще меньшимъ сочувствіемъ могутъ пользоваться тѣ изъ сихъ рѣшеній, которыя относятся къ низшимъ степенямъ означенныхъ преступленій, въ которыхъ вина подсудимыхъ менѣе осязательна. Участіе присяжныхъ въ постановленіи уголовныхъ приговоровъ столь свойственно дѣламъ о преступленіяхъ государственныхъ, что оно должно быть распространено на всѣ эти дѣла безъ изъятія, хотя бы подсудимые подлежали наказаніямъ, несоединеннымъ ни съ лишеніемъ, ни съ ограниченіемъ правъ состоянія. Это тѣмъ необходимѣе, что для различныхъ степеней какого бы то ни было преступленія, неудобно было бы устанавливать различные порядки судопроизводства, потому что такимъ образомъ нерѣдко приходилось бы въ одномъ и томъ же дѣлѣ, по мѣрѣ обнаруженія большей или меньшей степени злого умысла, измѣнять порядокъ судопроизводства.

III.

Иначе взглянулъ на дѣло государственный совѣтъ [1]). При сужденіи о порядкѣ, какой слѣдуетъ установить для дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, соединенные департаменты [2]) приняли на видъ, что преступленія государственныя, какъ направленныя не противъ частныхъ лицъ или отдѣльныхъ членовъ общества, а противъ всего государства, или верховной власти, гораздо важнѣе и опаснѣе всѣхъ другихъ преступленій, но, по особому свойству своему, не всегда и не во всѣхъ членахъ общества возбуждаютъ такое отвращеніе, какое возбуждаютъ другія преступленія, особенно если прикрываются ложною наружностью мнимаго желанія общественнаго блага. Наружность эта иногда такъ обманчива, что для многихъ людей, имѣющихъ неправильныя понятія о долгѣ гражданина и отношеніяхъ его къ правительству, самыя преступныя дѣла представляются совсѣмъ въ иномъ видѣ, получаютъ совсѣмъ другое значеніе и, вмѣсто строгаго, вполнѣ заслуженнаго осужденія, встрѣчаютъ сочувствіе. Притомъ политическія и соціальныя теоріи, направленныя противъ существующаго порядка вещей въ государствѣ и обществѣ, имѣютъ столько оттѣнковъ, что отъ пустыхъ почти невинныхъ мечтаній и утопій, доходятъ до самыхъ вредныхъ ученій, подрывающихъ даже возможность общественной жизни, но иногда и тѣ и другія людьми неопытными считаются равно ничтожными и безвредными. При такихъ воззрѣніяхъ представить присяжнымъ, избраннымъ обществомъ, разрѣшеніе вопроса о преступности или непреступности ученій и дѣйствій, превратно толкуемыхъ и невѣрно понимаемыхъ многими, иногда даже добросовѣстными членами общества, значило бы оставить государство, общество и власть безъ всякой защиты.

Съ другой стороны, часто, вслѣдствіе случайнаго стеченія совершенно посторонннихъ обстоятельствъ, нѣкоторыя дѣйствія получаютъ въ глазахъ большинства всего народонасе-

---

[1]) См. томъ XIX Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи, журналъ соединенныхъ департаментовъ, № 65.

[2]) Въ соединенныхъ департаментахъ присутствовали: кн. Гагаринъ, гр. Панинъ, Кочубей, бар. Корфъ, Литке, Бахтинъ, Норовъ, Гофманъ, Толстой и Мухановъ.

ленія такое преступное значеніе, что оно, увлекаясь мщеніемъ, страхомъ и ненавистью, готово придумать для нихъ такія казни, отъ которыхъ давно уже отказалось уголовное правосудіе, а еще чаще, вслѣдствіе болѣзненной подозрительности, способно даже дѣйствія, вовсе ничего не значащія, признать за важныя преступленія. При такомъ настроеніи умовъ предоставить присяжнымъ рѣшеніе вопроса о виновности или невиновности лицъ, обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ, значило бы отдать ихъ на жертву народной мстительности.

Нельзя также не принять въ соображеніе, что въ той средѣ нашего общества, изъ которой предполагается назначать большинство присяжныхъ, встрѣчаются, къ сожалѣнію, и распространяются различными средствами ошибочныя понятія о государственномъ устройствѣ, объ его отношеніяхъ къ отдѣльнымъ частнымъ лицамъ и о тѣхъ обязанностяхъ, которыя возникаютъ изъ необходимости поддержанія и сохраненія сихъ отношеній, для блага всего государства, преуспѣванія общественной жизни и благосостоянія гражданъ.

Между тѣмъ весьма желательно, чтобы учрежденіе присяжныхъ дѣйствовало у насъ сколь возможно успѣшнѣе и пріобрѣло то довѣріе и уваженіе, котораго оно заслуживаетъ, а для этого необходимо, на первое время его введенія, предоставить присяжнымъ засѣдателямъ только разборъ такихъ преступленій, по которымъ отъ нихъ можно ожидать приговоровъ безошибочныхъ.

Очевидно, что во всѣхъ выше упомянутыхъ случаяхъ и государство и подсудимые могутъ ожидать полнаго обезпеченія только отъ суда безпристрастнаго и вполнѣ просвѣщеннаго, дѣйствующаго не по увлеченію, не по страсти или предразсудкамъ, а по строгимъ законамъ справедливости, отъ суда, пользующагося равнымъ довѣріемъ какъ правительства, такъ и общества, которое всегда смотритъ съ недовѣріемъ на преслѣдованіе преступленій государственнымъ судомъ негласнымъ и состоящимъ изъ судей, опредѣляемыхъ отъ правительства, отчего нерѣдко случается, что осуждаемые встрѣчаютъ сочувствіе въ общественномъ мнѣніи, и наказаніе ихъ не достигаетъ своей цѣли.

Все вышеизложенное приводитъ къ убѣжденію, что въ настоящее время судъ по государственнымъ преступленіямъ не можетъ производиться съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, избираемыхъ общимъ, вновь установляемымъ порядкомъ, а долженъ быть устроенъ такимъ образомъ, чтобы высокое общественное положеніе судей служило ручательствомъ въ строгомъ, но справедливомъ преслѣдованіи ими всякаго злоумышленія противъ верховной власти и установленнаго государственными законами образа правленія, чтобы при семъ подсудимые пользовались всѣми средствами защиты, установленными общимъ порядкомъ уголовнаго судопроизводства, и чтобы вмѣстѣ съ судьями, въ охраненіи государственныхъ учрежденій и общаго спокойствія и въ огражденіи подсудимыхъ, участвовали представители какъ правительственной власти, такъ и всѣхъ сословій.

На основаніи сихъ соображеній соединенные департаменты полагали: производство слѣдствія и суда по государственнымъ преступленіямъ предоставить судебной палатѣ, члены которой, съ опытностью въ производствѣ и сужденіи дѣлъ, будутъ соединять, по высокому и независимому положенію и знаніямъ своимъ, ручательство въ безпристрастномъ изслѣдованіи и зрѣломъ обсужденіи дѣла и, сверхъ того, къ составу присутствія палаты, по дѣламъ сего рода, присоединять высшихъ представителей сословныхъ обществъ, именно: мѣстнаго губернскаго предводителя дворянства, одного изъ уѣздныхъ предводителей дворянства мѣстнаго судебнаго округа и одного изъ городскихъ головъ того же округа и, наконецъ, по избранію мѣстнаго губернскаго начальства, одного изъ волостныхъ головъ или старшинъ того уѣзда, въ коемъ находится палата. Сіи сословные представители должны участвовать, наравнѣ съ членами палаты, какъ въ опредѣленіи по большинству голосовъ, вины или невинности подсудимаго, такъ и въ постановленіи приговора о наказаніи признаннаго виновнымъ. Порядокъ назначенія сихъ лицъ долженъ быть опредѣленъ подробно въ уставѣ уголовнаго судопроизводства.

Сими правилами, по мнѣнію соединенныхъ департаментовъ, будетъ совершенно обезпеченъ правильный судъ по дѣламъ о государственныхъ престу-

пленіяхъ, а затѣмъ уже не представится надобности учреждать, для отдѣльныхъ случаевъ, особые суды, дѣйствія которыхъ почти всегда возбуждаютъ недовѣріе и толкуются превратно, какъ предпринятыя, будто бы, не для открытія истины, а въ особенныхъ видахъ правительства.

Таковы соображенія, приведшія къ созданію специальнаго трибунала для сужденія о государственныхъ преступленіяхъ. Этому именно трибуналу—особому присутствію судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей—и передалъ законъ 7-го іюля 1889 г. значительное количество дѣлъ, ничего общаго съ государственными преступленіями не имѣющихъ.

ГЛАВА XII.

Законъ 7-го іюля 1889 г. и судъ сословныхъ представителей.

Въ политическихъ процессахъ самую надежную опору правительства составляютъ именно частныя лица, простые граждане, потому что интересы ихъ всегда тождественны съ интересами правительства, вслѣдствіе чего враги порядка должны непремѣнно ждать отъ нихъ осужденія.

Миттермайеръ.

I.

Въ исторіи законодательства, какъ и въ жизни, попадаются баловни судьбы, родившіеся подъ счастливою звѣздою, и, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, достигающіе большаго развитія и преуспѣянія. Такимъ счастливчикомъ оказался судъ сословныхъ представителей. И по идеѣ онъ представляетъ нѣчто неуклюжее, нескладное и пестрое, и по характеру своему, какъ учрежденіе „временное“, онъ не имѣлъ, какъ показываетъ его исторія, никакихъ данныхъ къ жизнеспособности и долговѣчности, такъ какъ предполагалось въ скоромъ времени замѣнить его тѣмъ „естественнымъ“ судомъ присяжныхъ, временнымъ суррогатомъ коего онъ являлся. Но судьба судила иначе: законы, какъ и libelli habeut sua fata! Въ то время, какъ нормальный судъ хирѣлъ и терялъ территорію, суррогатъ началъ пополняться на его счетъ и если бы осуществилась мечта враговъ присяжныхъ, то мы присутствовали бы при осуществленіи на яву сна Фараона о томъ, какъ тощія коровы пожрали жирныхъ.

Какъ произошелъ этотъ неожиданный ростъ спеціальнаго суда?

Предубѣжденіе противъ суда присяжныхъ по дѣламъ о преступленіяхъ, направленныхъ противъ должностныхъ лицъ, окрѣпло, если не создалось главнымъ образомъ послѣ извѣстнаго дѣла Засуличъ, которое такъ долго и недобросовѣстно эксплоатировали и эксплоатируютъ враги суда присяжныхъ. Мы тутъ не будемъ разбирать исключительныхъ особенностей этого дѣла, замѣтимъ только, что въ 70-хъ годахъ, какъ справедливо отмѣчаетъ проф. Фойницкій, даже военные суды не удовлетворили правительство [1])... Указывали иногда на то, что по преступленіямъ, направленнымъ противъ властей, присяжные оправдываютъ гораздо чаще, чѣмъ, напр., коронный судъ въ варшавскомъ округѣ. Но тутъ сравниваются величины несоизмѣримыя. Исключительное положеніе судей варшавскаго округа всѣмъ извѣстно. Именно въ дѣлахъ о столкновеніяхъ между туземцами и пришлыми агентами власти, суды варшавскаго округа наименѣе должны быть свободны въ своихъ приговорахъ и вольно и невольно платить дань такъ-называемымъ высшимъ административнымъ или политическимъ соображеніямъ. Что же общаго между ненормальнымъ положеніемъ дѣлъ на польской окраинѣ и внутренними губерніями Россіи? Въ интересахъ правосудія не желательнѣе ли наши порядки распространить на варшавскій округъ, нежели намъ брать съ него примѣръ? Эти простыя истины, къ сожалѣнію, не разъ затемнялись у насъ.

Благодаря ненормальнымъ условіямъ нашей печати, при которыхъ одна сторона можетъ излагать свои соображенія безъ всякихъ стѣсненій, а другая должна тщательно обходить самыя важныя стороны предмета молчаніемъ или ограничиваться намеками, нарушаются у насъ нерѣдко правильныя условія распредѣленія свѣта и тѣней обсуждаемаго предмета, и вопросы получаютъ неправильную постановку. Только благодаря такимъ своеобразнымъ условіямъ, могла создаться новомодная курьезная доктрина, имѣющая цѣлью выставить судъ сословныхъ представителей, какъ послѣднее слово „нынѣшней“ науки о процессѣ.

Какія же такія необыкновенныя достоинства у новой организаціи особаго присутствія судебной палаты, съ участіемъ

---

[1]) См. курсъ угол. суд. стр. 521.

сословныхъ представителей, созданной закономъ 7-го іюля 1889 года?

По устройству своему это установленіе ближе всего подходитъ къ существовавшимъ до сихъ поръ при сенатѣ и судебной палатѣ особымъ присутствіямъ для сужденія о политическихъ и нѣкоторыхъ другихъ преступленіяхъ, но оно имѣетъ и нѣкоторыя свои особенности. Измѣненъ прежде всего количественный составъ присутствія: прежде оно состояло изъ 9 лицъ (5 коронныхъ судей и 4 сословныхъ представителя), теперь же оно будетъ состоять изъ 7 лицъ (4 коронныхъ судей и 3 сословныхъ представителя—губернскій предводитель дворянства, городской голова губернскаго города и волостной старшина). Такимъ образомъ юристы-техники попрежнему будетъ имѣть большинство на своей сторонѣ. Въ качественномъ отношеніи произведена одна перемѣна: вмѣсто двухъ предводителей дворянства участвуетъ одинъ. Въ самомъ порядкѣ приглашенія сословныхъ представителей также сдѣлано измѣненіе. Прежде всѣ представители приглашались по очереди списка, составленнаго губернаторомъ. Теперь участіе двухъ представителей опредѣляется мѣстомъ засѣданія палаты, а волостной старшина выбирается по жребію. Сословные представители совершенно уравнены съ судьями и наравнѣ съ ними участвуютъ какъ въ опредѣленіи вины, такъ и въ квалификаціи преступленія и назначеніи наказанія. Приговорамъ особаго присутствія присвоена сила вердикта присяжныхъ, и они могутъ быть обжалованы только въ кассаціонномъ порядкѣ, но не въ апелляціонномъ. Такова организація особаго присутствія, данная закономъ 7-го іюля.

Въ ней прежде всего бросается въ глаза непосредственное вліяніе одного изъ основныхъ началъ судебной реформы. Въ нашихъ старыхъ судовъ высшія судебныя инстанціи (департаменты сената) имѣли исключительно б ю р о к р а т и ч е с к і й составъ и только въ 1864 г. признана была у насъ справедливость а к с і о м ы правильнаго судоустройства, — необходимость участія въ уголовномъ судѣ н а р о д н а г о элемента. Начала судебной реформы пустили въ общественномъ сознаніи такіе глубокіе корни, что даже въ нынѣшнее неблагопріятное для нея время признается невозможнымъ полное игнорированіе ихъ. Такимъ образомъ въ настоящее время рѣчь мо-

жетъ быть не о принципѣ участія народа въ отправленіи правосудія, а лишь о формѣ его, о порядкѣ его организаціи.

Какая же изъ двухъ формъ предпочтительнѣе и какая лучше обезпечиваетъ интересы правосудія: судъ ли присяжныхъ или присутствіе съ сословными представителями? Разсматривая организацію особыхъ присутствій судебныхъ палатъ, прежде всего нельзя не констатировать, что это учрежденіе отличается крайнею оригинальностью. Имѣя преобладающій характеръ коронnаго суда, это своеобразное учрежденіе имѣетъ сходственныя черты и съ судомъ шеффеновъ, и съ судомъ присяжныхъ, и съ нашими старыми сословными засѣдателями, не совпадая, однако, ни съ однимъ изъ этихъ типовъ. Особое присутствіе сходно съ шеффенами и сословными *засѣдателями старыхъ судовъ въ томъ отношеніи, что* сословные представители участвуютъ какъ въ рѣшеніи вопроса о виновности, такъ и въ примѣненіи наказанія. Отличается оно: отъ суда шеффеновъ тѣмъ, во-первыхъ, что эти послѣдніе выбираются изъ того же списка, откуда берутся и присяжные, а, во-вторыхъ, тѣмъ, что шеффены составляютъ большинство, а не меньшинство присутствія (на двухъ шеффеновъ одинъ коронный судья). Отъ старыхъ сословныхъ „засѣдателей“ сословные „представители“ отличаются, съ одной стороны, къ выгодѣ своей, тѣмъ, что являются временными, а не постоянными членами суда, а къ невыгодѣ—тѣмъ, что сословные засѣдатели выбирались именно для отправленія судебной функціи, и потому при избраніи имѣлось или должно было имѣться въ виду знакомство съ законами и судебною практикою, а сословными представителями являются лица, избранныя для административно-хозяйственныхъ или почетно-сословныхъ должностей, при избраніи на которыя въ лучшемъ случаѣ руководятся довѣріемъ къ личности избираемаго, но не юридическимъ цензомъ, а иногда, какъ, напр., при избраніи на должность предводителя дворянства, родовитостью, связями и хлѣбосольствомъ избираемаго.

Въ какомъ же отношеніи находится „судъ сословныхъ представителей“, какъ его стали теперь называть, къ суду коронному? Присоединяя представителей сословій къ коронному суду, очевидно, исходили изъ той общепризнанной истины, что участіе народнаго элемента, т.-е. людей болѣе незави-

симыхъ и свѣжихъ, чѣмъ назначенные правительствомъ судьи, сообщаетъ судебному рѣшенію большій авторитетъ. Но мысль эта не проведена до конца. Въ самомъ дѣлѣ, если коронные судьи внушаютъ меньше довѣрія, чѣмъ судъ сословныхъ представителей, то и слѣдовало послѣднимъ предоставить б о л ь ш и н с т в о голосовъ, а не меньшинство, а иначе это не судъ сословныхъ представителей, а судъ юристовъ-техниковъ. Впрочемъ, въ одномъ отношеніи можно даже радоваться, что „сословные представители“ оставлены въ меньшинствѣ, потому что нѣкоторые изъ нихъ далеко не поставлены въ такія условія, чтобы ихъ общественное положеніе и условія дѣятельности на судѣ обезпечивали ихъ рѣшеніямъ больше независимости, а стало быть и авторитета, чѣмъ приговорамъ несмѣняемыхъ коронныхъ судей.

„Въ дѣлахъ судебныхъ, — разсуждалъ государственный совѣтъ, при учрежденіи несмѣняемости судей,—могутъ быть нерѣдко заинтересованы или непосредственно, или въ качествѣ покровителей подсудимыхъ лица, н а ч а л ь с т в у ю щ і я надъ судьями или вообще сильныя по своему положенію въ обществѣ. Такія лица имѣютъ множество средствъ, не роняя внѣшняго достоинства, дать судьѣ п о ч у в с т в о в а т ь и х ъ в л і я н і е. Конечно, судья, проникнутый чувствомъ своего долга, не станетъ торговаться съ совѣстью для угожденія кому бы то ни было. Но учрежденія, имѣя дѣло с ъ д ѣ й с т в и т е л ь н ы м ъ, а н е и д е а л ь н ы м ъ порядкомъ вещей, не могутъ не принимать въ расчетъ людскихъ страстей и слабостей... Наши основные законы гласятъ, что законы должны быть исполняемы безпристрастно, несмотря на лица и не внимая ничьимъ требованіямъ и предложеніямъ. Но законодательство, установляя такое правило, должно вмѣстѣ съ тѣмъ о б е з п е ч и т ь е г о и с п о л н е н і е, должно поставить судей въ такое положеніе, чтобы они могли исполнять свои обязанности б е з ъ о с о б ы х ъ с ъ и х ъ с т о р о н ы п о д в и г о в ъ с а м о о т в е р ж е н і я“ [1]).

Смотря на дѣло съ такой, чисто практической точки зрѣнія, нельзя не согласиться, что коронные судьи особаго присутствія поставлены въ болѣе благопріятныя условія для спра-

---

[1]) См. т. XVIII Дѣла о преобраз. суд. части. Соображенія Гос. Канц., стр. 71 (92).

ведливаго рѣшенія дѣлъ, нежели нѣкоторые сословные представители. Въ большинствѣ дѣлъ, подвѣдомыхъ особому присутствію палаты, мѣстныя и высшія власти заинтересованы (такъ было, напр., по дѣлу невинно осужденнаго почтмейстера Пономарева). Онѣ будутъ являться или въ качествѣ потерпѣвшей стороны (оскорбленія, насилія противъ должностныхъ лицъ), или обвиняемыхъ (въ преступленіяхъ по должности), а потому положеніе сословныхъ представителей будетъ если не всегда, то довольно часто весьма щекотливо.

Но, спросятъ, почему лица, входящія въ составъ особыхъ присутствій, сословные представители будутъ болѣе безпристрастны въ качествѣ присяжныхъ засѣдателей? На это не трудно дать отвѣтъ. Одно изъ драгоцѣнныхъ преимуществъ суда присяжныхъ состоитъ въ томъ, что вердиктъ ихъ формируется безъ всякаго посторонняго давленія со стороны властей или частныхъ лицъ. Объясняется это тѣмъ, во-первыхъ, что заранѣе не бываетъ извѣстенъ составъ присутствія, которое будетъ судить данное дѣло, а, во-вторыхъ, въ составѣ 12-ти совершенно равныхъ между собою лицъ не нужно большого мужества, чтобы по совѣсти подать свой голосъ, тѣмъ болѣе, что совѣщаніе присяжныхъ не подлежитъ оглашенію (ст. 677 Уст. уг. суд.). „Институтъ присяжныхъ, по справедливому замѣчанію проф. Фойницкаго, даетъ возможность и людямъ съ меньшимъ гражданскимъ мужествомъ проявлять стойкость и энергично отражать незаконныя притязанія“ [1]).

Но помимо этой капитальной разницы между судомъ присяжныхъ и судомъ сословныхъ представителей, эти послѣдніе и на самомъ дѣлѣ поставлены въ несравненно менѣе благопріятныя условія для дѣятельности, нежели первые. Однимъ изъ важнѣйшихъ недостатковъ въ организаціи нашихъ старыхъ сословныхъ засѣдателей было возложеніе на нихъ обязанности не только обсужденія фактической стороны дѣла, но и всѣхъ юридическихъ вопросовъ, вытекающихъ изъ него. Такое фальшивое положеніе засѣдателей привело къ тому, что они превратились, какъ удостовѣряютъ извѣстные знатоки нашей старой судебной практики, Д. А. Ровинской и Н. А.

---

[1]) Курсъ уголовнаго судопр., стр. 390.

Буцковскій, въ игрушку или простую ширму въ рукахъ судей и секретарей [1]). Легко представить себѣ, къ чему сведется и участіе новыхъ сословныхъ представителей при разрѣшеніи юридическихъ вопросовъ и въ частности при примѣненіи наказанія, когда приходится имъ обратиться къ мудренымъ постановленіямъ Уложенія и къ той массѣ кассаціонныхъ рѣшеній, въ которыхъ и искушенные юристы не знаютъ часто, какъ разобраться.

Но это бы еще не бѣда. Пусть бы въ юридическихъ вопросахъ юристы имѣли принадлежащее имъ по праву преобладающее вліяніе. Но дѣло въ томъ, что и въ обсужденіи фактической стороны дѣла сословные представители неминуемо должны попасть въ тотъ фарватеръ, куда ихъ будетъ, незамѣтно для нихъ самихъ, толкать авторитетное вліяніе опытныхъ и свѣдущихъ юристовъ. Если такое явленіе, по удостовѣренію Гнейста, замѣчается на судѣ шеффеновъ, гдѣ послѣдніе составляютъ большинство, то тѣмъ болѣе будетъ замѣтно въ коллегіи, гдѣ сословные представители составляютъ меньшинство. Оставляя даже въ сторонѣ то громадное разстояніе, которое отдѣляетъ, напримѣръ, волостного старшину отъ представителей другихъ сословій и отъ „судебныхъ генераловъ“, легко ли будетъ вести „диспутъ“ даже городскому головѣ и предводителю дворянства съ искушенными въ діалектикѣ и тонкихъ анализахъ членами палаты, импонирующими и своею опытностью, и своимъ знакомствомъ съ письменнымъ производствомъ дѣла. Самая мотивировка судебныхъ приговоровъ, лежащая на коронныхъ судьяхъ, также должна способствовать усиленію значенія коронныхъ судей, такъ какъ они одни имѣютъ достаточные навыки для изложенія на письмѣ приговоровъ и особыхъ мнѣній [2]). Безъ сомнѣнія, вліяніе юристовъ существуетъ и на судѣ присяжныхъ, но здѣсь оно проявляется публично и дѣйствуетъ на нихъ п р о с в ѣ щ а ю щ и м ъ, а н е п о д а в л я ю щ и м ъ образомъ; оно совершенствуетъ, а не сводитъ къ нулю участіе „народнаго элемента“.

---

[1]) См. Записку Ровинскаго, стр. 23, и Записку Буцковскаго, стр. 53

[2]) Какъ извѣстно, неспособность большинства прежнихъ сенаторовъ излагать свои отдѣльныя мнѣнія служила сильнымъ орудіемъ въ рукахъ оберъ-секретарей для оказанія давленія на нихъ и эксплоатаціи ихъ безпомощности.

Нельзя не упомянуть еще объ одной сторонѣ дѣла, о вліяніи сословнаго элемента на судебное рѣшеніе. Судъ присяжныхъ, по мнѣнію лучшихъ нашихъ процессуалистовъ, имѣетъ еще то достоинство, что сглаживаетъ, какъ бы нейтрализуетъ вліяніе сословныхъ предразсудковъ. Въ судѣ же „сословныхъ" представителей они какъ бы искусственно вызываются наружу. Если же попытки вносить въ дѣло сословныя симпатіи и антипатіи не будутъ имѣть особо вредныхъ послѣдствій, то это слѣдуетъ приписать тому обстоятельству, что на этомъ судѣ перевѣсъ данъ коронным судьямъ.

Такимъ образомъ сравненіе суда сословныхъ представителей съ судомъ присяжныхъ приводитъ къ заключенію, что не только нѣтъ основанія для превознесенія перваго на счетъ второго, но что первый не можетъ даже быть признанъ сколько-нибудь серьезнымъ суррогатомъ второго, такъ какъ онъ въ концѣ концовъ ничѣмъ не отличается отъ суда профессіональныхъ юристовъ. А каковы и какъ велики присущіе ему неизбѣжные недостатки—это всѣмъ извѣстно, а потому не будемъ о нихъ распространяться.

II.

Какъ бы то ни было, реакціонная печать со свойственною ей безцеремонностью стала кричать во всю ивановскую, что послѣ изданія новеллы 7-го іюля судъ сословныхъ представителей посрамилъ и долженъ былъ посрамить судъ присяжныхъ.

„Между тѣмъ, какъ возвѣщали „Московскія Вѣдомости" въ № отъ 16 февраля 1890 г., благодаря тому, что въ нашихъ судебныхъ палатахъ, на основаніи закона 7-го іюля 1889 года, открываются присутствія для разрѣшенія извѣстной категоріи уголовныхъ дѣлъ съ участіемъ сословныхъ представителей, общественная совѣсть начинаетъ успокаиваться въ сознаніи, что преступленія противъ порядка управленія и противъ имуществъ и доходовъ казны перестанутъ совершаться у насъ безнаказанно,—въ окружныхъ судахъ продолжаютъ дѣйствовать по уголовнымъ дѣламъ присяжные засѣдатели, попрежнему произнося приговоры, возмущающіе

общественную совѣсть и способные искоренить въ нашемъ народѣ самыя элементарныя понятія о правосудіи".

Однако первые опыты по примѣненію закона 7-го іюля остудили не въ мѣру восторженное настроеніе враговъ суда присяжныхъ, выдвинули на очередь вопросъ о цѣлесообразности устройства особыхъ присутствій и роли, отведенной въ нихъ сословнымъ представителямъ. Ближайшимъ къ тому поводомъ послужило получившее громкую извѣстность дѣло бѣлопольскаго почтмейстера Пономарева, невинноосужденнаго особымъ присутствіемъ харьковской судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей. Дѣло это обратило на себя серьезное вниманіе петербургской юридической прессы (см. „Журн. Гражд. и Угол. Права", 1890 г., № 2). Безъ сомнѣнія, трудно и даже невозможно было дѣлать какіе-нибудь выводы или заключенія на основаніи единичной ошибки объ общемъ характерѣ дѣятельности того или другого института, но нельзя было однако же отказать въ извѣстномъ значеніи указанному прискорбному промаху. Пусть это случайность, но развѣ не знаменательно то, что она имѣла мѣсто на первыхъ же порахъ дѣятельности новыхъ учрежденій и ничего подобнаго дѣлу Пономарева, сколько намъ извѣстно, не встрѣчалось никогда или почти никогда, въ практикѣ нашего суда присяжныхъ, рѣшившихъ въ теченіе 24-хъ лѣтъ сотни тысячъ дѣлъ.

Никто не станетъ утверждать, чтобы этотъ институтъ обладалъ абсолютнымъ даромъ или магическою формулою къ раскрытію истины на судѣ, но можно смѣло утверждать, не рискуя впасть въ преувеличенія или фальшивую идеализацію, что эта форма суда несравненно больше гарантирована отъ ошибокъ, въ родѣ осужденія Пономарева, нежели судъ сословныхъ представителей. Мы тутъ имѣемъ въ виду не ту гуманную и симпатичную тенденцію суда присяжныхъ, которая побуждаетъ его при безспорности факта виновности относиться съ величайшею гуманностью къ лицамъ, случайно впавшимъ въ преступленіе и вполнѣ заслуживающимъ полнаго сочувствія со стороны суда. Здѣсь судъ присяжныхъ проявляетъ свою благотворную миссію смягченія суроваго единообразія закона примѣнительно къ исключи-

тельнымъ случаямъ, имѣющимъ право на исключительное вниманіе. Словомъ, тутъ судъ присяжныхъ, при наличности виновности, допускаетъ только освобожденіе отъ устарѣлыхъ, чрезмѣрно тяжкихъ наказаній, съ которыми не можетъ мириться общественная совѣсть.

Но въ дѣлѣ Пономарева прискорбная для правосудія ошибка произошла не отъ чрезмѣрной суровости уголовнаго закона, а отъ несовершенства дѣйствія механизма, долженствовавшаго раскрыть истину на судѣ. Никакой уголовный законъ, какъ бы онъ ни былъ суровъ, не можетъ не то что требовать, даже допускать невинныхъ жертвъ. На что ужъ былъ суровъ Воинскій Артикулъ Петра Великаго 1716 года, однако и онъ рекомендовалъ лучше освободить отъ наказанія 10 виновныхъ, нежели осудить невиннаго. Но, провозгласивъ это основное начало правосудія въ теоріи, in abstracto, законодательство наше до самой судебной реформы 1864 г. не могло достигнуть практическаго его осуществленія.

Знатоки нашей старой уголовной практики удостовѣряютъ, что въ старыхъ судахъ было не мало случаевъ осужденія невинныхъ, вызванныхъ не пристрастіемъ судей, а исключительно близорукостью, халатностью и неспособностью ихъ отвлечься отъ усвоенныхъ долгою практикою привычекъ и рутины. Однимъ изъ главныхъ мотивовъ для учрежденія суда присяжныхъ иниціаторы его выставляли его способность „видѣть жизнь непосредственно, а не чрезъ окно кабинета и груды бумагъ“. „Внося въ судъ, какъ люди многообразной внѣшней дѣятельности, не отуманенные исключительными кабинетными занятіями, живой интересъ къ участи подсудимаго, и будучи чужды того категорическаго недовѣрія и равнодушія, которое образуется у судей-техниковъ изъ постояннаго и продолжительнаго обращенія съ уголовными дѣлами, присяжные,—писалъ Буцковскій,—будутъ лучшими органами правосудія, чѣмъ закопавшіеся въ бумагахъ „судьи-техники“ [1]). Едва ли не этому безцѣнному качеству своему обязанъ судъ присяжныхъ своею высокою репутаціей, какъ незамѣнимаго органа истиннаго правосудія и едва ли ошибся петербургскій „Журналъ Гражд. и Угол. Права“,

---

[1]) См. Вѣстникъ Европы 1889 г. № 12, статью «Н. А. Буцковскій и судъ присяжныхъ», стр. 494, 496.

приведя прискорбный инцидентъ по дѣлу Пономарева въ связь съ отсутствіемъ у суда сословныхъ представителей этого драгоцѣннаго свойства суда присяжныхъ.

Указавъ на то, что дѣло Пономарева было рѣшено въ отсутствіе главнаго свидѣтеля Скрипко, который на другой день по осужденіи Пономарева повинился въ совершеніи преступленія, петербургскій журналъ высказываетъ глубокое убѣжденіе въ томъ, что ни одинъ прокуроръ не рѣшился бы на судѣ присяжныхъ вести дѣло при такой „халатной“ обстановкѣ и что сами присяжные потребовали бы допроса этого важнаго свидѣтеля. „Иное дѣло судъ коронный,—замѣчаетъ петербургскій юридичекій журналъ,—какъ бы ни былъ добросовѣстенъ его представитель, но уже одно то, что это судьи по профессіи, мѣшаетъ имъ вполнѣ объективно отнестись къ дѣлу [1]).

Не всѣ однако признаютъ участіе „народнаго“ элемента въ судѣ. Когда обнародована была новелла 7-го іюля о передачѣ нѣкоторыхъ дѣлъ изъ вѣдомства присяжныхъ въ вѣдѣніе судебныхъ палатъ и сословныхъ представителей, то тѣ же „Московскія Вѣдомости“ отмѣтили, какъ удачное нововведеніе ея, предоставленіе коронным судьямъ большинства [2]). Но помимо исторической неточности (въ особомъ присутствіи большинство всегда было на сторонѣ коронныхъ судей), сужденіе это не выдерживаетъ критики. Вѣдь, если коронный судъ представляется столь желательнымъ въ уголовномъ процессѣ, то что же мѣшало вовсе устранить изъ нея „посторонній“ народно-общественный элементъ и всецѣло сосредоточить уголовную юстицію въ рукахъ судей-техниковъ?

Если бы даже и возникло такое предположеніе, то оно вѣроятно не имѣло бы никакихъ шансовъ на успѣхъ въ виду той печальной картины [3]), которую представляетъ собою кав-

---

[1]) Журналъ Гражд. и Уголовн. Права, 1890 г., № 2, стр. 175—176.

[2]) Моск. Вѣд. 1889 г., № 219.

[3]) Въ январьской книгѣ Журнала Гражд. и Уголовнаго Права 1890 г. помѣщенъ разборъ кассированнаго сенатомъ любопытнаго приговора тифлисской судебной палаты по дѣлу принца Кейкубатъ-Мирзы, присужденнаго безъ всякихъ основаній къ 5-лѣтней каторгѣ за поддѣлку 20-копеечной монеты.

казская уголовная юстиція, сосредоточенная въ рукахъ профессіональныхъ судей. Но какъ бы то ни было, новелла 7-го іюля исходитъ изъ другого воззрѣнія,—изъ воззрѣнія, признающаго полезнымъ и даже необходимымъ участіе народнаго элемента въ уголовномъ судѣ. Исходя изъ этого начала, составляющаго аксіому въ современной процессуальной доктринѣ, новелла 7-го іюля дала, однако, суду съ участіемъ сословныхъ представителей такую организацію, которая далеко не обезпечиваетъ въ немъ проявленія тѣхъ благодѣтельныхъ послѣдствій, которыя являются при наличности на судѣ уголовномъ дѣйствительно „народнаго элемента“ [1]).

Происходитъ это не только оттого, что большинство на сторонѣ коронныхъ судей, но и отъ состава особаго присутствія судебной палаты и взаимнаго отношенія двухъ образующихъ его элементовъ. Новелла 7-го іюля, очевидно. желала обезпечить за особымъ присутствіемъ достоинства и хорошія стороны, какъ короннаго суда, такъ и суда присяжныхъ. Удалось ли разрѣшить эту трудную, почти неразрѣшимую задачу? На это не трудно отвѣтить, если принять на видъ, что судъ сословныхъ представителей въ сущности тотъ же коронный судъ съ полунѣмыми засѣдателями.

Осужденіе невиннаго человѣка всегда потрясаетъ общественную совѣсть на болѣе или менѣе продолжительное время. Оно и понятно. Въ случаѣ же осужденія невиннаго Пономарева особенно знаменательно было то обстоятельство, что этотъ тяжкій промахъ правосудія имѣлъ мѣсто на судѣ сословныхъ представителей—судилища, которое по увѣренію его панегиристовъ, призвано было „успокоить возмущенную явно несправедливыми приговорами присяжныхъ общественную совѣсть“.

Печальный исходъ дѣла Пономарева, безъ сомнѣнія, рѣшающаго значенія имѣть не могъ, но какъ фактъ, „характеристичный“ для новыхъ судебныхъ порядковъ, созданныхъ закономъ 7-го іюля 1887 г.,—процессъ этотъ имѣлъ весьма серьезное значеніе, и не лишнее его отмѣтить. Что если вмѣсто чрезмѣрной наклонности къ оправданію, въ которой

---

[1]) См. курсъ Фойницкаго, стр. 380.

незаслуженно укоряли [1]) до сихъ поръ присяжныхъ, явившееся на ихъ смѣну учрежденіе, благодаря организаціи своей, обнаружитъ наклонность удариться въ другую, противоположную крайность? Какъ ни банальны, повидимому, старыя мудрыя правила, рекомендующія лучше оправдать десять виновныхъ, нежели осудить одного невиннаго, или правила о толкованіи всякаго сомнѣнія въ пользу подсудимаго, но развѣ справедливость ихъ не предстала еще разъ, по поводу дѣла Пономарева, во всей своей гуманной привлекательности и неотразимой силѣ?

Вопросы эти возникли сами собою и на нихъ волею-неволею должны были остановиться, съ необычайною для нихъ скромностью и приличіемъ, даже непримиримые противники суда присяжныхъ. За это одно нельзя не быть благодарнымъ процессу Пономарева. Послѣ этого процесса уже не осмѣливались выставлять судъ сословныхъ представителей какъ панацею для безошибочности правосудія и даже замѣтны проблески поворота къ здравомыслію. Такъ, „Московскія Вѣдомости“ провозглашаютъ давно ими забытую истину, что „нельзя дѣлать рѣшительныхъ выводовъ, основываясь на единичномъ случаѣ“ (№ 83, 1889 г.). Газета, привыкшая по поводу каждой мнимой или дѣйствительной ошибки суда присяжныхъ бросать въ нихъ грязью, къ факту „несомнѣнно прискорбной ошибки“ суда составныхъ представителей отнеслась однако съ стоическимъ хладнокровіемъ, ища утѣшенія въ меланхолическомъ размышленіи на тему: „errare humanum est“. Разочарованіе „Московскихъ Вѣдомостей“ въ судѣ сословныхъ представителей шло такъ далеко, что онѣ скептически отнеслись вообще ко „всѣмъ формамъ суда“. Но если исходъ дѣла, какъ можно догадываться изъ одной неясной фразы „Московскихъ Вѣдомостей“, вообще [2]),

---

[1]) Въ обстоятельномъ рефератѣ, доложенномъ въ с.-петербургскомъ юридическомъ Обществѣ 13-го декабря 1880 г. Н. В. Муравьевымъ, вполнѣ опровергается этотъ ошибочный взглядъ. (См. Журн. Гр. и Угол. Права, 1881, № 2).

[2]) Вотъ это мѣсто: «Отмѣтивъ такимъ образомъ капитальные промахи предварительнаго слѣдствія, вліяніе которыхъ на исходъ дѣла неоспоримо, хотя и стоитъ по нашему мнѣнію, внѣ всякой зависимости отъ формы суда»... и пр. см. № 83 Моск. Вѣд. за 1890 г.

„стоитъ внѣ всякой (sic) зависимости отъ формы суда“, стало-быть не было основанія требовать сноса послѣднихъ „развалинъ полуснесеннаго лотерейнаго суда“ [1]). Впрочемъ, цѣль вышеуказанной диверсіи вскорѣ обнаруживается и состоитъ въ томъ, чтобы загладить тяжкое впечатлѣніе, произведенное ошибкою суда сословныхъ представителей, и свести дѣло на простую случайность, одинаково возможную при „всякой“ формѣ суда.

Для смягченія или парализованія этого впечатлѣнія помѣстилъ статью новый журналъ „Юридическая Лѣтопись“. Ссылаясь на то, что „никакихъ положительныхъ указаній (въ подлинникѣ жирнымъ шрифтомъ) виновности Пономарева не было“, что улики „съ одинаковою основательностью могли быть толкуемы за и противъ“, петербургскій журналъ въ апрѣльскомъ № за 1890 годъ находилъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможнымъ утверждать, что „всякій (??) другой судъ сдѣлалъ бы при данномъ положеніи то же, что сдѣлала харьковская судебная палата, стоявшая предъ дилеммою: или Пономаревъ, или Скрипко“. Чѣмъ же, однако, доказываетъ журналъ это болѣе чѣмъ рискованное положеніе о безразличности формы суда и о тождествѣ судебнаго критерія на судѣ коронномъ и судѣ присяжныхъ? Ничѣмъ кромѣ суммарной ссылки на четыре дѣла, изъ которыхъ три имѣютъ самое отдаленное сходство съ дѣломъ Пономарева, а по одному вѣнскіе присяжные обвинили невиннаго. Ergo судъ присяжныхъ ничѣмъ не лучше суда короннаго!—Но при помощи такихъ методологическихъ пріемовъ можно доказывать и опровергать все, что угодно. и, стало-быть, невозможенъ никакой серьезный споръ. Оперируя съ единичными данными, безъ сопоставленія ихъ съ причинами, ихъ пóизведшими, невозможно притти ни къ какимъ положительнымъ выводамъ.

Говорятъ, нельзя съ „увѣренностью“ утверждать, что присяжные оправдали бы Пономарева. Конечно, нужна большая смѣлость, чтобы утверждать это съ безошибочностью или утверждать, какъ это дѣлаетъ „Юридическая Лѣтопись“, что присяжные „сдѣлали бы то же, что и

---

[1]) Моск. Вѣдом. № отъ 20-го іюля 1889 г

харьковская палата", т.-е. осудили бы Пономарева. Но не въ этомъ дѣло. Несравненно важнѣе для оцѣнки сравнительныхъ достоинствъ суда коронnаго и суда присяжнаго другой вопросъ—какъ рѣшаются вообще дѣла, подобныя пономаревскому, на судѣ присяжныхъ, въ силу присущихъ ему, и ему одному особенностей? Это—во-первыхъ, а во-вторыхъ—не произошла ли ошибка по дѣлу Пономарева именно по отсутствію этихъ спеціальныхъ свойствъ у суда сословныхъ представителей или, что то же, коронnаго?

Смотря на дѣло съ такой точно опредѣленной точки зрѣнія, можно смѣло утверждать, что обвиненіе Пономарева было такъ же вѣроятно въ судѣ коронномъ, какъ было невѣроятно на судѣ присяжныхъ. Эту разницу весьма мѣтко охарактеризовалъ „Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго Права", замѣтивъ, что на судѣ присяжныхъ ни одинъ прокуроръ не рѣшился бы вести дѣло при такой „халатной" обстановкѣ (въ отсутствіе свидѣтеля Скрипко, впослѣдствіи сознавшагося въ совершеніи преступленія). „Московскія Вѣдомости" находятъ, что „единственный случай небрежности не можетъ служить аргументомъ за или противъ присяжныхъ".

Тутъ очевидно недоразумѣніе. Петербургскій журналъ имѣлъ въ виду не какую-нибудь спеціальную „небрежность" въ данномъ случаѣ, а ту „халатность" или рутинность, которая вообще господствуетъ и почти неизбѣжна—въ судахъ коронныхъ. Это не частныя погрѣшности, а присущее ихъ организаціи почти органическое свойство.

Всякому мало-мальски знакомому съ бытовыми условіями судебной дѣятельности, извѣстно, какая громадная разница между судоговореніемъ при участіи или безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Насколько въ первомъ случаѣ стороны оживляются, видя предъ собой горячо интересующихся дѣломъ судей, настолько на коронномъ судѣ и стороны и судъ затягиваются тиною рутины и скучнаго ремесла. Обвинитель произноситъ „казенную" рѣчь, будучи убѣжденъ, что онъ говоритъ предъ лицами, которыя, по свойству своихъ профессіональныхъ обязанностей, привыкли къ подсудимому относиться не безъ предубѣжденій, а къ доводамъ обвинителя не безъ благосклоннаго предрасположенія. Замѣчательно,

что та же самая „Юридическая Лѣтопись“, которая заявляетъ, что въ дѣлѣ Пономарева форма суда не играла никакой роли, признаетъ, что „убѣдить“ судей въ виновности всеконечно (sic) прокуроръ не могъ; наибольше, что онъ могъ сдѣлать, это—расположить (sic), такъ сказать, судей къ признанію виновности подсудимаго и только (стр. 344). Но чтобы обвиненіе, державшееся на такихъ „неуловимыхъ, колеблющихся нитяхъ“, могло имѣть какіе-нибудь шансы на успѣхъ, для этого требовалась благосклонная, предрасположенная аудиторія коронныхъ судей, привыкшихъ, благодаря своей профессіи, довѣрять бумагамъ и не слишкомъ стѣсняться возможностью ошибки.

Совершенно иными качествами отличается судъ присяжныхъ. Они вносятъ „живой интересъ къ участи подсудимаго и чужды того категорическаго недовѣрія и равнодушія, которое образуется у судей-техниковъ изъ постояннаго и продолжительнаго обращенія съ уголовными дѣлами“.

Это ожиданіе творцовъ суда присяжныхъ, по единодушному свидѣтельству нашихъ лучшихъ процессуалистовъ, вполнѣ оправдалось. Въ одномъ изъ новѣйшихъ трудовъ по русскому уголовному процессу проф. Тальбергъ въ числѣ высокихъ достоинствъ суда присяжныхъ указываетъ на то, что „онъ свободенъ отъ односторонности и узкости взглядовъ профессіональнаго судьи, отъ склонности послѣдняго къ обобщеніямъ и шаблоннымъ взглядамъ“.—Кромѣ того, присяжные,—говоритъ онъ,—судятъ „на основаніи строго объективныхъ данныхъ, добытыхъ на судебномъ разбирательствѣ, а профессіональный судья, подъ вліяніемъ данныхъ предварительнаго слѣдствія, смотритъ на дѣло съ предубѣжденіемъ [1]).

Вотъ эти-то именно свойства суда присяжныхъ даютъ основаніе думать, что дѣла, подобныя пономаревскому, находятъ болѣе счастливыя для правосудія условія на судѣ присяжныхъ, нежели на судѣ коронныхъ юристовъ. У судей Пономарева, какъ вѣрно замѣчаетъ „Юридическая Лѣтопись“, не могло сложиться „убѣжденіе въ виновности

---

[1]) См. стр. 63—64 «Русск. угол. суд.» Тальберга Кіевъ. 1889 года

его". А если это такъ, если возникало серьезное сомнѣніе, развѣ не слѣдовало оправдать его и развѣ не правъ былъ подсудимый Пономаревъ, упрекая въ кассаціонной жалобѣ своей харьковскую судебную палату за нарушеніе закона, по которому всякое сомнѣніе обращается въ пользу подсудимаго.

Оказывается, что онъ былъ не правъ. Оберъ-прокуроръ А. Ѳ. Кони справедливо указалъ, что это „настойчивое нравственное требованіе есть не предписаніе закона, а добрая судебная традиція". Но кому не извѣстно, что это великое начало объ истолкованіи всякаго сомнѣнія въ пользу подсудимаго, теоретически признанное у насъ даже въ нашемъ старомъ процессѣ (ст. 346 т. XV, ч. 2, зак. о суд.), только на судѣ присяжныхъ нашло полное признаніе и дѣйствительное осуществленіе...

Если бы у нашего суда присяжныхъ не было даже другихъ преимуществъ сравнительно съ судомъ коронным, кромѣ этого стремленія толковать сомнѣнія въ пользу подсудимаго, то уже это одно доказывало бы его неизмѣримое превосходство предъ другими формами суда и наглядно отвергало бы, такъ некстати выдвинутое защитниками суда сословныхъ представителей, парадоксальное положеніе, будто возможность судебной (?) ошибки одинакова (??) при всѣхъ „формахъ суда". Какъ бы ни старались они затушевать огромное и, очевидно, неблагопріятное для короннаго суда впечатлѣніе, произведенное дѣломъ Пономарева,—поучительная сторона его слишкомъ очевидна.

ГЛАВА XIII.

Нашъ судъ присяжныхъ и его враги.

I.

Давно уже замѣчено, что реакціонные органы нашей печати страдаютъ своеобразнымъ недугомъ—особаго рода дальтонизмомъ, благодаря которому имъ представляются въ розовомъ свѣтѣ всѣ наши дореформенные порядки, и, наоборотъ, въ необыкновенно мрачной окраскѣ видятъ они порядки. созданные реформами 60-хъ годовъ. Сила этого психическаго дефекта съ особенною силой сказывается тогда, когда заходитъ рѣчь о судѣ общественной совѣсти, или, какъ привыкли выражаться эти органы печати, „о судѣ улицы“.

Ничѣмъ другимъ, кромѣ наличности такого психоза sui generis, нельзя объяснить себѣ то систематическое извращеніе, которое ежедневно наблюдается на страницахъ извѣстныхъ изданій. Послушать ихъ, такъ никто иной, какъ судъ присяжныхъ, „потрясъ вѣру въ судъ и уваженіе къ закону“ и водворилъ въ русскихъ судахъ „беззаконіе“, „лотерейность“ и „безнаказанность“ [1]). Пусть нашъ судъ присяжныхъ далекъ отъ совершенства, но, спрашивается, какая нужна степень умственной аберраціи, чтобы ставить ему въ образчикъ старый судъ, при воспоминаніи о которомъ, какъ выразился И. С. Аксаковъ, „волосъ становится дыбомъ и морозъ деретъ по кожѣ“?

Слишкомъ жива еще память о безобразіяхъ стараго суда, чтобы нужно было воспроизводить печальныя подробности его хроники,—не лишнее, однако, остановиться на одной сторонѣ дѣятельности его, которую друзья его стараются выста-

---

[1]) Московскія Вѣдомости 1889 г., № 207.

вить на-показъ для посрамленія суда присяжныхъ. По ихъ увѣренію, рѣшенія старыхъ судовъ отличались бо́льшею „твердостью и однообразіемъ“, бо́льшею „строгостью“ и „законностью“. Если бы даже и было доказано существованіе этихъ чисто формальныхъ достоинствъ, то и тогда не пришлось бы краснѣть за новый судъ, который ставитъ внутреннюю правду выше формальной и содержаніе выше формы. Но дѣло въ томъ, что, какъ свидѣтельствуютъ лучшіе знатоки старой судебной практики, эта ретроспективная идеализація ея качествъ, хотя бы и сомнительнаго достоинства, лишена всякаго основанія.

Незнакомые близко съ старою практикой обыкновенно думаютъ, что такъ какъ самъ законъ предопредѣлялъ силу доказательствъ и уликъ, то этимъ самымъ устранялъ произволъ и достигалъ, хотя внѣшней законности и однообразія въ судебныхъ рѣшеніяхъ. Такъ могутъ думать только кабинетные теоретики. Но совершенно иначе представлялось дѣло лицамъ, на дѣлѣ близко изучившимъ старые судебные порядки. Любопытную характеристику ихъ находимъ въ оффиціальной запискѣ извѣстнаго судебнаго дѣятеля Д. А. Ровинскаго, бывшаго московскаго губернскаго прокурора, чинѣ сенатора уголовнаго кассаціоннаго департамента. Въ ней онъ ссылается на массу дѣлъ изъ своей личной и чужой практики, въ которыхъ съ поразительною наглядностью обнаруживается, къ какимъ разнообразнымъ и противорѣчивымъ заключеніямъ приходили старыя судебныя инстанціи „при рѣшеніи одного и того же дѣла, подъ вліяніемъ личнаго настроенія судей, хотя и съ примѣненіемъ однихъ и тѣхъ же правилъ о силѣ доказательствъ“. Одинъ судья,—замѣчаетъ г. Ровинскій,—руководствуясь правиломъ, что лучше оправдать десять виновныхъ, нежели приговорить невиннаго, постоянно оправдываетъ преступника или оставляетъ въ подозрѣніи; другой—въ каждомъ преступникѣ видитъ человѣка, опаснаго для общества, и считаетъ своею обязанностью всѣми силами стараться объ удаленіи его. Какое смутное понятіе о справедливости судебныхъ рѣшеній должно получить общество,—говоритъ въ заключеніе авторъ Записки,—когда по одному и тому же дѣлу и на основаніи одной и той же теоріи уликъ, а не на личномъ убѣжденіи судей, въ трехъ разныхъ

судахъ (какъ это случилось по дѣлу Диманшъ въ Москвѣ) одинъ и тотъ же преступникъ сперва оставленъ въ подозрѣніи, потомъ обвиненъ и, наконецъ, оправданъ [1]).

Изъ этого авторитетнаго свидѣтельства ясно видно, что старая уголовная юстиція не могла похвалиться даже не особенно завиднымъ преимуществомъ, т.-е. тою чисто формальною твердостью, которую выхваляютъ почитатели дореформенныхъ порядковъ. „Лотерейности“ въ старыхъ рѣшеніяхъ было не меньше, чѣмъ въ рѣшеніяхъ присяжныхъ. Разница только въ томъ, что тамъ источникомъ этой лотерейности былъ, по удостовѣренію того же автора, „произволъ“ и другія, еще болѣе „неблаговидныя качества“, на которыя прозрачно намекаетъ тотъ же почтенный авторъ Записки, а здѣсь же источникомъ „лотерейности“ служитъ стремленіе разрѣшить дѣло по совѣсти, согласно его индивидуальнымъ особенностямъ, дабы внѣшней законности не приносить въ жертву внутреннюю, житейскую правду.

Что касается силы уголовной репрессіи стараго суда, то о ней можетъ дать понятіе слѣдующее мѣсто изъ той же Записки г. Ровинскаго: „Такъ какъ,—читаемъ въ ней,—уголовный судъ, руководствуясь теоріею уликъ и придерживаясь весьма удобнаго для судьи правила: лучше оправдать десять виновныхъ, нежели приговорить одного невиннаго,—постоянно освобождалъ не только по десяти, но и цѣлыми сотнями, и оставлялъ, за недостаткомъ совершенныхъ доказательствъ, явныхъ воровъ и грабителей въ разномъ подозрѣніи, то правительство, считая полезнымъ избавить общество отъ проживанія посреди его воровъ и преступниковъ, устроило рядомъ съ судомъ коронным судъ общественный (сословный),—другими словами, предоставило обществу судить въ другой разъ преступника и ссылать его на поселеніе въ Сибирь“ [2]).

Другой юристъ, Н. А. Буцковскій, въ свою очередь пишетъ, также въ оффиціальной запискѣ, что старый судъ „развилъ у насъ безнаказанность до крайнихъ пре-

---

[1]) См. Дѣло о преобр. суд. части, гл. XVI. Записки Ровинскаго, стр. 14—15.

[2]) Тамъ же, стр. 30.

дѣловъ и что она не можетъ быть терпима въ видахъ общественнаго порядка и благосостоянія [1]). Едва ли кто усомнится въ авторитетности этихъ оффиціальныхъ показаній. Чтобы убѣдиться въ правдивости ихъ, не нужно, впрочемъ, и ссылки на оффиціальный ихъ характеръ. Достаточно справиться лишь со статистикою. Что же она говоритъ? Она говоритъ, что старый судъ изъ 100 подсудимыхъ подвергалъ наказанію едва 12 (двѣнадцать—не опечатка!). Чтобы уяснить себѣ весь ужасающій смыслъ этой цифры, слѣдуетъ принять во вниманіе, что судъ присяжныхъ, съ учрежденіемъ котораго, по увѣренію нашихъ „честныхъ консерваторовъ", у насъ водворилась „безнаказанность", всегда изъ 100 подсудимыхъ осуждалъ свыше 60% [2]). Кто же послѣ этого вправѣ усомниться въ правдивости „консервативныхъ публицистовъ"?

Относительно господства въ старыхъ судахъ „законности" распространяться не приходится. Тамъ, гдѣ деньги и личныя связи означали все, для законности не могло быть мѣста. До какихъ колоссальныхъ размѣровъ доходило, особенно въ сенатѣ, это завѣдомое неправосудіе, по разнымъ внѣшнимъ вліяніямъ, можно судить по дѣлу молодого князя Х. [3]), въ которомъ участвовалъ покойный И. С. Аксаковъ въ качествѣ оберъ-секретаря и о которомъ онъ не могъ говорить спокойно даже сорокъ лѣтъ спустя.

И. С. Аксаковъ, напоминая неблагодарнымъ врагамъ новаго суда, какого врага онъ сломалъ, примѣняетъ къ реакціонной печати слова неблагодарнаго мужика, бранившаго своего освободителя:

Чего обрадовался сдуру?
Знай колетъ! Всю испортилъ шкуру!

Затѣмъ Аксаковъ припоминаетъ изъ своей практики, въ качествѣ сенатскаго оберъ-секретаря, нѣсколько случаевъ „законности" стараго суда. Вотъ, напр., дѣло объ убіеніи крестьянами помѣщика Медынскаго уѣзда, который 15 лѣтъ сряду занимался въ своемъ уѣздѣ обезчещеніемъ (конечно, насиль-

---

[1]) См. стр. 53. Записки въ томѣ XVI. Дѣла о преобр. судейской части.

[2]) См. Журн. Гражд. и Угол. Права, 1879 г., ст. Фойницкаго.

[3]) См. Русь отъ 15 февраля 1884 г.

ственнымъ или подъ угрозою наказанія) всѣхъ лицъ женскаго пола въ своей деревнѣ, по порядку, переходя отъ одной семьи къ другой по ревизской сказкѣ, не разбирая ни степени родства, ни возраста. По почину одной осрамленной имъ крестьянки, бабы составили заговоръ и задушили его; преступленіе открылось, произведено слѣдствіе, при чемъ уѣздные дворяне въ письменномъ повальномъ обыскѣ буквально выразились такъ: „убитый помѣщикъ велъ себя, какъ прилично благородному россійскому дворянину“. Виновныя бабы, отмстившія за поруганную свою честь, которымъ даже и не было способа инаго для огражденія чести своихъ подрастающихъ дочерей, были присуждены къ высшей мѣрѣ наказанія— ста ударамъ плетей и каторгѣ.

И. С. Аксаковъ, въ числѣ другихъ возмутительныхъ воспоминаній изъ своей секретарской практики въ сенатѣ, указываетъ на случаи, какъ возмущались „сановные старики“ его необычайнымъ дерзновеніемъ, когда онъ отказывался скрѣпить истинно неправедное постановленіе, благопріятствовавшее людямъ, занимавшимъ очень видное положеніе въ высшемъ обществѣ; какъ рябой нахалъ съ громкимъ именемъ, нагло рекомендовавшійся оберъ-секретарю при подачѣ оправдательнаго объясненія словами: „по милости царской—я сынъ барскій“, добился отъ сената явно пристрастнаго приговора [1]). Аксаковъ вынужденъ былъ выйти въ отставку.

Замѣчательно, что какъ только у русскаго общества явилась, въ началѣ 50-хъ годовъ, возможность откровенно высказать свой взглядъ о старыхъ судахъ, первое, на что было указано и юристами, и неюристами, это было господствовавшее въ то время „неуваженіе къ закону и повседневное его нарушеніе“ [2]).

И послѣ этого-то враги суда присяжныхъ осмѣливаются утверждать, что никто другой, какъ судъ присяжныхъ. „потрясъ въ народѣ не только всякую вѣру въ судъ (?), но и уваженіе къ закону!..“

Безспорно, въ наше время, когда извѣстные органы пе-

---

[1]) См. Полное собр. соч. Аксакова, т. IV, стр. 656—657.

[2]) См. томъ IX Дѣла о преобр. суд. части. Замѣч. на проектъ 1859 г.

чати создали культъ „усмотрѣнія“ и „власной руки“, процентъ оправдательныхъ вердиктовъ довольно высокъ, но для всякаго наблюдателя очевидно, гдѣ слѣдуетъ искать корень этого явленія. Какъ ни велики достоинства суда присяжныхъ, но никто не рѣшится утверждать, что одною его дѣятельностью, вдобавокъ, ограниченною строго опредѣленною и весьма узкою юрисдикціею, можно достигнуть уничтоженія „повседневнаго“ нарушенія закона. Никто такихъ надеждъ на судъ присяжныхъ и не возлагалъ. Самый здоровый организмъ долженъ зачахнуть, если нѣтъ въ почвѣ необходимыхъ элементовъ питанія. Точно также и судъ присяжныхъ не можетъ одними своими усиліями водворить законность, если нѣтъ въ окружающей средѣ условій для его развитія. Послѣ устарѣлости нашихъ уголовныхъ законовъ едва ли не въ этомъ обстоятельствѣ слѣдуетъ искать одно изъ главныхъ основаній для высокаго процента оправдательныхъ вердиктовъ.

„Чѣмъ болѣе законности, — говоритъ проф. Фойницкій,—въ жизни, въ судѣ, въ дѣятельности прокуратуры и администраціи, тѣмъ болѣе ея и въ дѣятельности присяжныхъ засѣдателей“. „Успѣхъ суда присяжныхъ,—замѣчаетъ тотъ же ученый юристъ,—опредѣляется тремя главными факторами: общественною культурой, законностью въ жизни и правдой въ законѣ; институтъ, отъ такихъ (курсивъ въ подлинникѣ) факторовъ зависящій, есть залогъ прогресса, свободы и благосостоянія“ [1]).

Этими замѣчательными словами заканчиваетъ нашъ извѣстный ученый криминалистъ, И. Я. Фойницкій, свой превосходный трактатъ о судѣ присяжныхъ. И такимъ-то авторитетамъ противопоставляетъ реакціонная печать свои обскурантскія вожделѣнія подъ громкимъ именемъ „новыхъ взглядовъ ученыхъ юристовъ“ [2]).

Замѣтимъ, прежде всего, что нѣсколько странно видѣть нашихъ „консерваторовъ“ въ роли пропагандистовъ „послѣдняго слова науки“, надъ которымъ они обыкновенно привыкли потѣшаться. Но не въ этомъ дѣло. Не имѣя ничего

---

[1]) См. Курсъ уголовнаго судопроизводства 1884 г., стр. 448—449.

[2]) Моск. Вѣд., 1889 г., № 234.

противъ „новыхъ" взглядовъ, если только они продиктованы интересами науки, а не мимолетными вѣяніями, узкими партійными цѣлями или соображеніями оппортюнизма, мы охотно приняли бы къ свѣдѣнію эти „новые взгляды", но, какъ водится, и въ данномъ случаѣ реакціонная печать, съ обычнымъ ей невѣжествомъ, все перепутала или намѣренно перемѣшала.

Для посрамленія русскихъ юристовъ „Московскія Вѣдомости" ссылаются на мнѣніе Іеринга о судѣ присяжныхъ, которое „онъ изрекъ (sic) недавно (??)" (см. № 234 „Моск. Вѣд." 1889 г.). Что же оказывается на повѣрку? Это якобы „недавно" высказанное Іерингомъ мнѣніе, въ дѣйствительности, высказано было имъ въ „*Der Zweck im Recht*" двѣнадцать лѣтъ передъ этимъ, въ разгаръ увлеченія германскихъ ученыхъ узко-національными стремленіями, одичалыми идеями прусскаго шовинизма и апоѳеоза грубой силы. И это мнѣніе Іеринга не прошло незамѣченнымъ со стороны русскихъ ученыхъ. Не только вышеупомянутый криминалистъ проф. И. Я. Фойницкій [1]), но и цивилистъ права Н. Л. Дювернуа серьезно занялись опроверженіемъ этого взгляда Іеринга, порожденнаго нездоровыми „модными повѣтріями", съ ихъ культомъ „желѣзнаго кулака" [2]). Консервативные же публицисты, ничто же сумняся, преподносятъ въ 1889 г. мнѣ-

---

[1]) Какъ все земное,—говоритъ проф. Фойницкій противъ возраженія Іеринга о чисто-историческомъ значеніи суда присяжныхъ,—въ предѣлахъ времени и мѣста существующее, институтъ присяжныхъ подлежитъ, конечно, относительной, а не абсолютной оцѣнкѣ. Быть можетъ, въ будущемъ человѣчество изобрѣтетъ лучшую форму суда, но пока она не изобрѣтена (Курсъ Угол. Суд., стр. 382, 147, 393).

[2]) См. Курсъ лекцій гражданскаго права Н. Л. Дювернуа, стр. 25—28. О книгѣ Іеринга г. Дювернуа говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «Книга эта появилась послѣ военныхъ успѣховъ Пруссіи въ разгаръ Culturcampf'a и, несомнѣнно, будетъ утрачивать все свое значеніе вмѣстѣ съ измѣненіемъ случайныхъ условій, потребовавшихъ ея появленія»— «Ему (Іерингу) не нужны,—говоритъ въ другомъ мѣстѣ проф. Дювернуа,—ни судьи-граждане (присяжные), ни граждане-воины. На мѣсто гражданъ-воиновъ, сознательно любящихъ отечество, Іерингъ любуется типомъ замуштрованнаго солдата, помнящаго, что «если онъ отстранится отъ непріятельской пули, то наткнется на офицерскую саблю». Настоящее Sturm-Jurisprudenz,—съ горечью замѣчаетъ почтенный профессоръ.

ніе Іеринга въ назиданіе русской юриспруденціи въ видѣ „послѣдней новинки".

Совершенно иначе думаютъ о судѣ присяжныхъ русскіе юристы, близко съ нимъ знакомые. Чѣмъ больше они вникаютъ въ условія дѣятельности суда присяжныхъ, тѣмъ болѣе они убѣждаются въ томъ, что тѣ или другіе промахи, замѣчающіеся въ его дѣятельности, зависятъ, большею частью отъ неправильнаго функціонированія или организаціи тѣхъ или другихъ судебныхъ органовъ, подготовляющихъ матеріалъ до или во время судебнаго слѣдствія для присяжныхъ. Это—заключеніе, которое въ одинъ голосъ высказываютъ и люди науки (проф. И. Я. Фойницкій, В. М. Володиміровъ), и дѣятели практики (прокуроры: гг. Кони, Обнинскій, Хрулевъ, Тимоѳеевъ и др.), и лица, оффиціально ревизовавшія судебныя мѣста (сенаторъ Н. М. Окуловъ). Особенно любопытны данныя, собранныя послѣднимъ при ревизіи судебныхъ слѣдователей г. С.-Петербурга въ 1886 г.

Выводы ревизора получаютъ особенное значеніе въ виду тѣхъ обстоятельствъ, которыми вызвана была сенаторская ревизія. Обстоятельства эти „Журналъ Гражданъ. и Уголов. Права" характеризовалъ слѣдующими словами: „Набѣги извѣстныхъ башибузуковъ прессы на Судебные Уставы зашли тогда (въ 1884 г.) за предѣлы возможнаго. Они безнаказанно приписывали министру юстиціи самыя оскорбительныя для вѣрноподданнаго побужденія и позволяли себѣ, не стѣсняясь, называть его экзекуторомъ при храмѣ Ѳемиды". Съ менѣе высокопоставленными лицами, конечно, еще менѣе церемонились, благо представился къ тому предлогъ въ видѣ открытыхъ у петербургскаго судебнаго слѣдователя Ѳедорова крупныхъ злоупотребленій. Для опредѣленія размѣровъ ихъ, для разрѣшенія вопроса о томъ, имѣютъ ли они повальный или спорадическій характеръ, и назначена была по Высочайшему повелѣнію ревизія. Производилась она полтора года при содѣйствіи цѣлаго штата чиновниковъ.

Каковы же были ея результаты? Въ общемъ очень благопріятные, насколько это касается чести и достоинства судебнаго персонала. Никакихъ особенныхъ преступныхъ упущеній и злоупотребленій не открыто. Замѣчена только медленность слѣдственнаго дѣлопроизводства, недостаточность или, луч-

ше сказать, полное отсутствіе надзора со стороны прокуратуры надъ слѣдственною частью. Но и то и другое явленіе объясняется крайнею малочисленностью судебнаго персонала.

Что предстало ревизующему сенатору въ видѣ, по истинѣ плачевномъ,—это сыскная часть петербургской полиціи. Г. Окуловъ удостовѣряетъ, что въ массѣ разсмотрѣнныхъ имъ дѣлъ онъ ни по одному изъ нихъ не нашелъ указаній на то, чтобы дѣятельность агентовъ сыскной полиціи способствовала слѣдователямъ или общей полиціи въ розыскѣ преступниковъ или похищенныхъ ими вещей,—„факты же противоположнаго свойства, гдѣ агенты сыскной полиціи своими дѣйствіями лишь затрудняли слѣдственную часть, а нерѣдко и старались скрыть преступниковъ,—встрѣчаются довольно часто“.

Ревизія сенатора Окулова еще разъ настоятельно выдвинула вопросъ о реформѣ слѣдственной части, правильная постановка коей имѣетъ громадное значеніе для суда присяжныхъ. Разъ уже законы о предварительномъ слѣдствіи подвергаются пересмотру, весьма бы желательно, чтобы вопросъ былъ охваченъ со всѣхъ сторонъ. со включеніемъ и составленія обвинительныхъ актовъ и обряда преданія суду.

И въ той и въ другой стадіи нерѣдко дѣло, и безъ того довольно долго залежавшееся у слѣдователя, еще болѣе замедляется. А замедленіе—одно изъ самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ для правильной постановки и разрѣшенія дѣла на судѣ присяжныхъ. Съ одной стороны, сила и рельефность судебныхъ доказательствъ ослабѣваетъ, а съ другой, и присяжные въ долговременномъ состояніи подъ слѣдствіемъ, нерѣдко соединенномъ съ лишеніемъ свободы, совершенно справедливо видятъ поводъ для крайней снисходительности и даже основанія для оправданія.

Однимъ изъ наиболѣе простыхъ и цѣлесообразныхъ средствъ для ускоренія движенія дѣла по окончаніи предварительнаго слѣдствія—была бы отмѣна обязательнаго прохожденія всѣхъ обвинительныхъ актовъ чрезъ обвинительную камеру судебной палаты. Для этой цѣли можно бы воспользоваться мыслью, высказанною еще при составленіи проекта Устава уголовнаго судопроизводства. Состоитъ она въ томъ, что въ обвинительную камеру передаются лишь тѣ

обвинительные акты, которые будутъ обжалованы подсудимыми. Конечно, такимъ правомъ обжалованія далеко не всѣ обвиняемые будутъ въ состояніи воспользоваться. Но это не доказываетъ неудобства самаго предложенія по существу. Да и противъ этого можно бы принять какія-нибудь мѣры, хотя бы въ видѣ помощи со стороны кандидатовъ на судебныя должности.

Необжалованные акты такимъ образомъ прямо направлялись бы въ окружные суды. Иные думаютъ, что такое упрощеніе обряда преданія суду могло бы увеличить и безъ того не малое количество случаевъ неосновательнаго преданія суду присяжныхъ. Но едва ли это опасеніе основательно. Именно при теперешней системѣ участія многихъ властей при преданіи суду получается результатъ, парализующій ихъ бдительность и ослабляющій ихъ отвѣтственность. Прокуроръ окружнаго суда надѣется, что ошибку его исправитъ прокуроръ палаты, прокуроръ палаты расчитываетъ, что упущеніе его будетъ замѣчено членами обвинительной камеры. Эти послѣдніе въ свою очередь надѣются, что дѣло достаточно разсмотрѣно прокурорами. Благодаря этому миражу иногда появляются на судѣ совершенно невѣроятные обвинительные акты. Когда же отвѣтственность за нихъ сосредоточится въ лицѣ прокурорскаго надзора суда, онъ безъ сомнѣнія внимательнѣе будетъ относиться къ составленію обвинительныхъ актовъ.

Немаловажное улучшеніе внесло бы въ слѣдственную часть введеніе въ томъ или другомъ видѣ защиты на предварительномъ слѣдствіи, признанное государственнымъ совѣтомъ необходимымъ еще въ 1864 г. Такъ какъ для настоящаго времени трудно ожидать такой „смѣлой“ реформы, какъ узаконенія защиты на предварительномъ слѣдствіи, то допущеніе ея хоть предъ заключеніемъ слѣдствія или въ стадіи разсмотрѣнія дѣла въ обвинительной камерѣ едва ли могло бы показаться очень опаснымъ. Для этого можно было бы воспользоваться весьма удачною мыслью извѣстнаго итальянскаго юриста Франческо Каррара о судебномъ трибуналѣ (см. брошюру г. Вульферта о Каррарѣ). Осуществленіе этой мысли едва ли можетъ встрѣтить практическія затрудненія. Въ большихъ судебныхъ центрахъ, гдѣ именно находятся

обвинительныя камеры, не мало свободныхъ юридическихъ силъ, которыми весьма легко воспользоваться для этого полезнаго института, могущаго принесть пользу суду присяжныхъ.

Вотъ какъ смотрятъ на дѣло безпристрастные критики суда присяжныхъ, въ отличіе отъ ослѣпленныхъ и ожесточенныхъ враговъ его.

II.

До какой степени ожесточенія доходитъ вражда нашихъ „консерваторовъ“ къ суду присяжныхъ, можно видѣть еще на слѣдующемъ рѣдкомъ примѣрѣ. Законъ 7-го іюля 1889 г. о сокращеніи юрисдикціи присяжныхъ далъ поводъ „*Times'y*“ выдать нашему суду присяжныхъ аттестацію, совершенно несправедливую по существу и, вдобавокъ, крайне нелестную съ точки зрѣнія національнаго самолюбія. Тѣмъ не менѣе, отзывъ этотъ нашелъ сочувствіе въ нашихъ „патріотическихъ“ изданіяхъ.

Новаго, съ фактической или принципіальной точки зрѣнія, ничего не находимъ въ разсужденіяхъ англійской газеты. Это все тѣ же поспѣшныя обобщенія, которыя ежедневно встрѣчаются въ реакціонныхъ органахъ нашей печати. Разница только въ тонѣ, который у англійской газеты, въ отличіе отъ нашихъ почтенныхъ судей „уличнаго суда“, привыкшихъ говорить о немъ не иначе, какъ языкомъ улицы, вполнѣ приличенъ.

Но англійская газета, очевидно, незнакома съ тѣми „своеобразными“ пріемами критики, которыми пользуется наша реакціонная пресса: иначе бы такая опытная газета не далась въ обманъ. Извѣстно, что всякій разъ, когда нашъ судъ присяжныхъ не сумѣетъ угодить тому или другому органу извѣстной части нашей печати,—противъ него подымаются обыкновенно обвиненія и крикъ. Не располагая всѣми данными, нужными для болѣе или менѣе правильной оцѣнки рѣшенія присяжныхъ, а лишь на основаніи двухъ-трехъ отрывочныхъ фактовъ и фразъ, схваченныхъ налету или произвольно взятыхъ изъ обвинительнаго акта, изрекаютъ эти

самозванные блюстители интересовъ правосудія свой безапелляціонный вердиктъ надъ вердиктомъ 12 почтенныхъ гражданъ, приложившихъ добросовѣстно всю силу своего разумѣнія для всесторонняго разсмотрѣнія дѣла въ теченіе нѣсколькихъ дней, даже недѣль. *Между тѣмъ нѣтъ ничего* проще и безнаказаннѣе такого неправильнаго отношенія къ суду. Читатели не знаютъ вполнѣ дѣла, всѣхъ его обстоятельствъ и конечно не могутъ знать ихъ; присяжные не станутъ и не имѣютъ права возражать на всѣ нападки, несмотря на очевидную ихъ несправедливость.

Особенно удобный поводъ для изліянія потоковъ обвинительнаго краснорѣчія видятъ эти публицисты въ тѣхъ случаяхъ, когда судъ присяжныхъ при доказанности факта преступленія, въ виду исключительныхъ обстоятельствъ дѣла, крайне неблагопріятно сложившихся для подсудимаго, выноситъ ему оправдательный вердиктъ. Для всякаго человѣка, съ сердцемъ и умомъ, подобные вердикты, въ которыхъ, къ счастью для общественной нравственности, внутренняя правда беретъ верхъ надъ формальною законностью, понятны и симпатичны. Но не такъ думаютъ почитатели формальной и жестокой юстиціи, ради торжества которой они готовы жертвовать всѣмъ и всѣми.

Какъ на страну, гдѣ господствуетъ будто бы такое „*образцовое*“ *правосудіе, противники нашего суда присяжныхъ* обыкновенно указываютъ на Англію. Если послушать этихъ поклонниковъ англійскаго правосудія, такъ выходитъ, что судъ караетъ тамъ совершенно одинаково и отъявленнаго негодяя, и случайнаго преступника, нарушившаго законъ въ виду исключительнаго стеченія обстоятельствъ.

„*Times*“, лучше насъ знакомый съ англійскими судебными порядками, знаетъ, сколько неправды и передержки въ такой характеристикѣ англійскаго суда. Только въ расчетѣ на круглое невѣжество русскихъ читателей можно было взводить подобныя небылицы на англійскій судъ.

Для подтвержденія высказаннаго нами, приведемъ случай, имѣвшій мѣсто въ Англіи не очень давно, въ 1887 г., на дербійской сессіи суда присяжныхъ. Рѣчь шла о двоемужествѣ,—преступленіи, караемомъ въ Англіи очень строго, какъ англійскими законами, такъ и нравами англійскаго общества.

Суду была предана нѣкая г-жа Риле (*Riley*). Въ первый разъ она вѣнчалась въ 1879 г., а во второй разъ, при живомъ мужѣ, въ 1883 г. На судѣ выяснилось, что подсудимая была одинаково несчастна, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ бракѣ. И тотъ и другой мужъ обращались съ нею жестоко, и оба они были осуждены судебными приговорами. Дѣло возникло благодаря тому, что оба мужа сговорились отомстить и безъ того достаточно измученной ими женщинѣ.

Въ такомъ видѣ предстало дѣло на судъ присяжныхъ. Фактъ преступленія, съ формальной точки зрѣнія, былъ налицо; но англійскій судъ, вопреки баснямъ, распространяемымъ о немъ нашими англоманами, взглянулъ на дѣло не съ формальной, а съ гуманной точки зрѣнія. Президентъ суда, этотъ *viva vox* англійскаго общественнаго правосознанія, такъ именно взглянулъ на это дѣло. Вотъ что сказалъ онъ въ своей рѣчи къ присяжнымъ: „Я не разъ приговаривалъ къ каторжнымъ работамъ преступниковъ, завѣдомо вступавшихъ во второй бракъ, при существованіи перваго, но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ женщиною, уже достаточно наказанной за свою ошибку, и законъ, карающій за двоебрачіе, не предвидѣлъ, очевидно, браковъ, заключенныхъ при столь печальныхъ обстоятельствахъ“. Достойное пониманіе и просвѣщенное разъясненіе закона!

Легко представить себѣ, какой шумъ подняли бы у насъ, если бы кто-нибудь изъ русскихъ судей въ своемъ резюме высказалъ такой гуманный взглядъ на законъ. Легко представить себѣ, какіе громы посыпались бы на голову нашихъ присяжныхъ, если бы они осмѣлились, при „столь печальныхъ обстоятельствахъ“, которыхъ никакой законъ не предвидитъ и не можетъ предвидѣть, отпустить съ миромъ, т.-е. оправдать несчастную страдалицу. Боже мой, какіе фарисейскіе возгласы поднялись бы къ небу и о поруганіи закона, и о всемогуществѣ „суда улицы“ и пр. и пр.!

Посмотримъ теперь, какъ разрѣшилъ дѣло англійскій судъ, примѣръ котораго кстати и некстати выставляется у насъ напоказъ. Присяжные обвинили подсудимую Риле, но судья приговорилъ ее къ аресту на пять минутъ, т.-е. тутъ же отпустилъ ее на свободу.

Вотъ къ чему, стало быть, сводится вся разница между

судомъ осмѣиваемаго у насъ русскаго суда присяжныхъ и судомъ англичанъ—къ аресту на пять минутъ! Если для успокоенія жрецовъ разгнѣванной русской Ѳемиды нужно это формальное жертвоприношеніе, въ видѣ ареста „на пять минутъ“, то мы ничего не имѣли бы противъ заимствованія такого обряда изъ англійской судебной практики. Тогда, можетъ быть, и противники новаго суда положили бы гнѣвъ на милость и, наконецъ, уразумѣли бы, что бываютъ случаи, когда подъ видимымъ нарушеніемъ закона кроется дѣйствительное исполненіе его истиннаго намѣренія, и, наоборотъ, при *salvis verbis legis*, т.-е. при неукоснительномъ соблюденіи его буквы, нерѣдко вполнѣ нарушается его доброе намѣреніе. А понявши эту старую истину, они, быть можетъ, оставили бы въ покоѣ нашъ институтъ суда присяжныхъ, который потому-то, между прочимъ, и дорогъ въ глазахъ общества, что сталъ незамѣнимымъ регуляторомъ нашего устарѣвшаго уголовнаго кодекса, непригодность и жестокость котораго давно уже признаны официально.

„*Times*“ всего этого не зналъ и сдѣлался жертвою излишняго довѣрія къ непримиримымъ врагамъ нашего суда присяжныхъ.

Повторяя, съ чужого голоса, лишенные фактической почвы навѣты противъ русскаго суда присяжныхъ, „*Times*“ заявляетъ, что онъ „нерѣдко дѣйствовалъ капризно (sic!) и оправдывалъ очевидныхъ преступниковъ изъ чисто-сантиментальныхъ побужденій. Тутъ уже „*Times*“ обнаруживаетъ непонятную наивность. Такія soit-disant капризныя оправданія вовсе не новость въ исторіи суда присяжныхъ и смыслъ ихъ давно разгаданъ и объясненъ англійскими и континентальными юристами. Казалось бы, многовѣковой опытъ англійскаго суда присяжныхъ, которому тоже были не чужды такіе моменты „каприза“, долженъ бы навести лондонскую газету на мысль о необходимости глубже вникнуть въ смыслъ этого явленія, а не довольствоваться, подобно нашей невѣжественно реакціонной прессѣ, черезчуръ скороспѣлыми, хотя на видъ очень простыми объясненіями этого любопытнаго и поучительнаго явленія. Въ самомъ дѣлѣ, если обратиться къ исторіи суда присяжныхъ въ Англіи и на континентѣ, то найдемъ въ ней много явленій, совершенно ана-

логичныхъ съ положеніемъ и дѣятельностью нашего суда присяжныхъ.

Въ Англіи также не разъ систематически оправдывались присяжными „очевидные преступники“, но только легкомысленные люди видѣли въ этомъ фактѣ проявленіе „каприза“. Серьезные же государственные люди всегда относились внимательно къ такому ненормальному, но поучительному явленію и видѣли въ немъ указаніе на то, что существующее законодательство не соотвѣтствуетъ болѣе народному правосознанію и требуетъ реформы. Извѣстный англійскій юристъ Стифенъ одну изъ выгодъ суда присяжныхъ видитъ въ томъ, что онъ служитъ спасательнымъ клапаномъ для народнаго чувства. „Отправленіе правосудія,—говоритъ онъ,—не должно быть совершенно безстрастнымъ, если оно расчитываетъ на сочувствіе общества, ибо законъ самъ по себѣ есть грубое средство, и безусловное, неизмѣнно однообразное примѣненіе его во всѣхъ возможныхъ случаяхъ не могло бы быть терпимо. Присяжные, несмотря ни на какія увѣщанія судей примѣнять законъ и не обращать вниманія на послѣдствія приговора, никогда не теряютъ изъ вида этихъ послѣдствій и сообразно имъ измѣняютъ свой вердиктъ. Институтъ присяжныхъ въ этомъ отношеніи можно сравнить съ канатомъ, протянутымъ черезъ рѣку: вы можете натягивать канатъ до извѣстнаго предѣла, но онъ порвется, если вы захотите вытянуть его въ математически-прямую линію. Такъ какъ масса общества довольствуется самыми крупными чертами предмета, не вдаваясь въ подробности, и заботится болѣе о практическихъ результатахъ, чѣмъ объ общихъ правилахъ, то эта гибкость суда присяжныхъ способствуетъ популярности отправленія правосудія. Эта особенность жюри составляетъ такого рода выгоду, къ которой законодатель не долженъ стремиться намѣренно, но которую не слѣдуетъ легкомысленно уничтожать, если ужъ она существуетъ“.

Въ исторіи англійскаго законодательства можно найти не одинъ случай, когда законодатель, прислушиваясь къ внушеніямъ „предохранительнаго клапана“, измѣнялъ существующіе законы. Укажемъ на одинъ примѣръ. До тѣхъ поръ, пока за поддѣлку банковыхъ ассигнацій существовала смерт-

ная казнь, присяжные систематически оправдывали уличенныхъ подсудимыхъ, въ виду того, что народное сознаніе признавало наказаніе чрезмѣрно суровымъ. Правительство смягчило наказаніе. и присяжные стали судить эти дѣла наравнѣ съ другими [1]). „Присяжные,—говоритъ извѣстный англійскій юристъ Дж. Россель,—не разъ способствовали измѣненію дурныхъ законовъ. которые, по пристрастію къ нимъ судей, пожалуй, дѣйствовали бы въ Англіи и до настоящаго времени".

III.

Въ исторіи французскаго законодательства можно отмѣтить такое же благотворное вліяніе „предостереженій", дѣлаемыхъ судомъ присяжныхъ, при чемъ здѣсь можно съ рѣдкою для соціальныхъ явленій точностью констатировать фактъ, что какъ только устранялась причина, вызывавшая оправданіе „очевидныхъ преступниковъ", т.-е. несоотвѣтствіе уголовнаго права общему народному сознанію, то прекращались и послѣдствія ея—„возмутительные приговоры". Въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія на французскій судъ присяжныхъ воздвигнуто было такое же гоненіе, какое наблюдается теперь у насъ. Число оправдательныхъ вердиктовъ доходило тамъ, какъ и у насъ, до 36%. Указывая на этотъ высокій процентъ оправданій, реакціонеры вопили, что присяжные колеблютъ законы, создаютъ безнаказанность, и требовали обузданія „произвола" присяжныхъ,—словомъ, tout comme chez nous.

Французское правительство, однако, взглянуло на дѣло шире и глубже. Въ 1832 г. состоялся пересмотръ Code Napoléon 1810 г., имѣвшій цѣлью устранить главнѣйшіе недостатки, вынуждавшіе часто присяжныхъ оправдывать уличенныхъ подсудимыхъ, а именно: чрезмѣрную суровость наказаній и крайнее стѣсненіе судей въ выборѣ мѣры наказаній. Независимо отъ этого приняты были мѣры къ улучшенію слѣдственной части и судебной полиціи.

---

[1]) Судебн. сборникъ Ламанскаго, вып. I, стр. XV.

Результатъ этой благой реформы не заставилъ себя долго ждать. Уже черезъ три года послѣ введенія ее въ дѣйствіе процентъ оправдательныхъ вердиктовъ упалъ съ 36 на 30,₂₇, а съ теченіемъ времени, понижаясь постепенно, дошелъ до 20% [1]).

По единодушному отзыву лучшихъ нашихъ процессуалистовъ, крупный процентъ нашихъ оправдательныхъ вердиктовъ обусловливается совершенно однородными причинами, а во главѣ ихъ на первомъ мѣстѣ стоитъ общепризнанная негодность дѣйствующаго у насъ уголовнаго уложенія. Что оправданіе „очевидныхъ преступниковъ“ слѣдуетъ приписать не „капризу“ и „сантиментальности“ присяжныхъ, а именно устарѣлости нашего уголовнаго уложенія, составленнаго почти полвѣка тому назадъ, на это имѣется [2]) свидѣтельство ученыхъ криминалистовъ и оффиціальное признаніе безусловной достовѣрности.

22-го апрѣля 1881 г. удостоился Высочайшаго утвержденія совмѣстный докладъ главноуправляющаго II отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. канцеляріи кн. С. Н. Урусова, пользовавшагося большимъ авторитетомъ въ консервативныхъ кругахъ, и бывшаго министра юстиціи Д. Н. Набокова объ образованіи комитета для составленія проекта новаго уложенія. Вотъ что, между прочимъ, читаемъ въ этомъ документѣ: „Многолѣтній опытъ новой судебной практики показалъ самымъ наглядным образомъ, что дѣйствующее уложеніе о наказаніяхъ не только не соотвѣтствуетъ требованіямъ новыхъ судебныхъ уставовъ, но и является препятствіемъ, со стороны технической своей обработки, къ правильному отправленію правосудія, а въ особенности на судѣ съ присяжными засѣдателями“. Указывая затѣмъ на отсутствіе во многихъ случаяхъ точныхъ признаковъ преступленій и другіе недостатки уложенія, до-

---

[1]) См. Оправдательныя рѣшенія присяжныхъ засѣдателей проф. Фойницкаго въ Журн. Гражд. и Уголов. Права, 1879, № 6, стр. 49.

[2]) См. ibid., § VIII, а также статью проф. Володимірова въ Журн. Гражд. и Уг. Права 1879, № 4, и рефератъ Н. В. Муравьева въ с.-петербургскомъ юридическомъ обществѣ 16 декабря 1880 г въ томъ же журналѣ 1881 г., № 2.

кладъ продолжаетъ: „Кромѣ того, надлежитъ признать, что уложеніе не удовлетворяетъ современному уровню государственныхъ потребностей и расходится съ обычно-правовыми воззрѣніями на степень преступности извѣстныхъ дѣяній—существенный недостатокъ въ странѣ, гдѣ дѣйствуетъ судъ присяжныхъ. Не предусматривая всѣхъ преступленій и оставляя даже безъ вниманія такія дѣянія, которыя надлежало бы подвергнуть преслѣдованію уголовнымъ закономъ, уложеніе облагаетъ весьма тяжкими карами такіе поступки, кои являются и нынѣ въ общемъ сознаніи или вовсе не преступными, или крайне маловажными".

Таковы ipsissimma verba двухъ авторитетнѣйшихъ коронныхъ юристовъ, категорически удостовѣряющихъ устарѣлость дѣйствующаго у насъ уголовнаго кодекса [1]) и, стало-быть, громко свидѣтельствующихъ, что и въ нашихъ руководящихъ сферахъ былъ установленъ совершенно правильный взглядъ на значеніе высокаго процента оправданій. Не ясно ли, послѣ этого, что не въ неумѣстномъ „сантиментализмѣ" и безотчетномъ „капризѣ" слѣдуетъ искать причину многочисленныхъ оправдательныхъ вердиктовъ, а именно „въ несоотвѣтствіи закона съ воззрѣніями народа"?! Для устраненія этого „неудобства" и былъ учрежденъ, согласно Высочайшему повелѣнію отъ 30-го апрѣля 1881 года, комитетъ для составленія проекта новаго уложенія. Работы этого комитета, къ сожалѣнію, идутъ крайне медленно, чему виною, главнымъ образомъ, то отсутствіе одушевленія и вѣры въ предпринятое дѣло, безъ которыхъ не спорится ни одна серьезная работа. Но когда окончится составленіе новаго уложенія, тогда, безъ сомнѣнія, устранится одна изъ главныхъ причинъ высокаго процента оправдательныхъ вердиктовъ присяжныхъ. Съ устраненіемъ же другихъ неблагопріятныхъ условій дѣятельности суда присяжныхъ, вполнѣ выясненныхъ нашею юридическою литературой (неустройство сыскной и слѣдственной

---

[1]) Наши извѣстные криминалисты, сенаторъ Н. С. Таганцевъ и оберъ-прокуроръ Н. А. Неклюдовъ, почти за 10 лѣтъ передъ этимъ научнымъ образомъ доказали негодность нашего уложенія 1845 г. См. Журн. Гр. и Уголов. Права 1873, № 1 и Руководство къ особенной части Н. А. Неклюдова.

части, погрѣшности обвинительныхъ камеръ, недостатокъ въ хорошихъ предсѣдателяхъ уголовныхъ сессій), и у насъ процентъ оправданій, по единогласному удостовѣренію нашихъ ученыхъ юристовъ и знатоковъ судебной практики, войдетъ въ норму [1]).

Конечно, „*Times'y*“ до нѣкоторой степени извинительно было всего этого не знать, когда онъ высказывалъ свое легковѣсное сужденіе о русскомъ судѣ присяжныхъ и съ легкимъ сердцемъ приписывалъ неправосудіе (?) наше „неспособности русскаго народа, въ его нынѣшнемъ состояніи, съ пользою примѣнять чужую систему суда“ и пр.

Въ этомъ случаѣ англійская газета, безъ сомнѣнія, заплатила дань слабости, обычной надменнымъ британцамъ, привыкшимъ гордиться, и гордиться съ полнымъ правомъ, судомъ присяжныхъ, какъ однимъ изъ величайшихъ изобрѣтеній англійскаго генія, и видѣть въ немъ (судѣ) одну изъ основъ своего благосостоянія, но привыкшимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, считать судъ присяжныхъ и другіе институты высшей культуры пригодными только для себя и негодными, „чужими“ для другихъ, „некультурныхъ“ народовъ. Такое пренебрежительное отношеніе къ русской культурѣ понятно и, пожалуй, даже извинительно англійской газетѣ, не обязанной знать детально условія русской жизни. Но мы отказываемся понять, какъ „Московскія Вѣдомости“ [2]), часто парадирующія своими „патріотическими чувствами“ и кстати и некстати выставляющія на-показъ и въ назиданіе иностранцамъ „духовную мощь“ русскаго народа, могли съ нескрываемымъ злорадствомъ протянуть руки „*Times'y*“ и поспѣшить радостно расписаться въ полученіи пощечины, съ чисто-британскою безцеремонностью посылаемою этою газетой по адресу „русскаго народа“.

Если не побужденія національнаго самолюбія, то хоть простое уваженіе къ истинѣ, казалось бы, должно было заставить нашихъ „патріотовъ“ раскрыть глаза иностранной газетѣ и показать ей, какъ она заблуждается въ своемъ сужде-

---

[1]) См. вышеупомянутую статью проф. Фойницкаго, § IX, а также Русскую Рѣчь 1879 г., № 6, и Юрид. Вѣстн. 1891, № 3.

[2]) Моск. Вѣд. 1889 г., № 222.

ніи „о способностяхъ русскаго народа въ нынѣшнемъ его состояніи". Какой представлялся прекрасный случай показать свой патріотизмъ, если бы наши патріоты-крикуны не ограничивали задачи своего патріотизма безпрестаннымъ бряцаніемъ саблей и „сверканіемъ стальной щетиной"!

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не съ достойною національною гордостью можетъ выставить Россія предъ лицомъ всего міра—рядомъ съ лучшею страницей русской культуры, благополучнымъ освобожденіемъ русскаго народа въ 1861 г.,—другую, не менѣе блестящую страницу—удачное примѣненіе этимъ молодымъ, даже „младенческимъ" народомъ института суда присяжныхъ съ первыхъ же шаговъ его дѣйствія,—фактъ, повергшій и до сихъ поръ повергающій въ изумленіе?.. Въ отвѣтъ на легкомысленную выходку „*Times'a*" „о неспособности русскаго народа въ настоящемъ его состояніи съ пользою примѣнять „чужую" систему суда", развѣ не могли и не должны бы „Московскія Вѣдомости" указать на то, что русскій народъ доказалъ свою способность еще въ 1866 году, т.-е. на пятомъ году своего „появленія на свѣтъ"? [1]).

Извѣстный юристъ Миттермайеръ, горячо привѣтствуя учрежденіе въ Россіи суда присяжныхъ, но опасаясь за успѣхъ этого смѣлаго начинанія, дружески предостерегалъ русское правительство, чтобы оно, „не видя немедленно плодовъ, ожидаемыхъ отъ новыхъ учрежденій, не дало себя запугать приверженцамъ стараго порядка" [2]). Но, въ виду блестящаго успѣха суда присяжныхъ, это предостереженіе оказалось излишнимъ. За первое же полугодіе 1866 года министръ юстиціи Д. Н. Замятнинъ помѣстилъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ слѣдующія памятныя слова: „Присяжные засѣдатели, — писалъ онъ, — состоящіе преимущественно изъ крестьянъ (наприм., въ Ямбургѣ изъ 12 засѣдателей было 11 крестьянъ), вполнѣ оправдали возложен-

---

[1]) Я. И. Ростовцевъ одинъ изъ виднѣйшихъ дѣятелей крестьянской реформы, въ письмѣ къ А. Ф. Орлову, отъ 14 февраля 1859 года, мѣтко замѣчаетъ, что Александръ II «создаетъ въ Россіи народъ, котораго доселѣ въ отечествѣ нашемъ не существовало». См. Освобожденіе крестьянъ Н. П. Семенова. Спб., 1889 г., стр. 49.

[2]) Журналъ Министерства Юстиціи 1864 г., № 10, стр. 15.

ныя на нихъ надежды: имъ предлагались весьма трудные для разрѣшенія вопросы, надъ которыми обыкновенно затрудняются люди, пріученные опытомъ къ правильному пониманію уголовныхъ дѣлъ, и всѣ эти вопросы, благодаря поразительному вниманію, съ которымъ присяжные засѣдатели вникаютъ въ дѣло, разрѣшались въ наибольшей части случаевъ правильно и удовлетворительно" [1]).

Привѣтствуя указанный министерскій отчетъ, „Московскія Вѣдомости" замѣчали: „Поистинѣ, едва вѣрится, чтобы въ столь короткое время такъ крѣпко и такъ успѣшно принялось дѣло столь великое и возбуждавшее столько, повидимому, справедливыхъ сомнѣній... Судъ присяжныхъ, лучшая гарантія гражданской свободы, находится въ полномъ дѣйствіи на значительномъ пространствѣ нашего отечества и въ немъ (судѣ) принимаютъ участіе крестьяне,—тѣ самые крестьяне, которымъ только шесть лѣтъ тому назадъ дарована свобода,—и успѣхъ превосходитъ самыя смѣлыя ожиданія" [2]).

Да, введеніе у насъ суда присяжныхъ тотчасъ послѣ отмѣны рабства было, по справедливому замѣчанію проф. Фойницкаго, смѣлымъ, даже дерзкимъ шагомъ. Но этотъ „дерзкій шагъ" увѣнчался, какъ доказываетъ тотъ же ученый, успѣхомъ [3]), и не порицанія, а великой похвалы заслуживаютъ какъ иниціаторы этого „дерзкаго шага", питавшіе вѣру не на словахъ, а на дѣлѣ въ „способности" русскаго народа [4]), такъ и этотъ послѣдній, этотъ „вчерашній рабъ",

---

[1]) См. Журналъ Министерства Юстиціи 1867 г., № 2, стр. 114.

[2]) Московскія Вѣдомости 1867 г., № 69.

[3]) Курсъ уголовнаго судопроизводства, стр. 447.

[4]) Въ числѣ первыхъ провозвѣстниковъ и самыхъ горячихъ защитниковъ суда присяжныхъ долженъ быть поставленъ знаменитый дѣятель крестьянской реформы, получившій громкую извѣстность защитой «надѣла» и интересовъ народа, А. М. Унковскій, бывшій тверскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства въ 1858—1860 гг. Въ замѣчательной Запискѣ 1859 г., приложенной къ Положенію Тверскаго Комитета объ освобожденіи крестьянъ, г. Унковскій приводилъ слѣдующіе доводы въ пользу введенія у насъ суда присяжныхъ.

«Невозможно ожидать, сказано въ Запискѣ, чтобы судъ присяжныхъ

такъ блистательно оправдавшій возложенныя на него надежды [1]).

Такая справедливая защита русскаго народа отъ неосновательнаго обвиненія въ „неспособности“ была бы, смѣемъ думать, болѣе къ лицу истинному русскому патріоту, чѣмъ та незавидная роль услужливыхъ передатчиковъ незаслуженныхъ напраслинъ, которую предпочли взять на себя, по партійнымъ соображеніямъ, „патріотическіе“ органы печати.

IV.

Невольно спрашиваешь себя, откуда эта жестокая несправедливость враговъ нашего суда присяжныхъ, мѣшающая имъ видѣть очевидные для всѣхъ факты; откуда это пристрастное озлобленіе, притупляющее, когда рѣчь идетъ о судѣ присяжныхъ и о недавнихъ реформахъ, столь естественныя по отношенію къ отзывамъ иностранной печати осторожность и критическое отношеніе? Выше мы указывали на дальтонизмъ sui generis, но дальтонизмъ только симптомъ болѣзни, корень же лежитъ глубже, а именно въ органическихъ свойствахъ, присущихъ „умоначертанію“ реакціонныхъ публицистовъ.

Есть люди, которые по складу своихъ мыслей иначе не

въ Россіи могъ имѣть съ самаго начала то же самое значеніе, какое онъ имѣетъ въ Англіи въ настоящее время. Но развѣ судъ присяжныхъ въ Англіи въ XV и XVI столѣтіяхъ былъ то же, что теперь? Развѣ народъ Англіи того времени былъ болѣе образованъ, нежели нашъ? Англія вводитъ судъ присяжныхъ всюду, куда достигаетъ ея владычество, и вездѣ это учрежденіе оказываетъ благодѣтельныя послѣдствія. Судъ присяжныхъ существуетъ даже въ Новой Зеландіи. Неужели дикари этого острова болѣе развиты, чѣмъ нашъ народъ? Цѣловальники древней Россіи были тѣ же присяжные; при посредствѣ ихъ рѣшались уголовныя дѣла. Почему же не можетъ существовать такой порядокъ теперь? Дѣла по преступленіямъ, по существу своему, могутъ быть судимы только по совѣсти; законъ не въ состояніи исчерпать всѣ роды и виды доказательстъ и опредѣлить ихъ относительную важность. Для сужденія о виновности преступника нужны только здравый смыслъ и совѣсть—ничего болѣе. Неужели можно отвергать въ нашемъ народѣ и эти качества? это было бы слишкомъ много» (стр. 30—31).

[1]) Новое доказательство «способности» русскаго народа къ вполнѣ разумному отправленію обязанностей присяжнаго засѣдателя находимъ въ послѣднихъ наблюденіяхъ извѣстнаго публициста, автора Общ. хроники Вѣстн. Европы (См. № 4 за 1890 г., стр. 894—904). См. также очеркъ мой, «Какъ мы судили» въ Сѣверномъ Вѣстникѣ 1891, № 4.

могутъ представить себѣ разумный общественный строй, какъ въ видѣ строго-соподчиненныхъ другъ другу бюрократическихъ учрежденій, лишенныхъ всякой самостоятельности и являющихся почти безсознательнымъ орудіемъ въ рукахъ центральныхъ учрежденій. Для людей съ такимъ міровоззрѣніемъ всѣ такъ-называемыя свободныя учрежденія, т.-е. учрежденія, пользующіяся извѣстною свободой и самостоятельностью въ кругу предоставленной имъ власти, предоставляются ни съ чѣмъ несообразнымъ „упраздненіемъ правительства“.

Даромъ, что эта власть дана самимъ правительствомъ послѣ того, какъ оно убѣдилось, что, при всемъ желаніи, оно не въ силахъ опекать и контролировать каждый шагъ своихъ агентовъ; даромъ, что правительство путемъ долгаго опыта убѣдилось въ несостоятельности системы, которая въ Сводѣ Законовъ съ математическою точностью опредѣляла на 188 ступеняхъ лѣстницы наказаній наказаніе отъ 3-хъ ударовъ розгами до 100 ударовъ плетьми и 6000 ударовъ шпицрутенами, а въ процессуальныхъ законахъ, пренебрегая совѣстью и разумѣніемъ судей, производила за нихъ и разъ навсегда оцѣнку судебныхъ доказательствъ; даромъ, что, убѣдившись въ негодности этой системы, само правительство признало нужнымъ дать суду самостоятельность и ввести судъ по совѣсти. Ничего этого знать не хотятъ наши „реформаторы судебной реформы“ и, попрежнему, негодуютъ по поводу каждаго самостоятельнаго шага судебныхъ установленій, не совпавшихъ съ ихъ взглядами.

Методъ ихъ давно извѣстенъ. Возьмутъ первый попавшійся подъ руку „возмутительный“ судебный приговоръ и—ну давай честить „судебную республику“. Если бы не непримиримая вражда къ „свободнымъ“ учрежденіямъ, то фальшивость такого метода была бы очевидна и для пользующихся имъ. Вѣдь суть дѣла не въ томъ или другомъ частномъ промахѣ. Допустимъ, что большинство указываемыхъ реакціонною печатью, sit venia verbo,—судебныхъ „сатурналій“ совершенно вѣрны. Что же изъ этого слѣдовало бы?.. Кому же, напримѣръ, придетъ въ голову на основаніи таганрогскихъ или оренбургскихъ хищеній отвергать въ принципѣ основы административной власти? А, между тѣмъ, не на такой же ли ни съ чѣмъ несообразной точкѣ зрѣнія стоятъ

враги судебныхъ учрежденій, крича, по поводу того или другого промаха ихъ, о необходимости уничтоженія суда присяжныхъ, несмѣняемости судей и т. п.?

Самые „завзятые доктринеры“ судебной реформы никогда и нигдѣ не утверждали, что эти и имъ подобные институты новаго публичнаго права, служа гарантіею правосудія, сами абсолютно гарантированы отъ случайныхъ ошибокъ. Къ сожалѣнію, въ человѣческихъ учрежденіяхъ приходится довольствоваться не абсолютнымъ благомъ, которое и существуетъ только въ идеѣ, а относительнымъ. А если это такъ, то отдѣльные и, притомъ, крайне рѣдкіе случаи ошибокъ ничего не говорятъ противъ основного принципа свободныхъ учрежденій, столь ненавистнаго реакціоннымъ публицистамъ.

Если же отказаться отъ точки зрѣнія, которая въ свободѣ и самостоятельности привыкла видѣть элементы, враждебные порядку, то придется согласиться съ Миттермайеромъ, что свободныя учрежденія—это такая цѣнная, хотя и медленно дѣйствующая школа для воспитанія гражданъ, ради которой слѣдуетъ примириться съ временными ея неудобствами.

Люди недальновидные думаютъ что путемъ частичныхъ уступокъ можно удовлетворить принципіальныхъ враговъ свободныхъ учрежденій. На самомъ дѣлѣ они не перестанутъ вопить: „delenda est Carthago“ до тѣхъ поръ, пока не будутъ упразднены всѣ основы судебной реформы. „Для того, чтобы послѣдовательно осуществить стремленіе возникающихъ съ новою силой старыхъ воззрѣній на уголовный судъ,—писалъ еще въ 1879 г. проф. военно-юридической академіи В. М. Володимiровъ,—необходимо уничтожить самостоятельность и независимость судей, отмѣнить выборное начало, судъ присяжныхъ и защиту“.

„Но вѣдь это цѣлый переворотъ,—заключаетъ авторъ.—Достаточно ли для этого подготовлена почва? Вѣдь русскіе юристы все еще имѣютъ слабость считать судебные уставы 20 ноября 1864 г. гордостью и честью русской юриспруденціи и само общество не отвыкло еще видѣть въ нихъ блестящій вѣнецъ величайшихъ реформъ“ [1]).

---

[1]) Журналъ Гражд. и Уголовн Права 1879 г, № 7—8

Д. Н. Замятнинъ.

„*Если законодательныя предположенія вѣрны, то они и благовременны. Трудно думать, чтобы люди гдѣ-либо и когда-либо были приготовлены къ дурному и не зрѣлы для хорошаго*“.

(Соображен. Государ. Канцел.).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
Глава	I. Вступительныя замѣчанія.	233
Глава	II. Біографическія свѣдѣнія о Замятнинѣ; общая характеристика.	241
Глава	III. Работы министерства юстиціи по составленію «замѣчаній» на Судебные Уставы	247
Глава	IV. Замѣчанія министра юстиціи	254
Глава	V. Подготовительныя работы по открытію новыхъ судовъ.	280
Глава	VI. Открытіе новыхъ судовъ.	293
Глава	VII. Первые шаги новыхъ судовъ. Заключеніе.	308
Приложеніе.		317

ГЛАВА I.

Вступительныя замѣчанія.

«По истинѣ едва вѣрится, чтобы въ столь короткое время такъ крѣпко принялось дѣло столь великое и столь мало похожее на прежніе наши порядки, начиная съ основной идеи и до мельчайшихъ подробностей...

«Наша судебная реформа есть не столько реформа, сколько с о з д а н і е судебной власти. Честь и слава правительственному вѣдомству, которое такъ дѣятельно и вѣрно приводитъ въ исполненіе зиждительную мысль Преобразователя, оберегая ее отъ явнаго и тайнаго недоброжелательства партій, неохотно входящихъ въ условія н о в а г о гражданскаго порядка. Исторія не забудетъ ни одного изъ именъ, связанныхъ съ этимъ великимъ дѣломъ гражданскаго обновленія Россіи».

Москов. вѣдом. 1867 г., № 69.

Послѣ „19-го февраля“ самымъ славнымъ днемъ прошлаго царствованія, безспорно, должно быть признано „20-е ноября“, день утвержденія нашихъ знаменитыхъ „Судебныхъ Уставовъ“. До извѣстной степени день 20-го ноября даже можетъ съ успѣхомъ конкурировать съ днемъ освобожденія крестьянъ. Учрежденія, порожденныя 20-мъ ноября, если не въ отношеніи глубины, то въ отношеніи широты захватили большее пространство, коснувшись матеріальныхъ и духовныхъ интересовъ большаго числа лицъ. Тогда какъ „Положеніе 19-го февраля“ затрогивало бытъ одного только крѣпостного населенія, учрежденіе новаго гласнаго суда, независимаго суда общественной совѣсти, затрогивало самые дорогіе интересы всѣхъ слоевъ населенія, всего государства. Только теперь, когда событія и дѣятели шестидесятыхъ годовъ начинаютъ уходить въ даль исторической перспективы, это ко-

лоссальное дѣло насажденія скораго, праваго и гласнаго суда совѣсти на мѣсто безконечной, продажной приказно-судебной волокиты и водвореніе началъ благоустроеннаго правового порядка въ исконной странѣ господства произвола—представляется во всемъ своемъ величіи и блескѣ. А уничтоженіе системы формальныхъ доказательствъ? Безграмотный судья, или вѣрнѣе главный вершитель дѣлъ, секретарь, въ лучшемъ случаѣ, т.-е. если не накидывалъ чего-нибудь за счетъ своей проданной совѣсти, производилъ, не видя и въ глаза подсудимаго, механическую выкладку надъ нѣмыми предустановленными доказательствами. При этихъ ариѳметическихъ выкладкахъ были нерѣдки такіе случаи, какъ разсказанный въ „Коробейникахъ“:

По ошибкѣ засѣдатели
Упекли его въ острогъ:
Нужно было изъ Спиридова
Вызвать Тита Кузьмича,
Описались—изъ Давыдова
Взяли Титушку-ткача,

или другой, упоминаемый Н. И. Стояновскимъ, случай: мужъ, на основаніи собственнаго сознанія, былъ наказанъ плетьми и сосланъ въ каторжныя работы за убійство жены, которая оказалась живущею въ нѣсколькихъ верстахъ отъ селенія, гдѣ жилъ ея мужъ [1]). И эта счетная операція, при которой логику замѣняло предписаніе закона, а совѣсть—приказаніе начальства, эта machine à sentences, при дѣйствіи которой были неизбѣжны указанные случаи, называлась правосудіемъ и къ ней-то обращаютъ томные взоры современные обскуранты!

Почти наканунѣ введенія судебной реформы въ Рязанской уголовной палатѣ разбиралось громкое и характерное дѣло губернаторскаго любимца, исправника Дмитрія Левашова, наглядно обнаружившее, чего могла ждать возмущенная общественная совѣсть отъ правосудія старыхъ судовъ,

---

[1]) «Рѣчь Н. И. Стояновскаго, произнесенная 3 февраля 1880 года въ общ. собр. с.-петербургскаго Юрид. Общества». Въ Приложеніяхъ приводится часть этой рѣчи, интересная для характеристики порядковъ, предшествовавшихъ судебной реформѣ.

бывшихъ въ сущности отдѣленіями губернаторскихъ канцелярій. Либеральныя тогда „Московскія Вѣдомости“ посвятили этому замѣчательному дѣлу слѣдующія прочувствованныя строки.

„Какой вопіющій фактъ!—фактъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ не изъ случайныхъ разсказовъ и корреспонденцій, а изъ самаго вѣрнаго источника, изъ указа правительствующаго сената. Мы знаемъ это дѣло съ подробностями, о которыхъ не могъ распространяться сенатъ въ своемъ указѣ,—съ подробностями такого омерзительнаго свойства, что онѣ не могли бы появиться ни въ какой печати. И дѣло это происходило не въ Хивѣ, не въ Бухарѣ, не въ какомъ-либо краѣ, находящемся на военномъ положеніи; дѣло это происходило посреди европейской Россіи, въ одной изъ самыхъ мирныхъ ея губерній, находящейся въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ Москвы и въ полутора суткахъ отъ Петербурга.

„Губернаторъ утвердилъ въ отвѣтственной должности исправника несовершеннолѣтняго господина, которому не исполнилось и двадцати лѣтъ и въ которомъ развѣ только сверхъестественно зоркій взглядъ могъ предусмотрѣть надежнаго блюстителя тишины и спокойствія въ цѣломъ уѣздѣ. Съ тѣхъ поръ, сказываютъ, дороги Рязанскаго уѣзда стали небезопасны для проѣзжающихъ и проходящихъ: новый блюститель благочинія пошелъ носиться по дорогамъ, часто въ нетрезвомъ видѣ, хлопая арапникомъ направо и налѣво и очищая путь для проѣзда начальственнымъ лицамъ, ихъ родственникамъ и знакомымъ. Лѣтомъ 1869 года бѣжали изъ рязанскаго острога два арестанта: исправнику, разумѣется, поручено было изловить ихъ, и усердный молодой человѣкъ прежде всего прибѣгнулъ къ способу, дѣлающему честь его остроумію. Выѣхавъ на поиски, онъ составилъ цѣпь изъ мужества крестьянъ и заставилъ ихъ двигаться, схватившись за руку, по полямъ, дабы такимъ образомъ поднять во ржи бѣглецовъ, буде таковые случайно въ ней скрывались. Никакихъ бѣглецовъ во ржи не случилось, но поля были притоптаны. Затѣмъ, юный исправникъ понесся, ниспровергая все на пути къ тому мѣсту, которому суждено было стать позорищемъ тѣхъ возмутительныхъ подвиговъ, о которыхъ значится въ сенатскомъ указѣ. Повторимъ, нельзя безъ содро-

ганія представить себѣ, даже въ слабомъ и туманномъ очеркѣ, тѣ неистовства, которыя творилъ этотъ невѣроятный представитель государственной власти въ уѣздѣ, призванный высшею администраціею губерніи къ охраненію порядка и законности, къ защитѣ личности и собственности мирныхъ жителей. Онъ дѣйствовалъ такъ дословно, что ему наконецъ отказались повиноваться находившіеся подъ его командой люди и вырвали изъ его рукъ несчастную дѣвушку, не подлежавшую, какъ и мать ея, тѣлесному наказанію, надъ которою онъ послѣ истязанія розгами хотѣлъ надругаться неслыханно-гадкимъ образомъ. Нѣтъ ничего, что могло бы войти въ сравненіе съ подвигами, въ которыхъ не знаешь, чему удивляться, огрубѣлости ли чувства и испорченности сердца или совершенному идіотству,—нравственному ли безобразію или безумію. Онъ отыскивалъ бѣглыхъ арестантовъ и для этого въ первомъ представившемся ему постояломъ дворѣ принялся сѣчь всѣхъ, кто ни попадался ему подъ руку, сѣчь людей, изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, и омерзительнѣйшимъ образомъ ругаться надъ женщинами. Могли ли такія гнусныя дѣла остаться безъ должнаго возмездія? И что же? Рязанская уголовная палата нашла эти дѣла легонькою шалостью и приговорила этого милаго юнаго повѣсу посидѣть нѣсколько дней дома, съ тѣмъ, быть-можетъ, чтобы онъ отдохнулъ отъ тяжкихъ трудовъ, понесенныхъ имъ на службѣ отечеству.

„Какая оскорбительная насмѣшка,—восклицаетъ газета,—надъ тѣмъ, что люди зовутъ справедливостью и чтутъ какъ общественную нравственность! Одно другого стоитъ: и поступки уѣзднаго блюстителя благочинія, и приговоръ надъ нимъ губернской юстиціи. Но что такое наша нынѣшняя отживающая свои дни губернская юстиція? Что такое эти судьи, которые чрезъ нѣсколько недѣль должны уступить свое мѣсто другому судоустройству, долженствующему не имѣть съ нимъ почти ничего общаго? Они лишены всякой самостоятельности, особенно когда приговорамъ ихъ подлежатъ административныя лица, и когда, стало-быть, губернскія власти чувствуютъ себя особенно заинтересованными въ судопроизводствѣ“. (1868, № 49)...

Теперь именно, когда есть возможность прослѣдить исто-

рію подготовки и введенія судебной реформы, сравнивать между собою условія, предшествовавшія, сопровождавшія и слѣдовавшія за этою реформою,—съ невольнымъ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ благоговѣніемъ, приходится останавливаться предъ этимъ, по-истинѣ, богатырскимъ подвигомъ творцовъ и дѣятелей судебной реформы. Сколько нужно было имѣть любви къ дѣлу, сколько вѣры въ свой народъ, только-что освобожденный отъ помѣщичьяго самосуда, убивавшаго въ самомъ корнѣ всякое понятіе о правдѣ, чтобы задумать и такъ скоро и такъ удачно выполнить задачу созданія народнаго суда совѣсти, самая мысль о которомъ показалась бы чѣмъ-то химерическимъ современному поколѣнію!

Возможно, полная исторія либеральной эпохи, создавшей судебную реформу, этой необычайно-свѣтлой полосы нашей жизни, промчавшейся, какъ метеоръ, была бы крайне поучительна. Появленіе исторіи судебной реформы, и именно теперь, было бы полезно и въ другомъ отношеніи. Въ наше время, когда въ иныхъ слояхъ, ради ложно понятой самобытности, такъ чуждаются всего, на чемъ лежитъ печать европейской общечеловѣческой мысли, исторія выработки и приложенія на дѣлѣ „Судебныхъ Уставовъ“ представила бы много интереснаго. Она можетъ служить превосходнымъ образчикомъ того, какъ въ умѣлыхъ рукахъ и при доброй волѣ иноземное учрежденіе можетъ быть акклиматизировано съ сохраненіемъ основной идеи учрежденія и съ приспособленіемъ къ особенностямъ мѣстныхъ условій. У насъ же не только не имѣется прагматической исторіи судебной реформы, хотя бы въ такихъ рамкахъ, какъ трудъ профессора Иванюкова—„Паденіе крѣпостного права“, но даже не имѣется такого собранія матеріаловъ, какъ изданный за границею сборникъ Скребницкаго по крестьянской реформѣ. Богатые и цѣнные матеріалы по судебной реформѣ находятся у частныхъ лицъ и недоступны для публики. А между тѣмъ славные дѣятели судебной реформы одинъ за другимъ сходятъ со сцены. Нѣтъ уже въ живыхъ ни князя Гагарина, ни Буткова, ни Буцковскаго, ни многихъ другихъ ихъ доблестныхъ товарищей [1]). Самая свѣжая потеря была въ прошломъ

---

[1]) Въ рѣчи, произнесенной 14 февраля 1882 г. въ С.-Петербургскомъ Юридическомъ Обществѣ, Н. И. Стояновскій коснулся роли нѣкоторыхъ дѣятелей судебной реформы.

1881 году. Не стало 19-го октября и перваго генералъ-прокурора новыхъ судебныхъ учрежденій Д. Н. Замятнина; ему въ значительной степени обязана своимъ осуществленіемъ судебная реформа, великими благами коей, почти безсознательно, мы теперь пользуемся.

И съ дерева невѣдомаго плодъ,
Безпечные, безпечно мы вкушаемъ;
Намъ дѣла нѣтъ, кто возрастилъ его,
Кто посвящалъ ему и трудъ, и время,
И о тебѣ не скажетъ ничего
Своимъ потомкамъ сдержанное племя....

Задача написанія полной исторіи судебной реформы, частью по количеству, частью по качеству подлежащихъ изслѣдованію матеріаловъ, безспорно не легка, и вѣроятно, не скоро мы ея дождемся. Поэтому біографическіе опыты о дѣятельности главнѣйшихъ участниковъ ея, кажется, будутъ не безполезны, хотя бы какъ подготовительный матеріалъ для будущей исторіи. На симпатичной дѣятельности одного изъ нихъ, а именно Замятнина, игравшую первостепенную роль въ выработкѣ, а въ особенности въ введеніи „Судебныхъ Уставовъ“ въ дѣйствіе, мы и намѣрены остановиться. Намъ уже приходилось говорить, по порученію московскаго Юридическаго Общества, о дѣятельности Замятнина [1]). Нынѣ намъ удалось собрать матеріалы, могущіе служить къ болѣе рельефной обрисовкѣ этой замѣчательной личности, а потому считаемъ полезнымъ еще разъ вернуться къ своей темѣ. Впрочемъ, считаемъ нужнымъ оговориться, что, по свойству собраннаго нами матеріала, намъ придется говорить о дѣятельности Замятнина только по судебной реформѣ.

Дѣятельность Замятнина имѣетъ право на вниманіе еще по особой причинѣ. Въ наше время, когда и у недюжинныхъ людей руки опускаются въ безсиліи, когда всѣ жалуются на недостатокъ творческой мысли, когда всѣ ищутъ и не находятъ людей для разрѣшенія назрѣвшихъ серьезныхъ общественныхъ задачъ, очеркъ дѣятельности Замятнина можетъ дать не мало назидательныхъ указаній. По общему признанію

---

[1]) Журн. Гражд. и Уголовн. Права 1882 года, № 2.

всѣхъ лицъ, близко знавшихъ Замятнина, умственныя способности его не представляли чего-нибудь изъ ряда вонъ выходящаго. Для своего времени онъ былъ достаточно образованъ, начитанъ, знакомъ съ иностранными законодательствами, особенно съ французскимъ, но выдающимися чертами его личности были: безконечная доброта, нравственная чистота, идеальная честность. Обладая такими богатыми духовно-нравственными дарами, Замятнинъ, и при обыкновенныхъ умственныхъ способностяхъ, сумѣлъ занять выдающееся мѣсто въ сонмѣ дѣятелей судебной реформы. Однажды понявъ великое значеніе гуманныхъ и либеральныхъ основъ судебной реформы, онъ отдался ей такъ, какъ умѣютъ отдаваться подобныя натуры, то-есть всецѣло и навсегда, а не по соображеніямъ минутнаго оппортюнизма; онъ сдѣлался ихъ горячимъ сторонникомъ, распространителемъ, а впослѣдствіи бойцомъ за судебную реформу. Впрочемъ, въ этомъ явленіи нѣтъ ничего особенно новаго. Исторія нерѣдко отмѣчаетъ тотъ любопытный фактъ, что люди „чистые сердцемъ“ гораздо сильнѣе откликаются на призывы освободительныхъ и гуманныхъ идей, открывающіе новые горизонты для человѣчества, нежели очерствѣвшіе люди школьной мудрости. книжники. Не нужно, конечно, упускать изъ виду и ту великую собирательную силу, которая называется „общественнымъ воодушевленіемъ“, силу, благодаря которой и пигмеи дѣлаются гигантами, и Терситы—Патроклами... Однимъ словомъ, въ извѣстное время и при извѣстныхъ добрыхъ задаткахъ, и человѣкъ среднихъ способностей можетъ творить великія дѣла. А это случается тогда, когда правящія сферы умѣютъ вызвать и направить здоровыя интеллигентныя силы страны, которыхъ бываетъ въ запасѣ больше, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Нужно только умѣть разыскивать эти силы. Ищите и обрящете... Истина эта слишкомъ стара, но послѣдуемъ совѣту Гете, и „не будемъ уставать, защищая истину; заблужденіе дѣйствуетъ, не уставая никогда“.

Какъ бы то ни было, благодаря частью личнымъ своимъ качествамъ, а главнымъ образомъ благотворному вліянію либеральныхъ теченій начала прошлаго царствованія, Замятнинъ сдѣлался какъ бы знаменемъ для судебной реформы и оставался имъ до конца своей жизни. У всякой исторической

эпохи, для всякаго важнаго историческаго предпріятія,—народное, у насъ пока еще общественное,—сознаніе создаетъ легендарнаго героя, воплощающаго идею этого дѣла. Такими легендарными носителями идеи являются не всегда тѣ, которые отчетливѣе всѣхъ ее поняли, а тотъ, который сердечнѣе, теплѣе всѣхъ усвоилъ ее и беззавѣтно, весь безъ остатка, отдался служенію ей. Кто не знаетъ, какъ много сдѣлали для судебной реформы покойные князь Гагаринъ, Бутковъ и многіе другіе (я не говорю о живыхъ), однако, ко всеобщему признанію, истиннымъ олицетвореніемъ гуманныхъ и либеральныхъ принциповъ судебной реформы считался Замятнинъ.

Въ доказательство этой мысли приведу одинъ замѣчательный, но мало извѣстный фактъ. Въ 1874 году миновало первое десятилѣтіе со дня изданія „Судебныхъ Уставовъ“. Замятнинъ, давно уже устраненный отъ любимаго дѣла, оффиціально стоялъ совершенно далеко отъ судебнаго вѣдомства. И что же? Вся мыслящая Россія продолжала считать живымъ воплощеніемъ основныхъ началъ судебной реформы его, Замятнина. Съ разныхъ концовъ Россіи—изъ Москвы, Харькова, Пскова, Ельца, Новгорода, Владиміра—многочисленные почитатели судебной реформы, какъ бы сговорившись, слали Замятнину свои привѣтствія по случаю исполнившагося десятилѣтія изданія „Судебныхъ Уставовъ“. Въ числѣ привѣтствій была трогательная телеграмма изъ Москвы отъ молодыхъ, начинающихъ юристовъ, по поводу которой невольно вспоминаются слова французскаго философа: „heureux celui qui est assez grand pour que les petits l'admirent“. Вотъ какую добрую память оставилъ Замятнинъ послѣ своего кратковременнаго, но оставшагося навсегда памятнымъ, завѣдыванія дѣлами новаго суда. Безъ дальнѣйшихъ поясненій понятно, что дѣятельность такого человѣка заслуживаетъ вниманія.

ГЛАВА II.

Біографическія свѣдѣнія о Замятнинѣ.

«Настоящее правительство не задерживаетъ народъ, не видитъ настоящаго народа только въ неподвижной массѣ; оно вызываетъ изъ массы лучшія силы; оно не боится этихъ силъ; оно въ тѣсномъ союзѣ съ ними .

С. Соловьевъ.

Дмитрій Николаевичъ Замятнинъ родился въ 1805 г, въ дворянской семьѣ, въ Горбатовскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ лицейскомъ пансіонѣ, откуда за отличные успѣхи былъ переведенъ въ Царскосельскій лицей. Здѣсь онъ окончилъ курсъ съ серебряною медалью въ 1823 г. Съ перваго же шага своего служебнаго поприща Дмитрій Николаевичъ попалъ въ хорошую школу знаменитаго Сперанскаго, который былъ занятъ въ то время кодификаціонными работами по составленію „Свода Законовъ“. Съ закрытіемъ кодификаціонной коммиссіи въ 1826 году Дмитрій Николаевичъ перешелъ во вновь учрежденную собственную Его Императорскаго Величества канцелярію, гдѣ онъ и оставался до конца 1840 г. Въ теченіе этого времени онъ успѣлъ составить себѣ репутацію способнаго и трудолюбиваго, а главное—честнаго чиновника. Особенно благодаря послѣднему качеству Дмитрій Николаевичъ получилъ должность герольдмейстера. При назначеніи на эту должность Дмитрію Николаевичу поручено было заняться искорененіемъ злоупотребленій, проще—взяточничества, господствовавшаго въ департаментѣ герольдій. Говорятъ, Императоръ Николай Павловичъ, опредѣляя Дмитрія Николаевича на это мѣсто, предупреждалъ его, что ему придется имѣть дѣло съ „шайкой разбойниковъ“. Въ первый же годъ своей

службы по новому вѣдомству Дмитрій Николаевичъ успѣлъ показать себя способнымъ администраторомъ, искоренивъ многія злоупотребленія. Отчетъ его за 1841 годъ, заключавшій въ себѣ и тщательно обдуманный планъ реформы дѣлопроизводства департамента герольдій, обратилъ на себя общее вниманіе. Затѣмъ Дмитрій Николаевичъ занималъ должности члена консультаціи, при министерствѣ юстиціи учрежденной, оберъ-прокурора 2-го и 3-го департаментовъ сената. Въ этой должности онъ хорошо ознакомился со всѣми язвами нашего стараго тайнаго канцелярскаго судопроизводства, что принесло ему громадную пользу при послѣдующей его дѣятельности по судебной реформѣ. Въ 1852 году Дмитрій Николаевичъ былъ назначенъ сенаторомъ и до 1858 года онъ присутствовалъ въ 1-мъ и во 2-мъ отдѣленіяхъ 3-го депаратамента, въ 4-мъ и въ 1-мъ департаментахъ. 9-го мая 1858 года онъ былъ назначенъ товарищемъ министра юстиціи, а въ 1862 году, послѣ отставки графа Панина, управляющимъ министерствомъ юстиціи. 1-го января 1864 года Дмитрій Николаевичъ Замятнинъ былъ утвержденъ въ званіи министра юстиціи, постъ котораго онъ занималъ до 16 апрѣля 1867 г.

За симъ онъ перешелъ въ государственный совѣтъ, гдѣ присутствовалъ въ департаментѣ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и назначался постоянно членомъ особой коммиссіи для разсмотрѣнія отчетовъ по министерству юстиціи и по кассаціоннымъ департаментамъ. 10-го мая 1881 года состоялось назначеніе Д. Н. Замятнина предсѣдателемъ департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ государственнаго совѣта.

Не перечисляя разнообразныхъ должностей, которыя занималъ Дмитрій Николаевичъ въ разныхъ коммиссіяхъ и благотворительныхъ учрежденіяхъ, упомяну только, что онъ съ 1858 года служилъ по вѣдомству Императрицы Маріи, а впослѣдствіи былъ назначенъ почетнымъ опекуномъ съ присутствованіемъ въ опекунскомъ совѣтѣ. Д. Н. Замятнинъ скончался въ день лицейской годовщины—19-го октября 1881 г. За товарищескимъ обѣдомъ съ нимъ сдѣлался апоплексическій ударъ и черезъ нѣсколько часовъ послѣ того его уже не стало.

Такимъ образомъ время пребыванія и управленія Замятнинымъ министерствомъ юстиціи совпало со временемъ наи-

болѣе горячихъ работъ по подготовкѣ, составленію и введенію въ дѣйствіе „Судебныхъ Уставовъ 20-го ноября 1864 года". Эта-то самая важная эпоха жизни Дмитрія Николаевича составляетъ предметъ настоящаго очерка.

Но, говоря объ участіи Замятнина въ судебной реформѣ, считаю необходимымъ частью для связи изложенія, частью по невольной, но пріятной ассоціаціи идей, сказать два слова и о ходѣ этой реформы. И теперь, черезъ 20 лѣтъ, или, вѣрнѣе сказать, именно теперь, нельзя безъ удивленія вспомнить объ этомъ классическомъ трудѣ составителей „Судебныхъ Уставовъ". Теперь, когда давно уже назрѣвшія реформы какихъ-нибудь опекунскихъ учрежденій, коммерческихъ учрежденій, коммерческихъ судовъ напрасно ждутъ не дождутся очереди въ теченіе 20 лѣтъ, колоссальный трудъ людей 60-хъ годовъ, блистательно, такъ сказать, съ одного взмаха, разрѣшившихъ сложную задачу, въ теченіе четверти вѣка не сходившую съ очереди, кажется чѣмъ-то легендарнымъ.

Вотъ нѣкоторыя числа, которыя покажутся невѣроятными современному поколѣнію. Въ октябрѣ 1861 года покойный Государь повелѣлъ предварительно выработать „Основныя Положенія" судебной реформы. Мысль эта оказалась въ высшей степени счастливою; но что не въ ней одной была сила, лучшимъ доказательствомъ служитъ то обстоятельство, что въ послѣдующее время одно составленіе „Основныхъ Положеній" не подвигало впередъ работы. Примѣръ—ипотечная система. Но въ данномъ случаѣ счастливая мысль принесла обильные плоды, потому что ей благопріятствовали время или, что то же, состояніе умовъ. Менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ состоявшагося повелѣнія государственный совѣтъ уже окончилъ разсмотрѣніе извѣстныхъ „Основныхъ положеній преобразованія судебной части въ Россіи", Высочайше утвержденныхъ 29 сентября 1862 года и послужившихъ прочнымъ фундаментомъ для будущаго судебнаго законодательства. Лучшею похвалой для „Основныхъ Положеній" можетъ служить весьма сочувственный отзывъ, коимъ они встрѣчены были знаменитымъ германскимъ ученымъ Митермайеромъ [1]). 29-го же сентября повелѣно было образовать при государ-

---

[1]) Жур. Миннст. Юст. 1864 г., № 10.

ственной канцеляріи, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря В. П. Буткова, особую коммиссію для составленія проектовъ судоустройства и судопроизводства, согласно утвержденнымъ уже „Основнымъ Положеніямъ“. Въ составъ коммиссіи вошли лучшіе юристы того времени, теоретически и практически изучавшіе право и судопроизводство. Коммиссія съ небольшимъ черезъ годъ уже внесла въ государственный совѣтъ готовые проекты Учрежденія судебныхъ мѣстъ и Уставовъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства. Скорость хода работъ отнюдь не отразилась неблагопріятно на внутреннемъ содержаніи и внѣшней отдѣлкѣ проектовъ. Напротивъ, въ нихъ замѣчается такая полнота и глубина мысли, такое дѣятельное участіе всѣхъ умственныхъ силъ тогдашняго интеллигентнаго общества, которыя ни раньше, ни позже болѣе не повторялись.

Вотъ каковъ былъ ходъ работъ. Вышеупомянутыя „Основныя Положенія“ были опубликованы во всеобщее свѣдѣніе. Чтобы вызвать самодѣятельность общественныхъ силъ, комиссія В. П. Буткова спеціально обратилась къ судебнымъ и административнымъ дѣятелямъ и профессорамъ, а черезъ періодическія изданія ко всѣмъ лицамъ, интересующимся судебною реформой, съ просьбой оказать содѣйствіе своими замѣчаніями. На приглашеніе коммиссіи откликнулось 448 лицъ, замѣчанія которыхъ составили шесть томовъ in folio. Припомнимъ, что это былъ первый опытъ обращенія къ обществу за содѣйствіемъ, ради успѣха законодательныхъ работъ, и мы поймемъ, какъ великъ долженъ быть въ то время подъемъ гражданскаго духа и сила всеобщаго воодушевленія, если, при бѣдности нашей юридической мысли, на приглашеніе отозвалось 448 человѣкъ. Эти практическія замѣчанія вмѣстѣ съ иностранными законодательствами и теоретическими изслѣдованіями послужили матеріаломъ, надъ которымъ работала коммиссія. Сначала проекты составлялись редакторами, потомъ переходили въ отдѣльныя коммиссіи и наконецъ обсуждались въ общемъ собраніи коммиссіи при участіи особо приглашенныхъ лицъ, свѣдѣнія и опытность коихъ могли разъяснить встрѣчаемыя недоразумѣнія. Коммиссія работала такъ усердно и добросовѣстно, что, какъ уже замѣчено, черезъ годъ съ небольшимъ послѣ своего учрежденія приготовила проекты,

снабженные превосходными объяснительными записками. Въ значительной степени благодаря такой образцовой работѣ коммиссіи, былъ созданъ лучшій памятникъ русскаго законодательнаго творчества.

Внося проекты въ государственный совѣтъ, предсѣдатель коммиссіи напутствовалъ ихъ слѣдующими словами, все значеніе коихъ обнаружилось лишь впослѣдствіи. „Если при дальнѣйшемъ направленіи настоящаго дѣла,—писалъ статсъ-секретарь Бутковъ,—и въ особенности при введеніи въ дѣйствіе новыхъ Уставовъ судопроизводства и Учрежденія судебныхъ мѣстъ и при необходимомъ, по указаніямъ опыта, исправленіи ихъ, современемъ, будутъ тщательно сохраняемы начала, преподанныя „Основными Положеніями“, и если притомъ судебная власть будетъ поставлена въ полную и совершенную независимость отъ власти административной, то успѣхъ предпринятой у насъ судебной реформы едва ли можетъ подлежать какому-либо сомнѣнію“.

Такимъ образомъ съ небольшимъ въ д в а г о д а были составлены „Основныя Положенія“ и на основаніи ихъ проекты. Меньше чѣмъ въ годъ государственный совѣтъ обсудилъ проекты и уже 20-го ноября 1864 года, т.-е. меньше чѣмъ послѣ т р е х л ѣ т н е й работы, мы уже имѣли знаменитые „Судебные Уставы“, составившіе эпоху въ общественномъ развитіи Россіи и вызвавшіе сочувствіе всего образованнаго міра. Развѣ мы не были правы, сказавъ выше, что современнымъ дѣятелямъ покажется легендарною быстрота, съ которою было выработано наше образцовое либеральное судебное законодательство?

При современномъ маразмѣ, охватившемъ общество, при отсутствіи творческой мысли, которое не могли восполнить ни свѣдующіе ни не свѣдующіе люди, дѣлается непонятнымъ этотъ внезапный притокъ свѣжихъ нравственныхъ и умственныхъ силъ, давшихъ возможность совершить въ 60-хъ годахъ рядъ важныхъ либеральныхъ реформъ. Откуда взялись эти гигантскія силы и какъ создалось то взаимное довѣріе и благотворное взаимодѣйствіе правящихъ сферъ и „оторвавшагося отъ народа“ интеллигентнаго общества, которыя донынѣ съ любовью припоминаются друзьями прогресса? Отвѣчу косвенно на этотъ вопросъ словами маститаго историка Соловьева: „Настоящее правительство не задерживаетъ свой народъ, не

видитъ настоящаго народа только въ неподвижной массѣ; оно вызываетъ изъ массы лучшія силы и употребляетъ ихъ на благо народа; оно не боится этихъ силъ, оно въ тѣсномъ союзѣ съ ними. Чтобы не бояться ничего, правительство должно быть либерально и сильно. Оно должно быть либерально, чтобы поддерживать и развивать въ народѣ жизненныя силы, постоянно кропить его живою водою, не допускать въ немъ застоя, слѣдовательно—гніенія, не задерживать его въ состояніи младенчества, нравственнаго безсилія, которое въ минуту искушеній дѣлаетъ его неспособнымъ отразить ударъ, встрѣтить твердо и спокойно, какъ прилично мужамъ, всякое движеніе, всякую новизну, критически относиться къ каждому явленію; народу нужно либерально-широкое воспитаніе, чтобы ему не колебаться, не мястись при первомъ порывѣ вѣтра, не восторгаться первымъ жалкимъ и красивымъ словомъ, не дурачиться и не бить стеколъ, какъ дѣти, которыхъ долго держали взаперти и вдругъ выпустили на свободу".

ГЛАВА III.

Работы министерства юстиціи по составленію «замѣчаній» на Судебные Уставы.

Независимо отъ коммиссіи государственной канцеляріи, состоявшей подъ предсѣдательствомъ В. П. Буткова, но вполнѣ согласно съ ея освободительными стремленіями, работалъ въ качествѣ министра юстиціи Д. Н. Замятнинъ, при ближайшемъ сотрудничествѣ одного изъ славныхъ ветерановъ судебной реформы Н. И. Стояновскаго. Тутъ мы касаемся одного изъ важнѣйшихъ моментовъ жизни Дмитрія Николаевича, а потому слѣдуетъ попытаться обозначить основныя свойства его личности, коими опредѣлится и самый характеръ и размѣръ его участія въ судебной реформѣ.

Частью по личнымъ своимъ свойствамъ, частью благодаря господствовавшей въ 1825—1855 гг. военнобюрократической системѣ, изъ Дмитрія Николаевича не выработалась рѣзко очерченная индивидуальность, рѣшительная иниціатива. Юные и зрѣлые годы Дмитрія Николаевича относятся къ эпохѣ, когда ad majorem gloriam означенной системы преслѣдовалось строго всякое проявленіе своеобразной индивидуальности и все пригибалось подъ однообразную, оффиціально утвержденную формулу какъ для внѣшняго благоповеденія, такъ и для внутренняго міровоззрѣнія. Ни школьное, ни политическое воспитаніе, полученное Замятнинымъ, не способствовали развитію въ немъ высокаго полета мыслей, способности къ смѣлому творчеству. Въ личности Замятнина не столько замѣчалось присутствіе качествъ великаго духа, сколько чертъ прекрасной, возвышенной, чистой души. Преобладающею чертой въ личности Замятнина была необычайная доброта, о которой справедливо говоритъ Ренанъ: „c'est la bonté qui fait vivre“. Дѣлать добро ближнему было для Дмитрія Николае-

вича истиннымъ наслажденіемъ, скажу болѣе—неодолимою потребностью его нравственной природы. Изъ другихъ чертъ характера Замятнина заслуживаютъ упоминанія: безусловная честность во всѣхъ поступкахъ, добросовѣстное до педантизма отношеніе къ своимъ обязанностямъ, вѣрность однажды сознательно избранному знамени. Въ сношеніяхъ съ равными себѣ и подчиненными у Дмитрія Николаевича замѣчались прямота, простота и ровность, умѣнье привязывать ихъ къ хорошему дѣлу и расшевеливать въ нихъ лучшія стороны души. Замѣчательна была въ Дмитріѣ Николаевичѣ, столь рѣдко наблюдаемая у людей въ его положеніи, скромность, открыто высказываемое желаніе учиться долго и прилежно у людей болѣе его свѣдующихъ и отсутствіе того мелкаго самолюбія, которое не выноситъ около себя близости выдающихся талантовъ. Дмитрій Николаевичъ охотно выдвигалъ и въ министерствѣ, и впослѣдствіи въ судебныхъ учрежденіяхъ даровитыхъ дѣятелей, любуясь ихъ успѣхами и не боясь развитія ихъ дарованій. Незлопамятность, благодушіе, отвращеніе къ пересудамъ, какъ логическія послѣдствія его доброй натуры, замѣчались у Дмитрія Николаевича какъ въ частной жизни, такъ и оффиціальной дѣятельности.

Въ сношеніяхъ съ просителями Замятнинъ отличался доступностью и внимательностью. Замятнинъ отзывался такъ: „Просителю, какъ бы больному, нужна помощь немедленная или объясненіе, что ему помощь невозможна“. Онъ былъ всегда врагомъ пустыхъ широковѣщательныхъ обѣщаній, въ щедромъ расточеніи коихъ иные видятъ простое, но вѣрное средство для привлеченія просительскихъ сердецъ.

Приведенная краткая характеристика показываетъ, что еслибы не благодатное либеральное движеніе 60-хъ годовъ, то дѣятельность Замятнина, всегда честная и гуманная, прошла бы незамѣтно, не оставивъ послѣ себя глубокихъ слѣдовъ. Но, какъ выше уже было замѣчено, въ эпоху всеобщаго преобразовательнаго воодушевленія и среднія способности даютъ богатый расцвѣтъ и слабыя иниціативою натуры мужаютъ и крѣпнутъ. Присущій имъ недостатокъ иниціативы парализуется быстрымъ и глубокимъ общественнымъ теченіемъ, которое несетъ ихъ, не требуя отъ нихъ особыхъ усилій воли и смѣлаго творческаго полета. Такъ случилось и съ Замятнинымъ. Бо-

гатые духовные дары его, тлѣвшіе подъ пепломъ, благодаря однообразной начальственной нивелировкѣ, ожили при первомъ же соприкосновеніи съ здоровою атмосферой свободной общественной самодѣятельности.

До 1862 года дѣло судебной реформы шло мимо министерства юстиціи и даже противъ его тенденцій. Тогдашній министръ юстиціи графъ Панинъ дѣлалъ не мало усилій, чтобы смягчить или, вѣрнѣе, исказить основныя начала судебной реформы. Когда же „Основныя Положенія“ прошли въ государственномъ совѣтѣ и удостоились 29 сентября 1862 года Высочайшаго утвержденія, графъ Панинъ понялъ, что роль его сыграна, и онъ долженъ былъ подать въ отставку. Преемникомъ ему былъ назначенъ бывшій его товарищъ Д. Н. Замятнинъ. Первымъ дѣломъ Замятнина было избраніе себѣ въ товарищи Н. И. Стояновскаго, бывшаго въ то время статсъ-секретаремъ государственнаго совѣта. Раньше Замятнинъ не былъ даже знакомъ съ нимъ домами, а зналъ его только по службѣ. Высоко цѣня его способности и желая употребить ихъ на пользу судебной реформы, Замятнинъ искалъ въ своемъ товарищѣ помощника и даже, horribile dictu, наставника, въ совершенное отличіе отъ многихъ министровъ того времени, бравшихъ себѣ въ товарищи бездарности изъ опасенія, чтобы товарищи ихъ не затмили.

Съ назначеніемъ Замятнина въ министерствѣ юстиціи сталъ носиться иной духъ, водворились иные порядки. Послѣ такого черствaго, безжизненнаго бюрократа, чиновника до мозга костей, какимъ былъ графъ Панинъ, служившій истиннымъ олицетвореніемъ бездушнаго формализма, вдругъ занимаетъ министерскій постъ человѣкъ мягкій, ласковый, пріятный въ обращеніи, доступный для всѣхъ. Графъ Панинъ, никогда не покидавшій своего недоступнаго бюрократическаго Олимпа не только для объясненія съ публикою, но и для выслушанія докладовъ,—чуть ли и съ курьеромъ своимъ объяснялся не иначе, какъ письменно. Преемникъ же его, не желая разыгрывать роль грознаго, но не видимаго далай-ламы, впервые назначилъ пріемные часы для личныхъ объясненій съ просителями. Что касается правителя канцеляріи министерства юстиціи, Д. Б. Бэра, то онъ во всякое время принималъ просителей, просьбы коихъ въ тотъ же или на другой день докладывались министру.

Отношенія новаго министра къ чинамъ министерства были превосходныя. Еще раньше Д. Н. Замятнинъ, будучи товарищемъ министра, успѣлъ пріобрѣсти расположеніе департаментскаго персонала простотою своего обращенія, составляющаго такой бьющій глазъ контрастъ съ недоступностью тогдашняго министра юстиціи... „Вдругъ видимъ,—разсказывалъ мнѣ одинъ изъ департаментскихъ чиновниковъ того времени,—симпатичнаго старика, въ гороховомъ сюртукѣ, съ сигарою во рту расхаживающаго между столами и запросто знакомящагося съ подчиненными: то былъ новый товарищъ министра Замятнинъ“. Одинъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ Замятнина, сенаторъ Д. Б. Бэръ, слѣдующими чертами характеризуетъ личность его: „Всему вѣдомству (министерства юстиціи) уже давно была извѣстна въ высшей степени гуманная, симпатичная личность новаго начальника. Съ полнымъ къ нему довѣріемъ вѣдомство принялось за усиленную дѣятельность, стало готовиться къ предстоящей судебной реформѣ. Всегда спокойный, хладнокровный, чуждый мелочного самолюбія, онъ требовалъ серьезнаго отношенія къ дѣлу. Онъ обладалъ особымъ умѣньемъ выслушивать своихъ подчиненныхъ. Исполнитель, которому поручена была какая-либо работа, былъ увѣренъ, что онъ всегда придетъ во-время къ своему начальнику и будетъ выслушанъ имъ безъ малѣйшей тѣни неудовольствія и досады, хотя бы онъ представлялъ свои соображенія о невозможности исполнить данное приказаніе. Каждое малѣйшее сомнѣніе обсуждалось, подвергалось строгой критикѣ, весьма часто коллегіально, и дѣло отъ такихъ пріемовъ выигрывало; притомъ же начальникъ этимъ путемъ узнавалъ своихъ подчиненныхъ. Это не было нерѣшительностью, а было, напротивъ, желаніемъ отыскать правду, наилучшимъ образомъ осуществить ее и поставить дѣло на законную, твердую почву“ [1]).

Узнавъ изъ продолжительнаго жизненнаго опыта, что Русь „въ судахъ полна неправды черной“, новый министръ направилъ всѣ силы своего вѣдомства для коренного излѣченія застарѣлаго недуга. Онъ усвоилъ себѣ либеральныя основанія судебной реформы и сдѣлался ихъ горячимъ сто-

---

[1]) Жур. Граж и Угол Права 1881 года, № 6

ронникомъ на всю жизнь. Этотъ, почти шестидесятилѣтній въ то время старецъ, соединивъ въ себѣ твердость зрѣлаго возраста съ пыломъ молодого увлеченія, организовалъ въ своемъ министерствѣ коллегію, соревновавшую съ коммиссіею для начертанія „Судебныхъ Уставовъ“ въ работахъ для скорѣйшаго проведенія судебной реформы. Съ свойственнымъ ему умѣньемъ выбирать и привязывать къ себѣ людей, Замятнинъ, не обращая вниманія ни на возрастъ, ни на положеніе въ судебной іерархіи, сгруппировалъ около себя „могучую кучку“ способныхъ и преданныхъ дѣлу реформы людей, воодушевленныхъ высотою предстоящей работы и искреннимъ желаніемъ поработать на пользу родины. На первомъ планѣ фигурировалъ—правая рука министра юстиціи—маститый государственный мужъ Н. И. Стояновскій, заложившій одинъ изъ первыхъ камней судебной реформы еще въ должности статсъ-секретаря государственнаго совѣта. Затѣмъ слѣдовали: директоръ департамента министерства юстиціи, баронъ Врангель, вице-директоръ Б. Н. Хвостовъ, начальникъ законодательнаго отдѣленія Н. Н. Шрейберъ, старшій юрисконсультъ консультаціи Д. Г. фонъ-Дервизъ, начальникъ гражданскаго отдѣленія О. В. Эссенъ, юрисконсультъ Г. К. Рѣпинскій, правитель канцеляріи министра юстиціи Д. Б. Бэръ и др. Люди съ мелкими страстишками, имѣя въ виду задѣть самолюбіе министра юстиціи, громко говорили, что онъ даетъ себя „начинять департаментскимъ либерализмомъ“. Но Замятнинъ съ полнымъ равнодушіемъ и даже добродушіемъ выслушивалъ колкости и продолжалъ „учиться“ у всякаго, кто могъ бы дать полезныя указанія для руководимаго имъ дѣла. А „ученіе“ было серьезное и изученіе прилежное.

Для ближайшаго съ своей стороны обсужденія внесенныхъ въ государственный совѣтъ проектовъ судоустройства и судопроизводства, Замятнинъ образовалъ, подъ личнымъ своимъ предсѣдательствомъ, въ присутствіи товарища своего Н. И. Стояновскаго, особыя совѣщательныя засѣданія, къ которымъ были приглашены способнѣйшіе чины министерства юстиціи. Засѣданія эти продолжались въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ (въ началѣ 1864 года) по три раза въ недѣлю, по вечерамъ, по пяти и болѣе часовъ каждое. Замят-

нинъ поражалъ на этихъ засѣданіяхъ своимъ терпѣніемъ и неутомимостью. Въ то время, какъ молодые люди чувствовали утомленіе, онъ, несмотря на свои годы, засиживался до двухъ часовъ ночи, внимательно выслушивая всякое замѣчаніе и давая всякому высказаться вполнѣ, поощряя словомъ и личнымъ примѣромъ. По тщательному обсужденію всѣхъ по порядку постановленій проектовъ судебной реформы, основаній приведенныхъ въ объяснительныхъ запискахъ коммиссіи В. П. Буткова и возбужденныхъ по разнымъ вопросамъ разногласій въ засѣданіяхъ помянутой коллегіи, по указанію Дмитрія Николаевича, устанавливалась сущность замѣчаній его на проекты. Потомъ эти замѣчанія, подробно редактированныя, подъ ближайшимъ надзоромъ товарища министра Н. И. Стояновскаго, окончательно просматривались Замятнинымъ, печатались, и по мѣрѣ изготовленія разсылались ко всѣмъ членамъ соединеннаго присутствія департаментовъ государственнаго совѣта ко времени происходившихъ въ ономъ засѣданій. Такимъ образомъ доставлены были подробныя соображенія о необходимости измѣненія по существу до 1,100 статей проектовъ, а именно: до 600 статей проекта гражданскаго судопроизводства, до 300 — проекта уголовнаго судопроизводства, до 80 статей проекта о проступкахъ, подвѣдомыхъ мировымъ судьямъ и до 120—проекта Учрежденій судебныхъ мѣстъ [1]). Вотъ какъ честно поработалъ Замятнинъ вмѣстѣ со своими сотрудниками для судебной реформы!

Независимо отъ изложеннаго, Дмитрій Николаевичъ, желая еще болѣе споспѣшествовать успѣху судебной реформы, испросилъ соизволеніе покойнаго Государя на то, во-первыхъ, чтобы министру дозволено было бы по проектамъ судоустройства и судопроизводства сообщать государственному совѣту во время слушанія проектовъ, а затѣмъ представлять совѣту изустно разъясненія, какія окажутся необходимыми: во-вторыхъ, чтобы всѣ работы коммиссіи В. П. Буткова сообщены были для предварительнаго разсмотрѣнія сенаторамъ и оберъ-прокурорамъ, такъ какъ многіе изъ нихъ обладаютъ большимъ запасомъ знаній юридическихъ и практи-

---

[1]) Журн. Мин. Юстиціи 1866 г., № 4, стр. 31.

ческою, въ судебныхъ дѣлахъ, опытностью; и въ-третьихъ, чтобы товарищъ министра Стояновскій находился во всѣхъ засѣданіяхъ государственнаго совѣта по дѣлу судебной реформы, съ правомъ представлять объясненія и соображенія свои по проектамъ и образованіи судебной части.

Такимъ образомъ, участіе Замятнина по подготовкѣ судебной реформы сводилось къ составленію цѣлесообразнаго плана организаціи работъ министерства юстиціи, въ высшемъ руководствѣ и лучшемъ направленіи дѣятельности чиновъ министерства, сообразно способностямъ каждаго, и, наконецъ, въ воодушевленіи ихъ своимъ нравственнымъ вліяніемъ и личнымъ примѣромъ неутомимости и добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу.

ГЛАВА IV.

Замѣчанія министерства юстиціи.

Habent sua fata libelli.

Выше было указано, съ какою добросовѣстностью вырабатывалъ Замятнинъ свои замѣчанія на проекты „Судебныхъ Уставовъ“. Въ совокупности, „Замѣчанія министра юстиціи“ образовали солидный томъ in folio, въ 500 слишкомъ страницъ. Довольно странная судьба постигла этотъ замѣчательный трудъ. Публикѣ и даже спеціалистамъ онъ почти не извѣстенъ. Въ „Судебныхъ Уставахъ“ изданія государственной канцеляріи приводится масса соображеній изъ объяснительныхъ записокъ, журналовъ государственнаго совѣта и даже записки статсъ-секретаря Блудова, о замѣчаніяхъ же министра юстиціи Замятнина, имѣвшихъ результатомъ видоизмѣненіе многихъ статей проектовъ и, стало-быть, могущихъ служить наилучшимъ комментаріемъ къ новой редакціи статей, вошедшихъ въ измѣненномъ видѣ въ „Судебные Уставы“,—ни слова не говорится. Имѣемъ ли мы дѣло съ простою случайностью, или случаемъ проявленія jalousie de métier, но фактъ тотъ, что разностороннія замѣчанія министра юстиціи вовсе игнорируются оффиціальнымъ изданіемъ „Судебныхъ Уставовъ“. Лучшею аттестаціей для этого труда можетъ служить то обстоятельство, что многія изъ предложенныхъ имъ поправокъ вошли въ дѣйствующее судебное законодательство, какъ одна изъ лучшихъ его частей. Нѣкоторыя изъ серьезныхъ поправокъ были отвергнуты государственнымъ совѣтомъ, благодаря чему образовались въ „Судебныхъ Уставахъ“ замѣтные пробѣлы и шероховатости, понынѣ еще не устраненные,—такъ, напримѣръ, порядокъ взысканія по безспорнымъ актамъ.

Общая черта всѣхъ „Замѣчаній“ Замятнина—неуклонное

слѣдованіе и неустанное отстаиваніе либеральныхъ „Основныхъ Положеній“, легшихъ въ основаніе судебной реформы, иной разъ даже болѣе вѣрное слѣдованіе имъ, чѣмъ то замѣчается въ трудахъ коммиссіи Буткова. Въ виду малаго знакомства публики съ этими „Замѣчаніями“, я считаю полезнымъ привести нѣкоторыя изъ нихъ, тѣмъ болѣе, что они представляютъ цѣнный матеріалъ и для характеристики личности Замятнина. Велики заслуги составителей проектовъ судоустройства и судопроизводства, но справедливость и интересъ дѣла требуютъ отвести должное мѣсто и трудамъ того, кто своими замѣчаніями значительно способствовалъ улучшенію многихъ предположеній проекта.

§ 1. Замѣчанія на проектъ устава гражданскаго судопроизводства.

„Министръ юстиціи, глубоко сознавая всю важность этого дѣла (судебной реформы) для будущаго развитія гражданской жизни нашего отечества, считаетъ долгомъ выразить, прежде всего, искреннее убѣжденіе, что означенные проекты („Уставовъ“) представляютъ собою обширный и замѣчательный трудъ, исполненный съ совершенною добросовѣстностью и съ полнымъ пониманіемъ величія предстоящей задачи“. Такъ привѣтствовалъ Замятнинъ съ своего высокаго министерскаго поста дѣло реформы. Бросая затѣмъ общій взглядъ на внесенные въ государственный совѣтъ проекты, министръ замѣчаетъ, что они не вполнѣ согласованы между собою. Обстоятельство это онъ объясняетъ тѣмъ, что коммиссія, составлявшая проекты, работала по отдѣленіямъ и не имѣла времени и возможности разсмотрѣть весь свой трудъ въ совокупности и сообщить различнымъ его частямъ надлежащее единство и одну общую систему. Замѣчаніе весьма цѣнное, имѣвшее послѣдствіемъ новое размѣщеніе частей и приведеніе „Уставовъ“ въ болѣе стройную систему.

Порядокъ изложенія правилъ мироваго судопроизвдства по гражданскимъ дѣламъ былъ подробно разсмотрѣнъ „Замѣчаніями“. Они находили, прежде всего, болѣе правильнымъ сначала изложить процессуальныя правила общаго порядка судопроизводства, а потомъ, какъ изъятіе, мирового. „Замѣ-

чанія" критиковали основательно и содержаніе этихъ правилъ. Проектъ, какъ извѣстно, начерталъ довольно подробныя правила для мировыхъ судей и вмѣстѣ съ этимъ предоставилъ имъ примѣнять общія правила судопроизводства въ той мѣрѣ, какъ они могутъ быть согласованы съ производствомъ въ мировыхъ учрежденіяхъ. Такая постановка дѣла, вмѣсто облегченія, должна затруднить, по мнѣнію министра юстиціи, судей не-юристовъ. Онъ предлагалъ ст. 143 проекта изложить такъ: „Всѣ тѣ правила производства дѣлъ въ общихъ судахъ, которыя не отмѣнены или не замѣнены въ настоящей книгѣ, имѣютъ полное примѣненіе къ производству у мировыхъ судей" (стр. 4 „Замѣч."). Государственный совѣтъ болѣе склонился къ мнѣнію коммиссіи, вслѣдствіе чего въ Уст. гражд. суд. внесена была крайне неопредѣленнаго содержанія статья 80, причинившая не мало затрудненій и мировой судебной практикѣ, и кассаціонному сенату. Кто знаетъ, не этой ли статьѣ по преимуществу мы обязаны усиленіемъ въ мировыхъ учрежденіяхъ, въ разрѣзъ ихъ основной идеѣ, формализма?

По вопросу о размѣрѣ подсудности мировой юстиціи, Замятнинъ кореннымъ образомъ разошелся съ проектомъ коммиссіи. Она предполагала ограничить вѣдомство мирового суда исками не свыше 100 руб. Министръ юстиціи энергично возсталъ противъ этого пункта, и прежде всего возражалъ противъ такого довода, что „единоличный судъ мирового судьи, могущаго притомъ быть и не юристомъ, представляетъ менѣе гарантій въ правильномъ рѣшеніи дѣлъ, чѣмъ коллегіальные суды". Не слѣдуетъ забывать, — сказано въ „Замѣчаніяхъ", — что наибольшую гарантію въ правильномъ рѣшеніи дѣлъ представляетъ хорошій в ы б о р ъ с у д е й (курсивъ въ подлинникѣ), а выборъ можетъ быть лучше и тѣмъ строже, чѣмъ менѣе лицъ потребуется для занятія судейскихъ должностей. Далѣе дѣлается весьма важное практическое замѣчаніе, что народное богатство у насъ не настолько развито, какъ въ другихъ европейскихъ государствахъ, и поэтому именно и слѣдуетъ дать народу дешевый судъ (стр. 19). Министръ предложилъ возвысить подсудность мировой юстиціи до исковъ въ 500 руб., что и было принято государственнымъ совѣтомъ.

Вообще заслуживаетъ вниманія, что, въ отличіе отъ сво-

его преемника, Замятнинъ относился съ большимъ довѣріемъ къ выборнымъ мировымъ судьямъ и старался возвысить ихъ положеніе, не видя, подобно другимъ, основанія брать ихъ въ подозрѣніе потому только, что на выборъ ихъ не можетъ вліять министерство юстиціи. Во всѣхъ, даже второстепенныхъ, случаяхъ, Замятнинъ оставался вѣренъ этому взгляду. „Проектъ“ предоставлялъ окружнымъ судамъ право поручать мировому судьѣ допросъ свидѣтелей, разспросъ тяжущихся, повѣрку доказательствъ, осмотръ на мѣстѣ и т. п. „Замѣчанія“ возстаютъ противъ этихъ правилъ, какъ умаляющихъ достоинство мировыхъ судей. Министръ при этомъ припоминаетъ слѣдующія соображенія, по коимъ государственный совѣтъ предъ тѣмъ счелъ невозможнымъ подчинить мировыхъ судей окружнымъ судамъ: „при такомъ подчиненіи надежда видѣть на этой должности мѣстныхъ, всѣми уважаемыхъ землевладѣльцевъ, постановленныхъ подъ единственный контроль избравшаго ихъ общества и уголовнаго суда, уничтожается, и затѣмъ новая должность вступаетъ въ общій разрядъ низшихъ судебно-полицейскихъ должностей“. Мѣры, предлагаемыя коммиссіей, не могутъ не поставить,—сказано въ „Замѣчаніяхъ“ (стр. 67), — мировыхъ судей въ совершенную зависимость отъ окружныхъ судовъ, такъ какъ немыслимо, чтобъ имѣющій право давать порученіе не имѣлъ права опредѣлять степень удовлетворительности исполненія этого порученія. Стараніе свое охранять достоинство мировыхъ судей Замятнинъ простиралъ такъ далеко, что онъ, въ видахъ привлеченія къ занятію этой должности людей высоко поставленныхъ въ общественномъ мнѣніи, не считалъ также удобнымъ, въ случаѣ недостатка въ членахъ окружнаго суда, приглашать мировыхъ судей. При этомъ онъ проводитъ слѣдующее деликатное соображеніе: „отсутствующія должностныя лица обыкновенно замѣняются, временно, лицами, стоящими въ служебной іерархіи ниже самихъ отсутствующихъ, а потому необходимо устранить возможность примѣненія подобнаго толкованія относительно званія мировыхъ судей и членовъ окружныхъ судовъ“.

Ст. 103 и 104 проекта предоставляли истцу, недовольному распоряженіемъ предсѣдателя о возвращеніи прошенія, обжаловать дѣйствія предсѣдателя суду. „Замѣчанія“ указываютъ,

во-первыхъ, на то, что для обжалованія не положено никакого срока и, во-вторыхъ, на неудобство для судебной коллегіи разсматривать дѣйствія своего предсѣдателя, такъ какъ подобный порядокъ можетъ возбудить сомнѣніе, быть-можетъ и не лишенное основанія, въ безпристрастности членовъ суда къ дѣйствіямъ своего предсѣдателя (стр. 31). Согласно поправкѣ, внесенной „Замѣчаніями“, составлена была нынѣшняя ст. 268-я Уст. гражд. судопр.

Признавая, что несправедливо было бы требовать обезпеченія судебныхъ издержекъ отъ иностранца, хотя и не состоящаго въ русской службѣ, но имѣющаго недвижимую собственность въ Россіи, министръ предложилъ видоизмѣнить въ этомъ смыслѣ проектъ (стр. 108). Поправка вошла въ нынѣшнюю ст. 571-ю, п. 5, Уст. гражд. судопр.

Ст. 476-ю проекта министръ юстиціи полагалъ видоизмѣнить и изложить слѣдующимъ образомъ: возраженія, что самое право на искъ вовсе не принадлежитъ тому лицу, которое ищетъ, либо прекратилось и погашено прежде начатія иска исполненіемъ обязательства, силою судебнаго рѣшенія, мировою сдѣлкою или истеченіемъ земской давности и т. п., не считаются отводами, а посему предъявляются суду и разсматриваются имъ не иначе, какъ вмѣстѣ съ возраженіями по существу иска (стр. 112). Поправка эта почти дословно вошла въ 589 ст. Уст. гражд. судопр.

Только благодаря „Замѣчаніямъ“ министра, внесено въ ст. 679 и 680 Уст. гражд. судопр. постановленіе о порядкѣ устраненія прокуроровъ, который былъ упущенъ изъ виду при составленіи проекта. „Замѣчанія“ же способствовали значительному улучшенію постановленія о заочныхъ рѣшеніяхъ (стр. 126 и 127).

Въ книгѣ III проекта, ст. 74—77, излагался рядъ правилъ объ исправленіи ошибокъ въ рѣшеніяхъ. Министръ юстиціи въ принципѣ отвергалъ надобность въ подобныхъ правилахъ по слѣдующимъ основаніямъ: установленіе особаго порядка для исправленія ошибокъ предполагаетъ съ одной стороны недовѣріе къ суду, а съ другой — возможность ошибокъ съ его стороны. Если даже при дѣйствующемъ порядкѣ судо-

производства на практикѣ почти никогда не возбуждалось вопроса о невѣрности изложенія рѣшеній, то тѣмъ менѣе можно предположить, что по введеніи новаго судопроизводства случаи жалобъ на невѣрность изложенія рѣшеній увеличатся. Наконецъ, если принять за основное правило, что въ окончательную законную силу входитъ только резолюція суда, а не изложеніе въ рѣшеніи обстоятельствъ дѣла, то подобное исправленіе ошибокъ потеряетъ всякое практическое значеніе. Согласно мнѣнію министра, государственный совѣтъ исключилъ изъ Устава правила объ исправленіи рѣшеній.

По вопросу объ организаціи кассаціоннаго производства, министръ юстиціи радикально разошелся съ проектомъ. Министръ юстиціи исходилъ изъ болѣе строгаго правоваго воззрѣнія и полагалъ, что для упроченія правоваго порядка необходимо перечислить въ самомъ Уставѣ гражд. судопр. тѣ формы, нарушеніе коихъ влечетъ за собою недѣйствительность рѣшенія, коммиссія же считала невозможнымъ такое исчисленіе. Государственный совѣтъ согласился съ мнѣніемъ коммиссіи, но соображенія, приведенныя министромъ юстиціи, заслуживаютъ полнаго вниманія. Значеніе ихъ не только не ослаблено, но можетъ быть еще усилено послѣдующею кассаціонною практикой. „Конечно,— сказано въ „Замѣчаніяхъ“,— наука судопроизводства не выработала еще такихъ началъ по вопросу о формахъ, обусловливающихъ правильность судебнаго рѣшенія, которыя бы признавались всѣми безусловно справедливыми. Но изъ этого еще нельзя сдѣлать вывода, что нужно отказаться отъ попытки опредѣлить такія формы. Постановляя правила судопроизводства, законодатель долженъ стараться объ одномъ — исполнить свою задачу добросовѣстно. Безъ сомнѣнія, нельзя гоняться за совершенствомъ, потому что несовершенство человѣческой природы ставитъ тому непреодолимую преграду. Но законодатель, тѣмъ не менѣе, долженъ имѣть какія-либо убѣжденія и считать ихъ правильными. Иначе въ ожиданіи, что истины, признаваемыя нынѣ таковыми, современемъ должны потерять авторитетъ, пришлось бы отказаться отъ всякихъ убѣжденій и всякой общественной дѣятельности. Если же законодатель имѣетъ свои убѣжденія, то долженъ проводить ихъ, установлять правила, въ полезномъ дѣйствіи которыхъ онъ увѣренъ, и предоста-

вить потомству судить о ихъ достоинствѣ и дѣлать исправленія и дополненія, которыя признаны будутъ нужными. Если бы даже трудъ перечисленія всѣхъ упомянутыхъ формъ судопроизводства былъ очень сложенъ, то отъ него нельзя отказаться при начертаніи Устава судопроизводства, потому что съ теченіемъ времени для людей, не занимавшихся составленіемъ Устава и, слѣдовательно, незнакомыхъ съ основаніемъ каждой статьи, трудъ этотъ сдѣлается е щ е с л о ж н ѣ е". Затѣмъ министръ юстиціи предусмотрительно замѣчалъ, что пробѣлъ въ Уставѣ по сему предмету тяжело отзовется на практикѣ. „Сколько лѣтъ понадобится, — писалъ онъ, — на то, чтобы сенатъ изъ подлежащихъ его разрѣшенію частныхъ случаевъ составилъ полныя правила для руководства на будущее время? Каково будетъ положеніе тяжущихся, знающихъ, что есть правила объ отмѣнѣ рѣшеній въ кассаціонномъ порядкѣ и не находящихъ въ законахъ никакихъ указаній на то, въ какихъ случаяхъ этотъ порядокъ примѣняется? Понятно, что, при всякомъ нарушеніи со стороны суда какихъ-либо формальностей, тяжущійся, незнакомый съ значеніемъ новаго въ Россіи кассіціоннаго производства, совершенно добросовѣстно пожелаетъ п о п р о б о в а т ь, не отмѣнитъ ли кассаціонный департаментъ по этому случаю судебнаго рѣшенія. Вслѣдствіе сего, просьбы объ отмѣнѣ рѣшеній в о м н о ж е с т в ѣ будутъ поступать въ правительствующій сенатъ. На разрѣшеніе такихъ просьбъ потратится много напраснаго труда и времени, большая часть изъ нихъ будетъ оставлена безъ послѣдствій, а слѣдовательно, окажутся напрасными и значительныя издержки, сопряженныя съ производствомъ по просьбамъ объ отмѣнѣ рѣшеній". Въ заключеніе, министръ представилъ состоявшій изъ 29-ти параграфовъ перечень формальностей, нарушеніе коихъ должно было влечь за собою отмѣну окончательныхъ рѣшеній. Послѣдующій опытъ показалъ, что правъ былъ Замятнинъ, опасаясь чрезмѣрнаго обремененія дѣлами кассаціоннаго суда и спутанности кассаціонной практики. Для предупрежденія такого обремененія, вопреки основнымъ началамъ судебной реформы, стали впослѣдствіи ставить барьеры для тяжущихся въ видѣ кассаціоннаго залога, сдѣлавшаго кассаціонный судъ недоступнымъ для людей недостаточныхъ. А въ какомъ незавид-

номъ состояніи находилась и отчасти находится наша кассаціонная практика, это всѣмъ извѣстно *).

При обсужденіи правилъ кассаціоннаго производства, министръ юстиціи признавалъ цѣлесообразнымъ установленіе болѣе подробныхъ правилъ, что, къ сожалѣнію, однако же, не было принято государственнымъ совѣтомъ. Пользуясь чрезвычайной краткостью „Судебныхъ Уставовъ“ при изложеніи правилъ кассаціоннаго производства въ реакціонномъ лагерѣ (см. Берегъ, 1880 г.), стали, напримѣръ, впослѣдствіи настойчиво утверждать такой абсурдъ, что въ кассаціонномъ департаментѣ не допускаются словесныя объясненія. „Замѣчанія“ министра юстиціи прямо устанавливали такое право. Кромѣ того, министръ проектировалъ предоставленіе сенату права пріостановки рѣшеній, на кои поступили кассаціонныя жалобы, что, къ немалому ущербу для правосудія, не было принято (стр. 149). Взамѣнъ того появилась весьма непрактичная ст. 814 Уст. гражд. судопр., по которой рѣшеніе пріостанавливается лишь послѣ того, какъ послѣдуетъ опредѣленіе сената объ отмѣнѣ рѣшенія.

По вопросу о случаяхъ, въ которыхъ могутъ быть допущены просьбы о разрѣшеніи отыскивать убытки съ судей, въ коммиссіи возникло разногласіе. Министръ юстиціи высказался за то мнѣніе, что судья подвергается отвѣтственности не только въ томъ случаѣ, когда неправильное рѣшеніе постановлено имъ изъ корыстныхъ цѣлей или иныхъ личныхъ видовъ, но также когда оно было слѣдствіемъ ошибки судьи или неправильнаго, лишь по недоразумѣнію, толкованія законовъ (стр. 57). Въ этомъ видѣ и вошло это правило въ Уставъ, которое, впрочемъ, значительно ослаблено кассаціонною практикой.

Нынѣшняя редакція важнѣйшей 893 ст. Уст. гражд. судопроизводства о законной силѣ рѣшеній обязана своимъ происхожденіемъ замѣчанію министра юстиціи. Затѣмъ онъ же, во избѣжаніе всякихъ сомнѣній, полагалъ оговорить положительно въ Уставѣ, что въ законную силу вступаетъ одна

---

*) См. мои статьи въ Юридич. Вѣстникѣ 1881 года, № 4, «О старомъ и новомъ направленіи гражданской кассаціонной практики» и въ Русскихъ Вѣдомостяхъ 1883, № 12, «Москва, 12 января».

лишь резолюція. Поправка, къ сожалѣнію, отвергнута была государственнымъ совѣтомъ.

Одна изъ слабѣйшихъ сторонъ Устава гражд. судопр. — это отсутствіе особыхъ правилъ для взысканія по такъ-называемымъ безспорнымъ актамъ. Министръ юстиціи полагалъ, что обращеніе взысканія по такимъ документамъ къ состязательному и сокращенному порядку судопроизводства противорѣчило бы основнымъ положеніямъ судебной реформы, что сокращенный порядокъ установленъ лишь для спорныхъ дѣлъ, и если актъ оказывается безспорнымъ, то судъ, вмѣсто всякаго судопроизводства, обязанъ просто дать приказъ объ исполненіи акта. Исходя изъ той мысли, что порядокъ производства дѣлъ о взысканіяхъ по безспорнымъ актамъ долженъ отвѣчать двумъ требованіямъ — справедливости и скорости, министръ юстиціи предложилъ подробный проектъ по этому предмету. Онъ проектировалъ дѣла эти передать мировымъ судьямъ. Отвѣтчикъ можетъ защищаться по такимъ искамъ только установленными въ законѣ возраженіями. При наличности же другихъ возраженій судья рѣшаетъ искъ по безспорному акту, а отвѣтчику предоставляется встрѣчный споръ свой предъявить по подсудности въ подлежащемъ судебномъ мѣстѣ (стр. 235). Словомъ, министръ предлагаетъ тѣ самыя правила, которыя въ послѣднее время нѣсколько разъ принимались внести, но все неудачно, въ Уставъ гражд. судопр.

Опуская массу весьма дѣльныхъ замѣчаній ко всѣмъ почти частямъ судопроизводства, въ большинствѣ уваженныхъ государственнымъ совѣтомъ, укажу на два замѣчанія Замятнина о дѣлахъ казеннаго управленія. Онъ возражалъ противъ проектированнаго исключительно письменнаго производства этихъ дѣлъ. Письменный порядокъ рекомендовался преимущественно въ тѣхъ видахъ, что онъ облегчаетъ контроль высшихъ мѣстъ надъ низшими и повѣренными казны. Противъ этого возражалъ министръ, ссылаясь на то, что нѣтъ основаній предполагать, что повѣренный частнаго лица долженъ имѣть больше интереса въ дѣлѣ, нежели уполномоченный казеннаго управленія. Притомъ повѣренными казны, кромѣ оффиціальныхъ ходатаевъ, могутъ быть только при-

сяжные повѣренные (инициатива этого постановленія также исходила отъ министра), а при организаціи, какая дается этому учрежденію „Основными Положеніями“, можно надѣяться, что, независимо отъ матеріальнаго интереса, нравственныя побужденія еще болѣе будутъ заставлять ихъ дѣйствовать правильно и согласно интересамъ ихъ вѣрителей (стр. 253). Министръ юстиціи возражалъ и противъ предположенія проекта, по которому искъ противъ казны, вытекающій изъ договора подряда, можно предъявить только по окончаніи подряда. Питая къ суду полное довѣріе, министръ не соглашался съ такимъ ограниченіемъ. Замѣчаютъ, — говоритъ министръ, — что дѣла, возникающія изъ договоровъ съ казною, бываютъ иногда связаны съ важными государственными интересами, и что посему остановка исполненія подряда впредь до разрѣшенія судомъ, возникающаго при исполненіи спора могла бы имѣть весьма опасныя послѣдствія; но замѣчаніе это падаетъ въ виду того, что предъявленіе иска не останавливаетъ распоряженія казеннаго управленія. Воспрещеніе подрядчику предъявлять искъ до окончанія подряда, продолжающагося иногда нѣсколько лѣтъ, можетъ лишить его возможности получить когда-либо удовлетвореніе, такъ какъ въ теченіе этого времени могутъ исчезнуть всѣ слѣды произведенныхъ имъ работъ и такимъ образомъ онъ можетъ быть лишенъ всѣхъ средствъ доказать свой искъ.

§ 2. Замѣчанія на проектъ Устава уголовн. судопроизводства.

Какъ въ Уставѣ гражданскаго судопроизводства, такъ и въ Уставѣ уголовнаго, министръ юстиціи Замятнинъ добивался расширенія подсудности мировой юстиціи. Проектъ предлагалъ предоставить мировымъ судьямъ право налагать взысканіе на сумму не болѣе 100 руб., министръ же юстиціи настаивалъ на возвышеніи этой цифры до 300 руб., что и было принято государственнымъ совѣтомъ.

Въ проектѣ довольно смутно разграничивалась власть судебнаго слѣдователя и полиціи по производству предварительнаго слѣдствія и дознанія. Министръ юстиціи въ подробныхъ объясненіяхъ указывалъ на то, что съ одной стороны власть полиціи не можетъ быть оставлена въ томъ видѣ,

какъ она существовала на основаніи стараго „Наказа полиціи", — такъ, напримѣръ, съ правомъ сниманія формальнаго допроса съ обвиняемаго, — а съ другой стороны нельзя обязанности полиціи по производству дознанія возлагать на судебнаго слѣдователя, такъ какъ слѣдователь—не полицейскій сыщикъ, а слѣдственный судья, производящій изслѣдованіе о преступленіяхъ, а не о происшествіяхъ.

О гласности и защитѣ на предварительномъ слѣдствіи находимъ слѣдующія замѣчанія. По существующему на практикѣ порядку весьма многія дѣйствія слѣдователя гласны и это вытекаетъ изъ существа самихъ обязанностей слѣдователя и обстановки, при которой онѣ исполняются; напримѣръ, если слѣдователь пріѣзжаетъ въ деревню для производства слѣдствія и останавливается въ какой-либо избѣ, то хозяинъ дома со всею семьей дѣлается невольнымъ зрителемъ всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствій. По мнѣнію самихъ слѣдователей, допросъ самыхъ изворотливыхъ преступниковъ и самыхъ молчаливыхъ свидѣтелей, не желающихъ сказать правды, необходимо производить не съ глазу на глазъ, а въ присутствіи другихъ. Нахожденіе постороннихъ лицъ производитъ, въ особенности на свидѣтелей, такое вліяніе, что все то, чего бы не добился отъ нихъ никогда слѣдователь, допрашивая ихъ съ глазу на глазъ, дѣлается извѣстнымъ слѣдователю немедленно, когда онъ допроситъ свидѣтелей, въ присутствіи постороннихъ лицъ. По этимъ соображеніямъ, министръ юстиціи полагалъ предоставить слѣдователю разрѣшать присутствіе публики при слѣдственныхъ дѣйствіяхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда присутствіе ея не можетъ препятствовать открытію истины. Государственный совѣтъ отвергъ и эту ограниченную гласность. Касательно защиты, министръ юстиціи полагалъ, что защита на предварительномъ слѣдствіи свойственна исключительно процессу обвинительному и не можетъ имѣть мѣста въ процессѣ смѣшанномъ, какъ представляется предначертанный „Основными Положеніями" для нашего отечества порядокъ уголовнаго судопроизводства (стр. 45).

Благодаря замѣчаніямъ министра юстиціи, значительно улучшены были предположенія проекта о пресѣченіи обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія. Въ проектѣ предположено было предоставить усмотрѣнію и благоразу-

мію судебнаго слѣдователя принятіе той или другой мѣры обезпеченія. Министръ юстиціи выступилъ противъ этой обширной и ничѣмъ не регулированной дисскреціонной власти, предоставленной слѣдователю, и заявилъ себя сторонникомъ большаго огражденія личностей обвиняемыхъ отъ произвола слѣдователей. „Порядокъ, установленный проектомъ, — писалъ министръ, — поведетъ къ тому, что одинъ слѣдователь будетъ всѣхъ самыхъ тяжкихъ преступниковъ освобождать подъ залогъ или на поруки, а другой будетъ всѣхъ виновныхъ въ менѣе тяжкихъ преступленіяхъ содержать подъ стражею. Во всей Россіи, смотря по характеру и достоинству слѣдователя, установятся особые порядки пресѣченія, по тяжести своей совершенно различные, чего надлежитъ, насколько сіе возможно, избѣгать. По мнѣнію министра юстиціи, подобное широкое право въ рукахъ слѣдователя можетъ обратиться въ такое орудіе произвола, предъ которымъ произволъ нынѣшнихъ слѣдователя и полиціи, на который нерѣдко слышатся жалобы, покажется идеаломъ справедливости и законности. При начертаніи правилъ, которыми съ одной стороны ограничивается свобода гражданъ, а съ другой — обезпечивается общественная безопасность, нельзя обольщаться надеждою, что ни одно изъ должностныхъ лицъ, коимъ ввѣряется исполненіе этихъ правилъ, не уклонится отъ справедливости и своего долга. Если на практикѣ не всегда возможно предотвратить такое уклоненіе, то тѣмъ не менѣе, на законодателѣ лежитъ обязанность поставить для сего преграды. Наконецъ, должно подумать и о добросовѣстномъ судебномъ слѣдователѣ. Обязанности слѣдователя весьма тяжки и непріятны. Нынѣ, принимая ту или другую мѣру обезпеченія, слѣдователь можетъ сослаться, въ основаніе своихъ дѣйствій, на законъ. Если и при такомъ порядкѣ слѣдователямъ объявляютъ, что отъ нихъ все зависитъ, что они могутъ такъ растолковать законъ, что распоряженіе ихъ не повлечетъ для обвиняемаго содержанія подъ стражею, то на что укажетъ слѣдователь въ основаніе принятія имъ строгой мѣры обезпеченія, чѣмъ будетъ онъ оправдывать свои, согласныя съ предоставляемымъ ему закономъ правомъ, дѣйствія? Самого добросовѣстнаго и свято исполняющаго свой долгъ слѣдователя будутъ обвинять въ произволѣ, и не мо-

жетъ быть иначе, когда, по буквѣ самаго закона, принятіе той или другой мѣры обезпеченія по всѣмъ преступленіямъ зависитъ единственно отъ власти слѣдователя". Въ силу этихъ соображеній, министръ юстиціи предложилъ систему постепеннаго усиленія мѣръ пресѣченія соотвѣтственно тяжести преступленія, которая и вошла въ дѣйствующій Уст. угол. судопр.

По совершенно непонятной непослѣдовательности „проектъ" постановлялъ, что подсудимому назначается защитникъ не по всѣмъ дѣламъ вообще, а только въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло подлежитъ суду присяжныхъ, или когда подсудимый по малолѣтству, недостаточному развитію умственныхъ способностей, дряхлости, увѣчью, или какимъ-либо недугамъ — не въ состояніи самъ себя защищать. Министръ юстиціи, ссылаясь на 60 и 68 стт. „Основн. Полож.", настаивалъ на томъ, чтобы всякому подсудимому было предоставлено просить о назначеніи защитника, при чемъ предсѣдатель могъ, за недостаткомъ присяжныхъ повѣренныхъ и кандидатовъ на судебныя должности, назначать защитниковъ изъ чиновниковъ канцеляріи, или другихъ лицъ, которыя пожелали бы принять на себя защиту подсудимаго безвозмездно.

Проектъ вмѣнялъ предсѣдателю въ обязанность не употреблять „ухищреній" для склоненія подсудимаго къ признанію и не допрашивать его съ сею цѣлью о подробностяхъ такого преступленія, въ совершеніи коего не сознается. Министръ юстиціи полагалъ, что правило отнимаетъ у предсѣдателя суда всякую возможность исполнить главнѣйшую, лежащую на немъ, обязанность—способствовать открытію истины. Статья эта налагаетъ,—писалъ Замятнинъ,—на уста предсѣдателя печать молчанія, несмотря на убѣжденія его въ совершенномъ неразъясненіи сторонами какого-либо обстоятельства дѣла. По этимъ соображеніямъ министръ полагалъ предоставить предсѣдателю, членамъ суда и присяжнымъ засѣдателямъ право предлагать подсудимому вопросы, что и вошло въ ст. 684 Уст. угол. суд.

Проектъ разрѣшалъ неограниченному числу лицъ изъ принадлежащихъ къ судебному вѣдомству и сословію присяжныхъ повѣренныхъ присутствовать въ судѣ во время засѣданія, происходящаго при закрытыхъ дверяхъ. Министръ

юстиціи полагалъ, что, при дѣйствіи этого правила, дѣла, возбуждающія всеобщее вниманіе, будутъ привлекать массу постороннихъ лицъ, къ составу присутствія не принадлежащихъ, и различіе закрытаго засѣданія отъ публичнаго будетъ состоять только въ томъ, что вмѣсто частныхъ лицъ будутъ присутствовать должностныя лица судебнаго вѣдомства и присяжные повѣренные. Такимъ образомъ цѣль закона—посредствомъ закрытія дверей суда устранить при судебномъ слѣдствіи гласность—во многихъ случаяхъ не будетъ достигнута. Не отрицая пользы, которую могутъ извлечь означенныя лица, присутствуя при разсмотрѣніи дѣлъ при закрытыхъ дверяхъ, министръ юстиціи находилъ, что, въ видахъ достиженія цѣли, съ коею двери суда объявлены закрытыми, слѣдовало бы постановить, что означенныя лица, допускаются въ засѣданіе съ разрѣшенія предсѣдателя (стр. 80). Ограниченіе это вошло въ ст. 623 Уст. угол. суд.

Дѣйствующій порядокъ составленія присутствія присяжныхъ засѣдателей и правила отвода ихъ въ значительной степени составлены подъ вліяніемъ поправокъ министра юстиціи. По его же замѣчаніямъ исключены предложенія проекта, требовавшія, чтобы судъ непремѣнно удалялся для совѣщанія изъ залы засѣданія, чтобы всѣ протоколы судебныхъ засѣданій прочитывались въ засѣданіи суда, и многое другое. По тѣмъ же соображеніямъ, которыя высказаны были при разсмотрѣніи проекта Устава гражданскаго судопроизводства и даже a fortiori, Замятнинъ полагалъ необходимымъ озаботиться, чтобы лицамъ, приносящимъ кассаціонную жалобу, было положительно извѣстно, нарушеніе какихъ формъ судопроизводства можетъ быть поводомъ къ отмѣнѣ приговора суда, въ противномъ случаѣ, полагалъ министръ, всѣ подсудимые, единственно въ видахъ отдаленія приведенія приговора въ исполненіе, будутъ приносить напрасныя жалобы. Тутъ же министръ предложилъ состоящій изъ 24 пунктовъ примѣрный перечень существенныхъ формъ, отступленіе отъ коихъ влечетъ за собою кассацію приговора. Мнѣніе Замятнина не было принято государственнымъ совѣтомъ, о чемъ теперь приходится сожалѣть. Еслибъ оно было принято, то, вѣроятно, мы не дошли бы ни до нынѣшняго невозможнаго состоянія кассаціоннаго суда, изрекающаго, по-

добно оракулу, не мотивированные категорическіе императивы, тогда какъ рѣшенія его должны быть обязательны по преимуществу силою приведенныхъ въ нихъ соображеній, imperio rationis,—ни до того несправедливаго порядка вещей, который бѣднымъ подсудимымъ, стало быть 90% изъ общаго числа, ставитъ такую альтернативу: или откажись отъ права принесенія кассаціонной жалобы, или ступай въ тюрьму...

Изъ замѣчаній, сдѣланныхъ Замятнинымъ на 3-ю книгу объ изъятіяхъ изъ общаго порядка уголовнаго судопроизводства, заслуживаетъ вниманіе слѣдующее. Министръ юстиціи предлагалъ въ постановленіи о судѣ за преступленіе должности внести слѣдующее правило: если лицо, съ котораго назначено начальствомъ взысканіе, будетъ просить о преданіи его суду, то производство взысканія пріостанавливается впредь до разсмотрѣнія судомъ дѣйствій должностныхъ лицъ (стр. 6). Предложеніе это, къ сожалѣнію, не прошло.

§ 3. Замѣчанія на проектъ учрежденія судебныхъ мѣстъ.

Правильная точка зрѣнія для сужденія о замѣчаніяхъ, сдѣланныхъ на эту часть судебнаго законодательства, получится тогда, когда мы примемъ во вниманіе не только то, что подвергнуто было критикѣ Замятнинымъ, но и то, что оставлено было имъ безъ возраженія. „Учрежденіе судебныхъ мѣстъ“, имѣвшее цѣлью посредствомъ новой организаціи обезпечить полную самостоятельность новыхъ судебныхъ учрежденій и поставить ихъ внѣ зависимости какъ отъ министра юстиціи, такъ и другихъ административныхъ вѣдомствъ, по преимуществу касалось исконныхъ, такъ-сказать патримоніальныхъ, правъ министерства юстиціи. Вслѣдствіе этого можно было ожидать, что министерство юстиціи черезчуръ цѣпко ухватится за свои древнія прерогативы по судебному вѣдомству. Ничуть не бывало! Замятнинъ вполнѣ соглашался почти со всѣми важными предположеніями проекта касательно организаціи судебнаго сословія. Притомъ согласіе согласію рознь. Бываетъ вынужденное согласіе, когда соглашающійся, уступая потоку движенія, уступаетъ ему неискренно, дѣлая bonne mine an mauvais jeu. Не таково было

отношеніе къ дѣлу Замятнина. Нѣтъ, онъ уступалъ важнѣйшія права своего министерства сознательно и искренно.

Замятнинъ сильно былъ озабоченъ вопросомъ о наилучшей организаціи мирового института. Онъ стремился не къ тому, чтобы обезличить и угнетать этотъ институтъ, а привлечь къ нему лучшихъ и достойнѣйшихъ людей общества. Для достиженія этой цѣли,—писалъ онъ,—надлежитъ облечь званіе мировыхъ судей возможнымъ почетомъ и сдѣлать положеніе ихъ твердымъ; надо заботиться о томъ, чтобы мировые судьи, видя положеніе свое удовлетворительнымъ, какъ можно долѣе оставались въ своихъ должностяхъ. Но тутъ сталкивался Замятнинъ съ вопросомъ о выборахъ мировыхъ судей. Выборное начало онъ вполнѣ одобрялъ, но онъ хорошо понималъ, что оно дѣлало положеніе мирового судьи шаткимъ, ненадежнымъ и затруднительнымъ. Для разрѣшенія этой дилеммы Замятнинъ предложилъ слѣдующее, не совсѣмъ практичное, но заслуживающее вниманія, средство: „Въ теченіе трехъ лѣтъ каждый изъ избирателей, а также земскія собранія должны имѣть право указывать на тѣхъ мировыхъ судей, которые не оправдали оказаннаго имъ довѣрія и подлежатъ, по мнѣнію большинства, перебаллотировкѣ. Подобныя заявленія должны быть предоставляемы сенату, который, по разсмотрѣніи означенныхъ заявленій, составилъ бы списокъ тѣхъ судей, кои подлежатъ на слѣдующемъ земскомъ собраніи новой баллотировкѣ, остальные же мировые судьи, о коихъ не было сдѣлано заявленій и которые не помѣщены въ означенный списокъ, почитались бы утвержденными на слѣдующее трехлѣтіе“ (стр. 6). Мысль эта, которой нельзя отказать въ оригинальности, не имѣла никакихъ послѣдствій. Далѣе, для столичныхъ мировыхъ округовъ Замятнинъ проектировалъ совершенно особую организацію. Такъ какъ здѣсь мировые съѣзды должны быть болѣе или менѣе постоянными, то онъ предлагалъ учредить вмѣсто съѣздовъ городовые суды изъ постоянныхъ предсѣдателей и опредѣленнаго числа членовъ и столичныхъ мировыхъ судей, присутствующихъ по установленной очереди.

Министръ юстиціи сознавалъ хорошо всю трудность цѣлесообразнаго установленія ценза для присяжныхъ засѣдателей. Назначить цензъ слишкомъ высокій — значитъ, съ

одной стороны, всю тяжесть обязанностей присяжныхъ возложить на богатыхъ собственниковъ, а съ другой стороны— предоставить имъ, быть можетъ, слишкомъ большое вліяніе на отправленіе правосудія. Установить цензъ слишкомъ низкій—значитъ допустить людей, быть можетъ, совершенно необразованныхъ и даже неразвитыхъ, къ разрѣшенію участи подсудимыхъ. Министръ юстиціи цензъ въ 100 руб. дохода съ ремесла или промысла считалъ слишкомъ низкимъ и предлагалъ возвысить до 200 руб. (стр. 25), что и было принято государственнымъ совѣтомъ.

Проектъ предлагалъ сдѣлать прокурора независимымъ отъ его начальства. По этому вопросу министръ юстиціи замѣчаетъ: полная независимость судей, конечно, необходима, она нужна для поддержанія достоинства судебной власти, для *устраненія всякаго подозрѣнія въ пристрастіи и угодливости*; но начало независимости лицъ прокурорскаго надзора не можетъ быть согласовано ни съ принципомъ строгаго единства прокурорскаго надзора, ни съ правиломъ подчиненія младшихъ лицъ сего надзора старшимъ. Государственный совѣтъ согласился съ мнѣніемъ министра.

Въ развитіе „Основныхъ Положеній" проектъ установилъ рядъ правилъ, опредѣляющихъ съ одной стороны точныя условія, коимъ должны соотвѣтствовать лица, представляемыя министромъ юстиціи на судебныя должности, а съ другой—ввелъ новое и важное право представленія кандидатовъ самими судебными мѣстами. Министръ юстиціи нисколько не считалъ для себя стѣснительнымъ, что власть его вводится въ точныя рамки. Онъ съ полнымъ сочувствіемъ встрѣтилъ право судебныхъ коллегій избирать кандидатовъ въ судьи и внесъ нѣсколько поправокъ, имѣвшихъ цѣлью еще больше развить и укрѣпить это неизвѣстное дотолѣ право судебныхъ мѣстъ. „Уставъ,— пишетъ Замятнинъ,— старается облегчить министра юстиціи въ избраніи кандидатовъ на судебныя должности; устанавливаются рамки, въ предѣлахъ которыхъ можетъ послѣдовать избраніе. Уставъ идетъ далѣе: онъ предоставляетъ самимъ судебнымъ мѣстамъ право избирать кандидатовъ. Мысли этой нельзя не сочувствовать; съ приведеніемъ ея въ исполненіе, правительство для судебныхъ назначеній пріобрѣтаетъ вѣрныя свѣ-

дѣнія о достойныхъ лицахъ, съ ручательствомъ самихъ судебныхъ мѣстъ за ихъ благонадежность и знаніе дѣла". Все значеніе этого сочувствія будетъ вполнѣ понятно, если принять на видъ, съ какою систематическою настойчивостью преемникъ Замятнина игнорировалъ представленія судебныхъ мѣстъ и настойчиво домогался только о проведеніи своихъ людей.—Замятнинъ пошелъ еще дальше коммиссіи: онъ нашелъ, что проектъ даетъ своей мысли не надлежащее развитіе. Проектъ призналъ нужнымъ допустить участіе прокурора при судебныхъ совѣщаніяхъ объ избраніи кандидатовъ. Министръ юстиціи возражалъ противъ этого на основаніи слѣдующихъ соображеній: формальныя условія, начертанныя въ Уставѣ, столь опредѣлительны, что едва ли можно ожидать, чтобы примѣненіе оныхъ возбудило на практикѣ сомнѣніе; слѣдовательно вопросы, подлежащіе обсужденію суда при избраніи кандидатовъ, будутъ весьма просты. Къ чему же затѣмъ участіе прокурора при подобнаго рода совѣщаніяхъ? Участіе его представляется совершенно излишнимъ; напротивъ, весьма желательно совсѣмъ устранить его отъ подобнаго рода дѣлъ и не представлять никакого по этому предмету вмѣшательства. Это необходимо для того, чтобы сохранить за представленными кандидатами собственно значеніе лицъ, которыхъ судебныя мѣста считаютъ съ своей стороны достойными занять открывшееся мѣсто.—Министръ юстиціи столь же энергично возсталъ и противъ ст. 176 проекта, по коей представленіе объ избранныхъ судебными мѣстами кандидатахъ должно было поступать къ министру юстиціи чрезъ старшаго предсѣдателя судебной палаты, съ его заключеніями. Отвергая эту статью, министръ юстиціи разсуждалъ такъ: „судъ при избраніи кандидата можетъ судить объ однихъ формальныхъ условіяхъ, но старшій предсѣдатель не ограничивается одними формальными условіями,—замѣчанія его на представленія суда могутъ касаться какъ внѣшнихъ, т.-е. формальныхъ, такъ и внутреннихъ условій представленнаго кандидата; другими словами: онъ аттестуетъ представленнаго кандидата, или же опорочиваетъ. Такимъ образомъ изъ судьи старшій предсѣдатель становится администраторомъ и не только ему подчиняются члены предсѣдательствуемой имъ палаты, но члены и предсѣдатели

всѣхъ судебныхъ мѣстъ той области, которая подвѣдома судебной палатѣ. При существованіи правила, въ ст. 176 изложеннаго, смѣшеніе власти судебной и административной въ лицѣ старшаго предсѣдателя очевидно, посему правило это не можетъ быть удержано, такъ какъ оно противорѣчитъ „Основнымъ Положеніямъ“ и соображеніямъ, которыя имѣлись въ виду у государственнаго совѣта при ихъ утвержденіи. Правило это дѣлаетъ изъ старшаго предсѣдателя главнаго судью области, между тѣмъ какъ предположеніе объ установленіи главнаго судьи было окончательно отвергнуто государственнымъ совѣтомъ“. Въ ст. 214 „Учрежд. судеб. установ.“ слова: „съ его заключеніями“—выпущены. Тутъ кстати будетъ замѣтить, что подъ ст. 214 „Учр. судеб. установ.“ (изданія государственной канцеляріи) не приведено ни одного мотива. Ясно для всякаго, какъ умѣстно было бы привести только что изложенныя соображенія министра юстиціи, легшія въ основаніе ст. 214.

Побуждаемый желаніемъ какъ можно чище сохранить основныя начала новаго судоустройства, министръ юстиціи указалъ еще на одно смѣшеніе административной функціи съ судебною, допущенное проектомъ. По ст. 209 и 210 проекта, предсѣдатели и члены судовъ имѣли право на прибавки къ жалованію въ извѣстныхъ случаяхъ, но правомъ этимъ могли воспользоваться только тѣ, которые были признаны заслуживающими прибавки общими собраніями суда и палаты. Противъ этого постановленія возражалъ министръ юстиціи слѣдующими доводами: „Такимъ образомъ,—писалъ онъ,—вводится совершенно новое начало аттестаціи члена судебнаго мѣста самими его сочленами, а затѣмъ и высшимъ судомъ, — начало, смѣшивающее власть судебную и административную, начало, противорѣчащее „Основнымъ Положеніямъ“ и потому подлежащее исключенію изъ проекта. Ст. 210 не обозначаетъ, за что именно членъ судебнаго мѣста можетъ быть лишенъ прибавки къ содержанію, тогда какъ онъ удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ, опредѣленнымъ въ законѣ; она допускаетъ возбужденіе въ судѣ внѣ дисциплинарнаго производства за тотъ или другой совершонный поступокъ какого-то общаго сужденія о нравственныхъ качествахъ лицъ; однимъ словомъ, при всей означенной обстановкѣ,

ст. 210 даетъ членамъ судебнаго мѣста какихъ-то безграничныхъ и безконтрольныхъ надзирателей въ вопросахъ нравственныхъ и будетъ несомнѣнно лишь одно послѣдствіе—возбужденіе нескончаемыхъ между членами суда распрей и ссоръ". Ст. 210 была исключена государственнымъ совѣтомъ. Вотъ до какой степени Замятнинъ старался оберегать судей даже отъ произвола товарищей!

По вопросу о награжденіи судей чинами Замятнинъ выскалъ такое мнѣніе: „до тѣхъ поръ, пока существуютъ у насъ чины, желаніе выдѣлить должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства изъ ряда прочихъ, едва ли можетъ быть осуществлено на практикѣ и можетъ легко случиться, что стремленіе поставить судебное званіе выше всѣхъ почестей приведетъ на практикѣ къ противоположнымъ результатамъ. Если отмѣнить чины только для судебнаго вѣдомства, то можно ли предположить, чтобы должностныя лица судебнаго вѣдомства были совершенно равнодушны къ тому, что для всѣхъ прочихъ ихъ согражданъ составляетъ награду и почетное отличіе, съ чѣмъ связаны даже нѣкоторыя существенныя права? Такимъ образомъ, вмѣсто ожидаемаго коммиссіею результата, не будетъ ли напротивъ того вѣроятнѣе, что отмѣна чиновъ отниметъ у судебной карьеры для многихъ извѣстную долю привлекательности и послужитъ не къ увеличенію, а можетъ быть къ уменьшенію числа лицъ, желающихъ вступить на означенное поприще?"

Дѣйствующія постановленія объ устройствѣ сословія присяжныхъ повѣренныхъ заключаютъ въ себѣ многія изъ поправокъ, внесенныхъ министромъ юстиціи, какъ-то: о порядкѣ образованія отдѣленій совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, о послѣдствіяхъ исключенія изъ сословія совѣта, о правѣ совѣта отказывать въ пріемѣ въ присяжные повѣренные на основаніи собранныхъ свѣдѣній о нравственныхъ качествахъ просителя. Въ „Учрежд. судеб. устан." изданія государственной канцеляріи подъ важною 380 ст. не приведено ни одного мотива. Въ виду этого не безынтересно ознакомиться съ соображеніями министра, въ силу коихъ измѣнены были предположенія проекта и кои могутъ служить наилучшимъ комментаріемъ къ дѣйствующей ст. 380 Учр. Суд. Уст.

По ст. 342 проекта только формальныя препятствія, пре-

дусмотрѣнныя закономъ, давали совѣту право отказать въ припискѣ къ сословію присяжныхъ повѣренныхъ. Министръ юстиціи къ этой статьѣ сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: „практическимъ послѣдствіямъ этого правила, — писалъ онъ, — можетъ быть, что совѣтъ будетъ обязанъ принимать въ присяжные повѣренные такихъ лицъ, неблагонадежность коихъ общеизвѣстна, а между тѣмъ они удовлетворяютъ всѣмъ формальнымъ условіямъ. Во избѣжаніе сего, необходимо предоставить въ этомъ отношеніи совѣту присяжныхъ повѣренныхъ право отказывать лицамъ, которыя по нравственнымъ качествамъ не могутъ быть приняты въ число присяжныхъ повѣренныхъ. Предоставленіе этого права совѣту необходимо въ виду тѣхъ важныхъ обязанностей, которыя возлагаются на повѣренныхъ, и было бы согласно съ цѣлью новаго учрежденія. При семъ нельзя не замѣтить, что въ случаѣ основаннаго на соображеніяхъ о неблагонадежности лица, отказа, конечно, неудобно требовать, какъ постановляетъ проектъ, чтобы объяснены были просителямъ причины, по которымъ имъ отказано, но въ случаѣ принесенія жалобы судебной палатѣ совѣтъ обязанъ объяснить ей причины отказа“. Хотя послѣднее правило и не вошло въ „Учрежд. суд. уст.“, но оно столь цѣлесообразно, что, сколько мнѣ извѣстно, всегда практиковалось въ петербургскомъ и московскомъ судебныхъ округахъ.

Изъ другихъ поправокъ, предложенныхъ Замятнинымъ, но не прошедшихъ въ государственномъ совѣтѣ, заслуживаютъ вниманія слѣдующія. Министръ юстиціи возражалъ противъ ограниченія присяжныхъ повѣренныхъ правомъ ходатайства только въ предѣлахъ одного судебнаго округа и разсуждалъ такъ: „при обсужденіи настоящаго вопроса нельзя не обратить вниманія на то, что при введеніи въ дѣйствіе учрежденія столь новаго для нашей жизни, какъ учрежденіе присяжныхъ, нельзя быть достаточно осторожнымъ въ принятіи той или другой мѣры и нельзя не опасаться дать учрежденію ложное направленіе. Если съ одной стороны желательно видѣть у насъ скорое появленіе присяжныхъ повѣренныхъ при настоятельной въ нихъ съ осуществленіемъ реформы надобности, то, съ другой стороны, не менѣе желательно, чтобы новое сословіе соотвѣтствовало вполнѣ своему

назначенію, чтобъ оно оправдало общія надежды, на него возлагаемыя. Намъ, безъ сомнѣнія, необходимы присяжные повѣренные, но необходимы не какія-нибудь личности, которыя только бы назывались присяжными, а присяжные повѣренные—честные, добросовѣстные и знающіе дѣло. Можно быть твердо увѣреннымъ, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ жизнь развилась, гдѣ количество гражданскихъ исковъ достаточно для содержанія сословія присяжныхъ повѣренныхъ, тамъ повѣренные появятся. Если на мѣстѣ будетъ хорошій присяжный повѣренный, то трудно предположить, чтобы тяжущіеся вздумали обратиться къ столичному повѣренному и тѣмъ подвергать себя излишнимъ издержкамъ. Боятся установленія монополіи присяжныхъ повѣренныхъ. Подобное опасеніе неосновательно. Право словесной защиты предоставляется всѣмъ присяжнымъ повѣреннымъ, а не однимъ столичнымъ; слѣдовательно, если даже и согласиться, что появится монополія, то это не будетъ монополія столичныхъ повѣренныхъ, а монополія таланта, знанія и добросовѣстности. Неужели можно препятствовать установленію подобной монополіи? Напротивъ того, подобнаго порядка вещей надобно желать; онъ даже необходимъ, чтобъ уничтожить ту монополію, которая непремѣнно разовьется, если повѣреннымъ не будетъ разрѣшено принимать повсемѣстно словесную защиту,—монополію замкнутыхъ отдѣльныхъ кружковъ съ посредственными познаніями и дарованіями. Мѣстная монополія можетъ дать ложное направленіе нашей адвокатурѣ и погасить въ ней мало-по-малу всякое стремленіе къ совершенствованію“.

Министръ юстиціи, не находя основанія лишать кого-либо права жалобы, если онъ считаетъ неправильнымъ постановленіе совѣта, полагалъ, вопреки проекта, предоставить присяжнымъ повѣреннымъ, какъ и судьямъ, право обжалованія во всѣхъ случаяхъ, не исключая и того, когда совѣтъ постановилъ сдѣлать предостереженіе или выговоръ. Все важное значеніе приведенныхъ замѣчаній будетъ очевидно, если вспомнить, какія превратныя, даже, можно сказать, дикія представленія объ адвокатурѣ господствовали въ нашемъ обществѣ и даже въ правительственыхъ сферахъ предъ открытіемъ новыхъ судовъ. Приведу одинъ образчикъ. Оберъ-

прокуроръ Семеновъ предполагалъ исключить изъ формулы присяги, установленной для присяжныхъ повѣренныхъ, слова: „честно исполнять обязанности принимаемаго званія“, — ссылаясь на то, что честное исполненіе обязанностей несовмѣстно съ званіемъ адвоката (sic!).

Отъ заботливаго вниманія Замятнина не ускользнули даже самые младшіе члены новой судебной организаціи—помощники присяжныхъ повѣренныхъ. По „Учр. судеб. уст.“ помощники находятся въ положеніи похожемъ на состояніе неустойчиваго равновѣсія. Они едва прикрѣплены къ судебнымъ мѣстамъ при помощи одной статьи. О нихъ упоминается въ двухъ послѣднихъ строчкахъ ст. 354 „Учр. суд. уст.“, констатирующей только фактъ ихъ существованія и больше ничего. Жизнь явилась на помощь и кое-какъ организовала бытъ этого немаловажнаго для будущихъ судебъ адвокатуры сословія. Но замѣчательно, что то, что впослѣдствіи совѣтамъ присяжныхъ повѣренныхъ съ большимъ трудомъ приходилось проводить въ жизнь, все это было намѣчено и предусмотрѣно въ „Замѣчаніяхъ министра юстиціи“.

Смотря на сословіе помощниковъ, какъ на лучшій новиціатъ для адвокатуры, министръ юстиціи, для лучшей подготовки ихъ къ будущему званію присяжныхъ повѣренныхъ, проектировалъ слѣдующія правила: 1) каждый присяжный повѣренный можетъ имѣть помощниковъ, опредѣленіе которыхъ, по его представленію, зависитъ отъ усмотрѣнія совѣта присяжныхъ повѣренныхъ; 2) помощниками присяжныхъ повѣренныхъ могутъ быть опредѣлены лица, кончившія курсъ юридическихъ наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; 3) помощники присяжныхъ повѣренныхъ занимаются дѣлами по порученію и подъ наблюденіемъ присяжныхъ повѣренныхъ, при которыхъ они состоятъ; 4) помощники присяжныхъ повѣренныхъ имѣютъ право хожденія по дѣламъ наравнѣ со всѣми посторонними лицами; 5) въ случаѣ порученія помощнику присяжнаго повѣреннаго дѣла въ такой мѣстности, гдѣ исключительное право хожденія по дѣламъ предоставлено присяжнымъ повѣреннымъ, присяжный повѣренный имѣетъ право ходатайствовать въ совѣтѣ о дозволеніи помощнику вести поручаемое ему дѣло; 6) въ дѣлахъ

уголовныхъ помощникамъ можетъ быть поручаема предсѣдателемъ судебныхъ мѣстъ защита подсудимыхъ; 7) при веденіи принятыхъ дѣлъ помощники пользуются одинаковыми съ присяжными повѣренными правами и несутъ одинаковыя съ ними обязанности; 8) присяжные повѣренные обязаны представлять совѣту отчетъ о занятіяхъ своихъ помощниковъ (стр. 75).

Замятнинъ, принимая близко къ сердцу дѣло судебной реформы, подробными соображеніями доказывалъ необходимость обезпеченія матеріальнаго положенія судей. Справедливость многихъ изъ этихъ соображеній блистательнымъ образомъ доказана послѣдующимъ опытомъ. Министръ юстиціи указывалъ прежде всего на то, что молодые люди, имъ подготовляемые, въ скоромъ времени оставляютъ службу по вѣдомству министерства юстиціи и переходятъ въ другія, гдѣ существуютъ лучшіе оклады; такимъ образомъ министерство юстиціи подготовляло лучшихъ дѣятелей для другихъ вѣдомствъ. Неудобство это будетъ устранено, по мнѣнію министра, если предложенные коммиссіей оклады содержанія не будутъ уменьшены. Въ такомъ случаѣ не будетъ недостатка въ способныхъ и честныхъ дѣятеляхъ къ осуществленію судебной реформы и должно съ полною надеждой ожидать, что и у насъ за симъ въ ходѣ правильнаго, постепеннаго развитія образуется судебное сословіе. вполнѣ достойное занять то положеніе, которое ему приготовлено новыми уставами. „Совершенно иныхъ результатовъ нужно ожидать,—писалъ Замятнинъ,—не съ меньшею увѣренностью отъ скудныхъ, или даже стоящихъ въ уровень съ должностями по другимъ вѣдомствамъ окладовъ содержанія. Можно ли ожидать полезныхъ для судебнаго вѣдомства результатовъ, если окладъ содержанія окружнаго судьи будетъ одинаковъ съ окладомъ начальника отдѣленія департамента, а если назначить 2,200 руб. члену окружнаго суда, то это будетъ даже нѣсколько меньше того, что получаютъ начальники отдѣленій въ большей части департаментовъ, если принять въ соображеніе прибавочныя выдачи и награды. Между тѣмъ, можно ли сравнивать эти должности, въ отношеніи самостоятельности, круга дѣятельности и ввѣренныхъ интересовъ? Результаты уменьшенія окладовъ, предположенныхъ

коммиссіей не замедлятъ сказаться на дѣлѣ въ самомъ скоромъ времени и опять повторится прежнее явленіе: чиновники судебнаго вѣдомства станутъ переходить на службу въ другія вѣдомства, потому что въ окладахъ содержанія не будетъ разницы, за то будетъ меньше отвѣтственности и исполненіе обязанностей будетъ подъ контролемъ начальника, а не подъ гласнымъ контролемъ всего общества. Наконецъ не слѣдуетъ забывать и того, что при всемъ этомъ судебному вѣдомству будетъ угрожать иного рода опасность. Съ введеніемъ новой формы суда открывается совершенно новое и обширное поприще для образованныхъ и честныхъ дѣятелей,—поприще въ высшей степени привлекательное какъ по роду дѣятельности, такъ и по значительному матеріальному обезпеченію. Явится возможность поступать въ присяжные повѣренные. Очень много лицъ, весьма способныхъ къ дѣятельности присяжныхъ повѣренныхъ,—лицъ, которыя были бы между ними одни изъ первыхъ,—остается однако продолжать службу по судебному вѣдомству. Несмѣняемость, обезпеченный окладъ и самыя условія коронной службы—вотъ обстоятельства, которыя при предложенныхъ коммиссіей размѣрахъ окладовъ будутъ удерживать многихъ способныхъ лицъ отъ поступленія въ присяжные повѣренные; условія эти будутъ уравновѣшивать матеріальныя выгоды адвокатской дѣятельности. Но если оклады содержанія будутъ уменьшены, то равновѣсіе нарушится; большая часть даровитыхъ и знающихъ личностей поступитъ въ присяжные повѣренные; конечно, такимъ образомъ у насъ весьма скоро образуется сословіе присяжныхъ повѣренныхъ и сословіе это станетъ сильнымъ, но сильнымъ на счетъ судебнаго сословія и въ ущербъ ему. Судебное вѣдомство будетъ обезсилено переходами лучшихъ своихъ представителей въ другія вѣдомства и въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ. При ежедневныхъ столкновеніяхъ въ судебныхъ преніяхъ по дѣламъ, часто не лишеннымъ и весьма важныхъ государственныхъ интересовъ, судебное вѣдомство вынуждено будетъ противопоставлять присяжнымъ повѣреннымъ не вполнѣ опытныхъ, а иногда бездарныхъ представителей. Плачевные результаты подобнаго положенія слишкомъ очевидны: судебное сословіе станетъ игралищемъ, если даже не посмѣшищемъ, въ рукахъ

сословія повѣренныхъ". Сохраненію проектированныхъ окладовъ Замятнинъ придавалъ такое важное значеніе, что онъ ставилъ отъ него въ зависимость самое осуществленіе судебной реформы. „Если по какимъ-либо соображеніямъ,—писалъ онъ,—признано будетъ необходимымъ уменьшить оклады и отмѣнить прибавки (а извѣстно, что прибавки отмѣнены), то лучше отказаться отъ судебной реформы, лучше остановиться приведеніемъ ея въ исполненіе, чѣмъ съ самаго начала дать реформѣ ложное направленіе, поставить ее въ негодныя условія и отказаться отъ благихъ послѣдствій, которыхъ по справедливости можно было бы ожидать отъ предначертанныхъ уставовъ. Если судебное вѣдомство не будетъ въ состояніи привлечь и удержать способныхъ и честныхъ дѣятелей, то несмѣняемость судей принесетъ больше вреда, чѣмъ пользы, и правительству даже опасно будетъ предоставить обширный кругъ дѣятельности, огромную власть и ввѣрить охраненіе важнѣйшихъ интересовъ государства такимъ людямъ, большинство которыхъ остается въ судебномъ вѣдомствѣ только потому, что не нашло себѣ другихъ, лучшихъ мѣстъ". Мы съ намѣреніемъ сдѣлали эту длинную выписку, она наглядно показываетъ, какъ серьезно относился Замятнинъ къ дѣлу и стремился къ осуществленію не „показной" судебной реформы, а полной и всесторонней.

Прекращаемъ дальнѣйшее изложеніе „Замѣчаній" Замятнина. Приведенныхъ примѣровъ, кажется, достаточно для того, чтобы судить, какъ трезво онъ смотрѣлъ на задачу водворенія въ Россіи прочнаго обезпеченнаго правоваго порядка и какъ настойчиво добивался онъ послѣдовательнаго проведенія либеральныхъ началъ судебной реформы.

ГЛАВА V.

Подготовительныя работы по открытію новыхъ судовъ.

Превосходно разработанные проекты Учрежденія судоустройства, судопроизводства и о проступкахъ, подвѣдомыхъ мировымъ судьямъ, снабженные обстоятельными замѣчаніями министра юстиціи Замятнина, были разсмотрѣны соединенными департаментами и общимъ собраніемъ государственаго совѣта меньше чѣмъ въ годъ. Замятнину при содѣйствіи товарища своего Н. И. Стояновскаго удалось провести большинство своихъ поправокъ, изъ коихъ нѣкоторыя весьма существенно измѣняли предположенія коммиссіи, ради болѣе строгаго проведенія принциповъ „Основныхъ Положеній".

Судебной реформѣ удалось-таки преодолѣть всѣ многочисленныя препятствія, созданныя своекорыстіемъ, невѣжествомъ и рутиною, и 20-го ноября 1864 года вылиться въ *тотъ замѣчательный памятникъ нашего законодательнаго* творчества, о которомъ въ одномъ изъ недавнихъ оффиціальныхъ актовъ справедливо сказано, что оно составляетъ „гордость нашу и славу минувшаго царствованія".

Случайность въ исторіи все еще играетъ очень важную роль. У насъ, можетъ-быть, больше, чѣмъ гдѣ-либо, весьма важно умѣть ловить минуту... Не распорядись министръ внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланской напечатать и изготовить въ одну ночь извѣстный циркуляръ губернаторамъ по крестьянской реформѣ, быть можетъ, старой партіи удалось бы, какъ о томъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ честныхъ тружениковъ крестьянской реформы, покойный сенаторъ Соловьевъ, надолго задержать реформу. Такъ было и съ судебною реформой. И до, и послѣ утвержденія „Судебныхъ Уставовъ" партія, враждебная реформамъ, дѣлала все возможное, чтобъ исказить и затормозить ее. Нужно было торопиться. Это

хорошо понимали горячіе сторонники судебной реформы, предсѣдатель государственнаго совѣта кн. П. П. Гагаринъ и министръ юстиціи Д. Н. Замятнинъ. „Судебные Уставы“ въ день же утвержденія были препровождены при замѣчательномъ указѣ въ правительствующій сенатъ для обнародованія.

Указъ этотъ, который слѣдовало бы заставлять юношей учить наизусть, какъ въ древности заучивали carmina XII таблицъ, въ слѣдующихъ краткихъ, но сильныхъ выраженіяхъ передаетъ основной смыслъ „этого великаго дѣла“ (судебной реформы), долженствовавшаго водворить въ „новой“ Россіи первые элементы благоустроеннаго, въ европейскомъ смыслѣ слова, общежитія, точнѣе—правоваго порядка. „Разсмотрѣвъ сіи проекты, Мы находимъ,—сказано въ помянутомъ указѣ Царя-Освободителя,—что они соотвѣтствуютъ желанію Нашему водворить въ Россіи судъ скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ подданныхъ Нашихъ, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить въ народѣ Нашемъ то уваженіе къ закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе и которое должно быть руководителемъ дѣйствій всѣхъ и каждаго отъ высшаго до низшаго“. Памятныя слова, заслуживающія внесенія въ основные законы.

Партія застоя не унималась и послѣ утвержденія и обнародованія „Судебныхъ Уставовъ“. Теперь она перемѣнила тактику. Если уже нельзя воспрепятствовать изданію „Судебныхъ Уставовъ“, то еще можно было попробовать надолго „задержать“ введеніе ихъ въ дѣйствіе. Къ этому-то и направились усилія этой партіи. Для ея вліянія особенно пагубенъ былъ принципъ провозглашенія самостоятельности и независимости судебной власти, бывшей дотолѣ игрушкою для вліятельныхъ сферъ. Такъ какъ нельзя было откровенно высказывать свои некрасивыя сѣтованія насчетъ предстоящей утраты вліянія на судебныя мѣста, то старались своимъ эгоистическимъ вожделѣніямъ пріискать гражданскіе мотивы, разсчитывая при этомъ на обычныя всѣмъ смертнымъ слабости. Такъ, напримѣръ, старались нашептывать, что самостоятельность судебныхъ учрежденій есть умаленіе „власти“, которая, отказываясь отъ права перевершенія дѣлъ, рѣшен-

ныхъ судами, лишается одной изъ важнѣйшихъ своихъ прерогативъ. Все серьезное значеніе этихъ инсинуацій будетъ понятно, если вспомнить, что къ ихъ содѣйствію даже въ наше время, т.-е. спустя 18 лѣтъ послѣ введенія новыхъ судовъ, сочли удобнымъ прибѣгнуть печатные органы реакціи, кричавшіе на всю Россію, что независимость судей означаетъ „самодержавіе“ судей... Замятнину и другимъ друзьямъ реформы стоило не малаго труда разсѣять эти внушенія своекорыстія и обскурантизма и очистить путь для введенія реформы. Рѣшено было ввести судебную реформу во всѣхъ частяхъ на первый разъ въ двухъ судебныхъ округахъ — С.-Петербургскомъ и Московскомъ. Послѣ этого Замятнинъ рѣшился во что бы то ни стало устранить всѣ препятствія и открыть своевременно новые суды.

Были препятствія довольно серьезныя для скораго введенія судебной реформы: это—недостатокъ матеріальныхъ и интеллектуальныхъ средствъ для ея осуществленія. На устраненіе этихъ препятствій употребилъ Замятнинъ весь 1865 и часть 1866 года. Когда финансовая сторона дѣла была улажена, пришлось подумать о пріисканіи приличнаго и удобнаго помѣщенія для новыхъ судебныхъ мѣстъ. Вопросъ этотъ не такъ ничтоженъ, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Лучшимъ доказательствомъ его важности служитъ то обстоятельство, что враги судебной реформы разсчитывали, какъ это ни покажется страннымъ, что дѣло реформы отложено будетъ въ долгій ящикъ за невозможностью пріискать и приспособить для новыхъ судовъ въ ближайшемъ будущемъ приличное помѣщеніе. Нечего было и думать строить новый домъ, во-первыхъ, потому, что это стоило бы порядочныхъ денегъ, на ассигновку которыхъ трудно было разсчитывать, и, во вторыхъ, это значило бы откладывать дѣло на нѣсколько лѣтъ и стало-быть рисковать судьбою самой судебной реформы. Надлежало во что бы то ни стало пріискать нужное зданіе. Замятнинъ такъ и смотрѣлъ на дѣло. Онъ объѣздилъ почти весь Петербургъ, осмотрѣлъ всѣ зданія, которыя могли казаться сколько-нибудь пригодными для этой цѣли, но ни одно изъ нихъ не подходило вполнѣ. Замятнинъ сталъ уже отчаиваться и скорбѣть, что дѣло можетъ разстроиться изъ-за того, что не оказывается въ Петербургѣ

приличнаго зданія для суда, какъ вдругъ выручилъ его архитекторъ Шмидтъ.

Повидимому, для хорошаго дѣла всегда найдутся друзья. Шмидтъ, видѣвшій за границей судъ присяжныхъ и хорошо понимавшій значеніе судебной реформы, неожиданно оказался ея преданнымъ другомъ и сослужилъ ей хорошую службу. Онъ предложилъ министру юстиціи Замятнину приспособить для петербургскихъ судебныхъ установленій зданіе арсенала, на Литейномъ проспектѣ. На первый взглядъ планъ Шмидта показался черезчуръ фантастичнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, зданіе безъ лѣстницъ, съ большими воротами, чрезъ которыя ввозили и вывозили пушки,—какъ въ немъ устроить, и то въ короткое время, залы для публичныхъ засѣданій, многочисленные кабинеты для должностныхъ лицъ, залы для обширной канцеляріи семи отдѣленій окружнаго суда, трехъ департаментовъ судебной палаты, нотаріата и прокурорскаго надзора и пр.? Но усердіе и любовь къ дѣлу все преодолѣваютъ.

Замятнинъ остановился на арсеналѣ. Неизмѣнный поборникъ реформъ, военный министръ Д. Н. Милютинъ, которому подвѣдомо было это зданіе, охотно согласился уступить его подъ новый судъ. Министръ финансовъ М. Х. Рейтернъ также безъ затрудненія отпустилъ нужную сумму. Вскорѣ закипѣло дѣло. Всю зиму 1865 года работали, иногда ночью, при электрическомъ освѣщеніи, надъ приспособленіемъ зданія арсенала. Замятнинъ почти ежедневно посѣщалъ работы, подгоняя ихъ къ неотложному окончанію въ назначенный срокъ. Усталый отъ дневного труда, измученный назойливымъ противодѣйствіемъ противниковъ реформы, Замятнинъ тѣмъ не менѣе поддерживалъ бодрость духа въ своихъ сотрудникахъ, неустанно твердя свое ceterum censeo: „все-таки новые суды будутъ открыты въ назначенное время".

Относительно будущихъ московскихъ судебныхъ установленій Замятнинъ, во время своего пребыванія въ Москвѣ. изъ личнаго осмотра сенатскаго зданія убѣдился, что часть этого зданія, занятаго тогда архивомъ военнаго вѣдомства и другими учрежденіями, можетъ быть весьма удобно приспособлена для новыхъ судебныхъ установленій [1]). Заинтере-

[1]) Жур. Мин. Юстиціи 1864 г., № 4, стр. 32.

сованныя вѣдомства уступили и это зданіе. Такимъ образомъ, благодаря энергіи Замятнина, вопросъ о зданіяхъ столичныхъ судебныхъ установленій былъ разрѣшенъ благополучно.

Вопросъ о раздѣленіи на судебные округа и размѣщеніи окружныхъ судовъ представлялъ также не мало затрудненій. Почти всѣ болѣе или менѣе значительные города заявляли претензію имѣть у себя окружные суды и вызывались на денежныя и иныя пожертвованія. Отчаянная борьба завязалась, напримѣръ, между Бежецкомъ и Кашиномъ изъ-за мѣста будущаго окружнаго суда. „Enfin la question a provoqué dans les ésprits une activité générale,—писалъ тверской губернаторъ, князь Багратіонъ Замятнину,—ce qui vaut toujours mieux,—спѣшилъ онъ, впрочемъ, присовокупить,—que le silence et l'indifference".

По этому поводу кстати будетъ припомнить слова одного изъ сенаторовъ, довольно сочувственно относившагося къ судебной реформѣ, но смущеннаго шумнымъ общественнымъ воодушевленіемъ, ее сопровождавшимъ: „Присяжныхъ, присяжныхъ и присяжныхъ!—писалъ онъ,—вотъ крики, съ нѣкотораго времени летящія со всѣхъ сторонъ нашего дорогого отечества. Во всѣхъ крикахъ мало смысла, хотя много увлеченія и еще болѣе подражанія. Закричалъ одинъ,—какъ не заревѣть другому" и т. д.

Замятнинъ не принадлежалъ къ числу этихъ робкихъ людей, которые до такой степени акклиматизировались въ спертой кабинетной атмосферѣ, что они уже не выносятъ вольнаго воздуха свободной жизни. Замятнинъ понималъ, что общественное воодушевленіе—великая сила, и при умѣломъ пользованіи ею можно совершить много хорошаго. Онъ пошелъ, такъ сказать, на площадь, въ самую толпу, будучи убѣжденъ, что только ближе къ мѣсту и въ средѣ лицъ, вполнѣ знакомыхъ съ внутреннею жизнью провинціи, можно правильно рѣшить и вопросъ о мѣстѣ нахожденія окружныхъ судовъ, и о пріисканіи удобныхъ помѣщеній для нихъ. Съ этою цѣлью онъ совершилъ поѣздку въ Новгородъ, Тверь, Рязань, Владиміръ и другіе города.

При немъ не было пышнаго штата походной канцеляріи. Всею перепиской завѣдывалъ Б. Н. Хвостовъ, вице-директоръ

департамента министерства юстиціи; ихъ сопровождалъ только одинъ курьеръ. При этихъ поѣздкахъ не было никакихъ торжественныхъ встрѣчъ. Ни прокуроры, ни члены судебныхъ мѣстъ не выходили навстрѣчу. Встрѣчалъ обыкновенно мѣстный полиціймейстеръ, указывавшій приготовленную квартиру (двѣ или три комнаты) въ частномъ домѣ или гостиницѣ. Вообще Дмитрій Николаевичъ былъ врагъ пышности и богатой внѣшней декоративности, которыя такъ тѣшатъ тщеславіе мелкихъ натуръ. Благодаря своей скромности, Дмитрій Николаевичъ иногда натыкался на курьезныя сцены. Вотъ одна изъ нихъ. Дмитрій Николаевичъ сидѣлъ въ вагонѣ II класса, переполненномъ народомъ. Подсаживается къ нему молодой человѣкъ и, видя его въ форменной фуражкѣ съ зеленымъ бархатнымъ околышемъ и одѣтымъ въ старое платье, принялъ за какого-нибудь экзекутора или незначительнаго чиновника. Молодой человѣкъ нѣсколько издалека началъ разговоръ о службѣ по вѣдомству министерства юстиціи, о томъ, что служба эта, въ особенности для правовѣдовъ,, плохо вознаграждается, но что онъ надѣется вскорѣ получить хорошее назначеніе. Загѣмъ, обратясь къ старику Замятнину, спросилъ: „Вы сколько лѣтъ на службѣ?... Служите давно, а въ сравненіи съ правовѣдами вѣроятно не далеко уѣхали?“ Замятнинъ скромно отвѣчалъ на вопросы. Когда молодой человѣкъ узналъ, что говоритъ съ министромъ юстиціи, сильно переконфузился, сталъ извиняться и перешелъ въ другой вагонъ. Впослѣдствіи Замятнинъ встрѣтился съ молодымъ человѣкомъ, занимавшимъ въ Москвѣ должность стряпчаго, обласкалъ его и съ обычнымъ своимъ добродушіемъ напомнилъ сцену въ вагонѣ.

Для лучшаго ознакомленія съ характеромъ путешествія Замятнина, приведемъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ газетъ того времени. Въ „Новгородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ читаемъ: „На другой день пріѣзда въ Новгородъ (23 августа 1865 года) министръ юстиціи Замятнинъ принималъ депутаціи отъ городовъ, явившіяся съ ходатайствомъ объ открытіи у нихъ окружныхъ судовъ. Вечеръ 23 августа былъ проведенъ министромъ юстиціи Замятнинымъ на квартирѣ начальника губерніи, въ разсужденіи о размѣщеніи въ Новгородской губерніи окружныхъ судовъ. По приказанію губер-

натора были приготовлены къ этому совѣщанію всѣ средства мѣстнаго статистическаго комитета: разнообразныя географическія карты губерніи, ея пространства, размѣщенія лѣсовъ, населенности и судебно-статистическія таблицы. Разсужденія шли непринужденно, оживляемыя даже нѣкоторою горячностью, которую невольно вызываетъ въ каждомъ рѣчь о своей родной мѣстности, по вопросу, который имѣетъ прямое вліяніе на ея благосостояніе. Особенно интересенъ былъ споръ двухъ должностныхъ лицъ, бывшихъ предводителей дворянства, бѣлозерскаго и череповецкаго, въ отношеніи помѣщенія окружнаго суда. Ни одинъ городъ не остался безъ защитника. Эти разсужденія и проведенныя въ нихъ данныя послужили полнымъ и надежнымъ матеріаломъ для составленія окончательнаго убѣжденія по этому предмету. Затѣмъ министръ осмотрѣлъ зданія, относительно которыхъ имѣлись предположенія о помѣщеніи въ нихъ новгородскаго окружнаго суда. Свободное отъ занятій время министръ проводилъ въ кругу лицъ административнаго и судебнаго вѣдомствъ, знакомясь съ подробностями ихъ быта и губернской жизни. Такія бесѣды могли только довершить самое пріятное впечатлѣніе, произведенное имъ на все новгородское общество, и проявили во всѣхъ отношеніяхъ его къ окружающимъ тѣ добросердечіе и гуманность, которыя въ отношеніи къ подчиненнымъ образуютъ связь взаимнаго довѣрія и сочувствія. Въ день отъѣзда новгородское городское общество изъявило министру желаніе принять на счетъ города полную меблировку окружнаго суда“ [1]). То же самое повторялось и въ другихъ городахъ. Обаятельнымъ воздѣйствіемъ своей личности Замятнинъ вездѣ успѣлъ вызвать сочувствіе къ судебной реформѣ и значительныя пожертвованія для ея осуществленія. Благодаря этимъ пожертвованіямъ, издержки казны на устройство зданій каждаго изъ четырнадцати провинціальныхъ окружныхъ судовъ не превышали 7.000 [2]). Замѣчательно, что псковскій губернаторъ графъ Паленъ и вице-губернаторъ, подъ предлогомъ объѣзда губерніи, оставили Псковъ именно въ то время, когда туда долженъ былъ пріѣхать Замятнинъ.

[1]) Новгород. Губерн. Вѣдомости 1865 года, № 38.
[2]) Журн. Министер. Юстиціи 1866 года, № 4.

Замятнину слѣдовало заняться еще другимъ, кардинальнымъ для успѣха судебной реформы, вопросомъ—о пріисканіи добропорядочнаго, честнаго и развитаго персонала для новыхъ судебныхъ мѣстъ. Назначить безъ разбора на новыя судебныя должности старыхъ чиновниковъ — это значило вливать новое вино въ старые мѣхи и испортить сразу дѣло реформы. Съ другой стороны, поручать неиспытанное на опытѣ дѣло пылкой, увлекающейся молодежи — значило также скомпрометировать его. Между этими двумя дилеммами пришлось бороться Замятнину, который вышелъ изъ борьбы самымъ счастливымъ образомъ, благодаря своей честной натурѣ, умѣнью привлекать и распознавать людей. Не забудемъ, что Замятнинъ не могъ пользоваться такимъ прекраснымъ средствомъ, какъ избраніе на судебныя должности самими судебными мѣстами, которое установлено „Судебными Уставами" и которымъ такъ пренебрегалъ систематически его преемникъ, графъ Паленъ. Припомнимъ еще, что слѣдовало въ двухъ обширныхъ округахъ, въ которыхъ вводилась судебная реформа, назначить сразу огромное количество должностныхъ лицъ, начиная отъ сенаторовъ кассаціонныхъ департаментовъ и кончая судебными слѣдователями и чинами прокурорскаго надзора. Нужно было назначить: 8 сенаторовъ, 50 предсѣдателей судебныхъ мѣстъ и ихъ товарищей, 144 члена судебныхъ палатъ и окружныхъ судовъ, 192 судебныхъ слѣдователя, 123 чина прокурорскаго надзора. Невольно возникаетъ вопросъ, какъ и откуда взялъ Замятнинъ такое количество должностныхъ лицъ, и притомъ такихъ, память о которыхъ живетъ доселѣ въ обществѣ. какъ отрадное воспоминаніе о безкорыстной и мужественной службѣ родинѣ, которыя создали достойный подражанія типъ беззавѣтныхъ служителей правосудія!..

Это вопросъ, интересный не только для біографіи Замятнина, но и для нашихъ судебныхъ порядковъ вообще. Чтобъ отвѣтить на него, нужно припомнить личныя свойства Замятнина. Прямой, откровенный, простой и честный по натурѣ, онъ умѣлъ проникать въ душу людей, расшевелить лучшія стороны ея, привязывать ихъ къ себѣ, а черезъ себя и къ дѣлу, которому онъ служилъ. Не всякій этому повѣритъ, но бывали случаи, когда Замятнинъ, узнавъ о несча-

стіи, постигшемъ его подчиненныхъ, старался горячимъ сочувствіемъ своимъ утѣшить ихъ, плакалъ съ ними... „Рязанскія Губернскія Вѣдомости" слѣдующимъ образомъ описываютъ впечатлѣніе, произведенное Замятнинымъ: „въ краткое пребываніе его въ Рязани всѣ здѣсь успѣли полюбить его, такъ какъ онъ своимъ непринужденнымъ и ласковымъ со всѣми обхожденіемъ являлъ собою не столько высокое начальственное лицо, сколько почтеннаго отца большой семьи, служащей въ храмѣ Ѳемиды" (1865 года, № 38). Чуждый узкихъ школьныхъ традицій и неумолимаго ésprit de corps, онъ далекъ былъ отъ исключительной симпатіи къ своимъ товарищамъ по лицею, онъ искалъ людей талантливыхъ и честныхъ всюду, гдѣ можно было ихъ найти. Онъ лично знакомился съ кандидатами на судебныя должности, ѣздилъ на мѣста, былъ въ Москвѣ, во Владимірѣ, Новгородѣ, Твери, лично разспрашивалъ товарищей, представителей мѣстнаго общества, и, наконецъ, лично наблюдалъ судоговореніе и такимъ образомъ создавалъ себѣ живое и вѣрное представленіе о нравственныхъ и интеллектуальныхъ качествахъ своихъ кандидатовъ. И ужъ сдѣлавъ, послѣ тщательнаго разслѣдованія, выборъ, Замятнинъ держался за своего избранника, защищая его отъ всякаго рода навѣтовъ, которые нерѣдко навлекаютъ на себя люди честные и талантливые.

Сенаторъ Д. Б. Беръ передаетъ слѣдующія характерныя подробности избранія на должность предсѣдателя петербургскаго окружнаго суда: „При замѣщеніи новыхъ должностей,—говоритъ сенаторъ, очевидецъ событій того времени,—особенно затруднителенъ былъ выборъ кандидатовъ на предсѣдателей окружныхъ судовъ. Кандидатовъ было много, весьма и вполнѣ, казалось, достойныхъ, но Дмитрій Николаевичъ все не былъ спокоенъ и не могъ рѣшиться: видимо, имѣвшіеся въ виду кандидаты не осуществляли его идеала; онъ неоднократно посѣщалъ засѣданія прежнихъ судебныхъ установленій и однажды возвратился изъ засѣданія с.-петербугской гражданской палаты видимо счастливый, спокойный и довольный. Онъ нашелъ кандидата: выборъ его остановился на Г. Н. Мотовиловѣ. Достаточно назвать это всѣми достойно чтимое имя, чтобы понять, насколь-

ко вѣрно угаданъ былъ будущій первый предсѣдатель с.-петербургскаго окружнаго суда“ [1]).

Слѣдуетъ еще замѣтить, что Замятнинъ впервые выдвинулъ при назначеніи на судебныя должности принципъ личныхъ способностей и нравственныхъ достоинствъ на мѣсто стараго принципа—„сидѣнья“ на одномъ мѣстѣ. Замятнинъ не справлялся о родствѣ кандидата, происхожденіи, его связяхъ въ великосвѣтскихъ салонахъ, а о томъ, получилъ ли онъ юридическое образованіе, о нравственныхъ качествахъ его и способностяхъ, обнаруженныхъ на службѣ. Не только хорошіе отзывы, но и дурные старался онъ провѣрить лично или черезъ довѣренныхъ лицъ, чтобы никто не пострадалъ изъ-за клеветы. И уже убѣдившись въ достоинствахъ кандидата, онъ выдвигалъ его впередъ.

Но для цѣлесообразнаго примѣненія этого порядка необходимо чувство мѣры и умѣнье распознавать душевный обликъ человѣка, а иначе легко попасть въ просакъ. Но почти всѣ, безъ исключенія, избранныя Замятнинымъ лица съ избыткомъ оправдали его довѣріе.

Вотъ какъ наглядно доказалъ Замятнинъ несправедливость увѣренія представителей застоя, что у насъ нѣтъ людей,—увѣреніе, изъ-за котораго затормозилось не мало добрыхъ начинаній, а чуть было не затормозилась и судебная реформа. Замятнинъ доказалъ, что если не довольствоваться одними петербургскими салонами и департаментами и найти болѣе надежное средство распознанія людей, нежели рекомендаціи великосвѣтскихъ покровителей,—честные и знающіе дѣятели найдутся всегда. Немаловажнымъ союзникомъ для Замятнина былъ и тотъ благородный либеральный духъ, коимъ насквозь проникнуты были „Судебные Уставы“. „По отношенію къ вопросу о людяхъ, намъ справедливо замѣчали „Московскія Вѣдомости“, различіе между прежними и новыми судами состоитъ именно въ томъ, что прежніе портили людей, а новые исправляютъ ихъ и воспитываютъ. Великое учрежденіе тѣмъ и бываетъ велико, что создаетъ людей, способныхъ проводить въ жизнь созданное имъ начало“ (1866, № 263).

---

[1]) Журн. Гражд. и Угол. Права 1881 года, № 6.

Относительно назначенія персонала новыхъ судебныхъ учрежденій сначала возникло было недоразумѣніе довольно щекотливаго свойства между коммиссіей, начертавшей проекты „Судебныхъ Уставовъ“, и министромъ юстиціи Замятнинымъ. Соревнуя съ послѣднимъ въ дѣлѣ скорѣйшаго проведенія реформы, предсѣдатель названной комиссіи, В. П. Бутковъ, предлагалъ окончательное назначеніе лицъ на новыя судебныя должности предоставить этой коммиссіи; но Замятнину удалось убѣдить коммиссію въ неудобствахъ такого порядка назначенія, которое и было поручено министру юстиціи и выполнено имъ столь блистательно.

Признавая, что для содѣйствія успѣшному осуществленію судебной реформы необходимо заблаговременно озаботиться о возможномъ ускореніи движенія и окончанія дѣлъ, производившихся въ старыхъ судебныхъ мѣстахъ, Замятнинъ принялъ дѣятельныя мѣры къ достиженію такого ускоренія, и такъ какъ эти мѣры должны были заключаться не только въ усиленіи средствъ судебныхъ мѣстъ, но и въ упрощеніи порядка существовавшаго тогда дѣлопроизводства и судоустройства,—министръ юстиціи, независимо отъ ходатайства объ увеличеніи матеріальныхъ средствъ нѣкоторыхъ судовъ 1-й и 2-й степени, входилъ съ представленіемъ объ измѣненіи правилъ, которыя, не принося никакой существенной пользы для частныхъ лицъ и не обезпечивая вѣрнѣйшаго достиженія истины, замедляли только движеніе дѣлъ и затрудняли тяжущихся, подсудимыхъ и судебныя мѣста [1]).

Независимо отъ этого, въ виду того, что рѣшено было судебную реформу вводить постепенно, слѣдовало предпринять что-нибудь для прикрытія язвъ стараго судебнаго устройства и производства, которыя съ открытіемъ новыхъ судовъ должны были обнаружиться съ ужасающею наготою. Этой цѣли должны были служить составленные Д. Н. Замятнинымъ и проведенные черезъ государственный совѣтъ знаменитыя Правила объ измѣненіи и дополненіи Свода Законовъ, касающихся судопроизводства въ старыхъ судебныхъ мѣстахъ. Правила были Высочайше утверждены 11-го октября 1865 года и внесли въ темное царство старыхъ су-

---

[1]) Журн. Министер. Юстиціи 1866 г, № 4

дебныхъ учрежденій хоть нѣкоторый лучъ свѣта въ видѣ гласности, сокращенія письменности, устности и т. д.

Начало 1866 года министерство юстиціи также провело въ энергичной работѣ по подготовительнымъ распоряженіямъ для введенія реформы. Министерство, руководимое Замятнинымъ, имѣло неослабное наблюденіе за изготовленіемъ списковъ лицъ, имѣющихъ право быть избранными въ мировые судьи, за составленіемъ списковъ присяжныхъ засѣдателей и за своевременнымъ выборомъ и утвержденіемъ мировыхъ судей [1]). По новости дѣла встрѣчалось не мало недоразумѣній, которыя Замятнинъ разъяснялъ по возможности личнымъ объясненіемъ съ представителями администраціи и земства или путемъ телеграммъ и письменныхъ предписаній. Всѣ остальныя затѣмъ постановленія „Судебныхъ Уставовъ“, исполненіе коихъ было необходимо для безпрепятственнаго введенія судебнаго преобразованія, исполнены до срока открытія судебныхъ мѣстъ или самимъ министромъ юстиціи, или при его участіи, или же подъ его непосредственнымъ надзоромъ. Равнымъ образомъ министромъ юстиціи проведены были въ законодательномъ порядкѣ проекты—общаго наказа судебнымъ мѣстамъ, объ охранительномъ судопроизводствѣ, о таксѣ вознагражденія судебнымъ приставамъ и присяжнымъ повѣреннымъ. Сверхъ того министерство юстиціи участвовало въ разсмотрѣніи и составленіи прочихъ законодательныхъ работъ, имѣющихъ соотношеніе къ судебной реформѣ: такъ, наприм., о согласованіи Уложенія о наказ. съ Уставомъ о наказ., налаг. мировыми судьями, о помѣщеніяхъ для лицъ подвергаемыхъ аресту по приговору мировыхъ судей, объ устройствѣ пріютовъ для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ и т. п. [2]).

Теперь не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что только непреклонной настойчивости Замятнина, этого на видъ очень мягкаго и слабаго старца, обязаны мы тѣмъ, что судебная реформа, несмотря на все противодѣйствіе вліятельныхъ сферъ, была осуществлена. Кому памятны событія послѣдую-

---

[1]) Списокъ важнѣйшихъ должностныхъ лицъ перваго назначенія приводится въ Приложеніяхъ.

[2]) Журн. Министт. Юстиціи 1867 г., № 2, стр. 142.

щаго времени, тотъ пойметъ все серьезное значеніе этого историческаго fait accompli, съ которымъ волею-неволею должны считаться представители реакціонной партіи. Въ этомъ неустанномъ стремленіи провести во что бы то ни стало въ дѣйствительность судебную реформу заключается громадная заслуга Замятнина предъ потомствомъ. Проявляя такую необычайную энергію, Замятнинъ очень хорошо понималъ, что тутъ каждая минута дорога.

ГЛАВА VI.

Открытіе новыхъ судовъ.

«Судебная властъ не есть собственно власть, даруемая какимъ-либо лицамъ или какому-либо сословію: это льготы, предоставленныя цѣлому народу, это право, предоставленное русскому гражданину. Учрежденіемъ независимой и самостоятельной судебной власти возвышается цѣлое общество. Гдѣ есть благоустроенный судъ, тамъ есть право, гдѣ есть права, тамъ есть огражденіе личности, тамъ есть законная свобода. Съ учрежденіемъ новаго судебнаго устройства и съ распространеніемъ его во всѣхъ частяхъ Россіи становится возможнымъ жить въ ней, какъ въ странѣ цивилизованной».

Московск. Вѣдом.

Продолжительныя и сложныя приготовительныя работы къ открытію новыхъ судовъ окончены были къ апрѣлю 1866 года.

14-го апрѣля покойный Государь посѣтилъ зданіе петербургскихъ судебныхъ установленій. Послѣ осмотра зданія творцу новаго суда представлены были Замятнинымъ, вновь назначенные къ должностямъ, чины судебныхъ установленій. Прощаясь съ ними, Государь обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: „Я надѣюсь, господа, что вы оправдаете оказанное вамъ довѣріе и будете исполнять новыя ваши обязанности добросовѣстно, по долгу чести и вѣрноподданической присяги, что, впрочемъ, одно и то же. Итакъ, въ добрый часъ, начинайте благое дѣло!“

16-го апрѣля происходило освященіе с.-петербургскихъ судебныхъ установленій и открытіе кассаціонныхъ департаментовъ сената.

Наконецъ настало 17-го апрѣля, лучшій день въ жизни

Д. Н. Замятнина, какъ онъ самъ впослѣдствіи говаривалъ, день открытія новыхъ судовъ [1]). Торжество открытія почтили своимъ присутствіемъ почетные посѣтители, члены дипломатическаго корпуса и многочисленная публика. Товарищъ министра юстиціи Н. И. Стояновскій прочелъ Высочайшее повелѣніе 19-го марта и 13-го апрѣля 1866 г. объ открытіи судебныхъ установленій, прочтенъ былъ также списокъ новыхъ назначеній. Затѣмъ первый министръ юстиціи новыхъ судебныхъ учрежденій обратился къ представителямъ магистратуры съ рѣчью, въ которой развилъ свой взглядъ на положеніе и призваніе судьи. „На вашу долю выпалъ завидный жребій,—такъ началъ Замятнинъ,—провести въ жизнь многознаменательныя слова Августѣйшаго Монарха: „правда и милость да царствуютъ въ судахъ“. Велико довѣріе, оказанное вамъ этимъ выборомъ. Вамъ ввѣряется охраненіе самыхъ священныхъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ, общества и цѣлаго государства. Вмѣстѣ съ тѣмъ вамъ открываются и всѣ способы для возможно-успѣшнаго достиженія высокой цѣли. Царь-Освободитель, даровавшій сперва крестьянамъ свободу отъ крѣпостной зависимости, потомъ слившій отдѣльныя сословія въ одну земскую семью, совершаетъ нынѣ надъ судебною властью новый подвигъ своей благотворной дѣятельности и даетъ всѣмъ судебнымъ установленіямъ, отъ высшихъ до низшихъ, полную самостоятельность. Но вспомнимъ,—продолжалъ ораторъ,—что чѣмъ выше благо, тѣмъ большія оно налагаетъ обязанности и отвѣтственность. Не сомнѣваюсь, что вы ими вполнѣ прониклись. Никому уже не будетъ права ссылаться въ оправданіе своихъ дѣйствій и рѣшеній ни на несовершенство порядка судопроизводства, потому что каждому даются въ руководство полные Уставы, составляющіе, можно сказать, послѣднее слово юридической науки, ни на недостатки законовъ о доказательствахъ, потому что опредѣленіе силы ихъ предоставлено голосу совѣсти. Вы не будете имѣть возможности ссылаться и на предписанія начальства. Государь и съ

---

[1]) Какъ бы въ предзнаменованіе будущей тревожной жизни новыхъ судебныхъ учрежденій, въ день открытія въ Петербургѣ была ужасная погода. «Снѣгъ и дождь и рѣзкій холодный вѣтеръ дулъ съ утра. Нева снова покрылась тонкимъ слоемъ льда. (Моск. Вѣд. 1866, № 83).

нимъ вся Россія,—продолжалъ министръ,—ждутъ отъ васъ водворенія суда скораго, праваго, милостиваго и равнаго для всѣхъ, утвержденія въ нашемъ отечествѣ того уваженія къ закону, безъ котораго немыслимо общественное благосостояніе. Уваженіе это распространится только тогда, когда вы первые будете подавать примѣръ строгимъ и точнымъ исполненіемъ предписаній закона, когда всѣ убѣдятся, что кто бы ни прибѣгнулъ къ вашему суду, богатый или бѣдный, вельможа или простолюдинъ, всякій найдетъ у васъ равную защиту и покровительство своимъ законнымъ требованіямъ и равное противодѣйствіе несправедливымъ стремленіямъ. Завязывая свои глаза предъ всякими внѣшними и посторонними вліяніями, вы тѣмъ полнѣе раскроете внутреннія очи совѣсти и тѣмъ безпристрастнѣе будете взвѣшивать на вѣсахъ правосудія правоту или неправоту подлежащихъ вашему обсужденію требованій и дѣяній.

„Но для полнаго успѣха предпринимаемаго судебнаго преобразованія недостаточно одной дѣятельности судебныхъ установленій. Здѣсь необходимо благонамѣренное содѣйствіе вновь образуемаго у насъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ. Вамъ, господа, посвящающимъ себя на защиту предъ судомъ законныхъ правъ лицъ, лишенныхъ возможности самимъ это исполнять,—сказалъ министръ, обращаясь къ присяжнымъ повѣреннымъ,—предстоитъ на избранномъ вами поприщѣ много труда и большая отвѣтственность. Судебныя мѣста при разрѣшеніи дѣлъ будутъ руководствоваться преимущественно тѣми данными, которыя вы имъ представите; поэтому во многихъ случаяхъ отъ вашихъ познаній и образа дѣйствій будутъ зависѣть благосостояніе и честь вашихъ довѣрителей. Одно уже поступленіе въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ даетъ право предполагать, что вы постигли всю важность вашего будущаго круга дѣйствій, и что вы всѣ единодушно, рука объ руку съ судебными властями, пойдете по пути, предуказуемому вамъ священнымъ чувствомъ долга, точное исполненіе котораго стяжаетъ вамъ высшую для васъ награду — общественное довѣріе и уваженіе [1]).

---

[1]) Журн. Министер. Юстиціи 1866 г., № 4.

23-го апрѣля были открыты Замятнинымъ московская судебная палата и окружный судъ, а въ ноябрѣ и декабрѣ 1866 г. открыты 14 провинціальныхъ окружныхъ судовъ. Въ рѣчи, обращенной къ московскимъ мировымъ судьямъ, министръ юстиціи между прочимъ сказалъ: „вамъ, господа, впервые избраннымъ совокупно всѣми сословіями на эту важную должность, предоставленъ обширный кругъ дѣятельности. Вамъ поручены дѣла тѣхъ именно лицъ, которыя наиболѣе нуждаются въ скоромъ и правомъ судѣ. На васъ лежитъ непремѣнная обязанность поставить должность мирового судьи на ту высокую степень значенія, которая предназначена ей закономъ, и сдѣлать изъ него краеугольный камень гласнаго, скораго, праваго и милостиваго суда“.

Въ унисонъ съ своимъ принципаломъ говорили и высшіе члены магистратуры, коимъ приходилось давать первыя указанія органамъ суда. Такъ предсѣдатель департамента московской судебной палаты А. Н. Шаховъ при приводѣ къ присягѣ московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ произнесъ слѣдующую рѣчь: „Господа! палатѣ извѣстно, что окружный судъ при обсужденіи правъ лицъ, изъявившихъ желаніе поступить въ число присяжныхъ повѣренныхъ, былъ строгъ—разумѣется справедливо строгъ. Онъ не только разсматривалъ ваши письменные документы, но принималъ въ соображеніе и свѣдѣнія, указывающія на личныя ваши качества и образъ прежнихъ вашихъ дѣйствій. Иначе и быть не могло, потому что одно формальное удовлетвореніе тѣмъ условіямъ, которыя требуются закономъ для поступленія въ присяжные повѣренные, еще не служитъ ручательствомъ, что избранный въ повѣренные будетъ правдиво и честно охранять интересы своихъ довѣрителей. Будучи включены окружнымъ судомъ въ это сословіе, вы, господа, значитъ, удовлетворили всѣмъ условіямъ—значитъ, вы оказались во всѣхъ отношеніяхъ вполнѣ достойными состоять въ немъ. Приступайте же къ исполненію ожидающихъ васъ нелегкихъ обязанностей и продолжайте ихъ съ честью—и вы заслужите уваженіе отъ правительства и отъ общества, а это есть лучшая награда всякому честному труду“ [1]).

---

[1]) Судеб. Вѣстн. 1866, № 2.

Для характеристики духа того времени не лишено значенія то обстоятельство, что первый предсѣдатель московскаго окружнаго суда Е. Е. Люминарскій не путемъ грозныхъ циркуляровъ, а въ дружеской бесѣдѣ объяснялъ вновь образуемому институту судебныхъ приставовъ ихъ обязанности, стараясь пробудить въ нихъ высокое уваженіе къ принимаемому ими званію. Достойный членъ московской магистратуры, теперь уже сошедшій въ могилу, сказалъ судебнымъ приставамъ слѣдующую рѣчь: „Гг. судебные пристава! Поздравляю васъ съ принятіемъ присяги на новую должность. Надѣюсь, вы оправдаете ожиданіе общества и правительства; на васъ лежитъ священная обязанность не только поддержать, но возбудить упавшее нынѣ довѣріе къ силѣ и власти суда—довѣріе, безъ котораго парализуется и самое отправленіе правосудія. Необходимость скораго и точнаго исполненія рѣшеній постоянно сознавалась нашимъ законодательствомъ: начиная съ 1721 года мы находимъ въ указахъ неоднократныя подтвержденія блюстителямъ правосудія какъ высшимъ, такъ и низшимъ имѣть надзоръ, чтобы дѣла вершались не только на бумагѣ, но чтобы рѣшенія безостановочно и скоро были приведены въ дѣйствительное исполненіе. Къ сожалѣнію, предписанія закона по сему предмету весьма часто не исполнялись. Приведеніе въ дѣйствіе рѣшенія въ большей части случаевъ возлагалось на полицію, а полиція, обремененная множествомъ разнородныхъ занятій, всегда смотрѣла на приведеніе въ дѣйствіе судебныхъ рѣшеній, какъ на обязанность второстепенную, исполненіе коей можно отложить. Послѣдствія этого вамъ, господа, извѣстны. Рѣшеніе судебныхъ мѣстъ, нерѣдко и правительствующаго сената, исполнялись не недѣли, не мѣсяцы, а цѣлые годы, даже десятки лѣтъ. Выиграть дѣло въ судѣ не значило выиграть его дѣйствительно и получить искомое и присужденное. Цѣлыя состоянія переходили изъ рукъ въ руки, а иногда и совершенно растрачивались отвѣтчикомъ прежде чѣмъ истецъ, выигравшій тяжбу, получалъ удовлетвореніе.

„Для устраненія столь важныхъ злоупотребленій и учрежденъ институтъ судебныхъ приставовъ, къ которому вы имѣете честь принадлежать.

„Господа! Вы клялись честно и добросовѣстно исполнить всѣ обязанности принимаемой на себя должности. Исполните же, господа, вашу клятву. Возстановите довѣріе къ суду и закону, составляющимъ основу государственнаго порядка, безъ которыхъ немыслимо и самое государство. Соединитесь дружно для достиженія высокой цѣли. Пусть всякій убѣдится, что со введеніемъ въ дѣйствіе Уставовъ 1864 года дѣла вершаются не только на бумагѣ, но и исполняются на самомъ дѣлѣ. Пусть не бѣдность страшится богатства, а, напротивъ, богатый, но неисправный должникъ спѣшитъ удовлетворить своего незнатнаго кредитора. Пусть исполнительный листъ въ вашихъ рукахъ будетъ сильнѣе денегъ и связей сильныхъ міра сего. Съ этимъ оружіемъ вамъ некого и нечего бояться. Защитой вашею будетъ судъ и законъ. Поддержите же, господа, значеніе судебныхъ учрежденій и заставьте умолкнуть поклонниковъ старого порядка, съ недовѣріемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ скрытымъ недоброжелательствомъ относящихся къ новому суду“ [1]).

Рѣчи Замятнина произвели превосходное впечатлѣніе. Никогда еще русскіе судьи не выслушивали изъ устъ министра юстиціи такого, исполненнаго силы и достоинства, возванія, въ которомъ такъ рельефно ставилось на видъ, что отнынѣ они должны считать себя свободными отъ начальственнаго давленія и имѣть въ виду только предписаніе закона и велѣнія совѣсти. Одинъ изъ зоиловъ, бывшій въ числѣ слушателей Замятнина, съ худо скрываемою злобой замѣтилъ: „voilà un discours bien dit“, что въ переводѣ означало: „куда вамъ все это осуществить“. Но вся послѣдующая дѣятельность Замятнина доказала, что слова его были не пустоцвѣтомъ оффиціальнаго краснорѣчія, а выраженіемъ строго обдуманной и сознательно усвоенной программы, которой ораторъ намѣревался слѣдовать при осуществленіи на дѣлѣ судебной реформы.

Въ полной самостоятельности суда, независимости адвокатуры отъ администраціи—онъ не видѣлъ нетерпимое проявленіе анархическихъ поползновеній, которыя per fas et nefas должны быть подавляемы, а напротивъ вѣрнѣйшій залогъ

---

[1]) Судеб. Вѣстн. 1866, № 1

нелицепріятнаго правосудія. Въ качествѣ министра юстиціи, Замятнину не разъ приходилось охранять щитомъ судейской независимости судей, не угодившихъ тѣмъ или другимъ высоко, очень высокопоставленнымъ лицамъ. Не только судей, но и представителей прокурорскаго надзора прикрывалъ Замятнинъ своимъ авторитетомъ, коль скоро убѣждался, что неудовольствіе мѣстной власти вызвано тѣмъ, что прокуроры осмѣливались распространять дѣйствія общихъ законовъ на протеже мѣстныхъ властей. Замятнинъ всегда спокойно провѣрялъ всѣ навѣты, и когда оказывалось, что прокуроръ былъ правъ, то, вмѣсто удаленія отъ должности, онъ получалъ повышенія, какъ это случилось съ владимірскимъ прокуроромъ г. Г—мъ и псковскимъ г. Г—мъ, котораго не взлюбилъ и хотѣлъ уволить безъ прошенія псковскій губернаторъ графъ Паленъ. Теперь еще не время поименно исчислять многочисленныя заслуги Замятнина по строгому проведенію начала несмѣняемости тѣмъ болѣе трудному, что чѣмъ выше были задѣтыя несмѣняемостью сферы, тѣмъ властнѣе проявляли желаніе проводить въ жизнь старое крѣпостническое начало: „sic volo, sic jubeo, fiat mea voluntas".

Само собою разумѣется, что во время управленія Замятнина министерствомъ юстиціи отношенія судебной администраціи къ судамъ и адвокатурѣ исполнены были взаимнаго довѣрія, уваженія и предупредительности, благодаря которымъ масса недоумѣній, затрудненій, неизбѣжныхъ во всякомъ новомъ дѣлѣ, а въ особенности въ такомъ трудномъ, какъ первое насажденіе правильно организованнаго и независимаго суда, разрѣшалась успѣшно, быстро и къ обоюдному удовольствію. Даже въ мелочахъ сквозило это благоволеніе министерства юстиціи къ судамъ. Возникъ, напримѣръ, вопросъ объ отношеніяхъ стоящей и сидящей магистратуры, и Замятнинъ, не колеблясь ни минуты, предписалъ прокурорамъ вставать съ мѣстъ при обращеніи къ суду. Замѣчательны мотивы, приведенные въ циркулярѣ: „Для поддержанія во всеобщемъ мнѣніи высокаго значенія, присвоеннаго судебной власти новыми Уставами, — пишетъ Замятнинъ,—необходимо наглядное выраженіе того уваженія, которымъ власть эта должна пользоваться со стороны всѣхъ безъ изъятія лицъ, имѣющихъ къ нему какое-либо отношеніе"

(Циркуляръ министра юстиціи 15 января 1867 года, № 911) [1]).

Новыя формы процесса, примѣнявшіяся съ необыкновеннымъ сознаніемъ собственнаго достоинства и гуманностью, въ связи съ гласностью и почти идеальною скоростью рѣшенія дѣлъ [2]), сдѣлали даже для слѣпыхъ очевидную разницу между старымъ тайнымъ канцелярскимъ порядкомъ безграмотнаго судопроизводства и новымъ гласнымъ судогованіемъ, отправляемымъ образованными коронными юристами или излюбленными мировыми судьями. Новый судъ сразу завладѣлъ общественною симпатіей. Не только въ столицахъ, но и въ глухой провинціи, гдѣ введены были только „Правила 11 октября 1865 года“, съ допущеніемъ нѣкоторыхъ элементовъ новаго судопроизводства, публика ломилась не только на засѣданія интересныхъ уголовныхъ, но и гражданскихъ дѣлъ [3]). Такъ заманчиво было это пріобщеніе, хотя бы въ качествѣ зрителей, къ отправленію правосудія.

Въ Приложеніяхъ приведены отзывы нѣкоторыхъ органовъ печати, а здѣсь достаточно будетъ привести извлеченіе изъ статьи „Московск. Вѣдом.“, посвященной открытію новыхъ судовъ:

„17-го апрѣля открыты въ Петербургѣ наши новыя судебныя установленія; завтра откроются они въ Москвѣ. Немногое изъ того, что совершилось прежде и немногое изъ того, что можетъ намъ обѣщать впереди самый широкій прогрессъ, можетъ сравниться, по важности и значенію, съ этимъ великимъ преобразованіемъ. Одно изъ самыхъ необходимыхъ и самыхъ плодотворныхъ условій цивилизаціи есть правильное судебное устройство, и его впервые получаетъ теперь Россія. Народная жизнь, гдѣ стихія права не имѣетъ надлежащаго развитія, неспособна ни къ какому благоустройству и находится въ состояніи варварства и безсилія; все, чѣмъ только дорожитъ человѣческое общество, предполагаетъ прежде всего идею законности и обезпечивается прежде всего ея развитіемъ и осуществленіемъ въ жизни. Но тѣ

---

[1]) Замѣчательно, что этотъ прекрасный циркуляръ не значится въ Сборникѣ циркуляровъ министер. юстиціи, изданномъ при гр. Паленѣ.

[2]) Юрид. Газета №№ 1, 5.

[3]) Юрид. Газета, кн. VI.—Журн. Мин. Юст. 1866 г., № 5, и 1867 г., № 5.

имѣютъ невѣрное понятіе о законности, кто представляетъ ее себѣ только подъ видомъ формальныхъ правилъ, которыя должны ограничивать иниціативу дѣйствующихъ въ обществѣ силъ. Всѣмъ хорошо извѣстно, какъ мало общаго между законностью, составляющею необходимое условіе общественнаго благоустройства и цивилизаціи, и тѣми формальностями, которыми обставляетъ себя администрація или которымъ она подчиняетъ личную дѣятельность подъ видомъ законности. Обыкновенно бываетъ такъ, что эти административныя формальности ни мало не ограничиваютъ произвола во всѣхъ дурныхъ его проявленіяхъ, и только поражаютъ безсиліемъ людей и отнимаютъ у нихъ свободу дѣйствія, безъ котораго ни въ чемъ невозможенъ успѣхъ и безъ котораго невозможно никакое живое, истинно полезное дѣло. Нѣтъ, законность, *какъ великое общественное благо, какъ необходимое условіе* всякаго благоустройства, какъ обезпеченіе всего лучшаго въ жизни народа, должна быть понимаема не въ смыслѣ формальностей, которыя плодятся только тамъ, гдѣ нѣтъ законности въ ея истинномъ смыслѣ; и наоборотъ, тамъ всѣ стѣсняющія жизнь формальности исчезаютъ одна за другой, гдѣ это начало законности входитъ въ силу и становится дѣйствительностью. Но законность и право становятся дѣйствительностью лишь въ той общественной средѣ, гдѣ есть правильный судъ и гдѣ судъ есть сила независимая и самостоятельная. И вотъ такой-то судъ является теперь у насъ впервые, а съ нимъ впервые водворяется въ нашей политической жизни начало законности и права. Вотъ какому великому дѣлу полагаются теперь основанія, вотъ до чего суждено было дожить намъ, вотъ что предоставляется живущему нынѣ поколѣнію утвердить и ввести въ силу. Только съ точки зрѣнія этого новаго преобразованія раскрывается широко перспектива нашей политической будущности. Съ этимъ преобразованіемъ входитъ въ нашу жизнь совершенно новое начало, которое положитъ явственную грань между прощедшимъ и грядущимъ и которое не замедлитъ отозваться во всемъ... Дѣйствіе его не ограничится только сферой собственно судебныхъ установленій; какъ тонкая стихія, она разольется повсюду и всюду дастъ новый видъ, новую силу, новое значеніе. Среди нашего общества появится новое многочисленное сосло-

віе, котораго до сихъ поръ у насъ не было, сословіе судебное, сословіе людей закона, сословіе юристовъ. Судъ, отправляемый публично и при участіи присяжныхъ, будетъ живой общественной силой, и идея законности и права станетъ могучимъ дѣятелемъ народной жизни. Судъ независимый и самостоятельный, не подлежащій административному контролю, возвыситъ и облагородитъ общественную среду, ибо чрезъ него этотъ характеръ независимости и самостоятельности мало-по-малу сообщится и всѣмъ проявленіямъ общественной жизни. Только благодаря этому нововведенію, то, что называется законной свободой и обезпеченіемъ права, будетъ ужъ не словами, а дѣломъ... Великое преобразованіе!..." (1866, № 86).

Ну, а что судъ присяжныхъ, этотъ перлъ судебной реформы, возбуждающій столько искреннихъ и неискреннихъ опасеній? Даже знаменитый Миттермайеръ, горячо привѣтствовавшій нашу судебную реформу, опасался сильно за судьбу суда присяжныхъ и дѣлалъ слѣдующее доброжелательное предостереженіе: „опираясь на долголѣтія наблюденія постепеннаго развитія уголовныхъ учрежденій,—писалъ онъ,—мы высказываемъ наше желаніе, чтобы правительство, не видя немедленно плодовъ, ожидаемыхъ имъ отъ новыхъ учрежденій, не было бы запугано приверженцами стараго порядка и врагами всякихъ нововведеній и чтобъ оно не переставало преслѣдовать свою цѣль. Мы напоминаемъ ему то интересное явленіе,—продолжалъ ученый процессуалистъ,—что даже въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ эти новыя учрежденія были совершенно неизвѣстны, гдѣ даже образованные люди считали народъ не созрѣвшимъ,—даже такъ чудеснымъ образомъ юристы поняли значеніе новыхъ началъ. Выгоды, доставляемыя ими, высказываются все болѣе и болѣе, а люди, призываемые въ присяжные, оказались, наконецъ, и тамъ способными выполнить свое назначеніе" [1]).

Если опасеніе, высказанное Миттермайеромъ въ первой половинѣ приведенной цитаты, оказалось, какъ мы увидимъ ниже, вполнѣ справедливымъ, то опасеніе касательно достоинствъ русскаго суда присяжныхъ съ первыхъ же шаговъ

---

[1]) Журн. Министер. Юстиціи 1864 г., № 10, стр. 15.

судебной реформы было опровергнуто самымъ блестящимъ образомъ. Всякій воочію видѣлъ, что не только образованный классъ гражданъ, но и „вчерашній рабъ", въ которомъ, казалось, должно было быть вытравлено помѣщичьимъ самосудомъ всякое сознаніе права и правды, въ составѣ суда общественной совѣсти оказываются вполнѣ на высотѣ своего призванія. Судъ присяжныхъ завоевалъ себѣ сочувствіе не только въ публикѣ, но даже въ сферахъ, ему враждебныхъ, и блистательнымъ образомъ подтвердилъ справедливость мнѣнія составителей „Судебныхъ Уставовъ", не допускавшихъ мысли, „чтобы люди гдѣ-либо и когда-либо были приготовлены къ дурному и незрѣлы для хорошаго" [1]).

Но для провѣрки личныхъ впечатлѣній по судебной реформѣ необходимо было дождаться отчета центральнаго вѣдомства, поставленнаго въ возможность дѣлать общія наблюденія и выводы. Отчетъ министерства юстиціи не заставилъ себя долго ждать. Въ мартѣ 1867 года въ „Сѣверной Почтѣ" напечатанъ былъ первый и послѣдній отчетъ Замятнина о дѣятельности новыхъ судовъ. Замятнинъ съ справедливою гордостью и нескрываемымъ удовольствіемъ заявлялъ въ отчетѣ, что великое дѣло насажденія на Руси суда честнаго и независимаго, трудную задачу коего онъ взялъ на себя, увѣнчалось наилучшимъ успѣхомъ. „Съ перваго же приступа мировыхъ судей къ новому дѣлу,—сказано въ отчетѣ Замятнина—простота мироваго разбирательства, допущенная при отправленіи онаго, полная гласность и отсутствіе обременительныхъ формальностей вызвали всеобщее къ мировому институту довѣріе. Въ особенности простой народъ, найдя въ мировомъ судѣ судъ скорый и справедливый для мелкихъ обыденныхъ своихъ интересовъ, не перестаетъ благословлять верховнаго законодателя за дарованіе Россіи суда столь близкаго народу и вполнѣ соотвѣтствующаго его потребностямъ. Довѣріе къ мировымъ судьямъ доказывается въ особенности тѣмъ, что со времени открытія дѣйствій мировыхъ судебныхъ установленій возбуждено громадное число такихъ гражданскихъ исковъ, которые или по своей малоцѣнности, или по неимѣнію у истцовъ формальныхъ доказательствъ, въ прежъ-

[1]) Судебн. Уст., изд. государств канцел. т 3—4, стр XLIII.

нихъ судахъ вовсе не возникали. Равнымъ образомъ принесено мировымъ судьямъ множество жалобъ на такія притѣсненія и обиды, а также на мелкія кражи и мошенничества, которыя прежде обиженные оставляли безъ преслѣдованія“ [1]).

„Дѣятельность общихъ судебныхъ установленій,— писалъ Замятнинъ,—оказалась столь же благотворною, какъ и мировыхъ учрежденій. И здѣсь, по словамъ отчета, глубокое сочувствіе всѣхъ сословій къ судебному преобразованію выразилось въ томъ напряженномъ вниманіи, съ которымъ присутствующая при судебныхъ засѣданіяхъ публика слѣдитъ за ходомъ дѣлъ предъ судомъ. Быстрота рѣшеній дѣлъ, при соблюденіи всѣхъ необходимыхъ формъ судопроизводства, производила какъ на присутствующую публику, такъ и на участвующихъ въ дѣлѣ лицъ поразительное впечатлѣніе. Участіе присяжныхъ засѣдателей вмѣстѣ съ судомъ въ разсмотрѣніи и разрѣшеніи важнѣйшихъ дѣлъ и сопряженная съ симъ торжественность отправленія правосудія возвысили общее уваженіе къ судебнымъ установленіямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сблизили взаимнымъ довѣріемъ лицъ судебнаго вѣдомства со всѣми сословіями [2]).

Особеннаго вниманія заслуживаетъ отзывъ Замятнина о дѣятельности суда присяжныхъ: „присяжные засѣдатели, состоящіе иногда преимущественно изъ крестьянъ (наприм., въ Ямбургѣ изъ 12 засѣдателей было 11 крестьянъ), вполнѣ оправдали возложенныя на нихъ надежды; имъ часто предлагались весьма трудные для разрѣшенія вопросы, надъ которыми обыкновенно затрудняются люди, пріученные опытомъ къ правильному разрѣшенію уголовныхъ дѣлъ, и всѣ эти вопросы, благодаря поразительному вниманію, съ которымъ присяжные засѣдатели вникаютъ въ дѣло, разрѣшались въ наибольшей части случаевъ правильно и удовлетворительно“.

Общій выводъ изъ отчета Замятнина сводится къ слѣдующему: „взаимнымъ содѣйствіемъ судебныхъ мѣстъ и прокурорскаго надзора, а равно и добросовѣстнымъ исполненіемъ присяжными засѣдателями своихъ важныхъ обязанностей— достигалось столь необходимое для отправленія правосудія

---

[1]) См. прекрасную иллюстрацію къ этой мысли въ статьѣ В. П. Безобразова, извлеченіе изъ коей приведено въ «Приложеніяхъ».

[2]) Журналъ Министерства Юстиціи 1867 г., № 2.

единство, при чемъ немаловажнымъ пособіемъ служило то единодушіе, съ которымъ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ относилось къ дѣйствіямъ судей и прокуроровъ“ [1]).

Отчетъ Замятнина произвелъ громадное впечатлѣніе. Самые отчаянные скептики увидѣли, что дѣло, внушавшее столько опасеній, въ искусныхъ рукахъ Замятнина начинаетъ прекрасно прививаться. Печать единодушнымъ восторгомъ привѣтствовала первые итоги судебной реформы, подведенные Замятнинымъ. Мы не приводимъ восторженныхъ отзывовъ газетъ, всегда сочувственно относившихся къ либеральнымъ реформамъ прошлаго царствованія, какъ „Голосъ“, „С.-Петербургскія Вѣдомости“ (прежней редакціи) и др.,—мы сошлемся на газету, которую, кажется, нельзя заподозрить въ чрезмѣрномъ пристрастіи къ либеральнымъ реформамъ и ихъ дѣятелямъ. По поводу опубликованнаго отчета „Моск. Вѣдомости“ говорили слѣдующее: „поистинѣ едва вѣрится, чтобы въ столь короткое время такъ крѣпко и такъ успѣшно принялось дѣло столь великое и столь мало похожее на прежніе наши порядки, начиная съ о с н о в н о й идеи до мельчайшихъ подробностей. То, о чемъ года два тому назадъ можно было только м е ч т а т ь, что возбуждало столько, повидимому справедливыхъ, сомнѣній,—теперь находится въ полномъ дѣйствіи на значительномъ пространствѣ нашего отечества и уже первое полугодіе въ своемъ итогѣ представляетъ столь блистательные результаты. Судъ присяжныхъ, л у ч ш а я г а р а н т і я г р а ж д а н с к о й с в о б о д ы, совершается у насъ воочію и въ немъ принимаютъ участіе крестьяне,—тѣ самые крестьяне, которымъ только шесть лѣтъ тому назадъ дарована свобода, и успѣхъ превосходитъ самыя свѣтлыя ожиданія“.

Приведя то мѣсто изъ отчета Замятнина, гдѣ говорится о мировыхъ судьяхъ, консервативный органъ замѣчаетъ: „вотъ до какой степени вѣрно высказанное не разъ мнѣніе, что наша судебная реформа, есть не столько реформа, сколько с о з д а н і е судебной власти“. Статью свою „Московскія Вѣдомости“ заключаютъ слѣдующими словами: „ч е с т ь и с л а в а правительственному вѣдомству, которое такъ дѣятельно и вѣрно приводитъ въ исполненіе зиждительную мысль Преобразова-

---

[1]) Тамъ же, стр 144

теля, оберегая ее отъ явнаго и тайнаго недоброжелательства партій, неохотно входящихъ въ условія новаго гражданскаго порядка. Исторія не забудетъ ни одного изъ именъ, связанныхъ съ этимъ великимъ дѣломъ гражданскаго обновленія Россіи" [1]).

Мы не затѣмъ привели эту длинную цитату, чтобы бросить укоризну нынѣ первенствующему реакціонному органу печати, такъ своеобразно выполняющему на нашихъ глазахъ обѣщаніе, данное именемъ исторіи, и договорившемуся до необходимости уничтожить судейскую несмѣняемость [2]), а потому, что лучшей похвалы нельзя было придумать въ честь того „имени", носитель котораго наиболѣе доблестно подвизался надъ созданіемъ въ Россіи первыхъ судовъ, заслуживающихъ этого названія.

Все, что было приведено выше, показываетъ, съ какимъ искреннимъ сочувствіемъ встрѣтили образованное общество и народъ первые шаги судебной реформы. Ошибочно было бы думать, что интересъ публики и печати вызывался только новизною публичнаго судоговоренія, или серьезною торжественностью судебныхъ засѣданій, или улучшеніемъ технической стороны судопроизводства. О, нѣтъ,—тутъ дѣйствовали болѣе важные мотивы! Слишкомъ обидное, но, увы, глубоко коренившееся въ нашихъ законахъ и нравахъ утвержденіе Карамзина [3]), что у русскихъ гражданъ, какъ таковыхъ, не бывало никогда и нѣтъ никакихъ „общегражданскихъ правъ", получило съ введеніемъ „Судебныхъ Уставовъ" въ дѣйствіе наглядное и торжественное опроверженіе. На новомъ судѣ русскій гражданинъ впервые узналъ, что онъ не безправый объектъ, обязанный служить матеріаломъ для начальственныхъ манипуляцій, а правоспособный субъектъ, обладающій правами. Имущество, личность, честь и свобода гражданина изъ „случайнаго" дара, находившагося дотолѣ въ безотчетномъ распоряженіи предержащихъ властей, превратились въ

---

[1]) Московскія Вѣдомости отъ 28 марта 1867 года, № 69

[2]) Превосходныя статьи этой газеты, съ большимъ талантомъ и значіемъ дѣла отстаивающія начало несмѣняемости и полный независимости судей отъ администраціи, читатели найдутъ въ Приложеніяхъ

[3]) Баронъ Корфъ. «Жизнь Сперанскаго» С.-П-Б. 1861, стр. 162.

реальныя блага, поставленныя подъ надежную охрану просвѣщенной и несмѣняемой магистратуры. Личность гражданина, даже преступившаго законъ, поставлена подъ охрану закона и ограждена отъ произвольныхъ дѣйствій. Въ подсудимомъ стало уважаться его человѣческое достоинство, безъ всякаго отношенія къ его общественному положенію. Если новое законодательство относилось съ уваженіемъ къ личности даже павшаго гражданина, то тѣмъ паче должно было возвыситься уваженіемъ къ правамъ гражданъ вообще. Очевидное доказательство такого уваженія было тутъ же налицо на судѣ. Двѣнадцать простыхъ гражданъ, взятыхъ, такъ-сказать, прямо съ улицы или отъ сохи и рабочаго стола, исключительно во вниманіе къ ихъ гражданской добропорядочности, облечены громадною властью творить судъ по совѣсти. *Предъ этимъ приговоромъ общественной совѣсти склоняютъ* съ уваженіемъ голову не только подсудимые, но и представители обвинительной власти, и самъ судъ. Это былъ апотеозъ гражданскаго достоинства, дотолѣ совершенно попраннаго. Это была первая школа для политическаго воспитанія народа. Это былъ ясный для всѣхъ и безповоротный приговоръ надъ бюрократическою системой: все для народа, ничего съ помощью народа. Для всѣхъ было ясно, что наступила новая эра общественной жизни Россіи, что новый порядокъ вещей долженъ произвести переворотъ въ умоначертаніи народа и отношеніяхъ его къ властямъ.

Высшая судебная администрація въ лицѣ Д. Н. Замятнина хорошо понимала всю бытовую и политическую важность насажденія независимой судебной корпораціи и передачи обществу функцій уголовной репрессіи. Правительство рѣшилось однако и на этотъ смѣлый по либерализму шагъ, увѣнчавшійся блистательнымъ успѣхомъ. Не даромъ учитъ исторія, эта наставница народовъ, что только либеральное и сильное правительство „можетъ быть безнаказанно либеральнымъ“.

ГЛАВА VII

Первые шаги новаго суда.

At nunc narraturo mihi vitam befuncti hominis venia opus fuit quam non petissem incusaturus tam saeva et infesta virutibus tempora.

Tacitus.

Только люди очень близорукіе считаютъ нелиберальныя правительства сильными, думаютъ, что эту силу они пріобрѣли вслѣдствіе нелиберальныхъ мѣръ. Давить и душить—очень легкое дѣло,—особенной силы здѣсь не требуется. Дайте волю слабому ребенку, и сколько хорошихъ вещей онъ перепортитъ, перебьетъ, переломаетъ!

С. Соловьевъ.

Казалось бы, что дѣло введенія въ дѣйствіе „Судебныхъ Уставовъ", столь счастливо начатое Замятнинымъ, не могло быть вырвано изъ его опытныхъ и доброжелательныхъ рукъ, въ которыхъ заключался вѣрнѣйшій залогъ дальнѣйшаго успѣшнаго продолженія судебной реформы. И дѣйствительно, уже 10-го января 1867 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о введеніи судебной реформы въ округѣ харьковской судебной палаты. При такомъ ходѣ дѣла осуществленіе первоначальнаго предположенія о введеніи реформы до 1870 года во всѣхъ губерніяхъ, управляемыхъ по общему губернскому учрежденію, и въ Бессарабской области казалось близкимъ къ исполненію. Но эта-то преданность судебной реформѣ и стремленіе возможно скоро осуществить ее повсемѣстно и дѣлали дѣятельность Замятнина непріятною и даже ненавистною для партіи, враждебной реформамъ. Она не дремала, старалась собирать всѣ вздорные толки и пересуды о мнимыхъ или дѣйствительныхъ промахахъ новыхъ судовъ, чтобы представить дѣятельность ихъ въ непривлекательномъ свѣтѣ.

Суды отвергли обвиненія, воздвигаемыя полиціей мысли по дѣламъ печати, и вмѣсто того, чтобы винить возбудителей неосновательнаго обвиненія, порицали суды за то, что они точно примѣняли законъ и усматривали въ дѣйствіяхъ суда желаніе подорвать авторитетъ власти. Вслѣдствіе небрежнаго управленія государственными имуществами, частныя лица захватывали земли и впослѣдствіи на судѣ выигрывали дѣло, а судей, точно примѣнявшихъ законъ, обвиняли въ томъ, что они причиняютъ ущербъ казнѣ. Съ высокопоставленныхъ неоплатныхъ должниковъ исполнительные органы суда, не взирая на лица, требовали удовлетворенія по исполнительнымъ листамъ—и на новый судъ сыпались новыя нападки въ демократической тенденціозности, невниманіи къ заслугамъ, орденамъ и пр. Извѣстное дѣло Протопопова, обвиняемаго въ оскорбленіи дѣйствіемъ начальника и признаннаго присяжными дѣйствовавшимъ въ состояніи умоизступленія, послужило поводомъ для новыхъ яростныхъ нападокъ на судъ присяжныхъ. Мировые судьи, вѣрные своему призванію, чинили судъ равный для всѣхъ, не мирволя дворянамъ, и это служило новымъ поводомъ для нареканій на новыя судебныя учрежденія. Напрасно самые благонадежные люди заявляли, что „недобросовѣстно хвататься за каждый промахъ новаго суда, къ тому же иногда мнимый и на этомъ основаніи произносить неблагопріятные приговоры о цѣломъ учрежденіи" („М. В." 1866 г., № 263 [1]). Вліятельными врагами судебной реформы всѣ подобные факты старательно собирались, нанизывались другъ на друга, раздувались и выставлялись какъ доказательство вреднаго—либеральнаго, революціоннаго (да, употреблено было именно это слово)—направленія новыхъ судовъ.

Отъ Замятнина требовали принятія „мѣръ" противъ судей честно и мужественно исполнявшихъ свою обязанность и не прислушивавшихся къ властнымъ стороннимъ внушеніямъ, требовали прямой или замаскированной отмѣны судейской несмѣняемости, но на всѣ эти требованія онъ, конечно, отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ. Въ замѣнъ ожидаемыхъ проектовъ объ уничтоженіи судейской несмѣняемости и о назначеніи

---

[1]) См. извлеченіе изъ этой статьи въ „Приложеніяхъ".

правительствомъ мировыхъ судей на вакансіи, открывавшіяся до конца срока выборовъ, которыхъ отъ него требовали и ожидали враги реформъ, Замятнинъ внесъ въ государственный совѣтъ вполнѣ согласное съ духомъ „Судебныхъ Уставовъ“ представленіе, коимъ предлагалось предоставить земскимъ собраніямъ и городскимъ думамъ, въ случаѣ открытія до срока вакансіи на должность мировыхъ судей, производить новые дополнительные выборы. Представленіе прошло въ государственномъ совѣтѣ, мнѣніе котораго Высочайше утверждено было 27-го марта 1867 года. 12 апрѣля Замятнинъ циркулярно оповѣстилъ объ этомъ новомъ и торжественномъ подтвержденіи выборнаго начала мирового института предсѣдателей мировыхъ съѣздовъ. Этотъ циркуляръ, достойно завершавшій министерскую карьеру Замятнина, сдѣлался его лебединою пѣснью. Дни его министерства уже были сочтены.

Враги судебной реформы вели свою игру довольно искусно. Сначала отрѣзана была у Замятнина, такъ-сказать, его правая рука—уволенъ въ отставку его достойный и неутомимый сотрудникъ-товарищъ Н. И. Стояновскій. На мѣсто его былъ назначенъ, помимо избранія самого министра, бывшій псковскій губернаторъ графъ фонъ-деръ-Паленъ. Для того, чтобы подъ благовиднымъ предлогомъ заставить Замятнина отойти отъ любимаго дѣла, придумали соединить званія главноуправляющаго II отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи и министерствомъ юстиціи. Зная добросовѣстность Замятнина, разсчитывали на то, что онъ не возьмется за эти двѣ многотрудныя должности, бывшія ему не подъ силу. Разсчеты оказались вѣрными. Замятнинъ отказался принять эти двѣ должности и подалъ въ отставку. Ровно черезъ годъ по открытіи новыхъ судебныхъ учрежденій, 16-го апрѣля 1867 года, покинулъ онъ министерскій постъ, напутствуемый сожалѣніями всего судебнаго вѣдомства и прогрессивной части русскаго общества. Замятнинъ, покидая свой постъ, могъ съ гордостью сказать, что онъ передалъ своему преемнику великій законодательный памятникъ 20-го ноября 1864 года безъ малѣйшаго изъяна, въ томъ самомъ видѣ, какъ онъ вышелъ изъ рукъ его творца.

Постъ министра юстиціи временно занялъ князь Урусовъ, главноуправляющій II отдѣленіемъ Его Императорскаго Вели-

чества канцеляріи. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ эти двѣ должности были снова раздѣлены, и графъ Паленъ вступилъ въ управленіе министерствомъ юстиціи. Кто не помнитъ этого времени, такъ внезапно наступившаго послѣ медоваго мѣсяца судебной реформы! Графъ Паленъ, бывшій вице-директоромъ департамента полиціи исполнительной, человѣкъ совершенно чуждый судебному вѣдомству, кружку славныхъ дѣятелей судебной реформы и относившійся враждебно къ либеральнымъ основаніямъ ея, долженъ былъ замѣнить Замятнина!?

Призванный къ власти въ томъ предположеніи, что онъ сумѣетъ подчинить дѣятельность новыхъ судовъ административно-полицейскимъ цѣлямъ [1]), новый министръ юстиціи старался оправдать возложенныя на него надежды. Судъ общественной совѣсти, несмѣняемая магистратура, мировой институтъ, независимая адвокатура,—однимъ словомъ, все, что заявляло претензію жить въ духѣ „Судебныхъ Уставовъ", т.-е. дѣйствовать согласно предписанію закона и внушенія совѣсти, а не по мановенію начальническаго перста,—все это было взято въ сильное подозрѣніе и держалось въ черномъ тѣлѣ. Одинъ только непосредственно подчиненный министерству юстиціи прокурорскій надзоръ, содержимый въ духѣ спасительной дисциплины, пользовался благоволеніемъ новаго министра и представлялъ единственно благонадежные кадры для пополненія судебнаго персонала. Насколько все это мало согласовалось съ духомъ и буквою „Судебныхъ Уставовъ", объ этомъ и не думали. Словно въ непріятельской странѣ, старались то при помощи военныхъ хитростей подкопаться подъ основанія начала судебной реформы, то открытою силой нападали на эти первые проблески правильно устроеннаго общежитія.

Странная иногда бываетъ игра судьбы! И безъ того свѣтлая и симпатичная личность Замятнина на своей исторической чредѣ точно нарочно была поставлена между графами Паниннымъ и Паленомъ—какъ бы для того, чтобы на этомъ фонѣ она получила еще болѣе блестящее освѣщеніе!

Замятнинъ ушелъ отъ своего любимаго дѣла съ горечью, но безъ озлобленія. Онъ понялъ, что подули противные про-

---

[1]) Ср. въ „Приложеніяхъ" извлеченія изъ Моск. Вѣд. №№ 156 и 198.

грессу вѣтры, но они не пошатнули его убѣжденій. Въ то время, какъ малодушные пошли по теченію, Замятнинъ и другіе истинные друзья прогресса остались вѣрными либеральнымъ принципамъ. Изъ жизненнаго опыта они еще болѣе убѣдились въ справедливости началъ, положенныхъ въ основаніе „Судебныхъ Уставовъ“. Уваженіе къ этимъ началамъ, возрастая по мѣрѣ того, какъ ополчалась на нихъ реакція, перешло въ настоящій религіозный культъ, какъ бы оправдывая извѣстный стихъ Виктора Гюго:

Quand l'impie a porté l'outrage au sanctuaire,
Tout fuir le temple en deuil de splendeur depouillé,
Mais le prêtre fidèle, a génoux sur la pierre
Prodigue plus d'encens, repand plus de lumière,
Courbe plus bas son front devant l'autel souillé.

Чтя судебную реформу какъ святыню, Замятнинъ въ государственномъ совѣтѣ въ теченіе 11 лѣтъ держалъ „упрямую оппозицію“ реакціоннымъ проектамъ графа Палена, вносимымъ подъ благовиднымъ предлогомъ „улучшенія Судебныхъ Уставовъ по указаніямъ опыта“. Энергіи и трудамъ Замятнина и его товарищей русское общество обязано тѣмъ, что „Судебные Уставы“, этотъ палладіумъ русской гражданственности, не были вовсе обезображены стараніями необузданной реакціи.

Уже семидесятилѣтнимъ старцемъ Замятнинъ еще разъ сослужилъ великую службу своей родинѣ, отстоявъ въ 1878 г. принципы новаго судоустройства отъ яростнаго нападенія реакціонной партіи. Графъ Паленъ внесъ въ государственный совѣтъ рядъ проектовъ, имѣвшихъ цѣлью почти полное упраздненіе суда присяжныхъ, уничтоженіе независимости присяжной адвокатуры и проч. Замятнинъ, всегда спокойный, на этотъ разъ сильно волновался предъ засѣданіемъ государственнаго совѣта, чуя, какой опасности подвергаются краеугольные камни новаго суда. При содѣйствіи опытныхъ судебныхъ дѣятелей была составлена Замятнинымъ обстоятельная записка, направленная противъ проектовъ графа Палена. Воззваніе ветерана судебной реформы не осталось гласомъ въ пустынѣ вопіющимъ. Изъ проектовъ графа Палена былъ принятъ одинъ о частичномъ измѣненіи подсудности суда присяжныхъ.

ставшій извѣстнымъ подъ именемъ „закона 9-го мая" и недавно отмѣненный въ значительной части.

Вдали отъ любимаго дѣла Замятнинъ имѣлъ на закатѣ дней своихъ великую минуту утѣшенія. Это было въ 1873 г., когда онъ праздновалъ свой пятидесятилѣтній служебный юбилей. На этотъ праздникъ Замятнина единодушно откликнулся весь русскій судебный міръ, съ которымъ онъ и послѣ своей отставки поддерживалъ самыя теплыя отношенія, радуясь успѣхамъ лучшихъ дѣятелей его. Въ юбилейный день 4-го сентября вся многочисленная и широко разбросанная судебная семья, какъ одинъ человѣкъ, привѣтствовала своего незабвеннаго вдохновителя и перваго руководителя. Болѣе 30 телеграфическихъ привѣтствій получилъ Замятнинъ отъ разныхъ судебныхъ учрежденій, въ томъ числѣ даже изъ такой уѣздной глуши, какъ Зарѣчье, Горбатовъ, Спасскъ, Кинешма, Мелитополь. Въ адресѣ, привезенномъ старшимъ предсѣдателемъ московской судебной палаты, сенаторомъ А. Н. Шаховымъ, чины московскихъ судебныхъ установленій между прочимъ писали: „Вспоминая о неустанной заботливости вашей, съ которою вы старались устранить всѣ препятствія къ скорѣйшему введенію гласнаго судопроизводства, о томъ вниманіи, съ коимъ вы относились къ разрѣшенію всѣхъ возникавшихъ недоразумѣній и вопросовъ, а равно о снисходительности вашей къ ошибкамъ, неизбѣжнымъ въ новомъ дѣлѣ, чины московской судебной палаты и окружнаго суда считаютъ долгомъ выразить предъ вами чувства истинной высокой признательности за все сдѣланное вами на пользу новыхъ судебныхъ учрежденій... Да поможетъ намъ Богъ, руководясь вашимъ примѣромъ, содѣлаться достойными исполнителями воли Монарха-Преобразователя—творить судъ скорый, правый и милостивый" [1]).

Чины петербургскихъ судебныхъ установленій, бывшіе ближайшими свидѣтелями благотворной дѣятельности Замятнина по судебной реформѣ, ознаменовали юбилей Замятнина основаніемъ въ петербургской земледѣльческой колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ, въ учрежденіи которой онъ принималъ весьма близкое участіе, домика имени юбиляра. Предполагалось также въ зданіи судебныхъ установленій, служа-

[1]) С.-Петербургскія Вѣдомости отъ 5-го сентября 1873 г.

щемъ монументальнымъ свидѣтельствомъ неусыпныхъ трудовъ Замятнина по учрежденію новыхъ судовъ, поставить бюстъ его, но предположеніе это было оставлено по такъ-называемымъ „независящимъ обстоятельствамъ“. Теперь, когда рѣшено соорудить въ зданіи петербургскихъ судебныхъ установленій статую покойнаго Государя, не своевременно ли было бы, къ приближающемуся двадцатилѣтію открытія новыхъ судовъ, выполнить оставленное предположеніе о сооруженіи бюста Замятнина и сохранить для потомства славную память о незабвенномъ сподвижникѣ Царя-Преобразователя, такъ много и честно поработавшемъ для осуществленія судебной реформы.

Послѣднимъ утѣшеніемъ для Замятнина должно было быть сознаніе, что подвигъ его жизни — служеніе либеральнымъ основамъ реформъ прошлаго царствованія—пропалъ не даромъ, что положеніе новыхъ учрежденій въ 1881 г. какъ будто нѣсколько окрѣпло. Какъ извѣстно, всѣ реформы прошлаго царствованія при введеніи въ дѣйствіе были сильно урѣзаны, ограничены врагами реформъ. Не видя всѣхъ ожидаемыхъ плодовъ отъ реформъ, удивлялись, отчего это происходитъ. Между тѣмъ наши реформы находились въ положеніи той птички, о которой Державинъ писалъ:

Поймали птичку голосисту
И ну сжимать ее рукой...
Пищитъ бѣдняжка вмѣсто свисту,
А ей твердятъ все: пой, да пой!...

Причину неудачъ нашихъ реформъ въ рефератѣ, доложенномъ въ С.-Петербургскомъ юридическомъ обществѣ, В. Д. Спасовичъ на своемъ образномъ языкѣ пояснилъ такъ: „общественная жизнь похожа на почву болотистую и тряскую; какое бы великолѣпное зданіе ни было возведено, оно уходитъ въ эту почву понемногу и незамѣтнымъ образомъ; оно засасывается почвою, пока въ своемъ процессѣ пониженія оно своимъ фундаментомъ не дойдетъ до совершенно твердаго грунта“ [1]).

Но оставимъ эту жгучую до боли тему:

Infandum jubes renovare dolorem...

[1]) Ж. Гр. и Уг. Права 1883 г., № 3.

Какъ бы то ни было, въ послѣдній годъ своей жизни Замятнинъ долженъ былъ видѣть, что, повидимому, становится для всѣхъ ясною причина неудачъ произведенныхъ реформъ. Само правительство заявило въ 1881 году торжественно *о необходимости водворить „правду“ въ этихъ реформахъ*, т.-е. прилагать ихъ къ жизни въ духѣ началъ, положенныхъ въ ихъ основаніе. Въ отношеніи судебнаго дѣла это значило возвращеніе къ той политикѣ, которая господствовала въ министерствѣ юстиціи при Замятнинѣ,—иными словами, примѣненіе „Судебныхъ Уставовъ“ съ точнымъ сохраненіемъ ихъ основныхъ принциповъ. Это, хотя и запоздалое, признаніе великаго значенія судебной реформы, послѣ цѣлаго ряда лѣтъ блужданія и посягательствъ на нее, должно было служить истиннымъ утѣшеніемъ для такого убѣжденнаго защитника этой реформы, какимъ былъ Замятнинъ...

Храня свято завѣтъ своего великаго товарища по школѣ, Замятнинъ не измѣнялъ „плѣнительной привычкѣ“ и аккуратно являлся „на пиръ любви, на сладостное вѣче“ лицейской годовщины. Среди своихъ товарищей, окруженный почетомъ и ласками, провелъ онъ послѣдніе часы своей жизни.

Таковъ былъ завидный конецъ этого честнаго гражданина, безкорыстнаго и гуманнаго дѣятеля, просвѣщеннаго государственнаго мужа и благороднаго человѣка, которому достойнѣйшею эпитафіей былъ бы стихъ поэта:

Сѣйте разумное, доброе вѣчное
Сѣйте,—спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ.

Я кончилъ. Не мнѣ быть судьею, насколько удовлетворительно удалось мнѣ выполнить свою задачу. Пусть не осудятъ лица, близко знавшіе Замятнина, если на этихъ страницахъ не нашли они точное изображеніе незабвенныхъ чертъ ихъ знаменитаго современника. Имъ я скажу: feci quod potui, faciant meliora potentes. А тѣмъ изъ читателей, которые найдутъ, что настоящій бѣглый очеркъ даетъ менѣе рельефное представленіе о Замятнинѣ, нежели то, какое сохранила существующая въ судебномъ мірѣ традиція, моя авторская до-

бросовѣстность велитъ заявить, чтобъ они этотъ недостатокъ отнесли на счетъ автора, а не изображаемой личности. Скажу безъ обиняковъ, что мое авторское самолюбіе было бы вполнѣ удовлетворено, если бы читатель, по прочтеніи настоящаго очерка, могъ сказать: ut desunt vires, tamen laudanda est voluntas... Намѣреніе же это заключалось въ томъ, чтобы въ „наше столь равнодушное къ современникамъ время не пропала безслѣдно память о томъ, какъ высокая и благородная личность одолѣла и обезоружила порокъ, свойственный малымъ и большимъ государствамъ, непризнаніе доблести и зависть“... [1]).

А что сказать о смѣлой попыткѣ изобразить великую эпоху либеральныхъ преобразованій!.. Я могъ только намѣтить величіе этой задачи, не смѣя даже и подойти къ ней. Къ величавой эпопеѣ общественнаго движенія 60-хъ годовъ можно примѣнить слова знаменитаго оратора древности, Демосѳена. Во второй филиппикѣ, говоря объ одной славной эпохѣ изъ исторіи своей родины, онъ замѣчаетъ: „всѣ любятъ разсказывать объ этихъ чудесахъ доблести, но доселѣ они не нашли еще достойнаго повѣствователя; и я долженъ пройти ихъ молчаніемъ и вотъ почему: въ жизни народовъ встрѣчаются такіе великіе моменты, что никакое человѣческое слово не можетъ ихъ точно изобразить“.

---

[1]) Taciti „Vita Agricolae“, I, 1—5.

Приложенія.

I.

17 апрѣля 1866 года „С.-Петербургскія Вѣдомости“ посвятили открытію новыхъ судовъ слѣдующую статью:

«Давно желанное торжество, наконецъ, совершилось; 17 апрѣля открыты новыя судебныя мѣста въ С.-Петербургѣ. Все заставляетъ надѣяться, что результаты не останутся ниже ожиданій, и что они привьются къ нашей почвѣ и пустятъ въ ней прочные и глубокіе корни. Главная роль въ этомъ великомъ дѣлѣ принадлежитъ судьямъ, прокурорамъ и присяжнымъ повѣреннымъ... Судебные Уставы даютъ суду такой просторъ, такую свободу дѣйствій и вмѣстѣ съ тѣмъ столько поддержекъ, побужденій и средствъ для правильнаго производства и рѣшенія дѣлъ, что положеніе судей является въ другомъ, совершенно новомъ свѣтѣ. Кому много дано, отъ того можно многаго и требовать; отвѣтственность судей предъ обществомъ выростаетъ вмѣстѣ съ достоинствомъ законовъ, опредѣляющихъ судоустройство и судопроизводство. Но не останется ли въ силѣ другая отговорка, часто приводимая теперь на разныхъ поприщахъ общественной дѣятельности, — отговорка, заключающаяся въ ссылкѣ на неблагопріятную обстановку, на среду, подавляющую развитіе, на недостатокъ сочувствія и опоры? Безспорно, обстановка дѣйствуетъ на человѣка, но и онъ съ своей стороны можетъ имѣть вліяніе на нее. Это вліяніе становится еще сильнѣе, когда идетъ рѣчь не объ отдѣльномъ лицѣ, а о цѣломъ классѣ, имѣющемъ общія права, общіе интересы. Пускай онъ отстаиваетъ ихъ энергически и твердо; энергія эта отразится рано или поздно и на тѣхъ сферахъ, которыя ее окружаютъ. Отъ новыхъ судебныхъ мѣстъ зависитъ теперь, чтобы равенство всѣхъ предъ закономъ, давно записанное въ нашемъ сводѣ, перешло изъ слова въ дѣло, чтобы защита, оказываемая судомъ, была одинакова

для богатаго и бѣднаго, для вельможи и простолюдина. На пути къ этой цѣли встрѣтятся препятствія и затрудненія, но чѣмъ старательнѣе будетъ устранять ихъ судья, тѣмъ скорѣе онъ найдетъ поддержку въ обществѣ. Разсчитывать исключительно на эту поддержку или уступать, пока она сама не явится сама собою, было бы вѣрнымъ средствомъ предупредить появленіе ея». (1866. № 109).

„Голосъ" въ день открытія новыхъ судовъ въ Петербургѣ привѣтствовалъ судебную реформу въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

...«Не знали многострадальные отцы, дѣды и прадѣды наши такихъ свѣтлыхъ праздниковъ. И дѣйствительно, они, торжествовавшіе дни Полтавы и Кагула, дни изгнанія Наполеона и взятіе Парижа, не торжествовали такихъ побѣдъ. Наполнивъ міръ славою русскаго имени, они, освободители народовъ, жили и умирали посреди гражданской неволи земли своей, освобожденіе которой довелось праздновать только намъ, дѣтямъ и внукамъ ихъ. Но если смерть не расторгаетъ окончательной связи между живущимъ и отжившимъ, то безъ сомнѣнія, бѣдныя кости ихъ въ эти великіе дни мирныхъ побѣдъ и освобожденія радостно трепещутъ въ могилахъ, а успокоенныя души веселятся и ликуютъ съ живыми. Нужно ли напоминать читателямъ, что къ такимъ новымъ свѣтлымъ днямъ, къ такимъ новымъ русскимъ народнымъ праздникамъ принадлежатъ прежде всего дни 19 февраля и 17 апрѣля, дни великихъ побѣдъ не надъ внѣшними врагами, а надъ исконною домашнею нашею губительницею—вѣковою неправдою, дни изгнанія изъ предѣловъ Россіи не иноземныхъ полчищъ, а стародавняго тирана нашего—вѣкового безправія, дни, наконецъ, великіе дни изведенія русскаго народа изъ юридической и земской неволи. Можетъ быть, даже вѣроятно, что при этомъ исходѣ, подобно ветхозавѣтнымъ евреямъ, и мы, отученные горькимъ подневольнымъ прошлымъ отъ свѣтлой, честной и разумной гражданской жизни, со всѣми подобающими ей правами, не вдругъ, не тотчасъ вступимъ въ обѣтованную землю; быть можетъ, даже вѣроятно, что и намъ придется прежде того постранствовать по безплодной пустынѣ ошибокъ и промаховъ. Но что за дѣло? Все-таки, да будетъ благословенъ Моисей, изведшій насъ изъ неволи, пишущій и дающій намъ скрижали новаго завѣта для новой

жизни! Что за дѣло, говоримъ мы, если промахи неизбѣжны въ каждомъ новомъ дѣлѣ! Ошибки другихъ могутъ предостеречь насъ, могутъ послужить намъ спасительными уроками, и путь нашъ чрезъ безплодную пустыню будетъ не дологъ, если мы пойдемъ прямо, не кидаясь изъ стороны въ сторону, и поработаемъ честно на новомъ поприщѣ, надъ новымъ дѣломъ. Пусть, повторяемъ, неизбѣжны на новомъ пути и ошибки и промахи; но и ошибки и промахи будутъ не продолжительны, если мы будемъ ошибаться добросовѣстно, если не поклонимся снова золотому тельцу, котораго такъ долго обожали, не послушаемъ коварныхъ навѣтовъ недруговъ земли русской, подъ какою бы личиной они не являлись, если во всякомъ дѣлѣ и на всякомъ мѣстѣ будемъ крѣпко помнить прежде всего честь, право и пользу русскаго народа и нелицемѣрно исповѣдывать, что въ Россіи нѣтъ и не должно быть не-Россіи. Путь открытъ намъ широкій, довѣрены дѣла великія, и на насъ непосредственно пріявшихъ отъ добраго, глубоко любящаго Россію Государя эти многоцѣнные дары, на насъ, говоримъ мы, падетъ передъ потомствомъ стыдъ и позоръ, если великое въ нашихъ рукахъ сдѣлается малымъ, если мы не съумѣемъ достойно сохранять, поддерживать и развивать его величіе». (1866 г. № 105).

Отзывъ „Вѣстника Европы“ о судебной реформѣ:

«Высочайшая власть, совершившая судебную реформу нынѣшняго года, сдѣлала прочное дѣло, историкомъ котораго останется самъ стоустый народъ, а нашъ годъ въ лѣтописяхъ народной жизни назовется годомъ «откуда есть пошла наша правда». До сихъ поръ мы жили въ противорѣчіи съ извѣстною пословицею нашей народной мудрости: «вѣкъ живи, вѣкъ учись». Мы учились только въ школѣ, а за предѣлами школы, по вступленіи въ жизнь, насъ ничто не учило. Теперь гласный судъ, съ своими несмѣняемыми и не перемѣщаемыми членами, съ своими присяжными, съ устраненіемъ участія въ судѣ административнаго вмѣшательства—сдѣлался настоящею школою народа, гдѣ нравственность преподается не въ однихъ поученіяхъ, но весьма практическимъ и осязательнымъ образомъ для нарушителей правды. Позднѣйшій историкъ будетъ съ любопытствомъ доискиваться въ памяти о насъ нашего времени слѣдовъ того, какъ отнеслось общество къ этой послѣдней реформѣ. Одинокіе возгласы противъ нея послужатъ только къ тому, чтобы еще болѣе освѣтить одно

изъ торжественныхъ событій нашей исторіи и укажутъ на другую истину, а именно, что ни одно преобразованіе не можетъ обойтись безъ того, чтобы не найти противъ себя «художниковъ эфесскихъ, ремесло которыхъ нѣкогда упразднилось съ новымъ ученіемъ, и напрасно они кричатъ: «велика Діана Эфесская». Такіе люди уже успѣли указать на то, что новая судебная корпорація является у насъ «не въ пользу охранительныхъ началъ». Ничего не можетъ быть справедливѣе! но дѣло въ томъ, что какъ мы доскажемъ эту неоконченную мысль. Да, новая судебная корпорація является у насъ не въ пользу охранительныхъ началъ въ томъ смыслѣ, какъ былъ въ пользу этихъ началъ господствовавшій до реформы судебный порядокъ; но за то новая судебная корпорація поможетъ охранительнымъ началамъ раціональнѣе нежели прежняя, оказавшаяся несостоятельною опорою этихъ началъ, откуда явилась и потребность самой реформы.

Первые мѣсяцы существованія новаго судебнаго порядка доказали вмѣстѣ съ тѣмъ, что наше общество не такъ безплодно, какъ на то ссылаются часто, желая доказать, что у насъ реформы преждевременны. Реформа сдѣлана чуть не вчера, а далеко не вчера родились люди, взявшіе на себя съ самоотверженіемъ и охотою тяжкія обязанности судей. Не служитъ ли это доказательствомъ, что такъ-называемое безлюдье бываетъ часто ничто иное, какъ отсутствіе возможности для людей честнаго характера и прямого ума обнаружить свою дѣйствительность? Намъ нерѣдко говорятъ: «вы будьте прежде сыты, а затѣмъ мы дадимъ вамъ ѣсть»; между тѣмъ не замѣчаютъ того, что можно жить въ извѣстныхъ условіяхъ, которыя не дозволяютъ человѣку обнаружить своихъ достоинствъ. Итакъ, судебная реформа прежде всего доказала, что мы не совсѣмъ ужъ безлюдны; если мы сегодня еще не имѣемъ полнаго числа рукъ, то этому удивляться особенно нечего, при юности нашей эры. Но важно не то, чтобы въ настоящую минуту имѣть много людей; несравненно важнѣе вопросъ: есть ли надежда, что сама реформа современемъ сформируетъ орудіе для себя? Именно въ этомъ-то и состоитъ главное ея преимущество, она не втянетъ и порядочнаго человѣка въ общую рутинную колею, какъ-то случалось безпрерывно при прежнемъ порядкѣ вещей; напротивъ, надобно думать, что она будетъ въ состояніи выпрямить и того, кто обнаруживалъ наклонность къ кривизнѣ. Erubuit, salva res est—покраснѣлъ, дѣло спасенное, говоритъ одна древняя пословица, и дѣйствительно, при новомъ судебномъ порядкѣ, не покраснѣвъ, не встревожишься до глубины

своей совѣсти, нельзя нарушить правду. Многіе спѣшатъ указать на два или на три случая практики новыхъ судовъ, вызвавшихъ критику, но забываютъ, что они не подвергали стараго порядка ни малѣйшей критикѣ, да и не могли при его негласности.

Намъ остается жить, чтобы убѣдиться, до какой степени судебная реформа будетъ въ состояніи измѣнить весь нашъ даже экономическій бытъ. Безъ правильнаго суда люди находятся въ безконечномъ военномъ положеніи по отношенію другъ друга. Ничей трудъ не обезпеченъ, кредитъ слабъ, при правѣ сильнаго; слабый не увѣренъ, работаетъ ли онъ на себя. Совершенно мѣняется сцена тамъ, гдѣ есть увѣренность, что насъ охраняетъ ежеминутно невидимая сила, къ которой мы можемъ обратиться, и что мы найдемъ у нея вѣрную защиту. Мы знаемъ, что эта сила недоступна ни ходатайству, ни кошельку, ни внушеніямъ, почему ее и называютъ независимою.

Подчините эту силу какой-нибудь другой силѣ и общество естественно устранитъ свои взоры дальше; а тамъ за предѣлами независимости суда открывается снова прежнее обширное поприще произвола, которому въ людяхъ всегда соотвѣтствуетъ деморализація и война всѣхъ противъ каждаго и каждаго противъ всѣхъ. Нѣтъ возможности подчинить судебную власть власти административной безъ того, чтобы и общество не приняло участія въ этомъ ея подчиненіи, безъ того, чтобы и общество не овладѣло своимъ судьею при помощи средствъ, извѣстныхъ подъ именемъ подкупа, протекціи и т. д. Судья, подчиняемый въ одну сторону, непремѣнно подчинится также и въ другую. Такой моральный порядокъ вещей; если независимость судебной власти можетъ принесть кажущійся ущербъ въ одномъ, то въ безчисленномъ множествѣ случаевъ она будетъ полезна и тѣмъ, которымъ она могла быть непріятна однажды, и наоборотъ, мелкое удовольствіе въ одномъ отдѣльномъ случаѣ поведетъ къ тысячамъ неудобствъ, гораздо болѣе существенныхъ и прискорбныхъ» (1866 г. № 4).

Отзывъ „Русскаго Вѣстника" о судебной реформѣ:

«Изъ всѣхъ великихъ реформъ нынѣшняго царствованія, судебная реформа наиболѣе способна кореннымъ образомъ измѣнить условія нашего народнаго и государственнаго быта; какъ ни рѣшительны и глубоки были государственныя преобразованія, предшествовавшія судебной реформѣ, ей однако принадлежитъ самый об-

ширный кругъ дѣйствій на всѣ наши общественныя отношенія, частныя и оффиціальныя, и вмѣстѣ съ тѣмъ на поднятіе всѣхъ классовъ народонаселенія. Такое всеобщее значеніе судебной реформы несомнѣнно для всякаго, кто знаетъ въ какой степени не было у насъ до сихъ поръ, въ дѣйствительности, судебной власти, и въ какой степени совершеніе реформы ставитъ дѣйствительность на мѣсто призрака, именовавшагося судебною властью.

Реформа вноситъ въ народную жизнь п р а в о какъ живой дѣйствительный фактъ на мѣсто права, существовавшаго лишь какъ мертвая буква закона, какъ смутное понятіе, не исчезавшее, конечно, никогда изъ вѣрованій и понятій народа, но носившееся въ облакахъ, надъ его головами, какъ нѣчто неуловимое, неосязаемое, никогда не воплощавшееся въ настоящее практическое дѣло и потому не подлежавшее никакому положительно разсчету. Отнынѣ право переходитъ у насъ изъ области вѣрованій въ область дѣла, изъ невѣдомаго идеальнаго начала, существованіе котораго, какъ идеи, никто не отрицалъ, но и въ неудобопримѣнимости котораго въ практической жизни никто также не сомнѣвался—превращается въ элементъ разсчета, пригоднаго для всякаго практическаго предпріятія, ибо отнынѣ возникаетъ у насъ сила, способная осуществить эту идею, дать ей во что бы то ни стало жизнь, не взирая ни на какія могущественные интересы въ государствѣ, чуждые праву и иногда г о т о в ы е п о р а б о т и т ь право. На мѣсто судебной сферы, подчиненной дѣйствію всѣхъ этихъ интересовъ, на которые всякому и приходилось иногда болѣе разсчитывать, чѣмъ на свое право, ставится сфера, обязанная въ осуществленіи права руководствоваться только сознаніемъ права и достаточно вооруженная, чтобы оградить отправленіе правосудія отъ всякаго на него посягательства. Громадность нравственныхъ и практическихъ послѣдствій такого переворота, очевидна: онъ способенъ п е р е в о с п и т а т ь мало-по-малу всѣ слои нашего общества.

Изъ всѣхъ проявленій новой судебной власти, мировая наиболѣе глубоко захватываетъ ежедневныя отправленія народнаго быта и наиболѣе способна могущественно и быстро дѣйствовать на измѣненіе понятій въ нашемъ обществѣ. Если судебная реформа вноситъ къ намъ дѣйствительное живое право на мѣсто призрака права, то м и р о в а я в л а с т ь вноситъ право въ такую сферу отношеній нашего общества, гдѣ не существовало и призрака права, даже и понятія о возможности права. Чтобы убѣдиться, какъ мало въ этихъ

словахъ преувеличенія, надо видѣть изумленіе людей, которые въ своемъ самоуправствѣ должны подчиниться приговорамъ мировыхъ судей; надо видѣть то изумленіе — изумленіе, подавляющее своею силою даже раздраженіе, съ которымъ выслушиваютъ эти приговоры господа, прогнавшіе отъ себя служителей, не выдавъ имъ жалованье за полгода службы только потому, что служители имъ не понравились; рабочіе, самовольно ушедшіе съ работъ до срока найма, вопреки письменному контракту, только потому, что цѣна на работы поднялась; пьяницы, никогда не слыхавшіе, чтобы нельзя было валяться или ругаться на улицахъ; мужья, не имѣвшіе никакого понятія, что нельзя избивать до полусмерти своихъ женъ; баринъ, ускакавшій на тройкѣ, даже не оглянувшись на ребенка, раздавленнаго имъ на дорогѣ и т. д. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ *необходимы были прежде всего неимовѣрныя усилія, чтобы люди* всѣхъ званій и состояній поняли, что они вызваны къ мировому суду не для шутки и что приговоръ его можетъ быть приведенъ въ исполненіе. Это истинный переворотъ въ умахъ, и къ тому еще чрезвычайно быстро совершающійся послѣ двухъ строкъ приговоровъ, энергически приведенныхъ въ исполненіе посреди людей, пораженныхъ изумленіемъ, не вѣрящихъ своимъ глазамъ, чтобы покровительство, оказанное ими исправнику, не освобождало ихъ отъ обязанности платить жалованье слугамъ или чтобы дружественныя попойки съ засѣдателемъ полицейскаго управленія не давали имъ права бить не только рабочихъ, но и самихъ полицейскихъ служителей. Изумленіе однако быстро смѣняется другими чувствами, и толпа народа валитъ къ мировымъ судьямъ, вылѣзаютъ на свѣтъ Божій изъ всѣхъ темныхъ закоулковъ и щелей такія дѣла, которыя на памяти людской никогда иначе не рѣшались, какъ кулачнымъ правомъ, а въ самомъ лучшемъ случаѣ терпѣніемъ и забвеніемъ.

Одна изъ величайшихъ заслугъ новыхъ судебныхъ уставовъ, говоритъ далѣе авторъ, заключается въ подчиненіи законному порядку права задержанія и отдачи подъ стражу, — права, которымъ у насъ пользовались въ такихъ огромныхъ размѣрахъ не только публичныя власти, но даже и просто частныя лица, въ силу своихъ могущественныхъ отношеній къ властямъ. Одно изъ самыхъ возвышенныхъ началъ, положенныхъ въ основаніе судебныхъ уставовъ, это то значеніе, которое они придаютъ свободѣ личности и ея ограниченію. Никогда прежде необходимость законныхъ гарантій для лишенія лица права гражданской свободы не высказывалась

у насъ такъ рѣшительно, какъ въ этомъ законодательномъ актѣ. Какія, напримѣръ, благотворныя послѣдствія имѣетъ одно право мѣстнаго судьи, возведенное даже въ обязанность, немедленно освобождать каждаго неправильно лишеннаго свободы. Но желательно, чтобы благія намѣренія законодателя не превратились мало-по-малу (какъ это часто бываетъ, вслѣдствіе невозможности практическаго выполненія) въ мертвую букву, которую придется потомъ воскрешать новыми законодательными актами.

Законодательство наше по отношенію къ мировой власти, таково заключеніе автора, отличается образцовымъ въ своемъ родѣ совершенствомъ не только въ теоретическомъ отношеніи, но и въ чисто практическомъ своемъ примѣненіи; оно обработано съ такою точностью, послѣдовательностью и тщательностью, что не возбуждаетъ при практическомъ своемъ примѣненіи почти никакихъ сомнѣній и недоумѣній. Можно въ связи съ потребностями нашего быта и съ устройствомъ другихъ нашихъ властей оспаривать многія начала, виды и цѣли, положенные законодателемъ въ основаніе мироваго института; но то, что предполагалось въ немъ сдѣлать, сдѣлано съ рѣдкою у насъ послѣдовательностью, обдуманностью и строгостью системы до самыхъ мелкихъ подробностей.

Наше новое судебное законодательство во всей своей совокупности есть законодательный и вмѣстѣ съ тѣмъ у м с т в е н н ы й памятникъ, долженствующій служить въ отдаленномъ потомствѣ величайшею ч е с т ь ю нашего времени. Посреди многихъ начальныхъ движеній нашей эпохи, посреди заблужденій и увлеченій, по необходимости связанныхъ съ ея переходнымъ характеромъ, мы можемъ съ гордостью указывать на этотъ законодательный актъ. Его достоинства, могущія свидѣтельствовать въ пользу цѣлой исторической эпохи, въ особенности выпуклы въ комментаріяхъ къ судебнымъ уставамъ, изданныхъ государственнымъ совѣтомъ; чтеніе этого изданія чрезвычайно успокоительно дѣйствуетъ на умы, встревоженные разными нравственными и умственными явленіями, сопровождающими современное броженіе нашего общества» (1866 г., октябрь, статья В. П. Безобразова).

„М о с к о в с к. Вѣ д.“ въ № 156 посвятили слѣдующую замѣчательную статью разъясненію основнаго смысла новаго судебнаго строя:

«Независимость суда отъ администраціи есть самое существенное условіе правильнаго суда. Безъ полной независимости отъ администраціи, наше новое судоустройство не могло бы имѣть силы, какъ бы ни было оно обставлено и въ какія бы формы ни облеклось. Оно было бы учрежденіемъ безъ всякой будущности, учрежденіемъ мертворожденнымъ. Независимость столько же должна относиться къ дѣйствіямъ судебнымъ, сколько къ судейскому званію. И то и другое равно важно, и новое судоустройство потеряло бы все свое значеніе, если бы судебная власть въ какомъ бы то ни было отношеніи была поставлена въ подчиненное къ административнымъ властямъ отношеніе.

Стоитъ только вникнуть въ основный смыслъ нашего новаго судебнаго устава для того, чтобы уяснить себѣ то важное значеніе, которое онъ придаетъ независимости судебнаго званія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и то направленіе, которое должно быть принято и законодательствомъ, и администраціей по отношенію къ этому новому учрежденію. Все, что можетъ причинить ущербъ достоинству судейскаго званія, ослабить его самостоятельность, стѣснить его независимость или въ какомъ бы то ни было отношеніи унизить его передъ административными властями, было бы покушеніемъ противъ сущности этого великаго преобразованія, было бы ненавистной попыткой парализовать его силу. Обстоятельство само по себѣ незначительное можетъ имѣть крайне вредныя дѣйствія на характеръ и судьбу новаго учрежденія. Новый вступающій въ жизнь порядокъ встрѣчается съ старыми понятіями и навыками, и весьма естественно возникаетъ опасеніе, что онъ будетъ понимаемъ неправильно и что будутъ дѣлаемы разнаго рода покушенія подорвать его силу. Такъ всегда и вездѣ бываетъ; такъ, по всему вѣроятію, будетъ и съ тѣми порядками, которые возникаютъ въ Россіи вслѣдствіе великихъ и всеобъемлющихъ реформъ, долженствующихъ положить ясную черту между проходящимъ и грядущимъ. А потому правительство и общество должны соревновать въ заботахъ о томъ, чтобы сохранилась основная мысль преобразованія и чтобы въ новое судебное устройство не прокралось чего-либо въ ущербъ его достоинству и самостоятельности.

Не было ли бы ущербомъ ихъ независимости и достоинству, если бы, напримѣръ, министру или губернатору предоставлено было право приглашать къ себѣ предсѣдателя судебной палаты или окружнаго суда для объясненія съ нимъ по какимъ-либо подлежа-

щимъ судебному рѣшенію дѣламъ? Не значило ли бы это вовлекать новыя учрежденія въ старую колею? Въ подобныхъ случаяхъ имѣетъ важность и то, что обыкновенно считается не больше какъ этикетомъ. Что знаменовалъ бы подобный этикетъ? Не то ли, что административная власть первенствуетъ предъ судебною въ ея собственномъ вѣдомствѣ? Что значили бы новыя судебныя учрежденія, самостоятельность и достоинство судебной власти въ государствѣ, если бы судья при исполненіи обязанностей своихъ былъ поставленъ въ необходимость являться за наставленіями и указаніями къ министру или даже губернатору, будто подчиненный имъ чиновникъ? Надобно, чтобы чувство своей обязанности поддерживалось у судебныхъ лицъ духомъ, дѣйствующимъ въ собственномъ ихъ вѣдомствѣ, а не указаніями изъ другихъ сферъ, относительно коихъ судъ и судья должны быть совершенно независимы, дабы соотвѣтствовать своему назначенію. (1866 г. № 156).

Черезъ два мѣсяца, 22 сентября, „Московскія Вѣдомости“ снова возвращаются къ вопросу объ основныхъ началахъ судебной реформы и настаиваютъ на неукоснительномъ охраненіи ихъ, т.-е. на полномъ огражденіи судебнаго вѣдомства отъ вліянія администраціи.

«Судебное устройство есть одно изъ самыхъ основныхъ потребностей общества, одно изъ самыхъ коренныхъ условій гражданственности; оно должно стоять, пока стоитъ благоустроенное государство, вмѣстѣ съ нимъ улучшаясь и совершенствуясь. Всякое измѣненіе, направленное не къ худшему, а къ лучшему, можетъ клониться лишь къ тому, чтобы судебное дѣло не менѣе, а болѣе соотвѣтствовало своему назначенію, чтобы судебная власть была не менѣе, а болѣе самостоятельна и независима, и чтобы судъ былъ не менѣе, а болѣе правиленъ и правдивъ.

Пока Россія будетъ процвѣтать, пока дѣла ея будутъ идти къ лучшему, а не къ худшему, начала, вводимыя къ намъ новыми судебными уставами, будутъ въ силѣ и съ основанными на нихъ учрежденіями будетъ навѣки вѣковъ связано имя преобразователя Россіи. Не въ преданіи, не въ разсказѣ историка, но въ живой дѣйствительности увѣковѣчится слава нашей эпохи и отдаленнѣйшіе потомки наши, въ виду этихъ учрежденій, будутъ чувствовать себя

нашими современниками. Къ сожалѣнію, новое дѣло всегда подвергается вопросамъ и сомнѣніямъ.

Все, что есть живаго, мыслящаго, разумѣющаго, не можетъ не быть глубоко затронуто судьбою возникающаго въ наше время новаго порядка вещей на Руси. Не было ли бы грустно, если бъ отмѣна крѣпостного права ограничилась бы только его формою и оставила его сущность? Но было бы не менѣе грустно, если бы новый порядокъ вещей оказался только формою безъ сущности. Чѣмъ важнѣе, чѣмъ шире наши начинанія, тѣмъ менѣе было бы намъ отъ нихъ чести, если бы они ограничились только видомъ. Вотъ почему оскорбителенъ всякій намекъ, клонящійся къ тому, чтобы затемнить сущность новаго порядка вещей и лишить его силы, дающей ему всю эту цѣнность, чтобы изъ каждаго начинающагося дѣла вынуть его душу и оставить щелуху, которая давала бы только сильнѣе чувствовать нищету начинанія. Дѣйствительно ли наше преобразованіе должно выдти на новые пути, чтобы Россія могла держаться достойнымъ образомъ среди другихъ націй, чтобы геній ея народа могъ обнаружить свою силу, оправдать наше прошедшее, оплодотворить наше настоящее? Правда ли это, что это всеоживляющее, всевозбуждающее начало публичности, дающее всему свѣтъ и призывающее всѣхъ къ сознательному участію въ интересахъ своего отечества и къ содѣйствію его государственной пользѣ, — начало, безъ котораго ничто не можетъ правильно и плодотворно развиваться, ничто не можетъ уберечься отъ порчи и гніенія, ничто не можетъ быть обезпечено отъ злоупотребленій и обмановъ; правда ли, что это начало вошло въ нашу жизнь, или это только мерцаніе лишенное сущности, призракъ, готовый исчезнуть? Правда ли, что въ настоящее время положены основы благоустроенной и независимой судебной власти; правда ли, что мы имѣемъ судебныя учрежденія, которыми обезпечиваются законъ и право, и весь народъ привлекается къ дѣятельному участію въ дѣлѣ правосудія? Есть ли это дѣйствительность или все это только фантомъ? Для вида ли только судебная власть признана независимою и самостоятельною или она дѣйствительно поставлена такъ, что для нея обязательны только законъ и правда?

Можетъ ли быть сомнѣніе въ смыслѣ и духѣ совершаемыхъ посреди насъ великихъ преобразованій? Не чувствуемъ ли мы ежедневно ихъ живительную творческую силу? Не испытываемъ ли мы на себѣ эту силу? Въ той ли живемъ мы Россіи, какую знали за

десять лѣтъ предъ симъ? И однакожъ, какъ всякое новое дѣло, наши преобразованія могутъ подвергаться опасностямъ.

«Новые порядки по необходимости должны сталкиваться со старыми порядками, которые существуютъ издавна и господствовали до сихъ поръ исключительно. До сихъ поръ бюрократическая администрація была у насъ все во всемъ. Прежнія судебныя учрежденія были только придаткомъ къ администраціи. Теперь является новое начало, которое, не ограничиваясь судебными учрежденіями, должно оказать свое дѣйствіе повсюду и видоизмѣнить весь строй нашего гражданскаго быта. Сама администрація въ большей или меньшей степени должна усвоить себѣ этотъ новый элементъ и дѣйствовать не такъ, какъ дѣйствовала до сихъ поръ, бывъ единственною и исключительною въ государствѣ силою... Судебная власть не есть собственно власть, даруемая какимъ-либо лицамъ или какому-либо сословію; это льгота, предоставленная цѣлому народу, это право, предоставленное русскому гражданину. Учрежденіемъ независимой и самостоятельной судебной власти возвышается цѣлое общество. Гдѣ есть благоустроенный судъ, тамъ есть право, гдѣ есть права, тамъ есть огражденіе личности, тамъ есть законная свобода. Съ упроченіемъ новаго устройства и съ распространеніемъ его во всѣхъ частяхъ Россіи становится возможнымъ жить въ ней какъ въ странѣ цивилизованной. (1866 г., № 198).

Ссылаясь на положеніе комитета министровъ отъ 22 іюля 1866 г. о пространствѣ и предѣлахъ губернаторской власти, г. министръ юстиціи или генералъ-прокуроръ циркулярно „просилъ" предсѣдателей судебныхъ палатъ и окружныхъ судовъ и „поручалъ" прокурорамъ озаботиться о точномъ соблюденіи какъ ими самими, такъ и подчиненными имъ мѣстами и лицами въ сношеніяхъ съ губернаторами установленнаго законами порядка (ст. 186 и 192 уст. суд. уст.). Генералъ-прокуроръ предлагалъ разъяснить, „что всѣ служащія въ губерніи лица, даже не подчиненныя въ служебномъ отношеніи губернаторамъ, несмотря на сравнительныя ихъ по чину или классу должности старшинство, ни на особый характеръ служебной дѣятельности, иногда совершенно независимой отъ вліянія административной власти, въ случаѣ ихъ вызова или приглашенія губернаторомъ, обязаны непре-

мѣнно подчиняться законнымъ требованіямъ его и оказывать ему должное уваженіе, на которое онъ, какъ представитель высшей въ губерніи власти, имѣетъ неотъемлемое право".

„Московскія Вѣдомости" подвергли циркуляръ министра самому тщательному разбору. Онѣ отнеслись неодобрительно къ тому, что циркуляръ этотъ былъ названъ въ „Судебномъ Вѣстникѣ" предписаніемъ. Имѣя въ виду ст. 186, 254 и 255 учрежден. судебн. установл. естественно было бы полагать, говорила университетская газета, что судебныя мѣста не находятся въ прямомъ подчиненіи министерству юстиціи и что стало-быть оно не можетъ сноситься съ предсѣдателями ихъ предписаніями. Надобно полагать, что циркуляры министра юстиціи къ предсѣдателямъ судебныхъ мѣстъ названы „предписаніемъ" случайно, по недосмотру редакціи „Судебнаго Вѣстника".

Разбирая затѣмъ самое содержаніе циркуляра, „Московскія Вѣдомости" ревниво охраняютъ независимость судебнаго вѣдомства и стараются дать Положенію Комитета Министровъ самое ограничительное толкованіе.

Приведя ст. 186 и 190 учрежд. суд. установ., газета продолжаетъ:

«Итакъ, вотъ тѣ единственныя статьи закона, въ которыхъ установленъ порядокъ, соблюденіе котораго «во всей точности» при сношеніяхъ съ губернаторами вмѣняется въ обязанность судебнымъ мѣстамъ. Тщательно справляясь съ Судебными Уставами, единственнымъ законодательствомъ, которое вызвавъ къ жизни новые суды, служитъ нормой отношеній послѣднихъ ко всѣмъ бывшимъ до него государственнымъ учрежденіямъ, мы не находимъ ни малѣйшаго, хотя бы самаго отдаленнаго указанія на то, въ какихъ случаяхъ могъ бы представиться губернатору поводъ вызвать или пригласить къ себѣ лицъ, принадлежащихъ къ судебному вѣдомству. Сообразаясь съ Судебными Уставами, мы, напримѣръ, никакъ не можемъ вообразить себѣ такой случай, чтобы губернатору представилась надобность, въ видахъ ли интересовъ общаго управленія съ одной стороны, или интересовъ правосудія съ другой, вызвать къ себѣ предсѣдателя мироваго съѣзда или окружнаго суда, находящихся въ уѣздахъ, и чтобы тотъ или другой все въ тѣхъ же интересахъ должны были оставить свои текущія занятія, ѣхать, быть можетъ.

за сотни верстъ, чтобы явиться по зову губернатора. Повторяемъ. Судебные Уставы 20 ноября не содержатъ въ себѣ ни одного указанія на возможность какого-либо соприкосновенія судебныхъ мѣстъ и власти губернатора. Это до такой степени вѣрно, что, сколько намъ извѣстно, во всѣхъ уставахъ, не исключая и позднѣйшихъ прибавленій къ нимъ, слово губернаторъ только упоминается при составленіи списка присяжныхъ. А между тѣмъ нельзя сказать, чтобы Судебные Уставы оставили сколько-нибудь неяснымъ вопросъ о порядкѣ подчиненности судебныхъ мѣстъ (ст. 249 Учр. Суд. Уст.).

Надобно полагать, что права, предоставленныя губернаторамъ по отношенію къ лицамъ судебнаго вѣдомства, какъ сказано въ самомъ Положеніи комитета министровъ «совершенно независящимъ» въ своей служебной дѣятельности отъ ихъ вліянія, нисколько не касаются отправленія правосудія, равно какъ то уваженіе, къ которому при всей независимости своей обязываются лица судебнаго вѣдомства по отношенію къ губернаторамъ, не можетъ состоять въ исполненіи какихъ-либо распоряженій или внушеній въ дѣлахъ правосудія. Не относясь къ судебнымъ должностямъ, Положеніе, о которомъ идетъ рѣчь, поэтому можетъ быть принимаемо только въ самомъ общемъ смыслѣ. Такъ въ высокоторжественные дни служащія лица всѣхъ вѣдомствъ, хотя бы и совершенно не зависящія отъ губернатора, являются къ нему съ поздравленіемъ; также точно предполагается случай, когда губернатору можетъ представиться надобность объясниться съ предсѣдателемъ палаты или окружнаго суда по какому-нибудь дѣлу, не имѣющему прямого отношенія къ ихъ служебнымъ по суду обязанностямъ (ибо дѣла судебныя строго ограждены отъ всякаго вмѣшательства администраціи) и въ такомъ предположеніи губернатору предоставлено право приглашенія къ себѣ, точно также какъ иногда приглашаетъ онъ къ себѣ частныхъ и ни на какой службѣ не состоящихъ лицъ. При этомъ всякій, конечно, пожелаетъ, чтобы съ успѣхами благоустройства не вырастала, а уменьшалась возможность подобныхъ случаевъ». («Моск. Вѣд.» 1866 г., № 240).

Когда изъ лагеря „революціонныхъ консерваторовъ“, какъ называлъ реакціонерную партію Ю. Ѳ. Самаринъ, стали появляться злостные нападки на новые суды по поводу того

или другого промаха, иногда мнимаго, „Московскія Вѣдомости“ горячо заступились за судебную реформу.

«Много разъ приходилось намъ говорить, говорили «Москов. Вѣдом.», о томъ благородномъ сочувствіи, съ которымъ была принята нашимъ обществомъ судебная реформа. Хотя эти отзывы дѣлались нами публично и съ нашей стороны было бы крайне неблагоразумно говорить передъ публикою отъ ея имени то, съ чѣмъ она была бы несогласна, но, къ сожалѣнію, въ періодической печати у насъ до невѣроятной степени распространился обычай безцеремоннаго обращенія съ общественнымъ мнѣніемъ, а потому, судя о другихъ по себѣ иныя газеты могли утверждать, что наши показанія о благодарности публики за судебную реформу голословны. Мы очень рады, что представился случай подтвердить это показаніе непререкаемымъ фактомъ. Сочувствіе общества къ тому или другому учрежденію можетъ выражаться различно. Скептики могутъ находить дешевымъ выраженіе сочувствія, ограничивающееся словеснымъ заявленіемъ, даже если это заявленіе идетъ отъ лицъ, или учрежденій, уполномоченныхъ говорить отъ имени общества. Но и подобному выраженію нѣтъ мѣста, когда сочувствіе выражается денежнымъ пожертвованіемъ и переводится на податные рубли. Всякій скептицизмъ долженъ умолкнуть передъ такимъ фактомъ, напримѣръ, какъ назначеніе добавочнаго расхода на городскія судебныя учрежденія, состоявшееся на-дняхъ въ московской общей думѣ. Подобная щедрость при стѣсненныхъ городскихъ финансахъ получаетъ значеніе непререкаемаго заявленія о пользѣ мировыхъ судебныхъ учрежденій, сознаваемой всѣми обывателями. А между тѣмъ именно мировая часть судебныхъ учрежденій подвергалась и подвергается у насъ наиболѣе злобнымъ нападкамъ со стороны нашихъ консерваторовъ извѣстнаго сорта, сердящихся, повидимому, на судебную реформу, какъ и на другія преобразованія всего болѣе за то, что они идутъ не безъ успѣха. Мировые судьи замѣнили у насъ, главнымъ образомъ, разбирательство, происходившее въ съѣзжихъ домахъ. Кто не помнитъ, что это такое было? Кто будетъ утверждать, что прежнее судебно-полицейское разбирательство, происходившее въ съѣзжихъ домахъ, было способно къ развитію? И наоборотъ, кто не видитъ, что самыя упущенія мировыхъ судей не пропадаютъ даромъ для дѣла, что они становятся предметомъ обсужденія въ мировыхъ съѣздахъ, устроенныхъ корпоративно и слѣдовательно, способныхъ хранить резуль-

тaты пріобрѣтаемой опытности, что они, наконецъ, подлежатъ контролю публики и всяческой критикѣ, какъ устной, такъ и печатной? Теперь всякое ихъ упущеніе выходитъ наружу и всякому доброжелателю и недоброжелателю правосудія на Руси открыта полная возможность слѣдить за дѣйствіями мироваго суда и при первомъ поводѣ подвергать ихъ порицанію, и даже не заслуженному. Было ли что-нибудь подобное прежде, когда господствовала канцелярская тайна? Насколько же добросовѣстно хвататься за каждый промахъ новаго суда, къ тому же иногда мнимый, и на этомъ основаніи произносить неблагопріятные приговоры о цѣломъ учрежденіи?

Главнымъ органомъ злобныхъ нападокъ на мировыхъ судей и вообще на судебныя учрежденія, долженствующія внести законность въ нашу жизнь, сдѣлалась В ѣ с т ь. Какъ ни мало у насъ охоты вступать въ препирательство съ этою газетою, но въ интересахъ дѣла нельзя не упомянуть о ея филиппикахъ противъ Московскаго окружнаго суда...

Думаютъ ли эти безстрастные рыцари до того отуманить своихъ читателей, чтобъ убѣдить ихъ въ преимуществѣ стараго порядка судопроизводства предъ новымъ? Est modus in rebus. Почитая своихъ читателей за стадо Панургово, нельзя все-таки увѣрять ихъ, что въ старыхъ судахъ упущенія не были возможны потому, что все тамъ происходило келейно, подъ сильнымъ вліяніемъ администраціи. Или новое судопроизводство оттого для насъ непригодно, что у насъ нѣтъ людей, достаточно способныхъ для правильнаго его примѣненія? Но развѣ большинство лицъ, входящихъ въ составъ новаго суда, не избираются изъ числа членовъ прежнихъ судебныхъ мѣстъ? Если эти лица дурны здѣсь, то гдѣ же доказательство, что они были хороши тамъ? Людей у насъ мало дѣйствительно, и мы имѣли случай много разъ высказываться противъ излишняго размноженія судебныхъ должностей. Но и по отношенію къ вопросу о людяхъ, различіе между прежними судами и новыми состоитъ именно въ томъ, что прежніе портили людей, а новые исправляютъ ихъ и воспитываютъ. Людей у насъ мало и на нихъ слѣдуетъ скупиться, но съ другой стороны великое учрежденіе тѣмъ и бываетъ велико, что создаетъ людей, способныхъ проводить въ жизнь созданныя имъ начала. Печатная гласность въ судебномъ дѣлѣ есть также залогъ совершенствованія. Никакія частныя упущенія, какъ бы ни были многочисленны на первыхъ порахъ, не должны смущать того, кто искренно заинтересованъ въ дѣлѣ

водворенія у насъ правосудія... Можетъ быть, теперь и не настало время дѣлать какіе-либо общіе выводы насчетъ дѣятельности новыхъ судовъ, въ смыслѣ наблюденій надъ тѣми глубокими перемѣнами, которыя долженъ произвести новый порядокъ надъ всѣми сферами общественнаго быта. Но одно мы считаемъ себя вправѣ сказать: уже и теперь великая реформа вполнѣ оправдала тѣ горячія надежды, которыя на нее возлагались, и лучшее желаніе русскаго патріота состоитъ въ томъ, чтобы изъ этого зданія не было вынимаемо камней... чтобы измѣненія Судебныхъ Уставовъ допускались лишь въ случаѣ очевидной необходимости и при томъ согласовались съ общимъ духомъ новой системы». (1866 г., № 263).

II.

Судебный персоналъ, при коемъ введены были въ дѣйствіе судебные уставы.

Генералъ-прокуроръ, министръ юстиціи—Дмитрій Николаевичъ Замятнинъ.

Товарищъ министра—Николай Ивановичъ Стояновскій.

Кассаціонные департаменты.

Первоприсутствующій въ гражданскомъ кассаціонномъ департаментѣ и общемъ собраніи кассаціонныхъ департаментовъ—Башуцкій.

Первоприсутствующій въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ—Карніолинъ-Пинскій.

Сенаторы гражданскаго кассаціоннаго департамента—Войцеховичъ, Любощинскій, Набоковъ.

Сенаторы уголовнаго кассаціоннаго департамента — Арцимовичъ, Буцковскій, Зубовъ.

Оберъ-прокуроръ уголовнаго департамента—Ковалевскій, гражданскаго—фонъ-Дервизъ.

С.-Петербургская судебная палата.

Старшій предсѣдатель—Гольтгоеръ.

Предсѣдатель департамента—Фришъ.

Члены палаты—кн. Шаховской, Зубаревъ, Ковалевскій, Гойнинген-Гюне, Маркевичъ, Ланге.

Прокуроръ судебной палаты—Чемадуровъ.

Товарищъ прокурора—Тизенгаузенъ.

С.-Петербургскій окружный судъ.

Предсѣдатель—Мотовиловъ.

Товарищи предсѣдателя—Синицынъ, Понафидьинъ, Граве, Книримъ.

Члены суда—Джунковскій, Шаховъ, Сербиновичъ, Грумъ-Гржимайло, Миловецкій, Славянскій, Ильяшенко, Тимофѣевъ, Лерхе, Лихачевъ, Богаевскій.

Прокуроръ суда—Шрейберъ.

Товарищи прокурора—Плецъ, Евреиновъ, Якоби, Андреевъ, Утинъ, Александровъ, Трейтеръ, Виницкій, Каспаровичъ, Стадольскій, Купріяновъ.

Московская судебная палата.

Старшій предсѣдатель—Полѣновъ.

Предсѣдатель департамента—Шаховъ.

Члены палаты—Прейсъ, Поппе, Котляревскій, Ягнъ, Извольскій, Вишняковъ.

Прокуроръ судебной палаты—Ровинскій.

Товарищъ прокурора—Шахматовъ.

Московскій окружный судъ.

Предсѣдатель—*Люминарскій.*

Товарищи предсѣдателя—Арсеньевъ, Лопатинъ, Дейеръ, Синеоковъ-Андреевскій.

Члены суда—Федоренко, Щепкинъ, Сухотинъ, Шестаковъ, Томашевскій, Латышевъ, Пановъ, Лавровъ, Синицкій, Фуксъ, Вицынъ, Сумбулъ.

Прокуроръ суда—Ланге.

Товарищи прокурора—Уманецъ, Писаревъ, Муравьевъ, Кро-

хинъ, Линдротъ, Багратіонъ-Мухранскій, Унгебауеръ, Терновскій, Остроглазовъ, Громницкій, Варѳоломѣевъ, Лещинскій, Крушинскій, Костылевъ, Орловскій.

Мировыя судебныя учрежденія.

I. С.-Петербургскіе столичные мировые судьи: почетные—Владиміръ Лихачевъ, гр. Петръ Шуваловъ, гр. Владиміръ Бобринскій, гр. Алексѣй Бобринскій, гр. Михаилъ Ростовцевъ, Петръ Жуковскій, Андрей Качка, Михаилъ Митковъ, кн. Петръ Трубецкой, Николай ф. Крузе, Михаилъ Ильинъ, Иванъ Неклюдовъ, Геннадій Лермонтовъ; участковые — Александръ Яковлевъ, Александръ Протасьевъ, Михаилъ Козляниновъ, Алексѣй Тиздель, Николай Медвѣдевъ, Петръ Майковъ, Оскаръ Квистъ, Александръ Унковскій, Эдуардъ Редеръ, бар. Александръ Фитингофъ, Владиміръ Болотовъ, Алексѣй Зиновьевъ, Василій Яковлевъ, Павелъ Куликовъ, Александръ Баумгартенъ, Александръ Муравьевъ, Александръ Ольхинъ, Григорій Орловъ, Николай Неклюдовъ, Николай Непорожневъ, Владиміръ Карташевскій, Лазарь Серебряковъ, Сергѣй Алориновъ, Иванъ Галовъ, Александръ Фрейманъ, Дмитрій Гурьевъ, Антонъ Матвѣевъ, Александръ Кранихфельдъ.

II. Московскіе столичные мировые судьи: почетные—Петръ Самаринъ, Константинъ Шильдбахъ, кн. Левъ Гагаринъ, Степанъ Тарасовъ, кн. Александръ Голицынъ, гр. Алексѣй Бобринскій, кн. Михаилъ Голицынъ, Федоръ Мильгаузенъ, Петръ Воейковъ, Василій Бостанджогло, Алексѣй Рябининъ, Григорій Чертковъ, Петръ Дюшенъ, Иванъ Четвериковъ, Андрей Стариковъ, Сергѣй Баршевъ, Аркадій Альфонскій, Геннадій Грудевъ, Михаилъ Бухтѣевъ, Павелъ Петровъ, Александръ Волковъ, Петръ Новиковъ, Николай Игнатьевъ, Петръ Шиловскій, Андрей Бухтѣевъ, Борисъ Нейдгардъ, Илья Позняковъ, Алексѣй Плечко; участковые—Николай Щепкинъ, Федоръ Свѣшниковъ, Яковъ Бояркинъ, Сергѣй Румянцевъ, Александръ Лопухинъ, Михаилъ Багряновскій, Гавріилъ Титовъ, Михаилъ Нероновъ, Николай Скопинъ, Константинъ Черневъ, Петръ Шереметевскій, гр. Михаилъ Ланской, Сергѣй Перфильевъ, Илья Романовъ, Николай Эбернъ, Василій Вердеревскій.

Присяжные повѣренные округа С.-Петербургской судебной палаты.

Петръ Андреевъ, Константинъ Арсеньевъ (членъ совѣта), Витольдъ Баранецкій, Аркадій Брутъ, Робертъ Габерцеттель, Викторъ

Гаевскій (членъ совѣта), Степанъ Демосто, Аполлонъ Евреиновъ, Александръ Знаменовскій, Николай Кладо, Матвѣй Кларкъ, Германъ Конради, Владиміръ Краузольдъ (товарищъ предсѣдателя совѣта), Петръ Лобри, Павелъ Лыжинъ, Алексѣй Остряковъ, Степанъ Петренко, Александръ Петерсъ, Густавъ Принцъ (членъ совѣта), Евгеній Пушкаревъ, Владиміръ Самарскій-Быховецъ (членъ совѣта), Яковъ Серебряный, Дмитрій Стасовъ (предсѣдатель совѣта), Владиміръ Танѣевъ, Александръ Турчаниновъ (членъ совѣта), Николай Тимротъ, Константинъ Хартулари.

Присяжные повѣренные округа Московской судебной палаты.

Алексѣй Имберхъ, Карлъ Рихтеръ (членъ совѣта), Адольфъ Тольхъ, Александръ Петровъ, Григорій Костаревъ, Брониславъ Бениславскій (товарищъ предсѣдателя совѣта), Николай Аристовъ, Яковъ Любимцевъ, Николай Архиповъ, Василій Дубровскій, Александръ Лютеръ, Адамъ Фальковскій, Михаилъ Доброхотовъ (предсѣдатель совѣта), Михаилъ Аристовъ, Михаилъ Энгельгардтъ, Михаилъ Алексѣевъ (членъ совѣта), Владиміръ Федоровъ, Василій Панинъ, Петръ Сцепура-Сердюковъ (членъ совѣта), Владиміръ Муромцевъ, Евстафій Белингъ.

Ярославскій окружный судъ.

Предсѣдатель—Коппе.
Товарищъ предсѣдателя—Наумовъ.
Члены—Гладковъ, Кузьминъ, Шлыковъ, Кантыревъ, Калачевъ.
Прокуроръ—Васильевъ.

Тульскій окружный судъ.

Предсѣдатель—Ягнъ.
Товарищи предсѣдателя—Пановъ, Линковъ.
Члены—Римскій-Корсаковъ, Гавриловъ, Казариновъ, Тѣснинскій, Карпѣка, Степановъ, Аристовъ, Шмелевъ.
Прокуроръ—Фуксъ.

Тверской окружный судъ.

Предсѣдатель—Синицынъ.
Товарищъ предсѣдателя—Лерхе.

Члены — Ратьковъ-Рожновъ, Мышенковъ, Абрамовичъ, Шуйскій, Лебедевъ, Зубцовъ.

Прокуроръ—Стадольскій.

Калужскій окружный судъ.

Предсѣдатель—Синеоковъ-Андреевскій.

Товарищи предсѣдателя—Родзевичъ, Цуриковъ.

Члены—Глассонъ, Голиковъ, Матвѣевъ, Мясоѣдовъ, Крестьяновъ, Розовъ, Патонъ, Драницынъ, Поповъ.

Прокуроръ—Манассейнъ.

Новгородскій окружный судъ.

Предсѣдатель—Ильяшенко.

Товарищъ предсѣдателя—Проскуряковъ.

Члены—Шемякинъ, Еремѣевъ, Племянниковъ, Вирязовъ, Любимовъ, Онопреенко-Шелковый.

Прокуроръ—Раевскій.

Великолуцкій окружный судъ.

Предсѣдатель—Зыбинъ.

Члены—Ансіо, Аслановичъ, Ветлицкій, Гиршау.

Прокуроръ—Андреевъ.

Рыбинскій окружный судъ.

Предсѣдатель—Ковалевскій.

Члены—Домерниковъ, Грацъ, Григорьевъ.

Прокуроръ—Окуловъ.

Устюжскій окружный судъ.

Предсѣдатель—Крейтеръ.

Члены—Гортынскій, Давыденко, Позенъ.

Прокуроръ—Золотницкій.

Бѣлозерскій окружный судъ.

Предсѣдатель—Косаговскій.

Члены—Кирсановъ, Филипченко, Цукановъ.

Прокуроръ—Касперовичъ.

Кашинскій окружный судъ.

Предсѣдатель—Пещуровъ.
Члены—Ергольскій, Ивановъ, Вада.
Прокуроръ—Квачевскій.

Ржевскій окружный судъ.

Предсѣдатель—Тизенгаузенъ.
Члены—Мальчевскій, Штрумъ-де-Штремъ, Фоллендорфъ.
Прокуроръ—Шереметевскій.

Псковскій окружный судъ.

Предсѣдатель—Принтцъ.
Товарищъ предсѣдателя—Постельниковъ.
Члены—Щетинскій, Арцимовичъ, Лего, Пыховичъ, Аккерманъ, Тергукасовъ.
Прокуроръ—Александровъ.

Владимірскій окружный судъ.

Предсѣдатель—Перцовъ.
Товарищи предсѣдателя—Цвѣтковъ, Готманъ.
Члены—Казинъ, Леонтьевъ, Гаугеръ, Стрѣшневъ, фонъ-Бахъ, Кишкинъ, Николаевъ, Батуринъ, Мулловъ.
Прокуроръ—Крахтъ.

Рязанскій окружный судъ.

Предсѣдатель—Коробьинъ.
Товарищи предсѣдателя—Латышевъ, Граве.
Члены—Горяиновъ, Смирновъ, Кунъ, Морозовъ, Ушаковъ, Перепелкинъ, Червинскій, Ржевскій.
Прокуроръ—Деппъ.

III.

Первое публичное засѣданіе С.-Петербургскаго окружнаго суда происходило 26 мая, въ составѣ предсѣдательствующаго члена А. С. Ильяшенко и членовъ А. П. Славянскаго, П. П. Тимоѳѣева, при прокурорѣ суда Н. Н. Шрейберѣ и секретарѣ Д. Е. Рынке-

вичѣ. Разсмотрѣнію подлежало дѣло по иску повѣреннаго гг. Зарудныхъ, присяжнаго повѣреннаго (NB. въ подлинномъ опредѣленіи сказано статскаго совѣтника) Острякова къ издателю «Петербургской Газеты» Ильѣ Арсеньеву, объ убыткахъ 16,000 руб., за нарушеніе договора. Слушалось дѣло по вопросу о подсудности. Отводъ отвѣтчика оставленъ безъ послѣдствій, а требованіе истца объ обезпеченіи иска — безъ удовлетворенія. («Судебный Вѣстникъ» 1866 г., № 3).

30 мая происходило первое судебное засѣданіе С.-Петербургскаго столичнаго мироваго съѣзда въ составѣ предсѣдателя Квиста и мировыхъ судей—Ильина, Лихачева, Карташевскаго, Ольхина, Матвѣева, Куликова, Орлова и Протасьева. Слушалось дѣло по аппеляціонному отзыву жены портного Маріи Шнеде, признанной виновной въ оскорбленіи дѣйствіемъ, проживавшей у нея въ кухаркахъ крестьянки Михайловой. Интересна одна подробность. Мировой судья, разсматривавшій дѣло, пріютилъ у себя потерпѣвшую, такъ какъ послѣдняя заявила, что послѣ обвинительнаго приговора судьи она не рѣшится возвратиться къ хозяйкѣ. Товарищъ прокурора Голубевъ далъ заключеніе объ оставленіи отзыва безъ послѣдствій. Мировой съѣздъ согласился съ заключеніемъ прокурора. («Судебн. Вѣстн.»), 1866 г., № 3).

Первое засѣданіе С.-Петербургскаго окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей происходило 26 іюля. Составъ суда: предсѣдательствующій — Панафидьинъ; члены — Шаховской, Миловецкій, Веселовскій; секретарь—Желеховскій. Обвинялъ товарищъ прокурора Роде, защищалъ присяжный повѣренный Остряковъ. Присяжными засѣдателями были—Христіани (старшина), Калашниковъ, Петровъ, Кондратьевъ, Мышкинъ, Смирновъ, Мердеръ, Мельгуновъ, Горбуновъ, Давыдовъ, Реде и Арсеньевъ. Крестьянинъ Василій Родіоновъ обвинялся въ кражѣ со взломомъ. Подсудимый былъ обвиненъ, но признанъ заслуживающимъ снисхожденія. Судъ приговорилъ подсудимаго къ отдачѣ въ арестантскія роты на 2½ года.

Первое публичное засѣданіе Московскаго окружнаго суда происходило 19 мая, по 3 отдѣленію, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя суда Е. Е. Люминарскаго. Разсматривался вопросъ объ обезпеченіи иска, предъявленнаго присяжнымъ повѣреннымъ М. И. Доброхотовымъ, по довѣренности французской подданной Елизаветы Ботъ на аптекаря Астафія Гринтеля, по условію на

сумму въ 8,500 руб. Стороны не явились. Послѣ доклада дѣла членомъ суда г. Фуксомъ, судьи удалились въ совѣщательную комнату. Возвратившись черезъ полчаса въ сопровожденіи судеи, предсѣдатель провозгласилъ рѣшеніе, коимъ постановляется наложить запрещеніе (sic) на движимое имущество Гринтеля и вызываются (!) стороны для выслушанія настоящаго рѣшенія. («Судебный Вѣстникъ». 1866 г., № 1).

Первое засѣданіе Московскаго окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей происходило 24 августа 1866 года. Слушалось дѣло крестьянина Ивана Тимоѳѣева, обвиняемаго въ кражѣ со взломомъ. Составъ суда: товарищъ предсѣдателя—Д. С. Синеоковъ-Андреевскій, П. М. Щепкинъ, И. Н. Шестаковъ; секретарь—С. В. Щелканъ. Обвинялъ товарищъ прокурора И. М. Остроглазовъ; защищалъ присяжный повѣренный—Б. У. Бениславскій; присяжными засѣдателями были—Виноградовъ (старшина), Демидовъ, Плетневъ, Дьяконовъ, Покровскій, Миндеръ, Андроновъ, Мамоновъ, Гивартовскій, Груздевъ, Филипповъ, Александровъ; запасные—Катуаръ, Ильинъ. Присяжные вынесли обвинительный вердиктъ, давъ подсудимому снисхожденіе. Судъ приговорилъ къ арестантскимъ ротамъ на 2 года и 9 мѣсяцевъ. («Судебный Вѣстникъ». 1866 г., 30 августа).

С. И. Зарудный
и
судебная реформа.

Если законодательныя предположенія вѣрны, то они и благовременны; трудно думать, чтобы люди гдѣ либо и когда-либо были готовы для дурнаго и не зрѣлы для хорошаго.

С. И. Зарудный.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
Глава	I. Первые шаги С. И. Заруднаго на судебномъ поприщѣ	343
Глава	II. Зарудный, какъ дѣлопроизводитель комитета 1882 г. для обсужденія предположенныхъ измѣненій гражданскаго процесса.	352
Глава	III. Вліянія новаго царствованія и вліяніе ихъ на работы гр. Блудова.	360
Глава	IV. Спеціальныя работы С. И. Заруднаго въ 1859 г. по гражданскому процессу	367
Глава	V. Вліянія освобожденіе крестьянъ на Судебную реформу	383
Глава	VI. Развитіе судебной реформы подъ вліяніемъ новыхъ освободительныхъ вліяній. Роль С. И. Заруднаго . .	390
Глава	VII. Вліяніе С. И. Заруднаго на редакцію „Соображеній" Государственной канцеляріи, Монографія С. И. Заруднаго о судѣ присяжныхъ Основныя положенія 29 сентября 1862 г.	403
Глава	VIII. С. И. Зарудный, какъ вдохновитель комиссіи для составленія проекта Судебныхъ Уставовъ.	418
Глава	IX. С. И. Зарудный послѣ изданія Судебныхъ Уставовъ	424
Глава	X. Общая характеристика личности С. И. Заруднаго, .	432

ГЛАВА I.

Первые шаги С. И. Заруднаго на судебномъ поприщѣ.

Да! были личности!.. Не пропадетъ народъ,
Обрѣтшій ихъ во времена крутыя!
Мудреными путями Богъ ведетъ
Тебя, многострадальная Россія!
Попробуй, усумнись въ твоихъ богатыряхъ
Доисторическаго вѣка,
Когда и въ наши дни выносятъ на плечахъ
Все поколѣнье—два-три человѣка!

Некрасовъ.

Sciant, quibus moris est illicita mirari, posse etiam sub malis principibus magnos viros ese obsequimque ac modestiam, si industria ac vigor adsunt, eo laudis excedere, quo plerique per barupta sed in nullum reipublicae usum ambitiosa morte inclaruerunt.

Tacitus.

Большой, высокій кабинетъ, выходящій окнами на глухую набережную Невы. Безпросвѣтное свинцовое небо сдавило своимъ сумрачнымъ низкимъ сводомъ широкую бѣлую равнину, на днѣ которой замерла, подъ пышнымъ глазетовымъ покровомъ, застывшая, окаменѣвшая красавица-Нева.

Въ тщетныхъ усиліяхъ вырваться изъ постылыхъ объятій безконечной сѣверной ночи, дневное свѣтило едва дерзаетъ бросить косой лучъ на городъ, оцѣпѣнѣвшій въ сырой мглѣ отъ недостатка тепла и свѣта. Сквозь четыре большихъ окна четвертаго этажа едва брежжется мутный полусвѣтъ.

Въ кабинетѣ посрединѣ стоитъ большой письменный столъ, заваленный книгами и записками, набросанными нетвердою, дрожащею рукою. По одну сторону стола рядъ полокъ съ комплектомъ семидесяти четырехъ томовъ исторіи судебной реформы, и матеріалы крестьянской реформы, по

другую сторону шкафы со всевозможными законодательными сборниками на всѣхъ европейскихъ языкахъ, съ иностранными авторами, среди которыхъ выдѣляются коллекціи изданій Беккаріи, Данта и другихъ „властителей думъ" обитателя кабинета.

Въ углу на софѣ лежитъ онъ самъ. Это больной, худой старикъ съ энергичнымъ выраженіемъ лица, съ окладистою сѣдою бородою, большимъ выпуклымъ лбомъ, съ умными, добрыми глазами, устремленными на дверь, гдѣ собрался консиліумъ врачей.

— Холодно! сыро!— шепчетъ чуть слышно больной, бросая безнадежный взглядъ на виднѣющееся изъ окна снѣжное море и низкія, сѣрыя облака.

— На югъ бы, согрѣться бы немножко! — вздыхаетъ больной.

Консиліумъ рѣшаетъ отправить больного въ Ниццу. — Поспѣшно снаряжаютъ больного въ путь. — Бросивъ грустный прощальный взглядъ на полки съ томами матеріаловъ судебной реформы, на портреты главныхъ дѣятелей ея, больной покидаетъ кабинетъ, въ которомъ онъ работалъ послѣдніе годы надъ переводомъ Данта.

Продолжителенъ и мучителенъ былъ путь для больного, который выбился изъ послѣднихъ силъ прежде чѣмъ доѣхалъ до мѣста назначенія...

Вотъ уже ласковое провансальское небо; въ вагонъ пахнуло уже теплымъ дыханіемъ благодатнаго юга. Вдали обрисовалась блестящая гладь голубаго моря. Показались цвѣтущія розы, апельсинныя рощи и пальмы, убравшія, какъ бы въ видѣ привѣта больному съ дальняго сѣвера, свои вѣчно зеленые покровы блестящими перлами прозрачныхъ снѣжинокъ. Но ни этого мягкаго теплаго воздуха, ни этого восхитительнаго сочетанія красотъ южной и сѣверной природы, ни этихъ гигантскихъ пальмъ, окаймленныхъ словно горностаемъ, мягкимъ пушистымъ снѣгомъ — не видятъ еще такъ недавно полные силы и блеска, а теперь навсегда потухшіе, глаза...

Больной путникъ скончался въ вагонѣ, не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до Ниццы — 19-го декабря 1887-го г. Чрезъ нѣсколько дней мы уже читали въ газетахъ извѣщеніе о

смерти больного старца. Старецъ этотъ былъ Сергѣй Ивановичъ Зарудный.

Какое произвело впечатлѣніе это извѣщеніе? — Довольно слабое. Печать и общество отозвались довольно слабо, особенно если сравнить отзывы о Зарудномъ съ тѣми крикливыми, раздутыми манифестаціями, въ которыхъ не было недостатка въ послѣднее время, по поводу смерти того или другого общественнаго дѣятеля.

Причина этого равнодушія понятна. Зарудный давно уже былъ забытъ всѣми, рѣшительно всѣми, за исключеніемъ развѣ Московскаго Юридическаго Общества, которое въ 1886 г. оказало единственно доступный ему знакъ своего высшаго уваженія, избравъ его въ свои почетные члены. Большинство же публики давно уже ничего не слышало и не читало объ этомъ выдающемся, но забытомъ государственномъ человѣкѣ, объ этой свѣтлой незапятнанной ни рабскою лестью, ни низменною корыстью нравственной личности, объ этомъ стойкомъ борцѣ за либеральныя и гуманныя идеи!

А между тѣмъ труды его, его плодотворная дѣятельность касалась не только сферы юристовъ-спеціалистовъ, но захватывала самые жизненные интересы общества и даже народныхъ массъ. Онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ двухъ величайшихъ реформахъ, какія когда-либо производились въ этой странѣ — крестьянской и судебной. Если въ первой онъ игралъ важную, но не первенствующую роль, то во второй онъ давалъ тонъ всему дѣлу, въ самую важную ея эпоху.

И если на Руси, въ этой еще столь недавно неправосудной землѣ, въ этой классической странѣ безконечной волокиты и безшабашнаго взяточничества, водворился судъ, соотвѣтствующій своему названію; если на мѣсто права, существовшаго въ видѣ смутной иллюзіи, въ видѣ pium desiderium, возникло понятіе о правѣ, какъ о чемъ-то реальномъ; если вмѣсто прежняго недовѣрія къ суду, отъ котораго народъ ограждалъ себя, какъ отъ нечистой силы, разными заклинаніями, явилась вѣра въ суды, — то всѣми этими благами мы обязаны въ значительной мѣрѣ Зарудному.

Только благодаря его непреклонной энергіи, его изумительному трудолюбію, его умѣнью работать и руководить работами другихъ и стало возможнымъ необыкновенно быст-

рое и удачное составленіе и введеніе въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 года. Почти съ увѣренностью можно сказать, что едва ли основныя начала судебной реформы получили бы столь всестороннее и гармоническое развитіе, если бы не непреклонная энергія этого незабвеннаго, но, увы! весьма скоро забытаго труженика!

Я не борусь представить въ настоящее время полную картину жизни и дѣятельности этого замѣчательнаго человѣка, коему природныя дарованія въ связи съ изумительнымъ трудолюбіемъ обезпечивали выдающуюся роль въ общественной жизни. Переживаемая нами эпоха слишкомъ неблагопріятна для изображенія того чуднаго, но чуждаго для насъ и непонятнаго времени, къ которому относятся важнѣйшіе моменты дѣятельности Заруднаго. Вслѣдствіе этого поневолѣ приходится обращаться къ пріему, который практиковалъ одинъ изъ любимыхъ писателей Заруднаго Беккарія, слишкомъ сто лѣтъ тому назадъ, т.-е., пріему имѣющему цѣлью „застилать свѣтъ облаками“.

Осенью 1842 г. блестящій, образованный молодой запорожецъ-астрономъ пріѣзжаетъ въ Петербургъ, по окончаніи курса математическихъ наукъ въ Харьковскомъ университетѣ, чтобы опредѣлиться на службу въ Пулковскую обсерваторію. Какъ всѣ выдающіеся люди этой эпохи, люди сороковыхъ годовъ, онъ, при хорошемъ запасѣ спеціальныхъ свѣдѣній, имѣлъ и широкое гуманитарное образованіе. Живой южный темпераментъ его, гибкій, подвижной умъ, неистощимый малороссійскій юморъ, веселость и остроуміе въ связи съ многостороннимъ образованіемъ обратили на себя вниманіе въ Петербургѣ.

Благодаря этимъ качествамъ, Заруднаго скоро замѣтили и отмѣтили. Но всѣхъ этихъ качествъ, хотя бы и возведенныхъ въ квадратную степень, было бы недостаточно, чтобы заслужить вниманіе будущаго начальника Заруднаго, — министра юстиціи графа В. Н. Панина.

Чтобы удостоиться его „благосклоннаго“ вниманія, необходимо было принадлежать если не къ кастѣ браминовъ, то, по крайней мѣрѣ, къ кастѣ кшатріевъ, необходимо было, если не обладаніе „сорока квадратами“ спѣсиваго французскаго дворянства, то, по крайней мѣрѣ, занесеніе въ одну изъ пер-

выхъ книгъ герольдіи, т.-е. необходима была принадлежность къ столбовому россійскому дворянству. Такъ какъ данныя генеалогіи и геральдики у Заруднаго оказались въ безупречномъ порядкѣ, то гр. Панинъ рѣшился привлечь въ свой департаментъ даровитаго и родовитаго запорожца.

Безъ малаго 15 лѣтъ Зарудный оставался на службѣ въ департаментѣ министерства юстиціи, занимая разнообразныя должности, начиная отъ должности старшаго помощника столоначальника и кончая старшимъ юрисконсультомъ консультаціи министерства юстиціи. Молодой астрономъ, такъ неожиданно перемѣнившій обсерваціонную башню на департаментскую канцелярію, очень скоро освоился, благодаря своей счастливо одаренной натурѣ, съ новымъ родомъ дѣятельности. Проглотивъ, можно сказать, однимъ духомъ весь убогій багажъ тогдашней русской юриспруденціи, Зарудный началъ знакомиться съ классическими сочиненіями иностранной юридической литературы и, благодаря этому столь же благородному, сколько и богатому источнику знанія, сразу сталъ цѣлою головою выше департаментскихъ авторитетовъ, воспитанныхъ на рутинѣ и буквоѣдствѣ.

Отсутствіе оффиціальнаго юридическаго образованія не только не вредило Зарудному, но скорѣе служило ему на пользу, освободивъ его голову отъ засоренія тѣми циничными доктринами о провиденціальномъ назначеніи кнута и о пролестяхъ инквизиціоннаго судопроизводства, коими щеголяла тогдашняя пресмыкающаяся университетская наука.

Долговременное пребываніе въ министерствѣ юстиціи дало Зарудному возможность ознакомиться, если не съ дѣйствительною жизнью, то хоть съ судебною практикою и процессуальною техникою. Но пребываніе въ школѣ гр. Панина подвергало большой опасности дальнѣйшій умственный и нравственный ростъ молодого юриста. Въ чемъ же была эта опасность?

Трудно представить себѣ большіе контрасты — чѣмъ эти два типичныхъ представителя русской юстиціи и юриспруденціи. Съ одной стороны живой, богатый здоровьемъ и свѣжимъ знаніемъ и энергіею молодой юристъ-астрономъ, поклонникъ Беккаріи и Вольтера, а съ другой застывшій въ своемъ собственномъ самодовольномъ величіи министръ-магнатъ, много

и безъ толку читавшій (въ томъ числѣ и латинскихъ классиковъ въ подлинникѣ), обладавшій массою свѣдѣній, въ безпорядкѣ сложенныхъ въ необъятномъ хранилищѣ его замѣчательной памяти.

Человѣкъ безусловно честный, отмѣнно благонамѣренный, неспособный на сознательно несправедливый поступокъ. развѣ только въ пароксизмѣ самовластнаго раздраженія и упрямства, гр. Панинъ сдѣлался кабинетнымъ дѣльцомъ, отчаяннымъ педантомъ, почти мизантропомъ, избѣгавшимъ общенія съ людьми и дошедшимъ до того, что эквивалентъ семейныхъ радостей, въ отсутствіи семьи, находилъ въ обществѣ попугаевъ, говорящихъ, какъ люди (это фактъ, оглашенный въ Русскомъ Архивѣ) и людей, говорящихъ, какъ попугаи, въ родѣ его знаменитаго директора департамента М. И. Топильскаго.

Бумага — вотъ стихія Панина. Люди жизни, въ родѣ Заруднаго, въ бумагѣ видѣли неизбѣжное зло, неизбѣжную, при нашей государственной организаціи, призму, чрезъ которую, по необходимости, должна преломляться дѣйствительность прежде чѣмъ дойдетъ она до судей. Не такъ смотрѣлъ на бумагу Панинъ. Панинъ видѣлъ въ бумажномъ производствѣ не столько неизбѣжное зло, неудобное „средостѣніе“, сколько желательную фильтрующую среду, чрезъ которую буйные потоки безпорядочной дѣйствительности должны осаждаться и очищаться (подобно тому какъ очищаются дикія воды глетчеровъ въ альпійскихъ озерахъ), чтобы потомъ предстать въ такомъ безстрастномъ, упорядоченномъ, облагороженномъ видѣ на благоусмотрѣніе дремлющихъ судей.

Не мудрено, что подобнаго человѣка всякая живая волна дѣйствительности смущала, всякое новшество пугало, а всякая мысль о серьезной, коренной реформѣ почти возмущала. Реформа предполагаетъ недовольство настоящимъ, вѣру въ будущее, т.-е. неизвѣстное; недовѣріе къ лицамъ, стоящимъ во главѣ того или другого вѣдомства. Какая нужна вѣдомству юстиціи реформа, разъ во главѣ его стоитъ человѣкъ благородный, въ геральдическомъ и нравственномъ смыслѣ слова; человѣкъ образованный; зачитывающійся Поппомъ, безукоризненно скандирующій гекзаметръ Виргилія; не только не берущій взятокъ, но и не нуждающійся въ нихъ, благодаря

своему колоссальному состоянію (но это еще не значитъ самъ не дающій [1]). Какихъ же вамъ еще надо реформъ, если во главѣ юстиціи стоитъ человѣкъ благонамѣренный и добросовѣстный, читающій аккуратно бумаги, доходящія до него, начиная отъ Владивостока до Баку, и отъ Одессы до Архангельска. Тутъ былъ не злой умыселъ, а умственная аберрація!

Относясь къ своимъ обязанностямъ съ величайшей добросовѣстностью, Панинъ смотрѣлъ на судебныя дѣла, какъ на алгебраическія уравненія, и онъ считалъ свою задачу исполненною, если правильно продѣлывалъ свои формально-логическія выкладки надъ сложеніемъ и разложеніемъ доказательствъ. Въ своемъ педантическомъ ослѣпленіи онъ могъ дойти до величайшей жестокости, самъ того не замѣчая. Вотъ случай. Однажды Сенатъ ходатайствовалъ передъ Государемъ о смягченіи наказанія мальчику, обвиненному въ грубой, почти шаловливой, поддѣлкѣ мѣдной монеты, а именно о замѣнѣ ему 100 ударовъ розгами 50-ю. Панинъ не далъ хода ходатайству Сената, признавъ достаточнымъ и то, что вмѣсто 100 ударовъ плетьми назначено, въ силу закона, 100 ударовъ розгами. Вотъ до чего могла довести безсердечная выкладка надъ отвлеченными бумажными данными и формулами даже такого недюжиннаго человѣка!

И въ такую-то школу попалъ молодой Зарудный! Легко представить себѣ, какой онъ подвергался опасности! Зарудный могъ незамѣтно превратиться въ тотъ несимпатичный типъ безсердечныхъ дьяковъ новѣйшей формаціи, которые, подобно своему прототипу, добру и злу внимаютъ равно-

[1]) См. любопытную статью «Старый судъ» («Русская Старина» 1886. № 12). Г. Калмыковъ разсказываетъ въ ней, какъ черезъ Топильскаго Панинъ посылалъ взятку въ сто руб., при совершеніи рядной въ пользу дочери. Какъ исполнить это щекотливое порученіе, т.-е. дать взятку отъ министра юстиціи надсмотрщику? Топильскій ухитрился: самымъ непримѣтнымъ образомъ онъ сунулъ въ портфель надсмотрщика сто рублей.— Въ этой же поучительной во многихъ отношеніяхъ статьѣ разсказывается также, какъ Кіевскій генералъ-губернаторъ Безакъ давалъ взятку надсмотрщику за совершеніе довѣренности. Тотъ сталъ уклоняться съ благороднымъ негодованіемъ. Безакъ велѣлъ догнать безкорыстнаго чиновника и сунуть ему за шиворотъ деньги.—O tempora, o mores!.. Какая трогательная идиллія добраго стараго времени, когда никакія судебныя «конституціи и народовластія» не оскверняли еще дѣвственной цѣлины нашей общественной жизни!

душно; въ ту аккуратную, но безжизненную machine à sentence, судебную машину, олицетвореніемъ коей былъ самъ гр. Панинъ.

Но многостороннее образованіе Заруднаго, его живая, богато-одаренная и общительная натура предохранили его отъ такой страшной опасности. Будучи еще мелкимъ департаментскимъ чиновникомъ, онъ писалъ доклады, отличавшіеся такою неотразимою силою логики, такимъ живымъ, всесторонннимъ освѣщеніемъ дѣла и мастерскою разработкою историческаго матеріала, что онъ сумѣлъ расшевелить и тронуть даже застывшаго въ своей неприступной, холодной оффиціальности Панина.

На этомъ безстрастномъ лицѣ, не знавшемъ игры мускуловъ, на этихъ всегда сжатыхъ губахъ стала играть улыбка *удовольствія и благоволенія при чтеніи живо написанныхъ* докладовъ Заруднаго, и масса собственноручныхъ отмѣтокъ и восклицательныхъ знаковъ свидѣтельствовали, что и Панинъ способенъ поддаться очарованію живой мысли и слова. Жизнь побѣдила рутину! Зарудный побѣдилъ Панина, который, отступивъ отъ своей привычки ограничиваться сакраментальными терминами „согласенъ“, „принять“, „отклонить“ и т. п. сталъ чаще и чаще благодарить Заруднаго въ такихъ „чувствительныхъ“ выраженіяхъ, которыхъ трудно было ожидать отъ величаво-засохшаго графа Панина! А разъ Панинъ въ своемъ увлеченіи—horribile dictu—забылся до того, что произнесъ слѣдующую трогательную фразу: „если бы я хотя одинъ разъ въ жизни доложилъ такое дѣло и написалъ такое предложеніе, какъ С. И. Зарудный, (рѣчь шла о предложеніи по дѣлу гор. Смоленска), то я считалъ бы, что моя жизнь прожита не напрасно“...

Съ 1849 по 1856 г. Зарудный служилъ юрисконсультомъ въ консультаціи Министерства Юстиціи, значеніе которой онъ успѣлъ поднять до небывалой высоты. Онъ создалъ образцовую школу практической юриспруденціи и положилъ основаніе первымъ русскимъ юридическимъ доктринамъ. Вершая текущія дѣла, русскіе практики никогда не шли далѣе разбора частнаго случая, а потому практика не имѣла почти никакихъ руководящихъ принциповъ. Зарудный попытался внести единство въ этотъ хаосъ казусовъ.

„Работы С. И. Заруднаго по дѣламъ консультаціи соста-

вили,—пишетъ г. Поздѣевъ-Шубинъ, — цѣлую эпоху; выработались даже положенія о признаніи безспорными извѣстныхъ взглядовъ на многіе юридическіе вопросы и служили примѣромъ, на который ссылались при разсмотрѣніи дѣлъ однородныхъ. Такая дѣятельность С. И. составила ему репутацію самаго дѣльнаго юриста въ департаментѣ министерства юстиціи. Многіе изъ чиновъ министерства и сенатскихъ оберъ-секретарей не рѣдко обращались къ нему за совѣтомъ по труднымъ юридическимъ вопросамъ. С. И. Зарудный сумѣлъ образовать при консультаціи цѣлую школу, въ которой пробовали свои силы способные молодые юристы. Каждый выдающійся по своимъ дарованіямъ докладчикъ по консультаціи дѣлался, по своимъ работамъ, извѣстенъ министру, который, читая очень внимательно доклады, умѣлъ понимать и цѣнить истинныя дарованія. Служба въ консультаціи министерства юстиціи сдѣлалась самою видною, на которую стремились многіе молодые образованные юристы, но попадали туда весьма немногіе. С. И. Зарудный имѣлъ особенную способность, работая самъ болѣе всѣхъ, побуждать и другихъ работать не по казенному только, а съ полною любовію къ дѣлу, съ желаніемъ не только написать заключеніе, но разработать, и при томъ работать не по казенному только, а съ полною любовію къ дѣлу, съ желаніемъ не только написать заключеніе, но разработать каждый вопросъ всесторонне-исторически. Онъ впервые завелъ предварительныя совѣщанія по дѣламъ, гдѣ изъ многихъ и долгихъ споровъ вопросы выяснялись и облегчалось изложеніе заключеній, болѣе правильныхъ и болѣе убѣдительныхъ. Такое доброе наслѣдство С. И. Зарудный оставилъ своимъ премникамъ по служенію въ консультаціи!“. („Русская Старина“ 1888. № 2).

ГЛАВА II.

С. И. Зарудный—дѣлопроизводитель комитета 1852 г.

Независимо отъ текущихъ дѣлъ высшей судебной практики, Зарудному пришлось принять съ первыхъ же шаговъ своей служебной дѣятельности въ департаментѣ министерства юстиціи непосредственное участіе въ первыхъ зачаточныхъ работахъ по судебной реформѣ.

Въ 1832 г., съ появленіемъ второго изданія Св. Законовъ, главно-управляющій II отдѣленіемъ Е. И. В. канцеляріи гр. Д. Н. Блудовъ сдѣлалъ первый робкій шагъ къ улучшенію нашего процесса, недостатки коего были уже тогда для многихъ, если не для всѣхъ, очевидны. Онъ затребовалъ въ 1843 г. отзывы лицъ судебнаго вѣдомства о недостаткахъ дѣйствующаго процессуальнаго законодательства. Судьбѣ угодно было съ первыхъ же шаговъ связать имя Заруднаго и съ этою первою завязью судебнаго преобразованія, дальнѣйшее участіе въ которомъ должно было стяжать ему право на одну изъ лучшихъ страницъ въ исторіи русскаго прогресса.

23 апрѣля 1843 г. Зарудный получилъ первую штатную должность старшаго помощника столоначальника въ департаментѣ министерства юстиціи, и уже на другой день онъ скрѣплялъ циркуляры министра юстиціи, разосланные вслѣдствіе помянутаго выше предложенія гр. Блудова. Съ этихъ поръ и вплоть до послѣдняго засѣданія Государственнаго Совѣта осенью 1864 г. и изданія въ апрѣлѣ 1866 г. Государственною Канцеляріею мотивированныхъ судебныхъ уставовъ, Зарудный безотлучно стоялъ около этого великаго дѣла, какъ оно справедливо названо въ памятномъ указѣ 20 ноября 1864 г.

Не трудно догадаться о характерѣ и направленіи работъ по преобразованію судебной части, начатыхъ при гр. Блудовѣ. Осторожный до робости и мнительный до крайности въ это,

и безъ того мнительное, время, горячій почитатель компромиссовъ и палліативныхъ полумѣръ, новыхъ заплатъ на старомъ рубищѣ, гр. Блудовъ былъ далекъ отъ мысли о полномъ переустройствѣ даже одного гражданскаго процесса. Такая попытка шла бы слишкомъ рѣзко въ разрѣзъ съ оффиціальнымъ лозунгомъ Россіи того времени: все обстоитъ благополучно въ этомъ лучшемъ изъ міровъ, и въ этой лучшей изъ его частей!

Все честолюбіе Блудова ограничивалось компиляціями въ родѣ Уложенія о наказаніяхъ 1845 г., которое онъ съ гордостью называлъ „усовершенствованнымъ сводомъ".

Но прямой начальникъ Заруднаго, министръ юстиціи, гр. Панинъ и эти скромныя попытки гр. Блудова нѣсколько исправить старый судебный механизмъ находилъ слишкомъ смѣлыми. Боясь какъ бы этотъ осторожнѣйшій изъ осторожныхъ юристовъ не слишкомъ увлекся, sit venia verbo, завиральными доктринами, гр. Панинъ старался сдержать пылъ „увлекающагося" теоретика-реформатора, который на шестнадцать лѣтъ былъ старше его самого, указаніями на данныя практики.

Если Зарудный, какъ мы видѣли, могъ въ качествѣ юрисконсульта, оказывать вліяніе на Панина по дѣламъ текущей судебной практики, то одолѣть непримиримую вражду его къ реформамъ было выше силъ его талантливаго помощника.

Чтобы дать понятіе о характерѣ работъ по судебной реформѣ въ эту эпоху, т.-е. въ сороковыхъ годахъ заглянемъ въ одинъ изъ первыхъ томовъ „Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи". Эта экскурсія дастъ намъ возможность уяснить отношеніе къ дѣлу реформы со стороны графовъ Блудова и Панина и покажетъ, въ какомъ кругу понятій вращался ихъ продолжительный, почти безконечный диспутъ съ многократнымъ обмѣномъ состязательныхъ бумагъ и окончательныхъ заключеній.

Въ предположенныхъ въ проектѣ гр. Блудова измѣненіяхъ дѣйствующаго гражданскаго процесса устанавливалось правило, въ силу котораго судъ прекращалъ дѣла, если стороны не имѣли хожденія. Гр. Панинъ возсталъ противъ этого „радикальнаго" нововведенія и въ длинныхъ замѣчаніяхъ на проектъ Блудова между прочимъ написалъ: „по убѣжденію

министерства юстиціи, обязательное срочное по дѣлу хожденіе противорѣчитъ началамъ, подъ вліяніемъ которыхъ наше судопроизводство созидалось въ теченіе столѣтій, а потому введеніе онаго въ наше законодательство, вмѣсто пользы, можетъ принесть вредъ, замедленіемъ хода дѣлъ и стѣсненіемъ тяжущихся излишними формальностями. Основныя начала, продолжалъ графъ, на коихъ утверждается наше гражданское судопроизводство, не суть явленія случайныя, а необходимыя послѣдствія условій, имѣющихъ постоянное и рѣшительное вліяніе на нашъ процессъ“ [1]).

Возраженіе это весьма характерно. Боясь вообще всякихъ новшествъ, какъ огня (какъ извѣстно во всѣ 23 года завѣдыванія гр. Паниным министерствомъ юстиціи не было произведено ни одной сколько-нибудь замѣтной реформы по судебному вѣдомству), гр. Панинъ укрывался за невѣдомыя основныя начала, чтобы какъ-нибудь отстоять дорогое statu quo. Въ самомъ дѣлѣ, что это за „основныя начала“? Это не болѣе какъ риторическая фигура, потому что, какъ ясно доказалъ гр. Блудовъ въ своей исторической запискѣ, отличительною чертою русскаго гражданскаго процессуальнаго законодательства было полное отсутствіе всякихъ ясно сознанныхъ идей или началъ, что дѣлало возможнымъ принятіе то одной, то другой, противоположной ей системъ (см. Общую Объяс. зап. къ пр. гр. суд. стр. 79).

Возвращаемся къ диспуту.

Чтобы успокоить оробѣвшаго министра юстиціи, почуявшаго опасность за „основныя начала, на которыхъ утверждается наше гражданское судопроизводство“, гр. Блудовъ въ не менѣе подробныхъ соображеніяхъ доказывалъ, что и по силѣ дѣйствовавшихъ въ то время законовъ (ст. 2232, 2239, т. X по прод. VI, ст. 72 п. 2 т. II общ. суд. учр.) дѣла прекращаются, если по онымъ не будетъ хожденія въ теченіе десяти лѣтъ [2]).

Гр. Панинъ возражалъ и противъ уменьшенія числа инстанцій и установленія одной апелляціонной инстанціи, какъ противъ попытки „произвести существенное измѣненіе

[1]) См. Дѣло о преобр. суд. части въ Россіи т. II, отд. II Особыя записки. стр. 5.

[2]) Стр. 8 н. Т. и Зап.

въ нынѣшней судебной организаціи учрежденіемъ вмѣсто допускаемыхъ нынѣ трехъ степеней суда только двухъ (курсивъ въ подлинникѣ) судебныхъ инстанцій.

Но особенно большую и даже страстную полемику вели графы Блудовъ и Панинъ по поводу такого простого и почти безспорнаго вопроса, какъ вопросы о выпискахъ изъ дѣлъ, рукоприкладствѣ и пр. Гр. Блудовъ проектировалъ уничтоженіе докладныхъ записокъ, которыя „суть не что иное какъ копія бумагъ составляющихъ дѣло". кромѣ того онъ полагалъ поручить словесный докладъ одному изъ членовъ суда, и уничтожить рукоприкладство, „которое сдѣлается ненужнымъ, когда при докладѣ будетъ представляема не записка изъ дѣла, а самое дѣло"; онъ полагалъ также уничтожить существовавшій въ то время порядокъ, по которому секретарь долженъ былъ указать на законы, относящіеся къ дѣлу и удостовѣрить, что кромѣ сихъ, приведенныхъ имъ, другихъ, приличныхъ къ оному законовъ нѣтъ". „Сіе переноситъ насъ, писалъ гр. Блудовъ, къ временамъ, когда одни дьяки и подъячіе знали законы".

16 мая 1849 г. гр. Панинъ послалъ гр. Блудову свои замѣчанія, въ которыхъ подробно доказывалъ, что докладная записка въ судахъ первой степени имѣетъ столь важное значеніе и столь необходима, что трудно рѣшиться на отмѣну оной; что хотя рукоприкладство представляетъ иногда большія затрудненія, но это обстоятельство едва ли можетъ служить достаточнымъ основаніемъ къ отмѣнѣ его. „Что можетъ служить,—съ паѳосомъ вопрошалъ гр. Панинъ по поводу отмѣны рукоприкладства, признаннаго всѣми безполезнымъ и даже вреднымъ,—лучшимъ средствомъ къ раскрытію истины, какъ не рукоприкладство самихъ тяжущихся"?

19 іюля 1847 г. Главноуправляющій II отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи гр. Блудовъ шлетъ длинный отзывъ, который начинается такъ: „я не могу вполнѣ согласиться съ мнѣніемъ Вашего Сіятельства о необходимости составлять, по крайней мѣрѣ въ судахъ первой степени, докладныя выписки изъ дѣлъ: ибо не вижу никакой, даже малѣйшей пользы [1]) и т. д.

[1]) Стр. 63 н. Т. и З.

9 декабря 1849 г. министръ юстиціи гр. Панинъ пишетъ отвѣтъ: „я не могу вполнѣ раздѣлить мнѣніе Вашего Сіятельства относительно уничтоженія выписокъ въ судахъ первой степени. Ваше Сіятельство изволите полагать, что выписки имѣютъ исключительное назначеніе для доклада дѣла, а по мнѣнію моему, это только мгновенная ихъ польза, цѣль же постоянная (sic?) остается на будущее время" и т. д. на десяти печатныхъ страницахъ [1]).

17-го октября 1850 г. статсъ-секретарь гр. Блудовъ сообщаетъ свои окончательныя соображенія, настаивая на взглядахъ, высказанныхъ раньше. Гр. Панинъ въ свою очередь пишетъ свои основательныя соображенія, въ которыхъ съ неослабѣвающею энергіею защищаетъ всѣ свои прежнія позиціи.

Такая же, если не болѣе ожесточенная, полемика происходитъ между графами Блудовымъ и Панинымъ по вопросу объ участіи прокурорскаго надзора въ гражданскихъ дѣлахъ и о порядкѣ рѣшенія дѣлъ въ Правительствующемъ Сенатѣ. Малѣйшая попытка гр. Блудова къ скромнымъ реформамъ встрѣчаетъ въ гр. Панинѣ или придирчивую критику, или прямое противодѣйствіе.

Отстаивая съ упорствомъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, существующаго порядка, гр. Панинъ въ самой попыткѣ произвести серьезныя реформы усматривалъ недовѣріе къ его вѣдомству и чуть не личную обиду, несмотря на то, что Императоръ Николай еще въ началѣ 40-хъ годовъ, убѣдившись изъ ежемѣсячныхъ донесеній о положеніи длившагося безъ конца знаменитаго дѣла Баташевыхъ въ безобразіяхъ стараго суда, указалъ, что „надо обратить вниманіе на наше неудовлетворительное отправленіе правосудія".

При такомъ начальникѣ, какъ гр. Панинъ, Зарудный, само собою разумѣется, не многое могъ сдѣлать для дѣла судебной реформы, къ которому онъ съ самаго начала чувствовалъ какое-то инстинктивное, родственное влеченіе. Но онъ не терялъ времени, и дѣлалъ, что могъ. Такъ онъ сталъ внимательно изучать и списывать копіи съ тѣхъ отвѣтовъ, которые получались отъ чиновъ судебнаго вѣдомства въ отвѣтъ на вышеупомянутый циркуляръ министра юстиціи, разосланный по просьбѣ Блудова.

---

[1]) Стр. 66—76 н. Т. и З.

Съ 1852 года положеніе дѣла нѣсколько мѣняется. Графъ Блудовъ, понявъ всю безплодность затѣянной графомъ Паниным полемики, которой не предвидѣлось конца, и убѣдившись, „что при всемъ стараніи его предупредить всякое между гр. Панинымъ и имъ разномысліе, нѣкоторые вопросы, естественно возникающіе отъ различія взгляда на предметъ, останутся неразрѣшимыми“, исходатайствовалъ повелѣніе объ учрежденіи особаго комитета для обсужденія предположенныхъ измѣненій гражданскаго процесса [1]).

Въ составъ комитета вошли: товарищъ министра юстиціи Илличевскій, сенаторы: Веймарнъ, Губе, (нынѣ членъ Государственнаго Совѣта) Карніолинъ-Пинскій, членъ консультаціи министерства юстиціи Карцевъ, коего мѣсто занялъ впослѣдствіи оберъ-прокуроръ I департамента Сената Любощинскій (нынѣ членъ Государственнаго Совѣта). Производителемъ дѣлъ въ комитетѣ былъ назначенъ молодой чиновникъ министерства юстиціи, тогда еще коллежскій совѣтникъ, Зарудный.

Кому не извѣстно, какъ много значитъ скромная по названію должность дѣлопроизводителя, который при благопріятныхъ обстоятельствахъ, можетъ иногда задавать тонъ дѣлу и сдѣлаться душою его. Это показалъ впослѣдствіи Зарудный, который такъ сильно повліялъ на дальнѣйшія судьбы судебной реформы. Но время для него еще не приспѣло.

При всемъ своемъ умѣ, талантѣ и энергіи Зарудный ничего не могъ сдѣлать въ борбѣ съ force majeure во все время царствованія Николая Павловича. Предѣлы судебной реформы строго очерчены были областью гражданскаго процесса, да и здѣсь реформаторы не имѣли полной свободы. Такъ, напримѣръ, вопросъ объ адвокатурѣ, безъ правильной организаціи которой немыслимо было коренное переустройство гражданскаго права, приходилось оставлять нетронутымъ, такъ какъ Императоръ Николай былъ рѣшительно противъ введенія у насъ адвокатуры.

Любопытное извѣстіе по этому предмету находимъ въ вышеупомянутой статьѣ г. Калмыкова „Старый судъ“. Правительство,—пишетъ онъ,—считало, что всѣ граждане силою закона и установленнымъ порядкомъ достаточно ограждены.

---

[1]) См. т. II, отд. II Дѣла о преобр. Суд. част. стр. 74 Общ. Объяс. Зак.

III отдѣленіе относилось крайне подозрительно къ тогдашнимъ адвокатамъ. Малѣйшая жалоба со стороны кліента, была-ли она ложная или справедливая, была излюбленнымъ предметомъ занятій генерала Дуббельта. Въ подкрѣпленіе этого взгляда правительства г. Калмыковъ передаетъ знаменательный случай, бывшій съ московскимъ генералъ-губернаторомъ свѣтлѣйшимъ княземъ Д. В. Голицынымъ.

По вступленіи въ должность, ему принесли для утвержденія судебные приговоры, коими опредѣлялась торговая казнь чрезъ палачей на площадяхъ. Князь Голицынъ отказался утвердить приговоры, ссылаясь на то, что онъ не имѣетъ возможности провѣрить правильность приговоровъ. Обстоятельство это дошло до Императора Николая и онъ во время представленія спросилъ князя Голицына: что это значитъ?

Князь Голицынъ объяснилъ, что въ виду отсутствія защиты, онъ лишенъ возможности обсудить правильность рѣшенія палаты, а потому просилъ устранить его отъ утвержденія приговоровъ.

— У тебя есть прокуроры и стряпчіе,—возразилъ Государь,—чтобы судить о правильности рѣшенія.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ князь Голицынъ, — прокуроры и стряпчіе не защитники, а преслѣдователи — тутъ нужны а д в о к а т ы.

Государь, при словѣ адвокаты, видимо нахмурился и сказалъ: „Да, ты, я вижу, долго жилъ во Франціи и, кажется, еще во время революціи, а потому неудивительно, что ты усвоилъ себѣ тамошніе порядки.—А кто,—продолжалъ Государь говорить громко,—кто погубилъ Францію, какъ не адвокаты, вспомни хорошенько! Кто были Мирабо, Маратъ, Робеспьеръ и другіе?! Нѣтъ, князь, — заключилъ Государь,— пока я буду царствовать — Россіи не нужны адвокаты, безъ нихъ проживемъ. Дѣлай то, что отъ тебя требуетъ законъ, болѣе я ничего не желаю“... [1]).

Задача комитета 1852 г. сводилась къ составленію устава гражданскаго судопроизводства. Да и въ этой скромной задачѣ онъ встрѣчалъ со стороны графа Панина помимо придирчивой критики, иногда и прямое противодѣйствіе. Онъ дѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы затормозить дѣло или

[1]) «Русская Старина» 1886, № 12, стр. 535 и 536.

свести его къ нулю. Графъ Панинъ указывалъ на отсутствіе денежныхъ средствъ и подготовленныхъ людей, какъ на неодолимое препятствіе для введенія въ дѣйствіе проектированнаго графомъ Блудовымъ проекта, и, въ крайнемъ случаѣ, соглашался на введеніе его въ дѣйствіе только, въ видѣ пробы, въ предѣлахъ Петербургской губерніи. Такъ что, если бы судебная реформа осуществилась въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ, она едва ли пошла бы дальше частичнаго пересмотра гражданскаго процесса и ограничилась бы предѣлами одной губерніи.

ГЛАВА III.

Вліянія новаго царствованія.

Съ воцареніемъ императора Александра II всѣ какъ-то вздохнули свободнѣе. Всѣмъ какъ-то невольно приходилъ на память стихъ поэта:

Увижу ли, друзья, народъ освобожденный,
И рабство павшее, по манію Царя?
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, желанная заря

Правда, не сразу занялась эта желанная заря. На первыхъ порахъ не было еще не только явныхъ, но и вѣроятныхъ признаковъ начала новой жизни, наступленія новой эры въ этой странѣ, но тѣмъ не менѣе живо ощущалось всѣми, что стрѣлка политическаго барометра получаетъ замѣтную наклонность перейти отъ тридцатипятилѣтней непогоды, если не къ beau fixe'y, то, по крайней мѣрѣ, къ variable.

На дымящихся развалинахъ Севастополя всѣ явственно читали безапелляціонный приговоръ надъ прошлымъ съ его свѣтобоязнью и мыслебоязнью. Въ самыхъ ничтожныхъ обстоятельствахъ готовы были видѣть, если не программу реформъ, о которыхъ давно мечтала передовая часть русскаго общества, хоть намекъ на лучшее будущее. Коронаціонный манифестъ какъ бы приподнималъ уголокъ завѣсы, за которою виднѣлось свѣтлое будущее. Слабые намеки коронаціоннаго манифеста на счетъ „правды и милости въ судахъ" или пользованія „каждымъ плодами трудовъ своихъ", положимъ, имѣли болѣе смыслъ добрыхъ пожеланій, чѣмъ опредѣленныхъ стремленій къ эмансипаціи крестьянъ или проведенію судебной реформы, но послѣ почти сорокалѣтняго блужданія по безплодной пустынѣ палліативовъ и стѣснительныхъ мѣропріятій и эти капли росы доставляли отраду и окрыляли на-

дежды. Новымъ духомъ повѣяло, новое время настало — таково было общее хотя и смутное убѣжденіе всѣхъ.

„Въ томъ, что послѣ Севастополя всѣ очнулись,—говоритъ нашъ извѣстный публицистъ Н. В. Шелгуновъ,—всѣ стали думать и всѣми овладѣло критическое настроеніе, заключается разгадка мистическаго секрета 60-хъ годовъ; всѣ — вотъ секретъ того времени и секретъ успѣха всѣхъ реформъ". („Русс. Мысль". 1885. XI стр. 22). „Новымъ духомъ вѣетъ, новое время настало", говорилъ 28 декабря 1857 г. московскій публицистъ Н. Ф. Павловъ на редакціонномъ обѣдѣ Русскаго Вѣстника, воскрешая въ памяти аудиторіи дивныя времена пробужденія человѣческой мысли въ XVI столѣтіи, послѣ тысячелѣтняго сна, времена, когда знаменитый гуманистъ Ульрихъ-фонъ-Гуттенъ, завидя зорьку возрожденія свободныхъ наукъ и человѣчности въ умиленіи восклицаетъ: „духъ человѣка пробуждается, становится весело и ясно жить". Мы стоимъ,—говоритъ другой сотрудникъ того же журнала Н. А. Любимовъ на Парижскомъ банкетѣ, устроенномъ 12 января 1858 г. въ память годовщины Московскаго университета,—мы стоимъ при дверяхъ свѣтлой эпохи оживленія мысли когда слышится голосъ, высказывающій нужды, потребности, желанія общества: эпохи, когда начинающаяся гласность не нравится только тѣмъ, кто боится свѣта, когда все жаждетъ свѣта". („Русс. Вѣст.". 1888. № 1, стр. 5).

Общій подъемъ духа сказался и на дѣятельности комитета 1852 г., работавшаго надъ составленіемъ устава гражданскаго судопроизводства. Съ начала новаго царствованія наступили именно тѣ благопріятныя обстоятельства, которыя открывали С. И. Зарудному возможность хотя осторожно, такъ-сказать подъ сурдинкою, вводить кое-какія начала новаго европейскаго процесса, какъ-то: устность, гласность, состязательность, отдѣленіе власти судебной отъ административной

Новымъ освободительнымъ вѣяніямъ сталъ поддаваться, хотя и тугонько, старый гр. Д. Н. Блудовъ. Въ этомъ отношеніи крайне любопытно ознакомиться съ его общею объяснительною запискою, которую онъ внесъ въ 1857 г. въ Государственный Совѣтъ, предлагая на его обсужденіе проектъ устава гражданскаго судопроизводства.

Нынѣшніе сикофанты, потерявшіе всякое чувство мѣры

и приличія отъ сознанія, что на ихъ улицѣ праздникъ, возводятъ всевозможныя небылицы на творцовъ новаго суда. По поговоркѣ — мели, Емеля, твоя недѣля — они, не справляясь ни съ исторіею, ни съ своею памятью, для вящшаго посрамленія дѣятелей судебной реформы — выставляютъ ихъ какими-то саврасами безъ узды, которые стали безъ надобности ломать старыя судебныя учрежденія, вмѣсто того, чтобы производить въ нихъ постепенныя и частныя улучшенія. Словомъ, дѣло выставляется въ такомъ свѣтѣ, что, вмѣсто того, чтобы слѣдовать разумному плану мужа совѣта, гр. Блудова, составители Судебныхъ Уставовъ съ какимъ-то страннымъ озорствомъ набросились, словно дѣти на лакомство, на иностранныя доктрины и институты, вмѣсто того, чтобы, бережно совершенствуя русскій стародавній процессъ, слѣдовать традиціямъ русскаго права и исторіи.

Чтобы показать всю несостоятельность такихъ нареканій, достаточно привести нѣсколько мѣстъ изъ записки гр. Блудова 1857 года.

„Съ перваго взгляда можетъ показаться, — писалъ гр. Блудовъ,—что было бы достаточно ограничиться лишь нѣкоторыми частными исправленіями нынѣшняго порядка производства дѣлъ гражданскихъ, напримѣръ, лучшимъ, надежнѣйшимъ доставленіемъ вызововъ суда, точнѣйшимъ назначеніемъ сроковъ для разныхъ дѣйствій, какъ тяжущихся, такъ и судебныхъ мѣстъ и канцелярій и т. п. Сей образъ дѣйствій при исправленіи узаконеній о судопроизводствѣ имѣетъ и долженъ имѣть многихъ защитниковъ, ибо оному удобнѣе и легче слѣдовать въ практикѣ. Сверхъ того, а въ большей части случаевъ и справедливо, замѣчаютъ, что успѣхъ вводимыхъ постепенно и медленно преобразованій вѣроятнѣе и надежнѣе.

„Мнѣ также казалось, — продолжаетъ гр. Блудовъ, — при началѣ моего труда, что можно-бъ было улучшить наше судопроизводство гражданское посредствомъ исправленія лишь нѣкоторыхъ отдѣльныхъ онаго постановленій. Но чѣмъ тщательнѣе я вникалъ въ сущность порученнаго мнѣ Высочайшимъ довѣріемъ дѣла, разсматривая съ разныхъ сторонъ всѣ неудобства нынѣшняго порядка судопроизводства гражданскаго, а съ тѣмъ вмѣстѣ и причины и, буде смѣю употребить сіе слово, самое происхожденіе сихъ не-

удобствъ, имѣя притомъ въ виду, что между всѣми постановленіями о судопроизводствѣ существуетъ естественная, неразрывная связь, тѣмъ очевиднѣе и сильнѣе мнѣ представлялась истина, уже признанная многими свѣдущими и опытными по сей части людьми, что чрезъ частныя измѣненія мы не только не достигнемъ желаемой, указанной намъ цѣли, но едва ли даже, въ нѣкоторомъ отношеніи, не удалимся отъ нея.

„Дабы исправить надлежащимъ, удовлетворительнымъ образомъ наши узаконенія о производствѣ дѣлъ гражданскихъ, не довольно усовершенствованія той или другой изъ сторонъ онаго. Надобно стараться устранить причины зла, т.-е. безпорядковъ въ самомъ ихъ корнѣ, а для сего необходимо принять другую, совершенно отличную отъ настоящей систему, основанную на тѣхъ общихъ непреложныхъ началахъ, безъ коихъ не можетъ быть правильнаго судопроизводства гражданскаго въ строгомъ смыслѣ слова.

„Намъ въ особенности,—продолжалъ далѣе гр. Блудовъ,—нельзя думать о какомъ-либо усовершенствованіи сей части нашего законодательства, безъ измѣненія самой основной мысли ея, безъ принятія другихъ не только отличныхъ но до нѣкоторой степени противныхъ ей началъ“ [1]).

Изъ приведеннаго мѣста ясно видно, что уже въ 1857 г. даже гр. Блудовъ, этотъ типичный юристъ старой дореформенной школы, посѣдѣвшій на тридцатилѣтней службѣ, несмотря на свой 73-лѣтній возрастъ, настолько поддался духу времени и воздѣйствію своего дѣлопроизводителя Зарудnаго, что, оставивъ мысль о тѣхъ палліативныхъ мѣрахъ, о которыхъ, какъ мы выше видѣли, онъ велъ въ началѣ безконечную, безплодную переписку съ министромъ юстиціи гр. Паниным, пришелъ къ мысли о необходимости полной и притомъ радикальной ломки стараго процесса. — Онъ чистосердечно сознается, что онъ долженъ былъ отказаться отъ болѣе симпатичной ему мысли частичныхъ усовершенствованій, убѣдившись въ невозможности и безплодности такого предпріятія. И послѣ этого рѣшаются утверждать, что проекты

[1]) См. т. II отд. II Общ. объяс. зап. стр. 3—6.

гр. Блудова отличались благоразумною постепенностью и что только составители уставовъ совершили радикальный переломъ!.. [1]).

Чѣмъ шире и глубже распространялось новое освободительное и просвѣтительное теченіе, тѣмъ больше просвѣтлялись умы у самыхъ закоренѣлыхъ старовѣровъ. Точно такъ же стала спадать понемногу пелена и съ глазъ гр. Блудова. Мы только что видѣли съ какою рѣшительностью онъ счелъ необходимымъ принять совершенно новую систему кодификаціонныхъ работъ, основанную на общихъ, т.-е. теоретическихъ непреложныхъ началахъ, но мы видѣли вмѣстѣ съ тѣмъ какими оговорками и извиненіями сопровождалъ онъ этотъ шагъ: онъ какъ бы оправдывался предъ самимъ собою въ принятіи новаго взгляда, къ которому онъ пришелъ, и сталъ тщательнѣе вникать въ сущность порученнаго ему дѣла.

Черезъ два—три года настолько прояснился взглядъ гр. Блудова, что онъ въ замѣчательной запискѣ, составленной имъ въ 1860 году въ поясненіи проекта судоустройства, уже безъ всякихъ извинительныхъ оговорокъ, заявляетъ о своихъ довольно радикальныхъ воззрѣніяхъ. Въ этой запискѣ гр. Блудовъ выступаетъ рѣшительнымъ и убѣжденнымъ поборникомъ отдѣленія власти судебной отъ законодательной и административной. Мы бы очень рекомендовали нынѣшнимъ порицателямъ творцовъ новаго суда ознакомиться подробно съ этимъ замѣчательнымъ произведеніемъ блудовскаго пера, пера, скажемъ къ слову, весьма плодовитаго и талантливаго. Враги новаго суда узнаютъ, что мысль о мнимой „судебной конституціи“, т.-е. о независимости власти судебной отъ административной, не съ неба къ намъ свалилась или, лучше сказать, не изъ революціоннаго ада исторгли ее либералы 60-хъ годовъ, какъ смѣло увѣряютъ сторонники дореформенныхъ порядковъ, а была постепенно подготовляема продолжительною вѣковою исторіею.

Въ краткомъ, но блистательно очерченномъ обзорѣ исторіи русскаго судопроизводства, обнимающемъ періодъ времени, начиная отъ Петра Великаго и кончая царствованіемъ Николая I, графъ Блудовъ отмѣчаетъ, какъ одну изъ основныхъ чертъ законодательства стремленіе его къ освобжде-

[1]) См. стр. 40 Судъ Полиціи г. Фукса.

нію судовъ отъ всякаго вмѣшательства властей административныхъ [1]), а наша реакціонная печать, ничто же сумняся, увѣряетъ, что отдѣленіе судебной власти отъ административной, произведенное уставами Александра II, есть плодъ легкомысленнаго либеральнаго движенія 60-хъ годовъ!!..

Названная записка гр. Блудова даетъ лучшій отвѣтъ еще на одну изъ злостныхъ инсинуацій, которую враги новаго суда, съ Катковымъ во главѣ, возводили на виновниковъ судебной реформы. Они обвиняли ихъ ни болѣе, ни менѣе, какъ въ томъ, что они отняли у подданныхъ право искать суда у Государя Императора. Завѣдомая недобросовѣстность этого обвиненія могла бы соперничать развѣ съ самодовольнымъ невѣжествомъ его авторовъ! Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочесть слѣдующее мѣсто изъ записокъ Блудова. Указавъ на произведенную Петромъ Великимъ попытку отдѣленія судебной власти отъ административной. гр. Блудовъ отмѣчаетъ, какъ плохо была понята эта реформа народомъ.

„Разумѣется, — пишетъ онъ, — народъ не могъ успѣвать за быстротою мысли законодателя, не чувствовалъ всей пользы раціональнаго устройства судебной части и признанія ея такъ сказать совершеннолѣтнею, т.-е. способною управлять ввѣренными ей дѣлами безъ стѣснительной опеки властей правительственныхъ. Массы по прежнему понимали одну только власть и одного судью—Государя; онѣ къ нему обращались съ жалобами, минуя всѣ инстанціи, и посему Законодатель призналъ нужнымъ обнародовать объясненіе своей мысли въ знаменитомъ указѣ 22-го декабря 1722 года, гдѣ, между прочимъ, говорится слѣдующее: „Понеже челобитчики непрестанно Его Царскому Величеству докучаютъ въ своихъ обидахъ, вездѣ, во всякихъ мѣстахъ, не дая покоя, и хотя съ ихъ стороны легко разсудить можно, что всякому своя обида горька есть и несносна. но при томъ каждому разсудить же надлежитъ, что какое ихъ множество, а кому бьютъ челомъ одна персона есть, и то коликими воинскими и прочими несносными трудами объята, что всѣмъ извѣстно есть; и хотя бы такихъ трудовъ не было, то возможно ли одному человѣку за такъ многими усмотрѣть? Во истину

[1]) См. стр. 33, 36, 49 и др. т. IV. Дѣла о преобр. суд. части.

не точію человѣку, ниже Ангелу: понеже и оные мѣстамъ описаны суть; ибо гдѣ присутствуютъ, индѣ его нѣтъ“ (стр. 13 Объяс. Зап.).

Можно еще понять, что массы народныя не могли усвоить *смысла реформы Петра Великаго, основанія котораго такимъ* своеобразно-картиннымъ языкомъ изложены въ этомъ замѣчательномъ указѣ, но какая нужна была добросовѣстность со стороны безапелляціонныхъ трибуновъ 80-хъ годовъ, чтобы рѣшиться обвинять дѣятелей 60-хъ годовъ чуть не въ государственной измѣнѣ за послѣдовательное осуществленіе реформы, задуманной еще въ началѣ XVIII столѣтія?

ГЛАВА IV.

Спеціальныя работы С. И. Заруднаго по гражданскому процессу.

Съ 1857 г. мѣняется служебное положеніе, а вмѣстѣ съ нимъ и роль С. И. Заруднаго въ судебной реформѣ. 27-го апрѣля этого года онъ назначается помощникомъ статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта и принимаетъ дѣятельное участіе при разсмотрѣніи и разработкѣ Департаментомъ Законовъ внесеннаго гр. Блудовымъ 8-го іюля 1857 г. проекта уст. гражд. судопр. — Выдающіяся способности и глубокія познанія Заруднаго, какъ знатока гражданскаго права и процесса, настолько обнаружились, что онъ удостоился въ 1858 г. спеціальной Высочайшей командировки за границу для изученія существующаго въ иностранныхъ государствахъ порядка судопроизводства и устройства судебныхъ мѣстъ.

Государственный Совѣтъ съ 15 ноября 1857 г. по 23 сентября 1859 г. въ усиленномъ составѣ соединенныхъ департаментовъ законовъ и гражданскомъ посвятилъ проекту 39 засѣданій. — По иниціативѣ Заруднаго, который придавалъ большое значеніе печатному тисненію и гласности, исправленный департаментами проектъ со всѣми поступившими на него замѣчаніями былъ разосланъ членамъ Государственнаго Совѣта. Кромѣ того, была принята еще другая мѣра для болѣе обстоятельной разработки устава. Печатные экземпляры его были разосланы чрезъ министерство юстиціи къ лицамъ, знакомымъ съ судебнымъ дѣломъ по своимъ занятіямъ. Полученныя такимъ путемъ практическія замѣчанія также были напечатаны и разосланы членамъ Государственнаго Совѣта.

Съ легкой руки Заруднаго, этотъ новый и единственно доступный, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, способъ разносторонняго разбора законодательныхъ проектовъ вошелъ въ

обычай и сталъ примѣняться и къ другимъ дополнительнымъ проектамъ гр. Блудова. Затѣмъ составлялся сводъ полученныхъ замѣчаній, которыя и были представлены въ 1860 г. на разсмотрѣніе соединенныхъ департаментовъ Государственнаго Совѣта [1]).

Помимо оффиціальной дѣятельности своей въ секретаріатѣ Государственнаго Совѣта, Зарудный не мало трудился и самостоятельно, беря на себя иниціативу по многимъ вопросамъ. Благодаря его обстоятельнымъ запискамъ и журнальнымъ статьямъ, поднятые имъ вопросы вскорѣ обращали на себя вниманіе оффиціальныхъ сферъ, и такимъ образомъ становились на очередь. Такъ, сколько мы можемъ судить изъ находящагося въ нашемъ распоряженіи матеріала, Зарудный первый затронулъ въ оффиціальныхъ сферахъ вопросъ о мировомъ судѣ и первый составилъ положеніе о присяжныхъ повѣренныхъ.

Почти весь девятый томъ „Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи" занятъ спеціальными работами Зарудnаго. Подъ нѣкоторыми изъ нихъ вовсе нѣтъ даже подписи Зарудnаго, такъ что самое происхожденіе этихъ работъ осталось бы неизвѣстнымъ, если бы не одна случайность. Въ имѣющемся у меня экземплярѣ, въ оглавленіи, рукою самого Зарудnаго означены принадлежащія ему работы. Такъ какъ онѣ или вовсе неизвѣстны публикѣ, или давно забыты, то не безынтересно нѣсколько ближе ознакомиться съ этими трудами Зарудnаго. Всѣхъ работъ одиннадцать и всѣ онѣ относятся къ 1859-му году.

Первая работа, носящая заглавіе о значеніи мироваго судьи и словеснаго порядка гражданскаго судопроизводства, впервые выдвигаетъ вопросъ объ учрежденіи должности мироваго судьи.—Разобравъ существующій порядокъ разсмотрѣнія безспорныхъ дѣлъ полиціею и указавъ на его крупные недостатки, не устраненные и извѣстнымъ указомъ 30-го іюня 1858 г. объ учрежденіи въ Петербургѣ временной комиссіи для разбора дѣлъ маловажныхъ, Зарудный доказываетъ необходимость установленія

---

[1]) См. т. XVIII Дѣла о преоб. суд. част. Работы по составленію жур. Гос. Сов. Начало журнала, вторая корректура стр. 50—51.

единоличной власти м и р о в а г о с у д ь и [1]) Ходъ разсужденія и окончательные выводы и предположенія автора сводятся къ слѣдующему: у насъ, какъ и вездѣ, есть дѣла, которыя требуютъ быстраго разрѣшенія на мѣстѣ. Но это не достигается установленіемъ особыхъ правилъ, по коимъ въ отдаленныхъ отъ суда мѣстахъ все дѣлается въ одинъ день (какъ это требовала ст. 1235 т. X). Оно достигается установленіемъ судей на недалекомъ разстояніи отъ тяжущихся, спеціальныхъ судей, которые только и занимаются этими дѣлами. Теперь такія дѣла производятся въ полиціи и въ судѣ. Судъ получаетъ дѣло, испорченное полиціею. Отсюда смѣшеніе властей, безконечные споры, трата времени и денегъ. Изъять эти дѣла изъ вѣдомства полиціи, предоставить ихъ судамъ въ настоящемъ ихъ составѣ, значитъ обременить ихъ выше силъ человѣческихъ, а тяжущихся лишить всякой возможности даже начинать дѣло, ибо судъ не судъ, пишетъ Зарудный, когда за малоцѣннымъ искомъ въ 40 р. с. надобно ѣхать за 100 верстъ, судъ не судъ, когда требуется безотлагательное разбирательство, а чтобы добраться до суда надобно ѣхать или идти за сто или двѣсти верстъ и, прежде чѣмъ судъ поѣдетъ на мѣсто или пошлетъ туда полицію, слѣдуетъ вызвать отвѣтчика, а онъ скрывается и явится черезъ годъ, когда время уйдетъ и возможность добиться правды исчезнетъ. Очевидно, что судъ не можетъ открыть истины, такъ какъ это, по самому ходу вещей, сдѣлалось невозможнымъ. Этимъ объясняется необходимость установленія мировыхъ судей. Они же должны производить различныя дѣйствія охранительнаго порядка и разсматривать дѣла о маловажныхъ проступкахъ. Въ заключеніе Зарудный затрогиваетъ любопытный вопросъ о недостаткѣ хорошихъ людей

---

[1]) Учрежденная указомъ 30 іюня Комиссія была предтечею мироваго суда. Она разбирала словесно всѣ споры между нанимателями и рядчиками, въ двухъ случаяхъ: во-1-хъ, когда искъ не превышалъ ста рублей, и во-2-хъ, когда онъ былъ предъявленъ не менѣе какъ десятью рабочими. Почти половина дѣлъ кончалась примиреніемъ, и судъ этотъ сдѣлался очень популяренъ, такъ какъ рабочіе могли найти хоть какую-нибудь расправу по дѣламъ, по коимъ не было никакого суда. Допускалась на судѣ и ограниченная гласность. «Independance Belge» горячо привѣтствовалъ это первое примѣненіе гласности, правда Sur une echelle bien intime sans doute,—какъ справедливо замѣчала газета.

для замѣщенія должности мировыхъ судей и, какъ бы косвенно, возражая на вышеприведенныя замѣчанія Панина, находитъ эти опасенія неосновательными. Если законодатель, говоритъ онъ, будетъ дѣйствовать подъ вліяніемъ той мысли, что у насъ нѣтъ людей, то въ такомъ случаѣ не представляется никакой надобности въ улучшеніи судопроизводства. Трудно сказать, продолжаетъ Зарудный, противъ общеизвѣстной мысли, что дурной порядокъ судопроизводства при образованныхъ, честныхъ и отвѣтственныхъ судьяхъ всегда лучше, чѣмъ хорошій порядокъ при судьяхъ необразованныхъ, корыстолюбивыхъ и безотвѣтственныхъ. Для Россіи нужны тѣ люди, въ которыхъ у насъ нѣтъ недостатка. Нужно только облегчить ихъ дѣйствія, дать имъ средства жить честно, установить основныя правила, отъ коихъ они не должны отступать, затѣмъ строго взыскивать за нарушенія закона. При такомъ порядкѣ всегда найдутся хорошіе люди. (Стр. 36—37. Записка 12-го Мая 1859 г.).

Этотъ отрывокъ, помимо содержанія, интересенъ еще по своей формѣ и стилю. Своеобразность стиля, лапидарная манера, строгая логика и послѣдовательность—всѣ эти отличительныя черты письма Заруднаго видны изъ этого отрывка.

Вторая записка Заруднаго трактуетъ о подаваемыхъ внѣ апелляціоннаго порядка жалобахъ (о дѣлахъ охранительнаго порядка). Этотъ спеціальный вопросъ разработанъ Зарудныхъ съ обычною его добросовѣстностью. Содержаніе статьи показываетъ какое сильное вліяніе имѣла она на послѣдующее наше законодательство объ охранительномъ судопроизводствѣ, самый терминъ котораго, если не ошибаемся, придуманъ или пущенъ въ законодательный оборотъ Зарудныхъ. Отмѣтимъ также, что мысль Заруднаго о возложеніи на мироваго судью вызова наслѣдниковъ вошла въ дѣйствующее законодательство. (Записка 24 февраля 1859 г. стр. 14).

Еще болѣе интересна третья статья, напечатанная сначала въ Архивѣ Калачева. Она трактуетъ объ отдѣленіи вопросовъ о дѣлѣ (т.-е. о фактѣ) и правѣ въ рѣшеніяхъ судебныхъ мѣстъ. Часть этой работы, касающаяся гражданскаго процесса, это своего рода chef d'oeuvre юридической логики и строгости мышленія. Старый

математикъ вступаетъ тутъ въ свои права. Работа такъ оригинальна и предметъ, въ немъ трактуемый, такъ мало изслѣдованъ въ нашей юридической литературѣ, что заслуживаетъ подробнаго анализа.

Зарудный придаетъ огромное значеніе правильной постановкѣ вопросовъ по гражданскимъ дѣламъ, такъ какъ отъ неправильной, т.-е. произвольной постановки вопросовъ предсѣдателемъ можетъ зависѣть исходъ дѣла, подчасъ несогласный съ желаніемъ большинства судей.

Если предсѣдатель суда, говоритъ Зарудный, будетъ имѣть право—или отдѣлить вопросы, или же соединить ихъ въ одномъ вопросѣ: заслуживаетъ ли уваженія прошеніе истца, то отъ его произвола будетъ зависѣть положительный и отрицательный отвѣтъ всего присутствія.

Это легко объяснить примѣрами:

Первый примѣръ.

Въ дѣлѣ о пожизненной записи на недвижимое имѣніе отвѣтчикъ ограждаетъ свое право силою закона о давности, а истецъ опровергаетъ отвѣтчика по двумъ основаніямъ:

1) Что отвѣтчикъ не владѣлъ имѣніемъ въ теченіе десяти лѣтъ.

2) Что законъ о давности не примѣняется къ дѣламъ о пожизненномъ владѣніи.

Изъ означеннымъ взаимныхъ требованій и возраженій тяжущихся, возникаютъ два вопроса:

Первый—о спорномъ обстоятельствѣ: владѣлъ ли отвѣтчикъ имѣніемъ въ теченіе десяти лѣтъ?

Второй—о примѣненіи закона, примѣняется ли законъ о давности къ пожизненному владѣнію?

Можно предложить эти два вопроса отдѣльно или же соединить ихъ въ одномъ вопросѣ: заслуживаетъ ли уваженія просьба истца?

Первый случай.

Предсѣдатель предлагаетъ эти вопросы отдѣльно присутствію, состоящему изъ 3-хъ судей.

По первому вопросу, о спорномъ обстоятельствѣ.

Первый судья говоритъ, что отвѣтчикъ владѣлъ имѣніемъ десять лѣтъ.

Второй судья отрицаетъ это обстоятельство.

Третій судья соглашается съ первымъ.

Вопросъ о спорномъ обстоятельствѣ разрѣшается въ пользу отвѣтчика большинствомъ двухъ голосовъ противъ одного (перваго и третьяго судей противъ второго).

По второму вопросу, о примѣненіи закона.

Первый судья утверждаетъ, что законъ о давности не примѣняется къ дѣлу.

Второй судья напротивъ того полагаетъ, что законъ о давности ограждаетъ права отвѣтчика.

Третій судья соглашается съ мнѣніемъ второго судьи.

Вопросъ о примѣненіи закона разрѣшается, также какъ и первый вопросъ, въ пользу отвѣтчика большинствомъ двухъ голосовъ противъ одного (второго и третьяго судей противъ перваго).

Слѣдовательно, дѣло разрѣшено въ пользу отвѣтчика по большинству голосовъ.

Второй случай.

Предсѣдатель вмѣсто того, чтобы предложить эти два вопроса отдѣльно, соединяетъ ихъ въ одномъ вопросѣ: заслуживаетъ ли уваженія прошеніе истца?

Тѣ же самые судьи, оставаясь при тѣхъ же мнѣніяхъ, разрѣшаютъ этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ:

Первый судья, хотя и полагаетъ, что отвѣтчикъ владѣлъ имѣніемъ 10 лѣтъ, но считаетъ, что законъ о давности не примѣняется къ дѣлу и потому признаетъ, что прошеніе истца заслуживаетъ уваженія.

Второй судья, хотя и признаетъ, что законъ о давности ограждаетъ права отвѣтчика, но находитъ, что онъ не владѣлъ имѣніемъ въ теченіи десяти лѣтъ и потому, согласно съ первымъ судьею, хотя и совершенно по другимъ основаніямъ, признаетъ, что прошеніе истца заслуживаетъ уваженія.

Наконецъ, третій судья признаетъ, что отвѣтчикъ владѣлъ имѣніемъ 10 лѣтъ и что законъ о давности ограждаетъ его права, и одинъ рѣшаетъ дѣло въ пользу отвѣтчика, признавая, что прошеніе истца не заслуживаетъ уваженія.

Слѣдовательно, дѣло, при общемъ вопросѣ, разрѣшено въ пользу истца по большинству голосовъ тѣхъ са-

мыхъ судей, которые, при отдѣльныхъ вопросахъ. разрѣшили оное въ пользу отвѣтчика.

Результатъ по общему вопросу въ совершенномъ противорѣчіи съ результатами по отдѣльнымъ вопросамъ.

Второй примѣръ.

Истецъ опровергаетъ завѣщаніе по формѣ и по существу.

По формѣ онъ доказываетъ неточность подписи завѣщателя или недостатокъ свидѣтелей, или неполноту свидѣтельскихъ подписей.

По существу онъ доказываетъ, что завѣщатель не имѣлъ права распоряжаться имѣніемъ, напримѣръ, родовымъ:

Первый случай

Предсѣдатель предлагаетъ вопросы по формѣ и по существу отдѣльно.

Вопросъ по формѣ.

Первый судья признаетъ, что завѣщаніе по формѣ правильно.

Второй судья находитъ завѣщаніе не формальнымъ.

Третій судья соглашается съ первымъ.

Слѣдовательно, завѣщаніе по формѣ утверждено большинствомъ двухъ голосовъ противъ одного.

Вопросъ по существу.

Первый судья находитъ, что завѣщатель не имѣлъ по закону права распоряжаться имѣніемъ и отвергаетъ завѣщаніе.

Второй судья напротивъ того полагаетъ, что завѣщаніе по содержанію удовлетворяетъ требованіямъ закона.

Третій судья соглашается со вторымъ.

Завѣщаніе по существу утверждается, также какъ и по формѣ большинствомъ двухъ голосовъ противъ одного.

Слѣдовательно, дѣло рѣшено въ пользу отвѣтчика и завѣщаніе утверждено по большинству голосовъ.

Второй случай.

Предсѣдатель вмѣсто того, чтобы предложить отдѣльно вопросы по формѣ и по существу, предлагаетъ одинъ вопросъ: слѣдуетъ ли утвердить завѣщаніе?

Первый судья, хотя и находитъ, что оно должно быть утверждено по формѣ, но отвергаетъ оное по существу, и потому разрѣшаетъ общій вопросъ отрицательно.

Второй судья, хотя и находитъ, что завѣщаніе по существу слѣдовало бы утвердить, но признаетъ его недѣйствительнымъ по формѣ и потому, также какъ первый судья, хотя совершенно по другимъ основаніямъ, разрѣшаетъ общій вопросъ отрицательно.

Наконецъ, третій судья полагаетъ утвердить завѣщаніе и по формѣ, и по существу и потому разрѣшаетъ общій вопросъ положительно.

Завѣщаніе отвергнуто большинствомъ двухъ голосовъ противъ одного.

Слѣдовательно, при общемъ вопросѣ завѣщаніе отвергнуто по большинству голосовъ тѣхъ самыхъ судей, которые при отдѣльныхъ вопросахъ по формѣ и по существу полагали утвердить оное.

Результатъ по общему вопросу въ совершенномъ противорѣчіи съ результатами по отдѣльнымъ вопросамъ [1])

Примѣры, приведенные Зарудnымъ, доказываютъ, что при несоблюденіи правила объ отдѣленіи вопросовъ о спорныхъ

---

[1]) Математическая жилка Заруднаго сказадась не только въ этой замѣчательной по логичности, стройности и простотѣ аргументаціи, но также и въ томъ, что онъ приложилъ къ ней двѣ объяснительныя таблицы и слѣдующую алгебраическую иллюстрацію, имѣющую цѣлью показать, какъ порокъ въ разсужденіи неизбѣжно приводитъ къ нелѣпому заключенію. Вотъ она: Корень четной степени, изъ отрицательнаго количества есть мнимый или невозможный. При нарушеніи сего правила можно безъ всякаго затрудненія придти къ результату $2=3$, что и доказываетъ Зарудный при помощи слѣдующей выкладки:

$$4-10=9-15,$$

т.-е. $2\overset{2}{-}2.5=3\overset{2}{-}3.5$

прибавляя къ уравненію количество $(^5/_2)^2$ получимъ:

$$2\overset{2}{-}2.5+(^5/_2)^2=3\overset{2}{-}3.5+(^5/_2)^2.\ \text{т.-е.}\ (2-^5/_2)^2=(3-^5/_2)^2.$$

Извлекая корень четной степени изъ отрицательныхъ количествъ, получимъ: $2-^5/_2=3-^5/_2$, т.-е. $2=3$. Выводъ, очевидно, нелѣпый, показывающій, замѣчаетъ Зарудный, что въ наукахъ положительно всякое нарушеніе основного правила приводитъ къ нелѣпому результату.

обстоятельствахъ, отъ вопросовъ о примѣненіи закона, положительное или отрицательное разрѣшеніе дѣла всегда зависитъ отъ произвола проницательнаго предсѣдателя, понимающаго истинный смыслъ произвольнаго постановленія вопросовъ.

Указывая на пользу раздѣленія вопросовъ по гражданскимъ дѣламъ, Зарудный, какъ хорошій знатокъ гражданскаго процесса, не могъ впасть въ такую грубую ошибку, чтобы безусловно требовать такого дѣленія во всѣхъ безъ изъятія случаяхъ. Иногда вопросы факта такъ тѣсно бываютъ связаны съ вопросомъ права, что раздѣленіе ихъ невозможно. Очевидно, что по иниціативѣ Заруднаго появились ст. ст. 694, 695, 696 дѣйствующаго Уст. гр. суд. Императора Александра объ отдѣленіи, по возможности, вопросовъ права и факта.

Къ сожалѣнію, судебная практика не сумѣла изъ этихъ статей сдѣлать то разумное употребленіе, которое имѣлъ въ виду Зарудный. Онъ разсчитывалъ этимъ способомъ оградить отъ произвола судей и считалъ достаточнымъ поводомъ для уничтоженія рѣшеній, когда тяжущіеся докажутъ, что раздѣленіе вопросовъ было возможно по свойству дѣла и что смѣшеніе вопросовъ имѣло послѣдствіемъ неправильное рѣшеніе дѣла. Замѣчательно, что несмотря на почти двадцатитрехлѣтнее существованіе новаго суда, институтъ этотъ не получилъ никакого развитія, такъ какъ кассаціонный Сенатъ не сумѣлъ изъ него сдѣлать должное употребленіе и самую постановку вопросовъ, въ которой, какъ пишетъ Зарудный въ другомъ мѣстѣ, и заключается единственное средство къ ограниченію произвола судьи [1]), предоставилъ всецѣло безконтрольному усмотрѣнію (рѣш. гр. кас. деп. 1869. № 223, 1875, № 541 и др.) предсѣдателя и суда, того самого суда, для предупрежденія произвола котораго установлена была постановка вопросовъ.

Послѣдующія четыре работы составляютъ въ сущности одно цѣлое, посвященное разнымъ вопросамъ сенатскаго производства.

Первая изъ этихъ работъ носитъ заглавіе „о производствѣ дѣлъ въ Сенатѣ и содержитъ критику дѣйствовавшаго законодательства и проекта о намѣченныхъ

---

[1]) Т. IX, стр. 88. Дѣло о преобр. суд. части въ Россіи.

гр. Блудовымъ преобразованіяхъ. Зарудный отмѣчаетъ прежде всего тотъ странный фактъ, что высшее судебное мѣсто въ Имперіи—Сенатъ не пользуется самымъ простымъ, но вмѣстѣ самымъ важнымъ правомъ рѣшить дѣло, правомъ, которымъ пользуются не только гражданскія палаты и уѣздные суды, но и полиція. Другая особенность сенатскаго производства это противное свойство тяжебнаго производства оффиціальное пополненіе дѣла справками, достигшее въ Сенатѣ до особенно обширнаго развитія и обратившееся въ какой-то систематическій способъ такъ-называемой о ч и с т к и бумагъ и къ удаленію дѣла на неопредѣленное время [1]). Зарудный находилъ, что слѣдуетъ согласовать сенатское производство съ порядкомъ судопроизводства въ низшихъ инстанціяхъ и для этой цѣли онъ предлагаетъ введеніе въ Сенатѣ состязательнаго процесса и правильнаго прокурорскаго надзора.

Далѣе развивая мысль о необходимости состязательнаго процесса, при отсутствіи котораго судъ не имѣетъ возможности развить свое убѣжденіе о правѣ тяжущихся до степени достовѣрности, Зарудный послѣдовательно приходитъ къ мысли о необходимости установленія при судѣ непосредственныхъ представителей тяжущихся—присяжныхъ стряпчихъ. Какъ коррективъ противъ состязательнаго процесса, который, благодаря стачкѣ сторонъ, можетъ иногда затронуть интересы третьихъ лицъ, Зарудный предлагаетъ установить участіе и по гражданскимъ дѣламъ прокурора, какъ хранителя закона и постояннаго представителя на судѣ правъ казны, общественнаго порядка и власти правительственной. Не касаясь частностей записки Заруднаго, упомянемъ о предложенномъ имъ порядкѣ разрѣшенія дѣла, когда при собираніи голосовъ судей послѣдуетъ болѣе двухъ мнѣній и не составится ни большинства, ни равенства. Правила эти цѣликомъ перешли въ ст. 699 уст. гражд. суд.

---

[1]) Къ свѣдѣнію лицъ, тайно и явно воздыхающихъ о старыхъ судебныхъ порядкахъ, приведемъ одну справку, значащуюся въ другой работѣ Заруднаго. По дѣлу Шидловскихъ въ одномъ и томъ же 7-мъ департаментѣ послѣдовали 12 (12—не опечатка!) противорѣчивыхъ указовъ съ 1849 по 1856 г. Замѣчательно, что еще въ 1856 г., т.-е. послѣ двадцати лѣтъ отъ начала производства разрѣшенъ былъ только вопросъ о предоставленіи хода сему дѣлу, а по существу оно еще не разсматривалось въ палатѣ (см. т. IX стр. 99. Дѣло о преобр. суд. ч.).

Затѣмъ слѣдуетъ составленный Зарудным̀ъ проектъ о производствѣ тяжебныхъ дѣлъ въ Сенатѣ, состоящій изъ 36 статей.

Третья записка посвящена вопросу „объ отмѣнѣ окончательныхъ рѣшеній судебныхъ мѣстъ". Какъ видно изъ записки, на отмѣну т.-е. кассацію рѣшеній Зарудный смотрѣлъ какъ на „чрезвычайный" способъ судебной защиты, имѣющій мало общаго съ современнымъ институтомъ кассаціоннаго обжалованія. Правило объ отмѣнѣ окончательныхъ рѣшеній, говоритъ онъ, ограничиваетъ произволъ суда, устанавливаетъ единство въ рѣшеніяхъ и преграждаетъ возможность безнаказаннаго нарушенія существенныхъ правилъ и формъ судопроизводства. Законы, предоставляя судебнымъ мѣстамъ право рѣшить дѣло окончательно, вмѣстѣ съ тѣмъ должны указать и на то, что соблюденіе сей формальности не заключаетъ права на безнаказанное (какъ увидимъ ниже у Зарудн наго—это слово было не звукъ пустой) нарушеніе закона. Зарудный допускалъ четыре вида просьбъ объ отмѣнѣ рѣшенія: 1) когда нарушены права третьяго лица, 2) когда рѣшеніе основано на подложномъ документѣ или постановлено при неимѣніи всѣхъ документовъ, открытыхъ впослѣдствіи, или составлено съ нарушеніемъ существенныхъ формъ, по упущенію самихъ тяжущихся или по неумышленному упущенію суда, 3) когда оно постановлено вслѣдствіе пристрастія суда, 4) когда рѣшеніе постановлено въ явное нарушеніе закона или съ нарушеніемъ существенныхъ формъ по винѣ судебнаго мѣста.

Зарудный, предвидя возможность чрезмѣрнаго увеличенія просьбъ объ отмѣнѣ рѣшенія, указываетъ на необходимость принятія ограничительныхъ мѣръ: иначе пересмотръ дастъ возможность прикрывать ошибкою злое намѣреніе. Вообще, говоритъ онъ, при допущеніи правилъ о пересмотрѣ рѣшеній, этомъ необходимомъ злѣ, составляющемъ послѣдствіе несовершенства природы человѣческой, надлежитъ принять самыя строгія мѣры къ тому, чтобы не распространять онаго за предѣлы необходимости и допускать пересмотръ рѣшеній только съ тою цѣлью, чтобы форма не была предпоставлена (предпочтена) существу: ибо рѣшеніе судебнаго мѣста имѣетъ въ виду достиженіе правды, а не исключительное исполненіе формальностей.

Въ качествѣ мѣры, клонящейся къ ограниченію числа прошеній объ отмѣнѣ, Зарудный предлагалъ установить штрафы въ размѣрѣ 10% съ цѣны иска, которые, впрочемъ, преслѣдовали и другую цѣль—предупредить пристрастіе со стороны суда. Отвергая апелляціонный штрафъ, Зарудный тѣмъ не менѣе стоялъ за кассаціонный въ виду особаго взгляда его на просьбы объ отмѣнѣ рѣшеній. Въ такой чрезвычайной просьбѣ онъ видѣлъ „обвинительный актъ на судебное мѣсто, а на штрафъ за неправую просьбу смотрѣлъ какъ на особую мѣру гражданскаго взысканія за неправое обвиненіе“! Мѣра сія, говоритъ онъ, замѣняя искъ уголовный ускоряетъ и упрощаетъ ходъ дѣлъ и дѣлаетъ возможнымъ наблюденіе за безпристрастіемъ судей. Самое взысканіе штрафовъ проектировалось въ такомъ видѣ: штрафу подвергался тотъ изъ тяжущихся (въ пользу противника), кто допустилъ нарушеніе формальности влекущей за собою пересмотръ, если же пересмотръ допускается вслѣдствіе нарушенія судьи, дозволившаго себѣ сознательное нарушеніе формъ, то взиманію штрафа подвергается судья, если же просьба признана не заслуживающею уваженія, то штрафу подвергается самъ тяжущійся. Очевидно (?), замѣчаетъ Зарудный, что если тяжущійся или судья не убѣждены въ правотѣ своего дѣла, а второй въ правильности своихъ дѣйствій, то ни тотъ, ни другой не будетъ просить о взысканіи штрафа съ тяжущагося, и наоборотъ.

Зарудный выступилъ рѣшительнымъ сторонникомъ единаго кассаціоннаго суда, но не скрывалъ отъ себя опасности, которая таилась въ учрежденіи единаго высшаго суда. Въ самомъ единствѣ сего суда заключался, по его мнѣнію, опасный поводъ къ произвольному расширенію его дѣйствій. Онъ какъ бы невольно поддавался страху поговорки—quis custodiet custodes? и предлагалъ такой коррективъ: нарушеніе закона должно быть явное для того, чтобы оно могло служить поводомъ къ допущенію кассаціи: недостаточно для сего, если рѣшеніе суда не вполнѣ согласно съ точнымъ смысломъ закона; необходимо, чтобы это нарушеніе совершенно измѣняло смыслъ и намѣреніе закона. Но коррективъ, какъ и показалъ опытъ, оказался недѣйствительнымъ: несмотря на помѣщеніе въ пунктѣ 1 ст. 793 Уст. гр. суд.

термина „явный", кассаціонный судъ нисколько не стѣсненъ въ произвольномъ расширеніи круга своей власти.

Если такъ стояло дѣло при первоначальномъ кассаціонномъ порядкѣ, то что сказать о новѣйшемъ порядкѣ, созданномъ новеллою 10-го іюня 1877 г. (ст. 804, у. гр. суд.), по которой Сенатъ освобождалъ отъ обязанности мотивировать свои рѣшенія?

„Право суда постановлять рѣшенія, не полагая своихъ основаній имѣло бы,—замѣчаетъ Зарудный,—прямымъ послѣдствіемъ права суда рѣшить дѣло незаконно. Изложеніе основаній рѣшенія есть первое условіе гласности судебнаго рѣшенія. Оно именно принадлежитъ къ тѣмъ существеннымъ формамъ, при нарушеніи коихъ самыя рѣшенія въ глазахъ закона не могутъ имѣть никакой силы никакого юридическаго значенія" (стр. 76).

Въ концѣ записки Зарудный отмѣчаетъ любопытную особенность стараго процесса, благодаря которой всѣ судьи, начиная отъ высшихъ и до низшихъ имѣли долю законодательной власти, такъ какъ могли, доведя при посредствѣ безконечныхъ инстанцій дѣло до Государственнаго Совѣта, возбудить законодательный вопросъ и рѣшить дѣло на основаніи новаго закона, т.-е. дать закону обратную силу. Указавъ за симъ способъ отмѣны этого порядка, Зарудный заключаетъ свою записку слѣдующими замѣчательными словами: „противу изложенныхъ въ настоящей статьѣ основаній можетъ быть, между прочимъ, представлено слѣдующее возраженіе: хорошо дано-время (курсивъ въ подлинникѣ). Противъ этого софизма, который сдѣлалъ много зла на свѣтѣ можно сказать одно только: если изложенныя основанія правильны, то они и благовременны. Трудно думать, чтобы люди, гдѣ-либо и когда-либо были приготовлены и незрѣлы для хорошаго. Правильное устройство судебныхъ учрежденій составляетъ вопросъ самый настоятельный для Россіи; притомъ же правильный законъ никогда не сдѣлаетъ зла; можетъ быть. по какимъ-либо обстоятельствамъ и даже по самому свойству закона новаго, онъ не будетъ нѣкоторое время исполняемъ согласно съ точнымъ онаго разумомъ, но гораздо вѣроятнѣе, что онъ тотчасъ пуститъ глубоко свои корни и составитъ

могущественную опору спокойствія и благоденствія народа" (см. стр. 47 Записки отъ 24 февраля 1859 г.). Какія простыя и благородныя мысли и какъ часто онѣ упускаются изъ виду близорукими политиками!

Затѣмъ слѣдуетъ проектъ „объ отмѣнѣ окончательныхъ рѣшеній судебныхъ мѣстъ", состоящій изъ 68 статей и дополнительныя объясненія. Отмѣтимъ любопытную подробность проекта Заруднаго, заимствованную изъ французскаго процесса, а именно права прокуратуры приносить кассаціонные протесты по гражданскимъ дѣламъ, въ интересахъ охраны закона. Другая любопытная подробность—установленіе одной и только одной кассаціи. На рѣшеніе, состоявшееся послѣ кассаціи нельзя подавать новой кассаціи, а только допускаются жалобы на судей и взысканія съ нихъ убытковъ. Въ оправданіе такого ригоризма приводилъ Зарудный въ другомъ мѣстѣ такое соображеніе: „Достиженіе правды есть цѣль суда, но безусловное стремленіе къ сему, по несовершенству природы человѣческой, осуществлено быть не можетъ. Печальная, но всѣмъ извѣстная истина".

Слѣдуетъ далѣе небольшая критическая замѣтка, свидѣтельствующая о томъ, какъ трезво смотрѣлъ Зарудный на вопросъ о заимствованіи иностранныхъ учрежденій и какъ далекъ онъ былъ отъ доктринерства, въ которомъ его обвиняютъ. Въ № 23-мъ Русскаго Вѣстника 1858 г. появилась статья, въ которой доказывалась необходимость учрежденія при словесныхъ (мировыхъ) судахъ адвокатуры. Противъ этой статьи и направлена означенная замѣтка. Есть такія истины, говоритъ Зарудный, противъ которыхъ спорить никто не можетъ: родились ли онѣ вмѣстѣ, всосали ли мы ихъ съ молокомъ нашей кормилицы, или онѣ незамѣтно вкрались въ наши понятія—неизвѣстно. Къ такимъ понятіямъ принадлежитъ и необходимость учрежденія „стряпчихъ" (слова „адвокатуры" какъ нецензурнаго и подозрительнаго Зарудный, повидимому, избѣгалъ намѣренно). Установивъ такой взглядъ на адвокатуру. Зарудный тѣмъ не менѣе находитъ неумѣстнымъ введеніе адвокатуры въ словесныхъ (мировыхъ) судахъ въ виду ихъ особаго характера (примирительнаго) и малоцѣнности дѣлъ, подлежащихъ его вѣдѣнію. Въ концѣ статьи мы находимъ цѣнное замѣчаніе, изъ

котораго видно, какъ далекъ былъ Зарудный отъ слѣпаго поклоненія французскимъ учрежденіямъ, которое невѣжественные критики нерѣдко ставятъ въ вину какъ ему въ частности, такъ и составителямъ Судебныхъ Уставовъ вообще. Возражая противъ одного писателя, выставлявшаго въ замѣчательно розовомъ свѣтѣ французскіе суды, Зарудный, ссылаясь на собственныя наблюденія и литературныя указанія, возражаетъ: „Франція, какъ и всякое другое государство въ своихъ учрежденіяхъ имѣетъ и много хорошаго, и много дурнаго. Правильное воззрѣніе на французскія учрежденія, т.-е. указаніе на хорошее, какъ на хорошее, и на худое, какъ на худое, безъ всякаго сомнѣнія полезно, но воззрѣніе одностороннее, прославленіе французскихъ учрежденій едва ли имѣетъ практическое значеніе“. И такого-то человѣка стараются нынѣшніе зоилы выставить какъ слѣпаго поклонника французскаго судоустройства.

Затѣмъ мы находимъ въ томъ же IX томѣ составленный Заруднымъ, „проектъ положенія о присяжныхъ повѣренныхъ“ отъ 3-го мая 1859 г. Если не ошибаемся, тутъ впервые въ оффиціальномъ документѣ появляется названіе „присяжный повѣренный“ (раньше вездѣ говорилось присяжный стряпчій). Многія изъ статей проекта цѣликомъ перешли въ дѣйствующее законодательство о присяжныхъ повѣренныхъ (таковы статьи 1, 3, 4, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27).— Укажемъ на нѣкоторыя особенности проекта. Онъ допускаетъ учрежденіе Совѣта, но съ ограниченною властью: Совѣтъ можетъ сдѣлать выговоръ и присудить къ штрафу до 100 р., но не можетъ исключить изъ сословія, каковое право принадлежитъ уголовному суду. Равную съ совѣтомъ власть имѣетъ и предсѣдатель суда, въ коемъ производится тяжба. Предоставленіе званія присяжнаго повѣреннаго зависитъ отъ суда, къ которому приписывается абитуріентъ и которому Совѣтъ сообщаетъ лишь свое мнѣніе. Въ Совѣтѣ предсѣдательствуетъ уѣздный стряпчій или прокуроръ. Присяжный повѣренный не считается на дѣйствительной службѣ, но послѣ 10-лѣтняго пребыванія въ сословіи получаетъ за выслугу чины. Очень интересное правило находимъ въ ст. 18. Вотъ оно: присяжный повѣренный, если онъ найдетъ явно неправымъ искъ тяжущагося, можетъ отказаться отъ дѣла,

но обязанъ донести о томъ Совѣту, который поручаетъ дѣло другому повѣренному или предоставляетъ тяжущемуся имѣть личное хожденіе по дѣлу или избрать повѣреннымъ лицо, не приписанное къ числу присяжныхъ повѣренныхъ.—Вотъ какъ *просто разрѣшается даже въ первомъ зачаточномъ проектѣ* объ адвокатурѣ вопросъ о веденіи неправыхъ дѣлъ, вопросъ, въ который внесли столько путаницы и Сенатъ по дѣлу Лохвицкаго, и Московскій Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ по дѣлу Березницкаго.

Двѣ послѣднія записки посвящены судопроизводству по дѣламъ казны и особеннымъ 16-ти родамъ тяжебъ и исковъ (удѣльнаго, духовнаго вѣдомства и пр.). Сдѣлавъ общій очеркъ судопроизводства по дѣламъ казны и отмѣтивъ крайнюю его сложность и запутанность (до 11 инстанцій) Зарудный предлагаетъ подчинить дѣла казны общему порядку состязательнаго процесса, видя въ немъ лучшую гарантію правосудія. Задача состязательнаго процесса,—говоритъ онъ,—состоитъ въ предпоставленіи существа дѣла формѣ и она достигается предоставленіемъ тяжущимся всевозможной свободы во взаимныхъ между собою отношеніяхъ по сообщенію отвѣтовъ, возраженій и разныхъ документовъ и установленіемъ при самыхъ судахъ посредниковъ между ними, безпристрастное участіе коихъ, устраняя личныя, почти всегда враждебныя отношенія тяжущихся, проливаетъ новый свѣтъ на дѣло и служитъ лучшимъ основаніемъ къ правильному разрѣшенію дѣла [1]).

Благодаря горячей защитѣ Зарудныма состязательнаго начала, имъ проникся всецѣло нашъ гражданскій процессъ. За это одно, если бы даже не было у Заруднаго другихъ заслугъ, онъ стяжалъ бы право на признательность потомства.

---

[1]) Къ 1859 же году относится вышедшая отдѣльною книгою монографія Заруднаго «Опытъ изслѣдованія о системѣ русскихъ гражданскихъ законовъ».

ГЛАВА V.

Вліяніе освобожденія крестьянъ на судебную реформу.

Если не можешь ты нравиться всѣмъ своими трудами,
Нравься немногимъ; а всѣмъ нравиться худо, мой другъ!

Шиллеръ

Въ 1860-мъ году обсужденіе проектовъ гр. Блудова, въ соединительныхъ департаментахъ, не прерывалось совсѣмъ, но шло довольно вяло. Вниманіе Государственнаго Совѣта отвлечено было частью обсужденіемъ проектовъ объ улучшеніи земской полиціи и объ учрежденіи судебныхъ слѣдователей, главнымъ же образомъ разсмотрѣніемъ проекта великаго законодательнаго акта объ освобожденіи крестьянъ, которому посвящены были всѣ лучшія тогдашнія умственныя и нравственныя силы офиціальныхъ и неофиціальныхъ сферъ. Этой же великой задачѣ упраздненія величайшей изъ неправдъ добраго стараго времени посвящалъ тогда свои силы и время С. И. Зарудный.

Ему выпало завидное счастье играть не послѣднюю роль въ этомъ благородномъ и святомъ дѣлѣ исправленія многовѣковой исторической неправды. Въ октябрѣ 1859 г. назначенъ былъ Зарудный исправляющимъ должность статсъ-секретаря гражданскаго департамента Совѣта, при чемъ Высочайше повелѣно было оставить его при занятіяхъ по Уставу гражданскаго судопроизводства. Но наканунѣ разсмотрѣнія Положенія о крестьянахъ государственный секретарь В. П. Бутковъ, нуждаясь въ помощи своего талантливаго сотрудника, счелъ нужнымъ перевести его въ департаментъ законовъ. Сначала, 25 сентября 1860 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о назначеніи Заруднаго въ помощь государственному секретарю при окончательномъ разсмотрѣніи

въ Главномъ Комитетѣ по крестьянскому дѣлу, составленнаго бывшими при ономъ редакціонными коммиссіями Положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, и затѣмъ 7-го января 1861 г. состоялось назначеніе Заруднаго исправляющимъ должность статсъ-секретаря въ департаментѣ законовъ. Такъ что на его долю палъ завидный жребій быть докладчикомъ безсмертнаго законодательнаго акта 19-го февраля, долженствующаго занять въ исторіи цивилизаціи мѣсто едва ли не рядомъ съ знаменитою magna charta libertatum.

Всею душою преданный дѣлу освобожденія, Зарудный, вмѣстѣ съ другими преданными друзьями свободы, немало выстрадалъ во время мучительныхъ перипетій, коими сопровождалось насажденіе у насъ крестьянской свободы. Какъ извѣстно, были минуты, когда судьба этого святаго дѣла висѣла на волоскѣ и друзья его должны были прибѣгать ко всевозможнымъ уловкамъ, чтобы очищать его отъ всевозможныхъ искаженій, на которыя была такъ щедра великосвѣтская клевета и старая крѣпостническая котерія (ея разстроенному воображенію уже рисовался грозный призракъ чуть не соціальной революціи)... Но желанный день освобожденія насталъ, наконецъ, и объ страданіяхъ, испытанныхъ раньше, рѣдко кто вспоминалъ впослѣдствіи. Не помнилъ ихъ и Зарудный. Успѣхъ изгладилъ тяжелыя воспоминанія и съ „19-мъ февраля“ у С. И. всегда было связано самое веселое, жизнерадостное воспоминаніе. Онъ съ особенною гордостью носилъ свою золотую медаль на александровской лентѣ въ память освобожденія...

Только принявъ во вниманіе громадный соціальный переворотъ, перестраивавшій заново не только гражданско-правовыя отношенія десятковъ милліоновъ, но и создававшій новый кругъ понятій, новое міросозерцаніе или умоначертаніе, какъ выражались въ старину, — мы можемъ понять причину и смыслъ того высокаго, либерально-гуманнаго полета мысли, слова и дѣла, который съ 1861 г. замѣчается на всѣхъ литературныхъ произведеніяхъ этого времени, на всѣхъ реформахъ и начинаніяхъ правительства вообще и на судебной реформѣ въ частности. А иначе все это, по наружному виду безпокойное, безпорядочное, головокружительное движеніе и „реформаціонный зудъ“, какъ выразился

одинъ изъ зоиловъ, покажется чѣмъ-то непонятнымъ, случайнымъ, произвольнымъ и созданнымъ увлеченіемъ и капризомъ отдѣльныхъ лицъ. Между тѣмъ такое освѣщеніе событій было бы несправедливостью не только противъ отдѣльныхъ дѣятелей, но и фальшивою окраскою всей преобразовательной эпохи, которая черпала свои силы не въ капризномъ своеволіи отдѣльныхъ иниціаторовъ, а въ всеобщемъ неудержимомъ стремленіи, во что бы то ни стало и какъ можно скорѣе изгладить слѣды застарѣлыхъ вѣковыхъ неправдъ, насилій и злоупотребленій. Это благородное движеніе, стоявшее выше желаній и расчетовъ отдѣльныхъ лицъ, и ихъ самихъ увлекавшее, было вызвано тѣмъ же чувствомъ внезапно, и увы! ненадолго вспыхнувшаго историческаго стыда и общаго угрызенія совѣсти, которое двигало французскимъ Національнымъ Собраніемъ въ знаменитую ночь 4-го августа 1789 г. Это чувство даетъ смѣлость и мощь для совершенія, въ короткій періодъ времени просвѣтлѣнія умовъ, такихъ великихъ дѣлъ, которыхъ смыслъ не въ силахъ понять и оцѣнить послѣдующія поколѣнія!

Только принявъ во вниманіе это измѣненіе общественнаго настроенія, эти могучія стихійныя теченія, мы можемъ понять тотъ переворотъ, который былъ произведенъ Зарудным въ судебной реформѣ и который иначе показался бы чѣмъ-то невѣроятнымъ, почти сказочнымъ, богатырскимъ подвигомъ.

Вопреки столь свойственному авторамъ и составителямъ проектовъ самообольщенію, С. И. самъ очень хорошо понималъ значеніе той силы, которая помогла ему свершить его великій подвигъ. „Трудно понять, — писалъ въ 1886 г. С. И.,— почему развиваются извѣстныя воззрѣнія и представляются не только правильными, но даже необходимыми въ государственномъ устройствѣ, между тѣмъ за нѣсколько дней до того, тѣ же воззрѣнія считались вредными и даже губительными для государственнаго распорядка. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года служатъ доказательствомъ этой великой научной истины (афоризма). При крѣпостномъ правѣ въ сущности не было надобности въ справедливомъ судѣ. Настоящими судьями были тогда только помѣщики, надъ ними господствовалъ высшій своевольный судъ. Помѣщики не могли ему не покоряться; но въ ихъ рукахъ сосредоточилась власть надъ

большинствомъ народонаселенія. Они были судьями народа; они же были и исполнителями своихъ рѣшеній. Отъ помѣщика зависѣли всѣ соотношенія и къ крестьянамъ, и къ землѣ, и къ ея живымъ урочищамъ и всякимъ угодьямъ; и барщина, и жизнь, и смерть крестьянина; убьетъ помѣщикъ своего крестьянина, — объ этомъ и не узнаютъ, а если, пожалуй, и узнаютъ, то все же судъ оправдаетъ помѣщика и будетъ оправдывать его, въ подобныхъ случаяхъ, до того времени, пока сами крестьяне не наложатъ руку на своего барина и не убьютъ его, а тогда ихъ тотчасъ же отправляютъ въ каторжныя роботы. У насъ это водилось искони; нынѣче эту крестьянскую расправу называютъ судомъ Линча. Этотъ американскій самосудъ доказываетъ, что сама природа требуетъ быстраго вознагражденія за совершенныя злодѣянія. Положенія 19 февраля 1861 г. прекратили эти завзятые распорядки. Тогда и высшіе наши сановники сознали, что наступило время, когда и для Россіи такъ же точно, какъ и для всякаго порядочнаго государства, явилась безотлагательная надобность въ судѣ скоромъ и справедливомъ. Вотъ задача судебныхъ уставовъ 1864 г.

„Она возникла, она задалась сама собою вслѣдствіе событія, совершившагося по волѣ Самодержца Всероссійскаго. Необходимо, — говоритъ въ заключеніе Зарудный, — проникнуться этою мыслью. Если бы въ 1861 году не состоялось освобожденіе крестьянъ съ землею, то ни въ коемъ случаѣ не были бы 20 ноября 1864 года утверждены наши Судебные уставы“ [1]).

И такъ, освобожденіе крестьянъ вызвало на свѣтъ такъ-называемый, и такъ справедливо называемый, новый судъ совѣсти. Въ этомъ удостовѣряетъ компетентнѣйшій свидѣтель исторіи его зарожденія, Зарудный. Ему-то можно повѣрить,

---

[1]) См. Матеріалы для біографіи С. И. Заруднаго въ Русской Старинѣ. Сентябрь 1888 г. № 9. Эти замѣтки, которыя не безъ основанія могутъ быть названы автобіографическими, явились на свѣтъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ февралѣ 1886 г. мною составлено было мотивированное предложеніе объ избраніи С. И. Заруднаго въ почетные члены Московскаго Юридическаго общества. Послѣ избранія С. И. пожелалъ имѣть копію съ этого предложенія. Я послалъ ему копію, которую онъ возвратилъ съ значительными поправками и дополненіями, имѣвшими цѣлью представить исторію судебной реформы въ своемъ подлинномъ освѣщеніи.

и стало быть можно это преемство считать исторически доказаннымъ... Какимъ убѣдительнымъ доказательствомъ служитъ этотъ историческій фактъ всей праздности и произвольности поднятаго въ послѣднее время вопроса о томъ, кому нужны освободительныя реформы—народу или интеллигенціи? Указанный фактъ показываетъ и, смѣю думать, доказываетъ, какъ тѣсно и неразрывно сплетаются интересы того и другого.

Чтобы насчетъ этого факта капитальной важности не оставалось никакого сомнѣнія, приведемъ свидѣтельство оффиціальной достовѣрности, справку изъ журнала Государственнаго Совѣта. Продолжая въ половинѣ 1861 года, т.-е. послѣ освобожденія крестьянъ, обсужденіе проектовъ гр. Блудова, Совѣтъ разсуждалъ такъ:

Дѣйствующія нынѣ узаконенія о гражданскомъ судопроизводствѣ не могутъ удовлетворять условіямъ жизни, къ которой вызвана Россія, какъ совершившимися уже, такъ и предпринимаемыми постепенно реформами. Не говоря о вовбужденныхъ разнаго рода вопросахъ, тѣсно связанныхъ съ необходимостью новаго судебнаго порядка, о д н о у н и ч т о ж е н і е к р ѣ п о с т н о г о с о с т о я н і я провело столь рѣзкую черту между прежнимъ и новымъ порядкомъ вещей, что нѣкоторыя, относящіяся къ гражданскому судопроизводству начала, болѣе или менѣе соотвѣтствовавшія прежнему гражданскому быту половины населенія нашего обширнаго отечества, а до извѣстной степени даже и необходимыя въ прежнее время, теперь обратились въ недостатки, безъ искорененія коихъ невозможно достигнуть дѣйствительнаго улучшенія въ гражданскомъ процессѣ. Къ такимъ, истекающимъ изъ прежняго порядка вещей, началамъ гражданскаго судопроизводства, въ коихъ нынѣ заключаются, такъ сказать, органическіе недостатки сего закона, принадлежатъ въ особенности три слѣдующія:

1) Смѣшеніе властей: исполнительной (административной), судебной и законодательной;

2) существованіе особыхъ сословныхъ судовъ;

3) многочисленность судебныхъ инстанцій.

Всѣ эти начала не только не были въ противорѣчіи съ условіями прежней жизни, но въ нѣкоторой степени составляли прямое п о с л ѣ д с т в і е разнообразныхъ гражданскихъ отношеній.

Такимъ образомъ первое начало: смѣшеніе властей, было отчасти неизбѣжнымъ послѣдствіемъ крѣпостнаго состоянія. Помѣщичьи крестьяне, въ лицѣ своего владѣльца имѣли администратора, хозяина, судью и исполнителя своихъ рѣшеній. Составляя около половины всего нашего народонаселенія, они почти не пользовались гражданскими правами, а потому и не было никакой возможности въ учрежденіи такого суда, который, по близости своей къ ихъ мѣсту пребыванія и по самымъ формамъ своихъ дѣйствій, могъ-бы разбирать взаимные ихъ споры, изъ немногихъ и самыхъ ничтожныхъ гражданскихъ правъ истекающіе. Помѣщикъ не только замѣнялъ для нихъ гражданскій судъ, но имѣлъ право возбуждать и рѣшать иски уголовные и налагать на своихъ крестьянъ нѣкоторыя, даже довольно строгія наказанія.

Такое смѣшеніе властей въ быту крестьянъ помѣщичьихъ, по необходимости должно было отразиться и на учрежденіи крестьянъ другихъ вѣдомствъ. И у нихъ власти хозяйственныя и полицейскія, въ силу самой необходимости, сдѣлались вмѣстѣ съ тѣмъ и судебными. Это смѣшеніе властей обнаруживается и въ сельскихъ и волостныхъ управленіяхъ: въ лицѣ старшины или головы сосредоточивается и власть полицейская, и власть хозяйственная и власть судебная. Сельскія и волостныя расправы, преимущественно занятыя исполненіемъ порученій начальства, въ существѣ вовсе не имѣютъ значенія самостоятельнаго суда: поэтому они не имѣютъ сознанія своего долга и не возбуждаютъ никакого довѣрія. Такимъ образомъ, въ строгомъ смыслѣ, ни сельскій, ни волостной судъ не существуетъ, и на мѣсто закона, этой живой государственной силы, поставленъ произволъ распорядителя.

При такомъ смѣшеніи властей въ отдѣльныхъ управленіяхъ, оно необходимо должно было проникнуть и въ общее управленіе Имперіи, и нынѣ всѣ административныя власти, начиная отъ станового пристава до губернатора и даже до министровъ, вмѣшиваясь, въ силу самаго закона, въ ходъ судебныхъ дѣлъ и тѣмъ самымъ ослабляя истинное значеніе суда, останавливаютъ правильное исполненіе правосудія. Эти неудобства обратили уже съ нѣкотораго времени

вниманіе правительства и вопросъ объ отдѣленіи власти судебной отъ административной вошелъ въ программу работъ не только по преобразованію судебнаго порядка, но и по устройству полицейской и вообще административной части.

Изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что всѣ три вышеуказанныя начала: смѣшеніе властей, сословные суды и многочисленность судебныхъ инстанцій, истекающая изъ прежняго устройства нашего общества и разныхъ сословныхъ отношеній, имѣютъ между собою такую непосредственную связь, что при существованіи одного изъ нихъ были почти неизбѣжны и другія, и потому нынѣ, съ уничтоженіемъ самой причины, оправдавшей до нѣкоторой степени прежній порядокъ, необходимо устранить одновременно всѣ эти органическіе недостатки теперешняго судопроизводства.

ГЛАВА VI.

Развитіе судебной реформы.

Далѣе, смѣлый пловецъ! Пускай невѣжды смѣются;
Пусть утомившійся руль выпуститъ кормчій изъ рукъ—
Далѣе, далѣе къ западу! Долженъ тамъ берегъ явиться:
Вѣруй вожатому — разуму! Бодро плыви океаномъ!
Если земли тамъ и нѣтъ — выйдетъ она изъ пучинъ:
Въ тѣсномъ союзѣ и были, и будутъ природа и геній;
Что обѣщаетъ намъ онъ — вѣрно исполнитъ она.

Шиллеръ.

Послѣ сказаннаго въ предыдущей главѣ, фактъ громаднаго и непосредственнаго вліянія освобожденія крестьянъ на дальнѣйшій ходъ судебной реформы, кажется, можно считать твердо установленнымъ. Но констатируя этотъ фактъ, не слѣдуетъ забывать и умалять значенія дѣятельности лицъ, и во главѣ ихъ С. И. Заруднаго, коимъ пришлось приспособлять проекты судебнаго преобразованія къ новымъ условіямъ жизни, созданнымъ для Россіи актомъ 19-го февраля. Требовалось въ усовершенствованныхъ проектахъ гр. Блудова 1857—1860 гг. произвести такія же перемѣны къ лучшему, какія произвелъ самъ Блудовъ въ 1857—60 гг. и въ своихъ первоначальныхъ предположеніяхъ конца 40-хъ годовъ.

Уступки, сдѣланныя гр. Блудовымъ въ концѣ 50-хъ годовъ были очень велики, но были вещи, о которыхъ онъ не смѣлъ оффиціально заикнуться, и о которыхъ только убѣжденные либералы могли мечтать втихомолку, — да и мечты были не безопасны! Могъ ли, напр., гр. Блудовъ, не отвергавшій въ принципѣ суда присяжныхъ, думать о судѣ присяжныхъ, въ то время, когда Государственному Совѣту объявлено было Высочайшее повелѣніе объ воспрещеніи касаться суда присяжныхъ; — когда въ 1859 г. воспрещено было гово-

рить не только о судѣ присяжныхъ, но объ освобожденіи крестьянъ въ печати и дворянскихъ собраніяхъ [1]).

Съ 1861 г. положеніе дѣлъ сразу измѣнилось. Если сторонники либеральныхъ реформъ, и въ числѣ ихъ Зарудный, должны было дотолѣ, выбиваясь изъ силъ неустанно, но почти безплодно грести противъ теченія, то съ 1861 г. тѣ же гребцы, пользуясь неожиданно подувшимъ сильнымъ попутнымъ вѣтромъ, съ удвоенною силою налегли на весла. И быстро понеслась по теченію утлая ладья, несшая на себѣ драгоцѣнный, но хрупкій багажъ русскаго прогресса!!...

Заслуга Заруднаго заключается въ томъ, что онъ со всею энергіею рѣшился воспользоваться новыми вѣяніями, наступившими послѣ поистинѣ „красной" весны 1861 г., для своего плана о судебной реформѣ, который онъ лелѣялъ съ первыхъ же шаговъ своей службы.

Какъ мы замѣтили выше, въ 1842 г. съ перваго же дня своего поступленія въ министерство юстиціи онъ скрѣплялъ циркуляръ чиновъ судебнаго вѣдомства о доставленіи ими практическихъ замѣчаній и снималъ съ получаемыхъ отвѣтовъ копіи. Любопытно, что въ то время, какъ во II отдѣленіи Е. И. В. канцеляріи пропали подлинники доставленныхъ отзывовъ, Зарудный хранилъ копіи ихъ. Копіи эти познакомили его съ многими нуждами судебной практики. Затѣмъ почти 20-тилѣтняя судебно-законодательная практика въ связи съ изученіемъ иностранныхъ законодательствъ и литературы и иностранной судебной практики, во время неоднократныхъ поѣздокъ за границу,—вотъ та прекрасная теоретическая и практическая подготовка, которую приносилъ Зарудный въ 1861 г., приступая къ новымъ работамъ по судебной реформѣ.

Обстоятельства сложились весьма благопріятно. Весь 1861 годъ прошелъ въ кипучей дѣятельности, исполненной благороднаго воодушевленія и окружной какимъ-то лучезар-

---

[1]) О необходимости учрежденія независимаго суда и суда присяжныхъ впервые упоминалось въ всеподданнѣйшемъ адресѣ знаменитыхъ «пяти» дворянскихъ депутатовъ, составленномъ въ 1858 г. извѣстнымъ дѣятелемъ крестьянской реформы А. М. Унковскимъ. Эта же мысль проводилась въ дворянскихъ адресахъ Тверской, Ярославской и др. губерній, за что авторы адресовъ подверглись большимъ или меньшимъ непріятностямъ, начиная отъ выговора и кончая административною высылкою.

нымъ блескомъ. Едва ли русское общество и мысль переживали когда-либо такое жизнерадостное настроеніе, какъ въ этомъ, единственномъ въ русской исторіи, году!

Но, несмотря на высокій подъемъ нравственныхъ силъ и либеральныхъ теченій, застарѣлые предразсудки были еще такъ велики, что нужно было искусство опытнаго лоцмана, чтобы благополучно провести между канцелярскими шхерами дѣло судебной реформы. И Зарудный показалъ себя тутъ такимъ же тонкимъ политикомъ-организаторомъ, какъ и юристомъ-законодателемъ.

Либеральныя вѣянія — вѣяніями, а все-таки не нужно было забывать, что человѣкъ, въ рукахъ коего сосредоточено было дѣло судебной реформы, гр. Д. Н. Блудовъ, повидимому ей преданный, былъ теперь для нея сильнымъ тормозомъ. Блудовъ въ это время былъ не тотъ полный одушевленія юноша, который за свое вольнодумство вмѣстѣ съ Карамзинымъ, Дашковымъ, Жуковскимъ, Пушкинымъ и другими членами Арзамаса подвергался гоненіямъ отъ длинно и кратконолыхъ іезуитовъ того времени; не тотъ восторженный либералъ, который рукоплескалъ словамъ Александра I, что „либеральныя начала одни могутъ служить основою счастія народовъ“ и который писалъ женѣ своей: „служеніе правдѣ — служеніе Богу, и я молю Его, чтобы наши дѣти во всю жизнь были его обожателями, исповѣдниками, и, буде нужно, страдальцами“, — это былъ одряхлѣвшій старикъ, прошедшій почти полувѣковую сплошную эпоху реакцій болѣе или менѣе мрачной окраски. Блудовъ былъ слишкомъ хорошо образованъ и нравственно развитъ, чтобы идти рука объ руку съ Аркачеевыми, Магницкими и другими служителями безшабашнаго мракобѣсія, но все-таки время и окружающая обстановка сдѣлали свое.

Въ концѣ 50-хъ годовъ, гр. Блудовъ какъ-будто возвращается къ своимъ старымъ воззрѣніямъ и въ своихъ проектахъ дѣлаетъ значительныя уступки духу времени, но все-таки онъ не въ силахъ былъ порвать совсѣмъ съ своимъ прошлымъ и вывести судебную реформу на ту научно-гуманную дорогу, на которую она теперь выступала, благодаря совершившимся событіямъ и коренному перевороту въ общественномъ мнѣніи. Да, наконецъ, преклонный возрастъ (88 лѣтъ) служилъ также

не малымъ препятствіемъ для того, чтобы можно было поручить гр. Блудову руководство въ этомъ новомъ и послѣднемъ фазисѣ судебной реформы. Опасно было вливать новое вино въ старые мѣхи.

Гр. Блудова нужно было осторожно отдалить отъ руководства судебной реформой, иначе ей грозила опасность остановиться на полпути. Но справиться съ этою задачею было не легко. Блудовъ не только былъ оффиціальнымъ авторомъ проектовъ судебнаго преобразованія, но и юристомъ съ громаднымъ авторитетомъ, предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и главноуправляющимъ II отдѣленіемъ Е. И. В. канцеляріи. Съ такимъ почтеннымъ и сильнымъ противникомъ нежелательно и опасно было вступить въ открытый бой.

Сдѣлана была попытка, не мѣняя наружнаго ничего, создать рядомъ съ инициативою гр. Блудова другую, болѣе энергичную и плодотворную. Попытка удалась. Соединенные департаменты, приступившіе въ мартѣ 1861 года, тотчасъ по изданіи Положеній 19 февраля, къ дальнѣйшему разсмотрѣнію проекта гражд. суд. и проекта о присяж. повѣрен. и судоустройствѣ, какъ-бы инстинктивно почувствовали, что проекты эти уже не годятся болѣе, что они не „ко времени", которое значительно переросло ихъ. Въ виду этого департаменты признали необходимымъ „для ускоренія всей работы" указать только главныя основанія новаго судопроизводства, возложивъ предварительную подробную разработку сего проекта на государственную канцелярію, при содѣйствіи, какъ водится, членовъ II отдѣленія и министерства юстиціи. Для всякаго внимательнаго наблюдателя ясно было, что совершается, не бросающійся въ глаза пока, но существенный поворотъ въ работахъ по судебной реформѣ. Параллельно съ II отдѣленіемъ, т.-е. гр. Блудовымъ выступаетъ Государственная Канцелярія, т.-е. государственный секретарь В. П. Бутковъ, пользовавшійся въ это время большимъ довѣріемъ у покойнаго Государя, и ближайшій сотрудникъ и совѣтникъ Буткова С. И. Зарудный. Брешь была пробита, но оставалось еще много дѣла впереди.

Зарудный, чуждый авторскаго самолюбія, старался убѣдить Блудова въ несовершенствахъ проектовъ, находящихся на разсмотрѣніи Государственнаго Совѣта, въ которыхъ и

онъ принималъ значительное участіе, и въ необходимости повести дѣло судебной реформы по правильному плану и на научныхъ основаніяхъ.

Осенью 1861 г. Императоръ Александръ Николаевичъ вернулся изъ Крыма, въ самомъ пріятномъ и счастливомъ настроеніи духа. Бутковъ представилъ Государю записку о состояніи работъ Государственнаго Совѣта по судебной реформѣ и о затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ при обсужденіи внесенныхъ Блудовымъ проектовъ. Но авторитетъ Блудова былъ слишкомъ великъ, и онъ остался на мѣстѣ, а Государственная Канцелярія сдѣлала еще одинъ шагъ впередъ. Высочайше повелѣно было Блудову составить, сообща съ Бутковымъ, докладъ о положеніи работъ по судебной реформѣ. Самое объявленіе Высочайшаго повелѣнія гр. Блудову черезъ В. П. Буткова не прошло незамѣченнымъ для знатоковъ петербургскаго оффиціальнаго этикета. Въ качествѣ довѣреннаго юриста Буткова, Зарудный въ нѣсколько дней составилъ проектъ доклада, который безъ всякихъ возраженій принялъ Блудовъ, безсознательно выпуская возжи, которыя уже отказывались держать уставшія руки.

Зарудный проводилъ въ своемъ докладѣ три мысли: во-первыхъ, объ извлеченіи изъ старыхъ проектовъ „главныхъ, основныхъ началъ“; во-вторыхъ, о передачѣ дѣла судебной реформы въ Государственную Канцелярію, и въ-третьихъ, о привлеченіи къ дѣлу юристовъ-спеціалистовъ. Этимъ, на видъ скромнымъ, видоизмѣненіемъ Зарудный достигалъ двухъ важныхъ результатовъ: прежде всего проекты Блудова изъ предначертаній, находившихся наканунѣ законодательнаго разсмотрѣнія и утвержденія, низводились на степень законодательнаго матеріала, долженствовавшаго подлежать всесторонней переработкѣ. Затѣмъ иниціатива дѣла отъ II отдѣленія окончательно переходила къ Государственной Канцеляріи, т.-е. къ Буткову и Зарудному и, наконецъ, дѣло поручалось не просто чиновникамъ, а юристамъ-спеціалистамъ, пріобрѣвшимъ извѣстность своими учеными трудами или практическою дѣятельностью.

Докладъ Буткова-Блудова былъ Высочайше утвержденъ 23 октября 1861 г. Извлеченіе главныхъ основныхъ началъ было поручено Буткову, но чтобы не удалять рѣзко гр. Блу-

дова, за нимъ оставлено было общее высшее наблюденіе, другими словами пассивное бездѣйствіе.

Работа закипѣла! По совѣту Заруднаго немедленно приступлено было къ формированію той знаменитой „дружины юристовъ“, которая, можно сказать, на своихъ плечахъ вынесла и своею грудью отстояла дѣло созданія новаго суда. Въ составъ ея, кромѣ Заруднаго, составлявшаго ея душу и знамя, входили покойный Плавскій, чистой и славной памяти Н. А. Буцковскій, памяти котораго С. И. посвятилъ свой переводъ Беккаріи, а также нынѣшніе ветераны судебной реформы: Н. И. Стояновскій, не мало потрудившійся для новаго суда въ качествѣ товарища министра юстиціи, Д. А. Ровинскій, родоначальникъ суда присяжныхъ, К. П. Побѣдоносцевъ и др. Воодушевленные величіемъ предпринятаго дѣла, подталкиваемые могучею волною освободительныхъ теченій, эти юристы въ два мѣсяца выполнили, при руководствѣ С. И. Заруднаго, свою задачу. Результатъ ея не трудно было предвидѣть. Извлеченныя „основныя начала“ показали, что дотолѣ работы велись безъ строго проведенной системы, исходили изъ противоположныхъ принциповъ (слѣдственнаго и состязательнаго) и имѣли обычные недостатки нерѣшительныхъ мѣропріятій.

Планъ Заруднаго дѣйствовалъ превосходно. Такъ какъ невозможно было разсчитывать добиться, несмотря на все либеральное увлеченіе, полной свободы дѣйствій путемъ a priori, нужно было добиться этой свободы путемъ a posteriori. Теперь именно и приближалась минута, когда долженъ былъ состояться приговоръ надъ старыми проектами и разрѣшеніе составить ихъ на новыхъ началахъ. Для достиженія этой цѣли Зарудный обратился къ члену Государственнаго Совѣта, князю П. П. Гагарину, для котораго онъ и раньше составлялъ записки по разнымъ юридическимъ вопросамъ. Къ концу 1861 года настолько проникло общее сознаніе необходимости составленія новыхъ проектовъ и необходимость отстраненія Блудова, что уже была рѣшена замѣна его кн. Гагаринымъ на должность предсѣдателя въ Государственомъ Совѣтѣ.

Въ началѣ 1862 г. собственно и совершился коренной переворотъ въ характерѣ работъ по судебной реформѣ. По совѣту Заруднаго кн. Гагаринъ исходатайствовалъ знаменитое

Высочайшаго повелѣніе въ январѣ (число, къ сожалѣнію, неизвѣстно) 1862 г., составившее эпоху въ исторіи развитія русскаго законодательства и впервые послѣ Наказа Екатерины II пріобщившее его къ живому источнику раціональнаго законодательнаго творчества, къ европейской наукѣ и къ европейскому правосознанію.

Вотъ что гласило это краткое, но многозначительное Высочайшее повелѣніе: „Изложить въ общихъ чертахъ с о о б р а ж е н і я Государственной Канцеляріи и прикомандированныхъ къ ней юристовъ о тѣхъ главныхъ началахъ н е с о м н ѣ н н о е д о с т о и н с т в о коихъ п р и з н а н о въ н а с т о я щ е е в р е м я наукою и о п ы т о м ъ е в р о п е й с к и х ъ г о с у д а р с т в ъ и по коимъ должны быть п р е о б р а з о в а н ы с у д е б н ы я ч а с т и въ Р о с с і и". Магическая формула была произнесена! Клятва, лежавшая на наукѣ, была снята! Открытъ былъ, наконецъ, доступъ къ той передовой европейской наукѣ, которая развилась подъ вліяніемъ гуманныхъ и освободительныхъ идей XVIII и XIX столѣтій и которая хранилась у насъ за семью печатями, послѣ того, какъ вѣнценосная ученица Беккаріи и идеалистъ внукъ ея, заплативъ дань увлеченія этимъ идеямъ, старались остановить ихъ распространеніе. Теперь снова эти идеи сдѣлались доступными.

Зарудный ликовалъ,—и было отчего. Хотя еще далеко было до полной побѣды, но онъ хорошо понималъ, что разъ уничтожена та китайская стѣна, которая въ теченіе почти 50-ти лѣтъ отдѣляла наши законодательныя сферы отъ прямого воздѣйствія передовой европейской мысли, обаятельному дѣйствію ея подчинятся даже наиболѣе черствыя натуры и узкіе умы.

Съ этихъ поръ Зарудный съ товарищами взялись за дѣло съ удвоенною энергіею. Предъ нимъ открылась счастливая перспектива надѣлить свое отечество учрежденіями, составляющими основу цивилизованнаго общежитія. Не будучи болѣе поставленъ въ необходимость считаться съ старческою мнительностью одного, властнымъ недомысліемъ другого, съ враждебною свѣтобоязнью третьяго и съ самодовольною тупостью четвертаго, Зарудный открыто предлагалъ и защищалъ великіе институты европейскаго правоваго порядка—судебную

гласность, отдѣленіе судебной власти отъ законодательной и административной; несмѣняемость магистратуры; независимость адвокатуры; судъ присяжныхъ. Работая день и ночь, означенные юристы въ три мѣсяца составили извѣстныя „соображенія“ Государственной Канцеляріи и „основныя начала“. Какое освѣжающее и облагораживающее дѣйствіе производятъ эти прекрасныя страницы, исполненныя самаго высокаго воодушевленія и дышащія непоколебимою вѣрою въ добро, въ человѣческое достоинство и въ духовныя силы „вчерашняго раба“, т.-е. русскаго народа! Вѣря, что одно изъ орудій прогресса есть разумное законодательство, опережающее нравы, юристы не смущались замѣчаніями скептиковъ. На замѣчанія ихъ о преждевременности реформъ, „Соображенія“ отвѣчаютъ слѣдующими замѣчательными словами изъ вышеприведенной записки Заруднаго „если законодательныя предположенія вѣрны, то они и благовременны и трудно думать, чтобы люди гдѣ-либо и когда-либо были приготовлены къ дурному и незрѣлы для хорошаго“ и т. д. [1]).

Какою горькою ироніею звучатъ эти трогательныя по своей простотѣ и благородству мысли въ нашъ одичалый вѣкъ безъ вѣры и упованія, въ нашъ безыдейный вѣкъ господства грубой силы, въ нашъ вѣкъ торжества начала „homo homini lupus est“.

Затѣмъ, отвѣчая на возраженіе о неимѣніи матеріальныхъ средствъ и неимѣніи достаточно подготовленныхъ людей, „Соображенія“ разсуждаютъ такъ:

Недостатокъ денежныхъ средствъ, коими можетъ располагать правительство, независимо отъ общихъ экономическихъ условій, происходитъ въ особенности отъ несовершенства основныхъ органовъ отправленія правосудія—составляющаго главную причину упадка кредита и промышленности. Деньги безъ кредита не составляютъ капитала производительнаго, а кредита не можетъ быть при безпорядкѣ въ судебномъ вѣдомствѣ, и потому, если дѣйствительно нѣтъ денегъ, то усовершенствованія судоустройства не только полезны, но и необходимы, и горестное обстоятельство, что

---

[1]) См. выше главу IV, Записку Заруднаго объ отмѣнѣ окончательныхъ рѣшеній.

денегъ нѣтъ, составляетъ не возраженіе противъ усовершенствованій, а доказательство ихъ необходимости. Недостатокъ людей еще менѣе можетъ остановить правильныя предположенія преобразованія судебныхъ мѣстъ. Законы не могутъ создавать людей, но тѣмъ не менѣе, если законы таковы, что люди находятъ въ нихъ средство для достиженія дурныхъ цѣлей, то люди развращаются; если законы эти такъ неясны, что ихъ не понимаютъ и не могутъ понять, то люди и не знаютъ законовъ; если законы таковы, что они не могутъ быть строго исполняемы даже добросовѣстными людьми, то люди не исполняютъ законовъ, а потому если возраженія о недостаткѣ людей понять въ томъ смыслѣ, какъ оно обыкновенно приводится, т.-е. что нѣтъ достаточнаго числа людей добросовѣстныхъ, знающихъ законы и могущихъ ихъ приводить въ дѣйствіе, то усовершенствованія законовъ становятся необходимыми, ибо безъ того и не будетъ людей въ этомъ смыслѣ; слѣдовательно и это возраженіе составляетъ также не возраженіе, а доказательство необходимости преобразованія судоустройства въ тѣхъ государствахъ, гдѣ законы по этому предмету считаются по какой-либо причинѣ недостаточными. При томъ не слѣдуетъ преувеличивать недостатка собственно въ образованныхъ юристахъ. У насъ существуютъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ шесть университетовъ, четыре лицея и училище правовѣдѣнія. Число обучавшихся въ этихъ заведеніяхъ юридическимъ наукамъ не можетъ быть незначительно. Изъ окончившихъ курсъ въ одномъ училищѣ правовѣдѣнія состоятъ на службѣ 435 юристовъ. Если вообще до сихъ поръ въ судебномъ вѣдомствѣ было немного образованныхъ юристовъ, то явленіе это объясняется тѣмъ, что доселѣ всѣ служебныя преимущества и законныя выгоды были не на сторонѣ судебнаго вѣдомства. Но если судебная часть получитъ организацію, достойную ея важнаго назначенія, и если служба по судебному вѣдомству, какъ того требуетъ справедливость и польза, будетъ имѣть особенныя преимущества, то не подлежитъ сомнѣнію, что число образованныхъ юристовъ, желающихъ служить на томъ поприщѣ, къ которому они преимущественно приготовлялись въ училищахъ, будетъ весьма достаточно для преобразованія судебной части.

Къ сожалѣнію недостатокъ мѣста не позволяетъ привести

глубоко обдуманныя, строго научныя разсужденія, которыя находимъ въ „Соображеніяхъ" по многимъ вопросамъ гражданскаго и уголовнаго процесса, но въ виду того злоупотребленія, которое иные дѣлаютъ изъ опубликованныхъ разсужденій Государственной Канцеляріи, считаемъ не лишнимъ привести хоть часть ея „соображеній" о мотивахъ, побудившихъ ее предложить къ введенію судъ присяжныхъ; мотивахъ, какъ увидимъ, чисто юридическихъ и не имѣющихъ, вопреки увѣреніямъ реакціонной печати, законо-политической окраски.

Если рѣшеніе о винѣ или невиновности подсудимаго будетъ постановляемо по внутреннему убѣжденію судей, сказано въ „Соображеніяхъ", то необходимо, чтобы составъ присутствія суда и способъ постановленія рѣшенія внушали къ себѣ довѣріе и представляли надлежащія ручательства въ томъ, что судьи не употребятъ во зло власть, имъ ввѣренную. Условіями, внушающими общее довѣріе къ уголовному суду обыкновенно почитаются: 1) отдѣленіе въ уголовныхъ дѣлахъ вопроса о виновности отъ вопроса о наказаніи, съ предоставленіемъ разрѣшенія каждаго изъ этихъ вопросовъ особымъ судьямъ; 2) многочисленность судей, принимающихъ участіе въ рѣшеніи дѣла, и 3) широкое право отвода судей, какъ обвиняемымъ, такъ и обвинителемъ.

Всѣ выше объясненныя условія полнаго довѣрія къ составу присутствія суда для дѣлъ уголовныхъ, указываютъ прямо на существующій въ иностранныхъ государствахъ судъ присяжныхъ. Дѣйствительно, невозможно представить себѣ какое-либо существенное улучшеніе въ уголовномъ судопроизводствѣ, не прибѣгая къ такому суду. Главное возраженіе противъ введенія у насъ суда присяжныхъ состоитъ въ томъ, что народъ нашъ недостаточно еще развитъ для того, чтобы входить въ соображенія, требующія и тонкаго анализа и логическихъ выводовъ; возраженіе это неубѣдительно. Конечно, развитость народа имѣетъ не малое вліяніе на достоинства его учрежденій; но не подлежитъ также сомнѣнію и то, что хорошія учрежденія развиваютъ и совершенствуютъ общество. Въ этомъ отношеніи правильный судъ едва ли не желательнѣе всякаго иного учрежденія, ибо онъ распространяетъ въ народѣ понятія о

справедливости и законѣ, безъ чего не можетъ быть ни благосостоянія, ни порядка въ обществѣ. Неразвитость нашего народа не только не подтверждаетъ мнѣнія о преждевременности введенія у насъ суда присяжныхъ, но, напротивъ, представляетъ основаніе къ совершенно противоположному заключенію, потому что такой-то именно народъ и нуждается въ особыхъ огражденіяхъ въ судѣ, нуждается въ судахъ, которые бы вполнѣ его понимали и были къ нему сколь возможно ближе. Разумѣется, что опредѣленіе наказанія должно быть предоставлено исключительно судьямъ-юристамъ, потому что оно назначается не иначе какъ по законамъ, а для сего требуется знаніе законовъ не по одному буквальному ихъ содержанію, иногда неясному или неполному, но также по ихъ внутреннему разуму. Такимъ судьею можетъ быть только тотъ, кто, сверхъ основательной науки, пріобрѣлъ опытность въ примѣненіи законовъ долговременною практикою. Но для рѣшенія вопроса о винѣ или невинности подсудимаго по совѣсти, нѣтъ особенной нужды ни въ спеціальномъ юридическомъ образованіи, ни въ судебной практикѣ: этотъ вопросъ можетъ быть правильно рѣшенъ всякимъ, даже и мало образованнымъ человѣкомъ, если онъ имѣетъ здравыя понятія, а иногда и правильнѣе такимъ, въ которомъ постоянная уголовная практика не поселила равнодушія къ участи подсудимыхъ.

Противники введенія у насъ суда присяжныхъ утверждаютъ также, что сіе установленіе было бы преждевременнымъ за недостаткомъ хорошихъ адвокатовъ для защиты подсудимыхъ. Правда, что мы не имѣемъ адвокатовъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ у насъ не нашлись люди, которые были бы въ состояніи защищать невинныхъ. Быть можетъ, что на первое время и предположенное установленіе присяжныхъ повѣренныхъ не доставитъ искусныхъ защитниковъ, или что ихъ не будетъ столько, сколько нужно для дѣлъ уголовныхъ. Но это сомнѣніе вовсе не опровергаетъ той истины, что допущеніе оффиціальной защиты подсудимыхъ передъ судомъ, хотя бы она, за недостаткомъ присяжныхъ повѣренныхъ, была возложена на кого-либо другого, напримѣръ, на болѣе способныхъ къ сему чиновниковъ судебныхъ канцелярій, будетъ несравненно лучше нынѣшняго, почти совершенно беззащитнаго, положенія подсудимыхъ.

Мнѣніе нѣкоторыхъ теоретиковъ, что судъ присяжныхъ имѣетъ политическій характеръ, много препятствовало введенію въ разныхъ государствахъ этого учрежденія. Не говоря о томъ, что такое мнѣніе, какъ доказано теперь многими учеными криминалистами и практиками, не имѣетъ надлежащаго основанія, нельзя не замѣтить, что отъ законодателя зависитъ обставить это учрежденіе такими условіями, при которыхъ оно не могло бы имѣть никакого политическаго характера, какъ это сдѣлано въ Пруссіи и другихъ германскихъ государствахъ, установившихъ у себя въ недавнее время судъ чрезъ присяжныхъ. Лучше сдѣлать нѣкоторыя изъятія изъ общаго правила, чѣмъ совершенно лишить народъ самаго естественнаго и справедливаго суда. Введеніе суда присяжныхъ въ Россіи необходимѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, потому что нигдѣ можетъ быть историческая жизнь народа не положила такихъ глубокихъ разграниченій между различными слоями общества, какъ у насъ, отъ чего между понятіями, обычаями и образомъ жизни нашихъ постоянныхъ судей, принадлежащихъ вообще къ высшему сословію, и подсудимыхъ изъ низшихъ сословій, замѣчается чрезвычайно рѣзкое различіе.

Существующее у насъ учрежденіе сословныхъ засѣдателей заключаетъ уже въ себѣ нѣкоторые элементы суда присяжныхъ. Нужно только развить это учрежденіе согласно съ требованіями правильнаго образованія суда. Нѣтъ рѣшительно никакихъ причинъ полагать, что при отдѣленіи въ уголовныхъ дѣлахъ вопроса о виновности подсудимыхъ отъ вопроса объ опредѣленіи наказанія, сословные засѣдатели, какъ судьи одной фактической стороны дѣла, будутъ ниже своихъ обязанностей. Напротивъ того, есть много основаній думать, что они въ этомъ ограниченномъ кругѣ судопроизводства будутъ лучшими органами правосудія, чѣмъ судьи-*юристы*. Отъ *присяжныхъ судей собственно* требуется рѣшеніе того: изобличается ли подсудимый въ преступленіи, которое выставлено обвиненіемъ и слѣдствіемъ. Если законъ требуетъ отъ судей фактической стороны дѣла только одного полнаго внутренняго убѣжденія, не стѣсняемаго никакими формальными доказательствами, то, очевидно, что для справедливаго рѣшенія такого вопроса, присяжные, избираемые

обыкновенно изъ той же среды, къ которой принадлежитъ обвиняемый, имѣютъ болѣе средствъ чѣмъ судьи-юристы. Какъ тѣ, такъ и другіе пользуются одними и тѣми же данными, обнаруженными слѣдствіемъ, и едва ли возможно допустить, чтобы изъ этихъ данныхъ естественная логика, присущая каждому человѣку съ здравымъ и болѣе или менѣе проницательнымъ умомъ, не могла вывести относящихся къ предмету обвиненія соображеній, въ которыхъ наглядное непосредственное сужденіе во многихъ случаяхъ вѣрнѣе ученыхъ и тонкихъ анализовъ. Но, сверхъ этихъ общихъ данныхъ, присяжные, для открытія истины, могутъ пользоваться какъ указаніями народной молвы, которая скорѣе дойдетъ до нихъ, чѣмъ до постоянныхъ судей, такъ и ближайшею извѣстностію имъ мѣстныхъ нравовъ, обычаевъ и порядковъ домашней жизни,—что проливаетъ иногда свѣтъ на такія обстоятельства, которыя для людей, посвятившихъ себя исключительно кабинетнымъ занятіямъ, кажутся или темными, или не имѣющими значенія. Правда, что задача присяжныхъ иногда усложняется опредѣленіемъ, въ смыслѣ дѣйствующихъ законовъ, свойства или степени умысла подсудимаго, или обстоятельствъ, увеличивающихъ или уменьшающихъ его вину; но въ этихъ случаяхъ присяжнымъ могутъ быть сдѣланы предсѣдателемъ суда всѣ надлежащія объясненія о существующихъ въ законѣ правилахъ и практическомъ ихъ примѣненіи, какъ это постоянно соблюдается въ судахъ съ присяжными въ Англіи.

Вотъ каковы были мотивы, приведшіе къ учрежденію у насъ суда присяжныхъ. Горячая вѣра въ духовные дары только что освобожденнаго русскаго народа, разумное слѣдованіе опыту иностранныхъ государствъ и указаніямъ науки—вотъ маяки, которые свѣтили этимъ благороднымъ патріотамъ и помогли имъ создать законодательный памятникъ, составляющій гордость русскаго законодательства.

ГЛАВА VII.

Основныя положенія 29 сентября 1862 г.

> Sans justice on peut dire qu'il n'y a pas de vraie liberté, et avec elle j'oserais dire qu'il n'y a plus de vrai despotisme, au moins plus de tyrannie.
>
> *Leroy-Beaulieu.*

С. И. Зарудный, благодаря своему живому темпераменту и изумительному трудолюбію, никогда не довольствовался аккуратнымъ выполненіемъ своихъ оффиціальныхъ обязанностей. Работая больше всѣхъ въ Государственной Канцеляріи, Зарудный находилъ время и для спеціальной разработки спорныхъ и трудныхъ вопросовъ уголовнаго и гражданскаго процесса. Таковымъ былъ, между прочимъ, вопросъ о судѣ присяжныхъ. Первоначальная инициатива его принадлежала Д. А. Ровинскому, который былъ горячо поддержанъ С. И. Зарудным, и др. Изъ только что приведенныхъ „Соображеній" Государственной Канцеляріи можно видѣть, какъ практично и трезво взглянула на дѣло Государственная Канцелярія и прикомандированные къ ней юристы.

Въ коллективной работѣ всегда трудно разграничивать роли отдѣльныхъ работниковъ, но въ данномъ случаѣ имѣется возможность сдѣлать попытку. Если Д. А. Ровинскому по всей справедливости должна принадлежать честь инициативы, то детальная разработка вопроса была сдѣлана С. И. Зарудным въ двухъ превосходныхъ запискахъ или „замѣчаніяхъ": 1) общія соображенія о составѣ суда уголовнаго и 2) о спеціальныхъ присяжныхъ для особаго рода дѣлъ въ Англіи, Франціи и Италіи.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ первая записка. Сравненіе ея съ только что приведенными „Соображеніями" Госу-

дарственной Канцеляріи показываетъ, какъ велико было вліяніе на нее Заруднаго, многія положенія котораго почти буквально перешли въ „Соображенія“. Но въ ней есть много глубокомысленныхъ доводовъ, не вошедшихъ въ „Соображенія“.

Знакомство съ этою работою интересно еще въ томъ отношеніи, что она свидѣтельствуетъ, какъ далеко были иниціаторы суда присяжныхъ отъ политической тенденціи, которую имъ насильно навязываютъ враги новаго суда.

Цѣль судопроизводства, говоритъ Зарудный, состоитъ въ учрежденіи судебныхъ мѣстъ на такомъ основаніи, чтобы судебныя рѣшенія пользовались общимъ довѣріемъ; это довѣріе необходимо, какъ самая твердая опора правительства, какъ основное условіе общаго въ государствѣ спокойствія; безъ этого довѣрія судебныя мѣста не могутъ исполнять своего назначенія, а безчисленное множество жалобъ на рѣшенія поставитъ ихъ въ матеріальную невозможность отправлять правосудіе съ тою быстротою, которая необходима для того, чтобы судъ не утратилъ своего значенія: поэтому для опредѣленія основныхъ началъ судопроизводства необходимо различить тѣ элементы судебныхъ рѣшеній, которыя всегда пользуются общимъ довѣріемъ, отъ тѣхъ, кои могутъ подвергаться осужденіямъ и потому самому возбуждать неудовольствіе противъ судебныхъ мѣстъ. Разсматривая съ такой точки зрѣнія составъ судебныхъ рѣшеній, нельзя не замѣтить, что каждое изъ нихъ всегда состоитъ изъ двухъ существенныхъ частей, коими означаются два различныя дѣйствія суда: 1) строгое примѣненіе заранѣе опредѣленнаго, яснаго и всѣмъ извѣстнаго закона; 2) розысканіе и опредѣленіе того спорнаго событія, къ которому долженъ быть примѣненъ законъ.

Первое дѣйствіе: строгое исполненіе закона, по самой безспорности своей, есть необходимое условіе не только порядка и спокойствія въ государствѣ, но даже самаго существованія государства; всѣ въ это вѣруютъ, всѣ считаютъ власть необходимою для того, чтобъ это условіе всегда осуществлялось; исполненіе его возбуждаетъ всегда, во всѣхъ и вездѣ всеобщую любовь, уваженіе и довѣріе.

Для примѣненія этой общей мысли къ опредѣленію со-

става суда необходимо войти въ нѣкоторыя частности: есть два рода рѣшеній: уголовныя и гражданскія; въ первыхъ противныя стороны суть: правительство, въ обширномъ смыслѣ этого слова, и частное лицо; во вторыхъ только частныя лица, и въ нѣкоторыхъ рѣдкихъ случаяхъ правительство, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, и частное лицо, (какъ, напримѣръ, въ казенныхъ дѣлахъ и т. п.).

Въ дѣлахъ перваго рода зиждется вся сила правительства; здѣсь оно не имѣетъ и не можетъ имѣть частнаго интереса; на эти дѣла устремлено общее вниманіе, отъ правильнаго разрѣшенія ихъ зависитъ всеобщее довѣріе: эти-то дѣла и по свойству и по важности ихъ должны по преимуществу быть рѣшаемы въ такомъ составѣ суда, который не оставилъ бы въ обществѣ и тѣни недовѣрія къ его рѣшеніямъ. Это будетъ служить источникомъ общаго довѣрія, такимъ образомъ, что если дѣла гражданскія и будутъ подлежать разрѣшенію того же суда, но въ особомъ составѣ, то довѣріе, возбужденное дѣйствіями суда въ рѣшеніи дѣлъ уголовныхъ, по необходимости, отразится и на всѣ рѣшенія дѣлъ гражданскихъ. Изъ этого видно, что для опредѣленія основныхъ началъ судоустройства, необходимо имѣть въ виду прежде всего уголовное судопроизводство, а первое начало судоустройства состоитъ въ разрѣшеніи вопроса: какой долженъ быть составъ суда; и такъ, прежде всего, слѣдуетъ разрѣшить вопросъ: какой долженъ быть составъ суда уголовнаго. Достиженіе общаго довѣрія къ рѣшеніямъ судебныхъ мѣстъ. какъ замѣчено выше, должно быть главною задачею при образованіи судовъ и въ особенности уголовныхъ; поэтому, прежде всего, возникаетъ вопросъ: какія условія возбуждаютъ общее довѣріе къ уголовнымъ рѣшеніямъ судебныхъ мѣстъ? Условія сіи суть:

1) Многочисленность членовъ суда: многіе возбуждаютъ болѣе довѣрія, чѣмъ одинъ: это аксіома, не требующая доказательствъ.

2) Рѣшительное право обвиняемаго отводить судей; безъ этого права не можетъ быть довѣрія къ суду: въ судьѣ, также какъ и во всякомъ человѣкѣ, можетъ быть много условій, которыя хотя и возбуждаютъ недовѣріе, но не подходятъ однако же подъ законныя причины отвода.

3) Составъ суда долженъ быть двоякій: постоянный и перемѣнный; отводимые судьи не должны принадлежать къ постоянному составу суда; они должны измѣняться; они не должны сливаться съ общимъ направленіемъ судебнаго мѣста. Мысль эта требуетъ нѣкоторыхъ поясненій: твердость, непреклонность и строгость въ рѣшеніяхъ должны быть общимъ направленіемъ судебнаго мѣста; безъ этихъ условій нельзя достигнуть главнаго назначенія суда — исполненія законовъ. Но правосудіе въ обширномъ смыслѣ требуетъ и другихъ условій; нужно глубокое знаніе всѣхъ мелочей обыденной жизни, нужна снисходительность къ неизбѣжнымъ слабостямъ человѣка; наконецъ, нужно всегда имѣть въ виду, что нѣтъ правила безъ исключенія. Такимъ образомъ, подобно тому, какъ во всякомъ судебномъ рѣшеніи есть два элемента— правильное примѣненіе закона—и розысканіе факта, такъ точно и въ самомъ составѣ суда должны быть два соотвѣтствующіе имъ элемента, изъ коихъ одинъ всегда долженъ выражать общее направленіе суда: твердость, строгость и непреклонность, а другой—долженъ примирять эти необходимыя и непреложныя условія съ общимъ теченіемъ и различными обстоятельствами обыденной жизни. Какъ бы ни былъ великъ постоянный составъ суда, но если это будетъ составъ постоянный, то всѣ члены суда по необходимости прійдутъ, и правительство должно этого желать и требовать,— къ одному общему направленію судебныхъ мѣстъ, которое, по самымъ занятіямъ своимъ, влечетъ, а по самой важности своей, требуетъ нѣкотораго разобщенія съ жизнью. По этой-то причинѣ и составъ суда долженъ былъ двоякій: постоянный, назначаемый правительствомъ и перемѣнный, опредѣляемый по выбору мѣстныхъ обывателей. Но кромѣ того, необходимость третьяго условія подтверждается въ особенности четвертымъ, а именно:

4) отводимые судьи не должны вовсе принадлежать къ составу не только судебныхъ, но и вообще какихъ бы то ни было присутственныхъ учрежденій, однимъ словомъ, они должны быть въ общемъ мнѣніи, по отношенію къ разрѣшаемому дѣлу, независимыми отъ правительства. Никто, конечно, не станетъ сомнѣваться въ томъ, что

есть весьма много служащихъ лицъ, которыя сохраняютъ независимость убѣжденій и тѣмъ самымъ содѣйствуютъ правительству въ рѣшеніи дѣлъ; но въ обыденной жизни служба и полученіе за нее жалованья—связываютъ человѣка условіями зависимости и потому какъ бы постоянный судья ни былъ независимъ, но потому именно, что онъ судья постоянный—онъ все же не можетъ и не будетъ пользоваться въ общемъ мнѣніи тѣмъ довѣріемъ, которое правительству необходимо, не только для утвержденія и поддержанія своей силы, но и для общаго спокойствія.

5) Соблюденіе всѣхъ изложенныхъ выше условій даетъ возможность выполнить пятое: правильное участіе судей постоянныхъ и судей отводимыхъ въ постановленіи рѣшенія по двумъ составленнымъ его частямъ: примѣненіе закона должно быть предоставлено постояннымъ судьямъ, а разрѣшеніе спора о событіи—судьямъ отводнымъ или перемѣннымъ.

6) Наконецъ, совокупность всѣхъ условій приводитъ къ осуществленію послѣдняго изъ нихъ: безпристрастія суда. Образованіе для рѣшенія уголовныхъ дѣлъ суда изъ судей постоянныхъ и перемѣнныхъ, при соблюденіи всѣхъ вышеизложенныхъ условій, имѣетъ очень много общаго съ судомъ, который въ государствахъ Западной Европы называется жюри (jury) или судъ присяжныхъ, но существенное отличіе суда присяжныхъ у насъ отъ существующаго почти во всей Европѣ суда присяжныхъ должно состоять въ томъ, что наше учрежденіе не можетъ и не должно имѣть характера политическаго.

Въ настоящее время всѣ почти юридическіе писатели и публицисты доказываютъ, что одинъ изъ главныхъ недостатковъ суда присяжныхъ въ Европѣ состоитъ именно въ томъ, что это чисто судебное учрежденіе смѣшивается тамъ съ политическимъ устройствомъ государствъ.

Миттермайеръ въ своемъ сочиненіи о словесномъ процессѣ, между прочимъ, говоритъ: „нельзя также умолчать и о томъ, что установленіе суда присяжныхъ разсматривается многими какъ учрежденіе чисто демократическое, присваивающее народу права самыя обширныя и ограничивающее власть правительства. Эта совершенно ошибочная мысль не ускользнула отъ вниманія государственнаго совѣтника Небеніуса при

разсужденіяхъ въ 1844-мъ году о введеніи присяжныхъ въ Баденскомъ великомъ герцогствѣ. Онъ объяснилъ, что основныя начала суда присяжныхъ нисколько не противны началамъ монархическаго правленія. Никто не думаетъ, чтобы коммерческіе суды, въ рѣшеніяхъ коихъ принимаютъ участіе лица, не принадлежащія къ сословію постоянныхъ судей, ограничиваютъ въ чемъ-либо начала монархическаго правленія. Весь вопросъ приводится къ тому, признаетъ ли правительство, учреждающее судебныя мѣста, чтобы къ каждому случаю, подлежащему разсмотрѣнію суда, былъ примѣненъ тотъ именно законъ, который для сего установленъ, и что судъ присяжныхъ, состоящій изъ многихъ непостоянныхъ судей, дѣйствительно можетъ выполнить надлежащимъ образомъ главное желаніе правительства, т.-е. обнаруженіе истины и вообще достиженіе строгой справедливости. Причины смѣшенія въ Западной Европѣ суда присяжныхъ съ политическимъ устройствомъ государствъ, надобно искать въ особенныхъ условіяхъ, въ коихъ находились государства при первоначальномъ образованіи или при введеніи въ нихъ суда присяжныхъ. Это важное установленіе получило свое начало въ Англіи, гдѣ, при общемъ смѣшеніи властей судебной и административной, судъ присяжныхъ не могъ получить самостоятельнаго юридическаго значенія; но смѣшиваясь съ другими административными властями, принималъ всегда характеръ политическій. Англія всегда гордилась учрежденіемъ суда присяжныхъ, и выставляла его какъ краеугольный камень своей политической свободы. Это обстоятельство, кажется, и было главною причиною того, что во всей Европѣ развилось ложное понятіе о томъ, что судъ присяжныхъ составляетъ основное начало свободы политической. Во Франціи судъ присяжныхъ введенъ въ 1791-мъ г. во время революціи; самыми горячими защитниками этого учрежденія были такіе люди, какъ Бареръ и Робеспьеръ и причины, которыя были приводимы ими въ тогдашнемъ національномъ собраніи ко введенію сего установленія во Франціи, были большею частью политическія. Вслѣдствіе этого развилось и утвердилось то весьма неправильное понятіе, что судъ присяжныхъ есть учрежденіе не только либеральное, но революціонное и потому-то вся Европа, до первой половины настоя-

щаго столѣтія, смотрѣла на него съ какимъ-то недовѣріемъ и даже страхомъ. Только въ послѣднее время, когда Германскіе юристы стали разрабатывать вопросы о правильномъ устройствѣ суда, когда сдѣланы были во многихъ государствахъ опыты введенія словеснаго и публичнаго производства безъ присяжныхъ, при участіи однихъ судей-юристовъ, понятіе это измѣнилось и большая часть ученыхъ нынѣ признаетъ, что судъ присяжныхъ есть ничто иное какъ судебный методъ, какъ самое вѣрное и надежное средство къ правильному рѣшенію дѣлъ уголовныхъ, какъ особая форма организаціи суда, и что сіе установленіе ни въ коемъ случаѣ не можетъ и не должно быть смѣшиваемо въ политическомъ устройствѣ государства.

Затѣмъ Зарудный предлагаетъ историческій очеркъ суда присяжныхъ въ Англіи, Америкѣ, Франціи, Женевѣ, Бельгіи. Германіи, Италіи и особенное вниманіе обращаетъ на Италію. Введеніе присяжныхъ въ Италіи не было вызвано ни политическими видами, ни народными смутами, говоритъ Зарудный, а было единственно плодомъ исключительно юридическихъ соображеній о лучшемъ устройствѣ судовъ. Въ Италіи также ссылались на ультралиберальный характеръ суда присяжныхъ, на неприготовленность народа. Вотъ соображенія правительственной Комиссіи противъ этихъ доводовъ, приводимыя Зарудным.

„Справедливо говорятъ, что учрежденіе присяжныхъ, облегчая и смягчая здравое примѣненіе законовъ, составляетъ самую твердую опору правительства. Судъ присяжныхъ устраняетъ всякую мысль о пристрастіи, о произволѣ и притѣсненіи. Правительство, довѣривъ присяжнымъ огромную власть признавать кого-либо виновнымъ въ преступленіи и подвергать его наказанію, законами установленному, ставитъ себя въ счастливую невозможность сдѣлаться притѣснительнымъ и ограждаетъ себя отъ нравственной отвѣтственности за тѣ ошибки или проступки, которые всегда могутъ сдѣлать судьи, избранные правительствомъ и получающіе отъ него жалованье. Власть опредѣлять наказанія есть самая благодѣтельная, но въ то же время самая опасная: она ограждаетъ общественный порядокъ и обезпе-

чиветъ свободу и спокойствіе всѣхъ гражданъ; но если эта власть дурно устроена, то она вмѣсто того разрушаетъ общественный порядокъ, стѣсняетъ свободу и уничтожаетъ спокойствіе гражданъ. Эта опасность устраняется учрежденіемъ присяжныхъ, соединяющихъ въ себѣ всѣ тѣ условія обезпеченія, которыхъ напрасно искали бы въ судьяхъ несмѣняемыхъ, избранныхъ, награждаемыхъ или наказываемыхъ правительствомъ. Знаменитый криминалистъ, которымъ по справедливости гордится вся Германія, Миттермайеръ, въ сочиненіяхъ своихъ, изданныхъ въ началѣ своей ученой дѣятельности, приводитъ возраженія противъ учрежденія присяжныхъ и, изучая внимательно это учрежденіе, доказываетъ, что введеніемъ публичнаго и словеснаго судопроизводства, основанаго на обвинительномъ началѣ можно достигнуть такихъ результатовъ, что рѣшенія судей, назначаемыхъ правительствомъ, будутъ служить достаточнымъ обезпеченіемъ справедливости. Мнѣніе свое онъ основываетъ на предположеніи установить законную теорію доказательствъ и обязать судей мотивировать свои рѣшенія. Затѣмъ въ теченіе болѣе 40 лѣтъ, онъ продолжалъ изученіе свойствъ и значенія судебныхъ рѣшеній въ разныхъ государствахъ Европы, не ограничиваясь однимъ чтеніемъ книгъ, но дѣлая личныя наблюденія во время неоднократныхъ путешествій по Европѣ. То онъ бесѣдовалъ съ судьями, то прислушивался къ общественному мнѣнію, составившемуся между лицами, къ судебному сословію не принадлежащими. Послѣ всего этого онъ провозгласилъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, что онъ вполнѣ убѣдился въ томъ, что надежды его на судопроизводство безъ присяжныхъ не сбылись, что народъ не имѣетъ рѣшительно никакого довѣрія къ уголовнымъ рѣшеніямъ судей-юристовъ и что сіи послѣдніе, какъ они ему объявляли по секрету, разрѣшали дѣла сами, какъ присяжные, по убѣжденію, несмотря на то, что порядокъ назначенія ихъ не представляетъ вовсе такихъ обезпеченій, какъ судъ присяжныхъ. Знаменитый писатель, оставляющій мнѣніе, къ коему онъ въ особенности былъ привязанъ, и принимающій противное мнѣніе, придаетъ сему послѣднему такую силу, которая не можетъ не служить лучшимъ основаніемъ къ тому, чтобы

откровенно отказаться отъ противоположнаго убѣжденія... Ближайшее разсмотрѣніе вопроса приводитъ Миттермайера къ убѣжденію, что недостатки суда присяжныхъ зависятъ не отъ существа этого учрежденія, а отъ неправильной его организаціи въ нѣкоторыхъ государствахъ; что судъ присяжныхъ заключаетъ въ себѣ такого рода гарантіи, коихъ нельзя достигнуть при другомъ устройствѣ суда, однимъ словомъ, что судъ присяжныхъ есть единственное средство примирить общественное мнѣніе съ необходимостью справедливаго суда; а противъ преимуществъ суда, имѣющаго эти обезпеченія, продолжаетъ онъ, нельзя спорить ни одной минуты".

Далѣе Зарудный останавливается на общемъ вопросѣ о томъ, есть ли судъ присяжныхъ судъ народа, въ политическомъ значеніи слова, и разрѣшаетъ вопросъ отрицательно, затѣмъ переходитъ къ отдѣльнымъ возраженіямъ, на основаніи которыхъ противники суда присяжныхъ считали это учрежденіе несогласнымъ съ тогдашнимъ положеніемъ образованія Россіи и съ государственнымъ ея устройствомъ.

По поводу перваго возраженія—необразованности массъ Зарудный, между прочимъ, замѣчаетъ:

Рѣшеніе суда должно быть столь просто, чтобъ оно было доступно общему состоянію образованія въ томъ государствѣ, гдѣ рѣшенія составляются. Такъ какъ постоянные судьи должны стоять всегда по образованію выше массы народа, то, безъ участія присяжныхъ, они не могутъ достигнуть той простоты въ рѣшеніяхъ, которая требуется условіями общаго образованія, и потому участіе присяжныхъ, менѣе образованныхъ, чѣмъ судьи, весьма полезно для существа дѣла: оно именно и заставитъ судей разлагать существо дѣла на тѣ основные элементы, которые, по самой простотѣ своей, могутъ быть для всякаго доступны; участіе присяжныхъ судей даетъ возможность вникнуть въ дѣло и представить его въ томъ свѣтѣ, чтобы истина высказывалась ясно для взгляда простаго, не привыкшаго къ ученымъ изысканіямъ и глубокимъ соображеніямъ: и такъ, чѣмъ болѣе разницы въ образованіи судей и общей массы народонаселенія, тѣмъ настоятельнѣе участіе присяжныхъ въ рѣшеніи дѣлъ, и необразованность массы,—выставляемая какъ недостатокъ

суда присяжныхъ,—приноситъ ту пользу для дѣла, которой нельзя достигнуть никакими предписаніями закона или наблюденіемъ начальства.

По поводу слабости репрессіи присяжныхъ, этой любимой темы разглагольствованій современной реакціонной печати, Зарудный замѣчаетъ: присяжные примиряютъ твердость, строгость и непоколебимость общаго направленія судебныхъ мѣстъ съ необходимыми условіями обыденной жизни. Это не слабость, а снисходительность, безъ которой истинной справедливости быть не можетъ, а слѣдовательно не можетъ быть и довѣрія.

Наконецъ, Зарудный разсматриваетъ вопросъ о своевременности введенія суда присяжныхъ въ Россіи и находитъ, что существовавшій въ то время институтъ сословныхъ засѣдателей легко могъ быть замѣненъ присяжными засѣдателями. Указывая на то, министры внутреннихъ дѣлъ, Ланской и и. д. министра юстиціи Замятнинъ предлагали уничтоженіе сословныхъ судовъ, необходимость чего была сознана еще въ началѣ царствованія Николая I, полагалъ при сліяніи судовъ, вмѣсто предположенныхъ 4-хъ засѣдателей по два отъ двухъ сословій, назначать для разрѣшенія вопроса о событіи 12 засѣдателей по 4 отъ трехъ сословій. Такой составъ и устройство суда не могло бы имѣть, заключаетъ Зарудный, — никакого политическаго значенія и служило бы только выраженіемъ всегдашняго желанія нынѣ царствующаго Государя Императора, чтобы правительствующіе и управляемые соединились узами взаимной привязанности и довѣрія (Записка 1862 г.).

Необходимость установленія довѣрія къ суду—вотъ такимъ образомъ главный, основной мотивъ установленія нашего суда присяжныхъ...

Выполнилъ ли судъ присяжныхъ эту свою высокую миссію?

Что бы ни твердили современные крикуны изъ реакціоннаго лагеря, судъ присяжныхъ безспорно оказалъ эту услугу Россіи, которая всего какихъ-нибудь двадцать шесть лѣтъ тому назадъ была „въ судахъ полна неправдой черной“.

„Кричатъ и голосятъ, писалъ въ 1884 г. Аксаковъ, о нѣкоторыхъ частныхъ, исключительныхъ и выдающихся непра-

вильностью случаяхъ и молчатъ о десяткахъ тысячъ рѣшеній правыхъ... И изъ всѣхъ этихъ десятковъ тысячъ приговоровъ ни одинъ не запятнанъ корыстью. Сладкая благодатная увѣренность! Россія ли отплатитъ за нее неблагодарностью? Или же мы соскучились по доброму старому времени“ [1]).

Какъ ни просты и элементарны истины, изложенныя въ Соображеніяхъ Государственной Канцеляріи, но старая бюрократія, этотъ mauvais génie de l'empire какъ выражается Лероа-Болье, неохотно разставалась съ своими прерогативами, благодаря которымъ она могла открыто нарушать законъ. Всесильная бюрократическая администрація, бывшая „все во всемъ“, по мѣткому выраженію Каткова (см. „Москов. Вѣд.“ 1866, № 198) и обладавшая, такимъ образомъ,чуть не божественными аттрибутами [2]), наводившими ее на мысль о начертаніи для язычниковъ „электической религіи“ [3])—могла ли безъ боя уступить хоть часть своихъ правъ силѣ, призванной примѣнять законъ, невзирая на особъ, и охранять его отъ нарушенія кѣмъ бы то ни было.

„Неуваженіе къ закону и его нарушеніе“—вотъ страшная язва стараго дореформенаго строя! Она была указана „впереди всѣхъ“ людьми жизни, какъ только въ концѣ 50-хъ годовъ явилась возможность выражать искренне свое мнѣніе. По этому поводу Государственный Совѣтъ справедливо замѣтилъ: „повсемѣстное неуваженіе къ законамъ не есть вопросъ судопроизводства, но тѣмъ не менѣе отдѣленіемъ власти судебной отъ административной и другими нововведеніями надѣялись ограничить всемогущество администраціи. Она чуяла опасность, грозившую ея прерогативамъ, и потому старалась убѣдить властныя сферы, что судебная реформа грозитъ опасностью не только всемогуществу администраціи. но и полнотѣ верховной власти.

На В. П. Буткова легла трудная задача разсѣять существовавшія въ высшихъ сферахъ предубѣжденія противъ суда

---

[1]) Полн. собр. сочин. И. С. Аксакова т. IV стр. 664—665.

[2]) Апост. Павла I. Посл. къ Коринѳ. XV, 28—«да будетъ Богъ все во всемъ».

[3]) См. Письма о современномъ состояніи Россіи, Лейпцигъ 1881 г.

присяжныхъ и другихъ институтовъ новаго суда и тѣмъ сослужить судебной реформѣ великую службу.

Въ наброскѣ плана трагедіи Гете „Магометъ“ есть 3-й актъ, въ которомъ онъ показываетъ, къ какимъ сложнымъ и хитрымъ уловкамъ долженъ былъ прибѣгнуть Магометъ, чтобы сдѣлать для массы доступною чуждую ей чистую истину. Такова была и задача Буткова относительно пропаганды основныхъ началъ судебной реформы въ высокихъ, властныхъ сферахъ. Нужна была вся ловкость и гибкость этого тонкаго знатока всѣхъ тайно дѣйствующихъ пружинъ этого своеобразнаго міра, чтобы такъ быстро и блистательно выполнить эту нелегкую задачу.

Свѣтскій, ловкій человѣкъ, замѣчательный „бонмотистъ“ превосходно знавшій атмосферу, въ которой ему приходилось дѣйствовать, В. П. Бутковъ былъ созданъ для такой пропаганды. Зная когда, гдѣ и что можно говорить, зная какого рода аргументы могутъ найти доступъ въ его своеобразной аудиторіи, Бутковъ сдѣлалъ то, что не подъ силу было ни убѣдительнымъ оффиціальнымъ запискамъ, ни преходнымъ спеціальнымъ монографіямъ. Театральныя ложи, разъѣздъ послѣ раута, благодушное послѣобѣденное dolce farniente (не даромъ Конфуцій учитъ просителей являться съ просьбами къ начальству, когда оно покушало!) время entre poire et fromage на дипломатическихъ обѣдахъ—все годилось для того, чтобы закинуть во время нѣсколько словечекъ...

Съ 1862 г. хорошо подготовленное дѣло пошло какъ по маслу. Весна и часть осени 1862 г. пошли на обсужденіе основныхъ положеній въ Государственномъ Совѣтѣ, гдѣ Зарудный въ качествѣ и. д. статсъ-секретаря департамента законовъ немало способствовалъ ихъ успѣшному прохожденію. Блудовъ уже сошелъ со сцены и слабую оппозицію противъ нѣкоторыхъ положеній держалъ только гр. Панинъ. Но замѣчательно, что судъ присяжныхъ, о которомъ еще въ 1859 г. запрещено было даже заикаться въ Государственномъ Совѣтѣ прошелъ безъ возраженій. На слабую попытку къ возраженію со стороны одного члена гр. Панинъ, самъ Панинъ!—съ неотразимою силою, horibile dictu, отвѣчалъ: „вполнѣ независимымъ можетъ быть только

судъ присяжныхъ! Присяжнымъ нельзя давать внушеніе *или приказаніе сверху*". Гр. Панинъ съ горечью говорившій въ 1860-мъ году, послѣ тщетныхъ усилій заставить членовъ редакціонной коммиссіи отступить отъ принятаго ими либеральнаго *пути*, что „*время тайныхъ совѣтниковъ и даже* дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ прошло безвозвратно", въ 1862 г. фигурируетъ въ новомъ амплуа, въ роли защитника суда присяжныхъ!! Поучительное зрѣлище, назидательная картина!! Такъ-то tempora mutantur et nos mutamur in illis.

29 сентября 1862 г. „Основн. Положенія преобразованія судебной части въ Россіи" были утверждены верховною властью. По утвержденіи ихъ дѣло судебной реформы можно было считать почти выиграннымъ, но для лучшаго обезпеченія успѣха его, Зарудный предложилъ особую, чрезвычайную мѣру. По его мысли, рѣшено было распубликовать „Основныя Положенія" во всеобщее свѣдѣніе, и вотъ 1-го октября Россія съ радостнымъ изумленіемъ узнала, что она не сегодня—завтра будетъ имѣть образцовыя судебныя учрежденія и въ томъ числѣ тотъ судъ присяжныхъ, для пріобрѣтенія котораго другими народами было пролито не мало крови!

Опубликованіе Зарудныемъ „Основныхъ Положеній" въ связи съ обращеніемъ къ публикѣ съ просьбою о доставленіи *замѣчаній на нихъ имѣло громадное общественное* значеніе. Тутъ не то было только важно, что поступила масса полезныхъ замѣчаній, тутъ важно было то, что совершался нѣкоторымъ образомъ актъ секуляризаціи законодательной функціи. Хранившіяся дотолѣ въ темныхъ канцелярскихъ святилищахъ законодательныя предначертанія впервые были открыты для скромнаго,—а можетъ быть, и не скромнаго—обсужденія и критики лицъ, подъ часъ крайне подозрительныхъ съ точки зрѣнія табели о рангахъ. Этотъ же актъ косвенно, но окончательно колебалъ догматъ о всезнаніи бюрократическихъ канцелярій: о признанномъ несовершеннолѣтіи общества и необходимости административной опеки. „Бываютъ времена въ народной жизни, писалъ въ 1863 г. М. Н. Катковъ, когда правительство принимаетъ характеръ диктатуры. При правильномъ ходѣ такой системы совершенно послѣдовательно принимаются мѣры къ тому, чтобы

никакого общественнаго мнѣнія не было. Политическая печать при диктаторскомъ управленіи существовать не можетъ. Никакого мнѣнія о дѣйствіи власти, о началахъ, которыми она руководствуется, объ учрежденіяхъ, которыя она создаетъ, о законахъ, которые она обнародываетъ, не только порицательно, но и ободрительно не должно высказываться. Никому при этой системѣ не дозволяется принимать участія въ дѣлѣ общаго интереса и общаго дѣла между людьми не допускается. Люди разобщены, общественныхъ силъ нѣтъ и нѣтъ общественнаго мнѣнія. Ибо о всѣхъ предметахъ общаго интереса должны исключительно заботиться оффиціальные люди, взятые какъ рекруты изъ общества и отдѣленные отъ него особою, совершенно замкнутою правительственною организаціею, какъ опричиною".

Таковъ былъ обычный у насъ порядокъ вещей! Обнародованіе Основныхъ Положеній 1862 г. было явленіемъ, указывавшимъ на наступленіе или возможность наступленія другого времени, времени, когда, говоря словами того же публициста, „обществу дается голосъ въ дѣлахъ общаго интереса, когда каждому дозволяется заявлять участіе въ интересахъ своего отечества, когда допускается свобода въ выраженіи мнѣнія о предметахъ политическаго, нравственнаго и религіознаго свойства, когда печать получаетъ и можетъ имѣть вліяніе, когда пробуждаются и даже призываются къ дѣятельности общественныя силы“ [1])...

Зарудный очень хорошо понималъ всю важность опубликованія основныхъ началъ и, конечно, тѣмъ больше ему чести и славы, что онъ пошелъ навстрѣчу всѣмъ возможнымъ отъ него послѣдствіямъ. И. С. Аксаковъ быстро подхватилъ возможность наступленія этихъ послѣдствій и въ газетѣ „День“ отъ 13-го октября 1862 г., насколько дозволяли цензурныя условія, предлагалъ пригласить земскихъ предста-

---

[1]) Замѣчательно, что это мѣсто изъ статьи Каткова выпущено въ Сборникѣ статей, редактированномъ при его жизни. Выпускъ мотивируется тѣмъ, что «статья была напечатана не въ томъ видѣ, въ какомъ была написана». Но біографъ Каткова, г. Любимовъ совершенно правильно догадывается, что главнымъ и истиннымъ мотивомъ было измѣненіе отношеній самого автора къ идеѣ и факту общественнаго мнѣнія («Рус. Вѣст.» 1888 г., № 1, стр.10—11).

вителей при окончательномъ обсужденіи судебной реформы. Мысль Аксакова однако не осуществилась.

Но какъ бы то ни было окончена была труднѣйшая и важнѣйшая часть дѣла: заложенъ былъ прочно фундаментъ новаго суда и заложенъ на такихъ разумныхъ основаніяхъ, что даже иностранные юристы, и во главѣ ихъ симпатичный Миттермайеръ, были пріятно изумлены, узнавъ о трудахъ русскихъ юристовъ.

ГЛАВА VIII.

20 ноября 1864 г.

Вслѣдъ за распубликованіемъ основныхъ положеній образована была, подъ предсѣдательствомъ В. П. Буткова, Коммиссія для составленія новыхъ проектовъ на основаніи только что утвержденныхъ основныхъ положеній. Зарудный завѣдывалъ гражданскимъ отдѣленіемъ, но принималъ самое живое участіе и въ работахъ и по всѣмъ остальнымъ отдѣламъ. Трудно себѣ представить, какую онъ развивалъ тутъ массу труда, энергіи и живости. Просматривая эти безчисленные фоліанты исписанной имъ бумаги, невольно приходишь въ изумленіе предъ этимъ гигантскимъ трудомъ, безъ перерыва длившимся почти три года. А вѣдь бумага передаетъ только ничтожную часть положеннаго С. И. на судебную реформу труда. Его живыя полныя огня и остроумія бесѣды и споры поддерживали отставшихъ, уставшихъ, вливали энергію въ малодушныхъ, колебавшихся, подкрѣпляли мнительныхъ. Одинъ изъ свидѣтелей и участниковъ этой кипучей дѣятельности такъ описываетъ роль Заруднаго.

„Хотя работа была раздѣлена, говоритъ г. Поздѣевъ-Шубинъ, на три главные отдѣла и Сергѣй Ивановичъ непосредственно завѣдывалъ составленіемъ проекта гражданскаго судопроизводства, но направленіе всѣхъ отдѣловъ всецѣло принадлежало ему. В е з д ѣ была его иниціатива и въ приглашеніи дѣятелей и въ направленіи работъ. Составъ коммиссіи разросся до громадныхъ размѣровъ: были привлечены всѣ лучшія силы почти изъ всѣхъ вѣдомствъ, преимущественно судебнаго и со всѣхъ концовъ Россіи. Кромѣ постоянныхъ членовъ въ трудахъ и совѣщаніяхъ принимали участіе и лица посторонніе по разнымъ спеціальностямъ, начиная отъ профессоровъ университета и кончая полицейскими чинами.

Въ теченіе болѣе двухъ лѣтъ работа въ коммиссіи кипѣла: было написано и напечатано многое множество матеріаловъ и проектовъ по всѣмъ частямъ; работы обсуждались въ частныхъ коммиссіяхъ и совѣщаніяхъ, исправлялись, передѣлывались, вновь печатались и обсуждались въ цѣлыхъ отдѣлахъ коммиссій и т. д. Для засѣданій не щадили ни времени, ни труловъ; работающіе собирались и днемъ и по вечерамъ. Споровъ всюду было множество. Выступали ораторы всякаго рода и скромные, и задорные, и уклончивые. Душею всего дѣла былъ и оставался постоянно Сергѣй Ивановичъ Зарудный. Самъ онъ работалъ болѣе всѣхъ, цѣлыя ночи проводилъ весьма часто за работою, которую никогда не откладывалъ. Онъ былъ самый рьяный фанатикъ своихъ убѣжденій, которыя защищалъ съ энергіею, доходившею до запальчивости; въ спорахъ не зналъ предѣловъ, былъ откровененъ до рѣзкости, никого не щадя, часто увлекался до того, что не могъ представить, чтобы существовали взгляды и мнѣнія болѣе основательныя, чѣмъ его... Отсюда разныя столкновенія и нерасположеніе къ нему многихъ!“... (Русская Старина 1888 № 2). Какая любопытная характеристическая черта нравовъ! Зарудный какъ истинно убѣжденный человѣкъ горячо, съ жаромъ, съ увлеченіемъ отстаиваетъ свои убѣжденія, ведетъ споръ исключительно на почвѣ идей, а на него дуются за это, обижаются и ссорятся!..

Въ 11-ть мѣсяцевъ былъ составленъ отдѣленіемъ Зарудная Уставъ гражд. суд. съ пространною объяснительною запискою въ двухъ томахъ. Проектъ былъ разсмотрѣнъ въ 91-мъ засѣданіи отдѣленія и въ 21-мъ общаго собранія. Докладчикомъ проекта при обсужденіи въ Государственномъ Совѣтѣ былъ тотъ же Зарудный. Съ страстною энергіею мчался онъ впередъ, онъ торопился и торопилъ другихъ, какъ бы предчувствуя возможность приближающейся грозы и поворота взгляда въ правительственныхъ сферахъ. Зная неустойчивость нашихъ либеральныхъ теченій, появляющихся только изрѣдка и быстро исчезающихъ, какъ мимолетная, кратковременная сѣверная весна; видя уже едва замѣтные, но вполнѣ реальные признаки реакціи, заглохшей было послѣ первой вспышки въ 1859 г. и начинавшей въ 1863 г. снова поднимать голову, Зарудный боялся за участь дорогаго дѣла, ввѣреннаго

судьбою его неусыпнымъ попеченіямъ. Пророческую дальновидность Заруднаго, къ сожалѣнію, оправдали событія...

Но, наконецъ, многолѣтніе неусыпные труды Заруднаго увѣнчались успѣхомъ, и онъ вздохнулъ свободно, когда получилъ извѣстіе, что въ великій день 20 ноября 1864 г. въ Царскомъ Селѣ Высочайшая подпись оффиціально призвала къ жизни лучшее украшеніе русскаго законодательства—Судебные Уставы.

Въ тотъ же памятный день 20-го ноября появился Указъ Правительствующему Сенату въ простыхъ, но энергичныхъ выраженіяхъ опредѣлявшій сущность и цѣль судебной реформы:

Призывая благословеніе Всевышняго на успѣхъ „этого великаго дѣла“, Указъ ставитъ задачею ему: водворить въ Россіи судъ скорый, правый и милостивый и равный для всѣхъ подданныхъ, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и „вообще утвердить въ народѣ то уваженіе къ закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе и которое должно быть постояннымъ руководителемъ всѣхъ и каждаго отъ высшаго до низшаго“.

Такимъ образомъ этотъ заключительный могучій аккордъ былъ прямымъ отвѣтомъ на тѣ указанія о господствѣ „неуваженія къ закону“, которыя раздались въ Россіи въ концѣ 50-хъ гг., какъ только перестало слышаться „всеобщее молчаніе“, и общество получило даръ слова.

Конечно, благополучное появленіе Судебныхъ Уставовъ „этого славнаго умственнаго памятника, долженствующаго служить, какъ вѣрно замѣтилъ В. П. Безобразовъ, величайшею честью нашего времени“, не обезпечивало новому суду ни здороваго развитія, ни безмятежнаго существованія. Онъ могъ быть впослѣдствіи испорченъ, искаженъ, исковерканъ, но стереть его совсѣмъ съ лица русской земли не будетъ въ силахъ самый стремительный реакціонный натискъ. Таково было убѣжденіе Заруднаго, и это соображеніе успокоивало его нѣсколько на счетъ будущихъ судебъ великаго дѣла, которому онъ такъ много послужилъ.

Давая общій очеркъ дѣятельности Заруднаго по судебной

реформѣ, я не могу остановиться на всѣхъ детальныхъ его работахъ. Мнѣ только остается хоть перечислить ихъ.

Зарудному лично принадлежатъ слѣдующія работы, кромѣ вышеупомянутыхъ:

1) Общія соображенія о составѣ суда уголовнаго.

2) О спеціальныхъ присяжныхъ для особаго рода дѣлъ въ Англіи, Франціи и Италіи.

Еще слѣдующія:

3) Извлеченіе изъ доклада Сардинскаго министра юстиціи о преобразованіяхъ гражданскаго судопроизводства въ Италіи въ 1859 году.

4) Правила объ обязательности явки тяжущихся въ судѣ въ связи съ монополіею повѣренныхъ.

5) О реформахъ судопроизводства въ Италіи въ 1862 г.

6) Судебно-статистическія свѣдѣнія о Харьковской губерніи.

7) Законы о доказательствахъ по французскому гражданскому уставу.

8) Матеріалы для разработки вопроса объ охранительномъ порядкѣ производства.

9—10) Переводы уст. Гражд. суд. Сардиніи 1854 г., Венгріи 1852 г. и законовъ судоустройства Піемонта 1859 г.

Таковы труды, оффиціально признанные; но онъ же, Зарудный, руководилъ переводами и компиляціями, составленными княземъ Волконскимъ, Рембелинскимъ, барономъ Корфомъ и др. Онъ же редактировалъ заключенія кн. П. П. Гагарина. Словомъ такъ много сдѣлано Заруднымъ для судебной реформы и многое изъ сдѣланнаго имъ такъ тщательно замаскировано, что едва ли когда-нибудь станетъ возможнымъ точное приведеніе въ извѣстность всего вклада сдѣланнаго имъ (ср. выше IV главу).

Но съ появленіемъ судебныхъ уставовъ работы Зарудная не прекратились. Утвержденный въ 1864 г. въ должности статсъ-секретаря департамента законовъ, онъ принималъ дѣятельное участіе въ обработкѣ дополнительныхъ къ нимъ узаконеній, и, въ качествѣ дѣлопроизводителя особаго совѣщанія по вопросамъ о введеніи въ дѣйствіе судебнаго пре-

образованія, онъ не мало потрудился и при этой важной, почти критической стадіи работъ, при которой чуть было не разбилась судебная реформа. Извѣстно, что враги ея, подъ предлогомъ финансовыхъ и другихъ затрудненій, чуть было не добились ея задержки на неопредѣленное время, т.-е. почти фактической отмѣны Судеб. Уставовъ еще до введенія ихъ въ дѣйствіе...

И это еще не все! Неистощимая энергія Заруднаго все еще требовала дѣла на поприщѣ судебной реформы. Зарудный, живой свидѣтель въ началѣ, а впослѣдствіи непосредственный и усерднѣйшій труженикъ судебной реформы, предпринялъ кропотливый и громадный трудъ—пересмотра и систематизаціи обширнаго матеріала судебной реформы за 20 лѣтъ (1846—1866) и тѣмъ оказалъ будущимъ историкамъ русскаго законодательства неоцѣненную услугу. Онъ составилъ опись и разсортировалъ весь матеріалъ въ 74 томахъ, изъ коихъ нѣкоторые составляютъ фолліанты въ 600—700 печатныхъ страницъ и онъ же составилъ три полные комплекта всего „Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи“, изъ коихъ одинъ экземпляръ хранится въ Государственномъ Совѣтѣ, одинъ—въ библіотекѣ II отдѣленія (нынѣ кодификаціоннаго отдѣла) и одинъ въ Петербургской публичной библіотекѣ.

Но и этимъ С. И. не ограничился. Желая дать будущимъ судебнымъ дѣятелямъ наилучшее руководство при примѣненіи на практикѣ Судебныхъ Уставовъ и стремясь къ наибольшему распространенію гуманно-либеральныхъ началъ, на коихъ они построены, Зарудный почти единолично приготовилъ для печати столь извѣстное изданіе въ 3-хъ томахъ („Суд. Уставъ съ разсужденіями, на коихъ они основаны“). Это превосходное изданіе (впослѣдствіи повторенное), столь популярное нынѣ между юристами и не юристами, разошлось съ небывалою для офиціальнаго изданія быстротою: 6,000 экземпляровъ разошлось съ небольшимъ въ годъ.

Сличая сдѣланныя Зарудным извлеченія съ подлинными актами, невольно удивляешься съ какою изумительною добросовѣстностью и рѣдкимъ искусствомъ редактированы эти извлеченія. Если бы у Заруднаго не было такъ много другихъ непререкаемыхъ правъ на вѣчную признательность потом-

ства, то одно это образцовое изданіе Суд. Уставовъ, принесшее столько пользы русскому общественному правосознанію и сдѣлавшееся настольною книгою всякаго интересующагося явленіями общественной жизни, должно бы обезпечить извѣстность имени Заруднаго.

Таковъ краткій очеркъ дѣятельности Заруднаго по насажденію новаго суда, въ исторіи котораго онъ по праву займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ.

ГЛАВА IX.

С. И. Зарудный послѣ изданія Судебныхъ Уставовъ.

Не дорожимъ
Мы шагомъ къ прочному прогрессу.
День, два; всѣ полны грезъ и вѣры.
А завтра съ радостью глядятъ
Какъ рановременныя мѣры
Теряютъ должные размѣры
И съ трескомъ пятятся назадъ...

Некрасовъ.

Изданіе въ 1866 г. Судебныхъ Уставовъ съ разсужденіями, за которое была объявлена Зарудному Высочайшая благодарность, заканчиваетъ блистательную, счастливую его эпоху дѣятельности. Вся послѣдующая 22-лѣтняя карьера или, лучше сказать, служебная лямка была однимъ безпрерывнымъ рядомъ мучительныхъ тревогъ за судьбу дорогого для него *дѣла и безконечнымъ искупленіемъ за то, что онъ для него* сдѣлалъ. Тутъ сказалась обычная превратная участь нашихъ прогрессивныхъ вѣяній. Едва появившись на свѣтъ, наши реформы, подобно дѣтямъ Сатурна, начинаютъ, если не сразу истребляться, то постепенно разрушаться реакціоннымъ движеніемъ, въ которомъ иногда играютъ не послѣднюю роль и главные виновники реформъ. Эти превратности судьбы испытывали многіе, начиная отъ Як. Ростовцева, бывшаго въ одно время въ опалѣ за участіе въ организаціи стараго семигласнаго думскаго представительства и кончая однимъ изъ видныхъ дѣятелей крестьянской реформы, Н. А. Милютинымъ и первымъ министромъ юстиціи новаго суда, Д. Н. Замятнинымъ.

Но ни на комъ съ такою безпощадною жестокостью и холодною послѣдовательностью не сказался этотъ законъ нашего общественнаго движенія, какъ на покойномъ С. И. За-

рудномъ. До послѣднихъ дней жизни онъ долженъ былъ нести искупленіе за тяжкій грѣхъ, состоявшій въ томъ, что онъ 25 лѣтъ лучшей части своей жизни посвятилъ на выработку учрежденій, которыя должны были замѣнить произволъ закономъ, судъ тайный, формальный, безчеловѣчный, инквизиціонный, продажный, находившійся подъ пятою администраціи—судомъ правымъ, милостивымъ, равнымъ для всѣхъ, судомъ совѣсти, судомъ независимымъ и честнымъ. Долго и тяжко было искупленіе, но и то сказать—какъ великъ былъ и грѣхъ Заруднаго предъ лицомъ реакціи, до сихъ поръ не могущей оправиться отъ силы нанесеннаго ей Зарудным ъ удара!

Обращаясь къ этой второй половинѣ жизни Заруднаго, мнѣ приходится повторить слова великаго Тацита: „я нуждаюся въ вашемъ снисхожденіи: такъ жестоко и враждебно добродѣтели время, о которомъ будетъ идти рѣчь“ [1]).

Въ апрѣлѣ 1866 года были открыты новыя судебныя учрежденія. Безъ преувеличенія можно сказать, что С. И. былъ первымъ кандидатомъ на первое мѣсто въ новой судебной магистратурѣ, созданной его трудами. Большой природный умъ, прекрасное перо, основательное знакомство съ русскою и иностранною юридическою литературою и законодательствами, богатый судебный опытъ, независимый характеръ, способность говорить и дѣйствовать по правдѣ, невзирая ни на какія персоны; столь необходимые на гласномъ судѣ даръ слова и находчивость и наконецъ глубокое проникновеніе духомъ и разумомъ гуманныхъ основъ Судебныхъ Уставовъ—вотъ качества, обладаніе которыми давало Зарудному право на первенствующую и руководящую роль въ новомъ судѣ, но реакція въ отместку за участіе его въ судебной реформѣ выдавала его за „опаснаго“, „краснаго“, и онъ не былъ допущенъ въ новый судъ.

Положеніе Заруднаго сравнивали съ положеніемъ Моисея, не удостоившагося видѣть обѣтованную землю. Нѣтъ, это сравненіе не точно. Положеніе Заруднаго было болѣе печально. Моисей хотя и не видѣлъ исполненія своей мечты, но по крайней мѣрѣ не имѣлъ жестокой участи видѣть, какъ

---

[1]) Vita Agricolae, I.

филистимляне проникли и неистовствовали въ святой землѣ. А Зарудному въ теченіе почти двадцати лѣтъ именно пришлось испытывать подобныя терзанія. Въ теченіи этого долгаго времени реакція коверкала дорогое для его сердца дѣло подобно коршунамъ, терзавшимъ Прометея.

Да позволено будетъ пройти мимо этого тяжелаго періода жизни Заруднаго или только вскользь его коснуться.

Послѣ открытія новаго суда Зарудный 2½ года оставался статсъ-секретаремъ Государственнаго Совѣта. Изъ нихъ только годъ былъ временемъ спокойнаго дѣйствія новаго суда. Но въ апрѣлѣ 1867 г. удалился министръ юстиціи Д. Н. Замятнинъ и мѣсто его занялъ гр. Паленъ, уже съ первыхъ же шаговъ начавшій гоненіе противъ Судебныхъ Уставовъ. Зарудный, лишенный вліянія, защищалъ, какъ могъ, свое дорогое дѣтище отъ напора реакціонной волны, но и въ этомъ, почти сраженномъ, видѣ все еще казался онъ, подобно поверженному Гизу, опаснымъ либераломъ на посту статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта.

1-го января 1869 г. Зарудный былъ назначенъ сенаторомъ стараго Сената, и такимъ образомъ у него было отнято и это послѣднее утѣшеніе принимать хоть небольшое участіе въ великомъ и дорогомъ дѣлѣ. Свѣжій, полный силъ и энергіи Зарудный былъ противъ воли признанъ какъ бы инвалидомъ и отправленъ въ находящійся близъ памятника Петра Великаго всероссійскій пританей, гдѣ иногда престарѣлые генералы, лишившіеся на военной, морской или гражданской службѣ одного или нѣсколькихъ чувствъ, мирно коротаютъ остатокъ своей жизни, являясь разъ въ недѣлю для слушанія въ полудремотномъ dolce farniente доклады дѣлъ и для объявленія мнѣнія, которое Богъ на душу положитъ или состояніе пищеваренія подскажетъ. И вотъ среди этихъ почтенныхъ развалинъ очутился съ 1 января 1869 г. сенаторъ Зарудный.

Сначала онъ присутствовалъ во 2-мъ департаментѣ, потомъ до конца жизни въ межевомъ департаментѣ. Какъ сильная и живая личность, Зарудный и среди окружающей мертвящей обстановки порывался дѣлать, что могъ. Онъ поднималъ горячіе споры, которые казались какимъ-то непрошеннымъ протестомъ жизни подъ тихими, полутемными сводами,

привыкшими слышать старческій шепотъ да развѣ двусмысленное шушуканье... Кое-что Зарудный успѣвалъ и здѣсь сдѣлать. Благодаря его дѣятельному участію разрѣшилось нѣсколько важныхъ дѣлъ, какъ, напримѣръ, знаменитое дѣло о Башкирскихъ земляхъ, тянувшееся 100 лѣтъ. Зарудный какъ бы воскрешалъ типъ сенатора, который рисовался Петру и Екатеринѣ и который по опредѣленію закона (ст. 247 Учр. Правит. Сената) „долженствуетъ памятовать, что обязанность судьи есть: почитать свое отечество родствомъ, а честность дружбою и болѣе всего отыскивать средства къ достиженію правды, а не къ продолженію времени“. Зарудный, весь проникнутый духомъ новаго суда, старался ради достиженія правды, влить хоть одну свѣжую струю его въ старое судопроизводство. Укажемъ на одинъ примѣръ.

Принято было считать, что двухъ свидѣтелей достаточно, чтобы гг. сенаторы могли избавить себя отъ труда разсуждать и могли механически утвердить приговоръ суда. Открывъ для нихъ впервые истинный смыслъ, ст. 364 зак. о судопр., дающей судьямъ право отвергать показанія двухъ свидѣтелей, если подсудимый представитъ „достаточно опроверженій“, Зарудный пытался поднять значеніе этой статьи, могущей смягчить темную сторону формальныхъ доказательствъ. Но напрасны были его усилія! Даже энергіи его не удалось сломить неподвижность и равнодушіе однихъ и юридическую неразвитость другихъ. Его благородныя усилія создали ему только репутацію вольнодумца, чудака, неугомоннаго, неудобнаго для гг. оберъ-секретарей, сенатора. Да, нелегкая задача предстояла сенатскимъ дѣльцамъ приводить Заруднаго къ соглашенію съ предлагаемыми ими мнѣніями, которыя такъ довѣрчиво и безропотно принимались другими сенаторами.

Зарудный нерѣдко составлялъ замѣчательныя особыя мнѣнія, которыя иногда въ концѣ-концовъ брали верхъ, когда дѣло доходило до Государственнаго Совѣта. Но такіе случаи были рѣдки. Вообще же усилія Заруднаго оставались гласомъ въ пустынѣ вопіющимъ. Напрасно этотъ великій почитатель и переводчикъ Беккаріи старался столѣтіе спустя послѣ появленія его безсмертной брошюры привить его здра-

выя идеи одряхлѣвшему организму стараго суда. Не только онъ не имѣлъ успѣха въ этомъ отношеніи, но и самая горячность его отношенія къ дѣлу удивляла и смущала почтенныхъ сенаторовъ.

Послѣ этого понятенъ тотъ вопль отчаявшагося борца за правду, который вырвался у Заруднаго въ одномъ изъ примѣчаній къ Беккаріи. Указавъ на то, какъ въ XVIII столѣтіи, Вольтеръ и другіе философы принимали самое горячее участіе въ судьбѣ совершенно неизвѣстныхъ людей, во имя правды и гуманности, Зарудный съ горестью продолжаетъ: „Въ наше время эти чувства были бы несовременны: теперь покажется страннымъ, если даже судья съ увлеченіемъ будетъ доказывать, что никакого человѣка, даже еврея, нельзя, при отсутствіи совершенныхъ и несовершенныхъ доказательствъ и какихъ-либо важныхъ уликъ, лишать всѣхъ правъ состоянія и ссылать въ каторжныя работы. Теперь такого рода дѣла, и, скажу болѣе, теперь ничего не слѣдуетъ принимать близко къ сердцу: нынче нужно быть прежде всего равнодушнымъ ко всему, что насъ окружаетъ; ко всему, что при насъ совершается“ (Беккарія, примѣч. стр. 190). Но сердца С. И. не коснулось это тупое равнодушіе, онъ до конца дней вѣрилъ въ силу добра и знанія!..

Изъ сказаннаго легко понять, какъ велики должны были быть душевныя страданія этого честнаго гражданина, гонимаго жестокою судьбою за что?—за то, что онъ помыслилъ дать своимъ согражданамъ тотъ святой и согрѣвающій пламень правды и гуманности, безъ котораго человѣческая жизнь осуждена на мракъ и холодъ; этого неутомимаго дѣятеля, оторваннаго отъ живого дѣла, къ которому онъ готовился въ теченіе 25 лѣтъ и привязаннаго къ трупу стараго суда, который не могли оживить и воскресить даже неистощимая энергія и творческая мощь Заруднаго!

Но, несмотря на всѣ гоненія и ожесточенія реакціонной партіи, она не могла сломить его энергіи, трудолюбія и душевнаго равновѣсія и сдѣлать его несчастнымъ. Счастливъ тотъ, говоритъ Монтень, кто сумѣлъ свое благополучіе поставить внѣ зависимости отъ внѣшнихъ условій жизни. И такое счастье было дано Зарудному. Онъ не имѣлъ ничего

общаго съ тѣмъ типомъ государственныхъ людей, коихъ все значеніе основывается на измѣнчивомъ непостоянствѣ самопроизвольнаго гнѣва и опалы власти. Такой случайный продуктъ фортуны, обыкновенно, по удаленіи съ поста своего:

Стоитъ какъ поденщикъ ненужный,
Плату пріявшій свою, чуждый работѣ другой.

Побывавъ „въ случаѣ“, такой „дѣятель“ отходитъ на покой въ Москву или въ провинцію, гдѣ держитъ мрачную оппозицію своимъ преемникамъ по „случаю“, заливая московскую селянку крѣпкимъ виномъ и выражая оппозицію крѣпкими словами.

Не таковъ былъ Зарудный. Его могли лишить власти, вліянія, но неспособны были ворваться въ его душевную цитадель, гдѣ онъ, защищенный неприступными твердынями своихъ высокихъ духовныхъ качествъ, былъ неуязвимъ для вражескаго натиска. Твердыни эти были: безконечная доброта, ясность духа и веселость настроенія, даруемая здоровьемъ душевнымъ и тѣлеснымъ; отзывчивость на все молодое, свѣжее, доброе, честное; и, наконецъ, величайшее изъ высшихъ благъ міра: способность любить и понимать природу, любить и понимать науку и искусство и въ довершеніе всего—вкусъ къ усладамъ умственнаго труда, этого благословеннаго.

. . . молчаливаго спутника ночи,
Друга Авроры златой, друга пенатовъ святыхъ.

При первыхъ же лучахъ весенняго солнца Зарудный покидалъ сырой, мрачный Петербургъ и отправлялся на югъ, въ имѣніе свое въ Купянскомъ уѣздѣ, гдѣ онъ черпалъ новыя силы отъ живительнаго прикосновенія съ матерью-землею. Его неутомимое трудолюбіе и жажда дѣятельности находила среди полей и лѣсовъ новый стимулъ и новое приложеніе.

Здѣсь же, въ Купянскомъ уѣздѣ, онъ входилъ съ благоговѣніемъ чрезъ боковой притворъ, въ воздвигнутый имъ самимъ величественный храмъ новаго суда, въ которомъ по праву принадлежало ему первое мѣсто, но въ которомъ съ примѣрною добросовѣстностью выполнялъ онъ скромныя обязанности Почетнаго Мирового Судьи, являясь аккуратно на засѣданія Купянскаго Мирового Съѣзда.

Рядомъ съ природою утѣшителемъ Заруднаго былъ трудъ, тотъ чудный даръ природы, который, по словамъ Бѣлинскаго: „есть альфа и омега человѣческой мудрости и камень спасенія". Не зная заманчивыхъ на первый взглядъ прелестей сладкаго бездѣльничанья inertiae dulcendum, Зарудный зато постигъ во всей силѣ сладость умственнаго труда.

Нельзя исчислить сколько передумано, перечитано и написано этимъ неутомимымъ труженикомъ, просиживавшимъ ночи напролетъ и встававшимъ съ пѣтухами.

Въ 1869 г. какъ только Зарудный былъ переведенъ изъ Государственнаго Совѣта въ Сенатъ, онъ издалъ замѣчательный по добросовѣстности трудъ: Гражданское Уложеніе Итальянскаго Королевства и Русскіе гражданскіе законы. Въ слѣдующемъ 1870 году онъ издалъ Торговое Уложеніе Итальянскаго Королевства и Русскіе Торговые Законы. Въ 1873 г. онъ однимъ изъ первыхъ откликнулся на призывъ Московскаго Юридическаго Общества и прислалъ для перваго Съѣзда Юристовъ рефератъ „о необходимости полнаго изданія Гражданскихъ Законовъ 1857 г. и о согласованіи ихъ со всѣми послѣдующими узаконеніями",—работа выполненная только въ 1888 г.

Въ 1879 г. онъ издалъ превосходный переводъ извѣстнаго сочиненія Беккаріи „о преступленіяхъ и наказаніяхъ" съ постановленіями въ texte en regard русскаго законодательства, и съ крайне интересными юридическо-общественными примѣчаніями, разъясненіями и филологическими комментаріями. Наконецъ, послѣдніе годы жизни онъ посвятилъ детальному изученію творенія великаго флорентинца, судьба коего имѣетъ не мало точекъ соприкосновенія съ жизнью Заруднаго.

Почти за 8 мѣсяцевъ до смерти онъ успѣлъ выпустить замѣчательный переводъ Ада, посвященный памяти покойнаго министра народнаго просвѣщенія, А. В. Головнина.

Какъ переводъ, такъ и многочисленные и обстоятельные комментаріи обратили на себя вниманіе всей русской литературы, за исключеніемъ ея оффиціальнаго представителя, II отдѣленія Академіи Наукъ. „Переводчикъ,—писалъ въ своемъ предисловіи Зарудный, до сихъ поръ могъ совладать только съ Адомъ, т.-е. съ первою частью божественной комедіи и,

несмотря на все свое желаніе попасть въ Чистилище и даже въ Рай, не знаетъ, прибавляетъ онъ съ меланхолическою улыбкою, будетъ ли оно осуществлено".—Къ несчастью, намѣреніе это не осуществилось: черезъ 10 мѣсяцевъ испустилъ послѣдній вздохъ и почилъ, по сосѣдству съ родиною великаго флорентинца, Зарудный, такъ много гонимый и такъ мало оцѣненный на родинѣ!.. Московское Юридическое Общество можетъ гордиться тѣмъ, что избравъ его въ 1886 г. въ число своихъ Почетныхъ Членовъ, оно посильно воздало должное заслуженному дѣятелю и доблестному гражданину, давъ ему предвкусить надежду на признательность благороднаго потомства. Этотъ единственный, за послѣдніе годы, актъ справедливости принесъ много утѣшенія усталой душѣ забытаго и покинутаго всѣми Заруднаго, на которомъ такъ вѣрно сказалась болѣзненная подвижность русскаго общественнаго мнѣнія:

Сильнѣй невѣжества, распутства, тунеядства,
На немъ предательства печать
И непонятнаго злорадства!
У русскаго особый взглядъ.
Преданьямъ рабства страшно вѣренъ:
Всегда побитый виноватъ....
Побѣда! Мимо всѣхъ преградъ
Прошла и принялась идея—
Ура! кричимъ мы, не робѣя,
И тотъ, кто радъ, и кто не радъ....
Зато съ какимъ зловѣщимъ тактомъ
Мы неудачу сторожимъ!...
Какъ негодуемъ, какъ клевещемъ,
Какъ ретроградамъ рукоплещемъ,
Какъ выдаемъ своихъ друзей!

ГЛАВА X.

Личность С. И. Заруднаго.

.... Cloué sur terre,
Comme un aigle blessé qui meurt dans la poussière,
L'aile ouverte et les yeux fixés sur le soleil.

Очеркъ мой приходитъ къ концу. Сколько ни говорить, трудно высказать все, когда дѣло идетъ о такой богатой натурѣ и свѣтлой личности, какъ С. И. Подводить полные итоги его жизни и дѣятельности еще не пришло время, и все сказанное выше не болѣе какъ біографическій матеріалъ или самое большее первый эскизъ, набросокъ. Но и теперь можно отмѣтить двѣ-три черты въ его характерѣ какъ самыя крупныя и рѣзкія.

Бываютъ такія скудныя и скучныя времена нравственной придавленности, въ родѣ переживаемыхъ нами теперь временъ, которыя Ювеналъ характеризуетъ такъ:

Nunc si depositum non inficiatur amicus
Si reddat veterem cum tota aerugine follem,
Prodigiosa fides, et Tuscis digna libellis,
Quaeque cornata lustrari debet agna [1]).

Въ такія-то темныя времена и человѣкъ дюжинный можетъ занять выдающееся положеніе. Среди общаго мрака и едва мерцающая лучина можетъ казаться яркимъ свѣточемъ. Только благодаря такой нравственной скудости были прославлены иные изъ нашихъ современниковъ!

Не такова личность Заруднаго. Чистая и крѣпкая, какъ горный хрусталь, она выдержитъ какое угодно испытаніе и

---

[1]) Нынче, если другъ твой не присвоятъ поклажи, если онъ въ сохранности возвращаетъ твой старый мѣшокъ съ деньгами—то этотъ подвигъ честности долженъ быть записанъ въ священныя книги; это чудо, которое нужно искупить кровью агнца (XIII. 60).

пробу и не въ наше „пестрое“ время. Человѣкъ, отмѣченный печатью высшаго дарованія, человѣкъ идеи и высшаго нравственнаго закала, онъ былъ и остался представителемъ того типа неустанныхъ борцовъ, того незабвеннаго цикла людей 40-хъ годовъ, которые до послѣдняго издыханія вели неуклонно свои линіи, какъ бы ни были неблагопріятны условія борьбы. Ненавидя болѣе всего на свѣтѣ ложь, Зарудный никогда не могъ примириться съ тѣми покладистыми, линючими людьми, которые мѣняютъ свои убѣжденія, смотря по выгодѣ и удобству. Его чистую душу всегда возмущали эти ренегаты съ раздвоенною душею или, лучше сказать, вовсе безъ души, эти безшабашные лихачи, несущіеся по теченію, словомъ люди, которыхъ землякъ Заруднаго, Шевченко заклеймилъ мѣткимъ словомъ: „перевертень“.

Какъ велико негодованіе С. И. противъ этой отвратительной породы людей, можно видѣть изъ слѣдующаго толкованія, которое онъ приводитъ въ одной изъ самыхъ тяжелыхъ пѣсенъ, XXV пѣснѣ Ада, гдѣ Дантъ выводитъ коварныхъ совѣтниковъ, постепенно мѣняющихъ свой человѣческій образъ и превращающихся въ змѣя. „Нѣчто подобное этому было, говоритъ въ толкованіи Зарудный, въ царствованіе Георгія I съ двумя англійскими партіями. Каждая партія постепенно принимала форму и цвѣтъ враждебной своей партіи, пока, наконецъ, тори возвысились усиліями ревностныхъ защитниковъ свободы, а виги стали ползать и лизать прахъ власти у ногъ враговъ своихъ. Такіе унизительные для человѣческаго достоинства компромиссы знакомы и другимъ странамъ. Припомнимъ извѣстный выведенный нашимъ маститымъ сатирикомъ типъ либераловъ, измѣнившихъ цвѣтъ и убѣжденія „примѣнительно къ подлости“. Такіе люди всегда возмущали честнаго Заруднаго, который былъ неспособенъ въ угоду кому бы то ни было и ради чего бы то ни было торговать своими убѣжденіями и взглядами...

По мѣрѣ того, какъ росла и поднималась реакціонная волна, все болѣе и болѣе оставался одинокимъ С. И. Сами творцы и дѣятели новаго суда сдѣлались его разрушителями, и только одинъ С. И. съ немногими друзьями стоялъ непоколебимо какъ молчаливое, но живое воплощеніе идей праваго и милостиваго суда, стоялъ словно маякъ на одинокой

скалѣ, льющій свой спасительный свѣтъ на зло разбушевавшимся мрачнымъ стихіямъ.

Былъ одинъ моментъ, когда и онъ не выдержалъ и нарушилъ свой молчаливый протестъ. Это было по поводу извѣстнаго указа Сената 6-го іюня 1886 года о мировыхъ судьяхъ, изумительнаго какъ по тону, такъ и по содержанію. Не всѣ забыли, вѣроятно, какое подавляющее впечатлѣніе произвелъ этотъ указъ на всѣхъ друзей новаго суда. Не выдержалъ и возмущенный до глубины души столь презрительнымъ отношеніемъ Сената къ мировому суду, 66-лѣтній сенаторъ Зарудный. Онъ одинъ изъ всѣхъ 6,000 слишкомъ мировыхъ судей Имперіи подалъ голосъ за честь мирового института и вошелъ въ Купянскій мировой съѣздъ съ заявленіемъ, прося его на основаніи ст. 76 Осн. Зак. сдѣлать Сенату почтительное представленіе о неудобствахъ новаго предписаннаго указомъ порядка судопроизводства и отчетности. Исчисливъ рядъ неудобствъ и затрудненій, вызванныхъ указомъ, Зарудный въ своемъ представленіи съѣзду между прочимъ писалъ: „Указъ Прав. Сената на судей, сознающихъ свое дѣло, производитъ удручающее впечатлѣніе, а на судей, не рѣшающихъ ни одного дѣла въ годъ, или же и за все время состоянія въ должности, этотъ указъ не можетъ имѣть никакого вліянія. Судебная администрація, заканчиваетъ Зарудный, обязана указать тѣхъ мировыхъ судей, которые порочатъ учрежденіе и преслѣдовать ихъ по закону. Она не можетъ приписывать циркулярно всѣмъ мировымъ судьямъ совершенно одиночныя явленія, не имѣющія ничего сродственнаго съ общимъ направленіемъ мировыхъ съѣздовъ и вслѣдствіе такого предположенія возлагать на съѣзды несвойственныя ихъ занятіямъ обязанности“. Съѣздъ поддержалъ представленія Заруднаго и пріостановился приведеніемъ указа въ исполненіе, и вотъ дѣло это, за которымъ внимательно слѣдилъ весь судебный міръ, заслушано было 17 апрѣля 1886 г., въ памятный день двадцатилѣтія открытія новаго суда, въ соед. прис. 1-го Касс. Деп. Прав. Сената. Правительствующій Сенатъ и не удостоилъ разобрать содержаніе представленія съѣзда по существу и воспользовавшись ст. 265 учр. суд. уст., подвергъ Купянскій съѣздъ, или, лучше, Заруднаго—**замѣчанію**. Зарудный былъ страшно потрясенъ этою **послѣднею наградою** за свою многолѣтнюю службу!..

Зарудный зналъ, что такое людская благодарность, а все-таки дисциплинарное взысканіе въ 66 лѣтъ и для него было неожиданно и особенно горько въ виду того, что онъ подвелъ подъ взысканіе и своихъ товарищей по Купянскому съѣзду. Не мало несправедливостей испыталъ на своемъ вѣку С. И., но эта послѣдняя особенно тяжело отозвалась на его и безъ того наболѣвшей душѣ и пошатнувшемся здоровьѣ.

Отъ этого послѣдняго удара, вдобавокъ нанесеннаго органомъ того же самаго суда, за достоинство котораго онъ вздумалъ заступиться, Зарудный такъ и не могъ оправиться. Это сенатское замѣчаніе у него не выходило изъ головы и оно отравило послѣдніе мѣсяцы его жизни. Оно его преслѣдовало до самаго благодатнаго южнаго неба, подъ которымъ онъ думалъ если не исцѣлиться, то хоть нѣсколько согрѣться послѣ леденящаго холода родины, послѣ еще болѣе леденящаго равнодушія и жестокости согражданъ—среди семьи, среди людей близкихъ и сочувствующихъ.

Но и этого послѣдняго утѣшенія не дано было ему испытать. Онъ испустилъ послѣдній вздохъ не доѣзжая нѣсколько километровъ до Ниццы...

Такъ угасла въ дали отъ родины эта славная жизнь, полная честнаго труда на пользу ближняго, доблестнаго самоотверженія, безтрепетнаго служенія правдѣ и полная стольких преслѣдованій, гоненій и огорченій!

Печальная, но старая исторія, которой не предвидится скораго конца!

„Геній дается людямъ, пишетъ Зарудный въ своемъ предисловіи къ Аду, не даромъ, и если бы кто-либо зналъ, чѣмъ онъ долженъ пожертвовать для того, чтобы заслужить с л а в у на землѣ, то едва ли согласился бы принять этотъ в е л и к і й и у ж а с н ы й даръ природы“.

Такая грустная нота звучитъ и во многихъ другихъ мѣстахъ этого заключительнаго труда Заруднаго. Видно тяжелъ былъ жребій, выпавшій на долю этого честнаго борца, до послѣдняго вздоха оставшагося вѣрнымъ избранному знамени. Подъ конецъ жизни его какъ бы беретъ раздумье и сомнѣнье и за то, что онъ сдѣлалъ, и за то, чего онъ не сдѣлалъ, и въ такую-то минуту надъ самою сильною душею можетъ пробѣжать мимолетная тѣнь отчаянья и малодушія!

Да не посѣтуютъ же за это скорбное „моленіе о чашѣ“, вырывающееся изъ груди самыхъ безтрепетныхъ страдальцевъ за идею! Въ этихъ стонахъ слышится протестующая нота чувства самосохраненія и жажда личнаго благополучія. Но вѣдь это такъ естественно для существа, надѣленнаго плотью и кровью! И если правъ великій еврейскій философъ, сказавшій, что „возлюбившій Бога не можетъ домогаться, чтобы и Богъ его возлюбилъ“, то все же было бы черезчуръ жестоко бросать укоръ въ страдальцевъ за идею, если они не въ силахъ снести боль и каждый по своему испускаютъ скорбный возгласъ съ сѣтованіемъ на безпомощность: „елоі, елоі, ламма савахвани“.

Требовать отъ живаго существа, чтобы оно не только добровольно шло на страданіе за правду, но чтобы оно не чувствовало даже и боли, это значитъ требовать невозможнаго, сверхъестественнаго...

Отрадно, въ интересахъ прогресса, отмѣтить хоть то, что, несмотря на лишенія и страданія, съ которыми, какъ учитъ исторія, сопряжено служеніе правдѣ и свободѣ, все-таки находятся счастливые избранники, готовые каждый по-своему, каждый по мѣрѣ силъ, идти на безкорыстное мужественное служеніе идеѣ и могущіе

Честно сказать, оглянувшись назадъ,
Другъ другу у края могилы:
«Что смогъ я, то сдѣлалъ... На большее, братъ,
Не воли не стало, а силы».

Какъ бы ни была скромна область проявленія такого доблестнаго подвига, такія цѣльныя, свѣтлыя личности, ставящія выше всего честное служеніе знамени прогресса, всегда будутъ составлять лучшее украшеніе исторіи и надежнѣйшій залогъ лучшаго будущаго. Къ числу такихъ личностей принадлежалъ и Зарудный. Подобныя личности всегда дороги и вездѣ желанны, но въ особенности онѣ цѣнны въ такой апатичной и забитой средѣ, какъ наша, гдѣ только отдѣльныя крупныя личности, при равнодушной косности массъ, однѣ выносятъ на своихъ плечахъ всю тяжесть поступательнаго движенія...

Природа—мать! Когда-бъ такихъ людей
Ты иногда не посылала міру,
Заглохла бъ нива жизни!—

Какъ мы судили.

Изъ воспоминаній присяжнаго засѣдателя.

Судъ присяжныхъ существуетъ даже въ Новой Зеландіи. Неужели дикари этого острова болѣе развиты, чѣмъ нашъ народъ?

(Изъ Записки Тверскаго Губернскаго Комитета по освобожденію крестьянъ).

I.

Одинъ изъ нашихъ выдающихся публицистовъ, указывая на то, какое важное значеніе имѣютъ для оцѣнки дѣятельности суда присяжныхъ, все еще обрѣтающагося не въ авантажѣ, достовѣрныя свѣдѣнія о мотивахъ ихъ вердиктовъ, справедливо замѣчаетъ, что „на обязанности присяжнаго, сколько-нибудь владѣющаго перомъ, лежитъ оглашеніе впечатлѣній, вынесенныхъ имъ изъ залы суда и изъ совѣщательной комнаты присяжныхъ“ [1]). Въ исполненіе этой обязанности считаю не лишнимъ подѣлиться съ публикою своими впечатлѣніями, вынесенными изъ недавней сессіи одного центральнаго окружнаго суда.

Въ половинѣ января я получилъ отъ предсѣдателя коммиссіи по составленію списка присяжныхъ засѣдателей извѣщеніе о внесеніи меня въ списокъ очередныхъ присяжныхъ на октябрь мѣсяцъ. Октябрь мѣсяцъ былъ для меня неудобенъ, и я попросилъ предсѣдателя окружнаго суда перевести меня на другую сессію. Просьба моя была удовлетворена безъ затрудненія. Признаться, я не безъ нетерпѣнія и даже нѣкотораго внутренняго волненія ждалъ результата жребія. Вотъ уже лѣтъ шестнадцать, какъ я наблюдаю и соприкасаюсь съ судомъ присяжныхъ. Въ качествѣ адвоката, газетнаго репортера, публициста, я прослушалъ и изучалъ массу дѣлъ, рѣшенныхъ

---

[1]) См. общественную хронику «Вѣстника Европы», 1890 г. № 4.

присяжными, при чемъ уваженіе мое къ этому институту росло и укрѣплялось, по мѣрѣ ознакомленія съ дѣятельностью этого мірового института. Только теперь [1]) впервые мнѣ представлялась возможность проникнуть, такъ сказать, за кулисы этого высшаго учрежденія или, вѣрнѣе, въ святую-святыхъ совѣщательной комнаты, гдѣ совершаются тайнодѣйствія отправленія суда общественной совѣсти. Къ счастью, жребій оказался для меня благопріятнымъ; я вызванъ былъ въ судъ.

Среди присяжныхъ у меня почти не оказалось ни одного знакомаго. Составъ присяжныхъ былъ почти исключительно интеллигентно-чиновничій: къ нему принадлежало человѣкъ 20; человѣкъ 10 было изъ купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ, 1 былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, 2 отставныхъ полковника, 2 педагога, 2 юриста, 2 инженера, 2 провизора. Съ точки зрѣнія образовательнаго ценза составъ былъ изъ лучшихъ. Даже крестьяне оказались съ очень порядочнымъ образованіемъ и со всѣми наружными признаками „цивилизаціи“ (черная пара, чистое бѣлье, носовой палтокъ и пр.). Одинъ изъ нихъ въ особенности производилъ хорошее впечатлѣніе. Дѣтство этого крестьянина прошло среди мрачныхъ картинъ добраго стараго времени крѣпостной зависимости, не оставившихъ, однако, никакихъ дурныхъ слѣдовъ на его душѣ. Судьба его забросила въ Москву, гдѣ онъ научился ремеслу. Подъ вліяніемъ любящей образованной жены уже по двадцатому году онъ сталъ учиться грамотѣ и занялся самообразованіемъ. Благодаря природнымъ способностямъ и трудолюбію, оно пошло такъ успѣшно, что нашъ крестьянинъ-самоучка почти осуществлялъ искомый народниками идеалъ „синтетическаго мужика“: сохранивъ первоначальную простоту нравовъ и физическое здоровье, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ вкусъ къ высшимъ духовнымъ наслажденіямъ, научнымъ, литературнымъ и эстетическимъ. И при всемъ этомъ нашъ „интеллигентный мужикъ“ отличался необыкновенною скромностью, не всегда встрѣчающейся у даровитыхъ самоучекъ, и удивительною гуманностью.

---

[1]) Только въ послѣдніе три-четыре года стали вносить въ списки присяжныхъ—присяжныхъ повѣренныхъ. Раньше считалось это неудобнымъ, хотя въ законѣ на этотъ счетъ не было ни прямого воспрещенія, ни разрѣшенія. (1890).

Затѣмъ остался у меня въ памяти образъ одного злющаго, желчнаго геморроидальнаго купчины, буквально безпощаднаго ко всѣмъ подсудимымъ, и еще одного молодого техника—олицетвореніе кротости и мягкости; одного военнаго съ фигурою Бетрищева, довольно ограниченнаго и крайне не твердаго въ своихъ мнѣніяхъ. Въ общемъ же у меня сохранилось самое отрадное воспоминаніе о моихъ случайныхъ товарищахъ: огромное большинство ихъ съ живѣйшимъ интересомъ слѣдило за ходомъ дѣлъ и дѣйствительно стремилось приложить „всю силу своего разумѣнія для тщательнаго разсмотрѣнія дѣлъ“, какъ гласитъ присяга, и справедливаго рѣшенія ихъ.

II.

Хотя присяжные и вызывались къ 10½, но не ранѣе 12 пригласили насъ въ залъ судебнаго засѣданія. Не явились двое извѣстныхъ московскихъ богачей. Оба они оказались выбывшими за границу. Судъ оштрафовалъ обоихъ на сто рублей, принявъ на видъ, что они оба, получивъ предварительное извѣщеніе, не озаботились о переносѣ ихъ въ другой періодъ засѣданій.

При полномъ комплектѣ очередныхъ присяжныхъ (запасныхъ почти всегда увольняютъ) началось слушаніе п е р в а г о дѣла о грабежѣ. Стороны правомъ отвода не воспользовались. Первымъ изъ урны вышло мое имя, и, быть можетъ, отчасти благодаря этому случайному обстоятельству предложили мнѣ принять званіе старшины. Указывали, впрочемъ, и на то, что я, въ качествѣ юриста, легче справлюсь съ обязанностями этого званія. Но я наотрѣзъ отказался принять это званіе, ссылаясь на то, что принятіе мною обязанностей старшины можетъ дать поводъ къ несправедливымъ и незаслуженнымъ нареканіямъ на вердиктъ присяжныхъ. Старшиною былъ выбранъ старый чиновникъ, съ Владиміромъ на шеѣ, какъ оказалось впослѣдствіи, отставной педагогъ.

На скамьѣ подсудимыхъ сидѣли трое рецидивистовъ: лѣтъ 28 землекопъ съ отталкивающимъ, хищническимъ выраженіемъ лица безъ лѣвого уха; 22-хъ лѣтній парень, лишенный всѣхъ особенныхъ правъ—уже бывалый на судѣ, но,

очевидно, не вполнѣ съ нимъ освоившійся и дико изподлобья озирающійся кругомъ; 17-тилѣтній невзрачный, болѣзненный на видъ, худой, зеленый, тщедушный мальчишка съ оловянными глазами. Дѣло было такъ: подвыпившій плотникъ взялъ женщину въ одномъ изъ трактировъ возлѣ петербургскаго шоссе. Его нагнали неизвѣстные ему люди и стали душить. Одному изъ нихъ онъ откусилъ ухо. Женщина окликнула дворниковъ. Трое грабителей разбѣжались, третій (безъ уха) былъ взятъ вмѣстѣ съ плотникомъ въ участокъ. Больного отправили въ больницу, а плотника—посадили за рѣшетку (въ виду откушенія имъ уха). Но затѣмъ дѣло приняло другой оборотъ, и вмѣсто дѣла объ увѣчьи (откушеніи уха), возникло дѣло о грабежѣ.

На судѣ потерпѣвшій, ссылавшійся на сильное опьяненіе, не могъ никого признать въ лицо, кромѣ одного, а именно того, у котораго онъ откусилъ ухо, и то только взглянувъ на ухо. Главною и единственною свидѣтельницею обвиненія была вышеупомянутая женщина легкаго поведенія, по указанію которой и были разысканы двое остальныхъ подсудимыхъ. Никто изъ нихъ на судѣ не сознался, а меньшой изъ подсудимыхъ, сознававшійся и на предварительномъ слѣдствіи и оговорившій другихъ, снялъ свой оговоръ, заявивъ, что сдѣлалъ его по злобѣ, полагая, что онъ самъ по ихъ оговору привлеченъ къ дѣлу. Старшій же изъ подсудимыхъ говорилъ, что онъ хотѣлъ отнять „знакомую“ ему женщину и что изъ-за этого произошла драка, во время которой у него откушено было ухо.

Прокуроръ энергически поддерживалъ обвиненіе, не видя или не желая видѣть никакихъ его слабыхъ сторонъ. Защитники, напротивъ, доказывали, что имѣющіяся данныя не заслуживаютъ никакого довѣрія. Одинъ изъ нихъ указывалъ на то, что потерпѣвшій, боясь отвѣтственности за откушеніе уха, со страху свелъ дѣло на самооборону. Защитникъ даже утверждалъ, что дѣлу данъ неправильный оборотъ, что на скамьѣ подсудимыхъ долженъ бы сидѣть потерпѣвшій, совершившій большее преступленіе.

Но тутъ защитникъ былъ остановленъ предсѣдательствующимъ, сдѣлавшимъ замѣчаніе защитнику, тономъ крайне рѣзкимъ и запальчивымъ. Не избѣгъ столкновенія съ пред-

сѣдателемъ и второй защитникъ, несмотря на свой смиренный и, можно сказать, подобострастный тонъ. Онъ хотѣлъ разъяснить смыслъ сдѣланнаго предыдущимъ защитникомъ заявленія, не оконченнаго вслѣдствіе замѣчанія предсѣдателя. Но тутъ произошелъ второй „инцидентъ“. Предсѣдатель, не поднимая головы и не отнимая руки отъ лица, процѣдилъ сквозь зубы:

— Вы, кажется, начинаете говорить обо мнѣ...

Резюме не было почти вовсе сказано предсѣдателемъ, не смотря на то, что это было первое дѣло, а между тѣмъ толково сказанное резюме даже на присяжныхъ изъ юристовъ произвело бы впечатлѣніе, если даже ничего новаго они не слышали бы въ немъ. А въ данномъ случаѣ было что разъяснять—и значеніе оговора и силу наказанія потерпѣвшаго и значеніе справки о судимости—не говоря уже о разъясненіи суровыхъ обязанностей судьи.

На что ужъ я не новичокъ былъ въ этомъ залѣ, не мало видѣлъ я и подсудимыхъ, и осужденій, а когда впервые пришлось увидѣть, въ патетическую минуту произнесенія послѣдняго слова, устремленные съ мольбою взоры подсудимыхъ, услышать напоминанія объ отсутствующихъ женѣ и дѣтяхъ,—я чувствовалъ явно, что-то дрогнуло внутри, что охотно бы ушелъ отъ этой почетной, но суровой обязанности, словомъ, болѣзненно ощущалось, что не хватитъ мужества опустить занесенный уже мечъ правосудія... Громче всѣхъ вопилъ старшій изъ подсудимыхъ, даже на глаза старался онъ выжать неискреннюю слезу; да, „неискреннюю“—что чувствовалось сразу, а все таки и онъ, и этотъ молчаливый сосѣдъ его по скамьѣ, усиленно замигавшій вмѣсто послѣдняго слова, и этотъ изнуренный юноша, пробормотавшій что-то невнятное,—всѣ они казались глубоко несчастными.

Натѣваетъ ли сумку неволя,
Неохота ли взяться за трудъ,
Тяжела и горька твоя доля,
Безпріютный оборванный людъ!...

Оно, конечно, не къ лицу судьѣ такъ „разчувствоваться“, каюсь въ своей слабости, которой, какъ мнѣ передавали потомъ, заплатили дань и другіе присяжные, но не нужно забывать, что это было первое дѣло, такъ сказать, первая

юридико-хирургическая операція. Впослѣдствіи мы стали безчувственнѣе, обтерпѣлись, стали черствѣть и привыкать къ своимъ обязанностямъ, къ своей тяжелой роли карателей...

Вошли въ совѣщательную комнату. У всѣхъ лица серьезныя, сосредоточенныя, почти суровыя и мрачныя. Тутъ въ тиши и уединеніи еще разъ и чуть не сильнѣе еще, чѣмъ тамъ, на людяхъ, почувствовали всѣ, какая это страшная власть право карать и миловать, именно теперь, когда отъ одного твоего слова зависитъ—получить ли человѣку свободу или каторгу...

Долго никто не рѣшался прервать молчанія. Кто прогуливался, кто сидѣлъ, кто курилъ. Наконецъ, когда прошло первое возбужденіе и смущеніе, стали перекидываться односложными замѣчаніями, какъ бы сказанными про себя.

Никто, однако, не рѣшался прямо высказать свое мнѣніе первымъ. Старались говорить околичностями. Многіе выражали сожалѣніе, что на первый же разъ досталось такое трудное дѣло. (Инымъ это замѣчаніе можетъ показаться наивнымъ, но, право, оно не лишено нѣкотораго значенія, и едва ли кто нибудь пострадалъ бы, если бы предсѣдающіе приняли его въ соображеніе).

Подходя ближе къ дѣлу, одинъ изъ присяжныхъ какъ бы вскользь замѣтилъ:

— Не дай Богъ попасть подъ руку этакому... (намекъ на перваго подсудимаго съ отталкивающимъ лицомъ).

Старшина вторично прочелъ вопросы. Я все время молчалъ. Одинъ изъ присяжныхъ въ упоръ поставилъ мнѣ вопросъ.

— Вы юристъ, и намъ бы интересно знать ваше мнѣніе.

Но я рѣшительно отказался пользоваться предложеннымъ пріоритетомъ и возразилъ, что если бы законъ придавалъ значеніе въ подобныхъ дѣлахъ мнѣніямъ юристовъ, то рѣшеніе вопроса о виновности предоставилъ бы судьямъ-юристамъ, а не призывалъ бы присяжныхъ.

Мало-по-малу стали подходить ближе къ вопросу о виновности. Въ резюме своемъ предсѣдатель, между прочимъ, сказалъ, что присяжнымъ предстоитъ рѣшить—былъ ли тутъ грабежъ или сцена ревности? Собственно съ этого пункта и началось обсужденіе. Одинъ или два голоса высказались за ревность, другіе возражали.

— Какая у нихъ бываетъ ревность, жена, что ли? Да если бы и ревность, то онъ ударилъ бы ее, а не его.

Но и противъ грабежа раздавались голоса: „трактирной барышнѣ“ не рѣшались дать вѣру, тѣмъ болѣе, что неискренность ея была очевидна: она увѣряла, что ни съ однимъ изъ подсудимыхъ она не была близка, а между тѣмъ по ея подробнымъ указаніямъ были разысканы двое изъ подсудимыхъ.

Оставался потерпѣвшій, давшій искреннее, но запутанное показаніе. По его словамъ, онъ былъ сильно пьянъ; сколько у него было денегъ, какого онѣ были достоинства и гдѣ именно онѣ хранились, онъ не могъ хорошенько разъяснить. Онъ увѣрялъ, что въ рукѣ держалъ „трешницу“ для нея, („вѣдь, не жена же она!“); и такъ въ рукѣ и донесъ до участка. Между тѣмъ о деньгахъ этихъ ни слова никто не говорилъ, и даже представлялось невѣроятнымъ, чтобы при столкновеніи, во время котораго потерпѣвшій откусилъ даже ухо, онъ не разжалъ бы кулака. Такимъ образомъ, представлялось крайне сомнительнымъ нахожденіе у потерпѣвшаго денегъ, а потому и ограбленіе, въ концѣ-концовъ, нельзя было счесть доказаннымъ. Послѣ уясненія элементовъ вопроса, большинство склонялось въ пользу того мнѣнія, что первый изъ подсудимыхъ (относительно двухъ другихъ не было и разговора), хотя и напалъ, но не грабилъ. Будь въ вопросномъ листѣ вопросъ о покушеніи на грабежъ, быть можетъ, на него и отвѣтили бы утвердительно. но при данной редакціи вопроса, всѣ единогласно отвѣтили отрицательно.

Само собою разумѣется, что я передаю лишь немногіе изъ оставшихся у меня въ памяти пунктовъ сужденія, а ихъ было гораздо больше, и дѣло, благодаря разбору съ разныхъ точекъ зрѣнія, такъ уяснилось подъ конецъ, что голоса подавались безъ малѣйшаго колебанія, и даже тѣ, которые въ первую минуту готовы были поддаться дѣйствію неблагопріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго подсудимыми и справкою о судимости (одинъ изъ присяжныхъ, изъ купцовъ, съ самаго начала такъ и заявилъ напрямки, что разъ судился, значитъ, и теперь виноватъ) охотно присоединились къ единогласному оправдательному вердикту.

На судъ нашъ вердиктъ, повидимому, не произвелъ небла-

гопріятнаго впечатлѣнія. Но прокуроръ, очевидно, былъ раздосадованъ. При разсмотрѣніи второго, тоже кончившагося оправданіемъ, и третьяго дѣла—я былъ отведенъ; всѣ присяжные были этимъ непріятно удивлены. Очевидно, прокуроръ считалъ меня главнымъ виновникомъ своей неудачи, но онъ сильно ошибался, что и доказали два послѣдующихъ дѣла, разбиравшіяся безъ моего участія [1]).

III.

Второе дѣло, на которое я попалъ въ качествѣ запаснаго засѣдателя, принадлежало къ той категоріи, которая наичаще даетъ поводъ къ жалкимъ ламентаціямъ по поводу присвоенія присяжными права помилованія, оправданія завѣдомыхъ преступниковъ, словомъ къ извѣстнымъ декламаціямъ на тему: fiat justitia, pereat mundus.

Дѣло было самое простое. На скамьѣ подсудимыхъ сидѣлъ юноша лѣтъ 17, сирота, оберъ-офицерскій сынъ. Судился онъ за растрату 6 р. 80 к., совершенную п я т ь лѣтъ тому назадъ. Деньги эти были довѣрены ему хозяиномъ въ конвертѣ для передачи. Онъ вскрылъ пакетъ. Деньги, частью пропилъ, частью потерялъ. Послѣ совершенія преступленія онъ уѣхалъ изъ Москвы на заработки. Лѣтъ пять служилъ въ экономіи гдѣ-то въ Бессарабіи и оттуда-то былъ вытребованъ въ Москву, чтобы дать отвѣтъ за старый свой грѣхъ. Молодой адвокатъ, помощникъ присяжнаго повѣреннаго, въ коротенькой, но теплой рѣчи выяснилъ присяжнымъ, какому риску подвергаютъ они юношу, уже ставшаго, повидимому, на хорошую дорогу, если его, по формальнымъ соображеніямъ, сочтутъ нужнымъ наказать за давно прошедшій проступокъ и этимъ способомъ привести въ соприкосновеніе съ растлѣвающей тюремной средою. Наука уголовнаго права и законъ,—сказалъ защитникъ.—даже простое нераскрытіе виновниковъ въ теченіе извѣстнаго времени считаетъ основаніемъ для погашенія уголовнаго взысканія; тѣмъ болѣе въ

---

[1]) Въ послѣдующіе дни, впрочемъ, хладнокровіе вернулось къ этому прокурору, и онъ меня болѣе не отводилъ, а присяжные настойчиво уговаривали меня сдѣлаться старшиною, и я согласился.

глазахъ суда совѣсти можетъ служить основаніемъ для оправданія продолжительная безупречная трудовая жизнь [1]).

Вопреки ожиданію, совѣщаніе присяжныхъ длилось довольно долго. Какъ впослѣдствіи мнѣ передавали, большинство, нужное для оправданія, давно уже съ избыткомъ было образовано, но только одинъ отставной военный никакъ не могъ взять въ толкъ, что можно оправдать, несмотря на наличность сознанія подсудимаго.

— Я тоже былъ судьею, горячился сѣдовласый воинъ, и разъ сознался: шабашъ—виноватъ!

Не знаю, уломали ли упрямаго формалиста или оправдали подсудимаго 11 голосами, только военный присяжный наравнѣ съ другими принялъ участіе въ денежномъ сборѣ въ пользу подсудимаго.

Нужно было видѣть, какимъ изумленіемъ и радостнымъ умиленіемъ озарилось лицо бѣднаго и блѣднаго юноши. Изъ глазъ закапали хорошія слезы. Кто знаетъ, это гуманное отношеніе присяжныхъ, это неожиданно оказанное вспомоществованіе, быть можетъ, дѣйствительно спасло человѣка, находившагося на волосъ отъ окончательнаго паденія?

Ригористы формы совсѣмъ иначе будутъ разсуждать, но нужно сожалѣть, что этотъ вопросъ, едва ли не намѣренно, старательно обходится предсѣдателями въ ихъ резюме. Правда, въ судебной практикѣ существуетъ направленіе, отрицающее у присяжныхъ право на оправданіе при наличности сознанія подсудимыхъ, но взглядъ этотъ лишенъ, какъ превосходно доказалъ одинъ изъ видныхъ представителей прокуратуры, не только научнаго, но и легальнаго основанія; нашъ новый уголовный процессъ не налагаетъ такого формальнаго огра-

---

[1]) Замѣтимъ кстати, что новѣйшее движеніе въ уголовномъ правѣ идетъ еще дальше въ этомъ направленіи и предоставляетъ суду постановленіе условнаго осужденія приводимаго въ исполненіе имъ лишь по истеченіи извѣстнаго времени, впродолженіи котораго подсудимый такъ сказать выдерживаетъ искусъ. Таковъ, напр., бельгійскій законъ 31-го мая 1888 г., въ силу котораго тюремное заключеніе до 6 мѣсяцевъ можетъ быть пріостановлено до 5 лѣтъ, и если въ теченіи этого времени подсудимый не совершитъ болѣе или менѣе важнаго преступленія (crimes et délits) то приговоръ теряетъ всякую силу. (См. Труды Пенитенціар. ком. Петер. Юрид. Общ.).

ниченія даже на коронный судъ, а тѣмъ паче на судъ присяжныхъ [1]).

Третьимъ дѣломъ была мелкая кража 40-лѣтней бабы, уже осужденной за три кражи. Она была безъ мѣста и стащила ватное одѣяло, но была поймана, когда перелѣзала черезъ заборъ. Мѣсяцевъ 6 она содержалась подъ стражею. На судѣ она чистосердечно созналась и все-таки выслушала довольно жесткій и не совсѣмъ понятный окрикъ предсѣдателя:

— Что же намъ съ вами дѣлать?

За оправданіе было всего только два голоса: молодой техникъ находилъ, что за ватное одѣяло, да вдобавокъ возвращенное хозяину, довольно и предварительнаго 6-тимѣсячнаго ареста. Остальные голоса, въ виду рецидива, стояли за обвиненіе съ снисхожденіемъ. Приговоръ суда объ отдачѣ въ арестантскія роты на 1½ года всѣ единогласно нашли не въ мѣру строгимъ.

Затѣмъ судилась кухарка, укравшая у одной женщины легкаго поведенія разныя принадлежности туалета. Въ виду запирательства, подсудимой не было дано даже снисхожденія. Большая часть совѣщанія ушла на возможно справедливое опредѣленіе стоимости похищеннаго (болѣе или менѣе 300 р.), играющее важную роль при опредѣленіи наказанія. Высказано было однимъ присяжнымъ мнѣніе, что старыя вещи цѣнить какъ новыя, въ виду того, что потерпѣвшій долженъ былъ вмѣсто покраденнаго завести новыя, но взглядъ этотъ признанъ былъ всѣми другими несправедливымъ, и оцѣнка производилась по дѣйствительной стоимости.

IV.

По двумъ послѣдующимъ дѣламъ впервые выступило во всей своей серьезности значеніе правильной постановки вопросовъ. Какъ извѣстно, одною изъ причинъ, вызывавшихъ и отчасти вызывающихъ неожиданные и не вполнѣ согласные

---

[1]) См. «Юрид. Вѣстн. 1880 г., № 10. Хроника угол. суда. «Оправд. вердикты при наличности сознанія».

съ сужденіемъ присяжныхъ вердикты,—это неудачная постановка вопросовъ. Очень часто присяжные не могутъ вполнѣ сознательно формулировать свой вердиктъ въ тѣсныхъ рамкахъ поставленныхъ имъ вопросовъ. Для устраненія этого неудобства и издана была новелла (ст. 762 уст. уг. суд. по прод. 1886 г.), предоставившая присяжнымъ право просить судъ о постановкѣ дополнительныхъ вопросовъ. Но, къ сожалѣнію, со стороны суда осуществленіе этого права далеко не встрѣчаетъ желательнаго содѣйствія, а тѣмъ менѣе поощренія. Нѣкоторые изъ предсѣдателей даже вовсе не сообщаютъ присяжнымъ объ этомъ принадлежащемъ имъ правѣ, а если кто изъ присяжныхъ, поборовъ столь естественную для нихъ, непривыкшихъ къ публичному судоговоренію, робость и замѣшательство, и заявляетъ не совсѣмъ умѣло о своемъ желаніи поставить новый вопросъ, то такое заявленіе встрѣчается судомъ далеко не сочувственно. Даже по замѣчаніямъ сторонъ далеко неохотно исправляется редакція вопросовъ до утвержденія ея судомъ, а тѣмъ болѣе по утвержденіи ихъ. Между тѣмъ необходимость постановки новыхъ вопросовъ можетъ для присяжныхъ выясниться лишь въ совѣщательной комнатѣ, когда они приступаютъ къ постановкѣ рѣшенія. Такъ что въ большинствѣ случаевъ можно ждать отъ присяжныхъ требованія постановки новыхъ вопросовъ лишь послѣ удаленія ихъ въ совѣщательную комнату, такъ какъ только здѣсь и можетъ выясниться, раздѣляется это желаніе большинствомъ присутствія присяжныхъ, или нѣтъ. А если это такъ, то, казалось бы, судъ долженъ охотно итти на встрѣчу желанію присяжныхъ поставить новый вопросъ, желанію, высказанному, послѣ предварительнаго совѣщанія, въ виду того, что онъ служитъ вѣрнымъ признакомъ недостаточности поставленныхъ вопросовъ. Къ сожалѣнію, на дѣлѣ этого не видно. Халатность ли, рутинное ли отношеніе къ дѣлу, почти неизбѣжное для профессіональныхъ судей, тому причиной или излишняя самонадѣянность ихъ—только судъ всегда отказывалъ въ ходатайствѣ о постановкѣ новаго вопроса, оправдываясь ничего не объясняющею, но все прикрывающей формулой, что вопросы не вытекаютъ будто бы изъ существа, т.-е. обстоятельства дѣла.

Благодаря такому отношенію къ дѣлу юристовъ-техниковъ,

дважды пришлось присяжнымъ вынести не тѣ вердикты, которые считали они соотвѣтствующими истинѣ и именно существу дѣла. По одному дѣлу судился сапожникъ, пропившій сапоги, взятые имъ въ мастерской, гдѣ онъ работалъ. Присяжные находили несогласнымъ съ истиною обвинить въ тайномъ похищеніи, какъ стояло въ вопросѣ, такъ какъ, хотя сапоги и были взяты въ отсутствіе хозяина, но они были на рукахъ у рабочаго. Присяжные склонялись къ признанію проступка если не вполнѣ, то очень близко подходящаго къ растратѣ. Выйдя изъ совѣщательной комнаты, присяжные заявили о встрѣченномъ недоумѣніи и просили о дополненіи вопроснаго листа. Но предсѣдатель заявилъ, что, если присяжные признаютъ, что похищеніе не было „тайное“, то они должны оправдать. Но сконфуженные присяжные не желали полнаго оправданія, и пришлось имъ обвинить подсудимаго въ кражѣ, т.-е. въ томъ, въ чемъ признавали раньше несправедливымъ обвинить подсудимаго. Объ этомъ неудачномъ вердиктѣ присяжные не разъ вспоминали впослѣдствіи съ сожалѣніемъ.

Другое дѣло, по которому присяжные просили о постановкѣ вопроса, было дѣло о похищеніи 25 мѣшковъ пробки. Предварительное слѣдствіе, вообще неудовлетворительно производимое, было особенно плохо по этому дѣлу. На скамьѣ подсудимыхъ сидѣли дворникъ дома, гдѣ былъ складъ пробокъ, и дворникъ сосѣдняго дома. Противъ послѣдняго, человѣка съ безукоризненнымъ прошлымъ и хорошими аттестатами (хозяинъ не разсчиталъ его даже послѣ возникновенія настоящаго дѣла и явился на судъ свидѣтельствовать въ его пользу), была единственная улика—нахожденіе въ дворницкой нѣсколькихъ мѣшковъ изъ-подъ пробокъ. Подсудимый объяснялъ, что мѣшки эти, какъ ненужные, получилъ онъ отъ сосѣдняго дворника и собирался отправить ихъ въ деревню. Объясненіе это казалось весьма правдоподобнымъ и, за неимѣніемъ другихъ уликъ, не могло быть и рѣчи объ обвиненіи этого дворника.

Противъ другого подсудимаго, дворника при складѣ, тоже не было никакихъ уликъ въ похищеніи пробокъ, но были нѣкоторые, хотя и слабые, намеки на то, что, если онъ и не похищалъ пробки, то, быть можетъ, имѣлъ выгоду отъ но-

хищенія ихъ другимъ [1]). Присяжные также и по этому дѣлу просили о постановкѣ новаго вопроса по признакамъ укрывательства, попустительства или недонесенія, но судъ, согласно своей стереотипной формулѣ, отказалъ въ постановкѣ вопроса, находя, что онъ не вытекаетъ изъ обстоятельствъ дѣла. Послѣ этого единогласно былъ оправданъ и второй изъ подсудимыхъ.

По одному дѣлу обнаружилось, что присяжные признаютъ иногда весьма цѣлесообразнымъ, оправдывая подсудимаго, дѣлать ему торжественное предостереженіе или внушеніе. Несовершеннолѣтній сапожникъ стащилъ у своего хозяина, тоже несовершеннолѣтняго, сапоги и квитанцію на заложенные пиджакъ и пальто хозяина. Послѣднія вещи были выкуплены, такъ какъ квитанція была именная. Кражу документа, серьезность которой и не могъ понимать подсудимый, присяжные признали невозможнымъ вмѣнить ему въ вину. Что же касается похищенія сапогъ, то хотя оно не подлежало сомнѣнію, но въ виду исключительныхъ смягчающихъ обстоятельствъ (хозяинъ вмѣстѣ съ работникомъ покучивали), рѣшено было оправдать его. Одинъ изъ присяжныхъ, не возражая противъ оправданія, предложилъ просить судъ, чтобы онъ сдѣлалъ подсудимому внушеніе о томъ, что присяжные простили его по несовершеннолѣтію и по случаю имѣющаго быть на другой день большого праздника. Нѣсколько голосовъ поддержало это предложеніе. Послѣ провозглашенія вердикта и резолюціи суда, старшина заявилъ о желаніи присяжныхъ, чтобы подсудимому сдѣлано было внушеніе. Предсѣдатель отвѣтилъ, что онъ самъ считаетъ невозможнымъ этого сдѣлать (если не ошибаюсь, попытки такого рода были признаны сенатомъ несогласными съ закономъ), но не препятствуетъ присяжнымъ самимъ привести въ исполненіе свое намѣреніе. Тогда иниціаторъ этого предложенія (отставной военный) подошелъ къ подсудимому и сказалъ ему нѣсколько словъ, довольно безтолково, на вышеуказанную тему о значеніи праздника. Сцена вышла не изъ удачныхъ. Если дѣлать вну-

---

[1]) Изъ объясненія потерпѣвшаго было видно, что гораздо съ большимъ удобствомъ могъ похитить и сбыть пробки приказчикъ, ходившій въ складъ. Онъ и былъ уволенъ хозяиномъ по подозрѣнію, но къ дѣлу не былъ привлеченъ.

шеніе, то нужно его дѣлать въ внушительной формѣ, могущей запечатлѣться въ умѣ подсудимаго.

Если не считать этого единственнаго случая съ присяжнымъ изъ военныхъ, то вообще всѣ дѣла рѣшались на основаніи исключительно обстоятельствъ даннаго дѣла, а не по какимъ-нибудь постороннимъ, хотя бы и почтеннымъ, соображеніямъ. Лучшимъ доказательствомъ, что въ вышеуказанномъ дѣлѣ ссылка на праздникъ была сдѣлана такъ себѣ, для краснаго словца, служилъ исходъ слушавшагося вслѣдъ за этимъ большого дѣла о растратѣ товара на нѣсколько тысячъ, ввѣреннаго извозчикамъ. Несмотря на то, что оно было послѣднимъ въ сессіи и тоже приходилось наканунѣ праздника Благовѣщенія, присяжные разсмотрѣли его крайне внимательно и даже снисхожденіе давали не зря, а обдуманно. Изъ подсудимыхъ нѣсколькихъ обвинили, но съ отрицаніемъ нѣкоторыхъ признаковъ состава преступленія, а остальныхъ оправдали; одному, сознавшемуся, отказали въ снисхожденіи, потому что онъ ложно оговорилъ товарища. Одного подсудимаго оправдали, несмотря на двукратную судимость; изъ присяжныхъ только одинъ, вышеупомянутый купецъ, стоялъ на томъ, что въ виду его судимости нужно обвинить. Но этотъ крайній взглядъ никѣмъ не былъ поддержанъ.

Этотъ послѣдній вердиктъ, свидѣтельствовавшій о крайне внимательномъ обсужденіи всѣхъ оттѣнковъ виновности и тщательномъ разборѣ всѣхъ деталей, произвелъ и на судъ, и на обѣ борящіяся стороны крайне благопріятное впечатлѣніе. Не послѣднюю роль играло въ такомъ исходѣ то обстоятельство, что на этомъ дѣлѣ предсѣдателемъ былъ человѣкъ сдержанный, гуманный, напоминавшій черты судей начала судебной реформы.

V.

Отпуская присяжныхъ домой, предъ слушаніемъ послѣдняго дѣла, предсѣдатель принесъ присяжнымъ благодарность за внимательное и добросовѣстное отношеніе ихъ къ своимъ обязанностямъ и за всестороннее изученіе дѣла. По окончаніи послѣдняго дѣла старшина присяжныхъ, съ своей стороны, обратился къ предсѣдателю съ слѣдующимъ заявленіемъ:

„Исполненные глубокой признательности къ памяти творца великаго института суда присяжныхъ и счастливые возможностью, на чредѣ своей, принять посильное участіе въ отправленіи суда общественной совѣсти, присяжные выражаютъ суду, въ лицѣ вашемъ, признательность за предупредительную готовность, съ которою вы способствовали имъ въ всестороннемъ уясненіи обстоятельствъ дѣла, и, покидая зданіе суда, не безъ чувства нравственнаго удовлетворенія, они уносятъ отрадное сознаніе, что въ немъ, дѣйствительно, замѣчается стремленіе водворить у насъ судъ правый и милостивый, согласно завѣту незабвеннаго творца новаго суда“.

Ошибочно было бы думать, что приведенныя заявленія не болѣе, какъ обмѣнъ банальныхъ оффиціальныхъ любезностей. Всѣ сколько-нибудь близко наблюдавшіе судъ присяжныхъ единогласно свидѣтельствуютъ, что судъ присяжныхъ относится къ дѣламъ съ чрезвычайною добросовѣстностью и съ неостывающимъ вниманіемъ. Въ этомъ живомъ отношеніи къ дѣлу, въ этомъ избыткѣ свѣжести и впечатлительности и отсутствіи предвзятыхъ мнѣній и рутинныхъ обобщеній—заключается едва ли не самое главное преимущество и неизмѣримое превосходство его надъ судомъ дореформеннымъ.

Что же касается всесторонняго обсужденія дѣлъ, то, благодаря участію представителей разнообразныхъ слоевъ общества, на судѣ присяжныхъ сглаживаются крайности и беретъ верхъ среднее направленіе, служащее компромиссомъ между требованіями неумолимаго закона, безъ котораго немыслимъ общественный порядокъ, и человѣческаго отношенія къ ближнему, безъ котораго немыслимо нравственно-разумное общежитіе. „Судъ чрезъ присяжныхъ, разсуждали составители судебныхъ уставовъ, тогда только достигаетъ своего назначенія, когда устроенъ такимъ образомъ, что они оказываются дѣйствительно представителями большинства благонамѣренныхъ гражданъ, когда мнѣніе присяжныхъ можетъ быть признано за приговоръ о б щ е с т в е н н о й с о в ѣ с т и“. Дѣйствительность всегда ниже идеала, но чтобы разстояніе между ними было не черезчуръ велико, необходимо помнить весьма глубокое и разумное соображеніе, высказанное тѣми же знаменитыми дѣятелями судебной реформы. „Для каждаго подсудимаго, писали они, долженъ служить важнымъ огражде-

ніемъ такой составъ суда присяжныхъ, въ которомъ находились бы люди не слишкомъ самонадѣянные, не легко поддающіеся впечатлѣніямъ, производимымъ доводами обвинителей, наконецъ, люди, произносящіе сужденіе, не отрѣшаясь отъ круга понятій подсудимаго" [1]). Въ этомъ отношеніи нашъ составъ присяжныхъ оставлялъ желать кое-чего: какъ уже было выше замѣчено, крестьянскій элементъ былъ представленъ очень слабо.

Не могу не упомянуть о пріятномъ впечатлѣніи, произведенномъ защитою. Раньше не разъ приходилось замѣчать, что молодые адвокаты, увлекаясь дурнымъ примѣромъ извѣстныхъ корифеевъ, впадали въ риторическій тонъ и пышною фразеологіею старались прикрыть незнакомство съ дѣломъ и недостаточность своей подготовки. Во время нашей сессіи и помощники присяжныхъ повѣренныхъ, наоборотъ, производили отличное впечатлѣніе превосходнымъ знаніемъ дѣла и содержательностью рѣчей. То же можно сказать, если не обо всѣхъ, то о большинствѣ присяжныхъ повѣренныхъ...

Едва ли настоитъ надобность подводить итоги моимъ болѣе или менѣе случайнымъ впечатлѣніямъ. Могу сказать только одно, что близкое ознакомленіе съ нашимъ судомъ присяжныхъ нисколько не умалило моего глубокаго уваженія къ нему и моего убѣжденія въ его незамѣнимости, какъ органа истиннаго правосудія, а также и какъ орудія гражданскаго воспитанія.

---

[1]) См. т. XIX. Дѣла о преобраз. суд. части. «Журн. Госуд. Совѣта» 1862 г., № 65.

Веденіе неправыхъ дѣлъ.

(Этюдъ по адвокатской этикѣ).

Si le style est tout l'homme, la probité est tout l'avocat,

Mollot.

Посвящается В. И. Танѣеву.

«Обѣщаюсь и клянусь... честно и добросовѣстно исполнять обязанности, принимаемаго мною на себя званія».

Присяга на званіе присяжнаго повѣреннаго.

Si le style est tout l'homme, la probité est tout l'avocat.

Mollot.

I.

Безъ малаго двадцать лѣтъ существуетъ русская адвокатура, и что же?—самый жизненный, самый кардинальный для нея вопросъ,—вопросъ о томъ, возможна ли, мыслима ли честная адвокатура,—остается спорнымъ, неразрѣшеннымъ даже въ теоріи, даже in abstracto. Что честная адвокатура, имѣющая въ виду не личныя, частныя цѣли, только интересы кліентовъ, но и общественную пользу, интересы правосудія, желательна и полезна, противъ этого никто, конечно, не споритъ; но утверждать, что такая адвокатура немыслима въ дѣйствительности, неосуществима на практикѣ и идетъ въ разрѣзъ съ организаціонными законами ея, утверждать, „что адвокатура, по природѣ своей, всегда вноситъ въ храмъ правосудія торгъ совѣстью и тайный безнаказанный подкупъ суда“, какъ заявлялъ одинъ изъ московскихъ журналовъ, это значитъ не имѣть понятія ни объ исторіи адвокатуры, ни о цѣляхъ и задачахъ, поставленныхъ ей жизнью и закономъ. Долго останавливаться на подобныхъ сужденіяхъ не стоитъ. Ихъ уродливость слишкомъ очевидна для всѣхъ.

Несравненно большаго вниманія заслуживаетъ другой оттѣнокъ воззрѣній, не страдающій такою грубою парадоксальностью, но не менѣе вредный для правильнаго развитія адвокатуры, какъ учрежденія, имѣющаго свои особыя обязанности

предъ обществомъ. Это направленіе, имѣющее адептовъ и въ судѣ, и въ адвокатурѣ, и даже опирающееся на авторитетъ кассаціоннаго суда, не отрицая возможности для адвоката честнаго служенія правосудію, не придаетъ этому обстоятельству существеннаго значенія, считаетъ его хотя и желательнымъ, но не необходимымъ, считаетъ его такимъ же предметомъ ненужной роскоши, какъ земляника въ январѣ мѣсяцѣ. Мало того, оно возстаетъ противъ обязательности для адвоката слѣдовать правиламъ честности. Предъявлять адвокату такія требованія, значитъ, по увѣренію представителей этого направленія, покушаться на столь необходимую для адвоката свободу дѣйствій и убѣжденій.

Свобода! О, кто не падетъ ницъ предъ этимъ вѣщимъ словомъ! Но кто, вмѣстѣ съ тѣмъ, не вспомнитъ тѣ безчисленныя и безконечныя злоупотребленія, которыя творились и творятся во имя этого понятія? Не слѣдуетъ забывать, что il y a fagots et fagots. Все дѣло въ томъ, какъ понимать свободу. Когда кулакъ-милліонеръ возстаетъ противъ вмѣшательства власти въ отношенія его къ рабочимъ, во имя чего онъ отстаиваетъ свои эксплуататорскія вожделѣнія? Во имя свободы, прославленной поэтами. Во имя чего ростовщикъ-кровопійца возражаетъ противъ узаконенныхъ процентовъ? Во имя той же дорогой, но часто оскверняемой свободы. Во имя той же желанной свободы и адвокатъ можетъ требовать абсолютной свободы въ принятіи и веденіи всѣхъ дѣлъ, безъ всякаго контроля со стороны корпораціи. И такое требованіе, дѣйствительно, заявлялось и заявляется нѣкоторыми адвокатами очень громко, очень претенціозно, съ тою самоувѣренностью и фанатизмомъ, которые свойственны всѣмъ ложнымъ ученіямъ, построеннымъ на правильномъ въ самомъ себѣ основаніи.

Было время, когда господствовала такая свободная отъ всякихъ нравственныхъ обязанностей адвокатура. Много ли она принесла пользы обществу? Справимся съ исторіею. Извѣстно, что французское учредительное собраніе, увлекаясь ложно понятою идеею свободы, упразднило адвокатскую корпорацію и предоставило адвокатамъ полную свободу дѣйствій. Нежелательныя для общества послѣдствія не заставили себя долго ждать. Ріу, въ засѣданіи совѣта 105, такъ описывалъ устано-

вившіеся при такой свободѣ порядки: „Безчестные шарлатаны занимаютъ прихожія всѣхъ судебныхъ учрежденій и безсовѣстно обираютъ своихъ кліентовъ. Эти подлые кровопійцы (sangsues infames) собираютъ каждый день контрибуцію съ гражданъ“ [1]).

Обратимся къ домашнимъ примѣрамъ. Въ чемъ другомъ, но въ недостаткѣ свободы нельзя было упрекнуть нашу дореформенную адвокатуру. Не будемъ говорить о томъ отдаленномъ времени, когда велѣно было этихъ „умножителей негожихъ тяжъ, бивъ кнутьемъ, отсылати и впредь къ суду не пущати“ (Указъ 1582 г.). Возьмемъ эпоху, какъ разъ предшествовавшую судебной реформѣ. „Видя свой интересъ въ возможно большемъ количествѣ поручаемыхъ имъ дѣлъ,—писалъ въ 1861 году покойный Деппъ,—и имѣя при этомъ множество конкурентовъ, ходатаи по дѣламъ должны, разумѣется, безразлично браться за всякое дѣло, не разсуждая о томъ, правое ли оно или неправое, тѣмъ болѣе, что они не отвѣчаютъ предъ закономъ за веденіе неправаго дѣла“. „Такое отношеніе ходатая къ своему довѣрителю,—продолжаетъ почтенный юристъ,—унижаетъ достоинство человѣка, потому что онъ подчиняется совершенно чужой волѣ и часто бываетъ защитникомъ неправды, лжи, обмана, ложно истолковывая законъ, для того, чтобы дать господство неправдѣ; въ этомъ заключается главнѣйшая причина, почему ни одинъ порядочный человѣкъ не возьмется за ходатайство по дѣламъ“ [2]).

Но не зачѣмъ даже обращаться къ историческимъ справкамъ и дореформенному времени. Вспомнимъ то, что писалось всего лѣтъ десять тому назадъ, когда свободная адвокатура процвѣтала вполнѣ и не была еще обложена гильдейскимъ или патентнымъ сборомъ.

О такихъ „свободныхъ“ адвокатахъ полтавскій губернаторъ писалъ въ 1870 г. въ своемъ всеподданнѣйшемъ рапортѣ слѣдующее: „Многіе изъ нихъ не стѣсняются никакими мѣрами для пріобрѣтенія насущнаго хлѣба и съ этою цѣлью возбуждаютъ населеніе къ разнымъ спорамъ и искамъ, боль-

---

[1]) Jules Leberquier: „Le barreau et la défense“, Revue des deux Mondes 1884, 15 Novembre.

[2]) Журналъ Министр. Юстиціи 1861 г., № 12.

шею частью приводятъ тяжущихся къ тѣмъ печальнымъ результатамъ, что они, по неосновательности затѣянной тяжбы, не выигрывая ее, дѣлаютъ только затрату на судебныя издержки и по предварительно заключеннымъ условіямъ удовлетворяютъ подстрекателей за хожденіе по дѣламъ". О тѣхъ же адвокатахъ предсѣдатель нижегородскаго окружнаго суда писалъ: „Для нихъ правота или неправота иска—дѣло часто второстепенное; главное же дѣло—полученіе вознагражденія съ той или другой стороны" [1]). Вотъ къ чему приводитъ предоставленіе адвокатамъ абсолютной свободы и изъятіе ихъ дѣйствій изъ-подъ контроля общественной власти.

II.

Ошибочно было бы думать, что указанныя выше злоупотребленія свободою слѣдуетъ приписать тому обстоятельству, что эти адвокаты низшаго разбора не получили юридическаго образованія. Юриспруденція тутъ не при чемъ или, и того хуже, увеличиваетъ интенсивность зла. Если полуголодный мелкій ходатай, ради снисканія дневного пропитанія, неразборчивъ въ дѣлахъ и въ своемъ бѣдственномъ положеніи имѣетъ оправданіе своего непохвальнаго поведенія, то въ совершенно иномъ положеніи находится ученый юристъ-адвокатъ, настолько эманципировавшійся отъ требованій порядочности, что считаетъ дозволеннымъ все—за чертою, проведенною уголовными законами. И черту эту онъ понимаетъ съ тѣмъ схоластическимъ буквоѣдствомъ, которое характеризуется выраженіемъ: „interpretatio judaica". По бульвару нельзя водить собакъ, гласитъ законъ, стало быть, свиней и медвѣдей можно водить, заключаетъ такой ученый юристъ. Народное сознаніе Запада давно уже заклеймило такихъ юристовъ поговоркою: „Juristen böse Christen", а у насъ прозвищемъ: „крапивное сѣмя". Но это нисколько не мѣшаетъ такимъ „эманципированнымъ" адвокатамъ пользоваться и вліяніемъ, и почетомъ, и выдающимся положеніемъ. Ученый авторитетъ подобнаго адвоката дѣйствуетъ импонирующимъ образомъ даже

---

[1]) Журн. гражд. и угол. права 187 г., № 3.

на высшія судебныя учрежденія, которыя считаютъ его своимъ учителемъ (фактъ!) и, относясь неодобрительно къ его поведенію, тѣмъ не менѣе, внимательно и почтительно слушаютъ (тоже фактъ!), когда онъ, для защиты правды или неправды, преподноситъ препарированную ad usum delphini ученую цитату. Когда нужно пользоваться постановленіями воинскаго артикула о незаконнорожденныхъ, онъ съ національною гордостью будетъ предостерегать судей отъ подражанія нѣмцамъ и, кстати, приведетъ стихъ изъ Любушина суда: нехвально намъ правду у нѣмцевъ искать. Оказалось нужнымъ прикрыться иностраннымъ авторитетомъ, и сейчасъ перемѣнятся декораціи. Вся Европа смотритъ на васъ, говоритъ онъ судьямъ, и тутъ на выручку является и Фостенъ Эли и Бенжаменъ Констанъ и даже Барнавъ съ его фразою: „périssent toutes les colonies“ и пр. Словомъ, у такого ученаго и талантливаго юриста, располагающаго всѣми чарами и пружинами юриспруденціи, но свободнаго отъ постоя какихъ бы то ни было этическихъ началъ, всегда есть наготовѣ, какъ у истыхъ послѣдователей Лойолы, обширный арсеналъ доводъ по любому вопросу и pro и contra [1]).

— Каково же ваше мнѣніе?—спрашивали однажды такого адвоката.

— Мое мнѣніе то, какое окажется болѣе удобнымъ въ данномъ случаѣ [2]).

Такимъ образомъ, откровенная торговля словомъ, знаніемъ возводится въ принципъ. Когда это дѣлаетъ мелкій адвокатъ, то тутъ бѣда не такъ велика. Но если такое антисоціальное ученіе провозглашается талантливымъ и ученымъ юристомъ, то трудно исчислить всѣ вредныя его послѣдствія. Еще Аристотель замѣтилъ въ своей политикѣ, когда умъ и знанія не сопровождаются нравственнымъ развитіемъ, то знанія въ рукахъ человѣка могутъ причинить много зла.

Жизнь подтверждаетъ это давнишнее наблюденіе. Адвокатъ такого типа, пользуясь своимъ матеріальнымъ и нематеріаль-

---

[1]) Г. Марковъ былъ глубоко неправъ, когда на всю адвокатскую корпорацію смотрѣлъ какъ на сборище софистовъ, но существованіе выведеннаго имъ типа нельзя отрицать.

[2]) Точь въ точь, какъ іезуитъ у Паскаля: „notre opinion n'est que probable, le contraire est probable aussi“. Lettres provinciales, VIII. V, VI.

нымъ вліяніемъ, скажемъ прямо, тлетворно дѣйствуетъ на окружающую среду. Оффиціальнымъ знаменемъ, посредствомъ котораго онъ привлекаетъ къ себѣ адептовъ, служитъ все та же желанная и столь необходимая для адвоката свобода, о которой упоминалось выше. На эту удочку многіе попадаются, не всегда проникая въ истинный смыслъ зазываній сиренъ. Такихъ носителей идеи свободы поднимаютъ при жизни на щиты и по смерти вѣнчаютъ лаврами, думая, что тѣмъ служатъ службу своей корпораціи.

„Какъ доблестный воинъ, собственною грудью защищалъ онъ завѣтные принципы родного учрежденія; на своихъ плечахъ вынесъ онъ независимость и свободу русской адвокатуры; исторія института никогда не забудетъ этой его заслуги“,—такъ недавно говорилъ одинъ изъ членовъ московской адвокатской корпораціи, надъ гробомъ умершаго товарища. Зная, что съ давнихъ временъ надъ свѣжею могилою умершихъ принято говорить о мнимыхъ и дѣйствительныхъ добродѣтеляхъ, принято говорить nil nisi bene, не слѣдовало слишкомъ строго относиться къ этой надгробной рѣчи въ честь борца за свободу, но та же мысль еще съ большею настойчивостью приводится въ спеціальной статьѣ, посвященной тому же покойному [1]) его помощникомъ.

Какъ не сочувствовать такому герою? Вѣдь, свобода для адвокатуры—это тотъ жизненный нервъ, при которомъ только и мыслимо существованіе независимой и честной адвокатуры. Какъ не почтить того человѣка, который отстоялъ грудью такую свободу? Не легко досталась эта адвокатская свобода европейскимъ націямъ, не легко дается она и намъ.

Но что слѣдуетъ разумѣть подъ адвокатскою свободою, вотъ вопросъ? Объяснимся. Особенному стѣсненію подвергается адвокатура въ дѣлахъ, въ которыхъ заинтересованы сильные міра. Исторія Франціи и Англіи знаетъ примѣры, когда адвокаты являлись мужественными защитниками этого первѣйшаго права человѣческой личности,—права имѣть защитника и нерѣдко они отстаивали это право цѣною личной безопасности, защищая законъ отъ произвола [2]).

---

[1]) См. статью г. Невядомскаго въ Журналѣ Гражд. и Угол. права 1884 г., № 6.

[2]) См. Юридическій Вѣстникъ 1880, №№ 8, 12, 1881, № 8. 1882, №№ 5, 6.

Отстаивать свободу достойно всякаго честнаго адвоката, видящаго назначеніе своей профессіи не въ исключительномъ обдѣлываніи своихъ дѣлишекъ, а въ посильномъ служеніи общественнымъ интересамъ.

Но на ряду съ этою свободою, существующею ради торжества правосудія, ради охраны интересовъ общества, можетъ существовать и существуетъ и другая свобода, можетъ быть, не безвыгодная для адвоката, но едва ли желательная для общества. Въ силу свободы, понимаемой въ такомъ смыслѣ, требуютъ, чтобы адвокатъ могъ безъ контроля съ чьей бы то ни было стороны и по собственному усмотрѣнію отдавать свои познанія и талантъ на служеніе истинѣ и лжи, правдѣ и неправдѣ, защищать завѣдомо-неправое дѣло, отстаивать именемъ закона завѣдомо-безнравственныя домогательства. Такую свободу тоже иные отстаиваютъ. Вотъ почему, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, слѣдуетъ выяснить, о какой свободѣ идетъ рѣчь въ помянутыхъ выше панегирикахъ въ честь доблестнаго защитника адвокатской свободы.

Для лицъ, слѣдившихъ за судебною практикою послѣднихъ лѣтъ, будетъ понятно, о какой именно свободѣ идетъ рѣчь въ данномъ случаѣ, если скажемъ, что восхваляемый боецъ за свободу никто иной, какъ умершій въ 1884 году А. В. Лохвицкій.

III.

Въ свое время печать, не столько, впрочемъ, юридическая, сколько общая, нѣсколько занялась извѣстнымъ дисциплинарнымъ дѣломъ Лохвицкаго. Между тѣмъ, дѣло это затрогиваетъ такой жизненный вопросъ адвокатуры, что оно особенно заслуживаетъ вниманія. Оно же можетъ служить доказательствомъ тому, что не всегда стремленія адвокатскихъ корпорацій встрѣчаютъ поддержку въ высшей судебной власти. Напомнимъ сущность этого дѣла. Но предварительно необходимо коснуться другого дѣла, съ которымъ оно находится въ связи.

Дѣйствительный студентъ Московскаго университета Элькинъ ухаживалъ за старухою Поповою, и, прикинувшись женихомъ, ищущимъ ея руки, убѣдилъ ее перевести на свое имя домъ и выдать денежныя обязательства. Когда желаніе его было исполнено, Элькинъ выгналъ Попову изъ ея собственнаго дома. Началось уголовное преслѣдованіе противъ Элькина. Защищалъ его на судѣ и въ сенатѣ Лохвицкій. Онъ заявлялъ неоднократно, что образъ дѣйствій Элькина безнравственный, возмутительный, но что въ нихъ нѣтъ состава преступленія. Сенатъ такъ и рѣшилъ. Тогда Попова пожелала вернуть себѣ, по крайней мѣрѣ, домъ. Она его и вернула на основаніи вердикта присяжныхъ, хотя въ гражданскомъ судѣ тотъ же Лохвицкій выступилъ на защиту Элькина и доказывалъ, что домъ долженъ быть укрѣпленъ за нимъ безповоротно. При этихъ обстоятельствахъ возникло дисциплинарное дѣло о Лохвицкомъ, выдвинувшее впервые весьма важный для адвокатской корпораціи вопросъ: подлежитъ ли отвѣтственности адвокатъ за веденіе такого дѣла, за отстаиваніе такихъ требованій, безчестность, безнравственность коихъ ему была заранѣе извѣстна? Московскій совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ и московская судебная палата осудили Лохвицкаго, а кассаціонный сенатъ оправдалъ его.

Казалось бы, такое дѣло менѣе всего пригодно для сооруженія изъ него пьедестала. Но не такъ думаютъ панегиристы. Они думаютъ, что Лохвицкій спасъ адвокатскую свободу отъ преслѣдованій,—чьихъ?—адвокатской же корпораціи. Горе вамъ, если вы будете утверждать, что свобода, которую отстаивалъ Лохвицкій, вовсе не была та желанная свобода, безъ которой немыслимо существованіе независимой адвокатуры; горе вамъ, если вы осмѣлитесь утверждать, что интересами общества вовсе не вызывается безграничная свобода адвокатовъ въ отстаиваніи плодовъ недодѣланныхъ мошенничествъ и обмановъ на законномъ основаніи. За такую дерзость васъ причислятъ къ невѣжественнымъ ретроградамъ: вы, значитъ, отрицаете „свободу убѣжденій“, „уваженіе къ чужому мнѣнію“; вы идете противъ „независимости и свободы адвокатскаго сословія“, вы выступаете „во всеоружіи всякихъ репрессалій“; вы доходите до преслѣдованія мыслей, и, наконецъ,

вы препятствуете свободному развитію русской адвокатуры [1]). Кажется, достаточно ужасовъ! Невольно вспоминаешь:

Gefährlich ist den Leu zu wecken
Und schrecklich ist des Tigers Zahn,
Doch das schrecklichste der Schrecken
Ist der Mensch in seinem Wahn.

Разберемъ внимательно дѣло Лохвицкаго и кассаціонное рѣшеніе, о немъ состоявшееся, но предварительно скажемъ два слова о сущности и границахъ дисциплинарнаго суда адвокатской корпораціи. Существеннѣйшее отличіе его отъ другихъ судовъ заключается въ томъ, что составъ проступковъ, подлежащихъ его вѣдѣнію, нигдѣ въ точности не очерченъ и таковой устанавливается по благоразумному усмотрѣнію корпоративнаго представительства, на основаніи общихъ понятій о назначеніи адвокатуры. Такъ опредѣляютъ роль корпоративнаго суда и законъ, и судебная практика, и лучшіе наши процессуалисты [2]). „Для того,—читаемъ въ журналѣ государственнаго совѣта 1862 г., № 65,—чтобы сословіе присяжныхъ повѣренныхъ представляло вѣрныя ручательства нравственности, знанія и честности, должно съ самаго его учрежденія держаться строгаго выбора ихъ на должность повѣренныхъ и установить за ними такой надзоръ, который, не лишая ихъ необходимой для защиты своихъ довѣрителей самостоятельности, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ одной стороны, способствовалъ бы скорому и дѣйствительному огражденію частныхъ лицъ отъ стѣсненій повѣренныхъ, а съ другой—служилъ бы средствомъ къ водворенію и поддержанію между ними самими чувства правды, чести и сознаніе нравственной отвѣтственности предъ правительствомъ и обществомъ“ (стр. 339).

Органы адвокатской корпораціи, совѣты, и высшая контролирующая ихъ судебная власть старались на практикѣ осуществить эту высокую идею законодателя, признавъ подлежащимъ контролю и вѣдѣнію общественной власти всѣ поступки адвоката, „могущіе имѣть вліяніе на степень довѣрія

---

[1]) См. ст. г. Невядомскаго.

[2]) Арсеньевъ: «Замѣтки о русской адвокатурѣ», гл. VI. Фойницкій: «Курсъ угол. судопр.», т. I, § 166.

къ нему со стороны общества, предъ которымъ совѣтъ, допустивъ извѣстное лицо въ среду присяжныхъ повѣренныхъ, принимаетъ тѣмъ самымъ на себя нравственную отвѣтственность, что лицо это не только по формальнымъ, но и по нравственнымъ качествамъ достойно того довѣрія“ (касс. рѣш. 1876 г., № 5, по дѣлу Родзевича).

Но, говорятъ, это произволъ. Пожалуй. Однако, неизбѣжность такого произвола или, точнѣе, благоразумнаго усмотрѣнія лежитъ въ самомъ основаніи адвокатскаго дисциплинарнаго суда, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ, что такой порядокъ вещей существуетъ во всѣхъ законодательствахъ, начиная отъ древняго французскаго и англійскаго и до новѣйшаго германскаго. Французская адвокатура, какъ корпорація, существуетъ почти 600 лѣтъ и, тѣмъ не менѣе, еще не выработала окончательно всѣхъ правилъ адвокатскаго поведенія. До сихъ поръ еще продолжается ея работа, и самый характеръ правилъ мѣняется сообразно времени и культурѣ. Да выработать такія окончательныя правила невозможно и нежелательно. Разъ будетъ выработана писанная формула, законники всегда сумѣютъ ее обойти. Разъ будетъ установлена формальная точка зрѣнія при обсужденіи поведенія адвоката, адвокатъ, хорошо знакомый съ законами и вообще болѣе предусмотрительный, всегда окажется правъ при столкновеніяхъ съ довѣрителями или требованіями адвокатской дисциплины. Тутъ только и возможенъ судъ на основаніи доброй совѣсти, въ родѣ суда присяжныхъ, судъ на основаніи bonae fidei.

Но, говорятъ, такой судъ можетъ злоупотреблять своею властью. Не споримъ. Да и исторія, если не нашей, то французской адвокатуры даетъ тому примѣры [1]). Да и какою властью нельзя вообще злоупотреблять? Желательно только одно, чтобы законъ давалъ всевозможныя гарантіи отъ злоупотребленій. И законъ нашъ даетъ такія гарантіи въ видѣ корпоративнаго самоуправленія, контроля судебной власти и гласности. Можно бы придумать и другія гарантіи, но теперь не о нихъ рѣчь. Теперь мы хотимъ сказать, что извѣстная доля усмотрѣнія, извѣстная доля законодательной власти,

---

[1]) Арсеньевъ, стр. 96.

право судить поступокъ по совѣсти должны быть предоставлены, въ интересахъ общества, адвокатскому дисциплинарномъ суду. Сдѣлаете его формальнымъ — и онъ потеряетъ смыслъ.

IV.

Теперь разсмотримъ вопросъ: подлежитъ ли адвокатъ за веденіе завѣдомо неправаго дѣла (гражданскаго), за отстаиваніе завѣдомо несправедливыхъ требованій, за стараніе укрѣпить за довѣрителемъ имущественныя права, пріобрѣтенныя имъ завѣдомо-безчестнымъ, безнравственнымъ путемъ,—путемъ обмана, доказаннаго на судѣ,—какой-либо отвѣтственности? Намъ кажется, что на вопросъ, поставленный въ такомъ видѣ, у всѣхъ тѣхъ, которые признаютъ за адвокатурою какое-нибудь общественное значеніе, не можетъ быть двухъ отвѣтовъ. Мы не даромъ такъ сильно настаиваемъ на элементѣ „завѣдомости“. Говорятъ, „нельзя требовать отъ адвоката, чтобы каждый разъ обсуждалъ онъ внутренніе мотивы, порождающіе и двигающіе судебный процессъ, чтобы, такъ сказать, проникалъ онъ въ душу своего кліента и, только производя въ ней тщательный розыскъ и убѣдясь въ полномъ соотвѣтствіи ея (чего?) съ своими субъективными воззрѣніями, принималъ на себя веденіе дѣла“ [1]). Къ чему эти чудовищныя родомонтады и очевидныя преувеличенія? Даже и органы суда, вооруженные многосложными орудіями для раскрытія мотивовъ дѣйствій людей, не всегда умѣютъ ихъ открыть. Такъ можно ли требовать такого невозможнаго розыска отъ адвоката? Nul n'est tenu à l'impossible. Никто ничего подобнаго и не требуетъ отъ адвоката, но отъ него и можно, и должно требовать слѣдующаго: разъ онъ тѣмъ ли, другимъ ли способомъ убѣдился вполнѣ, что право кліента его пріобрѣтено путемъ безнравственнымъ, путемъ обмана, онъ не долженъ принимать такого дѣла. Положимъ, узнаетъ адвокатъ, путемъ ли личнаго разспроса, или инымъ путемъ, что кліентъ, предлагающій ему дѣло, получилъ по заемному письму деньги, но расписки не выдалъ,—можетъ ли онъ вести

[1]) См. ст. г. Невядомскаго.

такое дѣло? Квартирантъ съѣхалъ съ квартиры и не додалъ хозяину наемной платы, о чемъ онъ откровенно заявляетъ адвокату, но проситъ адвоката отстоять его право и освободить отъ платежа денегъ по отсутствію письменныхъ доказательствъ. Такія заявленія весьма возможны въ виду распространеннаго въ публикѣ взгляда, по которому адвокатъ на то и приглашается, чтобы своимъ крючкотворствомъ помогать устраивать разныя каверзы и плутни на законномъ основаніи. Или вотъ еще случай, взятый изъ жизни: адвокатъ предъявляетъ завѣдомо неправый споръ противъ духовнаго завѣщанія отъ имени наслѣдника по закону, расчитанный на то, что богатый наслѣдникъ по завѣщанію во избѣжаніе взятія завѣщаннаго имущества въ опеку, откупится отъ завѣдомо недобросовѣстнаго претендента. Что же, адвокатъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ не одаренъ сердцевѣдѣніемъ, долженъ закрывать глаза и въ приведенныхъ случаяхъ, когда для него очевидны обманъ и неправда?

Гражданскіе законы, по своей природѣ, были и будутъ всегда болѣе или менѣе формальны. Разнаго рода формальности, устанавливаемыя закономъ съ самыми добрыми намѣреніями, иногда превращаются въ орудіе безсовѣстной мошеннической продѣлки. Гражданскій судъ, чувствующій наличность обмана, не всегда можетъ притти на помощь обманутой сторонѣ. Для него высшее мѣрило законъ: dura lex, sed lex! Совсѣмъ въ иномъ положеніи адвокатъ. Онъ нерѣдко бываетъ поставленъ въ возможность ознакомиться съ такими интимными сторонами дѣла, которыя бываютъ сокрыты для суда. Вотъ почему отъ него въ правѣ требовать общество, чтобы онъ, по возможности, предупредилъ тѣ прискорбныя столкновенія закона и справедливости, о которыхъ упоминалось выше. Разъ адвокатъ можетъ оказать правосудію эту услугу, ему одному доступную, онъ д о л ж е н ъ ее оказать.

Но въ громадномъ большинствѣ случаевъ эта сторона дѣятельности адвоката, именно благодаря своей интимности, остается внѣ контроля совѣтовъ. Дѣло Лохвицкаго тѣмъ и было замѣчательно, что тутъ не могло быть никакого сомнѣнія относительно того, извѣстна ли была адвокату нравственная подкладка дѣла Элькина. „Въ дѣйствіяхъ Элькина на судѣ гражданскомъ,—сказано въ рѣшеніи московской судебной па-

латы,—выразилось продолженіе тѣхъ обманныхъ поступковъ, которые разсматривались уголовнымъ судомъ и которые заключаются въ стремленіи присвоить себѣ чужую собственность вопреки волѣ обманутаго имъ собственника; дѣйствія эти представляются вполнѣ нечестными, недобросовѣстными и въ высшей степени предосудительными. Лохвицкій, бывшій защитникомъ Элькина предъ уголовнымъ судомъ, з н а л ъ и н е м о г ъ н е з н а т ь истинныя обстоятельства дѣла; онъ считалъ ихъ безнравственными; самъ Элькинъ въ объясненіяхъ съ своимъ защитникомъ называлъ ихъ разбойническими, однако, Лохвицкій въ гражданскомъ судѣ, въ качествѣ повѣреннаго Элькина и опираясь исключительно на формальную сторону дѣла, поддерживалъ и развивалъ требованія Элькина“. Палата признала, что Лохвицкій нарушилъ самую существенную свою обязанность—дѣйствовать ч е с т н о. Сенатъ, не отвергая и не имѣя права отвергнуть справедливость установленныхъ палатою фактовъ, призналъ, однако, что въ дѣйствіяхъ Лохвицкаго нѣтъ ничего предосудительнаго (рѣш. 1879 г., № 1). Кто тутъ правъ?

V.

„Къ счастью сословія,—говоритъ помянутый авторъ по поводу дѣла Лохвицкаго,—властное слово высшаго судебнаго учрежденія положило предѣлы ненормальному движенію“. Намъ же кажется, что это рѣшеніе, идущее въ явный разрѣзъ со всѣмъ тѣмъ, что говорилъ самъ сенатъ съ 1866 года [1]) по январь 1879 г., и являющееся рѣдкимъ образчикомъ interpretationis abrogentis, положило бы конецъ стремленію „водворить въ сословіи присяжныхъ повѣренныхъ чувства правды и чести“, если бы самъ сенатъ не отступилъ довольно скоро отъ дарованной имъ адвокатамъ свободы отъ нравственныхъ обязанностей. Но объ этомъ послѣ. А теперь разберемъ мотивы „властнаго слова“, сирѣчь рѣшенія сената, въ связи съ дополняющими соображеніями автора статьи.

Не легко далось сенату это рѣшеніе. На изготовленіе его

---

[1]) См., кромѣ приведечнаго рѣшен. 1876 г., № 5, еще рѣш. 1876, № 5, и 1877 г., № 27.

ушло время отъ 22 января 1879 г. по 11 января 1880 г. Должно быть, не разъ переписывался проектъ рѣшенія. Наконецъ, сенатъ взялъ да и переписалъ почти цѣликомъ отдѣльное мнѣніе нѣкоторыхъ членовъ московской судебной палаты. Этимъ ограничилась роль верховнаго истолкователя закона. Вотъ соображенія сената:

„На основаніи уставовъ 20-го ноября 1864 г., присяжные повѣренные состоятъ при судебныхъ мѣстахъ для занятія дѣлами по избранію и порученію тяжущихся, обвиняемыхъ, съ цѣлью дать тяжущимся возможность имѣть хорошихъ адвокатовъ въ судѣ. Въ дѣятельности своей присяжные повѣренные обязаны точно исполнять закономъ установленныя правила и всѣ принимаемыя ими на себя обязанности сообразно съ пользою ихъ довѣрителей; они не должны писать или говорить на судѣ ничего такого, что могло бы клониться къ ослабленію церкви, государства, общества, семейства и доброй нравственности (ст. 353, 2 пун. 367 ст. учр. суд. устан., объясненія къ 389 ст. по изд. госуд. канц. и форма присяги на званіе присяжнаго повѣреннаго). Палата не обвиняетъ Лохвицкаго въ томъ, чтобы онъ писалъ или говорилъ на судѣ что-либо противное добрымъ нравамъ или клонящееся къ ослабленію церкви, государства, общества и семейства; обвиненіе палаты направлено противу принятія имъ и веденія гражданскихъ дѣлъ Элькина съ знаніемъ безнравственности источниковъ правъ сего послѣдняго, и собственно въ этомъ палата усматриваетъ со стороны присяжнаго повѣреннаго Лохвицкаго нарушеніе имъ обязанностей званія. Для опредѣленія тѣхъ началъ, которыми должна регулироваться профессіональная дѣятельность адвоката, при принятіи и веденіи гражданскихъ дѣлъ, слѣдуетъ, прежде всего, имѣть въ виду, что всякій споръ о правѣ гражданскомъ подлежитъ вѣдѣнію суда, дѣятельность котораго заключается въ примѣненіи закона, опредѣляющаго какъ самое право, такъ и способъ удостовѣренія его дѣйствительности; гражданскій судъ не стремится къ отысканію абсолютной справедливости, онъ повѣряетъ и опредѣляетъ право тѣми способами, которые установлены закономъ, и на основаніи доказательствъ, представленныхъ сторонами, и разрѣшаетъ оное на основаніи законовъ, охраняющихъ и ограждающихъ спорное право. Если, та-

кимъ образомъ, нравственность гражданскаго права менѣе строга, чѣмъ нравственность индивидуальная, если сей послѣдней нравственности не требуется отъ самого тяжущагося, обращающагося къ содѣйствію правосудія, то адвокатъ, какъ *представитель извѣстной профессіи, извѣстной общественной* дѣятельности, въ силу которой онъ является посредникомъ между тяжущимся и судомъ по предмету разрѣшенія вопроса о правѣ, не можетъ быть разсматриваемъ въ своей дѣятельности съ точки зрѣнія требованій индивидуальной нравственности. На обязанности адвоката не можетъ быть возложено разысканіе нравственной чистоты дѣла, и потому принятіе имъ гражданскаго дѣла къ своему производству можетъ регулироваться только закономѣрностью тѣхъ требованій, защитникомъ которыхъ онъ является, и наличнотсью тѣхъ данныхъ для удостовѣренія въ дѣйствительности защищаемаго права, которыя установлены закономъ или симъ послѣднимъ покровительствуются. При этомъ, нельзя оставить безъ вниманія и то, что критерій индивидуальной нравственности слишкомъ неуловимъ и понимается всякимъ по своему; допустить обязанность присяжнаго повѣреннаго устраняться отъ защиты правъ, которыя, по мнѣнію его, пріобрѣтены тяжущимся способами нечестными значило бы оставить значительное количество правъ основанныхъ на законѣ, безъ защиты и затруднить тяжущимся доступъ къ правосудію, ибо веденіе гражданскихъ дѣлъ требуетъ знанія и опытности, которыми не всегда обладаютъ сами тяжущіеся".

Какимъ формализмомъ звучитъ только что приведенное разсужденіе сената! Lasciati ogni speranza, — говоритъ онъ всѣмъ оптимистамъ, которые имѣли наивность думать, что преобразованный гражданскій судъ, при помощи честной адвокатуры, можетъ дать нѣчто лучшее, чѣмъ благоговѣйное преклоненіе предъ буквоѣдствомъ и формализмомъ. Было время, когда поклоненіе буквѣ и формализму возведено было въ юридическій культъ. При малѣйшихъ отступленіяхъ отъ сакраментальной формы тяжущійся лишался своего права. Римъ далъ законченный типъ подобнаго порядка вещей. Но въ Римѣ же слишкомъ 2000 лѣтъ тому назадъ раздалась впервые на судѣ гражданскомъ благая вѣсть объ упраздненіи или доведеніи до минимума формализма и о примиреніи за-

кона съ справедливостью, съ доброю совѣстью,—словомъ, вѣсть о внесеніи въ гражданское право начала индивидуализаціи, элемента bonae fidei, при которыхъ только и возможно правосудіе въ истинномъ значеніи этого слова [1]). Можно было надѣяться, что и у насъ съ судебною реформою произойдетъ хотя небольшое смягченіе формализма и внесеніе въ гражданскія дѣла справедливости. Такъ и случилось. Лучшимъ тому доказательствомъ служитъ и самое дѣло Элькина, по которому сенатъ, на основаніи вердикта присяжныхъ о пріобрѣтеніи дома Поповой посредствомъ обмана, призналъ возможнымъ уничтожить крѣпостной актъ. Для чего, послѣ этого, понадобилось сенату писать сомнительнаго достоинства трактатъ о томъ, что нравственность неуловима, что нравственность гражданскаго права менѣе строга, чѣмъ нравственность индивидуальная, и пр.? Никакой нравственности гражданскаго права не существуетъ. Нравственность одна [2]). Правда все та же, говоритъ поэтъ. Гражданское право знаетъ извѣстныя формы, установленныя съ благою цѣлью, но дающія поводъ для злоупотребленія, вотъ и все. Законъ устанавливаетъ, напримѣръ, praesumptio juris et de jure о томъ, что безденежность крѣпостныхъ заемныхъ писемъ не можетъ быть доказываема. Цѣль такого закона понятна, но и злоупотребленія имъ возможны. Законъ безсиленъ карать эти злоупотребленія, когда ихъ совершаетъ частное лицо, и волею-неволею приходится ему мириться съ тѣмъ уродливымъ явленіемъ, которое характеризуется словами: summum jus summa injuria. Но въ силу какихъ возвышенныхъ соображеній, во имя какой здравой общественной потребности можно допускать или требовать, чтобы адвокатъ, вооруженный наукою и опытомъ, сдѣлался соучастникомъ безнравственнаго поступка?

Если нравственность необязательна для тяжущагося, говоритъ сенатъ, то она не можетъ быть обязательна и для адвоката, какъ представителя извѣстной профессіи, въ силу которой онъ является посредникомъ между тяжущимися и судомъ.

Далеко ли установился такой взглядъ на адвокатскую профессію?

---

[1]) Юрид. Вѣстн. 1879, № 3.

[2]) См. задачи Этики Кавелина, стр. 57.

До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, не только совѣты, но и самъ сенатъ находилъ, что существуетъ нѣсколько менѣе грубая мѣрка для оцѣнки поведенія адвоката, чѣмъ положительный законъ. Присяжные повѣренные, по рѣшеніямъ того же сената, даже въ частной жизни несвободны отъ корпоративнаго контроля, который слѣдитъ за тѣмъ, чтобы они не совершали поступковъ, роняющихъ нравственное достоинство носимаго ими званія. Оно и понятно. Профессіональная мораль стоитъ иногда выше частной, и это не только въ адвокатской профессіи, но и въ нѣкоторыхъ другихъ. Человѣколюбіе не вмѣняется въ обязанность частному лицу, но за нарушеніе правилъ человѣколюбія медикъ отвѣчаетъ предъ закономъ. Самопожертвованіе не предписывается положительнымъ закономъ, какъ обязанность общегражданская, а въ извѣстныхъ профессіяхъ самопожертвованіе есть юридическій долгъ. Во время кораблекрушенія всякій можетъ свободно слѣдовать правилу: sauve qui peut, тогда какъ капитанъ судна долженъ противостать повелительному движенію чувства самосохраненія и покинуть судно послѣднимъ. За предѣлами уголовнаго закона все дозволительно частному лицу, но адвокатъ нерѣдко изгоняется за поступокъ, невоспрещенный уголовнымъ закономъ, и такіе случаи бывали нерѣдко въ практикѣ. Элькина оправдалъ судъ уголовный на основаніи п. 1 ст. 771 уст. угол. суд., а не трудно предвидѣть, какъ бы отнесся къ этому неуголовному поступку корпоративный судъ. „Многіе поступки, разсуждалъ Государственный Совѣтъ еще въ 1861 году, незапрещенные закономъ вообще, могутъ считаться болѣе или менѣе предосудительными для званія повѣреннаго“ [1]). Въ одномъ изъ послѣдующихъ рѣшеній самъ сенатъ совершенно вѣрно разъяснилъ, что уголовные суды разсматриваютъ законопротивныя дѣянія повѣренныхъ, какъ проступки частныхъ лицъ, совѣты же обсуждаютъ тѣ же дѣянія только относительно продосудительности, несоотвѣтствія съ званіемъ повѣреннаго и совершенно независимо отъ хода и исхода уголовнаго дѣла (рѣш. 1883 г., № 31). Гдѣ тотъ законъ, въ силу котораго частное лицо могло быть подверг-

---

[1]) См. т. XVI Дѣла о преобр. суд. ч. Жур. Госуд. Совѣта 1861, № 45, стр. 8.

нуто взысканію за требованіе съ своего контрагента по счету лишняго и за сознательно изворотливое и несогласное съ правдою объясненіе своего поступка? А, между тѣмъ, за подобные поступки былъ исключенъ петербургскій присяжный повѣренный Семеновъ (касс. рѣш. 1870 г., № 5). Гдѣ тотъ законъ, который каралъ бы сына за то, что онъ, воспользовавшись безденежнымъ заемнымъ письмомъ матери, продалъ ея имѣніе и выгналъ ее изъ дома? А за этотъ безчеловѣчный поступокъ былъ исключенъ адвокатъ N. изъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ (рѣш. 1872 г., апрѣль). Гдѣ тотъ законъ, который требовалъ бы не пользоваться минутнымъ отсутствіемъ противника изъ залы засѣданія для представленія словесныхъ объясненій въ отсутствіи его, не предъявлять завѣдомо-несправедливыхъ отводовъ и возраженій по собственному гражданскому дѣлу? А за такіе поступки присяжные повѣренные подвергались взысканіямъ. Такихъ примѣровъ можно привести многое множество изъ извѣстной книги г. Арсеньева [1]).

Указанное различіе между профессіональными и общегражданскими обязанностями и различіе въ послѣдствіяхъ за нарушеніе ихъ такъ очевидны, такъ общеизвѣстны, что трудно себѣ объяснить, какъ общее собраніе кассаціонныхъ департаментовъ могло высказать приведенное положеніе о тождествѣ нравственной мѣрки для оцѣнки поведенія тяжущагося и адвоката.

Говоря объ этихъ обязанностяхъ, сенатъ сдѣлалъ, повидимому, ничтожное, но, въ дѣйствительности, важное упущеніе. Цитируя по присягѣ обязанности присяжнаго повѣреннаго, сенатъ пропустилъ всего только два-три слова,—но какихъ слова!—въ которыхъ заключается вся суть адвокатской морали. Слова эти слѣдующія: „ч е с т н о и д о б р о с о в ѣ с т н о исполнять обязанности принимаемаго мною на себя званія“. Какъ пропустилъ сенатъ эти золотыя слова, заключающія въ себѣ лучшій отвѣтъ на интересовавшій его вопросъ, непостижимо, но не даромъ говорится: littera docet, littera nocet. Сдѣлавъ такой пропускъ, сенатъ ставитъ въ вину палатѣ, что она обвинила Лохвицкаго, несмотря на то, что

---

[1]) «Замѣтки о русской адвокатурѣ», II, стр. 120 и слѣд.

послѣдній, согласно присягѣ, не говорилъ и не писалъ что-либо противное добрымъ нравамъ или клонящееся къ ослабленію церкви и пр. Вѣдь, пользуясь такими пріемами толкованія, можно утверждать, что присяжнымъ повѣреннымъ только и запрещено писать и говорить противъ доброй нравственности, а въ поступкахъ своихъ они не обязаны съ нею сообразоваться. Говорить противъ нравственности онъ не долженъ, а сознательно помогать торжеству безнравственности можетъ. Но съ такимъ выводомъ, конечно, не согласился бы самъ сенатъ.

Сенатъ утверждаетъ далѣе, что присяжный повѣренный есть простой посредникъ между судомъ и тяжущимся, нисколько не солидарный съ послѣднимъ. Такой взглядъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Такое обязательное посредничество существуетъ только тамъ, гдѣ тяжущимся обязательно предъявлять иски чрезъ адвокатовъ (Anwaltsprocess), какъ напримѣръ, во Франціи, Германіи. Тутъ они играютъ такую же пассивную роль посредниковъ, какъ, напримѣръ, у насъ нотаріусы при протестѣ векселей или передачѣ бумагъ отъ одной стороны къ другой. Они и не солидарны съ кліентами. Ничего подобнаго у насъ нѣтъ въ адвокатурѣ. У насъ тяжущіеся сами могутъ и письменно, и словесно сноситься и объясняться съ судомъ, и никакихъ посредниковъ законъ не требуетъ. У насъ адвокатъ, по справедливому замѣчанію г. Арсеньева, не юридическій толмачъ, только формулирующій требованія сторонъ; это представитель, который оказываетъ дѣятельное участіе. Онъ обрабатываетъ сырой матеріалъ и даетъ ему форму, онъ усваиваетъ ввѣренное ему дѣло и принимаетъ на себя нравственную отвѣтственность за все то, что онъ требуетъ отъ имени и въ пользу другого [1]). Ошибочность точки зрѣнія сената послѣ приведенныхъ словъ слишкомъ очевидна, чтобы слѣдовало о ней дольше распространяться.

VI.

Упомянувъ о томъ, что гражданскій судъ не ищетъ абсолютной справедливости, сенатъ утверждаетъ, что на адвоката нельзя возложить разысканіе нравственной чистоты дѣла. Вы-

[1]) Арсеньевъ, стр. 153.

ше мы уже коснулись этого вопроса и указывали, что никто и не думаетъ возлагать на адвокатовъ такую непосильную обязанность, и потому оставляемъ этотъ пунктъ безъ разбора.

Критерій индивидуальной нравственности, продолжаетъ сенатъ, неуловимъ и понимается каждымъ по-своему. Этого же вопроса касается и г. Невядомскій, который находитъ, что, при „отсутствіи объективнаго масштаба для опредѣленія нравственности, положеніе адвоката, отвѣтственнаго за внутреннюю подкладку дѣла, невыносимо". По отношенію къ сенатскому доводу замѣтимъ, что если въ теченіе 15 лѣтъ для сената были ясны понятія о нравственности и чести, которымъ онъ подчинялъ поведеніе адвокатовъ, то странно, отчего съ 1879 года они сдѣлались неуловимыми. И будто уже въ самомъ дѣлѣ такъ неуловимы понятія чести и нравственности! Вѣдь даже Фальстафъ—на что ужъ онъ былъ большой скептикъ по этой части, но и онъ послѣ продолжительныхъ усилій нашелъ опредѣленіе чести, сказавъ, что „честь есть надгробная надпись"... Если рѣчь идетъ не объ абсолютной, а объ обыкновенной практической морали и этическихъ идеалахъ, то, по справедливому замѣчанію Ренана, въ пониманіи ея, если не считать оттѣнковъ, сходятся всѣ порядочные люди всѣхъ временъ, начиная отъ Эпиктета и Марка Аврелія и до нашихъ дней.

Но для чего къ вопросу чисто практическому сочли нужнымъ припутать абсолюты? Сенатъ говоритъ, что присяжные повѣренные не должны руководствоваться „безусловною нравственностью", не замѣчая того, что онъ только что призналъ нравственность неуловимою. Какъ же она неуловима и, вмѣстѣ съ тѣмъ, безусловна? Но къ чему толковать въ судебныхъ рѣшеніяхъ объ абсолютахъ, о безусловномъ? Ихъ мѣсто въ метафизикѣ.

Г. Невядомскій тоже дѣлаетъ экскурсію въ область философіи. Онъ замѣчаетъ: „Еще Паскаль сказалъ: что нравственно по сю сторону Пиринеевъ, то безнравственно по ту". И эта экскурсія не разъясняетъ вопроса, но еще болѣе его запутываетъ. Во-первыхъ, самая цитата сдѣлана не совсѣмъ вѣрно. Паскаль говоритъ „о забавномъ правосудіи, проявленіе котораго ограничивается рѣкою или цѣпью горъ, объ истинахъ по сю и по ту сторону Пиринеевъ". Во-вторыхъ, если ужъ

хотѣли прикрыться авторитетомъ Паскаля, не слѣдовало ли привести не одну фразу, а систему его міросозерцанія, едва ли согласную съ ученіемъ защитниковъ „казенной морали“? Паскаль возмущается именно тѣмъ, что понятіе о справедливомъ и несправедливомъ мѣняется соотвѣтственно широтѣ и долготѣ мѣстности, что справедливымъ признается то, что установлено закономъ, т.-е. казенная мораль, но, въ то же время, въ полемикѣ съ Монтенемъ онъ поясняетъ, что̀ слѣдуетъ разумѣть подъ истинною справедливостью, т.-е. истины откровенія [1]). Но къ чему все это и что общаго между точками зрѣнія спекулятивнаго мышленія и скромными вопросами судебной практики? Когда вдохновенный метафизикъ переходитъ

Aus der Sinne Schranken
In die Freiheit der Gedanken,
In die heitern Regionen,
Wo die reinen Formen wohnen,

ему съ этихъ заоблачныхъ высей отвлеченія, въ этой сферѣ безжизненныхъ формулъ, все земное можетъ показаться слишкомъ мелочнымъ, всѣ наши понятія о правомъ и неправомъ шаткими и самое наше бытіе и небытіе тождественными (Sein und Nichts ist dasselbe), какъ то утверждалъ Гегель. Что мы можемъ взять изъ безвоздушной области метафизики, для нашего практическаго обихода? Ничего или сбивчивыя понятія. Какъ бы посмотрѣли мы на того вора, который вздумалъ бы въ свое оправданіе ссылаться на то, что, по словамъ Прудона, собственность есть кража? Какъ бы посмотрѣли мы на убійцу, который въ оправданіе свое. привелъ бы слѣдующее мѣсто изъ Паскаля, какъ разъ стоящее рядомъ съ его фразою о Пиринеяхъ: „Какое вы имѣете право убивать?“—спрашиваютъ убійцу.—„Да вы развѣ не по ту сторону воды живете?.. Другъ мой, если бы вы жили по сю сторону, то поступокъ мой былъ бы несправедливъ и я былъ бы убійцею, но такъ какъ вы живете по ту сторону, то я бравый молодецъ и поступаю справедливо“ [2]).

Не больше имѣетъ смысла оправданіе адвоката, обвиняемаго въ принятіи завѣдомо неправаго дѣла, ссылкою на Па-

[1]) Pascal, стр. 184.
[2]) Pascal, стр. 94.

скаля. Пусть справедливость и нравственность иная по сю, иная по ту стороны Пиринеевъ, но, вѣдь, самъ адвокатъ живетъ или тамъ, или здѣсь и пусть слѣдуетъ тому понятію справедливости, которое господствуетъ въ той мѣстности, гдѣ самъ онъ живетъ. „Мы очень хорошо знаемъ,—говоритъ г. Арсеньевъ въ своемъ замѣчательномъ изслѣдованіи объ адвокатурѣ,—что справедливость—понятіе относительное; но у каждаго адвоката есть, безъ сомнѣнія, свое воззрѣніе на справедливость; требовать отъ него, чтобы онъ руководствовался этимъ воззрѣніемъ, не значитъ требовать невозможнаго, при томъ есть множество случаевъ, въ которыхъ о справедливости или несправедливости извѣстнаго требованія не можетъ быть никакого спора". Далѣе г. Арсеньевъ приводитъ нѣсколько случаевъ.

Къ числу такихъ безспорныхъ случаевъ относилось и дѣло Элькина съ Поповою. Едва ли по ту или по сію сторону Пиринеевъ стали бы спорить о томъ, справедливо или нѣтъ было домогательство повѣреннаго Элькина.

VII.

Теперь мы коснемся юридической стороны вопроса и разсмотримъ, обязанъ ли присяжный повѣренный, въ силу носимаго имъ званія, вести самыя грязныя и несправедливыя дѣла, обязанъ ли выступать въ роли, которая въ средніе вѣка характеризовалась мѣткимъ названіемъ advocatus diaboli. Сенатъ находитъ, что адвокатъ, по Судебнымъ Уставамъ, обязанъ вести безъ разбора всякія гражданскія дѣла, даже и съ знаніемъ безнравственности источниковъ правъ своего довѣрителя. Въ подкрѣпленіе этой мысли въ рѣшеніи сената не приводится ни одного соображенія изъ мотивовъ Судебныхъ Уставовъ. Да такихъ мотивовъ въ матеріалахъ судебной реформы и нельзя найти. Въ нихъ мы находимъ прямо противоположныя соображенія, о коихъ вскользь упомянуто выше. Самъ же сенатъ свое, безъ сомнѣнія, парадоксальное положеніе подкрѣпляетъ a contrario тѣмъ, что, съ принятіемъ противоположнаго взгляда, пришлось бы „оставить значительное количество правъ, основанныхъ на законѣ, безъ защиты и

затруднить тяжущимся доступъ къ правосудію". Признаться, не безъ удивленія прочли мы этотъ мотивъ въ сенатскомъ рѣшеніи. Всякому извѣстно почти полное отсутствіе защиты по уголовнымъ дѣламъ въ уѣздныхъ городахъ, а кому не извѣстно, пусть тотъ прочтетъ статью „О завѣдомой безъ защитности въ уѣздныхъ городахъ вопреки закона [1]). Кому не извѣстно также, что, благодаря неравномѣрности распредѣленія адвокатскаго персонала и недостаточности его, нерѣдко бываетъ затруднительно пріискать порядочнаго адвоката для веденія дѣла, и вполнѣ справедливаго и вполнѣ законнаго, но не обѣщающаго крупнаго гонорара? Благодаря отсутствію комплекта, публика не имѣетъ права требовать, чтобы присяжные повѣренные вели по таксѣ гражданскія дѣла. И вотъ при такихъ обстоятельствахъ, когда и многочисленные подсудимые остаются безъ защиты, и вполнѣ справедливые иски безъ помощи адвокатской, сенатъ опасается, какъ бы иски, проистекающіе „изъ безнравственныхъ источниковъ", не остались безъ защиты. Странная предусмотрительность!

Удивительно, какой бы произошелъ ущербъ для правосудія, если бы иски, основанные на мошенническихъ изворотахъ, предстали предъ судомъ безъ руководства присяжныхъ повѣренныхъ и при участіи самихъ авторовъ обмана. Но избави Боже, подвергать такому риску эти почтенныя домогательства. Ихъ долженъ проводить именно присяжный повѣренный, „ибо веденіе гражданскихъ дѣлъ требуетъ знанія и опытности, которыми не всегда обладаютъ сами тяжущіеся". Хотя относительно лицъ, совершающихъ обманы на законномъ основаніи, и позволительно сомнѣваться, чтобы они не знали всѣхъ потребныхъ для ихъ дѣла крючковъ, но допустимъ, что такіе случаи возможны. Удивительный бы вышелъ скандалъ для правосудія, если бы такія дѣла въ своемъ теченіи прошли не безошибочно. Шутка ли сказать, вдругъ иски лицъ, которыя, по выраженію извѣстнаго указа Петра, „зѣло тщатся всякія мины чинить подъ фортеціею правды", будутъ проигрываться, благодаря неопытности тяжущихся. До сихъ поръ всѣ думали, что прискорбное явленіе юриди-

---

[1]) Журн. гражд. и угол. права, 1881 г., № 3.

ческой жизни, характеризуемое словами summum jus и проч., должно вызывать борьбу, теперь же оказывается, что оно должно быть поставлено подъ чрезвычайную охрану органовъ суда.

Вопросъ объ обязательности для адвоката принятія всѣхъ дѣлъ, съ которыми обращается къ нему публика, гораздо правильнѣе поставленъ въ статьѣ г. Невядомскаго. Онъ полагаетъ, что, по мысли законодателя, для присяжныхъ повѣренныхъ принятіе всѣхъ дѣлъ безъ разбора является безусловно обязанностью.

Прежде всего, слѣдуетъ замѣтить, что вообще обязательнаго веденія гражданскихъ дѣлъ въ настоящее время у насъ не существуетъ, за исключеніемъ ничтожнаго числа случаевъ, когда тяжущіеся пользуются правомъ бѣдности[1]). Въ настоящее время присяжный повѣренный воленъ принимать или не принимать по своему усмотрѣнію предлагаемое ему дѣло. Если бы законъ и устанавливалъ такую обязанность для времени, когда будетъ объявленъ комплектъ, то и тогда положеніе адвоката, дорожащаго своимъ нравственнымъ достоинствомъ, было бы затруднительно. Но онъ бы исполнялъ безкорыстно эту обязанность, какъ суровое предписаніе закона, какъ обязанность, налагаемую званіемъ. Солдатъ, охраняющій тюрьму, долженъ стрѣлять въ бѣгущаго арестанта, хотя бы внутренне и находилъ такую строгость несправедливою. Такое же оправданіе находилъ бы для себя адвокатъ, принимая на себя обязательное веденіе несправедливаго дѣла. Совсѣмъ въ другомъ положеніи адвокатъ, добровольно, за деньги отдающій свои услуги на служеніе явной неправдѣ. Для него нѣтъ оправданія въ предписаніи суроваго закона.

Но устанавливаетъ ли, однако, нашъ законъ такую тяжкую обязанность, какъ веденіе всѣхъ дѣлъ, правыхъ и неправыхъ, даже при существованіи комплекта? Вопросъ этотъ заслуживаетъ особаго вниманія, тѣмъ болѣе, что онъ вовсе не затронутъ въ нашей юридической литературѣ. Вопросъ этотъ г. Невядомскій рѣшаетъ утвердительно и, въ подкрѣпленіе своего мнѣнія, ссылается на то мѣсто (въ 6 строчекъ) изъ

---

[1]) Въ послѣднемъ отчетѣ московскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ за 1884 г. значится, что только въ 7 случаяхъ назначены повѣренные для лицъ, пользующихся этимъ правомъ.

соображеній, приведенныхъ въ извѣстномъ изданіи госуд. канцел. суд. уст. подъ ст. 394, гдѣ проводится параллель между адвокатами и медиками. Какъ медики, имѣющіе монополію лѣченія, обязаны лѣчить всѣхъ, обращающихся къ нимъ, такъ и присяжные повѣренные, получая съ объявленіемъ комплекта монополію на веденіе дѣла, обязуются вести всѣ безъ разбора дѣла, поручаемыя имъ судомъ и совѣтомъ. Этою цитатою ограничивается аргументація названнаго автора.

Всякій, мало-мальски знакомый съ матеріалами судебной реформы, хотя бы въ видѣ тѣхъ извлеченій, которыя напечатаны во всеобщее свѣдѣніе въ только что упомянутомъ изданіи государственной канцеляріи, долженъ бы a priori отнестись скептически къ приведенной цитатѣ. Кто знаетъ, съ какою рѣдкою осмотрительностью обработывались проекты Судебныхъ Уставовъ, тотъ не можетъ допустить мысли, чтобы составители ихъ, обращая вниманіе на сходство профессіи адвокатской и медицинской, не обратили вниманія на важное различіе между ними. Медикъ, оказывая врачебную помощь, всегда совершаетъ доброе дѣло и не совершаетъ поступка, противнаго чести и доброй нравственности. Между тѣмъ, отстаивая сознательно завѣдомо-неправое дѣло, адвокатъ совершаетъ безчестный поступокъ. Различіе очевидное и какъ оно могло ускользнуть отъ вниманія составителей Судебныхъ Уставовъ?

Что же оказывается въ дѣйствительности? Они не только не упустили изъ вида этого кореннаго различія, но и приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы освободить присяжныхъ повѣренныхъ отъ невыносимаго для всякаго порядочнаго человѣка положенія быть соучастникомъ и пособникомъ безчестнаго дѣянія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, не нужно даже заглядывать въ объяснительную записку и журналы государственнаго совѣта, а достаточно внимательно прочесть текстъ 394 ст. учрежд. судебн. устан. и всѣ приведенныя подъ нею соображенія. Статья эта гласитъ: „Присяжный повѣренный, назначенный для производства дѣла совѣтомъ или предсѣдателемъ судебнаго мѣста, не можетъ отказаться отъ исполненія даннаго ему порученія, не представивъ достаточныхъ для сего причинъ“. Изъ приведенныхъ подъ этою статьею

соображеній видно, что составители Судебныхъ Уставовъ озабочены были не тѣмъ, чтобы навязывать присяжнымъ повѣреннымъ дѣла, противныя ихъ совѣсти, а оградить публику отъ возможности со стороны адвокатовъ отказываться отъ веденія дѣла на основаніи голословнаго заявленія о томъ, что оно несогласно съ ихъ убѣжденіями, тогда какъ дѣйствительною причиной было несогласіе съ довѣрителемъ относительно денежнаго вознагражденія. Отъ того и другого затрудненія избавляетъ ст. 394. „Эта статья (394),—сказано въ соображеніяхъ,—требующая, чтобы присяжный повѣренный, желающій отказаться отъ веденія порученнаго ему совѣстомъ дѣла, представилъ совѣту достаточныя для сего причины, вполнѣ ограждаетъ и тяжущихся, и присяжныхъ повѣренныхъ, ибо тяжущіеся не будутъ имѣть возможности навязывать насильно присяжнымъ повѣреннымъ, чрезъ ихъ совѣтъ, веденіе такихъ дѣлъ, которыя они признаютъ несправедливыми, а повѣренный не будетъ имѣть возможности отказаться отъ исполненія своихъ обязанностей одною голою ссылкой на несправедливость дѣла, тогда какъ онъ не хочетъ вести его только потому, что не сошелся съ тяжущимся въ опредѣленіи вознагражденія“ (стр. 267 объясн. зап.).

Приведенная выдержка достаточно показываетъ, хотѣли ли судебные уставы навязывать присяжнымъ повѣреннымъ веденіе несправедливыхъ, по ихъ мнѣнію, дѣлъ.

Ближайшее изслѣдованіе исторіи составленія ст. 394 еще болѣе подтверждаетъ изложенный выводъ. Въ проектѣ учрежденій судебныхъ установленій на ряду со статьею 356, которая соотвѣтствуетъ нынѣшней 394, стояла статья 357, по которой присяжный повѣренный могъ отказаться отъ назначеннаго ему для веденія дѣла, если оно „несогласно съ его убѣжденіями“. Большинство коммиссіи, составлявшей проектъ, стояло за сохраненіе ст. 357, меньшинство стояло за исключеніе ея. Но это былъ споръ чисто редакціонный, а не по существу. Какъ большинство, такъ и меньшинство сходилось во взглядѣ на званіе присяжнаго повѣреннаго. И то, и другое полагало, что онъ не обязанъ дѣйствовать противъ совѣсти и чести. Вотъ что читаемъ въ соображеніяхъ большинства: „Каждый присяжный повѣренный долженъ дорожить своею репутаціею, которая зависитъ отъ его знанія и честности. Знаніе

проявляется въ томъ, что онъ выигрываетъ порученныя ему дѣла, а честность,—что онъ принимаетъ дѣла не только правыя съ формальной стороны, но и правыя по своему существу. Едва ли будетъ справедливо заставлять присяжнаго повѣреннаго вести такое дѣло, которое будетъ проиграно или которое хотя и будетъ выиграно, но вопреки справедливости, и тѣмъ вредить своей репутаціи“ (стр. 270 объясн. записки). Меньшинство, мнѣніе котораго было принято и государственнымъ совѣтомъ, исключая ст. 357 проекта, вовсе не хотѣло ставить присяжныхъ повѣренныхъ въ необходимость вести несправедливыя дѣла; оно только полагало, что ихъ отъ этого неудобства достаточно ограждаетъ ст. 356 проекта (нынѣшняя 394 учр. суд. уст.). Мы уже приводили часть соображеній меньшинства. Приведемъ другую часть, не вошедшую въ изданіе госуд. канц.: „Удержаніе ст. 357, по мнѣнію меньшинства, поведетъ не къ тому, чтобы избавить присяжныхъ повѣренныхъ отъ необходимости вести несправедливыя дѣла, ибо отъ этого они всегда могутъ освободиться и по ст. 356, представивъ совѣту объясненія о причинахъ, по которымъ считаютъ поручаемое имъ дѣло несправедливымъ. а къ тому, чтобы лишить тяжущихся возможности найти повѣренныхъ за вознагражденіе, установленное таксою, и заставлять ихъ платить за веденіе дѣлъ неумѣренныя, самими повѣренными произвольно назначаемыя цѣны“ (стр. 267 объясн. зап.).

Итакъ, мы видимъ, что и въ этомъ случаѣ благородные творцы Судебныхъ Уставовъ оказались на высотѣ своей задачи. Они не создали и не думали создавать вредное сословіе безсердечныхъ и безсовѣстныхъ законниковъ. Мы видимъ, съ какою тщательностью они ограждаютъ присяжныхъ повѣренныхъ отъ необходимости дѣйствовать несправедливо, нечестно, выигрывать иски формально правые, но несправедливые по существу, даже по назначенію общественной власти [1]).

[1]) Замѣчательно, что не только въ свѣтлую эпоху составленія Судебныхъ Уставовъ, но въ предшествовавшій періодъ законодательныхъ работъ, никто не допускалъ возможности принуждать адвоката вести явно неправое дѣло. По § 19 Полож. о присяж. повѣрен. 1859 г. имѣлъ право отказаться отъ веденія «явно неправаго дѣла». См. т. XII. Дѣла о преобр. суд. части въ Россіи, стр. 52, 53.

Какой выходитъ рѣзкій диссонансъ, когда сравнишь съ этими прекрасными законодательными указаніями взглядъ сената оправдавшаго адвоката, добровольно и сознательно взявшаго на себя веденіе завѣдомо неправаго дѣла! Какою мертвою схоластикою отдаетъ отъ соображеній сената въ родѣ того, что гражданскій судъ не стремится (даже не стремится!) къ отысканію абсолютной справедливости, что на адвоката не можетъ быть возложено разысканіе нравственной чистоты и пр., когда сопоставить эти безжизненныя тирады съ только что приведеннымъ разсужденіемъ составителей объяснительной записки, такъ усердно стремившихся къ согласованію адвокатской профессіи съ началами нравственности! Перспектива, такъ испугавшая сенатъ, а именно возможность лишенія несправедливыхъ исковъ представительства въ лицѣ присяжныхъ повѣренныхъ, *нисколько не* огорчала составителей Суд. Уставовъ. Если бы всѣ адвокаты представили совѣту объясненія, почему они считали такой-то процессъ несправедливымъ, и онъ призналъ бы уважительнымъ отказъ ихъ отъ веденія такого процесса—только можно бы радоваться за правосудіе и гордиться такою адвокатурой. Пусть обладатель такого позорнаго иска прокладываетъ дорогу къ суду, какъ знаетъ. Не государственные же рабы [1]), въ самомъ дѣлѣ, адвокаты, чтобы можно было насильно заставлять ихъ дѣлаться пособниками неправды. Законодатель былъ далекъ отъ мысли дѣлать подобное насиліе надъ ихъ совѣстью.

VIII.

Мы старались доказать, что властное слово сената не согласуется ни съ буквою, ни съ духомъ закона. Насколько ученіе сената должно было способствовать повышенію или пониженію нравственнаго уровня адвокатуры, другими словами, споспѣшествовать или противодѣйствовать цѣлямъ правосудія,—понятно само собою.

---

[1]) «Повѣренный,—писалъ въ 1860 г. въ своихъ замѣчаніяхъ на Пол. о присяж. повѣрен. г. Фришъ,—можетъ не довѣрять добросовѣстности тяжущагося и т. д. Неужели свободнаго труженика можно заставлять работать противъ его желанія», стр. 16, XII т. названнаго Дѣла.

Когда мы въ старинныхъ актахъ читали, что велѣно было гнать и бить кнутьемъ ходатаевъ за умноженіе „негожихъ тяжъ", мы наивно думали, что насъ отдѣляютъ цѣлые вѣка отъ такой адвокатуры, а теперь выходитъ, что присяжный повѣренный, какъ представитель извѣстной профессіи, долженъ стать грудью за эти „негожія тяжи".

Окончательный выводъ изъ сенатскаго рѣшенія былъ тотъ, что адвоката нельзя подвергать взысканію за дѣяніе, „не заключающее признаковъ запрещеннаго закономъ поступка". Другими словами, для него обязательна только формальная, „казенная" мораль. Старайся только, чтобы дѣйствія твои не нарушали предписаній закона, махни рукой на нравственность, и ты будешь правъ.

Всѣ, кому дороги судьбы новой русской адвокатуры, были и удивлены, и огорчены кореннымъ поворотомъ, сказавшимся въ рѣшеніи по дѣлу Лохвицкаго.

Оставалось надѣяться, что сенатъ скоро замѣтитъ свою ошибку. „Сенату [1]),—писали мы тотчасъ послѣ появленія рѣшенія по дѣлу Лохвицкаго,—быть можетъ, придется отказаться отъ своего ученія о казенной адвокатской морали раньше, нежели онъ самъ думаетъ. Узнавъ, что нравственность окончательно упразднена изъ адвокатскаго кодекса, хищники не замедлятъ показать свою настоящую натуру. Сдѣлки съ совѣстью, которыя до сихъ поръ совершались втихомолку, въ полумракѣ, теперь будутъ совершаться открыто, въ гордомъ сознаніи своей правоты. Тогда сенатъ убѣдится, какіе плоды можетъ породить въ адвокатурѣ его ученіе о „неуловимости" принципа индивидуальной нравственности".

Ожиданія наши оправдались, и даже довольно скоро. Въ 1881 году сенату пришлось разсматривать весьма типичный случай обхода закона, въ которомъ внѣшняя, формальная сторона была вполнѣ безупречна.

Вотъ сущность этого дѣла. Между супругами Зоринымъ происходилъ споръ о принадлежности дома. Частный повѣренный Бориславскій предложилъ Зорину такой обходъ закона: послѣдній выдаетъ первому фиктивные векселя на сумму 800 руб. Векселя были выданы, при чемъ Бориславскій

[1]) Русскія Вѣдомости отъ 7 марта 1880 г.

обязался деньги, вырученныя за продажу дома, за исключеніемъ 50 руб., возвратить Зорину. Адвокатъ предъявилъ векселя ко взысканію, получилъ исполнительные листы, домъ продалъ, деньги взыскалъ, но при расчетѣ произошелъ споръ. Казанская судебная палата осудила адвоката за обходъ закона при продажѣ дома и завѣдомо ложныя объясненія относительно расчетовъ съ Зоринымъ и исключила изъ числа частныхъ повѣренныхъ. Осужденый адвокатъ, стоя на той точкѣ зрѣнія формализма, на которой стоялъ сенатъ въ дѣлѣ Лохвицкаго, указывалъ на то, что предъявленіе векселей ко взысканію и продажа дома,—все это законныя дѣйствія, все это оформлено вступившими въ законную силу опредѣленіями. Къ счастью, сенатъ высказалъ по дѣлу Бориславскаго соображенія, несогласныя съ его разсужденіемъ 1879 года, но зато вполнѣ согласныя съ приведенными выше соображеніями составителей Судебныхъ Уставовъ. „Хотя этотъ образъ дѣйствій,—говоритъ сенатъ,—Бориславскій называетъ только процессуальною стороной дѣла, но эта процессуальная, по внѣшней формѣ, законная сторона дѣла скрывала за собою другую (стало быть, бываетъ же и еще сторона, кромѣ внѣшней!), предосудительную. Всякое дѣйствіе частнаго повѣреннаго, совершенное имъ въ обходъ закона, есть само по себѣ дѣйствіе предосудительное, даже если бы оно было совершено по просьбѣ и по желанію довѣрителя. Документы, на которые Бориславскій ссылается, могли бы удостовѣрить лишь внѣшнюю сторону дѣла, которая въ настоящемъ случаѣ прикрывала собою другую сторону дѣла, т.-е. сторону внутреннюю, а эта внутренняя сторона, по сознанію самого аппелятора, направлена была на обходъ закона, т.-е. находилась въ явномъ противорѣчіи съ тѣми качествами, которыхъ законъ требуетъ отъ лицъ, коимъ ввѣряется ходатайство по чужимъ дѣламъ. Они обязаны руководствоваться закономъ, не прибѣгая при веденіи дѣла ни къ какимъ уловкамъ въ обходъ и обманъ закона“ (рѣш. 1881 г. № 49).

Что и требовалось доказать!—слѣдуетъ сказать по прочтеніи этого рѣшенія. Всѣ наши усилія клонились къ тому, чтобы доказать существованіе, кромѣ внѣшней стороны дѣла, и внутренней; доказать, что внѣшняя сторона можетъ прикрывать другую, предосудительную и враждебную цѣли закона.

Эта истина признана, наконецъ, сенатомъ въ согласность его практикѣ до 1879 г. Бориславскаго (частнаго повѣреннаго) сенатъ призналъ заслуживающимъ исключенія, между прочимъ, или, лучше сказать, главнымъ образомъ, за уловкку, состоявшую въ томъ, что онъ предъявилъ ко взысканію фиктивные безденежные векселя и продалъ спорный домъ. Лохвицкій (присяжный повѣренный) отстаивалъ и отстоялъ въ палатѣ домъ, пріобрѣтенный по фиктивной, безденежной купчей и посредствомъ обмана. Пусть всякій разсудитъ dans son fort interieur, какой поступокъ предосудительнѣе. А, между тѣмъ, присяжный повѣренный былъ оправданъ, и даже это самое дѣло послужило ему пьедесталомъ славы, поводомъ для панегирика, въ которомъ его выставляютъ спасителемъ адвокатской свободы. Что же это? Не слѣдовали же правилу: quod licet Jovi non licet bovi? Другими словами, на что можетъ дерзать человѣкъ науки и генералъ отъ адвокатуры—на то не имѣетъ права мелкая сошка.

Но постараемся забыть эту прискорбную ошибку сената, тѣмъ болѣе, что самъ сенатъ старается исправить ее и, по-видимому, далекъ отъ мысли понимать въ будущемъ свободу адвокатуры въ томъ нежелательномъ смыслѣ, какъ это дѣлаютъ некстати торжествующіе поклонники „властнаго слова“ сената 1879 г:

Въ интересахъ правильнаго развитія адвокатуры можно только пожелать, чтобы, согласно своей прежней практикѣ и рука объ руку съ органами адвокатскихъ корпорацій, сенатъ отринулъ окончательно „казенную мораль“ и посмотрѣлъ на адвокатуру съ точки зрѣнія ея общественныхъ задачъ. Въ одномъ изъ своихъ опредѣленій петербургскій совѣтъ такъ опредѣлилъ задачу адвокатуры: „Судебные уставы,—разсуждаетъ совѣтъ,—при учрежденіи присяжныхъ повѣренныхъ имѣли въ виду не создать корпорацію способныхъ и ловкихъ защитниковъ всякихъ частныхъ интересовъ и пользы своихъ довѣрителей, а среду людей, которые дѣйствовали бы на этомъ поприщѣ въ видахъ правосудія, не защищали бы завѣдомо-безнравственныя домогательства и пользовались бы только законными и честными средствами“ (журналъ 19 февраля 1871 г., приведенный у г. Арсеньева).

IX.

Понятно само собою, что отъ сознанія, адвокатомъ ли, другимъ ли лицомъ, этической обязанности, до неукоснительнаго слѣдованія ей еще очень далеко. Но понятно также само собою, что пока нѣтъ сознанія объ этой обязанности, слѣдовать ей и подавно невозможно. Сознаніе этической обязанности есть уже, такъ сказать, начало исполненія. Но что толку, говорятъ, говорить объ этическихъ идеалахъ адвокатской профессіи, когда осуществленіе ихъ на практикѣ невозможно. На этотъ вопросъ прекрасно отвѣтилъ Кавелинъ въ своихъ „Задачахъ этики". „Многихъ,—говоритъ симпатичный философъ,—смущаетъ и лишаетъ бодрости слѣдовать этическимъ идеаламъ мысль, что они, по ихъ совершенству, недостижимы .Откуда такое отчаяніе? Только вслѣдствіе привычки останавливаться на пассивномъ созерцаніи, неумѣнья переходить отъ мысли къ дѣлу, непониманія дѣйствительныхъ отношеній между идеаломъ и дѣломъ. У нашего простого народа ясный и правильный взглядъ на это отношеніе выразился очень мѣтко въ пословицѣ: глазамъ страшно, а рукамъ не страшно, т.-е. съ виду неосуществимое осуществляется, когда примешься за дѣло. Точно такое же идеальное совершенство и недосягаемую высоту представляютъ и объективные идеалы. Развѣ осуществимы въ дѣйствительности, въ чистомъ видѣ, математическая точка, линія, трехугольникъ, кругъ, алгебраическая, механическая, химическая формула, физическій или біологическій законъ? Правило кодекса развѣ можетъ осуществиться въ дѣйствительной жизни въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно намъ представляется въ книгѣ? Никакая мысль, формула, истина, плодъ умственной дѣятельности и операцій мышленія неосуществимы въ дѣйствительности въ ихъ отвлеченной формѣ. Отвлеченія отъ дѣйствительныхъ явленій указываютъ только условіе и направленіе человѣческой дѣятельности въ ея стремленіи къ той или другой цѣли. Если высота и идеальность механическихъ законовъ не ослабляютъ энергіи и ревности инженера, то мы не видимъ причины, почему возвышенность этическихъ идеаловъ, если они правильны, могли бы отпугивать отъ нихъ и охлаждать къ нимъ людей? Какой добросовѣстный составитель географической карты или

топографическаго чертежа рѣшится увѣрять,—что передалъ съ идеальною точностью данную мѣстность на бумагѣ или доскѣ? То же и съ осуществленіемъ этическихъ идеаловъ: къ нимъ должно приближаться, идеальное ихъ осуществленіе немыслимо; но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что они безполезны или не годятся и не для чего стараться осуществлять ихъ по возможности на дѣлѣ. Въ нравственномъ смыслѣ для каждаго обязательно не достиженіе этическаго совершенства, что не зависитъ отъ людей, а дѣйствительное постоянное добросовѣстное стремленіе его достигнуть" [1]).

Исторія адвокатуры показываетъ, что она тамъ только стояла и стоитъ высоко и честно въ общественнмъ мнѣніи, гдѣ члены адвокатуры поднимались выше формальной, казенной морали и проявляли горячее стремленіе къ достиженію этическихъ идеаловъ своей профессіи. Въ классической древности первое требованіе, предъявляемое къ адвокату, заключалось въ томъ, чтобы онъ былъ vir bonus (т.-е. человѣкомъ честнымъ), а затѣмъ уже слѣдовало другое требованіе: „dicendi peritus". Великій Папиніанъ могъ съ справедливою гордостью дать такую характеристику современной ему адвокатуры: „quae facta laedunt pietatem, existimationem verecundiam nostram et ut generaliter dixerim contra bonos mores fiunt nec facere non posse credendum est".

Ничто такъ не способствовало возвышенію и блеску французской адвокатуры, какъ избраніе девизомъ безкорыстія и честности „si le stile est tout l'homme, la probité est tout l'avocat") и слѣдованіе этому девизу, освященное вѣковыми традиціями.

Англійская адвокатура стоитъ такъ высоко въ общественномъ мнѣніи, что принцы крови считаютъ за честь допущеніе ихъ въ адвокатскую корпорацію. Принцъ Вельскій болѣе 20-ти лѣтъ состоитъ въ званіи старшаго адвоката (bencher) въ Middle Temple'ѣ. Старшій сынъ его принцъ Эдуардъ въ прошломъ году удостоенъ этого званія. Приводя длинный списокъ знаменитыхъ членовъ этой корпораціи, „Times" писалъ по этому поводу: „быть зачисленнымъ въ общество, которое можетъ похвалиться такими именами, составляетъ не малое от-

[1]) Задачи Этики, стр. 75, 76.

личіе даже для старшаго сына принца Вельскаго, внука королевы Викторіи".

Нашей молодой адвокатурѣ далеко до такого завиднаго состоянія. Традицій и прошлаго у нея нѣтъ, или, и того хуже, есть только отрицательныя. Припомнимъ, что еще недавно главный контингентъ адвокатуры составляли дворовые люди или забракованные чиновнички, обложенные „за стряпничество" (sic) адреснымъ сборомъ наравнѣ съ поварами и лакеями ст. 364, 413 Уст. о пасп., т. XIV, изд. 1857). Выше мы приводили отзывъ покойнаго Деппа, рисующій состояніе адвокатуры наканунѣ судебной реформы. Приведемъ еще одно свидѣтельство.

Въ Мертвыхъ душахъ встрѣчаются два мѣста, въ которыхъ съ присущею одному Гоголю мѣткостью и правдою очерчены бытовыя особенности недавней, дореформенной адвокатуры... „Этотъ юрисконсультъ, — говоритъ Гоголь, — былъ опытности необыкновенной. Уже 16 лѣтъ, какъ онъ находился подъ судомъ и такъ умѣлъ распорядиться, что никакимъ образомъ нельзя было отрѣшить его отъ должности. Всѣ знали, что его, за подвиги его, слѣдовало бы 6 разъ послать на поселеніе. Кругомъ и со всѣхъ сторонъ былъ онъ въ подозрѣніяхъ, но никакихъ нельзя было вывести явныхъ и доказательныхъ уликъ. Тутъ было что-то таинственное, и его можно было бы признать колдуномъ, если бы исторія, нами описанная, принадлежала временамъ невѣжества". Колдунъ-законникъ—таковъ одинъ изъ родоначальниковъ русской адвокатуры. А вотъ и другой. Чичиковъ, дважды проворовавшійся на службѣ, очутился безъ мѣста. Что же онъ дѣлаетъ? „Вновь съежился онъ, вновь принялся вести трудную жизнь, вновь ограничилъ себя во всемъ, вновь изъ чистоты и приличнаго положенія опустился въ грязь и низменную жизнь. И въ ожиданіи лучшаго принужденъ былъ даже заняться званіемъ повѣреннаго — званіемъ, не пріобрѣтшимъ у насъ гражданства, толкаемымъ со всѣхъ сторонъ, плохо уважаемымъ мелкою канцелярскою тварью и даже самими довѣрителями, осужденнымъ на пресмыканіе въ передникъ, грубости и пр., но нужда заставила рѣшиться на все". Для характеристики маневровъ этихъ ходатаевъ съ задняго крыльца интересно слѣдующее мѣсто: „Чичиковъ въ качествѣ повѣрен-

наго, прежде всего расположивши всѣхъ (безъ предварительнаго расположенія, какъ извѣстно, не можетъ быть даже взята простая справка или выправка—все хоть по бутылкѣ мадеры придется влить во всякую глотку), а такъ расположивши, объяснялъ онъ“ и пр.

Французская адвокатура въ числѣ древнихъ представителей указываетъ даже такого, который былъ причисленъ къ лику святыхъ (Saint Jves—землякъ Ренана); англійская—Кока, Томаса Мура; на кого можетъ указать русская адвокатура?

Не мудрено, что не только принцы крови, но и простые смертные, съ нѣкоторыми задатками порядочности еще наканунѣ судебной реформы считали для себя унизительнымъ принимать званіе ходатая...

Вотъ каково было наслѣдіе, оставленное дореформенною адвокатурою. Мысль создать на этой почвѣ честную адвокатуру была необыкновенно смѣла. Но развѣ введеніе въ составъ суда присяжныхъ „вчерашняго раба“ не было также, какъ справедливо замѣчаетъ г. Фойницкій, „дерзкимъ шагомъ теоретическаго ума; однако его увѣнчалъ успѣхъ, затмившій опасенія практиковъ [1]).

То же самое нужно сказать и объ адвокатурѣ. Если вы сравните ее съ тѣмъ, чѣмъ она должна быть, остается многаго желать, многаго и очень многаго. Если же вы сравните современное состояніе адвокатуры съ тѣмъ, въ какомъ находилась она всего лѣтъ 30 тому назадъ, и примете во вниманіе, что въ адвокатурѣ все доброе создается не законной регламентаціей, а медленною творческою силою адвокатскихъ корпоративныхъ традицій и обычаевъ, вы будете поражены громадностью сдѣланнаго шага. Сопоставьте съ гоголевскимъ юрисконсультомъ и Чичиковымъ тѣ почтенныя имена, которыя украшали адвокатуру особенно въ первые годы судебной реформы, и дѣятельность коихъ пользуется общимъ уваженіемъ,—и размѣръ достигнутаго успѣха будетъ очевиденъ и поразителенъ...

Такимъ образомъ русской корпоративной адвокатурѣ, выступившей на сцену всего двадцать лѣтъ тому назадъ, въ 1866 году, нельзя было и думать воспользоваться духовнымъ

---

[1]) См. К у р. у г о т. с у д., стр. 449.

наслѣдіемъ своихъ предшественниковъ. Напротивъ, она должна была употреблять всяческія усилія, чтобы заставить всѣхъ, какъ можно скорѣе, забыть объ ихъ гнусныхъ традиціяхъ, чтобы нейтрализовать пагубное вліяніе тѣхъ изъ своихъ сочленовъ, которымъ не чужды были эти традиціи. Молодой адвокатской корпораціи приходилось создавать все сначала; начинать съ азбуки адвокатскаго поведенія и этики; медленно и не безъ тяжкихъ усилій прокладывать тропу, ведущую

. . . на ту высоку гору,
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ,
Гдѣ добродѣтель обитаетъ...

Если колоновожатые не всегда шли впередъ твердо и бодро по этой тропѣ, если въ арріергардѣ встрѣчались отставшіе и спотыкавшіеся, такъ не забудемъ же трудностей этой тернистой тропы, окончательно заросшей сорными травами въ дореформенное время...

Отрадно то, что, благодаря усиліямъ адвокатскихъ корпорацій, мало-по-малу начинаетъ входить въ сознаніе адвокатовъ мысль о лежащихъ на нихъ нравственныхъ обязанностяхъ предъ правосудіемъ и обществомъ. Конечно, отъ сознанія нравственной обязанности до неупустительнаго ея исполненія еще очень далеко. Но сознаніе обязанности, какъ мы уже замѣтили, это первый шагъ, безъ котораго немыслимо дальнѣйшее нравственое развитіе адвокатуры. Серьезный же и прочный прогрессъ въ этомъ направленіи возможенъ только при помощи правильно организованной и твердо поставленной школы, обязательно проходимой молодыми адвокатами. Но это уже вопросъ, выходящій за предѣлы поставленной нами себѣ задачи.

Переписка
Г. А. Джаншіева съ А. Ѳ. Кони
1882—1896 гг.

Милостивый Государь

Анатолій Ѳедоровичъ!

Съ удовольствіемъ,—нѣтъ—мало!—съ истиннымъ наслажденіемъ перечиталъ нѣсколько разъ Ваше интересное, исполненное художественныхъ достоинствъ письмо. Не взыщите, если я буду дѣлать изъ него, безъ церемоній, обширныя заимствованія, равносильныя плагіату. Скорблю много, что мнѣ раньше не довелось лично познакомиться съ однимъ изъ лучшихъ представителей „старой гвардіи“, за дѣятельностью котораго я заочно слѣдилъ съ искреннимъ сочувствіемъ и уваженіемъ. Былъ бы душевно радъ встрѣтиться съ Вами въ одной изъ столицъ.

Примите увѣреніе въ глубокомъ и искреннемъ уваженіи Вашего товарища по университету, гордящагося такимъ родствомъ.

Гр. Джаншіевъ.

Москва,
Іюнь, 3 дня 1882 г.

Милостивый Государь,

Григорій Аветовичъ!

Вернувшись сегодня изъ Смоленска, гдѣ я производилъ ревизію окружнаго суда, я нашелъ у себя Вашу книгу, за присылку которой спѣшу принести Вамъ живѣйшую благодарность. Ваша лестная надпись дѣлаетъ эту книгу для меня, такъ часто подвергающагося грубымъ нападкамъ за мою судебную дѣятельность, особенно дорогою. Мнѣ хотѣлось бы сказать о ней нѣсколько словъ въ „Вѣстникѣ Европы“. Не пришлете ли мнѣ (для возобновленія въ памяти) мое прошлогоднее письмо къ Вамъ съ очеркомъ личности За-

мятнина. Я его немедленно возвращу Вамъ и буду радъ отдать справедливость Вашей чрезвычайно удачной попыткѣ охарактеризовать время, которое для нашего судебнаго міра можно бы назвать временемъ „первой любви".

Теперь одна просьба къ Вамъ. Въ приложеніяхъ къ книгѣ Вашей напечатаны стихи А. Ѳ. К о н и, сказанные Бурдинымъ въ день открытія новыхъ судовъ, въ Петербургѣ. Это стихи н е м о и, а моего отца, извѣстнаго драматическаго писателя и литератора 40-хъ годовъ, Ѳ е д о р а Алексѣевича К о н и, человѣка, который, по своему долголѣтнему житейскому опыту, помнилъ старые суды и съ восторгомъ привѣтствовалъ новые. На обѣдѣ въ клубѣ художниковъ, 17 апрѣля 1866 г., онъ набросалъ эти стихи (сильные по чувству, слабые по формѣ) экспромтомъ и Бурдинъ прочелъ ихъ тутъ же. У меня сохранился до сихъ поръ набросокъ этихъ стиховъ, сдѣланный карандашемъ. Я убѣдительно просилъ бы Васъ, многоуважаемый Григорій Аветовичъ, разъяснить эту опечатку или невольную ошибку—въ печати, въ „Русск. Вѣд.", если возможно, въ формѣ, напр., письма Вашего къ редактору. Я не хотѣлъ бы, чтобы мнѣ присвоивали вещь, мнѣ не принадлежащую, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, трогательную въ устахъ человѣка, привѣтствовавшаго такъ горячо реформу, вступая въ с е д ь м о й д е с я т о к ъ своей жизни. Надѣюсь, что Вы не откажете въ моей просьбѣ; буду ждать Вашего отвѣта.

Глубоко Васъ уважающій

А. К о н и.

С.-Петербургъ,
Апрѣль, 18 дня, 1883 г.

— — —

Милостивый Государь

Анатолій Ѳедоровичъ!

Я съ величайшимъ удовольствіемъ готовъ исправить допущенную мною ошибку. Печатать письмо въ „Русскихъ Вѣдом." считаю неудобнымъ, такъ какъ газета эта почти вовсе неизвѣства Петербургу. Присылаю Вамъ самое письмо и предоставляю Вамъ послать по Вашему усмотрѣнію въ „Судебную Газету", „Новости" или другое изданіе.

Прилагаю при семъ Ваши письма, которыя по миновании надобности покорнѣйше прошу прислать обратно.—Какъ Вы

убѣдитесь, я черпалъ весьма обильно изъ Вашихъ писемъ свѣдѣнія для характеристики личности Д. Н. Замятнина. И если характеристика вышла удачна, то я этимъ обязанъ Вамъ, многоуважаемый Анатолій Ѳедоровичъ, за что и приношу Вамъ искреннюю благодарность. Если я не рѣшился сдѣлать это публично, то мною руководили мотивы, о которыхъ Вы легко догадаетесь.

Мнѣ было бы весьма пріятно, если бы Вы удостоили мою книжку Вашимъ отзывомъ.

Крайне сожалѣю, что былъ лишенъ удовольствія лично видѣть Васъ въ бытность мою въ Петербургѣ. Я бы Вамъ разсказалъ интересную страницу изъ исторіи современной цензуры. Вы не можете себѣ представить, сколькихъ издержекъ и хлопотъ стоило мнѣ печатаніе моей книжки. Сначала я предполагалъ выпустить въ форматѣ „Русс. Мысли“. Но цензоръ Назаревскій (сотрудникъ „Моск. Вѣд.“) не пропустилъ книгу и она была уничтожена. Тогда я напечаталъ второе изданіе— въ другомъ форматѣ, и чтобы довести до законнаго минимума безцензурныхъ изданій, я долженъ былъ сдѣлать приложенія. Изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ извлеченія изъ „Моск. Вѣд.“, которыя появляются весьма кстати, кажется.

Благодарю Васъ отъ души за поощреніе и содѣйствіе.

Гр. Джаншіевъ.

1883 г

Милостивый Государь,

Многоуважаемый

Анатолій Ѳедоровичъ!

Позвольте мнѣ въ качествѣ скромнаго, но усерднаго почитателя судебной реформы привѣтствовать Васъ по поводу Вашего новаго назначенія [1]). Восточная поговорка гласитъ: рыба начинаетъ гнить съ головы. Зловѣщіе признаки справедливости этого наблюденія въ послѣднее время стали замѣчаться и у насъ. Уповаю, и увѣренъ, что это упованіе раздѣляютъ всѣ друзья судебной реформы, что Вы будете напоминать

---

[1]) Оберъ-Прокуроромъ Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента.

Сенату объ его добрыхъ традиціяхъ временъ Буцковскаго, Ковалевскаго, и при Вашемъ плодотворномъ содѣйствіи Сенатъ снова станетъ на стражу основныхъ началъ Судебныхъ Уставовъ.

Примите увѣреніе въ глубокомъ моемъ уваженіи и совершенной преданности.

Гр. Джаншіевъ.

Тифлисъ,
Февраль, 10 дня 1885

Милостивый Государь,
Григорій Аветовичъ!

Сердечно благодаренъ Вамъ за Ваши сочувственныя строки и за упованія, въ нихъ заключенныя. Постараюсь ихъ осуществить по мѣрѣ силъ, слѣдуя выраженію Де-Местра „l'homme doit agir comme s'il pouvait tout—et se résigner comme s'il ne pouvait rien"... т.-е. не уставая и не впадая въ уныніе, несмотря на разныя неожиданныя терніи, которыя меня встрѣтили на первыхъ же шагахъ новой, многотрудной дѣятельности, которая притомъ навсегда оторвала меня отъ осуществленія моей старой мечты—служить на югѣ, гдѣ сіяетъ солнце, а не разостлана надъ головами, вмѣсто неба, сѣрая, мокрая солдатскаго сукна шинель... Я еще въ долгу передъ Вами отвѣтомъ на послѣднее письмо Ваше. Когда немного оглядѣюсь на работѣ,—отвѣчу и на него. Теперь же я совсѣмъ погрязъ въ дѣлѣ Скопинскаго банка.

Искренно преданный Вамъ

А. Кони.

P. S. Съ восточною поговоркою вполнѣ согласенъ. Только нахожу, что она приложима не къ однимъ учрежденіямъ, Вами любимымъ, но и къ большему ихъ числу, насъ окружающему.

Февраль, 26 дня 1885 г.

Многоуважаемый
Анатолій Ѳедоровичъ!

Я прочелъ Вашу статью о Кавелинѣ съ тѣмъ вниманіемъ, котораго заслуживаетъ произведеніе Вашего пера. Скажу, безъ лести и преувеличенія, что я давно не читалъ ничего въ такомъ родѣ. Я не забуду никогда впечатлѣнія, произведеннаго

„Vita Agricolae“ Тацита. Статья Ваша мѣстами напомнила мнѣ эту vitam—по содержанію.

Что касается стиля, то Вы, по всей справедливости, можете быть названы русскимъ Ренаномъ.

Сегодня былъ у Зарудnаго, который меня сильно заинтересовалъ. Хотѣлось сегодня вечеромъ передать Вамъ содержаніе нашей бесѣды, но Муромцевъ мнѣ сказалъ, что сегодня вашъ jour fixe. Очень Вамъ благодаренъ за открытіе пути къ Зарудному. У него масса любопытныхъ свѣдѣній, но мнѣ кажется онъ увлекается.

Глубокоуважающій Васъ—душевно преданный

Декабрь, 4 дня 1885 г. _____ Гр. Джаншіевъ.

Многоуважаемый

Григорій Аветовичъ!

Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ была помѣщена телеграмма по д. Назарова съ престранною фразою: „Не забудьте мельника“, приписанною мнѣ и возбуждающею во многихъ крайнее недоумѣніе [1]). Я не спѣшилъ поясненіемъ ея, несмотря на письма изъ Москвы, ожидая, что въ московскихъ газетахъ появится стенографическій отчетъ о дѣлѣ и тогда выяснится, что именно мною было сказано. Но такого отчета нѣтъ и, вѣроятно, не будетъ. Поэтому позвольте переслать Вамъ вырѣзку изъ той части моей рѣчи, гдѣ говорилось о злополучномъ мельникѣ (вся рѣчь напечатана въ „Новомъ Времени“, за 5-е, 6-е и 8-е февраля), на тотъ конецъ, что, быть можетъ, Вы признаете полезнымъ сказать нѣсколько разъяснительныхъ словъ въ „Русск. Вѣдом.“, согласно дѣйствительному тексту того, что было мною выражено. Жаль, что по этому дѣлу не было никакой замѣтки: оно затрогиваетъ интересные вопросы.

Пожалуйста не судите мою рѣчь по безчисленнымъ и безсмысленнымъ отчетамъ.

Искренно преданный Вамъ

Каравайная, 20.
Февраль, 8 дня 1887 г. _____ А. Кони.

---

[1]) Ссылки или подпись въ старомъ Венеціанскомъ трибуналѣ: „ricozdotevi del povero fornaro“—вспоминаніе о бѣдномъ мельникѣ—невинно осужденномъ.

Многоуважаемый

Анатолій Ѳедоровичъ!

Прежде всего позвольте принести Вамъ свою искреннюю признательность за присланныя Вами цѣнные подарки, которыми я пользуюсь по мѣрѣ умѣнья. Съ большимъ интересомъ прочелъ Вашу послѣднюю записку (о времени произнесенія заключенія оберъ-прокурора), хотя съ нѣкоторыми изъ Вашихъ положеній, какъ Вы изволите усмотрѣть изъ „Русск. Вѣдом.“, несогласенъ.

Отчетъ по дѣлу Назарова печатался во время моего отсутствія. Я постараюсь склонить редакцію перепечатать отчетъ изъ „Новаго Времени“. Вопросовъ по дѣлу, дѣйствительно, возникаетъ масса. Нѣкоторыми изъ нихъ я думаю заняться. А если бы Вы соблаговолили, уважаемый Анатолій Ѳедоровичъ, помочь мнѣ Вашимъ богатымъ опытомъ и обширною эрудиціею. Вѣдь, я почти одинъ въ неравной борьбѣ съ врагами новаго суда. Само собою разумѣется, что наша редакція съ удовольствіемъ приняла бы все, что, угодно бы было Вамъ, черезъ меня, по поводу ли означеннаго дѣла, или другому случаю, прислать намъ.

Искренно преданный Вамъ и глубокоуважающій

Гр. Джаншіевъ.

Февраль, 11 дня 1887 г.

Глубокоуважаемый

Анатолій Ѳедоровичъ!

Приношу Вамъ искреннѣйшую благодарность за Вашъ дорогой и цѣнный подарокъ. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ Вашей книги [1]), но то, что я получилъ, превзошло всѣ мои ожиданія. Съ Вашими резюмэ и сенатскими заключеніями я давно знакомъ и давно привыкъ къ ихъ прелестямъ. Для меня почти новостью были Ваши обвинительныя рѣчи, изъ которыхъ я нѣкоторыхъ вовсе не читалъ, зане... во время произнесенія ихъ я зубрилъ латинскій синтаксисъ, а другія читалъ въ то время, когда не могъ вполнѣ оцѣнить ихъ изящную простоту

---

[1]) Судебныя рѣчи, изд. 1888 г.

и психологическую глубину. Съ какимъ удовольствіемъ читаю я теперь рѣчь Вашу по дѣлу объ убійствѣ Чихачева. Какое это интересное и назидательное чтеніе!

Какъ кстати появляется теперь Ваша книга; будемъ надѣяться, что она внесетъ свѣжую струю въ наше обветшавшее судебное краснорѣчіе, которое стало перерождаться въ трескучую фразеологію. Если этотъ недостатокъ непріятно поражаетъ въ защитникѣ, то вдвойнѣ непріятенъ въ обвинителѣ, который долженъ помнить, „что негуманно пользоваться для погубленія человѣка средствами, изобрѣтенными ради его спасанія". (Cic. de offic. II, 14).

Я убѣжденъ, что даже наши равнодушные юристы обратятъ вниманіе на Вашу книгу.

А теперь позвольте обратить Ваше гуманное и просвѣщенное вниманіе на одно дѣло, которое, вѣроятно, на-дняхъ поступило въ угол. касс. деп. изъ тифлисской судебной палаты. Это—дѣло о четырехъ „оглы" (кажется, Магерамъ-Нуръ-Мамедъ-Оглы etc), обвиняемыхъ въ убійствѣ. Дѣло, кажется, очень темное!

Крѣпко жму Вашу руку и еще разъ благодарю за подарокъ.

Искренно преданный Вамъ

Гр. Джаншіевъ.

Москва,
Февраль, 28 дня 1888 г.

P. S. Свой докладъ въ Юридич. Общ. я собираюсь напечатать въ „Русской Мысли".

Глубокоуважаемый

Григорій Аветовичъ!

Спѣшу принести Вамъ мою искреннюю признательность за Вашу книгу. Я послѣдовалъ Вашему примѣру, и, въ виду того, что никто у насъ въ Петербургѣ не помянулъ добрымъ словомъ первыхъ дней судебной реформы, сказалъ въ годовомъ собраніи Общества, придравшись къ новой книгѣ „Le Palais de Justice" кое-какіе отрывки изъ моихъ воспоминаній, въ которыхъ, во многомъ, сошелся съ Вами. Рѣчь

моя будетъ напечатана въ книжкахъ „Недѣли", и я немедленно вышлю Вамъ отдѣльный оттискъ.

Сегодня я получилъ письмо С. А. Муромцева объ избраніи меня въ почетные члены Моск. Юридическаго Общества. Нечего говорить, какъ я тронутъ этимъ избраніемъ и такимъ блестящимъ признаніемъ моей, хотя и слабой, но по мѣрѣ силъ вѣрной службы судебному дѣлу. Предполагаю, и даже увѣренъ, что въ этомъ избраніи и Вашего „есть капля меду", и пользуюсь случаемъ, чтобы поблагодарить Васъ за всегдашнее доброе ко мнѣ отношеніе.

Желаю Вамъ здоровья и успѣха въ дѣлахъ и трудахъ.

Вашъ преданный

А. Кони.

Февраль, 26 дня 1892 г. _____

Глубокоуважаемый

Анатолій Ѳедоровичъ!

Съ большимъ нетерпѣніемъ жду появленія Вашей рѣчи въ книжкахъ „Недѣли" и заранѣе ей, т.-е. Вашей рѣчи рукоплескаю. Вы больше, чѣмъ кто-нибудь знаете, какъ много я обязанъ Вамъ при составленіи своихъ этюдовъ по судебной реформѣ. Оставляя въ сторонѣ мелкое авторское самолюбіе, я отлично сознаю, какъ они далеки отъ того, чѣмъ они должны быть. Ихъ небольшой успѣхъ я всецѣло объясняю поговоркою: на безрыбьи etc... Поэтому Вы поймете, съ какимъ нетерпѣніемъ я жду появленія настоящей красной рыбы! Особенно буду радъ, если Ваше произведеніе появится Великимъ постомъ. Въ такомъ случаѣ, быть можетъ, я бы кое-чѣмъ воспользовался для подготовляемаго мною второго изданія книги моей „Изъ эпохи великихъ реформъ", разошедшейся въ три недѣли.

С. А. Муромцевъ, вѣроятно, уже сообщалъ Вамъ подробности Вашего избранія (я не поздравляю Васъ, потому что по совѣсти думаю, что скорѣе нужно поздравлять Юридич. Общ., нежели Васъ). Не знаю, сообщилъ ли онъ Вамъ, или нѣтъ, одну подробность. Изъ общаго числа 36 шаровъ 1 оказался чернымъ. По правдѣ сказать, это обстоятельство еще

болѣе подтвердило блистательность избранія, такъ какъ этотъ unicus оказался въ положеніи advocatus diaboli, безъ котораго не обходилась канонизація. Жалѣю только объ одномъ, что я не участвовалъ въ составленіи письменнаго предложенія, которое вышло нѣсколько блѣдно. Но въ протоколѣ, вѣроятно, это сгладится, такъ какъ, должно быть, занесется сущность произнесенныхъ рѣчей.

Теперь будемъ ждать, что Вы порадуете насъ когда-нибудь и своимъ присутствіемъ въ засѣданіи Юридич. Общества.

Душевно преданный Вамъ

Гр. Джаншіевъ.

Съ истиннымъ удовольствіемъ прочелъ, глубокоуважаемый Анатолій Ѳедоровичъ, Ваше послѣднее прекрасное ораторское произведеніе. Безъ преувеличенія можно сказать, Вы создали совершенно новый жанръ судебнаго краснорѣчія, котораго не только у Вашихъ предмѣстниковъ, но и въ другихъ странахъ напрасно бы искать. Это страстная рѣчь въ пользу безпристрастія, напоминающая резюмэ англійскихъ президентовъ, + литературныя достоинства.

Сенатскій отчетъ получилъ, и очень Вамъ благодаренъ за высылку.

Въ заключеніе позвольте обратиться къ Вамъ съ небольшою просьбою. Мнѣ бы хотѣлось имѣть послужный списокъ Ровинскаго. Если возможно, прикажите пожалуйста переписать.

Съ глубокимъ уваженіемъ и преданностью

Гр. Джаншіевъ.

P. S. Представьте себѣ, 4-е изданіе моей книги тоже разошлось.

Спасибо, большое Вамъ спасибо, глубокоуважаемый Анатолій Ѳедоровичъ, за Ваше честное и мужественное слово по дѣлу Протопопова. У насъ это—событіе дня, вызывающее

общее вниманіе и сочувствіе. Вы дали блестящее удовлетвореніе общественному правосознанію, столь возмущенному.

Исполать Вамъ, добрый витязь закона.

Душевно преданный

Гр. Джаншіевъ.

Мартъ, 1893 г.

Многоуважаемый

Григорій Аветовичъ!

Только-что поднявшись съ одра болѣзни (у меня былъ плевритъ), берусь за перо, чтобы поблагодарить Васъ за привѣтствіе по поводу дѣла Протопопова. Оно мнѣ очень дорого. Здѣсь вѣдь приходится дѣйствовать въ одиночку и безъ всякой нравственной поддержки. Съ удовольствіемъ прочелъ Вашу статью о незабвенномъ Викторѣ Антоновичѣ Арцимовичѣ. Мы сошлись въ оцѣнкѣ его личности. Что пишутъ у Васъ, въ „Р. В.“, о коммиссіи Безроднаго! Ея вовсе не существуетъ. Бродятъ лишь идеи Безроднаго, встрѣчающія, къ несчастью, сочувствіе. Но нарождается какая-то новая коммиссія о преобразованіи кассаціоннаго производства подъ предсѣдательствомъ Стояновскаго. Размѣръ и смыслъ ея задачъ покуда неизвѣстенъ. Кодификаціонный отдѣлъ упраздняется и переходитъ въ Государственную Канцелярію. Это фактъ.

Преданный Вамъ

А. Кони.

Мартъ, 19 дня 1893 г.

Многоуважаемый

Григорій Аветовичъ!

То, что Вы сообщили мнѣ въ письмѣ Вашемъ, къ несчастью, доходило до меня изъ разныхъ источниковъ. Увы! паденіе идетъ неудержимо при дружномъ содѣйствіи общественнаго равнодушія, отсутствіи нравственной поддержки и матеріальнаго обезпеченія. По дѣлу Карабегова мы еще не получила кассаціонной жалобы. Книгу его я видѣлъ; она написана запальчиво, но нѣкоторыя ея части опираются на наши же рѣшенія, напр., по дѣлу Карганова.

На-дняхъ Вы прочтете отчетъ по дѣлу Жилы, гдѣ я вынужденъ былъ требовать передачи неправосудныхъ дѣйствій нѣжинскаго окружнаго суда, на разсмотрѣніе Соединеннаго Присутствія. Надѣюсь, что „Р. В.“ перепечатаютъ его. Это—газета, единственная въ своемъ родѣ на Руси, и мнѣ больно иногда видѣть, что на ея уважаемыхъ страницахъ помѣщаются пустые судебные отчеты о заурядныхъ дѣлахъ и не печатаются отчеты, гдѣ содержится сенатское quos ego!“, столь трудно иногда достигаемое и предназначенное служить для нравственной дезинфекціи судебной атмосферы.

Дружески жму Вашу руку.

Преданный Вамъ

А. Кони.

Извѣстное Вамъ совѣщаніе по проекту кассаціонныхъ измѣненій въ настоящее время ничѣмъ опаснымъ не грозитъ.

Павловскъ
Май, 22 дня 1893 г. _____

Глубокоуважаемый

Анатолій Ѳедоровичъ!

Очень Вамъ благодаренъ за послужной списокъ Ровинскаго.

Рѣчь Ваша по дѣлу Аристова [1]) превосходна. Пробовалъ сократить,—ничего не выходитъ, потому что она вся, въ цѣломъ, и интересна, и поучительна. Стараюсь добиться, чтобы она появилась цѣликомъ, и надѣюсь успѣть.

Вотъ невѣроятное извѣстіе: въ Казани изъятъ изъ обращенія № газеты, гдѣ былъ напечатанъ возмутительный приговоръ по дѣлу Панфилова, исключительно вызванный, знаю за вѣрное, личными отношеніями.

Преданный Вамъ

Гр. Джаншіевъ.

Декабрь 3 дня 1893 г. _____

[1]) По обвиненію издателя-редактора „Гражданина“ въ оскорбленіи въ печати Семирѣченскаго губернатора.

Многоуважаемый

Григорій Аветовичъ!

Получили ли Вы формуляръ Ровинскаго? Нашъ бѣдный старикъ сталъ хирѣть и блѣднѣть, и, пожалуй, скоро Вамъ придется воспользоваться присланнымъ мною формуляромъ. Въ пользу Лазарева я сдѣлалъ все, что отъ меня зависѣло, хотя, быть можетъ, ничего и не вышло (я не слѣдилъ за приказами), ибо ходатайство было предъявлено въ тотъ моментъ, когда центральное управленіе М. Ю. походило на тонущій корабль, съ котораго спасаются вплавь крысы... Вмѣсто моего формуляра (онъ тоже, вѣроятно, скоро понадобится: очень у меня болитъ все время сердце, а примѣры Бѣлостоцкаго и Гайдебурова предъ глазами), я пришлю Вамъ краткій curriculum vitae. Дѣло казанскаго полиціймейстера Панфилова пришлось проводить въ Сенатѣ съ величайшимъ напряженіемъ. Исторія его—цѣлая эпопея, подробности которой разскажу Вамъ при свиданіи. Все-таки мы отмѣнили палатскій приговоръ (оправдательный) и сдѣлали Панфилову строгій выговоръ со внесеніемъ въ формуляръ. Дѣло въ принципѣ, а не въ строгости наказанія, хотя, въ данномъ случаѣ, я лично на сторонѣ болѣе строгаго взысканія. По этому дѣлу было сдѣлано по главному управленію печати распоряженіе о непечатаніи отчета въ газетахъ. Вотъ какъ примѣняются у насъ правила о печатаніи судебныхъ рѣшеній! Куда думали Вы двинуться весной? Не встрѣтимся ли? Я предполагаю поѣхать раннею весною въ Сѣверную Италію и на Ривьеру.

Искренно Вамъ преданный

А. Кони.

P. S. Читали ли Вы заключеніе по дѣлу Кедрова? [1]) Я, право, не понимаю „Русск. Вѣд.“! Неужели пустые отчеты о грабежахъ и растратахъ могутъ быть важнѣе для общества, чѣмъ дѣло, въ которомъ затронутъ и разрѣшенъ, въ духѣ истиннаго правосудія и вопреки современному попятному движенію въ процессѣ, одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ судебной этики?

Воскресенскій просп. 17,
Февраль 19 дня 1894 г.

---

[1]) По вопросу о тайнѣ исповѣди.

Глубокоуважаемый

Анатолій Ѳедоровичъ!

Читалъ Ваше послѣднее по-истинѣ великолѣпное заключеніе но, къ сожалѣнію, напечатать его оказалось невозможнымъ. Главная причина—маленькій объемъ газеты. Въ редакціи признали, что и по содержанію это послѣднее заключеніе, въ отличіе отъ двухъ предыдущихъ, имѣетъ больше юридическій, нежели публицистическій интересъ. Пришлось сдаться, скрѣпя сердце и утѣшиться вторичнымъ прочтеніемъ присланной Вами брошюры, за которую очень Вамъ благодаренъ.

Благодарю Васъ также и за формуляръ Ровинскаго, но протестую отъ всей души противъ Вашихъ черныхъ мыслей. Вамъ ли думать покинуть Вашъ видный и завидный постъ, когда Вашъ талантъ достигъ неподражаемой зрѣлости и сочности, когда къ Вашему авторитетному голосу прилсушивается Сенатъ и всѣ, въ комъ еще не окончательно заглохли человѣческія чувства...

Предположенной поѣздкѣ Вашей очень радуюсь. Во Флоренціи, вѣроятно, встрѣтитесь съ др. Бѣлоголовымъ, который въ апрѣлѣ думалъ тамъ посѣтить семью декабриста Поджіо. Я, къ сожалѣнію, буду далекъ отъ Васъ и буду жить подъ Москвою. Теперь я готовлюсь къ публичной лекціи объ Унковскомъ; лѣтомъ буду подготовлять пятое изданіе моей книги, которое я почти уже запродалъ цѣликомъ одной фирмѣ.

Кстати объ Унковскомъ. Не сообщите ли вы что-нибудь изъ Вашихъ воспоминаній о немъ? Я никогда не забуду, какую огромную услугу оказали Вы мнѣ Вашими мѣткими замѣчаніями объ Замятнинѣ. Я увѣренъ, что такую же пользу принесутъ и Ваши впечатлѣнія отъ Унковскаго.

Крѣпко жму вашу руку.

Гр. Джаншіевъ.

Сивц. Враж. 29,
Февраль, 24 дня 1894 г.

Глубокоуважаемый

Григорій Аветовичъ!

Вы просили меня выслать Вамъ копію съ моего формуляра, но она была бы очень велика и громоздка, и я предпочелъ начертать Вамъ нѣчто въ родѣ мотивированнаго формуляра, съ приложеніемъ списка моихъ печатныхъ (увы!—немногихъ и слабыхъ) трудовъ. Пишу Вамъ изъ Curanstalt'a, куда перебрался по совѣту Эрба, послѣ совершенно неудачнаго пребыванія въ Италіи, чтобы хоть немного дисциплинировать свои нервы и совершенно выбившееся изъ рукъ сердце. Чувствую, что „пора закрыть лавочку“ и вернуться на курульное кресло. Сдѣлалъ бы это сейчасъ, несмотря на убѣдительныя просьбы Н. В. Муравьева, но смущаетъ меня то, что я мало вижу людей, которымъ могъ бы передать руль, который худо ли, хорошо ли девять лѣтъ держалъ въ рукахъ... Роль уголовнаго касс. оберъ-прокурора очень напоминаетъ роль третьяго сословія по Сійесу: „что такое tiers etat?“—„rien!“—„qu'est ce qu'il doit être?“—„tout!“. Какая тягостная бѣдность въ людяхъ! Съ большимъ интересомъ отношусь я къ коммиссіи по Суд. Уставамъ. Составъ довольно пестрый и мало надежный, но въ добрыхъ намѣреніяхъ нѣкоторыхъ—сомнѣнія быть не можетъ. Я собралъ въ Италіи и въ Германіи интересныя матеріалы о новомъ (взаимно противуположномъ) движеніи въ законодательствѣ уголовномъ, и думаю сдѣлать объ этомъ рефератъ въ Петербургскомъ Юридическомъ Обществѣ.

Чѣмъ-то Вы подарите насъ въ будущемъ учебно-трудовомъ году? Кого изъ „отцовъ церкви“ помянете? Увѣренъ, что, по возвращеніи, найду въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ статью по поводу предстоящаго 13 іюня юбилея Ровинскаго. Ахъ, эти „Р. В.“,—очень я на нихъ въ обидѣ! Не перепечатываютъ онѣ серьезнѣйшихъ бытовыхъ и юридическихъ заключеній, а печатаютъ обо всякой дряни, разбираемой гдѣ-нибудь въ Рузѣ или Волоколамскѣ. Точно газета издается не для Россіи, а лишь для Великаго Княжества Московскаго! Вотъ по возвращеніи мнѣ предстоитъ дать серьезнѣйшее заключеніе (которое заранѣе уже встрѣчаетъ большую оппозицію) по во-

просу о томъ, есть ли раскольничій бракъ по закону 1874 г.—бракъ или простое блудное сожитіе, регистрируемое полиціею. Представьте, кажется, въ Сенатѣ многіе склонны видѣть второе! Но „Р. В.“ опять „не найдутъ мѣста“ и для этого вопроса, касающагося 12 милл. населенія, а напечатаютъ отчетъ объ ограбленіи узелка съ пряниками у бабы, шедшей изъ бани... Будьте здоровы и бодры. Дружески жму Вашу руку.

Искренно Вамъ преданный

А. Кони.

Во Флоренціи я встрѣтился съ симпатичнѣйшимъ Бѣлоголовымъ, который осенью собирается перебраться въ Москву. У насъ здѣсь очень холодная погода,—чуть не топимъ!

Интереснѣйшее зрѣлище представляетъ современная Италія. Страна стоитъ на краю гибели или какого-нибудь ужаснаго переворота съ точки зрѣнія экономической,—но сколько жизненныхъ силъ у этого народа! Какъ воспріимчивъ онъ ко всему хорошему! Какъ „культуренъ“ сравнительно со своими союзниками...

Визбаденъ,
Іюнь, 4 дня 1894 г.

Глубокоуважаемый

Анатолій Ѳедоровичъ!

Письмо Ваше я получилъ въ деревнѣ, гдѣ я въ настоящее время сижу надъ составленіемъ книжки объ Унковскомъ и разработкою 5-го изданія „Эпохи реформъ“. Если книги пройдутъ благополучно Сциллу и Харибду московской и петербургской цензуръ, то буду имѣть удовольствіе въ іюлѣ прислать обѣ книги, изъ коихъ одна—„Эпоха реформъ“—уже на корню запродана въ количествѣ 2000 экз.

Мысль о томъ, что Вы намѣреваетесь покинуть Вашъ важный постъ, значеніе котораго Вы довели до безпримѣрнаго подъема, прочелъ я съ ужасомъ. На кого же Вы покинете Сенатъ? Напомню дѣла Кукуніанца, о которомъ сообщалъ Журн. Юрид. Общ., или послѣднее—Карабегова. Я его совсѣмъ не знаю и книги его, къ стыду своему, еще не читалъ, но, судя по отчету Суд. Газеты, рѣшеніе Сената явно натянуто. Публицисты-крѣпостники въ грязь топчутъ все судеб-

ное вѣдомство безнаказанно, а тутъ вдругъ обидѣлась Палата. Нѣтъ, въ такое время Вы не покинете Вашъ отвѣтственный постъ,—это было бы, sit venia verbo, недостойнымъ Васъ малодушіемъ.

О важности Вашего участія въ Коммиссіи 7-го апрѣля распространяться нечего. Въ ней все такъ неопредѣленно, расплывчато, ненадежно, что человѣкъ съ Вашими убѣжденіями и характеромъ былъ бы незамѣнимъ. Я очень обрадовался приглашеніемъ въ Коммиссію Володимірова. Конечно, не Богъ знаетъ, что за величина въ научномъ смыслѣ, но въ убѣжденіяхъ, кажется, твердъ. Вообще же отъ Коммиссіи я не жду чего-нибудь крупнаго и цѣльнаго—par le temps qui court.

Искренно преданный Вамъ

Гр. Джаншіевъ.

С. Дарьино
Іюнь, 20 дня 1894 г.

Посылаю Вамъ, многоуважаемый Григорій Аветовичъ,—довольно интересный документъ, въ которомъ я отмѣтилъ, что принадлежитъ перу Н. С. Таганцева и что моему. Поздравляю Васъ съ вполнѣ заслуженнымъ, но тѣмъ не менѣе рѣдкимъ для ученаго сочиненія успѣхомъ Вашей книги. Очевидно, что она отзывается на живыя потребности общества. Я былъ въ Москвѣ всего одинъ день и никого не успѣлъ посѣтить, простудившись дорогою, и перейдя отъ 33 град. жары въ Одессѣ къ „зимѣ, окрашенной въ зеленую краску“, въ Москвѣ. Жалѣю, что не могъ пожать Вашу неутомимую руку.

Вамъ преданный

А. Кони.

С.-Петербургъ.
Августъ, 30 дня 1894 г.

Глубокоуважаемый

Григорій Аветовичъ!

Вчера получилъ я Вашего „Унковскаго“ и спѣшу сердечно поблагодарить Васъ за наслажденіе, доставленное мнѣ этимъ новымъ „житіемъ“, проникнутымъ исключительною

теплотою и свободою мысли и слова, и рисующимъ честнаго общественнаго дѣятеля яркими красками. Вы закрѣпляете въ общественномъ сознаніи память о добрыхъ радѣтеляхъ житейской нивы, и, несомнѣнно, ободряете всѣ юныя сердца, которымъ придется прислушаться къ Вашему повѣствованію. Въ нашемъ жалкомъ обществѣ — мало „творить“, надо еще и упорно „напоминать“. Недаромъ Пушкинъ сказалъ, что мы „лѣнивы и нелюбопытны“... Еще разъ очень благодарю Васъ за присылку этой прелестной книги. И какъ трогательно то, что Ваши труды издаются „съ благотворительною цѣлью“. Вы заставляете честныхъ дѣятелей и труженниковъ и послѣ смерти дѣлать добро!

„Великія реформы“ я тоже получилъ. Да! много думается теперь надъ предстоящею работою по уставамъ. Многое, конечно, будетъ зависѣть отъ состава коммиссіи и отъ приглашенныхъ „свѣдущихъ“ людей. Въ октябрѣ, вѣроятно, уже выяснятся общія начала.

Душевно Вамъ преданный

А. Кони.

Сентябрь, 17 дня 1894 г.

Только-что получилъ послѣдній № „Жур. Мин. Юст.“, отъ котораго не могу оторваться. Исполать Вамъ, глубокоуважаемый Анатолій Ѳедоровичъ, за послѣднее Ваше „сообщеніе“ о судѣ присяжныхъ. Давно уже ничего не приходилось читать съ такимъ отраднымъ чувствомъ. Стосковавшаяся, близкая къ отчаянію душа, начинаетъ окрыляться надеждами. Спасибо, большое Вамъ спасибо за Ваше и прекрасное слово, и славное дѣло!

Душевно преданный

Гр. Джаншіевъ.

Февраль, 16 дня 1895 г.

Очень Вамъ благодаренъ, глубокоуважаемый Анатолій Ѳедоровичъ, за сообщенныя свѣдѣнія, которыми я не премину воспользоваться. Просто утѣшительно за судъ присяжныхъ, читая статью Д. Если враги его ничего болѣе умнаго и дѣль-

наго не могли сказать противъ него, это сильно поднимаетъ его авторитетъ. Неказиста роль advocatus'a diaboli, но вольному воля, и если Д. нравится эта роль, туда ему и дорога.

Какъ это до сихъ поръ К. К. (Арсеньевъ) не собрался, со свойственнымъ ему спокойствіемъ, силою и логикою, отдѣлать этого господина? Съ 1-го іюля я выступилъ въ походъ противъ него. Не знаю, что выйдетъ. „Р. В." мало получаются въ Петербургѣ, но если Вы укажете, я пошлю №№ лицамъ, могущимъ заинтересоваться этою полемикою.

Статью мою о Ровинскомъ Вы, вѣроятно, получили. Всѣ мои свѣдѣнія извлечены изъ бумагъ или воспроизведены по догадкѣ. Лично я мало зналъ Д. А., но очень цѣнилъ его живость, любознательность и трудолюбіе. Что касается гражданской доблести, то она у него въ послѣдніе годы, подъ вліяніемъ археологіи, нѣсколько потускнѣла.

Если Вы сообщите мнѣ два-три шриха, которые желательно бы подчеркнуть въ его біографіи, то я успѣю еще воспользоваться для новаго изданія своей книги. Думаю приложить и портретъ его. Не имѣется ли у Васъ хорошаго портрета его? Напечатанный въ „Новомъ Врем." никуда не годится. Кстати, что за личность сенаторъ Шумахеръ? По поводу 25-тилѣтія городского самоуправленія мнѣ придется упоминать о немъ и не хотѣлось бы впасть въ грубую ошибку. Бѣдному Бѣлоголовому все хуже и хуже. Надежды его на лѣто не оправдались.

Крѣпко жму Вашу руку.

Преданный Вамъ

Гр. Джаншіевъ.

Глубокоуважаемый

Григорій Аветовичъ!

Спѣшу отвѣтить Вамъ по пунктамъ: 1) портрета Ровинскаго у меня нѣтъ, но осенью постараюсь достать его у Рѣпинскаго; 2) біографія Ваша вполнѣ полна для лица, не знавшаго Ровинского близко и лично; если будетъ время, я тоже напишу о немъ по просьбѣ Стасюлевича,—я вѣдь былъ его секретаремъ во время его прокурорства въ Москвѣ (Вы только

ошибочно говорите, что онъ былъ при введеніи реформы вторымъ предсѣдателемъ департамента Палаты—онъ былъ назначенъ прокуроромъ Судебной Палаты и былъ имъ до 68 г.); 3) сенаторъ Шумахеръ — отецъ стараго Городового Положенія и главный осуществитель его на практикѣ, при управленіи въ теченіе 18 л. Хозяйств. Деп. М. В. Д.; человѣкъ высокой честности, непоколебимыхъ убѣжденій, ближайшій сотрудникъ, поддержка и послѣдователь В. А. Арцимовича, главный представитель законности въ 1-мъ Департаментѣ; глубоко и разносторонне образованный, добрый, но, къ сожалѣнію, немного слабый характеромъ человѣкъ. Для активной дѣловой борьбы нѣсколько старъ и слабъ, но отсиживаться въ гарнизонѣ со всевозможными лишеніями умѣетъ отлично. Если не всегда delicium, то всегда decus Сената. А это много! 4) Я намѣренъ заключить мой отчетъ о ревизіи указаніемъ на полезную цѣлесообразность присяжныхъ для Сѣвернаго Кавказа.

Дружески жму Вашу руку.

Искренно преданный

А. Кони.

Іюль, 14 1895 г

Глубокоуважаемый

Анатолій Ѳедоровичъ!

Вы не можете себѣ представить, какъ я былъ глубоко и, сказать по правдѣ, болѣзненно пораженъ, узнавъ изъ сегодняшняго № „Р. В." о Вашемъ чествованіи. Въ чувствахъ моихъ къ Вамъ Вы не можете сомнѣваться, да тутъ не во мнѣ дѣло, а въ публикѣ, предъ которой я чувствую себя виноватымъ, пропустивъ отмѣтить такое крупное, а, главное, столь рѣдкое радостное событіе въ нашей столь печальной общественной жизни. Если я до сихъ поръ не вносилъ Васъ въ свои „святцы", то только потому, что не было внѣшняго повода, къ которому можно бы прицѣпиться, а безъ него можно бы поставить Васъ своею медвѣжьею услугой въ неловкое положеніе. И вдругъ такой прекрасный поводъ, и я ничего объ этомъ не знаю! Не дѣлаетъ это чести близкимъ къ Вамъ людямъ.

Но постараюсь, насколько возможно, загладить свою вину, хотя бы для этого пришлось перепечатать послѣдніе листы моего новаго изданія „Эпохи великихъ реформъ".

Простите этотъ невольный мой промахъ и примите мое искреннѣйшее, все еще горячее, несмотря на свою запоздалость, поздравленіе съ 30-тилѣтіемъ Вашей дѣятельности, на которую любовались и любуются всѣ почитатели Судебныхъ Уставовъ.

Крѣпко жму Вашу руку и желаю Вамъ отъ души здоровья, бодрости и силъ.

Душевно преданный

Гр. Джаншіевъ.

Октябрь, 3 дня 1895 г.

Глубокоуважаемый

Григорій Аветовичъ!

Сердечно благодарю Васъ за письмо и за доброе чувство, его продиктовавшее, хотя поводъ для него самый ничтожный. Въ сущности—что значитъ 30 лѣтъ? почему не 29, почему не 31? Если бы газеты (и притомъ съ массою ложныхъ свѣдѣній) не разболтали, то я бы и самъ забылъ объ этомъ днѣ, тѣмъ болѣе, что провелъ его, какъ и весь послѣдній мѣсяцъ, въ полномъ уединеніи въ Царскомъ Селѣ, оканчивая отчетъ о ревизіи кавказскихъ судебныхъ учрежденій. Лишь по возвращеніи былъ я тронутъ нѣсколькими письмами и телеграммами, въ средѣ коихъ Ваша и Янжула, мнѣ особенно дороги, такъ же, какъ и Московскаго Юридическаго Общества.

Теперь обращаюсь къ Вамъ съ большою просьбою: не утруждайте себя, какъ Вы предполагали, занесеніемъ меня теперь въ Ваши „житія", по поводу 30 лѣтъ. Это такой незначительный поводъ, и мнѣ, по разнымъ причинамъ, не хотѣлось бы, чтобы именно теперь объ этомъ упоминалось. Поводы къ этому могутъ встрѣтиться очень скоро. Въ декабрѣ или январѣ я надѣюсь издать второй томъ своихъ судебныхъ рѣчей, публичныхъ чтеній и рефератовъ, и тогда

самъ отдаю себя на общій судъ, представляя (вмѣстѣ съ 1-мъ томомъ) итогъ моей 30-лѣтней общественной дѣятельности, и ожидая слова благосклонной (видите, какъ я самонадѣянъ) критики и отъ Васъ, отъ Васъ—цѣнителя безкорыстнаго труда на пользу нашего общества и его правосознанія. Кромѣ того, нѣкоторыя обстоятельства могутъ сложиться такъ, что придется снова сѣсть въ курульное кресло, и тогда Ваше доброе слово будетъ мнѣ утѣшительнымъ напутствіемъ въ разлукѣ съ публичною дѣятельностью. Поэтому, отложите это покуда. Не такъ ли?

Карточку свою вышлю Вамъ на-дняхъ, но при условіи „международной взаимности".

Дружески жму Вашу руку.

Искренно преданный

А. Кони.

Кіевскій, 1100.
Октябрь, 5 дня 1895 г.

Глубокоуважаемый

Анатолій Ѳедоровичъ!

Когда я получилъ Ваше письмо, статья уже была напечатана. Значитъ, сама судьба рѣшила, и вы, надѣюсь, примиритесь съ fait accompli и не будете на меня въ претензіи за невозможность исполнить Ваше желаніе. Эта же статья, съ небольшими добавленіями, внесена и въ мою книгу. Вы легко поймете, какъ трудно было воздержаться сказать о Васъ то, что лежало на душѣ, но пришлось рѣшиться на это, чтобы Вамъ не оказать истинно „медвѣжью услугу". Но basta объ этомъ.

Теперь позвольте просить у Васъ, какъ опытнаго литератора, совѣта. Со включеніемъ въ новое изданіе своей книги главы о „городскомъ самоуправленіи", я хочу перемѣнить заглавіе и вмѣсто: „изъ эпохи" назвать „эпоха" великихъ реформъ. Приходятъ на умъ и другіе варіанты, какъ-то: 1) Александровская Э. В. Р., 2) Э. В. Р. Александра II, 3) Э. В. Р. Царя-Освободителя.

Если Вы можете урвать у Вашего занятаго времени нѣсколько минутъ и черкнете мнѣ Ваше мнѣніе, былъ бы крайне признателенъ.

Крѣпко жму Вашу руку.

Душевно преданный Вамъ

Октябрь, 7 дня 1895 г. Гр. Джаншіевъ.

Сегодня я заѣзжалъ въ „Грандъ-Отель“, чтобы захватить Васъ, достойнѣйшій Григорій Аветовичъ, но Вы оказались уже уѣхавшимъ въ Москву еще вчера. Я привозилъ Вамъ и прилагаемый портретъ. Очень грустно мнѣ было не повидать Васъ и не побесѣдовать съ Вами. Свиданія съ москвичами дѣйствуютъ на меня освѣжающимъ и ободряющимъ образомъ. А я и въ томъ и въ другомъ весьма нуждаюсь. Не могу не упрекнуть Васъ за то, что, будучи больны въ Петербургѣ, Вы не дали мнѣ объ этомъ знать, а швейцаръ Вашъ, когда я заѣзжалъ, сказалъ мнѣ, что Васъ нѣтъ дома. Впрочемъ, я бы пожалуй нагналъ на Васъ грусть, ибо ничего утѣшительнаго разсказать бы не могъ.

Душевно Вамъ преданный А. Кони.

Рѣшеніе Гос. Совѣта по дѣлу Келлера—vixit. Ближайшая книжка „Ж. М. Ю.“ появится со статьею г. Закревскаго, громящаго судъ присяжныхъ. Мнѣ придется въ январѣ въ засѣданіяхъ коммиссіи скрестить съ нимъ оружіе, но побѣду суда присяжныхъ праздновать еще рано! Будьте здоровы! Дружески жму Вашу руку.

Декабрь, 17 дня 1895 г.

Съ новымъ годомъ!

Глубокоуважаемый

Анатолій Ѳедоровичъ!

Я въ долгу передъ Вами. Не успѣлъ поблагодарить Васъ. Виною тому инфлуенца, которою меня наградилъ Петербургъ. Во время болѣзни истиннымъ утѣшеніемъ было Ваше прекрасное заключеніе по Мултанскому процессу, которое одно бы

занесло Ваше имя въ исторію русскаго суда, если бы оно и безъ того не имѣло тамъ ряда почетныхъ страницъ. Я имѣю въ виду не мою хронику, куда я, скрѣпя сердце, долженъ былъ, по соображеніямъ, Вамъ понятнымъ, внести лишь самое невинное и безобидное, а въ настоящую исторію. Вѣра въ судъ ея, по слову Грановскаго, даетъ силы усталому путнику для мира съ жизнью.

Вашъ прекрасный портретъ съ его грустно-задумчивымъ, не твердымъ выраженіемъ въ лицѣ служилъ мнѣ наглядною иллюстраціею къ мыслямъ упомянутой рѣчи Вашей, которую, къ сожалѣнію, до сихъ поръ въ печати не встрѣтилъ. Неужели она не появится въ печати?

Она бы хоть немного освѣжила нашу юридическую атмосферу, только-что загаженную нахальною элукубраціею Закревскаго. Неужели же этому господину (о которомъ я нашелъ характерныя вещи въ запискахъ Унковскаго) не отвѣтятъ должнымъ образомъ настоящіе знатоки дѣла?

Борьба съ судомъ присяжныхъ путемъ анонимныхъ извѣтовъ—совсѣмъ новый методъ, на который многіе не отважились бы.

Какъ разъ наканунѣ новаго года вышло 2-е изданіе моей брошюры, съ новыми дополненіями, я не замедлю препроводить на Вашъ всегда снисходительный судъ. Въ предисловіи есть косвенный отвѣтъ бюрократамъ въ родѣ Закревскаго (статья его появилась по напечатаніи книги), но не такой отвѣтъ нуженъ для того, чтобы у этихъ мѣдныхъ лбовъ заставить „la chaire fumer“.

Крѣпко жму Вашу руку и желаю Вамъ провести наступившій годъ въ здоровьѣ и благополучіи.

Душевно преданный

Гр. Джаншіевъ.

Москва,
Январь, 1 дня 1896 г.

Глубокоуважаемый

Анатолій Ѳедоровичъ!

Сегодня день рожденія одной изъ крупныхъ отраслей судебной реформы—мирового суда, и я чувствую неодолимую душевную потребность привѣтствовать Васъ, какъ одного изъ достойныхъ носителей ея благородныхъ традицій.

Этотъ праздникъ совпалъ съ моимъ личнымъ праздникомъ, днемъ моего рожденія, и собравшіеся у меня пріятели не разъ вспоминали Васъ. Особенно сосѣдъ мой по столу Чупровъ не могъ достаточно наговориться относительно послѣдней Вашей книги [1]). Онъ только-что прочелъ статью Вашу о Кавелинѣ и дѣлился со мною съ восторгомъ о пережитыхъ теплыхъ минутахъ. Да, это главное дѣйствіе Вашей книги. При всей солидности содержанія, отъ нея вѣетъ тѣмъ воодушевленіемъ живого богатаго знанія и добраго чувства, которымъ запечатлѣно все выходящее изъ-подъ пера людей, оставшихся вѣрными 60- 70-тымъ годамъ. Это замѣтно даже у второстепенныхъ писателей, въ родѣ Вашего покорнаго слуги (вѣрьте чести, говорю совершенно искренно и безъ малѣйшаго смиренія паче гордости), а ужъ о писателѣ съ Вашимъ крупнымъ литературнымъ талантомъ, эрудиціею и опытомъ и говорить нечего. Я убѣжденъ въ томъ, что книга Ваша принесетъ и пользу, и душевное облегченіе, въ то время когда замѣтна такая убыль въ томъ, чѣмъ люди живы...

Слышалъ отъ общихъ знакомыхъ, что Вы намѣреваетесь покинуть Вашъ трудный постъ, вознесенный Вами на небывалую даже въ 60-хъ годахъ высоту. Да минуетъ судебное вѣдомство эта горькая чаша! Не мнѣ Васъ учить долгу гражданскаго служенія, я могу только отъ всей души пожелать, чтобы Вы могли, чтобы Вы были въ силахъ продолжать исполнять долгъ Вашъ согласно ожиданіямъ, одинаково съ Вами преданныхъ святымъ началамъ нашего гражданскаго обновленія.

Не увидимся ли съ Вами лѣтомъ. Я проведу его подъ Москвою. Вы какъ?

Крѣпко жму вашу руку.

Душевно преданный

Гр. Джаншіевъ.

Москва,
Май, 17 дня 1896 г.

---

[1] „За послѣдніе годы" изд. 1896 г.

Глубокоуважаемый

Анатолій Ѳедоровичъ!

Хорошій поднесли Вы сюрпризъ своимъ почитателямъ къ наступающему Новому Году!..

Что мнѣ прибавить къ сказанному вчера въ „Р. В.“? Вы знаете мою горячую преданность Суд. Уставамъ, знаете, какъ я дорожилъ тѣмъ, что Вы, какъ viva vox ихъ, стояли на стражѣ добрыхъ традицій судебной реформы. Многое еще могъ бы сказать въ печати, если бы не опасенія оскорбить Вашу скромность.

Но какъ же все это случилось? Вѣдь отставка Ваша упала къ намъ какъ снѣгъ на голову. Не завидую я Вашему преемнику. Позвольте надѣяться, что оправдается мое предсказаніе на счетъ того, что теперь литература можетъ разсчитывать на Ваше возвращеніе къ ней.

Въ этой надеждѣ я даже позволяю себѣ эксплоатировать Васъ для одного добраго дѣла. Въ Москвѣ затѣвается сборникъ въ пользу пострадавшихъ армянъ-переселенцевъ.

Было бы очень желательно имѣть отъ Васъ что-нибудь, хоть небольшую вещичку къ концу января—воспоминанія ли, маленькую ли замѣтку, юридическій ли эскизъ,—однимъ словомъ, что вздумается.

А другая просьба вотъ въ чемъ. Печатается собраніе статей Бѣлоголоваго. Я слышалъ, что гдѣ-то была напечатана его статья о болѣзни Тургенева, но никакъ ее разыскать не могу. Говорятъ, не то въ журналѣ, не то въ газетѣ. Не поможете ли?

Крѣпко жму Вашу руку и отъ души желаю Вамъ всего хорошаго.

Искренно преданный

Гр. Джаншіевъ.

Декабрь, 25 дня 1896 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отъ редакціи. III

А. Ѳ. Кони. Памяти Г. А. Джаншіева V

I. Основы судебной реформы 1

II. Д. Н. Замятнинъ 231

Приложенія: 1) отзывы по поводу открытія новыхъ судовъ, 2) первый судебный персоналъ 317

III. С. И. Зарудный и судебная реформа 341

IV. Какъ мы судили. (Изъ воспоминаній присяжнаго засѣдателя) 437

V. Веденіе неправыхъ дѣлъ (этюдъ по адвокатской этикѣ) . . 455

Приложеніе. Переписка Г. А. Джаншіева съ А. Ѳ. Кони . 495

Къ юбилею судебной реформы.

П. Н. Обнинскій.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ подъ редакціей **В. П. Обнинскаго**, со вступительной статьей академика **А. Ѳ. КОНИ** и портретомъ **П. Н. Обнинскаго**. 231 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе сборника: **А. Ѳ. Кони.** Памяти П Н. Обнинскаго. — I. Среди крушеній крѣпостного права. II. Наканунѣ новаго суда. III. Мировые судьи и ихъ преемники. IV. Упрощенное судоговореніе. V. Наказаніе и защита. VI. Область изслѣдованія въ предварительномъ и судебномъ слѣдствіи. VII. Откуда идетъ деморализація нашей адвокатуры. VIII. Судебная рѣчь и ея значеніе въ вердиктѣ.